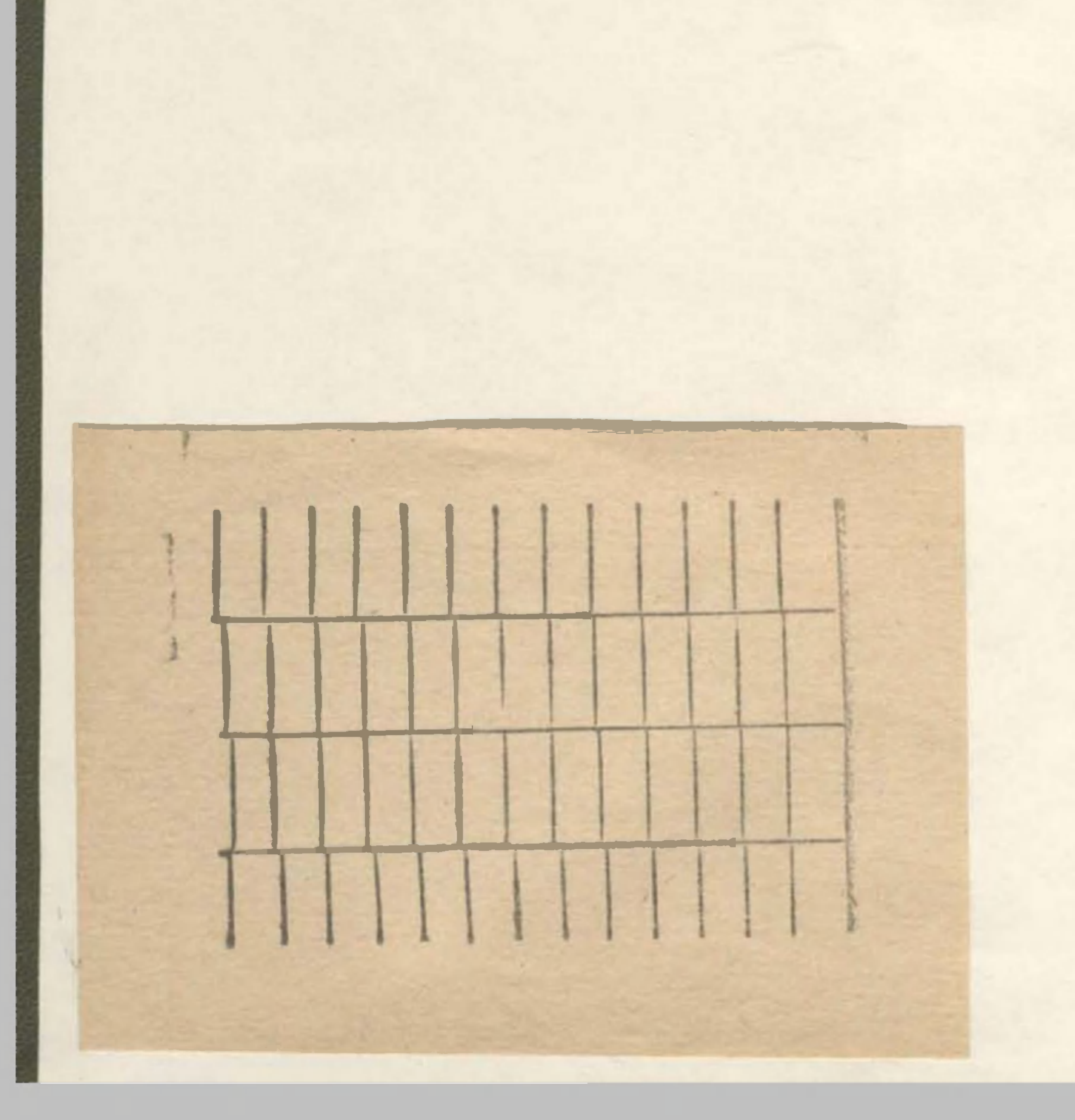
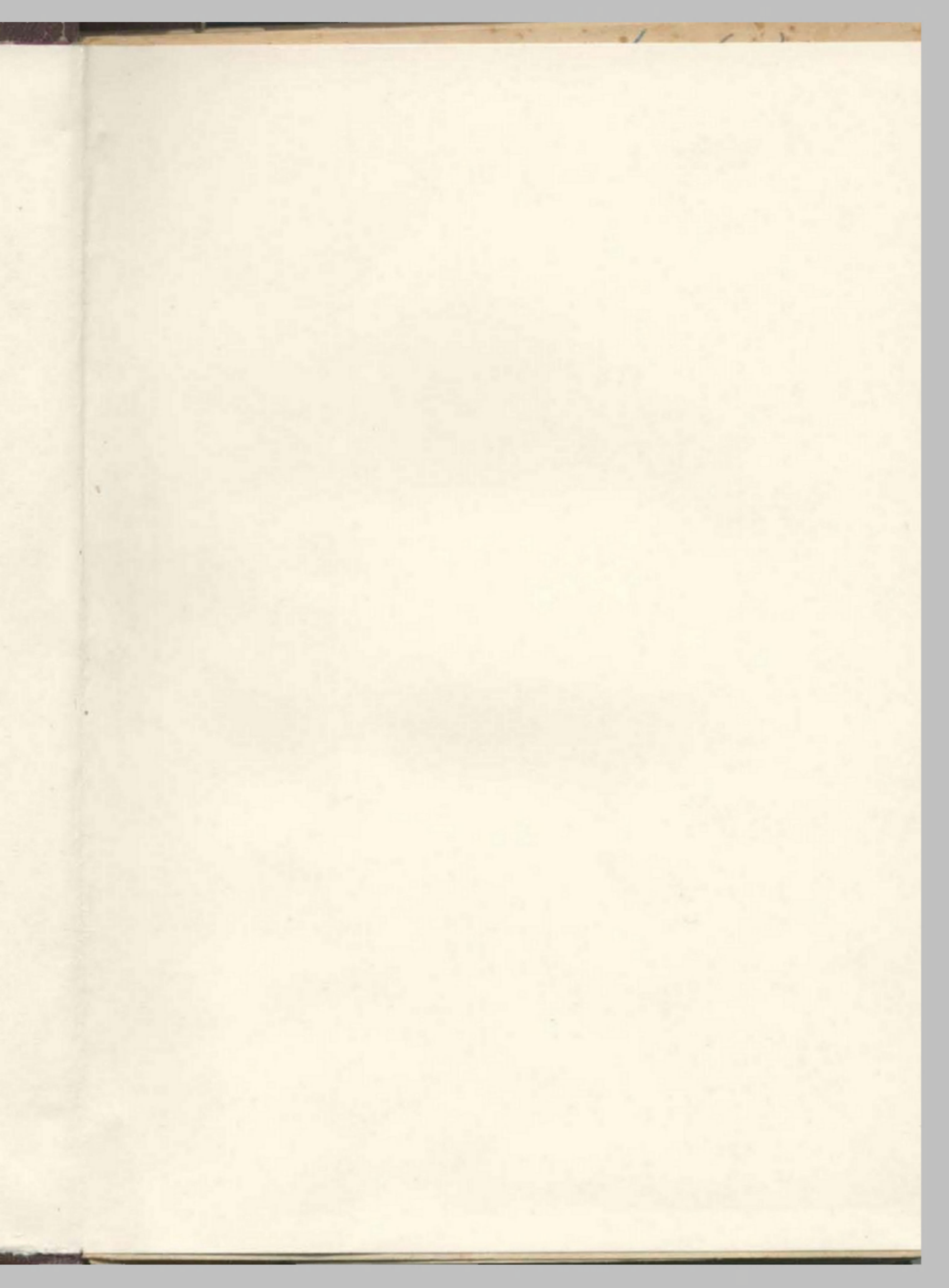
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ ЗАПАДНОЙ РУСИ И УКРАИНЫ

ЗАПАДНОЙ





Н. П. Василенко.

ОЧЕРКИ

— ПО —

ИСТОРІИ ЗАПАДНОЙ РУСИ и УКРАИНЫ.

Изданіе книжнаго магазина Н. Я. ОГЛОБЛИНА,
Кіевъ, Крещатикъ, 33.

им
вт
ри

ис
ук
из
ці
тр
В
то
об
св
вт
из

пр
вт
из
ма
су

Предисловіе.

„Очерки по исторіи Западной Руси и Украины“ имѣютъ своей задачей первоначальное ознакомленіе, въ популярной формѣ, съ нѣкоторыми явленіями исторической жизни украинскаго народа.

Въ основу очерковъ легли важнѣйшіе труды по исторіи Западной Руси и Украины. Списокъ ихъ указанъ при каждомъ очеркѣ. Желающій подробнѣе изучить тотъ или иной вопросъ, а также узнать спеціальную литературу можетъ обратиться къ этимъ трудамъ. Тамъ онъ найдетъ и фактическій матеріалъ. Въ текстъ очерковъ матеріалъ этотъ введенъ въ сжатомъ видѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо было для ясности изложенія или для обоснованія мнѣній, несогласныхъ съ установившимися въ научной литературѣ или высказанными отдѣльными изслѣдователями.

Особое вниманіе обращено въ очеркахъ на вопросы, вызывающіе въ наукѣ разногласіе. Изложены въ общихъ чертахъ главнѣйшія мнѣнія отдѣльныхъ изслѣдователей. Сдѣлано это съ цѣлью обратить вниманіе на разногласія. Быть можетъ, они заинтересуютъ читателей и побудятъ нѣкоторыхъ изъ нихъ

къ болѣе подробному изученію и къ научному пересмотру спорныхъ вопросовъ.

Система „очерковъ“ представляетъ извѣстныя неудобства при изложеніи. Избѣжать этихъ неудобствъ не представилось возможнымъ. Неизбѣжными оказались повторенія. Явленія, обусловленныя дѣйствіемъ однородныхъ причинъ, приходилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрывать и т. д. Тѣмъ не менѣе очерки, по своей задачѣ, должны представлять одно цѣлое — указать, на національно-соціальную борьбу украинскаго народа, которая, не найдя себѣ удовлетворительнаго исхода въ условіяхъ польско-литовскаго государства, привела, въ концѣ концевъ, къ переходу Украины подъ власть Москвы. Малая разработанность соціальной и экономической исторіи Украины до 1654 года не позволила детально войти въ изложеніе вопросовъ, касающихся экономической и соціальной жизни украинскаго народа. Пришлось ограничиться предположеніями. Прочныхъ научныхъ выводовъ сдѣлать еще нельзя.

Содержаніе очерковъ опредѣлилось обычной схемой, принятой при изложеніи русской исторіи и лежащей въ основѣ изданія, приложеніемъ къ которому являются настоящіе очерки.

Схема эта вызвала серьезныя возраженія со стороны проф. М. С. Грушевскаго [1]). Я вполнѣ ихъ раздѣляю и нахожу научно-правильными.

---

[1]) *М. Грушевський.* „Звичайна схема „русскої“ історії й справа раціонального укладу історії східнього словянства“—„Статьи по славяновѣдѣнію. Выпускъ I, подъ редакціею ординарнаго академика В. И. Ламанскаго. Изданіе второго отдѣленія Академіи Наукъ, стр. 298—304. *Его же* „Історія України - Руси“ т. I. выдання трете, Київ 1913 стр. 3 и слѣд.

Сущность возраженій заключается въ слѣдующемъ. Древнія южно-русскія племена, послужившія основой для образованія украинской народности, создали на югѣ рядъ княжествъ: кіевское, галицко-волынское, чернигово-сѣверское, переяславское и т. д. Татарское нашествіе разрушило нѣкоторыя изъ нихъ, другіе нарушило, но оно не истребило на югѣ населенія и не передвинуло его на сѣверъ. Населеніе осталось на своихъ мѣстахъ и сохранило свою культуру и, вѣроятно, свой жизненный укладъ, видоизмѣнивъ его только примѣнительно къ новымъ условіямъ. Въ то же время на сѣверо-востокѣ, совершенно самостоятельно, хотя и подъ вліяніемъ юга, возникъ новый политическій центръ сначала во владимірско-суздальской землѣ, а затѣмъ въ Москвѣ. Созданъ онъ былъ народомъ великорусскимъ. Москва съ теченіемъ времени развилась въ сильное государство.

Что касается украинскаго народа, то онъ долгое время существовалъ внѣ всякой связи съ московскимъ государствомъ, за исключеніемъ только чернигово-сѣверской земли. Вскорѣ послѣ татарскаго нашествія области, населенныя украинскимъ народомъ, были завоеваны Литвой и находились сначала подъ властью литовскаго, а затѣмъ, послѣ люблинской уніи, и польско-литовскаго государства. Экономическія, соціальныя и культурныя отношенія среди украинскаго народа складывались подъ вліяніемъ польско-литовскихъ, а не московскихъ порядковъ. Поэтому и исторія украинскаго народа является до 1654 года исторіей совершенно особой отъ московскаго государства. Она, поэтому, и должна разсматриваться

отдѣльно, въ связи съ тѣми условіями, въ которыхъ развивалась.

Исходнымъ моментомъ для исторіи украинскаго народа является, конечно, Кіевская Русь, культуру которой онъ сохранилъ и при новыхъ условіяхъ. Культура эта была сначала, благодаря татарскому разгрому, слабой, но затѣмъ, мало-по-малу, она настолько окрѣпла, что дала возможность украинскому народу начать борьбу за свою національную и тѣсно связанную съ ней религіозную самостоятельность.

Съ этого момента и начинаются „Очерки по исторіи Западной Руси и Украины".

Кіевъ,
31 августа 1915 г.

Оглавленіе.

СТРАН.

СТРАН.

Пол
Пос

Пол

дру
въ
изда
Исп
Когд
расп

церк
русс
т. V
katol
М.
прав
до Л
М. 1
и юго
Коя
трен
суда
Архи
XV—
мятн
вымт
ской
№ 8
Русс
імен
кови

Положеніе православной церкви въ Речи Посполитой послѣ люблинской уніи. Брестская унія *).

Юридическое положеніе христіанскихъ исповѣданій въ Польшѣ и Литвѣ до Брестской уніи.

Католическая религія была господствовавшей въ Польшѣ. Ее одну признавало государство полноправной.

До XV вѣка не было узаконеній, стѣснявшихъ другія христіанскія исповѣданія. Но съ появленіемъ въ предѣлахъ Польши гуситства, противъ него былъ изданъ въ 1424 году, такъ назыв., „велюньскій эдиктъ". Исповѣданіе гуситское было объявлено преступленіемъ. Когда затѣмъ въ предѣлахъ Польши начали быстро распространяться лютеранство и кальвинизмъ, то по-

*) Важнѣйшая литература: Митр. *Макарій.* Исторія русской церкви, т. IX и XI. *И. Чистовичъ.* Очеркъ исторіи западно-русской церкви. Проф. *М. С. Грушевскій.* Історія України-Руси, т. V и VI. Проф. *Чермакъ.* Sprawa równouprawnienia schizmatyków i katolików na Litwie въ „Rozprawy Akad. Um. w Krakowie, т. 44. Проф. *М. М. Любавскій.* Къ вопросу объ ограниченіи политическихъ правъ православныхъ князей, пановъ и шляхты въ вел. кн. Литовскомъ до Люблинской уніи въ „Сборникѣ статей, посв. В. О. Ключевскому". М. 1909 г. Проф. *В. Б. Антоновичъ.* Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I. *Н. Д. Иванишевъ.* Сочиненія, т. I. *М. О. Кояловичъ.* Литовская церковная унія, 2 т. *О. И. Левицкій.* Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI вѣка и унія (Предисловіе къ т. VI, I ч. Архива юго-западной Россіи). *Его же.* Южно-русскіе архіереи въ XV—XVII в. въ „Кіевской Старинѣ" 1882 г. № 1 и въ 8 томѣ „Памятниковъ старины въ западныхъ губерніяхъ", изд. П. Н. Батюшковымъ. *Его же.* Основныя черты внутренняго строя западно-русской церкви въ XVI и XVII вѣкахъ „Кіевская Старина" 1884 г., № 8 (т. IX). *Ол. Лотоцкій.* Соборні крилоси на Украйні та Білій Руси въ XV—XVI вікахъ, въ „Запискахъ науконого товариства імени Шевченка, т. IX. Проф. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ.* Церковныя имущества въ юго-западной Россіи въ XVI вѣкѣ (о патро-

слѣдовалъ противъ нихъ цѣлый рядъ эдиктовъ и королевскихъ приказовъ, начиная съ эдикта 1520 года. Была запрещена проповѣдь лютеранскаго ученія, выѣздъ за границу въ центры ереси, распространеніе книгъ и пр. На сеймъ 1570 года лютеране, кальвинисты и чешскіе братья внесли свои исповѣданія, но свободы вѣроисповѣданія не получили. Исповѣданіе религій, отдѣлившихся отъ католичества, считалось, такимъ образомъ, въ Польшѣ недозволеннымъ, преступнымъ. Въ жизни этотъ основной законъ часто оставался мертвой буквой.

натѣ). Предисловіе къ ч. 8, т. VI Архива юго-западной Россіи. О братствахъ: *С. М. Соловьевъ.* Братчины (Русск. Бес. 1856, IV). Свящ. *I. Флеровъ.* О православныхъ церковныхъ братствахъ, противодѣйствовавшихъ уніи въ Юго-западной Россіи въ XVI, XVII и XVIII ст. СПБ., 1857 г. Рецензія на книгу Флерова проф. И. Д. Бѣляева въ Русск. Бес. 1858 г., т. I. *М. О. Кояловичъ.* Чтенія о церковныхъ западно-русскихъ братствахъ въ „Днѣ“ за 1862 г. и отдѣльно. СПБ., 1862 г. *А. Скабаллановичъ.* Западно-европейскія гильдіи и западно-русскія братства. Христіан. чтеніе. 1875 г., № 9 и 10. *А. Я. Ефименко.* Южно-русскія братства. „Южная Русь“. СПБ., 1905 г., т. I. *А. А. Папковъ.* Братства. Очеркъ исторіи западно-русскихъ православныхъ братствъ. СПБ., 1900 г. *А. С. Крыловскій.* О львовскомъ братствѣ. Предисловіе къ ч. I т. X и XI. Архива Юго-Западной Россіи. *Костомаровъ.* Монографіи, т. III. Южная Русь въ концѣ XVI вѣка. *Пелешъ.* Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom von den ältesten Zeiten bis auf Gegenwart, 2 т. Wien. 1881 г. *Пирлингъ.* La Russie et le Saint-Seige. (Издается въ русскомъ переводѣ). Проф. *П. Жуковичъ.* Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (до 1609 года). СПБ., 1901 г. *Его же.* Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ 1609 г. 6 выпусковъ (раньше въ „Христіан. Чтеніи“, начиная съ 1905 г.). Проф. *Архангельскій.* Борьба съ католичествомъ и западно-русская литература конца XVI и первой половины XVII в. Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ, 1888 г., т. I. *Ильинскій.* Юго-Западное русское общество въ концѣ XVI в. СПБ., 1891 г. *В. З. Завитневичъ.* „Палинодія“ Захарія Копыстенскаго и ея мѣсто въ исторіи западно-русской полемики XVI—XVII вв. Варшава, 1883 г. *A. Brückner.* Spory o unię w dawnej literaturze (Kwart. hist. 1896). О Константинѣ-Василіи Острожскомъ: *Костомаровъ.* Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. *П. А. Кулишъ.* Исторія возсоединенія Руси, т. I, гл. IX. *Харламповичъ.* Острожская православная школа. „Кіевск. Стар.“. 1897 г., т. 57. *Ф. М. Уманецъ.* Князь Константинъ-Василій Острожскій. Русск Арх. 1904 г., кн. IV.

Православное исповѣданіе въ Польшѣ находилось въ иномъ положеніи. Оно, какъ религія самостоятельная, было дозволено и юридически допускалось, хотя акта, утверждавшаго это, и не было издано. На практикѣ православное исповѣданіе считалось, однако, религіей низшей, подвергалось нерѣдко разнымъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ въ отношеніи постройки церквей, отправленія культа, напр. процессій; иногда проводилось ограниченіе браковъ съ православными; ограничивались права православныхъ въ пользованіи въ городахъ нѣмецкимъ правомъ; католическое духовенство было свободно отъ всякихъ поборовъ, православное ихъ платило; высшее католическое духовенство принимало участіе въ государственныхъ дѣлахъ, появлялось при дворѣ, засѣдало въ сенатѣ и сеймѣ, православные же епископы и митрополиты могли являться въ нихъ только въ роли просителей. До люблинской уніи 1569 г. никто изъ православныхъ не назначался сенаторомъ, и только съ 1569 г. православная шляхта вновь присоединенныхъ къ Коронѣ польской земель—Волыни, Брацлавщины и Кіевщины была уравнена въ правахъ и преимуществахъ съ католиками.

Отношеніе польскаго правительства къ православію, какъ къ религіи низшей, сказалось и на литовско-русскомъ государствѣ со времени первой его уніи съ Польшей.

Въ составъ литовско-русскаго государства входило очень много земель съ населеніемъ русскимъ, бѣлорусскимъ и украинскимъ, исповѣдывавшимъ православную вѣру. Въ православіе крестились и нѣкоторые изъ князей Гедиминовичей. Когда же велись переговоры о бракѣ литовскаго великаго князя Ягайла съ королевой польской Ядвигой и о соединеніи Литвы съ Польшей, Ягайло далъ въ Кревѣ 14 августа 1385 г. польскимъ посламъ обязательство, за себя и за своихъ родственниковъ, принять и исповѣдывать католическую вѣру. Католичество было признано, такимъ образомъ, и

въ литовско-русскомъ княжествѣ государственной религіей. Результатомъ этого явились указы Ягайла 1387 г., повторенные затѣмъ городельскимъ привилемъ 1413 г. Исповѣданіе католической религіи ставилось необходимымъ условіемъ для пользованія правами шляхетства и для занятія высшихъ государственныхъ должностей. На практикѣ законъ этотъ не примѣнялся послѣдовательно. Отъ него дѣлались частыя отступленія. Земскими привилеями 1432 и 1434 года. законъ былъ даже отмѣненъ, и православная знать была уравнена въ правахъ и привилегіяхъ съ католиками. Но въ 1522 году, по случаю назначенія православнаго князя Константина Ив. Острожскаго воеводой троцкимъ, литовскіе паны запротестовали, ссылаясь на городельскій привилей. Сила городельскаго привилея снова была возстановлена и подтверждена въ 1529 г., при объявленіи Сигизмунда Августа великимъ княземъ литовскимъ, и затѣмъ общеземскимъ привилеемъ 1547 года. Городельскій привилей, такимъ образомъ, никогда не примѣнялся строго, и на высшихъ урядахъ нерѣдко встрѣчалась знать православнаго исповѣданія. Уже одно то обстоятельство, что городельскій привилей отмѣнялся и нуждался въ частомъ подтвержденіи, показываетъ, что принципы, лежавшіе въ его основѣ, подвергались колебанію. Распространеніе протестантизма и кальвинизма въ Литвѣ XVI в. среди литовской знати еще больше должно было способствовать его колебанію. Очень вѣроятно, поэтому, предположеніе проф. М. К. Любавскаго, что возбужденіе вопроса на виленскомъ сеймѣ 1563 г. объ уравненіи въ правахъ и вольностяхъ литовско-русской шляхты разныхъ исповѣданій могло исходить отъ протестантовъ. Уравненіе состоялось. Но когда въ 1568 году на городельскомъ сеймѣ православный митрополитъ Іова, въ числѣ другихъ своихъ петицій, сталъ добиваться для себя мѣста въ радѣ господарской, ссылаясь на какой-то „обычай звиклый“, великій князь литовскій отложилъ рѣшеніе

этого вопроса на другое время. Онъ никогда не былъ рѣшенъ окончательно ни для уніатовъ, ни для православныхъ. Правда, почти сто лѣтъ спустя, послѣ цѣлыхъ потоковъ пролитой крови, митрополиту кіевскому было предоставлено, по зборовскому договору 1649 году, мѣсто въ сенатѣ. Но это право, какъ и вообще зборовскій договоръ, не получили во всѣхъ своихъ частяхъ, реальнаго осуществленія.

Актъ Люблинской уніи 1569 г. подтвердилъ равноправіе гражданъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій въ Литвѣ. Чрезъ нѣсколько времени оно было признано и для всей Речи Посполитой. Во время перваго безкоролевья такъ называемая варшавская конфедерація 1573 года признала закономъ равноправіе всѣхъ иновѣрцевъ (dissidentes de religione). Всѣхъ христіанъ-некатоликовъ стали называть съ этого времени диссидентами, т. е. отколовшимися отъ католической религіи, разумѣя подъ ними какъ протестантовъ, такъ неправильно и православныхъ. Несмотря на сопротивленіе католическаго духовенства, варшавскую конфедерацію подтвердилъ король Генрихъ Валуа, а затѣмъ Стефанъ Баторій; подтверждали и послѣдующіе государи. Съ этого времени иновѣрцы, по закону, пользовались въ Речи Посполитой свободой вѣроисповѣданія; но привилегіи католиковъ на нихъ не распространялись. Въ жизни проведеніе принциповъ варшавской конфедераціи встрѣчало большія препятствія въ связи съ католической реакціей, прочно пустившей корни въ предѣлахъ Речи Посполитой въ послѣдніе два десятилѣтія XVII вѣка.

Іезуиты въ Польшѣ и Литвѣ.

Главная роль здѣсь принадлежала іезуитамъ.

Іезуитовъ ввелъ въ Польшу, въ Браунсбергъ, въ 1564 году извѣстный кардиналъ Гозій, участникъ тридентскаго собора, бывшій епископомъ вармійскимъ въ польской Пруссіи. Гозій являлся главнымъ вдохновителемъ католической реакціи въ Польшѣ. Благодаря ему и содѣйствію другихъ епископовъ, іезуиты открыли свои коллегіи въ разныхъ городахъ, стали осно-

вывать школы и вести борьбу съ польскимъ протестантизмомъ. Протестанты, въ свою очередь, принялись за основаніе школъ. Какъ въ католическихъ, такъ и протестантскихъ школахъ, которыя соперничали другъ съ другомъ, организація образованія была поставлена почти одинаково. Въ основу его было положено изученіе классиковъ и древней литературы, особенно у протестантовъ, иногда сообщались нѣкоторыя юридическія знанія; для лицъ же, желавшихъ посвятить себя духовному званію, преподавались философія и теологія.

Почти одновременно съ Польшей появились іезуиты и въ Литвѣ. Въ 1565 году въ Вильну пріѣхалъ первый іезуитъ Францискъ Суннеръ. Чрезъ посредство него кардиналъ Гозій убѣдилъ католическаго виленскаго епископа Валеріана Протасевича, для борьбы съ реформаціей, призвать на помощь іезуитовъ. Въ 1569 г., въ годъ люблинской уніи, король Сигизмундъ Августъ далъ свое согласіе на допущеніе іезуитовъ въ въ литовское княжество и на основаніе въ Вильнѣ іезуитской коллегіи.

Какъ и въ Польшѣ, іезуиты дѣятельно принялись за основаніе школъ. Какъ и въ Польшѣ, іезуиты въ Литвѣ пріобрѣли большое вліяніе среди знати, и молодежь массами стала поступать въ новый орденъ. Борьба съ протентантизмомъ пошла успѣшно. Іезуитамъ удалось, напр., обратить въ католичество раньше православную, а теперь протестантскую фамилію Ходкевичей, основателей Супрасльскаго монастыря. Особенно напряженную дѣятельность проявили іезуиты съ того времени, какъ изъ Рима прибылъ въ 1573 году въ Литву Петръ Скарга, знаменитый іезуитъ-проповѣдникъ, отличавшійся, по отзывамъ всѣхъ, значительнымъ даромъ слова. Благодаря старанію Скарги, въ католичество скоро были обращены четыре сына того самаго Радзивила Чернаго, который былъ главнымъ распространителемъ кальвинизма въ Литвѣ. Одинъ изъ нихъ Юрій былъ затѣмъ преемникомъ епископа Протасевича и

отличался фанатичной приверженностью іезуитамъ. Свое епископство Юрій началъ сожженіемъ въ 1581 г. чрезъ палача книгъ иновѣрцевъ. Среди сожженныхъ книгъ была и брестская библія 1563 г., напечатанная его отцомъ. Юрій Радзивилъ съумѣлъ такъ нафанатизировать католиковъ, жителей Вильны, и въ особенности академическое юношество, что протестанты опасались показываться на улицѣ.

Скоро протестантизмъ въ Литвѣ сталъ ослабѣвать. Онъ уже іезуитамъ не казался опаснымъ. Іезуиты обратили вниманіе, поэтому, на православіе и стали думать о борьбѣ съ нимъ. Побѣда казалась легкой. Православная церковь въ Речи Посполитой отличалась большими внутренними неустройствами. Въ отношеніи просвѣщенія православные также очень отставали отъ католиковъ, особенно со времени основанія въ предѣлахъ Речи Посполитой іезуитскихъ школъ. Іезуитскія школы сдѣлались, въ концѣ концовъ, главными разсадниками образованія среди шляхетства. Въ нихъ, на ряду съ католиками, начали поступать и дѣти православнаго шляхетства. Это, конечно, былъ большой уронъ для православной церкви въ Западной Руси.

Обособленіе западно-русской церкви отъ сѣверо-восточной.

Въ началѣ XV вѣка совершилось формальное отдѣленіе западно-русской церкви отъ московской. Почва для отдѣленія подготовлялась постепенно. Когда въ 1415 г. литовско-русскіе епископы, по желанію вел. кн. Витовта, избрали себѣ митрополитомъ кіевскимъ Григорія Цамвлака, родомъ болгарина, то это былъ уже третій, по времени, случай отдѣльнаго митрополита для западно-русской церкви. Патріархъ константинопольскій отказалъ, однако, Цамвлаку въ своемъ посвященіи. Тогда 15 ноября 1415 г. въ Новоградкѣ литовскомъ собрался, подъ предсѣдательствомъ Витовта, соборъ изъ 8 епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, князей и бояръ. Соборъ рѣшилъ обойтись безъ патріарха и посвятить Цамвлака самостоятельно. Московскій митрополитъ Фотій и константинопольскій патріархъ отвѣтили на

это отлученіемъ и проклятіемъ. При такихъ обстоятельствахъ, Цамвлакъ могъ оставаться кіевскимъ митрополитомъ только недолго. Четыре года спустя, онъ удалился въ Молдавію. Вопросъ съ кіевскою митрополіею снова сталъ неопредѣленнымъ. Она нѣкоторое время подчинялась московскому митрополиту, пока въ 1458 г., по указанію митрополита Исидора, подписавшаго Флорентійскую унію, не былъ поставленъ бывшимъ тогда въ Римѣ константинопольскимъ патріархомъ Григоріемъ Маммою грекъ Григорій „митрополитомъ кіевскимъ, литовскимъ и всей нижней Россіи“. Григорій былъ признанъ литовскимъ правительствомъ и всѣми литовско-русскими епископами, кромѣ брянско-черниговскаго Евфимія, который долженъ былъ, поэтому, бѣжать въ Москву. Въ 1459 г. въ Москвѣ былъ созванъ соборъ; московскіе іерархи постановили не признавать Григорія митрополитомъ и не имѣть съ нимъ никакихъ сношеній. Такъ совершилось окончательное отдѣленіе литовско-русской церкви отъ московской. Литовская митрополія стала существовать особо, подъ властью патріарха константинопольскаго.

Съ этого времени въ отношеніи замѣщенія митрополичьяго престола въ Литвѣ конкурировали два способа—выборъ митрополита духовенствомъ и высшей аристократіей, при большемъ или меньшемъ участіи вел. князя, и назначеніе митрополита константинопольскимъ патріархомъ. Къ концу XVI ст. значеніе патріарха при замѣщеніи митрополичьяго престола на столько уменьшилось, что свелось только къ благословенію и посвященію; активная роль собора также была уже невелика; власть же великаго князя значительно возрасла. На митрополію стали смотрѣть, какъ на государственную бенефицію, какъ на „хлѣбъ духовный“, который можетъ быть данъ, по усмотрѣнію главы государства, кому угодно изъ православныхъ. Появилась возможность изданія экспектативъ, т. е. выжидатель-

ныхъ грамотъ, на случай открытія вакансіи кіевской митрополіи. Въ 1551 г., напр., за пять лѣтъ до смерти митрополита Макарія, великій князь Сигизмундъ Августъ выдалъ экспектативу на кіевскую митрополію мечнику виленскому и скарбнику вел. князя Стефану Бѣлькевичу, остававшемуся еще свѣтскимъ человѣкомъ. Согласно этой экспектативѣ, по смерти митрополита Макарія, вел. князь обѣщалъ не отдавать никому кіевской митрополіи, кромѣ Стефана Бѣлькевича. Бѣлькевичъ и, дѣйствительно, сдѣлался кіевскимъ митрополитомъ, принявъ впослѣдствіи монашество съ именемъ Сильвестра.

Есть извѣстіе, что два послѣднихъ митрополита наканунѣ Брестской уніи Онисифоръ Дѣвочка и Михаилъ Рагоза были назначены по избранію. Способъ ихъ избранія на митрополичій престолъ, однако, неизвѣстенъ, и нѣкоторые ученые полагаютъ, что Рагоза былъ избранъ не соборомъ, а рекомендованъ бывшими случайно въ Вильнѣ сенаторами и шляхтой. Власть великаго князя въ церковныхъ дѣлахъ, во всякомъ случаѣ, въ XVI вѣкѣ на столько выросла, что онъ сталъ даже присваивать себѣ юрисдикцію въ такихъ дѣлахъ, которыя раньше вѣдались и рѣшались исключительно патріархомъ. Напр., въ 1541 г. въ спорѣ между митрополитомъ и полоцкимъ епископомъ объ униженіи достоинства послѣдняго при богослуженіи великій князь призналъ дѣло подсуднымъ въ первой инстанціи духовному суду, а въ апелляціонной—себѣ, а не патріарху. Власть константинопольскаго патріарха надъ западно-русской церковью была, такимъ образомъ, чисто номинальной.

Внутренняя организація православной церкви въ Литвѣ и на Украинѣ въ XV–XVI вѣкахъ.

Во главѣ православной церкви въ Литвѣ и на Украинѣ стоялъ митрополитъ. Въ XV вѣкѣ онъ назывался „кіевскимъ и всея Руси“, а въ XVI вѣкѣ „кіевскимъ, галицкимъ и всея Руси“. Жили митрополиты въ Кіевѣ или въ Вильнѣ, которая также принадлежала къ ихъ епархіи вмѣстѣ съ заприпетьскими землями.

Всѣхъ епархій въ составъ кіевской митрополіи въ XV вѣкѣ входило десять. Въ XVI вѣкѣ количество ихъ уменьшилось. Черниговъ и Смоленскъ перешли подъ власть Москвы. Галицкій же епископъ, по возобновленіи галицкой епархіи въ 1539 году, занялъ по отношенію къ митрополиту почти независимое положеніе.

Власть митрополита надъ епископами признавалась въ теоріи, но на практикѣ была очень слабой. Митрополитъ не назначалъ епископовъ. Обычнымъ порядкомъ назначенія сдѣлался выборъ кандидата на епископскую каѳедру соборомъ духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ. Нерѣдко, впрочемъ, и выбора не было. Свободныя епископскія каѳедры, по своему усмотрѣнію, раздавалъ король и великій князь, иногда даже при жизни епископовъ. Такіе кандидаты, получавшіе выжидательную грамоту (экспектативу) съ правомъ занять епископскую каѳедру, когда она освободится, назывались *номинатами*. Подобный порядокъ замѣщенія епископскихъ каѳедръ, не говоря уже о неканоничности его, велъ къ большимъ злоупотребленіямъ. На незаконность и неудобство его раздавались жалобы на православномъ виленскомъ соборѣ 1509 г., занимавшемся вопросами объ упорядоченіи церковныхъ дѣлъ въ Западной Руси. Надъ епископами, назначенными королемъ, митрополитъ не имѣлъ власти; онъ не могъ ихъ уволить, вслучаѣ ихъ злоупотребленій. Единственнымъ способомъ ихъ обузданія было отлученіе или неблагословеніе. Въ соборахъ митрополитъ также не могъ находить серьезной поддержки. Не въ интересахъ епископовъ было усиливать власть митрополита. Епископы въ такихъ случаяхъ просто уклонялись отъ посѣщенія соборовъ. Если соборы иногда состоялись и дѣлали постановленія, то у митрополита не оказывалось настолько сильной исполнительной власти, чтобы привести эти постановленія въ исполненіе. Несмотря на это, важность соборовъ всегда признавалась. Самъ великій князь иногда бралъ на себя иниціативу созванія собора,

какъ это было въ 1546 году, когда до великаго князя дошли слухи о неустройствахъ въ православной церкви. Онъ велѣлъ созвать соборъ въ Вильнѣ.

Слабость митрополичьей власти способствовала развитію и усиленію власти епископовъ. На епископахъ лежали управленіе епархіей и духовный судъ. Но епископы дѣйствовали обыкновенно не единично, а при содѣйствіи соборнаго *крилоса* (клироса). Крилосъ—учрежденіе старое. Оно перенесено на Русь изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ. Въ московской Руси учежденіе это заглохло. Въ Западной же Руси оно получило значительное развитіе. Соборный крилосъ состоялъ изъ всѣхъ приходскихъ священниковъ каѳедральнаго города. Члены клира (крилошане), по очереди, отправляли церковную службу въ соборномъ храмѣ. Во главѣ ихъ стоялъ выборный крилошанами изъ своей среды протопопъ. Протопопа утверждалъ епископъ. Значеніе протопопа въ клирѣ было большое. Онъ являлся, вѣроятно, предсѣдателемъ и руководителемъ засѣданій клира. Вліяніе крилоса на епископовъ и ихъ рѣшенія было, конечно, не одинаково. Энергичный епископъ могъ свести это вліяніе до незначительныхъ размѣровъ, но въ общемъ оно было довольно значительно. Когда епископская каѳедра была свободной, крилосъ, до назначенія новаго епископа, управлялъ епархіей. Оказывалъ онъ также вліяніе и при посвященіи священниковъ на приходы (парохіи). На крилошанахъ лежала обыкновенно обязанность подготовлять кандидата къ посвященію во священники.

Лицо, желавшее сдѣлаться священникомъ, обращалось съ просьбой объ этомъ къ епископу, представляло рекомендацію патрона или громады того прихода, какой оно себѣ избрало. Его посвящали, подвергнувъ предварительно испытанію. Послѣ посвященія кандидатъ въ священники долженъ былъ обыкновенно еще шесть недѣль практически проходить церковную службу при соборномъ храмѣ подъ руководствомъ крилошанъ.

За свое посвященіе священникъ платилъ, по опредѣленной таксѣ, епископу и крилошанамъ, а также всѣмъ, кто его наставлялъ въ церковномъ уставѣ.

Что касается монастырей, то архимандритовъ и игуменовъ выбирала обыкновенно братія монастыря, а утверждалъ великій князь или патронъ. Но нерѣдко случалось, что ихъ назначалъ самъ великій князь или самъ патронъ безъ выбора кандидата братіей.

Право подаванья — патронатъ.

Церкви и монастыри въ Литвѣ и на Украинѣ владѣли очень крупными земельными имуществами. Большую часть этихъ имуществъ они получили безвозмездными способами, главнымъ образомъ, путемъ пожалованія, затѣмъ даренія, завѣщанія и путемъ наслѣдованія по закону. Этими способами для церквей и монастырей создавалось такое же независимое право, какъ и для другихъ физическихъ и юридическихъ лицъ. Церковь могла пріобрѣтать и пріобрѣтала имущество и по возмезднымъ способамъ, куплѣ-продажѣ, залогу, но, по наблюденію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, къ этимъ способамъ она прибѣгала въ XVI в. рѣдко и довольствовалась имуществами, пожалованными и пожертвованными. Усиленіе пріобрѣтеній земельныхъ имуществъ возмездными способами относится, главнымъ образомъ, къ XVII вѣку.

Церковныя имущества были неотчуждаемы. Западно-русское право точнѣе сохранило этотъ принципъ неотчуждаемости сравнительно съ правомъ сѣверной Руси. Въ литовско-русскомъ государствѣ имущество церкви никогда не должно было выходить изъ ея рукъ. Праву неотчуждаемости не противорѣчило и право патронатства. Патронъ не имѣлъ права отобрать имущество, разъ пожертвованное церкви.

Право патронатства, или, какъ оно называлось въ западной Руси, „право подаванья, или поданья“, является, по словамъ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, „центральнымъ и важнѣйшимъ пунктомъ исторіи западно-русскихъ церковныхъ учрежденій и ихъ иму-

ществъ". На важность права подаванья въ исторіи западно-русской церкви указываютъ и другіе историки (митр. Макарій, И. А. Чистовичъ, проф. С. Т. Голубевъ). Право подаванья въ западно-русской церкви представляло собой довольно своеобразный институтъ, который совмѣщалъ въ себѣ черты византійскаго ктиторскаго права и западно-европейскаго права патроната (jus patronatus). Ктиторское право вытекало изъ факта основанія и обезпеченія того или другого церковнаго учрежденія и возлагало на ктитора права и обязанности церковнаго благоустройства, право представленія епископу лицъ для посвященія на церковныя должности, право дисциплинарнаго суда вмѣстѣ съ духовной властью, право изданія новыхъ уставовъ для церковныхъ учрежденій. Что касается jus patronatus, то оно, по мнѣнію канонистовъ, не имѣетъ ничего общаго съ ктиторствомъ и заключается въ обязанности защищать права церкви безъ всякихъ правъ надъ нею.

Право подаванья не было опредѣлено закономъ. Оно вырабатывалось путемъ обычая. Въ концѣ концовъ понятіе права подаванья складывалось, по опредѣленію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, изъ слѣдующихъ четырехъ составныхъ частей *): 1) законодательство и власть управленія, т. е. право давать уставы церковнымъ учрежденіямъ и наблюдать за ихъ исполненіемъ; 2) судебная власть и судебное представительство, т. е. право судить и наказывать духовныхъ лицъ, а также право защищать церковныя учрежденія отъ правонарушеній; 3) право назначенія духовныхъ властей и 4) право патрона въ отношеніи къ имуществамъ церковнаго учрежденія.

Дѣйствительными собственниками церковныхъ имуществъ были не патроны, а церковныя учрежденія, епископіи, монастыри и церкви. Патроны являлись только опекунами церковныхъ имуществъ и учрежденій.

*) И. А. Чистовичъ нѣсколько иначе опредѣляетъ составныя части „патронатскаго права", т. е. права подаванья. Очеркъ исторіи западно-русской церкви, стр. 197.

Право подаванья принадлежало, въ первоначальномъ источникѣ своемъ, государственной власти, т. е. правящему государю, затѣмъ другимъ органамъ власти, дѣйствовавшимъ по его волѣ или самостоятельно. Намѣстники, воеводы и старосты осуществляли право подаванья въ своихъ округахъ. Митрополиты и епархіальные епископы пользовались спеціальнымъ правомъ подаванья надъ нѣкоторыми изъ церквей. Кромѣ нихъ, участіе въ правахъ подаванья принимали: земства и сословныя общества, городскія и приходскія общины, добровольныя сообщества, но больше всего частныя лица. Они усвоили себѣ права подаванья въ своихъ владѣніяхъ вмѣстѣ съ другими государственными правами.

Не каждому патрону изъ частныхъ лицъ принадлежали всѣ права, входившія въ составъ права подаванья. Право подаванья обыкновенно опредѣлялось въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ жалованныхъ грамотахъ. Оно могло быть потомственнымъ и пожизненнымъ; могло быть подѣлено между наслѣдниками и принадлежать цѣлому роду. Пріобрѣталось право подаванья чаще всего путемъ пожалованія, передавалось путемъ разнаго рода гражданскихъ сдѣлокъ или возникало изъ права ктиторства. Съ ростомъ безусловныхъ правъ землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ, право подаванія слилось съ правомъ землевладѣнія. Патрономъ церквей имѣнія признавался, поэтому, владѣлецъ имѣнія.

Идея подаванья не встрѣчала серьезнаго сопротивленія со стороны духовной іерархіи, хотя рѣчь о злоупотребленіяхъ правомъ патронатства и поднималась на соборахъ 1509 и 1511 года. Соборы рекомендовали пассивныя мѣры, въ случаѣ злоупотребленія правомъ патронатства—неисполненіе распоряженій патроновъ (подавателей), даже если бы это былъ самъ господарь. Мѣры, рекомендованныя соборами, имѣли мало практическаго значенія. Въ жизни высшая цер-

ковная власть обыкновенно проявляла большую уступчивость власти свѣтской, государственной.

Право подаванья часто вело къ большимъ злоупотребленіямъ. На виленскомъ соборѣ 1509 г. духовенство жаловалось на то, что нѣкоторые „презирая отеческое преданіе и заповѣди, ради мірской славы и властительства, покупаютъ себѣ еще при жизни епископовъ ихъ кафедры и принимаютъ эти кафедры безъ совѣта и согласія митрополіи и епископовъ и безъ осмотрѣнія и избранія отъ князей и пановъ нашего греческаго закона“. Лица, имѣвшія право подаванья, часто самовольно, безъ вѣдома архіерея, изгоняли священниковъ, не замѣщали приходовъ, заставляли священниковъ отправлять свои обязанности безъ благословенія архіереевъ, завладѣвали церковными имуществами и пользовались ими.

Упадокъ церковной дисциплины и іерархіи въ Литвѣ и на Украинѣ въ XVI в.

Такія злоупотребленія должны были вести къ упадку церковной жизни. Разъ церковныя должности, въ особенности епископскія кафедры, дѣлались предметомъ искательства и подкуповъ, на церковныхъ мѣстахъ появлялись иногда лица, въ дѣлахъ вѣры совершенно невѣжественныя, не умѣвшія хорошо отличать православія отъ другихъ исповѣданій. Такимъ, напр., былъ Стефанъ Бѣлькевичъ, о которомъ уже была рѣчь выше. Богатства монастырей и епископій привлекали къ себѣ вниманіе свѣтскихъ лицъ. Среди свѣтскихъ пановъ развилась прямо-таки погоня за „духовнымъ хлѣбомъ“, т. е. за епископіями и архимандріями. Не брезгали для этого подчасъ никакими средствами. Случалось, что на одну и туже должность король выдавалъ грамоты нѣсколькимъ лицамъ. Если при открытіи вакансіи между ними не происходило соглашенія, дѣло иногда доходило до настоящей войны за должность. Такъ было, напр., въ 1565 г., когда шла борьба за владимірскую епископію между шляхтичемъ Иваномъ Борзобогатымъ-Красенскимъ и холмскимъ епископомъ Ѳедосіемъ Лазовскимъ. Послѣдній, въ концѣ

концовъ, одержалъ перевѣсъ. Среди высшей духовной іерархіи въ XVI в. встрѣчались лица, которыя не удовлетворяли каноническимъ правиламъ. Митрополитъ кіевскій Онисифоръ Дѣвочка былъ двоеженцемъ, а архимандритъ супрасльскій Тимофей Злоба обвинялся въ убійствахъ и рядѣ другихъ уголовныхъ преступленій. Шляхтичи, которымъ удавалось занять высшія церковныя должности, рѣдко измѣняли прежній образъ жизни, и становясь иноками. Чаще всего они мало чѣмъ отличались отъ свѣтскихъ вельможъ. Владыки имѣли свои укрѣпленные замки, содержали громадную дворню, множество вооруженныхъ слугъ, вели веселый образъ жизни, дѣлали вооруженные наѣзды другъ на друга и на сосѣднихъ помѣщиковъ, буйствовали, позволяли себѣ насилія. На церковныя имущества епископы и архимандриты смотрѣли какъ на источникъ личныхъ доходовъ, и старались ихъ извлекать самыми разнообразными способами. Какъ разъ наканунѣ брестской уніи въ 1583 г. луцкій епископъ Іона Борзобогатый-Красенскій запрещалъ богослуженіе и запечатывалъ церкви у тѣхъ священниковъ, которые не уплачивали ему опредѣленныхъ имъ податей и поборовъ. Въ 1585 г. могилевскіе мѣщане жаловались, что полоцкій архіепископъ Феофанъ, въ качествѣ патрона, отдалъ въ аренду церковь Спаса въ Могилевѣ и совершенно разорилъ ее.

При такомъ состояніи высшей церковной іерархіи, положеніе сельскихъ священниковъ было совершенно безправное. Патроны часто заставляли ихъ дѣлать все, что хотѣли. Званіе священника до того было унижено, что порядочный человѣкъ стыдился вступать въ священническій санъ. Извѣстный православный писатель начала XVII в. Захарій Копыстенскій говоритъ, что въ ряды священниковъ только „одно сметье людское, голодные и неуковые тиснулись“. Нравственный уровень такихъ священниковъ былъ на столько невысокъ, что, по словамъ того же писателя, свидѣтеля печальнаго

положенія православной церкви въ концѣ XVI в., трудно сказать, гдѣ легче можно было встрѣтить священника: въ корчмѣ или же въ церкви?

Само собой разумѣется, на ряду съ этими печальными фактами встрѣчались и свѣтлые. На нихъ указываетъ даже іезуитъ Скарга въ своихъ письмахъ. Но не они сообщали характерный отпечатокъ эпохѣ. Современные документы и общій отзывъ современниковъ или людей, ближайшихъ по времени, въ одинъ голосъ, свидѣтельствуютъ о страшномъ упадкѣ, дезорганизаціи и деморализаціи православной церкви въ Литвѣ и на Украинѣ во второй половинѣ XVI.

Попытки реформъ въ церкви. Братства.

Тяжелое положеніе православной церкви не могло не обращать на себя вниманія людей, которымъ были дороги ея интересы. На соборахъ. мы уже знаемъ, не разъ поднимался голосъ по поводу злоупотребленій въ церковной жизни. На виленскомъ сеймѣ 1566 года волынскіе „княжата, панята и все рыцарство“ просили великаго князя, чтобы онъ не раздавалъ епископій въ волынской землѣ безъ ихъ рекомендаціи, такъ какъ на епископскія мѣста попадаютъ люди, не соотвѣтствующіе высокому званію епископа. Великій князь не согласился на это. Въ 1585 г. православные паны упрекали митрополита Онисифора Дѣвочку за пренебреженіе имъ интересами церкви. Въ 1592 году князь Острожскій испросилъ у короля и великаго князя Сигизмунда III грамоту съ обѣщаніемъ не замѣщать высшихъ духовныхъ мѣстъ безъ рекомендаціи кн. Острожскаго. Король не всегда исполнялъ свое обѣщаніе. Рекомендація кн. Острожскаго также не всегда оказывалась удачной. На владимірскую каѳедру онъ, напр., порекомендовалъ Ипатія Потѣя, который затѣмъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ яростныхъ враговъ православной церкви. Этотъ же князь Кон. Конст. Острожскій совершенно справедливо считалъ однимъ изъ наиболѣе важныхъ средствъ для поднятія православія въ Западной Руси основаніе школъ и распространеніе образованія.

Не одни только паны и шляхта думали объ упадкѣ церкви. Мысль о необходимости реформъ въ ней захватывала и болѣе широкія массы населенія, главнымъ образомъ, горожанъ. Благодаря своей торгово-промышленной дѣятельности, часто далеко выходившей за предѣлы города, горожане представляли изъ себя болѣе подвижной и отзывчивый классъ населенія, сравнительно, напр., съ крестьянствомъ; среди нихъ была значительно развита грамотность. Магдебургское право, получившее господство въ городахъ Польши, Литвы и Украины въ теченіе XV и XVI в., имѣло, конечно, много отрицательныхъ сторонъ. Оно нерѣдко вызывало классовую борьбу между богатыми и бѣдными, вызывало затѣмъ въ городахъ борьбу національную и религіозную. Но въ то же время нельзя отрицать, что борьба эта пробуждала въ гражданахъ интересъ къ общественнымъ и религіознымъ вопросамъ и давала толчекъ къ общественнымъ организаціямъ. Одной изъ такихъ организацій, сыгравшихъ крупную роль въ религіозной и культурной жизни Литвы и Украины, были *братства*.

Вопросъ о происхожденіи западно-русскихъ братствъ темень. Наука его еще мало разъяснила. Одни изъ ученыхъ относятъ зарожденіе идеи братствъ ко временамъ языческимъ, когда существовали родовые союзы (проф. М. С. Грушевскій, отчасти С. М. Соловьевъ); другіе, преимущественно, изслѣдователи изъ духовной школы—къ первымъ временамъ христіанства. С. М. Соловьевъ выводилъ братства изъ братчинъ, т. е. пировъ въ складчину, особенно развитыхъ въ древнемъ Новгородѣ и Псковѣ. Священникъ Флеровъ, а затѣмъ и проф. М. О. Кояловичъ ставили братства въ Западной Руси въ связь съ цеховыми организаціями, развившимися подъ вліяніемъ нѣмецкаго права. Г-нъ Скабаллановичъ пошелъ дальше, отыскивая нѣмецкое вліяніе въ исторіи развитія братствъ въ Западной Руси. Онъ сблизилъ братства съ западно-европейскими гильдіями, т. е. религіозными союзами, соединенными съ пирше-

ствами. Въ этомъ отношеніи г. Скабаллановичъ приложилъ къ западно-русскимъ братствамъ теорію нѣмецкаго ученаго Вильда, который происхожденіе братствъ объяснялъ двоякимъ вліяніемъ—духа христіанской любви и древнихъ языческихъ обычаевъ. Александра Як. Ефименко прототипомъ позднѣйшихъ братствъ считаетъ братство родовое, какъ „ту основную форму, около которой наслаиваются прочія формаціи родового общества". А. А. Папковъ находитъ связь братствъ съ старорусскою приходскою организаціею и съ старыми медовыми братствами. Послѣднія существовали при церквахъ и назывались медовыми потому, что, по давнему обыкновенію, въ великіе праздники сытили медъ и устраивали пиры. Проф. С. Т. Голубевъ въ своей „Исторіи Кіевской духовной академіи" допускаетъ вліяніе на западно-русскія братства цехового строя, но центръ тяжести въ исторіи развитія братствъ видитъ въ патронатѣ. „Церковныя братства, говоритъ онъ, суть не что иное, какъ развившійся подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій коллективный патронатъ". Проф. М. С. Грушевскій видитъ зародышъ братствъ въ родовой организаціи и въ родовомъ культѣ, который былъ преобразованъ съ принятіемъ христіанства. Церковь сдѣлалась центромъ религіознаго союза. Заимствованіе самого института братствъ отъ нѣмецкихъ гильдій проф. М. С. Грушевскій отрицаетъ. Братская организація и само имя братства на Руси гораздо старше нѣмецкаго тамъ вліянія. „Братчины", т. е. пиры, являлись жизненнымъ нервомъ братствъ; право сытить медъ въ большіе праздники давало братствамъ названіе „медовыхъ". Во второй половинѣ XV, въ особенности въ XVI в. организація братствъ подпала сильному вліянію цеховъ. Цеховая организація, по мнѣнію проф. М. С. Грушевскаго, выросла изъ того же корня, какъ и организація братская, и во все послѣдующее время сохраняла въ себѣ тѣ признаки религіозныхъ корпорацій, которыя тѣсно сближали ее съ братскою.

Сначала братства не играли значительной культурной или общественной роли въ Западной Руси. Оттого свѣдѣній о возникновеніи ихъ здѣсь и о первоначальной исторіи не сохранилось. Наиболѣе раннее упоминаніе о братствахъ въ Западной Руси касается львовскаго успенскаго братства и относится къ 1463 году, а не къ 1439 году, какъ указывалось раньше и какъ указываютъ ошибочно еще и теперь нѣкоторые изъ изслѣдователей. Болѣе подробныя извѣстія о львовскомъ и другихъ братствахъ начинаются значительно позже, со средины XVI вѣка. Въ срединѣ XVI в. во Львовѣ было уже нѣсколько братствъ, имѣвшихъ свои уставы. Всѣ они были организованы приблизительно по одному и тому же типу: братства существовали при церквахъ; братья дѣлали опредѣленные взносы при вступленіи и затѣмъ періодически; гости, принимавшіе участіе въ братскихъ пирахъ, обыкновенно также вносили извѣстную сумму въ братскую казну. Поддержка церкви, возлѣ которой существовало братство, поддержка членовъ своихъ въ несчастіи, проводы ихъ, въ случаѣ смерти, къ мѣсту вѣчнаго упокоенія— составляли въ это время главныя задачи братствъ.

Въ 1584 году, по образцу львовскаго, было основано братство въ Вильнѣ, получившее впослѣдствіи названіе святодуховскаго, по имени церкви св. Духа, построенной самимъ братствомъ въ 1597 году.

Проникновеніе протестантизма въ Польшу и Литву оживило интересъ къ церкви и религіознымъ вопросамъ, заставило мірянъ болѣе серьезно и вдумчиво относиться къ дѣламъ религіи. Борьба съ протестантизмомъ католичества должна была усилить этотъ интересъ. Сознаніе упадка православной церкви и безсиліе высшихъ сословій, духовенства и шляхты устранить неустройства церкви способствовали тому, что характеръ организаціи и дѣятельности прежнихъ братствъ значительно измѣнился. Въ 1570-хъ годахъ львовское братство основываетъ свою типографію, школу и начинаетъ

подымать свой голосъ въ вопросахъ церкви и нравственности. Въ связи съ расширеніемъ задачъ братства, произошло измѣненіе и его устава. Въ концѣ 1585 г. во Львовъ пріѣхалъ антіохійскій патріархъ Іоакимъ. По просьбѣ братчиковъ, онъ утвердилъ новый уставъ львовскаго братства, разработанный братчиками примѣнительно къ новымъ потребностямъ, выдвинутымъ жизнью братства. Въ новомъ уставѣ не упоминается ни о пирахъ, ни о покупкѣ меда. Служеніе пользѣ и задачамъ православной церкви ставится на первый планъ. Братство—учрежденіе всесословное. По уставу, въ него „можетъ вступать всякій, кто бы онъ ни былъ: мѣщанинъ или шляхтичъ, предмѣщанинъ или кто-либо изъ посполитныхъ людей какъ изъ того, такъ и изъ другого города, лишь бы только внесъ при вступленіи 6 грошей". Помимо соблюденія извѣстныхъ обязанностей другъ къ другу и къ братству, члены его обязаны были слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ мірскіе и духовные жили „по закону". Въ случаѣ замѣченныхъ уклоненій дѣлалось напоминаніе; если же оно оставалось безрезультатнымъ, о виновномъ сообщалось епископу. Члены братства должны сопротивляться епископу „какъ врагу истины", если они замѣтятъ, что онъ управляетъ церковью не по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ. На обязанности братства лежало также слѣдить за нравственностью духовныхъ лицъ вообще. Подъ страхомъ проклятія, никто не могъ сопротивляться уставу львовскаго братства и нарушать его, начиная отъ архіепископа и кончая причетниками, свѣтскими князьями и простыми людьми. Львовскому братству было дано новымъ уставомъ первенство предъ другими братствами въ Галиціи. Другія братства должны были повиноваться ему и сообразоваться съ его постановленіями.

Уставъ львовскаго братства съ нѣкоторыми измѣненіями, легъ въ основу реформы и виленскаго братства. Въ уставѣ виленскаго братства упоминалось, между прочимъ, и о пріемѣ въ братство женщинъ.

Новый уставъ виленскаго братства былъ представленъ въ 1588 году кіевскому митрополиту Онисифору Дѣвочкѣ и затѣмъ напечанъ. Въ отпечатанномъ уже видѣ онъ былъ утвержденъ, спустя нѣкоторое время, константинопольскимъ патріархомъ Іереміею.

Уставы львовскій и виленскій послужили образцами для другихъ братствъ. Число братствъ особенно сильно возрасло въ концѣ XVI вѣка, наканунѣ церковной уніи, и въ началѣ XVII вѣка. Въ 1591 году возникло братство въ Городкѣ и въ Брестѣ, въ 1592 году въ Перемышлѣ, въ 1606 году въ Замостьѣ, въ 1615 году въ Кіевѣ, въ 1617 году въ Луцкѣ и т. д.

Въ 1588 году константинопольскій патріархъ Іеремія посѣтилъ Западную Русь и Украину. Онъ утвердилъ уставъ львовскаго и виленскаго братствъ и далъ имъ право ставропигіи, т. е. право непосредственной зависимости отъ патріарха. Благодаря этому, львовское и виленское братства сдѣлались свободными не только отъ власти епархіальныхъ епископовъ, но даже и митрополита. Права львовскаго и виленскаго братствъ были утверждены и польскимъ правительствомъ.

Недовольство епископовъ реформою братствъ. Первая мысль объ уніи.

Подчиненіе церкви контролю мірянъ противорѣчило каноническимъ правиламъ. Оно же невольно должно было задѣвать самолюбіе представителей церкви и приводить къ столкновенію между братствами и епархіальной властью. Наиболѣе рѣзко столкновеніе это проявилось во Львовѣ, гдѣ между братствомъ и епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, раньше очень дружелюбно относившимся къ братству, шла долгая и упорная борьба. Патріархъ сталъ на сторону братства. Самолюбіе натолкнуло епископа Гедеона Балабана на мысль объ освобожденіи изъ-подъ власти патріарха и объ уніи съ римской церковью. Такимъ образомъ, первая мысль объ уніи принадлежала Гедеону Балабану. Она нашла сочувствіе и поддержку у другихъ епископовъ. Пріѣздъ въ 1589 году въ Западную Русь константинопольскаго патріарха Іереміи, лишеніе имъ Онисифора

Дѣвочки, какъ двоеженца, митрополичьяго престола, нѣкоторыя распоряженія патріарха относительно церковной дисциплины, затрагивавшія интересы епископовъ,—все это объединяло ихъ въ общемъ чувствѣ недовольства патріархомъ и порождало желаніе избавиться отъ его власти. Удобнымъ выходомъ изъ такого положенія дѣлъ казалась унія. Въ 1590 году, по инициативѣ Гедеона Балабана, въ Бельзѣ съѣхались на частное совѣщаніе, кромѣ Балабана, еще епископы луцкій Кириллъ Терлецкій, холмскій Діонисій Збируйскій и туровскій Леонтій Пельчинскій. Объ этомъ съѣздѣ сохранилось мало свѣдѣній. Но нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что на частномъ совѣщаніи въ Бельзѣ впервые былъ затронутъ вопросъ объ уніи съ римской церковью.

Мысль объ уніи въ ея историческомъ развитіи.

Мысль объ уніи въ Западной Руси не была совершенно новой. Начиная съ принятія на Руси христіанства, она собственно никогда не исчезала. Со времени же первой политической уніи Литвы съ Польшей при Ягайлѣ, идея о церковной уніи не разъ ставилась на очередь и велись переговоры объ ея осуществленіи. Въ 1396 году, по желанію Ягайла, митрополитъ Кипріанъ поднималъ вопросъ о ней въ своихъ сношеніяхъ съ константинопольскимъ патріархомъ. Изъ этого, однако, ничего не вышло. Въ 1415 году, во время констанцкаго собора, совершилось отдѣленіе западно-русской православной церкви отъ сѣверо-восточной. Кіевскій митрополитъ Григорій Цамблакъ, по настоянію Ягайла и Витовта, отправился въ 1418 году въ Констанцъ, получилъ аудіенцію у папы, былъ имъ торжественно принятъ; но для принятія уніи требовалъ непремѣнно созваніе вселенскаго собора. Можетъ быть, это требованіе и было причиной, что вопросъ объ уніи въ это время не былъ поставленъ на практическую почву. Цамблакъ въ вопросѣ объ уніи велъ себя, повидимому, двойственно. Онъ не скомпрометировалъ себя у православныхъ, а Ягайло

выставлялъ его предъ папой, какъ ревностнаго приверженца идеи объ уніи.

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ поѣздки Цамвлака состоялась въ 1439 году флорентійская унія. Православные въ Польшѣ и Литвѣ отнеслись къ ней отрицательно и совершенно её игнорировали. Послѣ бѣгства московсквго митрополита Исидора, признавшаго унію, изъ Москвы, дѣло уніи въ Западной Руси совершенно провалилось. Оно оказалось на столько непопулярнымъ, что вел. кн. Казиміръ нашелъ для себя болѣе цѣлесообразнымъ передать въ 1451 году управленіе православными епархіями вел. кн. литовскаго московскому митрополиту Іонѣ, поставленному на мѣсто Исидора, безъ благословенія патріарха. Папская курія выдвинула противъ Іоны митрополитомъ Григорія, ученика Исидора, признавшаго унію. Григорій, чтобы сохранить свое положеніе, велъ двойственную политику между папою и константинопольскимъ патріархомъ. Православные въ Литвѣ отнеслись къ Григорію съ довѣріемъ и перешли отъ Іоны на его сторону. Григорій началъ собою рядъ самостоятельныхъ западно-русскихъ митрополитовъ, который уже не прерывался болѣе. Преемники его слѣдовали относительно уніи двойственной политикѣ Григорія. Посланіе одного изъ нихъ, митрополита Михаила къ папѣ Сиксту IV отъ 1476 г. было издано даже впослѣдствіи, въ 1605 г., на русскомъ и польскомъ языкахъ Ипатіемъ Потѣемъ, какъ доказательство старинности уніи Руси съ Римомъ. Современники считали это посланіе поддѣльнымъ; нѣкоторые же изъ новѣйшихъ изслѣдователей, съ большею вѣроятностью, признаютъ его дѣйствительнымъ. Въ концѣ XV и въ самомъ началѣ XVI в. сношенія съ папой относительно уніи велъ митрополитъ Іосифъ Болгариновичъ. Смерть Іосифа помѣшала сношеніямъ вылиться въ какую-нибудь конкретную форму. Съ того времени вопросъ объ уніи заглохъ на долго. Политическія событія въ жизни Литовско-русскаго государстра первой

половины XVI в. отодвинули вопросъ объ уніи на задній планъ. О ней снова заговорили только въ концѣ XVI вѣка.

Пропаганда уніи іезуитами.

Главную роль въ дѣлѣ пропаганды уніи сыграли іезуиты. Когда реформаціонное движеніе, противъ котораго сначала боролись іезуиты, въ Польшѣ и Литвѣ пошло на убыль, они все свое вниманіе обратили на мысль объ уніи. Рѣчь объ уніи поднималась уже въ концѣ 1560-хъ годовъ, но случайно. Настойчиво о ней заговорили послѣ появленія въ 1577 году книги извѣстнаго іезуитскаго проповѣдника Петра Скарги „О единствѣ церкви Божьей“ (O jedności Kościoła Bożego pod jednym pasterzem и т. д.). Книгу свою Скарга посвятилъ православному князю Константину-Василію Острожскому. Послѣ догматичныхъ разсужденій о единствѣ церкви и доказательствъ старшинства папы, Скарга излагалъ исторію раздѣленія церквей, затѣмъ исторію соединенія ихъ на флорентійскомъ соборѣ, указывалъ на тяжелое положеніе православной церкви и призывалъ православныхъ къ уніи. Написанная живымъ, доступнымъ, по тому времени, для широкой публики языкомъ, книга Скарги произвела большое впечатлѣніе въ православныхъ кругахъ. Въ 1590 году потребовалось второе изданіе книги. Скарга посвятилъ его королевѣ. Онъ имѣлъ въ виду заинтересовать польское правительство вопросомъ объ уніи.

Подъ вліяніемъ идей Скарги, и папскій легатъ Антоній Поссевинъ, ѣздившій къ Ивану IV въ Москву съ неудачной миссіей обращенія московскаго царя въ католичество, усиленно развивалъ предъ папой мысль объ уніи въ польско-литовскомъ государствѣ. Въ 1586 году въ Вильнѣ была издана книга Поссевина de Moscovia (о Московіи), въ которой онъ старался шире развить свои мысли объ уніи и о способахъ ея осуществленія. Въ числѣ мѣръ, которыя, по мнѣнію Поссевина, могли бы особенно способствовать введенію уніи, онъ рекомендовалъ папѣ Григорію XIII-му

изданіе книгъ, въ уніатскомъ духѣ, на западно-русскомъ языкѣ и заведеніе учебныхъ заведеній.

Проповѣдь Скарги и Поссевина дѣлала свое дѣло. Мысль объ уніи получала мало-помалу популярность. Князь Константинъ-Василій Константиновичъ Острожскій, напр., одинъ изъ ревнителей православія, началъ склоняться къ уніи и въ этомъ смыслѣ писалъ папѣ. Но все-таки проповѣдь іезуитовъ захватывала только единицы, преимущественно въ средѣ высшей знати и въ кругахъ интеллигенціи. Большинство интеллигенціи, главнымъ же образомъ, народная масса была враждебно настроена противъ всякаго сближенія православной церкви съ католической. Это особенно ярко выразилось въ томъ противодѣйствіи, которое встрѣтила попытка примѣнить въ Польшѣ и Литвѣ новый григоріанскій календарь.

Новый календарь, какъ извѣстно, былъ введенъ папой Григоріемъ XIII 5 октября 1582 г. на основаніи вычисленій, сдѣланныхъ врачемъ и астрономомъ Алоизіемъ Лоліо. Календарь имѣлъ въ виду согласовать данныя науки съ церковнымъ уставомъ. Въ православныхъ же странахъ, а также въ Литвѣ и Польшѣ на него взглянули, какъ на средство католической церкви, въ частности іезуитовъ, распространить свое вліяніе и расширить свою пропаганду въ пользу уніи. Новый календарь вызвалъ, поэтому, противъ себя обширную полемику съ канонической даже точки зрѣнія.

Пропаганда, уніи такимъ образомъ, обѣщала, повидимому, мало успѣха. Въ этотъ моментъ на помощь іезуитамъ въ дѣлѣ осуществленія уніи пришли неожиданно нѣкоторые изъ епископовъ православной церкви.

Брестская унія 1596 г.

Мы уже видѣли, что православныхъ епископовъ толкнуло къ уніи вмѣшательство константинопольскаго патріарха въ дѣла западно-русской церкви. Патріархомъ были недовольны не только нѣкоторые изъ епископовъ, но и кіевскій митрополитъ Михаилъ Рагоза.

Патріархъ посвятилъ его очень неохотно на мѣсто Онисифора Дѣвочки, устраненнаго отъ митрополіи за двоеженство. Для того, чтобы ослабить власть митрополита, патріархъ учредилъ должность своего экзарха съ очень широкими и неопредѣленными полномочіями. Экзархъ во всѣхъ дѣлахъ могъ являться конкурентомъ митрополита. На эту должность былъ назначенъ луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій, одинъ изъ главныхъ виновниковъ дѣятелей уніи. Несмотря на обиду, Михаилъ Рагоза, до поры до времени не принималъ, однако, никакого участія въ подготовкѣ уніи и не зналъ, что она затѣвается. Въ 1590 г. онъ созвалъ въ Брестѣ соборъ для устраненія цѣлаго ряда злоупотребленій въ церкви. На соборъ, кромѣ митрополита, прибыли четыре епископа, участники совѣщанія въ Бельзѣ, и брестскій епископъ Хребтовичъ. На соборѣ было сдѣлано нѣсколько важныхъ постановленій относительно устраненія непорядковъ въ церкви. Съ большою вѣроятностью можно думать, что на этомъ именно соборѣ 24 іюня 1590 г. четырьмя участниками совѣщанія въ Бѣльзѣ была составлена и подписана декларація объ уніи и вручена на сохраненіе Кириллу Терлецкому, какъ экзарху и старшему между епископами. До 1593 года все держалось въ большомъ секретѣ. Ипатій Потѣй, въ то время еще свѣтскій человѣкъ, ничего не зналъ и не слыхалъ о замышляемой уніи. Безъ согласія короля введеніе уніи было невозможно. Для переговоровъ съ нимъ былъ уполномоченъ Терлецкій. Только въ началѣ 1592 года Терлецкій доложилъ королю Сигизмунду III Вазѣ о проектѣ уніи. Король принялъ проектъ охотно, обѣщалъ уніатскимъ епископамъ сохраненіе мѣстъ, уравненіе въ правахъ съ католиками, но выразилъ при этомъ желаніе, чтобы проектъ не держался въ секретѣ, а былъ обнародованъ.

Съ этого времени вопросъ объ уніи получаетъ не только церковный, какъ до сихъ поръ, но и политическій характеръ. Въ дѣло вмѣшивается государство.

преслѣдуя свои объединительныя цѣли. Государству унія нужна была, какъ выразился Сигизмундъ III въ своемъ манифестѣ отъ 24 сентября 1595 г., для того, чтобы „сохранить и укрѣпить цѣлость государственнаго союза“.

Въ теченіе 1592 и 1593 гг. число дѣятелей, подготовлявшихъ унію, увеличилось двумя—Михаиломъ Копыстенскимъ, котораго мѣстная православная шляхта избрала на перемышльскую епископію, и Ипатіемъ Потѣемъ, по рекомендаціи князя К. К. Острожскаго, сдѣлавшимся епископомъ владимірскимъ на Волыни. Потѣй на первыхъ порахъ ревностно скрывалъ свою приверженность идеѣ уніи.

Въ 1594 г., согласно съ желаніемъ короля, приверженцы уніи начали дѣйствовать болѣе активно. Терлецкій рѣшилъ ѣхать въ Римъ. Для покрытія расходовъ по поѣздкѣ онъ получилъ разрѣшеніе заложить церковныя имѣнія. Сдѣлать этого безъ вѣдома крилошанъ нельзя было. Пришлось посвятить и ихъ отчасти въ дѣло уніи. Въ связи съ предполагаемой поѣздкой Терлецкаго въ Римъ 27 іюля 1594 года въ Сокалѣ былъ съѣздъ епископовъ, приверженцевъ уніи. На этомъ съѣздѣ поднимались жалобы на митрополита за его суровость, и снова толковали объ уніи. Терлецкому было поручено жалобы епископовъ на митрополита передать королю и просить о защитѣ. Для написанія текста жалобъ Терлецкому было вручено четыре чистыхъ листа съ подписями присутствовавшихъ на съѣздѣ епископовъ. Впослѣдствіи Гедеонъ Балабанъ, самъ подписавшій эти листы, утверждалъ, послѣ того какъ рѣшилъ порвать съ уніею, что на нихъ Терлецкій обманнымъ образомъ написалъ заявленіе объ уніи. Многіе изъ ученыхъ довѣрчиво относились къ заявленію Балабана. Въ послѣднее же время начинаютъ, однако, думать, что довѣрять Балабану, желавшему, во что бы то ни стало, оправдаться, нельзя: вопросъ объ уніи у епископовъ былъ рѣшенъ давно; Терлец-

кій, по ихъ порученію, дѣлалъ заявленія королю; прибѣгать къ обманному способу дѣйствій Терлецкому не было никакой надобности.

Послѣ сокальскаго съѣзда были окончательно выработаны условія уніи. Они были одобрены въ Краковѣ папскимъ нунціемъ со стороны догматической; со стороны же политической—королемъ, хотя и съ нѣкоторыми оговорками. Въ вопросѣ о правахъ и привилегіяхъ уніатскаго духовенства король, напр., сослался на то, что рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ сейма.

Исходнымъ моментомъ догматическихъ условій уніи была унія флорентійская. Духовенство и міряне восточнаго исповѣданія подчинялись папѣ и принимали новый календарь; всѣ религіозные церемоніи и обряды православныхъ сохранялись; окончательное рѣшеніе вопроса о причащеніи подъ обоими видами предоставлялось папѣ; допускались смѣшанные браки и браки священниковъ и разрѣшалось уніатскимъ владыкамъ совершать богослуженія въ костелахъ, а католическимъ—въ церквахъ. Уніатскимъ владыкамъ было обѣщано мѣсто въ сенатѣ. Духовенству предоставлялась, кромѣ того, свобода отъ налоговъ; уніаты допускались ко всѣмъ должностямъ, а уніаты-горожане получали права, общія съ католиками.

Долго пришлось убѣждать Потѣю митрополита Михаила Рагозу, чтобы онъ также присталъ къ уніи. Наконецъ, и онъ согласился и далъ свое согласіе и подпись на унію.

Въ это время поднялъ свой голосъ противъ дѣйствій епископовъ князь К. К. Острожскій. Въ принципѣ онъ самъ раздѣлялъ идею уніи, находилъ только невозможнымъ осуществить ее иначе, какъ путемъ обсужденія на соборѣ. Тотъ тайный способъ дѣйствій, за спиной, какой избрали въ этомъ дѣлѣ епископы, вызвалъ со стороны князя Острожскаго рѣшительный протестъ. Протестъ его, въ видѣ окружнаго посланія, былъ напечатанъ 25 февраля 1595 г. Въ немъ князь

Острожскій рѣшительно заявлялъ, что будетъ всѣми силами стоять за „благочестіе". Окружное посланіе князя Острожскаго произвело сильное впечатлѣніе и послужило толчкомъ къ другимъ заявленіямъ, враждебнымъ уніи, какъ, напримѣръ, къ протесту шляхты украинскихъ воеводствъ, составленному 31 мая 1595 г. въ Люблинѣ. Князь Острожскій завелъ переговоры съ протестантами, засѣдавшими на съѣздѣ въ январѣ 1595 г. въ Торнѣ, и попытку уніи выставлялъ, какъ нарушеніе началъ вѣротерпимости, обѣщанныхъ королемъ.

Дѣйствія князя Острожскаго очень смутили и обезпокоили короля. Возникла было мысль отложить поѣздку командированныхъ къ папѣ въ Римъ епископовъ Терлецкаго и Потѣя. Но это показалось опаснымъ для приверженцевъ уніи, такъ какъ среди нихъ началось шатаніе. Гедеонъ Балабанъ, а за нимъ и Михаилъ Копыстенскій отступили отъ уніи и записали объявленіе (протестацію) объ этомъ въ актовой книгѣ. Объявленіе Гедеона Балабана записано было во владимірскія актовыя книги 1 іюля 1595 г., въ присутствіи князя Острожскаго. Балабанъ представлялъ дѣло такъ, какъ будто его имя ошибочно фигурируетъ въ актахъ, касающихся уніи; всему виною, между тѣмъ, Терлецкій. Въ своемъ объявленіи Гедеонъ Балобанъ пустилъ разсказъ о чистыхъ бланкахъ съ подписями, которыми воспользовался будто бы Терлецкій. Разсказъ Балабана о подлогѣ при составленіи декларацій объ уніи использовали потомъ противники уніи, въ особенности авторъ Перестороги. Благодаря этому, разсказъ Балабана повторяется и до нашихъ дней.

Поѣздка Терлецкаго и Потѣя въ Римъ затянулась. Они пробыли тамъ съ 15 октября по начало февраля. Въ концѣ декабря 1595 года папа принялъ ихъ съ большой честью и радостью въ торжественной аудіенціи. Условія уніи были одобрены. По случаю этого со-

бытія была выбита даже медаль съ надписью „Ruthenis receptis“ и съ изображеніемъ сцены признанія „послушенства“ папѣ. Только въ началѣ марта 1596 года Терлецкій и Потѣй возвратились домой.

Оставалось теперь осуществить унію въ дѣйствительности и добиться ея признанія со стороны западнорусской церкви и всѣхъ православныхъ въ Польшѣ и Литвѣ. Среди нихъ, между тѣмъ, шла противъ уніи сильная агитація и раздавались протесты. Православные требовали созванія собора. Папа Климентъ VIII-й, съ своей стороны, поручилъ польскому королю созвать соборъ для формальнаго подтвержденія уніи. Соборъ, по распоряженію короля Сигизмунда III, былъ созванъ на 6 октября 1596 года въ Брестѣ-Литовскомъ. На немъ присутствовало много духовенства, свѣтскихъ вельможъ, шляхты и делегатовъ отъ разныхъ городовъ. Присутствовали также два экзарха патріарховъ—константинопольскаго Никифоръ и александрійскаго Кириллъ Лукарисъ.

Соборъ сразу же раздѣлился на двѣ враждующія стороны. На сторонѣ православныхъ стали оба экзарха, князь Острожскій, епископы Гедеонъ Балабанъ и Михаилъ Копыстенскій, епископъ перемышльскій, съ массой съѣхавшагося православнаго люда; на сторонѣ уніатовъ были митрополитъ Михаилъ Рагоза, епископы Терлецкій, Потѣй съ немногочисленными крилошанами, католическая знать и шляхта, съѣхавшаяся на соборъ. Съ самаго начала образовалось фактически два собора—православный и уніатскій. Отношенія на столько обострились, что каждую минуту можно было опасаться дѣйствія физической силою. До этого дѣло, однако, не дошло. Православный соборъ объявилъ отлученными отъ церкви митрополита и епископовъ, принявшихъ унію. Тѣ въ свою очередь, провозглашая унію, прокляли всѣхъ, кто не призналъ ее. Такъ, вмѣсто объединенія, произошло рѣзкое раздѣленіе въ западнорусской церкви.

Литературная полемика по поводу законности Брестскаго собора и уніи.

Могли ли при такихъ обстоятельствахъ постановленія брестскаго собора о принятіи уніи считаться законными? Вопросъ этотъ сейчасъ же послѣ собора послужилъ предметомъ жаркой литературной полемики между уніатами и православными. Каждая изъ сторонъ стояла, конечно, на своей точкѣ зрѣнія и доводами противника не убѣждалась.

Полемика была открыта въ началѣ 1597 г. книгой Петра Скарги „Описаніе и оборона собору русскаго берестейскаго". Книга была издана, какъ думаютъ, сразу на двухъ языкахъ польскомъ и западно-русскомъ и заключала въ себѣ изложеніе исторіи брестскаго собора съ уніатской, конечно, точки зрѣнія. Православный соборъ представлялся юридически несильнымъ, простой сходкой. Скарга защищалъ унію съ канонической точки зрѣнія, старался опровергнуть всѣ возраженія, которыя раздавались противъ нея. Оппозицію уніи Скарга представлялъ дѣломъ, главнымъ образомъ, диссидентовъ-протестантовъ и аріанъ.

Въ отвѣтъ на книгу Скарги православные въ томъ же году въ Краковѣ выпустили въ свѣтъ свое описаніе брестскаго собора на польскомъ языкѣ, подъ довольно длиннымъ, какъ любили въ то время названіемъ, объясняющимъ главное заглавіе книги „Эктезисъ". Это, по своему содержанію, сухое, почти протокольное описаніе брестскаго собора, фактами доказывало, что соборъ православныхъ вовсе не былъ только сходкой, какъ утверждалъ Скарга, а дѣйствительнымъ соборомъ.

Немного позже „Эктезиса" въ 1597 году въ Вильнѣ, со стороны православныхъ, вышла новая книга противъ Скарги „Апокрисисъ". Авторомъ ея былъ названъ Христофоръ Филалетъ; но это псевдонимъ. Базиліанецъ Игнатій Стебельскій въ XVIII-мъ вѣкѣ указывалъ, что подъ именемъ Филалета скрывался нѣкто Христофоръ Бронскій, но новѣйшіе изслѣдователи относятся къ этому скептически. Они думаютъ, во всякомъ случаѣ, что авторомъ „Апокризиса" было

лицо свѣтское изъ шляхетской фамиліи. Филалетъ высказалъ въ своемъ сочиненіи немало неправославныхъ мнѣній. Нѣкоторые изслѣдователи, поэтому, считали его кальвинистомъ или даже отступникомъ отъ православія; другіе говорятъ, что онъ былъ православный, воспитанникъ православныхъ школъ, докончилъ только свое образованіе за границей. „Апокризисъ" вышелъ спачала па польскомъ языкѣ, но затѣмъ былъ переведенъ па русскій и напечатанъ въ Острогѣ въ 1598 или 1599 г. Переводилъ не авторъ, такъ какъ переводчикъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ текстѣ въ духѣ православныхъ мнѣній. Думаютъ, что „Апокризисъ" появился въ свѣтѣ не безъ участія кн. Острожскаго. Главною цѣлью „Апокризиса" было опровержение сочиненія Скарги о брестскомъ соборѣ. Авторъ „Апокризиса", между прочимъ, защищалъ право міряпъ принимать участіе въ соборахъ, на что нападалъ Скарга. Авторъ „Апокризиса" указывалъ на опасность уніи для шляхетскихъ вольностей и государства. Написанный мѣстами рѣзко, но съ большимъ умомъ и ученостью, „Апокризисъ" представлялъ собой одну изъ самыхъ серьезныхъ книгъ въ полемической литературѣ противъ уніи. Поэтому уніаты старались систематически истреблять эту книгу. Черезъ 30 лѣтъ послѣ ея выхода трудно было найти печатный экземпляръ ея.

„Апокризисъ" вызвалъ противъ себя обширную полемику. Полемика эта не угасла еще и въ третьемъ десятилѣтіи XVII вѣка. Противъ „Апокризиса" писалъ, какъ извѣстно позже, и Мелетій Смотрицкій, сдѣлавшись уніатомъ.

Вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ „Апокризиса", противъ него было выпущено полемическое сочиненіе подъ названіемъ „Антирризисъ", въ 1598 г. на западнорусскомъ, а въ 1600 г. и на польскомъ языкахъ. Сочиненіе это вышло подъ псевдонимомъ Филотея. Считаютъ, что оно принадлежитъ перу грека Петра Аркудія, привезеннаго Потѣемъ изъ Рима; нѣкоторые изъ изслѣ-

дователей, полагаютъ, впрочемъ, что не только вдохновителемъ, но и авторомъ „Антирризиса“ былъ самъ Ипатій Потѣй. Написанный рѣзкимъ, подчасъ ругательнымъ языкомъ, „Антирризисъ“ обвинялъ автора „Апокризиса“ въ ереси, а книгу его называлъ сплошной ложью.

Со стороны православныхъ и уніатовъ было написано еще нѣсколько полемическихъ сочиненій, но они или менѣе важны, или остались не напечатанными, практическаго значенія не имѣли и интересны, какъ памятники культурно-національнаго движенія въ Западной Руси и на Украинѣ въ связи съ брестской уніей. Таковы были, напр., писанія противъ уніи афонскаго монаха Іоанна Вишенскаго или знаменитая „Пересторога“ (предостереженіе) православнымъ христіанамъ, анонимный трактатъ, написанный около 1605—1606 года и оставшійся не напечатаннымъ до средины XIX ст. Изслѣдователи считаютъ авторомъ „Перестороги“ львовскаго братчика Юрія Рогатинца. Излагая событія уніи, авторъ „Перестороги“ допустилъ много передержекъ и ошибокъ. Но отрицательный взглядъ на унію и протестъ противъ нея въ устахъ автора „Перестороги“ являются характерными для того времени.

Полемика объ уніи продолжалась въ теченіе всей первой половины XVII вѣка, то затихая, то снова возобновляясь, какъ это было, напр., въ концѣ 1620-хъ и въ началѣ 1630-хъ годовъ, когда въ унію перешелъ выдающійся архіепископъ полоцкій Мелетій Смотрицкій († 1633 г.). Его переходъ къ уніатамъ вызвалъ очень жаркую полемику. Литературная борьба православныхъ съ уніатами ясно показала, какъ ошибались тѣ, которые думали и утверждали, что унію провести будетъ легко и переходъ къ ней совершится незамѣтно. Литературная полемика углубила пропасть между двумя церквами и сдѣлала сближеніе и примиреніе ихъ въ Польшѣ невозможными. Съ этого времени вопросъ ставился такъ: или унія или православіе.

Отношеніе правительства къ уніи. Борьба противъ уніи на сеймахъ.

Вмѣшавшись въ церковныя дѣла, польское правительство придало вопросу объ уніи политическій характеръ. Правительство фактически отмѣнило дѣйствіе началъ вѣротерпимости по отношенію къ православнымъ, хотя король Сигизмундъ III, при утвержденіи въ 1588 году Pacta conventa *), призналъ и подтвердилъ начала вѣротерпимости въ томъ видѣ, какъ они существовали при короляхъ Генрихѣ Валуа и Стефанѣ Баторіи.

Послѣ брестскаго собора король Сигизмундъ III рѣшительно принялъ сторону уніатовъ и унію считалъ обязательной для всѣхъ лицъ православнаго вѣроисповѣданія. Въ связи съ этимъ, онъ старался замѣщать уніатами главнѣйшія церковныя должности. Экзархъ Никифоръ, присутствовавшій на брестскомъ соборѣ, былъ арестованъ по обвиненію въ шпіонствѣ въ Польшѣ для турецкаго султана, заключенъ въ крѣпость Мальбургъ и тамъ умеръ. Православная шляхта протестовала на сеймахъ противъ мѣръ правительства и старалась добиться признанія православія и замѣны уніатскихъ епископовъ православными. Правительство не уступало. Партія православныхъ на сеймахъ 1597 и 1598 годовъ была сравнительно незначительна и не могла произвести серьезнаго давленія на правительство. Православные, поэтому, рѣшили войти въ союзъ съ протестантами для отстаиванія началъ вѣротерпимости въ Польшѣ и защиты другъ друга. Весною 1599 г. на съѣздѣ въ Вильнѣ между ними былъ заключенъ формальный союзъ-конфедерація. Сеймъ 1600 г. для православныхъ не далъ никакихъ результатовъ. Но сеймъ 1601 г. сталъ уступчивѣй. Ему необходимо было разрѣшеніе кредитовъ на ливонскую войну. Сеймъ рѣшилъ внести въ конституцію требованіе о прекращеніи религіозныхъ судебныхъ дѣлъ и о раздачѣ православ-

*) Pacta conventa—добровольный договоръ между избираемымъ королемъ и сословіями Речи Посполитой. Договоромъ этимъ опредѣлялись ихъ взаимныя обязательства.

ныхъ бенефицій только православнымъ. Король, однако, не утвердилъ этого проекта сеймовой конституціи. На сеймѣ 1603 г. православно-протестантская конфедерація снова принудило правительство къ нѣкоторымъ частичнымъ уступкамъ въ смыслѣ отобранія отъ уніатовъ монастырей и отдачи ихъ православнымъ. На принципіальныя уступки, правительство, однако, не шло. Когда сеймы 1605 и 1606 г. задумали поднять вопросы объ урегулированіи религіозныхъ отношеній и объ устраненіи стѣсненій для протестантовъ и православныхъ, король срывалъ сеймъ или ничего не дѣлалъ для исполненія его постановленій. Это привело, въ концѣ концовъ, въ 1606 г. къ шляхетскому возстанію, „рокошу". Подъ вліяніемъ его, правительство пошло на уступки. На сеймѣ 1607 года была постановлена конституція, по которой за греческой религіей признавались ея права; предоставлять высшія духовныя должности и давать имѣнія можно было только лицамъ изъ православной шляхты русскаго происхожденія; за братствами признавались всѣ ихъ права и привиллегіи; по отношенію къ духовенству объявлялась полная амнистія.

Въ жизнь эти постановленія проведены не были. Смутное время въ Москвѣ и вмѣшательство въ него польскаго правительства отвлекло вниманіе польскаго общества отъ религіозныхъ вопросовъ. Оппозиціонный духъ шляхты ослабѣлъ. Проектъ закона, принятый на сеймѣ 1613 г. въ интересахъ православныхъ, не былъ утвержденъ королемъ. Сеймъ 1615 г. также не могъ добиться постановленій въ пользу диссидентовъ, т. е. православныхъ и протестантовъ, и былъ сорванъ. Безрезультатнымъ, въ этомъ отношеніи, былъ и сеймъ 1616 года. Въ 1618 г. польское правительство было очень заинтересовано участіемъ казаковъ въ войнѣ съ Москвой. На сеймѣ этого года православнымъ, поэтому, была гарантирована свобода богослуженія и обѣщано устраненіе всякаго принужденія въ религіозномъ дѣлѣ. Постановленія сейма были, однако, опротестованы,

какъ незаконныя, а обѣщаніе окончательно урегулировать вопросъ о православныхъ на сеймѣ 1619 г. оказалось неисполненнымъ. Такимъ образомъ, вопросъ о положеніи православной вѣры въ Речи Посполитой, съ юридической точки зрѣнія, оставался къ началу 1620-хъ годовъ въ своей прежней неопредѣленности.

Положеніе православной церкви въ Польшѣ въ началѣ XVII вѣка. Значеніе Брестской уніи.

Сочувствіе уніи со стороны правительства ставило православную церковь въ очень неравныя условія для борьбы съ уніатами. Принявшій унію митрополитъ кіевскій Михаилъ Рагоза былъ признанъ въ своемъ званіи польскимъ правительствомъ. Въ 1599 году онъ умеръ. Его преемникомъ былъ назначенъ Ипатій Потѣй. Тринадцать лѣтъ правилъ Потѣй западно-русской митрополіей, энергично боролся противъ православія и насильственно старался насаждать унію. Наиболѣе упорной эта борьба была въ Вильнѣ, гдѣ сильнымъ противникомъ уніи оказалось святодуховское братство. Потѣй насильно захватилъ у него троицкій монастырь и обратилъ его въ уніатскій. Силою былъ отобранъ у православныхъ въ Вильнѣ и рядъ приходскихъ церквей. Борьба и раздраженіе доходили до такого ожесточенія, что въ Вильнѣ одинъ изъ православныхъ сдѣлалъ покушеніе на Потѣя и ранилъ его въ руку. Покушавшійся былъ казненъ послѣ пытокъ. Унія же стала насаждаться послѣ этого еще съ большей настойчивостью. Безъ насилій не обходилось и въ другихъ мѣстахъ. Кіево-печерскому архимандриту Никифору Туру удалось отстоять Печерскій монастырь отъ захвата уніатами только съ оружіемъ въ рукахъ. Зато цѣлый рядъ другихъ монастырей, особенно въ Бѣлоруссіи, въ числѣ ихъ и Супрасльскій, были захвачены уніатами.

Потѣй умеръ 18 іюля 1613 года во Владимірѣ Волынскомъ. Преемника себѣ на митрополіи онъ назначилъ еще при жизни. Это былъ Іосифъ Вельяминъ Рутскій, происходившій изъ рода Вельяминовыхъ, московскихъ воеводъ, передавшихся въ 1568 г. литовцамъ. Рутскій былъ сначала православнымъ, затѣмъ сдѣлался

кальвинистомъ и, наконецъ, поддавшись іезуитамъ, перешелъ въ католичество. Потѣй избралъ его своимъ коадъюторомъ. Рутскій являлся достойнымъ сотрудникомъ Потѣя. Назначеніе Рутскаго митрополитомъ православные встрѣтили протестомъ. Король не обратилъ на это вниманія. Рутскій былъ очень образованный человѣкъ. Онъ заботился о распространеніи образованія среди уніатскаго духовенства; въ то же время продолжалъ упорную борьбу противъ православія, начатую Потѣемъ. Дошло дѣло до того, что къ 1620-мъ годамъ у православныхъ остался только одинъ епископъ львовскій; остальныя же епископскія кафедры съ ихъ богатыми имуществами были всѣ въ рукахъ уніатовъ.

На сеймѣ 1620 года поднялъ голосъ въ защиту православной церкви Лаврентій Древинскій, чашникъ земли волынской и королевскій секретарь. Древинскій былъ однимъ изъ выдающихся украинскихъ дѣятелей конца XVI и начала XVII в., митрополитъ Макарій въ своей „Исторіи русской церкви" ставитъ имя Древинскаго, какъ защитника православной церкви, наряду съ именами князей К. К. Острожскаго и Богдана Огинскаго. Древинскій принималъ участіе въ брестскомъ соборѣ 1696 г. и былъ отправленъ къ королю Сигизмунду III съ протестомъ противъ уніи. На сеймѣ 1620 г. Лаврентій Древинскій въ мрачныхъ краскахъ изображалъ положеніе православной церкви въ Речи Посполитой: „какое распространеніе славы Божіей, говорилъ, между прочимъ, онъ, является съ помощью новоизобрѣтенной уніи? Уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ вмѣсто монаховъ скотъ запираютъ... Дѣти безъ крещенія изъ этого свѣта уходятъ, тѣла умершихъ изъ городовъ, какъ падаль, вывозятся; народъ безъ исповѣди, безъ пріобщенія св. таинъ умираетъ... Кто греческаго закона и къ уніи непреклоненъ, тотъ въ городѣ жить не можетъ, не можетъ быть принятымъ въ купечество и ремесленные

цехи и производить продажу питей... Монаховъ, непреклонныхъ къ унiи, ловятъ, бьютъ и въ тюрьмы садять. Въ чины гражданскiе людей достойныхъ и ученыхъ за то только, что съ унiею не соединены, не производятъ; но простаками и невѣждами, такъ что иной не знаетъ, что есть правосудiе, или справедливость, въ поношенiе стороны русской, праздныя мѣста наполняютъ... Коротко сказать: давно уже великiя и неслыханныя притѣсненiя русскiй нашъ народъ какъ въ Коронѣ, такъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ переноситъ".

Рѣчь Деревинскаго оказалась гласомъ вопiющаго въ пустынѣ. Число членовъ сейма изъ православныхъ значительно порѣдѣло. Сочувствiе короля и польскаго правительства унiи, выгоды, связанныя съ католической религiей въ Речи Посполитой, наконецъ, и въ особенности культурная дѣятельность iезуитовъ и ихъ многочисленныхъ училищъ дѣлали то, что западно-русская и украинская православная шляхта постепенно и незамѣтно теряла свою нацiональность и вѣру и обращалась въ поляковъ и католиковъ. Въ 1610 году въ своемъ „Θρῆνος“ („Плачѣ“) Мелетiй Смотрицкiй, впослѣдствiи и самъ не устоявшiй передъ iезуитской пропагандой и перешедшiй въ унiю, восклицалъ отъ имени православной церкви: „Гдѣ тотъ безцѣнный камень, который я (т. е. православная церковь) межъ иными перлами, какъ солнце между звѣздами, носила въ коронѣ на главѣ моей, гдѣ домъ князей Острожскихъ, сiявшiй болѣе всѣхъ другихъ блескомъ своей старожитной вѣры? Гдѣ болѣе драгоцѣнные камни той же короны—роды князей Слуцкихъ, Заславскихъ, Вишневецкихъ, Збаражскихъ, Сангушекъ, Чарторiйскихъ, Пронскихъ, Рожинскихъ, Соломерѣцкихъ, Головчинскихъ, Крашинскихъ, Масальскихъ, Горскихъ, Соколинскихъ, Лукомскихъ, Пузыновъ и другихъ, которыхъ перечислять пришлось бы долго? Гдѣ и иныя мои драгоцѣнности—гдѣ древние, родовитые, сильные,

во всемъ свѣтѣ славные своимъ мужествомъ и доблестью, Ходкевичи, Глѣбовичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Войны-Воловичи, Зеновичи, Пацы, Халецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хрептовичи, Тризны, Горностаи, Мышки, Гойскіе, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Калиновскіе, Кирдеи, Загоровскіе, Мелешки, Боговитины, Павловичи, Сосновскіе, Скумины, Потѣи?".

Конечно, не всѣ члены этихъ родовъ отпали отъ православія и потеряли свою народность. Но несомнѣнно, что число отпавшихъ было велико. Къ началу 1620-хъ годовъ оно еще увеличилось. Западно-русская, бѣлорусская и украинская народность и православная вѣра теряли, такимъ обраразомъ, свою опору въ высшемъ сословіи. Опирались они теперь почти исключительно на повѣтовую шляхту и низшіе классы—на городской классъ и крестьянство. Вотъ почему въ XVII вѣкѣ борьба за права православной вѣры и „русской" народности принимаетъ, преимущественно, народный, демократическій характеръ. На сцену въ этой борьбѣ является теперь новая сила, выросшая изъ народной среды и уже достаточно къ началу XVII вѣка сформировавшаяся—казачество. Въ союзѣ съ духовенствомъ и горожанами казачество отстаиваетъ въ XVII в. не одни только свои классовые интересы, какъ раньше, но и интересы православной церкви и „русской" народности въ Речи Посполитой. Религіозный вопросъ еще болѣе становится вопросомъ національнымъ, и религіозная борьба получаетъ характеръ скорѣе борьбы національной.

Брестская унія, такимъ образомъ, явилась исходнымъ пунктомъ новаго періода въ исторіи Западной Руси и Украины.

Религіозно-національное и культурное движеніе въ Западной Руси и на Украинѣ въ XVI—XVII вѣкахъ *).

Культурно-національное движеніе въ XVI—XVII вв. и его характеръ.

Въ жизни Западной Руси и Украины второй половины XVI столѣтія мы наблюдаемъ сильное культурно-національное движеніе. Оно существовало здѣсь и раньше и не прекращалось со времени присоединенія бѣлорусскихъ и украинскихъ земель къ Литвѣ и Польшѣ. Но никогда, въ прежнее время, оно не достигало такого напряженія и развитія, какъ во второй половинѣ XVI и въ XVII вѣкѣ.

*) Главнѣйшая литература: *М. С. Грушевський, проф.* Культурно-національний рух на Україні в XVI—XVII віці. Київ—Львів. 1912 г. *Его же.* Історія України-Руси. Т. V, VI, VII и VIII. Київ—Львів. 1905—1909. *С. Т. Голубевъ, проф.* Исторія Кіевской духовной академіи (періодъ до-могилянскій). Кіевъ. 1886. *Его же.* Кіевскій митрополитъ Петръ Могила. Т. I и II. Кіевъ. 1883 и 1898. *Его же.* О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ (Кіевская Старина, 1886 г. № 6). *Е. Е. Голубинскій, проф.* Разборъ перваго тома диссертаціи С. Т. Голубева въ „Отчетѣ Академіи Наукъ о 27 присужденіи наградъ гр. Уварова". Спб. 1885. *Ѳ. А. Терновскій, проф.* Кіевскій митрополитъ Петръ Могила (Кіевская Старина, 1882 г. т. II). *Митрополитъ Макарій.* Исторія русской церкви. Т. IX—XI. *К. В. Харламповичъ, проф.* Острожская православная школа (Кіевская Старина, 1897 г., кн. IV). *Его-же.* Западно-русскія церковныя братства и ихъ просвѣтительная дѣятельность въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка. Спб. 1899 г. *Его же.* Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вв. Казань. 1888. *П. В. Владиміровъ, проф.* Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб. 1888. *Архангельскій, проф.* Борьба съ католичествомъ и западно-русская литература конца XVI и первой половины XVII в. М. 1888. *П. И. Житецкій.* Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в. Кіевъ. 1876 г. (Изъ „Трудовъ" 3-яго археологическаго съѣзда). *А. С. Грушевскій.* Пересопницкое евангеліе, какъ памятникъ искусства

Общій характеръ движенія религіозный. Это обусловливалось тѣмъ значеніемъ, какое имѣла религія въ жизни Западной Руси и Украины. Со времени перваго соединенія литовско-русскаго государства съ Польшей при Ягайлѣ, здѣсь шла борьба двухъ религій, католической и православной, и двухъ культуръ—польско-латинской и русско-византійской. Послѣдняя имѣла свои корни въ старой кіевской Руси. Принадлежность къ православной вѣрѣ означала обыкновенно принадлежность къ русской національности и культурѣ. Принятіе же исповѣданія католическаго имѣло слѣдствіемъ, въ большинствѣ случаевъ, подчиненіе польской культурѣ и усвоеніе польскихъ національныхъ чертъ. Въ виду этого религіозные и культурно-національные интересы въ Западной Руси и на Украинѣ были тѣсно связаны между собой. Религіознымъ характеромъ отличались также интересы политическіе, классовые и экономическіе. Это было наслѣдіе, которое Польша приняла еще отъ среднихъ вѣковъ. Принадлежность къ православію влекла за собой нѣкоторыя неблагопріят-

эпохи возрожденія въ южной Россіи въ XVI в. Кіевъ. 1911 г. (Изъ журнала „Искусство"). *Его же.* Палеографическія и критическія замѣтки о пересопницкомъ евангеліи Журн. М-ва Нар. Просв. 1912 г. № 4 и 6. *П. П. Житецкій.* Литературная дѣятельность І. Вишенскаго. (Кіевская Старина, 1890. кн. VI). *Ив. Франко.* Іван Вишенській і його твори. Львів. 1895. *Студинський.* Пересторога, руський памятник початку XVII в. Львів. 1895. *Жуковичъ, проф.* Сеймовая борьба православнаго дворянства съ церковной уніей. Т. I. Спб. 1903. *Его же.* Сеймовая борьба. Т. II, вып. I—VI. *В. З. Завитневичъ, проф.* „Палинодія Захарія Копистенскаго и ея мѣсто въ исторіи западно-русской полемики XVI и XVII вв. Варшава. 1883. *Al. Jabłonowski.* Akademia Kijowsko-Mohilańska. 1900. Kraków. *Его же.* „W sprawie Akademii kijowsko-mohilańskiej" (Pisma Al. Jabłonowskiego. Warz. 1900. T. II). Послѣдняя статья является отвѣтомъ на критическія замѣтки проф. Ф. И. Титова „Урокъ съ запада" (Труды Кіев. духовной академіи 1902 г., мартъ) и „Къ вопросу о значеніи Кіевской духовной академіи для православія и для русской народности въ XVI—XVII в.в. (Труды Кіевской духовной академіи 1903 г. кн. IV и 1904 г. кн. I). Архивъ Юго-Запад. Россіи. Часть I. Т. IX и X, гдѣ изданы важнѣйшія религіозно-полемическія сочиненія.

ныя послѣдствія при занятіи высшихъ государственныхъ должностей; она сопровождалась иногда ограниченіями при пользованіи нѣмецкимъ правомъ, занятіи ремеслами и т. д. Отстаивая права своей религіи, православные тѣмъ самымъ отстаивали права своей національности и добивались уравненія ея въ правахъ съ католиками-поляками. Движеніе, по характеру своему религіозное, становилось, такимъ образомъ, національнымъ.

Обстоятельства, способствовавшія движенію, и первые слѣды его.

Къ началу XV-го вѣка въ Западной Руси и на Украинѣ былъ замѣтенъ упадокъ религіозной, культурной и національной жизни. Неустройства въ церкви увеличились. Положеніе ея въ государствѣ ухудшилось. Она стала считаться религіей низшей. Интересъ къ ней, поэтому, упалъ среди высшихъ слоевъ общества. Въ связи съ упадкомъ православной церкви, уменьшилось и ея культурное значеніе. Бѣднѣла литература и письменность, и такъ до тѣхъ поръ не богатая. Языкъ западно-русскій сталъ выходить изъ употребленія въ дѣлопроизводствѣ судебномъ и административномъ, гдѣ онъ былъ до тѣхъ поръ господствовавшимъ, и сталъ замѣняться языкомъ латинскимъ. „Русскій" языкъ дольше удерживался въ украинскихъ областяхъ. Тамъ употребленіе его въ дѣлопроизводствѣ было гарантировано и послѣ Люблинской уніи (1569 г.). Но на практикѣ, въ частной жизни высшихъ классовъ общества даже на Украинѣ онъ уступалъ нерѣдко мѣсто языкамъ латинскому и польскому. Въ концѣ концовъ только немногіе патріоты сознательно сохраняли его. Одинъ изъ такихъ Василій Загоровскій въ своемъ завѣщаніи 1577 г. убѣждалъ своихъ дѣтей, „аби писма своего руского и мовенья рускими словы не забачили".

Но уже въ самомъ началѣ XV вѣка замѣчаются слѣды нѣкотораго культурно-національнаго оживленія въ Западной Руси и на Украинѣ. На это вліяли, главнымъ образомъ, два обстоятельства—общій реформаціонный духъ эпохи и культурное движеніе въ Польшѣ.

Многіе изъ ученыхъ придаютъ большое значеніе распространенію гуманистическихъ и реформаціонныхъ идей не только въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, но и на Украинѣ (митр. Макарій, П. И. Житецкій О. И. Левицкій), но въ послѣднее время проф. М. С. Грушевскій высказалъ взглядъ, что фактовъ, подтверждающихъ широкое распространеніе реформаціонныхъ идей на Украинѣ нѣтъ, и что значеніе ихъ для Украины преувеличено. Большое значеніе реформаціонныя и гуманистическія идеи имѣли въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Оттуда уже онѣ проникали мало-по-малу и на Украину.

Въ Литвѣ и Бѣлоруссіи реформаціонныя и гуманистическія идеи распространялись съ Запада, чрезъ Польшу при посредствѣ, польской культуры и людей, учившихся за границей и ѣздившихъ туда, или при посредствѣ тѣхъ нѣмцевъ, которыхъ много было въ западно-русскихъ и литовскихъ городахъ въ XV и XVI вв. Вліяніе же гуманизма на Польшу шло черезъ Чехію, а позже, въ началѣ и срединѣ XVI в., непосредственно изъ Италіи, когда при королевѣ Бонѣ, женѣ польскаго короля Сигизмунда I Стараго, родомъ итальянкѣ, изъ рода Сфорца, установилась болѣе тѣсная связь между польскимъ королевскимъ дворомъ и Италіей. Подъ вліяніемъ новыхъ идей, въ Польшѣ пробудился интересъ къ польскому языку, къ польской національности. Начался новый періодъ народной польской литературы. Появленіе іезуитовъ въ Польшѣ въ срединѣ XVI в. способствовало развитію образованія. Культурныя перемѣны въ Польшѣ оказывали, въ свою очередь, сильное вліяніе на Литву, Бѣлоруссію и Украину, особенно съ той поры, какъ области эти въ 1569 г. тѣсно соединились съ Польшей.

Фіоль.

Культурное оживленіе въ Западной Руси замѣтно начинаетъ усиливаться съ конца XV ст. и начала XVI в. Чешское вліяніе при этомъ несомнѣнно. Чехи первые изъ славянъ занялись печатаніемъ богослужебныхъ книгъ. Позже въ Краковѣ была основана первая славяно-рус-

ская типографія. Нѣмецъ Швайпольтъ Фіоль (Фѣоль), вѣроятно, съ коммерческими цѣлями, напечаталъ въ ней въ 1491 году кирилловскими буквами пять церковныхъ книгъ: Октоихъ (Осмогласникъ), Часословъ, Тріодь постную и цвѣтную и Псалтырь. Фіоль въ слѣдующемъ году былъ обвиненъ въ ереси и долженъ былъ бѣжать въ Венгрію. Издательская его дѣятельность прекратилась, но изданныя имъ книги очень уважались православными.

Дальнѣйшій и болѣе серьезный шагъ сдѣлалъ докторъ Францискъ Скорина.

Докторъ Францискъ Скорина.

Скорина былъ уроженцемъ Полоцка, по происхожденію „русскій" изъ богатой купеческой фамиліи. Годъ его рожденія и смерти неизвѣстенъ. Воспитывался Скорина сначала въ краковскомъ университетѣ, а затѣмъ въ университетѣ въ Падуѣ. Тамъ онъ и получилъ въ 1512 г. степень доктора медицины. Вопросъ о вѣроисповѣданіи Скорины—спорный. Одни изъ изслѣдователей считаютъ Скорину католикомъ или, по крайней мѣрѣ, человѣкомъ, принадлежавшимъ къ партіи уніи; другіе, въ томъ числѣ и новѣйшій изслѣдователь дѣятельности Скорины проф. П. В. Владиміровъ, думаютъ, что Скорина былъ и остался православнымъ. Реформаціонное движеніе, очевидно, захватило и Скорину. Скорина поселился въ Чехіи, въ Прагѣ и тамъ занялся издательскою дѣятельностью. Въ 1517 году Скорина напечаталъ въ Прагѣ псалтырь на церковно-славянскомъ языкѣ съ нѣкоторыми поправками на основаніи чешскихъ переводовъ, задумалъ затѣмъ издать переводъ библіи на общенародный западно-русскій языкъ, но успѣлъ выпустить въ 1518 и 1519 годахъ только нѣсколько отдѣльныхъ книгъ ветхаго завѣта, не доведя почему-то изданія до конца. Въ началѣ 1520-хъ годовъ Скорина перенесъ свою дѣятельность въ Вильну, основалъ типографію въ домѣ старшаго изъ бурмистровъ Якуба Бабича и издалъ тамъ въ 1525 г. Апостолъ и молитвенникъ, озаглавленный имъ

„Малая подорожная книжица“ и заключавшій въ себѣ псалтырь, часословецъ, акафисты и каноны, краткій „шестоденецъ“, т. е. службу на цѣлую недѣлю, краткіе святцы и пасхалію на много лѣтъ. Можетъ быть, были еще другія изданія Скорины, но они не дошли до нашего времени.

Своей издательской дѣятельностью Скорина преслѣдовалъ не только религіозныя, но культурныя и національныя цѣли. По его мнѣнію, въ Библіи можно найти начало всѣхъ наукъ. Переводъ Библіи на языкъ, близкій къ народному, долженъ былъ повести „къ наученію людемъ посполитымъ руского языка“.

Изданія Скорины пользовались большою извѣстностью не только въ Западной Руси и на Украинѣ, но и за предѣлами ихъ, даже заграницей. Они служили образцомъ для подражанія въ типографскомъ отношеніи. Редакція текста въ изданіяхъ Скорины также завоевала себѣ большой авторитетъ. Вліяніе переводовъ Скорины замѣчается на позднѣйшихъ печатныхъ псалтыряхъ и даже на знаменитой острожской библіи 1581 г. Когда изданія Скорины вышли изъ продажи, ихъ переписывали. Сохранилось нѣсколько рукописныхъ копій.

Интересъ къ народному языку.

Попытка Скорины приблизить языкъ священныхъ книгъ къ народному находила большое сочувствіе и отвѣчала вполнѣ назрѣвавшей потребности. Это видно изъ появленія нѣсколькихъ учительныхъ евангелій въ XVI вѣкѣ съ языкомъ, приближавшимся къ народному. Самымъ замѣчательнымъ изъ евангелій, въ переводѣ на тогдашній украинскій языкъ, является пересопницкое, украшенное богатымъ орнаментомъ въ стилѣ возрожденія. Оно сдѣлано было на средства кн. Заславской на Волыни приблизительно въ 1556—1561 гг. пересопницкимъ игуменомъ Григоріемъ вмѣстѣ съ сыномъ протопопа г. Санока Михаиломъ Васильевичемъ. Впослѣдствіи пересопницкое евангеліе попало въ руки гетмана Мазепы и было имъ подарено въ 1701 году пе-

переяславскому вознесенскому монастырю (полтавской губерніи).

Протестантскія теченія въ Западной Руси и на Украинѣ старались также въ своей религіозной дѣятельности пользоваться языкомъ, близкимъ къ народному. Въ такомъ духѣ была на первыхъ порахъ дѣятельность Симона Буднаго, сначала кальвиниста, затѣмъ сдѣлавшагося послѣдователемъ самаго крайняго аріанства. Въ сообществѣ съ Кавечинскимъ, намѣстникомъ несвижскимъ, и Крышковскимъ, впослѣдствіи социніанскимъ пасторомъ, Будный издалъ въ 1562 году на западно-русскомъ языкѣ „О оправданіи грѣшнаго человѣка предъ Богомъ“ и протестантскій „Катехизисъ“. Позже Будный оставилъ совершенно народный языкъ и сталъ пользоваться въ своихъ трудахъ языкомъ польскимъ. Имъ была переведена и издана въ Несвижѣ въ 1572 году библія на польскомъ языкѣ, предназначенная для социніанъ. Говорить, однако, что протестантское движеніе способствовало презрительному отношенію къ своему родному языку, нельзя.

Къ тому же времени, т. е. къ 1570—1580 гг. относится и переводъ на бѣлорусскій языкъ евангелія Василіемъ Тяпинскимъ. О личности Тяпинскаго мало извѣстно. Большинство ученыхъ думаетъ, что онъ былъ, по происхожденію, бѣлоруссъ, по вѣроисповѣданію, протестантъ. Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій считаетъ Тяпинскаго социніаниномъ, стоявшимъ въ связи съ Буднымъ. Въ предисловіи къ своему переводу Тяпинскій горячо жалуется на пренебреженіе роднымъ языкомъ и убѣждаетъ магнатовъ послужить дѣлу народнаго просвѣщенія. Онъ скорбитъ объ ополяченіи подрастающихъ поколѣній. Священное писаніе на понятномъ для народа языкѣ можетъ, по его мнѣнію, быть вѣрнымъ средствомъ противъ ополяченія. Оно же можетъ способствовать и просвѣщенію. Когда дѣти познакомятся со священнымъ писаніемъ и поймутъ его, Богъ побудитъ ихъ „ку можнѣйшимъ наукамъ въ

словѣ своемъ, ку статочному разсудку и ку умѣетности". У Тяпинскаго въ его имѣніи была небольшая типографія, но средствъ напечатать все евангеліе у него не хватило. Онъ напечаталъ только часть его.

Извѣстенъ еще одинъ переводъ евангелія на западно-русскій языкъ. Переводъ сдѣланъ какимъ-то Валентиномъ Негалевскимъ около 1581 г. въ с. Хорошовѣ на Волыни (теперь острожскаго уѣзда волынской губерніи) съ языка польскаго въ интересахъ также реформаціи (социніанства). По словамъ переводчика, онъ предпринялъ свой трудъ по настоянію „многихъ ученыхъ, богобойныхъ (т. е. богобоязненныхъ), а слово Божіе милуючихъ людей", которые по польски не знаютъ, а по славянски не всѣ слова понимаютъ.

Попытки употребленія народнаго языка въ западно-русской письменности этимъ не исчерпывались. Недавно, напр., стало извѣстнымъ такъ называемое лѣтковское евангеліе, названное такъ по мѣстечку Лѣткамъ остерскаго уѣзда черниговской губерніи. Оно представляетъ собой переводъ евангелія на украинскій языкъ конца XVI или самаго начала XVII вѣка. Вѣроятно, найдутся еще и другіе литературные памятники въ такомъ же родѣ. Впослѣдствіи на этомъ „рускомъ" языкѣ, какъ онъ называется въ переводахъ и сочиненіяхъ XVI вѣка и въ Литовскомъ статутѣ, стала, по замѣчанію проф. П. В. Владимірова, развиваться и дальнѣйшая церковная литература—проповѣдническая, богословская и переводная.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что ко второй половинѣ XVI в. въ Западной Руси и на Украинѣ ширилось и укрѣплялось культурно-національное теченіе. Оно отражалось и на другихъ явленіяхъ тогдашней жизни. Нѣкоторые изъ магнатовъ и богатыхъ горожанъ начали проявлять къ нему интересъ. Объяснить это обстоятельство личными какими-нибудь вліяніями и примѣрами нельзя. Въ немъ сказывалось общее вліяні

эпохи, стремленіе къ просвѣщенію и издательству, такъ характерное для всего вѣка реформаціи.

Уже въ началѣ XVI в., мы знаемъ, Скорина основалъ въ Вильнѣ типографію въ домѣ одного изъ высшихъ урядниковъ изъ городского сословія. Дѣятельность Скорины въ Вильнѣ не была одинокой. Есть указаніе на издательскую дѣятельность Богдана Оньковича, райцы виленскаго, который своими средствами помогалъ Скоринѣ. Позже въ Вильнѣ возникаетъ издательская дѣятельность виленскихъ богатыхъ мѣщанъ Зарѣцкихъ и Мамоничей.

Начало издательской дѣятельности Мамоничей находится въ связи съ печальной судьбой первыхъ московскихъ книгопечатниковъ — Ивана Федорова и Петра Мстиславца.

Московскіе печатники

Иванъ Федоровъ и Петръ Мстиславецъ, какъ известно, должны были бѣжать изъ Москвы. Ихъ пріютилъ у себя въ Заблудовѣ (бѣлостокскаго уѣзда гродненской губ.) литовскій гетманъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ. Тамъ они основали типографію и въ мартѣ 1569 г. окончили печатаніемъ первое свое изданіе за границей—учительное евангеліе, содержавшее въ себѣ поученія на всѣ недѣли и праздники года. Характерно, что въ предисловіи къ этому евангелію говорится о первоначальномъ намѣреніи Ходкевича издать его въ переводѣ „на простую молву". Послѣ же совѣщанія съ людьми свѣдующими, можетъ быть, съ московскими печатниками, мысль эта была, однако, оставлена изъ опасенія ошибокъ при переводѣ. Въ 1570 г. былъ напечатанъ ими псалтырь съ часословомъ. На этомъ заблудовская типографія и прекратила свою дѣятельность. Старикъ Ходкевичъ сталъ хворать и пріостановилъ дальнѣйшее печатаніе книгъ.

Московскіе печатники разстались послѣ этого другъ съ другомъ и разошлись въ разныя стороны. Мстиславецъ отправился въ Вильну. Здѣсь въ домѣ братьевъ Кузьмы и Луки Мамоничей онъ основалъ

типографію и, при поддержкѣ матеріальной братье Зарѣцкихъ, началъ печатаніе. Въ 1575 г. имъ бы издано евангеліе, а въ слѣдующемъ году псалтыр Позже съ начала 1580-хъ годовъ издательствомъ зан лись сами братья Мамоничи съ чисто коммерческим цѣлями. Ихъ типографія еще въ концѣ XVIII в. пр надлежала къ числу знаменитѣйшихъ въ славянском мірѣ.

Ивану Федорову Ходкевичъ предлагалъ заняться сельскимъ хозяйствомъ. Этотъ фанатикъ типографска дѣла, однако, не согласился, а отправился во Львов Не найдя поддержки у людей богатыхъ, Иванъ Федо ровъ, при помощи людей средняго достатка, заложил во Львовѣ въ 1578 г. небольшую типографію и стал работать въ ней со своими помощниками, переселив шимися вмѣстѣ съ нимъ изъ Заблудова во Львовъ Первою книгою, вышедшею въ 1574 г. въ свѣтъ из типографіи Ивана Федорова во Львовѣ былъ Апостол по славянскому тексту, привезенному Федоровымъ изъ Москвы. Въ предисловіи къ нему Федоровъ разсказал о всѣхъ своихъ приключеніяхъ въ жизни и объ осно ваніи типографіи во Львовѣ.

Князья Острожскій, Слуцкій и А. М. Курбскій.

Издательская дѣятельность Ивана Федорова во Львовѣ не могла развиться. Средствъ не было. Типографія шла въ убытокъ. Федоровъ вошелъ въ долги и долженъ былъ оставить Львовъ. Въ 1575 г. онъ поступилъ на службу къ князю Василію-Константину Острожскому и въ основанной въ г. Острогѣ типографіи напечаталъ Псалтырь и Новый Завѣтъ, а въ 1580—1581 г. знаменитую Острожскую Библію. Послѣ этого Иванъ Федоровъ вернулся во Львовъ и тамъ въ ноябрѣ 1583 года умеръ въ большой бѣдности.

Острожская Библія представляетъ собой выдающееся явленіе типографскаго искусства того времени въ славянскомъ мірѣ. Она была результатомъ широкой подготовительной работы. Для установленія текста ея, какъ говорится въ предисловіи къ Библіи, князь

Острожскій посылалъ собирать копіи списковъ священнаго писанія по монастырямъ сербскимъ, болгарскимъ, греческимъ и въ Италіи. Въ основу изданія легъ списокъ Библіи, полученный изъ Москвы черезъ литовскаго посла Гарабурду. Это была такъ называемая Геннадіевская Библія 1449 г.—сводъ, составленный въ Великомъ Новгородѣ при содѣйствіи новгородскаго епископа Геннадія. Московскаго списка преимущественно и держались острожскіе издатели, повторяя даже иногда его ошибки. Кое-что они вносили и изъ другихъ текстовъ, между прочимъ, изъ переводовъ Скорины. Отсюда въ Острожской Библіи замѣтно немало особенностей западно-русской рѣчи. Особенности эти могутъ быть объяснены еще и происхожденіемъ редакторовъ изданія, привычнымъ употребленіемъ ими западно-русскаго языка. Для пересмотра матеріала были собраны въ г. Острогѣ лучшія литературныя и ученыя силы того времени въ Западной Руси и на Украинѣ. Этотъ кружокъ ученыхъ богослововъ въ одномъ изъ острожскихъ изданій называется Академіей. Подъ вліяніемъ его и при его содѣйствіи, вѣроятно, возникла въ г. Острогѣ и школа на средства, конечно, князя Острожскаго.

Князю Василію-Константину Острожскому принадлежала, несомнѣнно, видная роль въ культурномъ движеніи и въ исторіи религіозно-національной борьбы въ Западной Руси въ связи съ брестской уніей. Князь Василій, или, какъ его называютъ обыкновенно, по имени отца, Константинъ Острожскій, былъ младшимъ сыномъ знаменитаго гетмана литовскаго Константина Ивановича Острожскаго и родился въ 1527 г. На двацать четвертомъ году онъ сдѣлался старостою владимірскимъ и маршалкомъ волынской земли, а въ 1559 г. получилъ воеводство кіевское и занималъ его до самой своей смерти 8 февраля 1608 г. Похороненъ онъ въ Острогѣ. Не смотря на свои громадныя богатства и связи, князь Василій-Константинъ не игралъ замѣтной роли въ го-

сударственной жизни литовскаго государства. Новѣйшіе изслѣдователи вообще отмѣчаютъ пассивность въ его характерѣ. Дѣятельность его на пользу просвѣщенія, православія и русской національности въ Западной Руси и на Украинѣ, въ значительной степени, приписываютъ вліянію лицъ, которыя его окружали. Недостатокъ опубликованныхъ свѣдѣній о кн. Острожскомъ имѣетъ слѣдствіемъ самыя противорѣчивыя сужденія о немъ. Начиная съ „Палинодіи“ Захарія Копыстенскаго, написанной вскорѣ послѣ смерти кн. Острожскаго, и до нашего времени мы встрѣчаемъ рядъ трудовъ, въ основѣ которыхъ лежитъ идеализація князя Острожскаго, какъ защитника православія и русской народности. Противоположное мнѣніе высказалъ П. А. Кулішъ въ первомъ томѣ своей „Исторіи возсоединенія Руси“. Кулішъ называетъ кн. Острожскаго „жалкимъ старикомъ, надѣлавшимъ много вреда русскому дѣлу“. По мнѣнію Куліша, православіе ничего не дождалось отъ кн. Острожскаго; онъ ничего не предпринялъ въ его пользу и вмѣсто борьбы, проповѣдывалъ только терпѣніе. Проф. М. С. Грушевскій въ VI томѣ своей „Історіи Украіни-Руси“ признаетъ большое значеніе кн. Острожскаго въ исторіи культурной, религіозной и національной борьбы XVI вѣка, считаетъ его только человѣкомъ безъ ясно выраженной индивидуальности, индиферентнымъ, лишеннымъ самостоятельной инціативы. Православный по вѣрѣ и русскій по происхожденію, кн. Острожскій стоялъ въ близкихъ и тѣсныхъ связяхъ съ католической, польской и литовской аристократіей. Это мѣшало ему выступать рѣшительно на защиту православія и русской народности.

Есть извѣстіе, что школа и типографія существовали при дворѣ князя Юрія Юрьевича Слуцкаго, двоюроднаго брата князя Острожскаго. О ней, какъ и о школѣ въ г. Острогѣ, упоминаетъ іезуитъ Антоній Поссевинъ въ 1581 году въ своемъ донесеніи папѣ Григорію XIII. Дворъ кн. Слуцкаго являлся также

своего рода культурнымъ центромъ въ Западной Руси, равно какъ и дворъ извѣстнаго московского эмигранта князя Андрея Михайловича Курбскаго.

Вынужденный спасаться отъ гнѣва Грознаго, Курбскій убѣжалъ въ 1564 г. въ Литву и здѣсь получилъ во владѣніе обширное ковельское староство. На Волыни Курбскій прожилъ до самой своей смерти въ 1583 г. Время его пребыванія здѣсь совпало съ усиленіемъ въ Литвѣ католической пропаганды. Курбскій получилъ на родинѣ хорошее религіозное образованіе въ духѣ православной церкви. Встрѣтившись въ Литвѣ съ враждебной православію католической пропагандой, Курбскій принялъ горячее участіе въ борьбѣ съ нею. Онъ разсылалъ посланія, письма къ православнымъ, между прочимъ, и къ князю Острожскому; убѣждалъ ихъ быть твердыми въ православіи, не вступать въ споры съ католиками; старался разоблачать католическое ученіе, переводилъ отрывки изъ писаній отцевъ церкви для опроверженія католиковъ. Подобнаго рода дѣятельность заставила Курбскаго изучить, хотя по его словамъ, и съ сожалѣніемъ, латинскій языкъ. Курбскій настолько, овладѣлъ имъ, что читалъ даже Аристотеля. Въ Москвѣ Курбскій дружилъ съ Максимомъ Грекомъ. Отъ него онъ, можетъ бывь, заимствовалъ мысль о необходимости исправленія и перевода церковныхъ, богослужебныхъ и священныхъ книгъ. Самъ Курбскій пріобрѣлъ ихъ немало и, при помощи одного православнаго образованнаго юноши, занимался переводомъ сочиненій отцевъ церкви на церковно-славянскій языкъ. Курбскій не сочувствовалъ переводу церковныхъ книгъ на языкъ народный и не разъ писалъ въ этомъ смыслѣ кн. Острожскому.

Дѣятельность кн. Острожскаго, кн. Слуцкаго, кн. Курбскаго не могла имѣть широкаго значенія. Изданія ихъ распространялись только въ небольшомъ кругѣ людей. Грамотныхъ было мало. Школъ почти не было. Въ началѣ XVII вѣка авторъ „Пересторoги“ жаловался:

„были великіе ревнители между князьями, которые съ великими издержками церквей и монастырей настроили и маетностями ихъ снабдили, золотомъ, серебромъ украсили, но, что было всего необходимѣе, школъ постоянныхъ не основывали". Князья, какъ кн. Острожскій, кн. Слуцкій были исключеніемъ. Образованіе православныхъ ограничивалось обыкновенно церковною начитанностью. Рѣдкіе изъ нихъ получали образованіе за границей.

Значеніе іезуитовъ.

Появленіе іезуитовъ въ Польшѣ и Литвѣ дало сильный толчекъ къ развитію просвѣщенія и среди православныхъ. Іезуиты, обыкновенно люди очень образованные, дѣйствовали, по преимуществу, двумя способами—проповѣдью и основаніемъ школъ. Въ 1570 году іезуиты основали свою коллегію въ Вильнѣ. Впослѣдствіи ихъ школы были основаны и въ другихъ городахъ Литвы, Бѣлоруссіи и Украины: въ Полоцкѣ, Оршѣ, Люблинѣ, Львовѣ, Витебскѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Барѣ, Винницѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Острогѣ, Луцкѣ, Ярославлѣ, Овручѣ, Кіевѣ и т. д. Обученіе въ этихъ школахъ носило схоластическій, формальный характеръ. Все вниманіе было обращено на воспитаніе. Изъ учениковъ іезуитскихъ школъ должны были выйти враги некатоликовъ, послушныя орудія въ рукахъ іезуитовъ. Отсюда наука и воспитаніе носили религіозный характеръ. Преподаваніе шло на языкѣ латинскомъ, серьезно изучали и языкъ греческій. Къ языку народному, польскому, славянскому и западно-русскому іезуиты относились отрицательно. Извѣстный іезуитъ Петръ Скарга находилъ, напр., что греки надули народъ славянскій, такъ какъ дали ему свою вѣру, а не дали своего языка. Оттого, по мнѣнію Скарги, у славянъ и нѣтъ науки. Наука можетъ существовать только на двухъ языкахъ, на латинскомъ и греческомъ, на которыхъ распространялась по свѣту святая вѣра. „Не было еще на свѣтѣ и не будетъ никакой академіи, или коллегіи, гдѣ бы теологія, философія и другія свободныя науки препо-

давались и могли бы быть понимаемы на другихъ языкахъ. Владѣя однимъ славянскимъ языкомъ, никто еще не сдѣлался ученымъ. Теперь его никто даже не понимаетъ хорошо, такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ такого народа, который говорилъ бы на немъ такъ, какъ пишется въ книгахъ; своихъ правилъ, грамматикъ и словарей для науки славянскій языкъ не имѣетъ и не можетъ уже имѣть".

Іезуитскія школы, по своимъ задачамъ, должны были денаціонализировать народности, входившія въ составъ Речи Посполитой. Іезуиты угрожали, такимъ образомъ, не только вѣрѣ, но и національности. Ихъ религіозная проповѣдь отличалась тѣмъ же характеромъ. Доказывая преимущество латинской церкви, іезуиты старались представить возможно болѣе безотраднымъ положеніе дѣлъ въ церкви православной и подорвать уваженіе къ ней. Православная же церковь въ Западной Руси была тѣсно связана тамъ съ „русской національностью".

Нѣкоторые изъ православныхъ, какъ, напр., князь А. М. Курбскій, сознавали превосходство іезуитовъ и совѣтовали, по возможности, не соприкасаться съ ними, не входить съ ними въ споры и т. д. Другіе же, напротивъ, находили необходимой борьбу съ іезуитами ихъ же оружіемъ, т. е. основаніемъ школъ и проповѣдью. Взглядъ этотъ, въ концѣ концовъ, взялъ перевѣсъ. Но не всѣ его раздѣляли.

Горячимъ противникомъ новой школьной науки и просвѣщенія выступилъ аѳонскій монахъ Іоаннъ Вишенскій. На его воззрѣнія, несомнѣнно, наложили печать аскетическіе идеалы и монастырское житье. Большинство произведеній Вишенскаго осталось не напечатаннымъ. Кругъ ихъ распространенія былъ очень, поэтому, узокъ. Тѣмъ не менѣе, нужно думать, Вишенскій не былъ одинокъ, и на него можно смотрѣть, какъ на представителя опредѣленнаго общественнаго теченія. Іоаннъ Вишенскій.

Іоаннъ Вишенскій былъ родомъ изъ села Вишны

въ Галиціи. Біографія его малоизвѣстна. Мы знаемъ его уже аѳонскимъ монахомъ въ концѣ XVI в. Съ Аѳона на Украину онъ черезъ оказію посылалъ свои полемическіе трактаты и посланія. Въ нихъ Вишенскій выступаетъ не только православнымъ, но и демократически настроеннымъ человѣкомъ, защитникомъ народа. Вишенскій въ своихъ писаніяхъ громилъ равнодушіе къ вѣрѣ и жизнь пановъ, указывалъ на издѣвательства ихъ надъ крестьянами и высасываніе магнатами изъ крестьянъ соковъ, нападалъ на неустройства церкви, боролся съ католицизмомъ и іезуитами, защищая православную вѣру. Въ упадкѣ церковной іерархіи и моральныхъ основъ у православнаго духовенства Вишенскій видѣлъ главный успѣхъ католичества. Являясь убѣжденнымъ противникомъ новыхъ школъ, устроенныхъ по іезуитскому образцу, онъ отстаивалъ старую церковную школу, старые методы обученія. Вишенскій не признавалъ употребленія въ церкви при богослуженіи простого языка и въ своихъ посланіяхъ выступалъ горячимъ защитникомъ языка славянскаго. „Евангелія и Апостола въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворочайте—писалъ онъ; по литургіи же, для вырозумѣнья людского, по просту толкуйте и выкладайте. Книги церковныя всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте". По его убѣжденію, дьяволъ ведетъ борьбу противъ славянскаго языка. Языкъ этотъ является любимѣйшимъ у Бога, такъ какъ „безъ поганскихъ хитростей и руководствъ", т. е. безъ грамматикъ, реторикъ. діалектикъ и другихъ „ихъ коварствъ тщеславныхъ, діавола вмѣстныхъ, простымъ прилежнымъ читаніемъ, безъ всякаго ухищренія къ Богу приводитъ, простоту и смиреніе будитъ, и Духа Святаго подъемлетъ". Вишенскій находитъ, что тотъ, кто познакомился съ латинской наукой, потерялъ уже благочестіе. По его мнѣнію, лучше изучить часословецъ, псалтырь, октоихъ, апостолъ и евангеліе и получить жизнь вѣчную, чѣмъ познакомиться съ сочиненіями Аристотеля и Платона, слыть

за философа, а въ концѣ концовъ попасть въ геену огненную. Вишенскій, поэтому, убѣждалъ учиться мудрости у ветхозавѣтныхъ писателей. „Любимій братъ, пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ произведеній, до поганскихъ учителей и до латинское хитрословное лжи не ходи, бо вѣру згубишь“.

Взгляды Вишенскаго на науку являлись, однако, анахронизмомъ. Условія жизни Западной Руси и Украины складывались такъ, что должно было взять верхъ направленіе, противникомъ котораго являлся Вишенскій. Для того, чтобы спасти вѣру, приверженцы этого направленія приглашали именно идти и учиться у латинскихъ учителей. Когда въ 1605 году Вишенскій пріѣхалъ на родину, онъ почувствовалъ себя совершенно чужимъ, оторваннымъ отъ новаго поколѣнія. Въ слѣдующемъ году онъ вернулся снова на Аѳонъ. Побывать ему больше на родинѣ послѣ этого не удалось. Литературная дѣятельность его также ослабѣла. У него ушла почва изъ-подъ ногъ.

„Пере-сторога“.

Наиболѣе яркимъ выразителемъ взглядовъ новаго поколѣнія является неизвѣстный авторъ „Перестороги“, анонимнаго трактата, написаннаго около 1600—1606 г. и имѣвшаго цѣлью борьбу съ уніей. Думаютъ, что авторомъ „Перестороги“ былъ человѣкъ свѣтскій, видный членъ львовскаго братства Юрій Рогатинецъ. Авторъ „Перестороги“ видѣлъ, напротивъ, главную причину всеобщаго упадка въ Западной Руси въ недостаткѣ просвѣщенія и указывалъ на примѣръ поляковъ, которые, при помощи науки, быстро стали ополячивать „русскихъ“ и превращать православныхъ въ католичество. Отсюда, естественно, вытекала мысль о необходимости для православныхъ, для „русскихъ“, также основывать свои школы и насаждать въ нихъ науку.

Не безъ вліянія подобныхъ взглядовъ, существовавшихъ, несомнѣнно, и раньше появленія „Перестороги“, возникъ извѣстный уже намъ кружокъ въ

г. Острогѣ, во владѣніяхъ князя Острожскаго, и была основана тамъ школа.

Острожская школа и ученый кружокъ.

Объ острожской школѣ извѣстно мало. Она возникла не раньше 1577 года и не позже 1580 года. Въ 1580 году школа, по крайней мѣрѣ, уже существовала. Характеръ ея также неизвѣстенъ. По своей программѣ и постановкѣ дѣла, какъ думаетъ большинство изслѣдователей, острожская школа была среднимъ училищемъ. У современниковъ острожская школа называется „три-язычнымъ лицеемъ", „коллегіею", „школою греческою" или „греко-славянскою". Въ ней учили, кромѣ славяно-русскаго, еще языкамъ латинскому и греческому. Нѣкоторые изъ изслѣдователей считаютъ, что образцомъ для острожской школы послужили иновѣрныя коллегіи,—по мнѣнію проф. Н. И. Петрова—социніанскія и католическо-іезуитскія, по мнѣнію другихъ (Соколовъ, Ильинскій)—протестантскія. Но вѣроятнѣе всего, какъ думаетъ К. В. Харламповичъ, на острожской школѣ сказалось, при ея основаніи, восточное, греческое вліяніе.

Первымъ ректоромъ острожской школы былъ Герасимъ Смотрицкій, человѣкъ свѣтскій. Онъ ставилъ греческую школу выше латинской и стремился придать острожской школѣ греческій характеръ. Подъ его вліяніемъ, князь Острожскій всякими способами старался найти для школы греческихъ учителей, просилъ ихъ у патріарха. Сдѣлать школу вполнѣ греческой Смотрицкому, повидимому, не удалось. Есть извѣстіе, что въ острожской школѣ преподавали даже протестанты и ей былъ приданъ характеръ школы семи свободныхъ наукъ, дѣлившихся на trivium (грамматика, реторика, діалектика) и quadrivium (ариѳметика, геометрія, музыка и астрономія). Острожская школа не создала болѣе или менѣе замѣтныхъ представителей науки и литературы. Но она, выпуская даже людей малозамѣтныхъ, все же не прошла безслѣдно. Думаютъ, что острожская школа не осталась безъ вліянія при

основаніи школы во Львовѣ, хотя уставъ львовской школы и не носитъ на себѣ вліянія острожской школы.

Гораздо большее значеніе, чѣмъ школа, имѣлъ въ то бурное время ученый кружокъ, существовавшій при дворѣ кн. Острожскаго. Такіе кружки были въ то время обычнымъ явленіемъ при дворахъ богатыхъ вельможъ. Они существовали у виленскаго воеводы Николая Радивилла Чернаго, у князя А. М. Курбскаго и у другихъ. Кружокъ, собранный кн. Острожскимъ, имѣлъ еще и спеціальную цѣль—подготовку изданія библіи. Къ острожскому кружку въ то время принадлежали довольно видные люди. Тутъ былъ острожскій священникъ Демьянъ Наливайко, братъ извѣстнаго козацкаго вождя (ватажка), извѣстный также своими литературными трудами. Далѣе встрѣчаемъ тамъ перваго ректора острожской школы Герасима Смотрицкаго, родомъ шляхтича изъ Подолья, занимавшаго раньше должность гродскаго писаря въ Каменцѣ. Его перезвалъ къ себѣ кн. Острожскій, какъ человѣка очень ученаго. Острожскимъ священникомъ считаютъ Василія, автора книги „о единой вѣрѣ". Въ 1590-хъ и въ началѣ 1600-хъ годахъ въ острожскомъ кружкѣ встрѣчаемъ имена Христофора Филалета-Бронскаго, котораго уніаты называли явнымъ еретикомъ, и неизвѣстнаго клирика острожскаго, автора двухъ сильныхъ возраженій Потѣю.

Изъ острожскаго кружка вышли главные литературные борцы за православіе противъ іезуитовъ и уніатовъ. Вопросы, возлѣ которыхъ вращались интересы кружка, были, такимъ образомъ, религіозные. Ихъ ставило время. Въ 1596 году была превозглашена брестская религіозная унія. Вопросъ о закономѣрности брестскаго собора и разные спорные вопросы догматическаго, историческаго и бытового характера, связанные съ уніею, приковывали тогда къ себѣ все вниманіе. Они составляли главное содержаніе литературныхъ произведеній, выходившихъ изъ острожскаго кружка.

Дѣятельность острожскаго кружка, вѣроятно, пре-

кратилась со смертью кн. Василія-Константина Острожскаго († 1608). Школа же и типографія продолжали существовать еще нѣкоторое время. Когда они прекратили свое существованіе — неизвѣстно, вѣроятно, въ 1620-хъ годахъ. На мѣстѣ острожской школы въ 1624 г. была основана внучкою князя Константина Василія Острожскаго Анною-Алоизою Ходкевичъ коллегія іезуитская.

Судьба острожскаго кружка и школы показываетъ, насколько дѣятельность православныхъ магнатовъ на пользу православной религіи и культуры своего народа была непрочной. Ополяченіе и окатоличенье православныхъ шляхетскихъ родовъ шло быстро.

Гораздо глубже была культурно-національная дѣятельность, исходившая изъ среды мѣщанства, горожанъ.

Культурно-національная дѣятельность мѣщанства.

Упадокъ православной церкви и усиленная дѣятельность іезуитовъ вызвала въ Западной Руси оживленіе и реформу братскихъ организацій, существовавшихъ здѣсь уже давно. Изъ братствъ особое значеніе пріобрѣло братство львовское, въ составъ котораго входили преимущественно мѣщане города Львова. Львовскіе обиватели въ свое время помогли московскому печатнику Ивану Федорову основать во Львовѣ типографію. По смерти Федорова въ 1583 году типографія его оказалась въ закладѣ у еврея. Находились купцы, которые хотѣли выкупить ее и отвезти въ Москву. Но по инициативѣ львовскаго епископа Гедеона Балабана, были собраны, хотя и съ большимъ трудомъ, деньги, типографія была выкуплена изъ заклада и поступила въ собственность львовскаго братства. Первыя печатныя работы вышли изъ типографіи въ 1591 году. Широко своей дѣятельности львовская типографія, однако, не развила за недостаткомъ средствъ, дѣйствовала слабо и до 1600 года выпустила только три книги.

Большее значеніе имѣла братская школа. Школа

при львовской братской церкви существовала, вѣроятно, и раньше. Въ 1586 году она была преобразована въ связи съ реформой львовскаго братства патріархомъ антіохійскимъ Іоакимомъ, который поставилъ церковную іерархію подъ контроль братства. Уставъ школы, какъ думаютъ, былъ написанъ Арсеніемъ, епископомъ элассонскимъ, по просьбѣ братчиковъ и съ ихъ одобренія. Характеръ школы былъ религіозный. Она ставила своею цѣлью моральное и религіозное воспитаніе своихъ учениковъ. Программа школы была значительно расширена. Кромѣ обученія азбукѣ, грамматикѣ, церковному пѣнію, учили греческому и славянскому языку, а также свободнымъ наукамъ, входившимъ въ составъ тривіума и квадривіума, хотя, можетъ быть, и въ скромныхъ размѣрахъ. Въ противоположность латинско-польскимъ школамъ и школѣ острожской, латинскій языкъ не преподавался. Вниманіе было обращено, главнымъ образомъ, на языки славянскій и греческій. Отсутствіе латинскаго языка, имѣвшаго въ то время большое практическое значеніе не только для научныхъ занятій, но и въ общежитіи, такъ какъ языкъ этотъ употреблялся даже въ судѣ, было серьезнымъ недостаткомъ.

Школѣ удалось на первыхъ же порахъ подобрать себѣ значительныя педагогическія силы. Среди нихъ нужно отмѣтить, въ первую очередь, учителя славянорусскаго языка Стефана Зизанія-Тустановскаго, виднаго проповѣдника и впослѣдствіи борца противъ уніи, затѣмъ Арсенія, извѣстнаго уже намъ автора устава львовской школы, архіепископа элассонскаго, случайно заѣхавшаго во Львовъ въ 1586 г. и оставшагося здѣсь, по просьбѣ братчиковъ, учителемъ греческаго языка и руководителемъ въ новой школѣ.

Арсеній покинулъ Львовъ и школу въ 1588 г., когда съ патріархомъ Іереміею, отправился въ Москву. Его мѣсто занялъ Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій, также выдающійся богословъ. Впослѣдствіи его литературные труды были признаны, впрочемъ, неправо-

славными, а самъ онъ перешелъ въ унію, получилъ уніатское игуменство въ Черниговѣ и умеръ тамъ въ 1646 году.

Учились въ школѣ преимущественно дѣти львовскаго мѣщанства и духовенства. Уже въ первые годы существованія школы ученики (спудеи), подъ руководствомъ своихъ учителей, составили греческо-славянскую грамматику, по образцу греческой грамматики Константина Ласкариса. Грамматика была напечатана въ 1591 году подъ заглавіемъ „Ἀδελφότης. Грамматика доброглаголиваго еллино-словенского языка".

Львовское братство, какъ мы знаемъ, скоро начало борьбу со своимъ владыкой Гедеономъ Балабаномъ и затѣмъ дѣятельно выступило на защиту православной церкви противъ уніи. Роль его въ этой борьбѣ, несомнѣнно, много способствовала популярности идеи братскихъ организацій и распространенію ихъ въ Западной Руси и на Украинѣ. Обыкновенно при братствахъ основывались и школы. Такъ было, напр., въ Вильнѣ, Перемышлѣ, Брестѣ и другихъ мѣстахъ. Жалуясь въ 1592 г. на своего епископа константинопольскому патріарху, львовское братство, между прочимъ, обвиняло его въ томъ, что онъ много вредитъ постройкѣ церкви и школьному дѣлу. Всѣ учителя изъ львовской школы порасходились: Транквиліонъ ушелъ въ Вильну, Лаврентій Зизаній—въ Брестъ, остался одинъ только Стефанъ Зизаній. Жалоба львовскихъ братчиковъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о той связи, какая существовала между школами другихъ братствъ и львовской.

Борьба съ уніей.

Подъемъ культурнаго движенія въ Западной Руси и на Украинѣ въ концѣ XVI в. сказался съ особой силой на борьбѣ противъ уніи. Въ числѣ главныхъ борцовъ и полемистовъ противъ уніи мы встрѣчаемъ, преимущественно, тѣ самыя имена, какія мы до сихъ поръ встрѣчали на мирной культурной работѣ. Унія, такимъ образомъ, сдѣлалась не узко-церковнымъ со-

бытіемъ, а пріобрѣтала широкій общественный характеръ. Противъ нея становилось цѣлое общественное теченіе; въ борьбу вмѣшивались самые разнообразные элементы, братскія и культурныя организаціи. Организаціи эти въ разныхъ мѣстахъ были обыкновенно однородными по своему національному составу. Отсюда и борьба противъ уніи принимала національный характеръ. Это была борьба православныхъ бѣлоруссовъ и украинцевъ противъ католичества и стремленія ихъ ополячить. Къ борьбѣ культурной и литературной присоединилась, какъ мы знаемъ, и борьба политическая, на сеймахъ. Она исходила изъ того же источника и имѣла своей задачей равноправіе православныхъ, подъ которыми разумѣлись люди западно-русскаго, т. е. бѣлорусскаго и украинскаго происхожденія, съ католиками и поляками.

Кіевъ становится культурнымъ центромъ.

Къ концу перваго десятилѣтія XVII вѣка положеніе православныхъ было очень труднымъ. Полонизація шла быстро и захватывала все болѣе и болѣе широкіе круги русскаго шляхетства. Дѣло православныхъ, казалось, было проиграннымъ. Подъ вліяніемъ такихъ событій появился Θρῆνος, т. е. плачъ православной церкви. Въ патетическихъ выраженіяхъ православная церковь въ этомъ сочиненіи жаловалась на свою горькую долю, на приниженность, отсутствіе поддержки и защитниковъ, такъ какъ большинство наиболѣе славныхъ шляхетскихъ родовъ ее оставили.

Авторомъ „Плача" былъ Мелетій, въ мірѣ Максимъ Смотрицкій, сынъ перваго ректора острожской школы Герасима Смотрицкаго. На него, какъ на человѣка молодого и впечатлительнаго, неудачи православныхъ въ борьбѣ съ уніей и за свои права въ первомъ десятилѣтіи XVII в. произвели очень тяжелое впечатлѣніе. Отсюда такой безысходный пессимизмъ „Плача". На самомъ же дѣлѣ, какъ показали послѣдующія событія, дѣло православныхъ не было уже такъ безнадежно. Въ это какъ разъ время на помощь православію при-

ходитъ новая вполнѣ организовавшаяся сила—козачество, которое и беретъ на себя борьбу за религіозныя и національныя права. У православныхъ образуется затѣмъ новый культурный центръ—Кіевъ.

Положеніе православной церкви въ началѣ XVII в.

Послѣ ряда разрушеній, изъ которыхъ самымъ опустошительнымъ и тяжелымъ для Кіева было, повидимому, разрушеніе его крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ въ 1482 году, Кіевъ въ XVI в. оправился и къ началу XVII столѣтія представлялъ, по тому времени, уже значительный городъ. Козаки сдерживали въ это время татарскіе набѣги. Въ Кіевѣ населеніе увеличилось, стала зарождаться общественная и культурная жизнь. Католическій епископъ и іезуиты стремятся въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вв. обосноваться въ Кіевѣ и сдѣлать его центромъ своей дѣятельности. Въ то же время борьба съ уніей пробуждаетъ къ дѣятельности кіевское мѣщанство, духовенство, въ особенности кіевскіе монастыри.

Кіево-печерская лавра.

Изъ нихъ самымъ важнымъ и значительнымъ была кіево-печерская лавра, пользовавшаяся издавна широкой популярностью и значеніемъ. Уваженіе къ ней способствовало росту ея богатствъ. Благодаря многочисленнымъ пожалованіямъ, дарамъ и пожертвованіямъ, кіево-печерская лавра къ концу XVI в. сдѣлалась однимъ изъ самыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ въ литовско-русскихъ областяхъ. При существованіи въ литовско-русскомъ государствѣ права подаванья богатый кіево-печерскій монастырь сдѣлался предметомъ корыстныхъ сонскательствъ. Проф. С. Т. Голубевъ насчитываетъ за 80 лѣтъ—тридцать пять архимандритовъ. Всѣ они преслѣдовали или личные интересы или же были погружены въ хозяйственную жизнь и матеріальные расчеты монастыря и не обращали никакого вниманія на его религіозно-просвѣтительную дѣятельность. Въ кіево-печерской лаврѣ не было ни школы, ни больницы, ни богадѣльни (шпиталя).

Въ концѣ XVI столѣтія кіево-печерская лавра

была вовлечена въ борьбу съ уніей. Лаврой хотѣлъ овладѣть кіевскій митрополитъ Михаилъ Рагоза, перешедшій въ унію, и подчинить ее своей власти. Кіево-печерскій архимандритъ Никифоръ Туръ (1593—1599) не допустилъ этого.

Непосредственнымъ преемникомъ Тура на кіево-печерской архимандріи былъ Елисей Плетенецкій (1599—1624). Родомъ мелкій шляхтичъ, Плетенецкій происходилъ изъ Галиціи, изъ Плетеничъ, недалеко отъ Золочева, въ землѣ львовской. Родился онъ около 1550 г. и въ 1595 году сдѣлался архимандритомъ пинскаго лещинскаго монастыря. Въ этомъ званіи онъ принималъ участіе въ брестскомъ соборѣ 1596 году. Въ 1599 году кіево-печерская лавра избрала Плетенецкаго своимъ архимандритомъ, очень можетъ быть, какъ яраго противника уніи. Въ 1605 году православнымъ удалось добиться на сеймѣ отъ польскаго правительства утвержденія Плетецкаго въ званіи архимандрита. Плетенецкій оставался архимандритомъ въ лаврѣ до самой своей смерти въ 1624 г., въ теченіе 25 лѣтъ.

Съ именемъ Елисея Плетенецкаго связана обширная дѣятельность для развитія кіево-печерской лавры: онъ возстановилъ въ лаврѣ общежитіе, улучшилъ иноческую жизнь. Но главная его заслуга въ томъ, что онъ сдѣлалъ кіево-печерскую лавру на долго важнымъ культурно-религіознымъ центромъ. Существуетъ мнѣніе, что типографія въ лаврѣ существовала уже раньше Плетенецкаго; онъ только расширилъ ее. Изысканія проф. С. Т. Голубева убѣдительно доказываютъ, что это мнѣніе невѣрно. Типографія была заведена около 1615—1616 г. Елисеемъ Плетенецкимъ. Имъ была куплена и перевезена въ Кіевъ типографія, основанная когда-то въ Стрятинѣ, въ Галиціи, львовскимъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ въ разгаръ его борьбы съ братствомъ. Типографія у наслѣдниковъ Балабана стояла въ бездѣйствіи, была „припалая пыломъ“. Въ связи съ основаніемъ типографіи, Плетенецкій заложилъ соб-

ственную лаврскую бумажную фабрику въ Радомыслѣ (теперь уѣздный городъ Кіевской губерніи) началъ вызывать въ лавру людей ученыхъ или хорошо знающихъ типографское дѣло. Галичанинъ родомъ, Елисей Плетенецкій хорошо зналъ тамошнихъ людей, а также по естественной склонности къ землякамъ, сталъ вызывать въ Кіевъ, преимущественно, галичанъ. Гетманомъ козацкимъ, покровительствовавшимъ культурнымъ начинаніямъ, былъ въ то время Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, также галичанинъ по происхожденію. Это даетъ основаніе проф. М. С. Грушевскому сказать, что при Елисеѣ Плетенецкомъ „было нашествіе галичанъ" на Кіевъ. Они, подъ покровительствомъ и защитой гетмана козацкаго, родомъ галичанина, задумали культурными западно-европейскими способами возродить на кіевской почвѣ заглушенную культурно-національную жизнь и вернуть древнему Кіеву его давнюю національную роль и значеніе.

Въ Кіевѣ, дѣйствительно, въ то время собрались видныя литературныя и научныя силы. Среди нихъ мы встрѣчаемъ, между прочимъ, Захарія Копыстенскаго, Памву Барынду, Тарасія Земку, Лаврентія Зизанія-Тустановскаго и др. Захарій Копыстенскій впослѣдствіи былъ преемникомъ Елисея Плетенецкаго на печерской архимандріи. Онъ извѣстенъ, какъ авторъ „Палинодіи", написанной въ защиту православной церкви противъ книги Льва Кревзы, архимандрита виленскаго уніатскаго монастыря, а впослѣдствіи уніатскаго архіепископа смоленскаго и черниговскаго († 1639), „Obrona iednosci cerkiewnei", вышедшей въ 1617 г. въ Вильнѣ. „Палинодія" представляетъ собой обширный трактатъ, содержащій не только свѣдѣнія догматическаго характера, направленныя противъ уніи, но и важныя извѣстія по исторіи уніи. Проф. В. З. Завитневичъ, посвятившій вопросу о „Палинодіи" цѣлое изслѣдованіе, находитъ, что „Палинодія"—„выдающееся явленіе не только въ современной ей богословской литературѣ, но

и вообще: это капитальный трудъ, въ значительной степени, удовлетворяющій научнымъ требованіямъ, даже съ современной точки зрѣнія". Болѣе сдержанно говоритъ о „Палинодіи" проф. С. Т. Голубевъ. Признавая важность догматической части „Палинодіи", онъ указываетъ на погрѣшности труда Захарія Копыстенскаго въ части исторической и на мистицизмъ, которымъ проникнуто предисловіе. „Палинодія" была написана въ 1621 году, но издана только въ 1878 году въ IV томѣ Русской Исторической Библіотеки. Почему „Палинодія" не была издана въ свое время—неизвѣстно. Изслѣдователи объясняютъ это ея обширностью, а также тревожнымъ для православныхъ временемъ, наступившимъ въ началѣ 1620 годовъ послѣ смерти гетмана Конашевича Сагайдачнаго и убійства въ ноябрѣ 1622 года въ Витебскѣ уніатскаго епископа Іоасафата Кунцевича. Памва Берында является авторомъ перваго „Лексикона славяно-росскаго", изданнаго въ Кіевѣ въ 1627 году. Тарасій Земка зналъ греческій, латинскій, славянскій и русскій языки и былъ искусенъ въ типографскомъ дѣлѣ. Лаврентій Зизаній-Тустановскій былъ сначала учителемъ львовской школы, зналъ хорошо греческій языкъ и въ Кіевѣ занимался переводами. Думаютъ, что, не безъ вліянія Плетенецкаго, переѣхалъ въ Кіевъ и Іовъ Борецкій, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій, раньше бывшій учителемъ львовской школы, родомъ также галичанинъ. Іовъ Борецкій былъ извѣстенъ своею ученостью, какъ „мужъ учительскій и достовѣрный въ божественныхъ писаніяхъ".

Съ основаніемъ типографіи въ кіево-печерской лаврѣ, печерскій кружокъ развилъ широкую дѣятельность по изданію книгъ. За восемь лѣтъ со дня основанія типографіи до смерти Плетенецкаго (1616—1624) въ ней было напечатано одиннадцать изданій. За исключеніемъ двухъ брошюръ, всѣ изданія были объемистыми. Сравнительно съ другими типографіями (львов-

ской, острожской, виленской, дерманской, луцкой, рахмановской, почаевской и др.), дѣятельность лаврской типографіи нужно назвать очень интенсивной. Львовская типографія за первые тридцать два года (1591—1622), напечатала всего 13 изданій, острожская за тоже время (1580—1612)—18, а виленская за 22 года (1574—1595) выпустила 13 изданій. Первой книгой, вышедшей въ 1617 году изъ печерской типографіи, былъ Часословецъ. Изданіе его вызвано учебными цѣлями. Другія изданія относились къ отдѣламъ: богослужебному (напр., Анѳологіонъ—избранная минея), святоотеческому (Бесѣды Златоуста), каноническому (2 изданія Номоканона) и религіозно-полемическому, какъ, напр., „Книга о вѣрѣ", изданная раньше въ 1602 году въ Вильнѣ, а теперь дополненная. Она являлась лучшимъ полемическимъ произведеніемъ своего времени. „Книга о вѣрѣ" была направлена противъ антитринитаріевъ и католиковъ и имѣла цѣлью опроверженіе ихъ ученій съ православной точки зрѣнія. Изданія кіево-печерской лавры снабжались иллюстраціями. Для этого въ лавру приглашались граверы и, вѣроятно, была основана своя школа гравировальнаго искусства. Благодаря этому, кіево-печерская лавра на долго сдѣлалась центромъ искусства, преимущественно живописи и гравюры, не только для всей Западной Руси, но и для всего восточнаго славянства.

Отвѣчая потребности времени, Елисей Плетенецкій заботился о развитіи церковной проповѣди. При немъ же, по мнѣнію проф. С. Т. Голубева, впервые была основана въ кіево-печерской лаврѣ и школа и, можетъ быть, были основаны школы въ нѣкоторыхъ владѣніяхъ, принадлежавшихъ лаврѣ. Другіе историки относятъ основаніе лаврской школы къ тому времени, когда архимандритомъ въ лаврѣ былъ Петръ Могила. Объемъ преподаванія въ лаврской школѣ соотвѣтствовалъ, вѣроятно, братскимъ школамъ домогилянскаго періода. Кромѣ богословскихъ предметовъ въ ней пре-

подавались, должно быть, и языки латинскій и греческій. Свѣдѣній объ этомъ, однако, нѣтъ.

Традиціи Елисея Плетенецкаго, въ особенности изданіе книгъ, ихъ переводъ, развитіе проповѣди и забота о школѣ, продолжались и при его преемникахъ Захаріи Копыстенскомъ (1624—1627) и, преимущественно, при Петрѣ Могилѣ, соединившемъ въ своемъ лицѣ званіе кіево-печерскаго архимандрита и кіевскаго митрополита.

Кіево-богоявленское братство.

Наряду съ кіево-печерской лаврой, во второмъ десятилѣтіи XVII вѣка въ Кіевѣ зародился новый культурный очагъ. То было кіево-богоявленское братство съ его школой, выросшей потомъ въ знаменитую кіевскую духовную академію.

Основаніе кіево-богоявленскаго братства нѣкоторые ученые относятъ къ концу XVI столѣтія. Но раньше всѣхъ М. А. Максимовичъ въ „Запискахъ о первыхъ временахъ кіевскаго богоявленскаго братства" во второмъ томѣ собранія его сочиненій, а за нимъ проф. И. И. Малышевскій въ „Исторической запискѣ о состояніи кіевской духовной академіи", читанной въ 1869 г. и помѣщенной въ „Трудахъ академіи"; и, наконецъ, проф. С. Т. Голубевъ въ „Исторіи кіевской духовной академіи" убѣдительно доказали, что кіево-богоявленское братство возникло не ранѣе 1614 года. Его возникновеніе находится въ связи съ тѣмъ религіозно-умственнымъ и національнымъ возрожденіемъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, которое коснулось и Кіева. Основаніе его связываютъ обыкновенно съ дарственной записью Гальшки (т. е. Елизаветы) *) Гулевичевны, жены маршалка мозырскаго Стефана Лозки. Гальшка Гулевичевна 14 октября 1615 г. по-

---

*) Что Гальшка значитъ Елизавета, это убѣдительно доказано проф. Голубевымъ въ его „Исторіи кіевской духовной академіи" вып. I стр. 120 и слѣд. До него думали, что Гальшка значитъ Анна. Подъ именемъ Анны она и до сихъ поминается въ кіево-братскомъ монастырѣ.

жертвовала свой дворъ въ Кіевѣ съ усадебнымъ мѣстомъ для устройства на немъ монастыря по чину св. Василія, школы и гостинницы для странниковъ вѣры восточной. Проф. С. Т. Голубевъ отрицаетъ связь основанія братства съ даромъ Гулевичевны. Онъ находитъ, что братство возникло раньше дара Гулевичевны и независимо отъ него. Очень можетъ быть, что братство существовало въ первое время при церкви Успенія Богородицы на Подолѣ, а затѣмъ чрезъ непродолжительное время, вѣроятно, въ концѣ того же 1615 года соединилось со вновь основаннымъ на подаренной Гулевичевною землѣ богоявленскимъ монастыремъ и школой. Съ той поры оно существовало неразрывно съ ними подъ именемъ богоявленскаго братства.

Кіево-богоявленское братство было основано по образцу другихъ братствъ, львовскаго, виленскаго, могилевскаго. О внутренней жизни братства извѣстно мало. Протокольныя книги его засѣданій не сохранились. Внѣшній характеръ братства опредѣляется его уставомъ, который представляетъ собой, по мнѣнію проф. С. Т. Голубева, копію „Чина виленскаго братства“, изданнаго въ Вильнѣ въ 1588 году и дѣйствовавшаго тамъ въ свято-духовскомъ братствѣ. Кіево-богоявленское братство было доступно для лицъ всѣхъ сословій. Въ немъ могли принимать участіе и женщины; не допускались онѣ только на общія собранія братства. Лицо, желавшее поступить въ братство, предварительно должно было ознакомиться съ братскими порядками. Если оно соглашалось исполнять ихъ, то принималось въ братство послѣ произнесенія опредѣленной присяги. Послѣ этого вновь принятый членъ записывался въ братскій реестръ и обязанъ былъ давать въ братскую скринку, т. е. въ казну, опредѣленный вкладъ. Всѣ братья, подъ опасеніемъ штрафа, должны были принимать участіе въ братскихъ собраніяхъ. На собраніяхъ этихъ разговоры не допускались. Братья обсуждали вопросы, касавшіеся церкви, духо-

верства, школы, учителей; заботились о призрѣніи больныхъ, бѣдныхъ и увѣчныхъ. Каждый членъ братства имѣлъ право голоса. Засѣданія содержались въ большой тайнѣ, и постороннимъ лицамъ присутствіе на нихъ воспрещалось. Четыре раза въ году совершалась торжественная литургія за живыхъ и умершихъ братчиковъ. Послѣ нея устраивался обѣдъ, на который приглашались также нищіе и странники. Братчики должны были помогать другъ другу въ несчастьи, сохранять между собою миръ, посѣщать больныхъ членовъ братства и провожать до могилы умершихъ. За уклоненіе отъ исполненія братскихъ обязанностей на братчика налагался штрафъ.

Въ братство записалось много кіевскихъ видныхъ жителей какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, мѣщанъ и шляхты. Но особенно важна была, въ моральномъ отношеніи, запись въ братство гетмана запорожскаго Петра Конашевича-Сагайдачнаго „со всѣмъ своимъ войскомъ“.

Монастырь, возникшій при кіевскомъ братствѣ, со времени своего основанія, сталъ въ тѣсную связь съ кіево-печерской лаврой и съ ея ученымъ кружкомъ. Къ печерскому кружку принадлежали первые игумены монастыря Исаія Копинскій и Тарасій Земка, и въ новой своей должности продолжавшіе служить лаврѣ.

Кіево-братская школа, основанная, можно думать, въ 1615 году, преслѣдовала ту же цѣль, какую преслѣдовали и другія братскія школы—служить опорой противъ иновѣрной пропаганды. Организована школа была, вѣроятно, по образцу львовской. Кромѣ обычныхъ въ то время предметовъ, богословія, діалектики, риторики, воспитанники братской школы обучались четыремъ языкамъ: славянскому, греческому, латинскому и польскому. Первымъ ректоромъ школы былъ извѣстный уже намъ Іовъ Борецкій (1615—1619), родомъ галичанинъ, стоявшій близко къ печерскому кружку. Преемникомъ его явился Кассіанъ Саковичъ (1620—

1624), также галичанинъ родомъ, человѣкъ, по тому времени, очень образованный, воспитанникъ замойской и краковской академій. Непостоянный въ своихъ воззрѣніяхъ, честолюбивый, онъ въ 1626 году перешелъ въ унію, затѣмъ принялъ католичество и умеръ въ 1647 году въ Краковѣ католическимъ пробощемъ. Въ 1626—1628 годахъ ректоромъ братской школы былъ Мелетій Смотрицкій, составившій славянскую грамматику, извѣстный уже намъ, какъ авторъ „Плача", впослѣдствіи также отступившій отъ православія. Мелетій Смотрицкій былъ первымъ ректоромъ-епископомъ въ братской школѣ.

Къ 1620 году кіево-богоявленское братство значительно окрѣпло какъ морально, такъ и матеріально. Въ этомъ году оно приступило къ постройкѣ новой церкви, которую и закончило въ 1625 г. Еще большее значеніе братство пріобрѣло вслѣдствіе событія, имѣвшаго мѣсто въ 1620 году въ его стѣнахъ и при его ближайшемъ содѣйствіи.

Мы разумѣемъ возобновленіе западно-русской православной іерархіи.

Возобновленіе западно-русской іерархіи.

Съ введеніемъ уніи въ 1596 году изъ всѣхъ западно-русскихъ епископовъ православію остались вѣрными только два: львовскій Гедеонъ Балабанъ, первымъ поднявшій вопросъ объ уніи, но затѣмъ отступившій отъ нея, и перемышльскій—Михаилъ Копыстенскій. По смерти Балабана православнымъ удалось провести на его мѣсто Іеремію Тиссаровскаго. Польское правительство утвердило Тиссаровскаго, говорятъ, ошибочно расчитывая на его склонность къ уніи. Когда же умеръ въ 1610 году Михаилъ Копыстенскій, его кафедра осталась незамѣщенною. У православныхъ, такимъ образомъ, начиная съ 1610 года былъ только одинъ епископъ. Всѣ попытки шляхты добиться легальнымъ путемъ, на сеймѣ, разрѣшенія вопроса о православной іерархіи и о посвященіи православныхъ епископовъ, терпѣли неудачу, кончались

обыкновенно ничѣмъ. Такое безнадежное положеніе дѣла побудило православныхъ разрѣшить вопросъ объ іерархіи самовольно, путемъ нелегальнымъ. Проф. С. Т. Голубевъ придаетъ въ этомъ событіи первенствующую роль кіево-богоявленскому братству, проф. П. Жуковичъ, а за нимъ и проф. М. С. Грушевскій—козакамъ и ихъ гетману Петру Конашевичъ-Сагайдачному. Нельзя, впрочемъ, сомнѣваться, что первая мысль о самовольномъ посвященіи епископовъ зародилась въ Кіевѣ; и очень можетъ быть, что иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала, дѣйствительно, кіево-богоявленскому братству.

Для приведенія въ исполненіе замысла воспользовались проѣздомъ изъ Москвы черезъ Кіевъ въ 1620 г. іерусалимскаго патріарха Феофана. Существуетъ предположеніе, что козацкое посольство, въ бытность свою въ Москвѣ въ началѣ января 1620 года, вело уже тамъ переговоры съ патріархомъ Феофаномъ по поводу возстановленія іерархіи въ Западной Руси. Если предположеніе это вѣрно, то пріѣздъ Феофана и его дѣйствія въ Кіевѣ были заранѣе обдуманы. Польское правительство относилось къ пріѣзду патріарха подозрительно, видѣло въ немъ турецкаго агента. Во время пребыванія его въ Кіевѣ за патріархомъ слѣдилъ особый королевскій агентъ Пачановскій. Въ виду этого дѣло о посвященіи епископовъ приходилось вести въ большой тайнѣ и съ большой осторожностью.

Патріархъ Феофанъ пріѣхалъ въ Кіевъ великимъ постомъ 1620 г. и остановился въ домѣ Богоявленскаго братства. Козаки взяли патріарха подъ свою охрану и во все время пребыванія Феофана на Украинѣ, охраняли его, по выраженію современника, „аки пчелы матицу свою“. Отъ константинопольскаго патріарха Феофанъ имѣлъ оффиціальное разрѣшеніе пользоваться всѣми святительскими правами въ подвѣдомственныхъ ему странахъ, къ которымъ принадлежала Западная Русь и Украина.

Съ пріѣздомъ патріарха Феофана началась усиленная агитація въ пользу посвященія епископовъ. Братство кіевское играло при этомъ видную роль. Отъ имени патріарха были разосланы грамоты съ приглашеніемъ избрать людей, достойныхъ быть епископами. Есть указанія на то, что въ Кіевѣ состоялся тайный съѣздъ духовныхъ и свѣтскихъ людей, которые обратились къ патріарху съ оффиціальною просьбой посвятить намѣченныхъ ими епископовъ. Прошеніе это и охрана патріарха козаками рѣшили дѣло. Но для того, чтобы привести въ исполненіе планъ посвященія епископовъ, была употреблена хитрость. Патріархъ заявилъ, что уѣзжаетъ домой черезъ Подолье, и двинулся въ путь. Королевскій агентъ Пачановскій повѣрилъ ему, проводилъ патріарха до Бѣлой Церкви, поручилъ козацкому полковнику Богдану Кизиму сопровождать его дальше до границы, а самъ отправился съ докладомъ къ королю. Воспользовавшись отъѣздомъ Пачановскаго патріархъ, подъ предлогомъ опасности дальнѣйшаго пути, поспѣшилъ вернуться въ Кіевъ и здѣсь приступилъ къ посвященію епископовъ. Октябрской ночью, тайно, при закрытыхъ наглухо окнахъ, въ братской церкви патріархъ вмѣстѣ съ сопровождавшими его епископами первымъ посвятилъ игумена братскаго монастыря Исая Копинскаго въ епископа перемышльскаго. Черезъ нѣсколько дней, при такой же обстановкѣ, Іовъ Борецкій былъ посвященъ въ санъ митрополита кіевскаго, а Мелетій Смотрицкій—въ санъ архіепископа полоцкаго.

Кіевское братство получило отъ Феофана грамоту на право быть ставропигіею патріаршей, „которая, говорится въ грамотѣ, по управленію духовному никогда не будетъ и не должна подлежать, на вѣчныя времена, никакому духовному, ни митрополичьему, ни епископскому, ни иному какому-либо начальству, суду и благословенію, кромѣ самой патріаршеской константинопольской вселенской церкви".

Шагъ, сдѣланный патріархомъ, былъ опасенъ для его дальнѣйшаго пребыванія въ предѣлахъ Польши. Феофанъ поспѣшилъ, поэтому, выѣхать изъ Кіева. Козаки, во главѣ съ Сагайдачнымъ, охраняли его на пути. По дорогѣ, въ Трахтомировѣ, Феофанъ посвятилъ тамошняго игумена, ученаго Іезекіиля Курцевича, въ епископы владимірскіе, въ Бѣлой Церкви—Исакія Борисковича, игумена черничицкаго монастыря на Волыни,—въ епископы луцкіе, а въ м. Животовѣ Пансія Ипполитовича, игумена мелецкаго монастыря,—въ епископы холмскіе. На шестую, пинскую, кафедру былъ назначенъ греческій епископъ Авраамій, сопровождавшій патріарха Феофана. Такимъ образомъ, всѣ православныя кафедры оказались замѣщенными. Замѣщены онѣ были нелегально, безъ согласія польскаго правительства. Весь вопросъ теперь заключался въ томъ, какъ отнесется къ этому шагу польскій сеймъ и польское правительство? Признаетъ ли король на кафедрахъ митрополита и епископовъ, посвященныхъ съ прямымъ нарушеніемъ королевскаго права подаванья?

Борьба по поводу возстановленной іерархіи.

Противъ поставленныхъ владыкъ сразу же началась агитація со стороны уніатовъ и католиковъ. Уніаты стали доказывать неправильность посвященія православныхъ архіереевъ, называли Феофана турецкимъ шпіономъ и набрасывали, поэтому, тѣнь политической неблагонадежности и на посвященныхъ имъ владыкъ. Особенно много шуму надѣлало появленіе Мелетія Смотрицкаго въ Вильнѣ, въ полоцкой епархіи. Вильно, Полоцкъ и Витебскъ сдѣлались ареной горячей борьбы между православными и уніатами. Правительство было также вовлечено въ эту борьбу и начало преслѣдовать тѣхъ, кто признавалъ Мелетія Смотрицкаго архіепископомъ.

Наряду съ политическими репрессіями шла и жаркая литературная полемика. Смотрицкій, въ оправданіе возстановленія православной іерархіи, написалъ въ 1622 г. Veryficatia niewinnosci (Оправданіе невин-

ности). Въ книгѣ этой онъ указывалъ на то, что Феофанъ дѣйствительный патріархъ, доказывалъ правильность посвященія владыкъ и опровергалъ другія обвиненія со стороны уніатовъ. Veryficatia niewinnosci была напечатана виленскимъ православнымъ братствомъ. Одинъ экземпляръ ея былъ отправленъ королю Сигизмунду III. Смотрицкому уніаты отвѣтили сочиненіемъ „Sowita wina" (Двойная вина), въ которомъ еще усилили и увеличили свои обвиненія. Двойная вина православныхъ, по мнѣнію уніатовъ, заключалась въ томъ, что они не только поставили епископовъ безъ воли и согласія короля, но еще защищаютъ свою правоту. Православные не остались въ долгу. Они выпустили „Оборону оправданія" (Obrona veryficaciey). Уніаты снова отвѣчали имъ и т. д. Полемика принимала рѣзкій, бранчивый характеръ.

Митрополитъ Іовъ Борецкій не оставался равнодушнымъ къ тому, что происходило въ Вильнѣ и другихъ городахъ. Отъ имени всѣхъ поставленныхъ православныхъ владыкъ онъ выступилъ 28 апрѣля 1621 г. съ открытой „Протестаціей" на польскомъ языкѣ противъ дѣйствій правительства и противъ обвиненій со стороны уніатовъ патріарха Феофана и поставленныхъ имъ владыкъ въ шпіонствѣ и незаконныхъ дѣйствіяхъ. Поставленіе ихъ характеризовалось, какъ дѣло моральночистое. Протестація защищала виленцевъ и Мелетія Смотрицкаго и затѣмъ давала интересный отзывъ о козакахъ. Это—племя колѣна Іафетова, говорила она, не грабители, а рыцари, наши братья и правовѣрные христіане, извѣстные своей любовью и защитой церкви. Митрополитъ не ограничился „протестаціей". Онъ записалъ въ кіевскіе гродскіе книги отъ себя и всего православнаго духовенства новую протестацію, въ которой обвинялъ уніатовъ въ томъ, что они побудили правительство къ репрессіямъ противъ православныхъ. Актъ этого заявленія возлагалъ всю отвѣтственность за послѣдствія репрессій на уніатовъ и заканчивался

словами, которыя уніаты истолковали, какъ угрозу. Митрополитъ говорилъ приблизительно слѣдующее: если такъ будетъ продолжаться дѣло, сами уніаты будутъ виноваты, въ случаѣ народъ православный выйдетъ изъ равновѣсія.

Вскорѣ послѣ этого, въ маѣ, состоялся въ Кіевѣ соборъ духовенства и свѣтскихъ людей для обсужденія положенія, а 15-го іюня была собрана козацкая рада въ Сухой Дубровѣ. На раду прибылъ митрополитъ Іовъ Борецкій, епископъ Іезекіилъ Курцевичъ, бывшій игуменъ козацкаго Трахтомировскаго монастыря, около 100 священниковъ и 50 монаховъ. Гетманомъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ былъ прочитанъ листъ патріарха Феофана. Всѣ поклялись оборонять старую вѣру „ажъ до горла", т. е. до смерти. Къ королю на радѣ было избрано посольство изъ гетмана Сагайдачнаго, епископа Курцевича и еще двухъ лицъ. Посольство отправилось въ Варшаву. Тамъ оно представило Сигизмунду III записку, написанную, вѣроятно, Іовомъ Борецкимъ, объ утѣсненіяхъ православной церкви. Король принялъ посольство, но отвѣтилъ очень сдержанно и уклончиво, обѣщалъ, между прочимъ, простить владыкамъ вину ихъ самовольнаго посвященія, если они явятся и покаятся передъ нимъ.

Изъ этихъ королевскихъ обѣщаній, однако, ничего не вышло. Сеймъ не хотѣлъ отнестись къ вопросу со всей серьезностью. Съ другой стороны и православные не хотѣли входить въ соглашеніе съ уніатами.

Начиная съ 1620 года, рѣдко на какомъ изъ польскихъ сеймовъ этого десятилѣтія не подымался вопросъ о православной церкви и поставленныхъ іерархахъ. На сеймѣ 1620 года волынскій посолъ Лаврентій Древинскій не поднялъ, правда, вопроса о владыкахъ, но за то въ краснорѣчивой рѣчи нарисовалъ предъ членами сейма тяжелое, трагическое положеніе православной церкви, ея преслѣдованія и картину страданій народа, исповѣдующаго православную вѣру. Рѣчь

Древинскаго произвела, однако, мало впечатлѣнія. На жалобы православныхъ стали еще меньше обращать вниманія, когда въ апрѣлѣ 1622 года умеръ гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный. Польское правительство боялось гетмана. Оно не разъ пользовалось козаками въ своихъ войнахъ, было заинтересовано добрыми отношеніями Сагайдачнаго и дорожило ими.

На сеймъ 1623 года православные возлагали серьезныя надежды. Накапунѣ сейма митрополитъ Іовъ Борецкій съ епископами напечаталъ въ 1622 году по-польски „Юстификацію невинности" („Iustificatia niewinnosci"), адресованную къ королю. Въ ней кіевскій митрополитъ увѣрялъ польское правительство въ лойяльности русскаго народа, оправдывалъ патріарха Феофана и посвященіе имъ владыкъ. Наряду съ „Юстификаціей" епископовъ и какъ бы въ дополненіе къ ней, была напечатана въ 1623 году, также по-польски, отъ имени православной шляхты „Суппликація до сената Короны Польской и великаго княжества Литовскаго". Въ суппликаціи этой довольно рѣзко говорилось о практикуемомъ польскимъ правительствомъ уничтоженіи правъ православныхъ. Шляхта ставила на видъ сенату, что религіозный вопросъ въ Западной Руси и на Украинѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ національнымъ. Стараться о томъ, чтобы перемѣнить вѣру русскаго, говорится въ „Суппликаціи", значитъ стремиться уничтожить русскій народъ, добиться того, „чтобы на Руси не было Руси", такъ какъ „восточная вѣра не можетъ быть уничтожена иначе, какъ съ уничтоженіемъ народа русскаго". Успокоить народъ русскій, по словамъ авторовъ „Суппликаціи", возможно, только уничтоживъ унію и даровавъ равныя права всѣмъ тремъ народностямъ, входящимъ въ составъ Речи Посполитой, т. е. народамъ польскому, литовскому и русскому. Изъ этой „Суппликаціи", такимъ образомъ, ясно, что борьба велась не только религіозная, но и національная. Оба движенія, рели-

гіозное и національное, были тѣсно связаны между собою. Они не могутъ быть разсматриваемы одно безъ другого. Культурное движеніе было средствомъ для нихъ.

Ко времени сейма 1623 г. въ Варшаву прибыли митрополитъ Іовъ Борецкій и Мелетій Смотрицкій ходатайствовать о нуждахъ православныхъ. Они подали королю петицію объ утвержденіи православной іерархіи и правъ южно-русской церкви. На сеймѣ господствовало настроеніе сравнительно миролюбивое. Много говорили о религіозныхъ дѣлахъ. Среди уніатовъ находились лица, которыя хотѣли примиренія съ православными путемъ взаимныхъ уступокъ. Они подали королю петицію о назначеніи для этого комиссіи. Король согласился. Комиссія изъ сенаторовъ и депутатовъ сейма пригласила въ свои засѣданія представителей католическаго и православнаго духовенства. Изъ православныхъ были приглашены митрополитъ Іовъ Борецкій и Мелетій Смотрицкій, какъ бывшіе тогда въ Варшавѣ. Но изъ комиссіи ничего не вышло. Православные епископы отвергли всякое соглашеніе съ уніатами путемъ взаимныхъ уступокъ и должны были, поэтому, поспѣшно уѣхать изъ Варшавы.

Сеймъ 1623 года кончился, такимъ образомъ, для православныхъ ничѣмъ и только обострилъ и безъ того натянутыя отношенія. Вскорѣ послѣ этого случилось убійство въ Витебскѣ разъяренной толпой уніатскаго епископа Іосафата Кунцевича, отличавшагося особой жестокостью въ преслѣдованіи православныхъ. Этотъ террористическій актъ уничтожилъ среди католиковъ и уніатовъ настроеніе, благопріятное соглашенію съ православными, и сдѣлалъ всякіе дружескіе переговоры въ этомъ смыслѣ, на первыхъ порахъ, немыслимыми. Начались новыя репрессіи польскаго правительства противъ православныхъ. Положеніе казалось совсѣмъ безотраднымъ. Православными начало овладѣвать ожесточеніе. Витебскій терроръ не былъ единичнымъ. Въ

Кіевѣ въ 1624 году козаки бросили въ Днѣпръ „воды пити“ войта Федора Ходыку, сдѣлавшаго попытку запечатать православныя церкви. Священнику Юзефовичу, помогавшему Ходыкѣ, отрубили голову.

Подъ вліяніемъ такихъ событій, среди высшаго православнаго духовенства зародилась впервые мысль о подданствѣ московскому царю. Объ этомъ заговаривалъ въ 1622 году Исая Копинскій, а въ 1624 году Іовъ Борецкій. Московскіе бояре увидѣли, однако, что ничего серьезнаго изъ такихъ разговоровъ не можетъ выйти и прекратили всякіе переговоры по этому вопросу.

Измѣна православію Мелетія Смотрицкаго.

Попытки уніатовъ войти въ соглашеніе и компромиссъ съ православными не прекращались и послѣ неудачи на сеймѣ 1623 года. Онѣ возобновились во время варшавскаго сейма 1626 года, но православные снова отказались принимать участіе въ совѣщаніяхъ съ уніатами. Гораздо серьезнѣе была попытка уніатовъ къ сближенію съ православными въ 1627—1629 годахъ. Главнымъ дѣятелемъ при этомъ явился извѣстный уже намъ Мелетій Смотрицкій. Самая попытка находится въ связи съ переходомъ Мелетія Смотрицкаго въ унію. Нѣкоторые изъ изслѣдователей видятъ въ этомъ переходѣ результатъ постепенной перемѣны религіозныхъ убѣжденій и считаютъ переходъ Смотрицкаго въ унію искреннимъ. Другіе же, напр. М. О. Кояловичъ, въ особенности, проф. С. Т. Голубевъ, находятъ, что Мелетій Смотрицкій перешелъ въ унію неискренно, не по убѣжденію въ превосходствѣ католицизма, а изъ чисто практическихъ расчетовъ и соображеній.

Мы уже знаемъ, что Мелетій (въ мірѣ Максимъ) Смотрицкій воспитывался сначала въ острожской школѣ. Онъ былъ сыномъ ректора ея Герасима Смотрицкаго. На блестящіе способности Максима обратилъ вниманіе князь Острожскій и отправилъ его въ виленскую іезуитскую коллегію. Воспитаніе у іезуитовъ наложило,

конечно, неизгладимые слѣды на личность Максима. По окончаніи образованія, Смотрицкій отправился за границу, въ Германію, въ качествѣ руководителя князя Соломерѣцкаго. Тамъ онъ слушалъ лекціи въ университетахъ лейпцигскомъ, нюренбергскомъ и виттенбергскомъ. Пребываніе Смотрицкаго въ протестантскихъ университетахъ нѣсколько ослабило вліяніе іезуитовъ. По возвращеніи на родину, Смотрицкій заявилъ себя горячимъ сторонникомъ православія, вошелъ въ сношеніе съ виленскимъ православнымъ братствомъ и сталъ во главѣ литературной полемики противъ уніатовъ. Извѣстный уже намъ его Θρῆνος (Плачь), изданный въ 1610 г. въ Вильнѣ, подъ псевдонимомъ Феофана Ортолога, произвелъ въ свое время очень сильное впечатлѣніе. Католики признавали, что такихъ желчныхъ нападковъ на папскій престолъ, какіе находились въ „Плачѣ", никто не дѣлалъ. Около 1616 г. Смотрицкій вступилъ въ виленское братство. Въ то же время онъ завелъ и тайныя сношенія съ уніатами. Въ сочиненіяхъ, вышедшихъ послѣ „Плача", въ „Палинодіи" и въ „Трактатѣ объ исхожденіи св. Духа", Смотрицкій дѣлалъ уже значительныя уступки уніи. Православные начали относиться къ нему подозрительно. Чтобы разсѣять ихъ подозрѣнія, Максимъ Смотрицкій въ концѣ 1618 или въ началѣ 1619 года принялъ монашество съ именемъ Мелетія и сталъ вести строгую, подвижническую жизнь.

Во время посѣщенія Кіева патріархомъ Феофаномъ Мелетій Смотрицкій былъ посвященъ въ архіепископы полоцкіе. Мы уже знаемъ, что его пребываніе послѣ этого въ Вильнѣ послужило толчкомъ къ обостренію отношеній между православными и уніатами. Въ 1624 году Мелетій предпринялъ путешествіе на востокъ. Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что Мелетій перешелъ въ унію раньше этого путешествія. Побудительной причиной къ путешествію считаютъ они желаніе Мелетія удалиться изъ Западной Руси на

время, пока уляжется волненіе по поводу убійства Іосафата Кунцевича. Молва считала Мелетія причастнымъ къ этому убійству. Другую побудительную причину къ путешествію видятъ въ желаніи подготовить на востокѣ мысль о необходимости сближенія православныхъ съ уніатами. Проф. С. Т. Голубевъ отрицаетъ возможность перехода Мелетія Смотрицкаго въ унію раньше поѣздки его на востокъ и совершенно иначе объясняетъ цѣль этой поѣздки. По его мнѣнію, Смотрицкій поѣхалъ на востокъ, по соглашенію съ митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ. Цѣлью поѣздки было ходатайство у константинопольскаго патріарха объ уничтоженіи автономіи братствъ и монастырей, которою такъ тяготилась западно-русская іерархія. Поѣздка была сначала успѣшна. Смотрицкому удалось получить у восточныхъ патріарховъ соборную грамоту, уничтожавшую ставропигію, т. е. автономію братствъ, церквей и монастырей, и подчинявшую ихъ мѣстнымъ епископамъ. Воспользоваться этой грамотой западно-русскимъ владыкамъ, однако, не удалось. Какъ только разнесся слухъ о ней, братства энергично запротестовали. Патріархъ константинопольскій, подъ вліяніемъ этихъ протестовъ, долженъ былъ снова подтвердить ставропигію главнѣйшихъ братствъ. Положеніе Іова Борецкаго и Мелетія Смотрицкаго сдѣлалось послѣ этой неудачи труднымъ. Въ средѣ православныхъ, въ особенности братчиковъ, къ нимъ стали относиться съ недовѣріемъ и съ нѣкоторой враждебностью. Этимъ затруднительнымъ положеніемъ Смотрицкаго и воспользовались уніаты, чтобы привлечь его на свою сторону. Нуждаясь матеріально, Мелетій сталъ добиваться настоятельства въ дермановскомъ монастырѣ, находившемся подъ патронатствомъ князя Александра Заславскаго. Мелетію обѣщали, если онъ приметъ унію, и Смотрицкій согласился принять ее.

До поры до времени все это, однако, оставалось въ тайнѣ. Мелетію приходилось хитрить. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, онъ задумалъ въ

1627 году планъ соглашенія православныхъ съ уніатами. Если бы такое соглашеніе состоялось, поступокъ Мелетія нашелъ бы себѣ въ немъ оправданіе. Для приведенія въ исполненіе плана Смотрицкаго, по его иниціативѣ, въ 1627 году въ Кіевѣ былъ созванъ соборъ. На немъ изъ высшаго духовенства присутствовали, кромѣ самого Смотрицкаго, митрополитъ Іовъ Борецкій и печерскій архимандритъ Петръ Могила. Что происходило на этомъ соборѣ—неизвѣстно; знаемъ только, что члены собора обязали Смотрицкаго представить на просмотръ церковникамъ возможно скорѣй составленный имъ катехизисъ.

Участіе въ кіевскомъ соборѣ небольшого числа высшаго духовенства не было случайностью. Слухи о сношеніи Мелетія Смотрицкаго съ уніатами все болѣе расли. Противъ него выступилъ со своими воззваніями перемышльскій епископъ Исая Копинскій, вообще относившійся отрицательно и враждебно къ соглашенію съ уніатами. Мелетію нужно было спѣшить. Въ 1628 году Смотрицкій устроилъ совѣщаніе іерарховъ въ Гродекѣ, имѣніи кіево-печерскаго монастыря. На этомъ совѣщаніи присутствовали, кромѣ Мелетія, Іовъ Борецкій, Петръ Могила, епископъ луцкій Исакій Борискевичъ и епископъ холмскій Пансій Ипполитовичъ. На совѣщаніи Смотрицкій игралъ видную роль. Рѣшено было созвать въ Кіевѣ помѣстный соборъ для обсужденія вопроса о соглашеніи между православными и уніатами. Мелетію Смотрицкому было поручено ко времени этого собора изложить разногласія между церквами восточною и западною.

Такъ явилась „Апологія странствованія на востокъ Мелетія Смотрицкаго“, въ которой онъ перечислялъ ереси западно-русской церкви и старался доказать, что все зло заключается въ раздорѣ съ римской церковью. Списки „Апологіи“ Смотрицкій послалъ митрополиту Іову Борецкому и Петру Могилѣ, архимандриту печерскому. Оба дружественно были къ нему располо-

жены. Прочитавши „Апологію“, они увидѣли, въ какую сторону она направлена, хотѣли, по дружбѣ, замолчать ее и замять дѣло. Но это не удалось. Смотрицкій поспѣшилъ одновременно отослать „Апологію“ въ Краковъ для печатанія Кассіану Саковичу, бывшему когда-то ректоромъ кіево-братской школы и уже перешедшему въ то время въ унію. Когда въ Кіевѣ получились первые печатные листы „Апологіи“, началось сильное волненіе среди православныхъ. Какъ разъ въ это время Мелетій Смотрицкій пріѣхалъ въ Кіевъ на соборъ. Положеніе его среди возбужденнаго населенія оказалось опаснымъ; дѣла замять нельзя было, и Смотрицкій долженъ былъ согласиться, по требованію собора, на торжественное отреченіе отъ „Апологіи“. Отреченіе происходило 15-го августа 1628 года въ лаврской церкви. Оно не было искреннимъ. Черезъ нѣсколько дней Мелетій Смотрицкій тайно уѣхалъ изъ Кіева, издалъ протестацію противъ кіевскаго собора, и открыто сталъ выступать врагомъ православія. Такимъ онъ оставался до самой своей смерти въ 1633 году.

Неудача Мелетія Смотрицкаго не остановила попытокъ къ соглашенію. Шли онѣ, попрежнему, съ уніатской стороны. Но встрѣчали такъ же, какъ и раньше горячее противодѣйствіе со стороны православныхъ, начиная отъ шляхты и духовенства, и кончая козаками. Благодаря такому настроенію, соборы, созванные въ 1629 году въ Кіевѣ, затѣмъ во Львовѣ для выработки соглашеній, оказались неудачными. Соглашенія не послѣдовало.

Исая Копинскій.

Вскорѣ послѣ этого, 2 марта 1631 г., умеръ митрополитъ Іовъ Борецкій. Въ послѣдніе годы, благодаря участію его въ попыткахъ соглашенія съ уніатами, и благодаря покровительству, которое Іовъ Борецкій оказывалъ Мелетію Смотрицкому, положеніе митрополита поколебалось. Къ нему стали относиться съ недовѣріемъ. Вполнѣ естественно, поэтому, что преемникомъ ему былъ избранъ человѣкъ, который въ дѣлѣ со-

глашенія съ уніатами, велъ себя иначе, чѣмъ Іовъ Борецкій, который былъ противникомъ всякаго соглашенія и сближенія съ ними и первый выступилъ съ обличеніями противъ Мелетія Смотрицкаго. То былъ епископъ перемышльскій Исая Копинскій, человѣкъ давно извѣстный своимъ благочестіемъ. Онъ былъ инокомъ кіево-печерской лавры, и оттуда его пригласили первымъ игуменомъ и устроителемъ кіево-братскаго монастыря. Въ братскомъ монастырѣ Исая Копинскій оставался не долго. Въ 1616 году монахи густынскаго и ладинскаго монастырей, находившихся возлѣ Прилуки (полтавской губ.) въ имѣніи кн. Вишневецкаго, просили его устроить ихъ монастыри, т. е. организовать, по уставу, монастырскую жизнь. Копинскій отправился туда, но въ 1618 году мы видимъ его уже занятымъ, по приглашенію братіи, устройствомъ межигорскаго монастыря. Съ посвященіемъ Исая Копинскаго на перемышльскую кафедру, онъ не жилъ въ своей епархіи, опасаясь преслѣдованій, а проживалъ на Украинѣ, между прочимъ, въ Кіевѣ и очень чутко и отзывчиво относился къ религіознымъ смутамъ и волненіямъ. Выбирая его митрополитомъ, православные, въ особенности, кіевскіе братчики, расчитывали, вѣроятно, имѣть въ Исаѣ Копинскомъ твердаго и неуклоннаго защитника православія и устроителя православной церкви. Копинскому, однако, не пришлось сыграть серьезной роли на митрополичьемъ престолѣ. Въ это время уже выдвинулась новая, болѣе сильная, энергичная и замѣчательная личность—Петръ Могила. Исаѣ Копинскому пришлось уступить ему мѣсто.

Историческія свѣдѣнія о фамиліи Могилъ начинаются только съ конца XV столѣтія. Въ это время **Петръ Могила.** фамилія эта занимала уже видное положеніе въ Молдавіи и Валахіи. Въ концѣ XVI вѣка дядя Петра Могилы Іеремія, сдѣлался господаремъ молдавскимъ (1595—1606), другой дядя Георгій носилъ санъ молдавскаго митрополита (1587—1589), наконецъ, отецъ Петра

Могилы—Симеонъ былъ сначала воеводою волошскимъ а затѣмъ, съ 1601 года, сдѣлался господаремъ Валахіи а съ 1607 года и Молдавіи. Господаремъ онъ оставался до самой смерти. Петръ Могила былъ однимъ изъ пяти сыновей Симеона. Время рожденія его въ точности не извѣстно, въ 1596 или въ 1597 г. Мало имѣется свѣдѣній объ его юности и воспитаніи. Біографы Петра Могилы допускаютъ возможность, что будущій митрополитъ кіевскій получилъ первоначальное образованіе во львовской братской школѣ, или скорѣй, подъ руководствомъ учителей этой школы, а дальнѣйшее въ заграничныхъ университетахъ, между прочимъ, вѣроятно, и въ Парижѣ. Домашняя обстановка и среда, въ которой росъ Петръ Могила, заставляли его съ дѣтства питать симпатіи къ польскому государству и къ польской культурѣ. Могилы даже родственными отношеніями были связаны съ польскимъ высшимъ обществомъ. Это, однако, не помѣшало Петру Могилѣ съ дѣтства воспитать въ себѣ любовь къ православной вѣрѣ. Есть опредѣленное указаніе на то, что молодой Петръ Могила поступилъ на службу въ польское войско и участвовалъ въ хотинской битвѣ (1621 г.) съ турками. Думаютъ также, что онъ нѣкоторое время жилъ и учился рыцарскому искусству при дворѣ канцлера и гетмана короннаго Станислава Жолкѣвскаго, большого польскаго патріота, человѣка замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ. По смерти Жолкѣвскаго, Петръ Могила сталъ бывать въ Кіевѣ, близко сошелся и подружился съ митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ, который могъ быть и его наставникомъ во Львовѣ. Могила задумалъ поселиться въ Кіевѣ и началъ пріобрѣтать землю въ кіевской области. Онъ заинтересовался религіозной борьбой.

Въ это время 21 марта 1626 года умеръ архимандритъ печерскій Захарія Копыстенскій. У Петра Могилы явилось желаніе занять его мѣсто. Проф. Е. Е. Голубинскій въ рецензіи своей на книгу проф. С. Т. Голубева о Петрѣ Могилѣ отмѣчаетъ, что склонность къ

монашеству у Могилы замѣчалась давно, и онъ даже готовился стать монахомъ. Объяснять, однако, желаніе Могилы сдѣлаться печерскимъ архимандритомъ исключительно идеальными побужденіями—послужить православной вѣрѣ въ иноческомъ образѣ—нельзя. Вѣроятно, немалую роль играли при этомъ и матеріальные расчеты. Богатѣйшая кіево-печерская лавра, мы знаемъ, всегда служила приманкой для знатныхъ и вліятельныхъ людей.

Печерская братія отнеслась къ Петру Могилѣ недовѣрчиво, не хотѣла избирать его и имѣла другихъ кандидатовъ. Но Петру Могилѣ, при содѣйствіи митрополита Іова Борецкаго, удалось не только сломить упорство печерскихъ иноковъ и обывателей кіевскаго воеводства и получить отъ нихъ избирательный листъ, но и добиться, при содѣйствіи вліятельныхъ польскихъ магнатовъ, утвержденія со стороны короля. Въ концѣ 1627 года тридцатилѣтній Петръ Могила былъ посвященъ въ архимандриты кіево-печерской лавры.

Новый печерскій архимандритъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Мелетіемъ Смотрицкимъ, довѣрялъ ему, а потому, какъ мы уже знаемъ, принималъ дѣятельное участіе въ попыткахъ къ соглашенію между уніатами и православными. Въ Лаврѣ онъ расширилъ типографію, продолжалъ изданіе книгъ, старался поднять дисциплину среди лаврскихъ монаховъ. Отсюда жалобы на его суровость и даже жестокость и безпощадность.

Особое вниманіе Петръ Могила обратилъ на лаврскую школу. Нѣкоторые приписываютъ ему даже основаніе ея. На самомъ же дѣлѣ, школа въ Лаврѣ возникла еще при Елисеѣ Плетенецкомъ. Могила рѣшилъ только преобразовать ее въ высшее учебное заведеніе, по образцу іезуитскихъ коллегій. Для этой цѣли были посланы имъ молодые люди въ заграничныя коллегіи для подготовленія къ профессорскому званію. Мысль Могилы развить лаврскую школу, наряду съ братской,

не встрѣтила, однако, сочувствія у кіевлянъ. Въ лаврской школѣ увидѣли подрывъ школѣ кіево-братской. Кромѣ того, вѣроятно, немалую роль сыграло при этомъ недовѣріе къ Петру Могилѣ вообще, какъ другу Мелетія Смотрицкаго, и, наконецъ, новый характеръ школы съ латинскимъ преподавательскимъ языкомъ. Могло явиться опасеніе, какъ бы новая школа не сдѣлалась разсадникомъ еретиковъ, въ родѣ Мелетія Смотрицкаго. Митрополитъ Іовъ Борецкій совѣтовалъ Петру Могилѣ отказаться отъ своего намѣренія. Тотъ не согласился.

По смерти Іова Борецкаго († 2 марта 1631 года) Петръ Могила задумалъ сдѣлаться кіевскимъ митрополитомъ. Въ его интересахъ, поэтому, было сближеніе съ вліятельнымъ въ то время кіево-богоявленскимъ братствомъ. Могила готовъ былъ отказаться даже отъ мысли реформировать лаврскую школу. Когда же планъ Могилы не удался, и митрополитомъ былъ избранъ Исая Копинскій, печерскій архимандритъ рѣзко измѣнилъ свое отношеніе къ братству и снова энергично занялся устройствомъ лаврской школы. Можно думать, что дѣло не обходилось здѣсь безъ мысли о конкуренціи съ братской школой. О самомъ преобразованіи лаврской школы извѣстно мало. Изученіе латинскаго языка было поставлено въ ней на первое мѣсто вмѣсто языка греческаго, какъ это имѣло мѣсто въ братскихъ школахъ. Преподаваніе носило схоластическій характеръ. Первымъ ректоромъ школы былъ Исая Трофимовичъ Козловскій, преподававшій философію. Онъ былъ приглашенъ Могилой изъ Львова. Реторику преподавалъ Сильвестръ Коссовъ, тогда молодой монахъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи видной литературной силой и преемникомъ Могилы на митрополичьей кафедрѣ.

Въ преобразованномъ видѣ лаврская школа просуществовала недолго, всего около полугода. Недружелюбное отношеніе Могилы къ богоявленскому братству привело къ очень серьезному положенію вещей. Братство кіевское объединяло въ своей средѣ значительную

часть кіевскаго населенія, шляхты, духовенства и мѣщанъ. Къ братству принадлежало также все „войско запорожское“, козаки. Въ кіевской жизни и въ дѣлахъ вѣры, напримѣръ, въ дѣлѣ Мелетія Смотрицкаго, братство играло большую роль. Вызовъ, брошенный братству Могилой, не могъ пройти, поэтому, безнаказанно. На сторонѣ братства и его школы стало все населеніе Кіева и козаки. Начались волненія, стали раздаваться угрозы накормить учителями могилянской школы днѣпровскихъ осетровъ. Могилѣ пришлось уступить общественному настроенію. Братство также пошло на значительныя уступки. Произошло соглашеніе. Это было, по мнѣнію проф. С. Т. Голубева, въ концѣ 1631 года, а не въ 1634 или 1635 годахъ, какъ думаютъ нѣкоторые изъ изслѣдователей. Могила долженъ былъ согласиться на соединеніе своей школы съ братской, оставилъ за собой, однако, иниціативу въ этомъ дѣлѣ, главное опекунство и надзоръ надъ училищемъ. Онъ былъ признанъ также старшимъ братомъ, пожизненнымъ блюстителемъ и защитникомъ братскаго монастыря и его имѣній. Опекунство Могилы было личное, а не присваивалось ему по сану печерскаго архимандрита. По смерти Могилы, выборъ новаго опекуна предоставлялся братству. Школы были соединены фактически съ осени 1632 года.

Правовое положеніе школъ, основанныхъ Петромъ Могилою.

Положеніе соединенной школы оставалось необезпеченнымъ, разъ право ея на существованіе не было признано королемъ. При жизни Сигизмунда III, извѣстнаго фанатика католицизма, добиться этого не представлялось возможнымъ. Но Сигизмундъ 30 апрѣля 1632 года умеръ. Преемникомъ его на польскомъ престолѣ былъ избранъ сынъ его Владиславъ IV. Новый король отличался вѣротерпимостью. Къ тому же и политическія отношенія въ Польшѣ ко времени выбора новаго короля требовали уступокъ диссидентамъ. Безъ ихъ поддержки кандидатура Владислава становилась шаткой. Владиславъ IV признать за православными

право имѣть высшую духовную іерархію. Онъ же, немедленно послѣ своей коронаціи, издалъ 14-го марта 1633 года привилей, въ которомъ изъявлялъ согласіе на основаніе „русскихъ" школъ.

Привилей Владислава IV вызвалъ большую тревогу среди католиковъ и уніатовъ. Противъ привилея началась усиленная агитація. Агитація имѣла успѣхъ. Въ 1634 году Владиславъ IV издалъ распоряженіе объ уничтоженіи православныхъ латинскихъ школъ. Петръ Могила, между тѣмъ, одновременно со школой въ Кіевѣ, основалъ школу и въ Винницѣ.

Могилѣ, въ то время уже митрополиту, стоило немало усилій отстоять свои школы. По его порученію, префектъ кіевской коллегіи Сильвестръ Коссовъ въ сочиненіи „Exegesis", напечатанномъ по-польски въ 1635 году въ Кіевѣ, въ лаврской типографіи, выступилъ на защиту кіевской и винницкой школъ и защищалъ ихъ отъ обвиненій въ протестантскихъ ересяхъ. Самъ Петръ Могила пустилъ въ ходъ свои связи и вліянія. Въ концѣ концовъ, благодаря энергичной дѣятельности митрополита и его ближайшихъ помощниковъ, король не только отмѣнилъ свое распоряженіе о закрытіи православныхъ школъ, но 18 марта 1635 года подтвердилъ привилей 1633 года, разрѣшилъ обучать въ школахъ по-гречески и по-латыни, съ тѣмъ, только ограниченіемъ, чтобы кругъ преподаваемыхъ предметовъ, обычный въ коллегіяхъ, въ кіевской и винницкой не шелъ выше діалектики и логики. По своимъ правамъ, православныя коллегіи оставались, все-таки, ниже католическихъ. Не удалось Петру Могилѣ добиться также для кіевской коллегіи правъ и титула Академіи. Король рѣшительно отказалъ въ этомъ. Только по гадяцкому договору 1657—58 года, заключенному гетманомъ Выговскимъ съ польскимъ правительствомъ, кіевская коллегія получила титулъ Академіи и была уравнена въ правахъ съ академіею краковской.

Что касается до школы въ Винницѣ, то она находилась тамъ до 1639 года. Затѣмъ школа была переведена въ Гощу на Волыни (теперь острожскаго уѣзда) на мѣсто закрытой коллегіи аріанской и просуществовала тамъ до пожара 1672 года. Школа въ Гощѣ являлась оплотомъ для православія въ борьбѣ съ социніанствомъ. Но такого значенія, какъ кіевская коллегія, школа въ Винницѣ и въ Гощѣ не пріобрѣла, хотя среди руководителей ея и бывали люди, по тому времени, выдающіеся. Они обыкновенно оставались въ Гощѣ недолго и переходили въ Кіевъ. Среди ректоровъ кіевской коллегіи немало извѣстно такихъ, которые раньше стояли во главѣ коллегіи въ Гощѣ, какъ, напримѣръ, Игнатій Оксеновичъ Старушичъ или Иннокентій Гизель.

Общій характеръ кіево-могилянской коллегіи.

По имени своего основателя, кіевская коллегія называлась также могилянской. Какъ и въ Винницѣ, коллегія въ Кіевѣ была устроена по образцу коллегій іезуитскихъ. Іезуиты считались самыми опасными противниками православія, особенно при усиливавшейся полонизаціи западно-русскаго общества. Противъ іезуитовъ, слѣдовательно, нужно было бороться ихъ же оружіемъ.

Являясь по духу православной, кіево-могилянская коллегія, по своему строю, носила латинско-польскій характеръ и, въ этомъ отношеніи, не отличалась отъ другихъ коллегій въ Речи Посполитой. Курсъ ученія въ коллегіи былъ семилѣтній и состоялъ изъ шести классовъ: инфимы, грамматики, синтаксимы, піитики и реторики одногодичныхъ и философіи двухгодичной. Богословіе не преподавалось. На это не давалъ коллегіи права королевскій привилей 1635 года. Недостатокъ богословскихъ познаній приходилось восполнять окольными путями. При преподаваніи философіи затрагивались богословскіе вопросы; для пополненія богословскаго образованія воспитанники кіево-могилянскаго коллегіума посылались въ католическія академіи виленскую, замойскую, а иногда и заграницу.

Латинскій и польскій языкъ въ коллегіи.

Особое значеніе въ кіево-могилянской коллегіи пріобрѣло изученіе латинскаго языка. Помимо практической цѣли для суда, на которую указывалъ въ своемъ Exegesis'ѣ Сильвестръ Коссовъ, латинскій языкъ имѣлъ еще значеніе всеобщаго научнаго языка. Какъ въ іезуитскихъ коллегіяхъ, такъ и въ кіево-могилянской, латинскій языкъ занялъ, поэтому, преобладающее положеніе. На немъ учились, преподавали, на немъ говорили рѣчи научнаго содержанія и пользовались имъ въ научныхъ сочиненіяхъ. Греческій языкъ, которому когда-то отдавали преимущество въ братскихъ школахъ, хотя, попрежнему, серьезно изучался въ кіево-могилянской коллегіи, но отступилъ теперь на второй планъ. Изучался въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ серьезно и языкъ церковно-славянскій. Среди воспитанниковъ кіево-могилянской коллегіи извѣстны выдающіеся знатоки греческаго и славянскаго языковъ, какъ Епифаній Славинецкій или Арсеній Сатановскій, вызванные въ Москву и занимавшіеся тамъ переводомъ и исправленіемъ богослужебныхъ книгъ въ срединѣ XVII вѣка.

Большое значеніе въ кіево-могилянской коллегіи получилъ языкъ польскій. Многія литературныя произведенія, вышедшія изъ среды кіево-могилянской коллегіи или изъ среды, близкой къ ней, писаны по-польски.

Роль польскаго языка въ культурной жизни Украины XVII вѣка создана была историческими условіями. Польскій языкъ былъ языкомъ господствовавшей національности въ Речи Посполитой. Благодаря распространенію и лучшей организаціи іезуитскихъ школъ, значительная часть православной шляхты на Украинѣ получала въ нихъ свое воспитаніе, усвоивала латинско-польскій языкъ, который мало-помалу становился языкомъ обычнымъ въ житейскихъ отношеніяхъ и вытѣснялъ изъ обихода языкъ родной „русскій".

„Русскій" языкъ.

Послѣдній не удалось въ первой половинѣ XVII вѣка развить до степени живого книжнаго языка. По-

пытки воспользоваться народнымъ языкомъ, чтобы сдѣлать божественное писаніе болѣе доступнымъ мірянамъ, мы видѣли въ Западной Руси и на Украинѣ еще въ концѣ XVI вѣка. При этомъ встрѣтились непреодолимыя трудности. Съ одной стороны, не было общаго „русскаго" языка въ предѣлахъ Речи Посполитой, а существовала бѣлорусская и украинская рѣчь со множествомъ отдѣльныхъ говоровъ. Съ другой стороны въ народной рѣчи трудно было найти точныя выраженія для передачи славянскаго текста, а также для богословскихъ положеній, которыя были тогда, въ эпоху введенія церковной уніи, предметомъ самой жаркой полемики. При такихъ условіяхъ „мысль о народной рѣчи, по выраженію П. И. Житецкаго, скользнула, такъ сказать, въ умѣ книжныхъ людей, не получивъ тотчасъ надлежащаго примѣненія". Они попытались организовать литературную рѣчь на готовой почвѣ, какую представлялъ церковно-славянскій языкъ. Это не былъ уже тотъ славянскій языкъ, который встрѣчается въ древнѣйшихъ литературныхъ памятникахъ, напр., въ Остроміровомъ евангеліи. Славянскій языкъ XVI в. далеко отстоялъ отъ живой народной рѣчи, заключалъ въ себѣ много „нерусскихъ" примѣсей и былъ мало понятенъ для народа. Первая „Кграмматыка словенска языка" напечатана въ 1586 году въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей. Эта небольшая книжечка въ 14 листовъ, какъ думаютъ, была „плодомъ грамматическихъ наблюденій надъ славянскимъ языкомъ переводчиковъ Острожской Библіи". Вторымъ опытомъ была извѣстная уже намъ „Адельфотесъ. Грамматика доброглаголиваго эллино-словенскаго языка", изданная во Львовѣ въ 1591 году. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого въ Вильнѣ появилась „Грамматика Словенска, составленная Лаврентіемъ Зизаніемъ", ставившая себѣ цѣлью не только „добре читати, но и право писати". Наконецъ, въ 1619 году въ Эвю, близъ Вильны, напечатана знаменитая славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго.

Она сдѣлалась на долго основой грамотности не только въ Западной Руси и на Украинѣ, но и въ Великой Россіи. Задачей Мелетія Смотрицкаго было поднять церковно-славянскій языкъ до высоты литературнаго органа, достигнуть возможной чистоты его. На самомъ же дѣлѣ, ему не удалось это. Помимо воли самого Смотрицкаго, церковно-славянскій языкъ, представленный въ его грамматикѣ, не былъ чистымъ. Онъ сближенъ съ общими свойствами русскихъ нарѣчій. Писатели украинскіе, при практическомъ примѣненіи этого языка, пошли дальше. Они еще больше вносили народныхъ элементовъ въ языкъ своихъ произведеній, такъ что, въ концѣ концовъ, языкъ этотъ являлся не столько церковно-славянскимъ, сколько славяно-русскимъ. Но и въ такомъ видѣ языкъ оказывался малопонятнымъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ этого является извѣстный уже намъ „Славенороссійскій лексиконъ" Памвы Берынды.

Цѣль лексикона—чисто практическая. По мнѣнію П. И. Житецкаго, высказанному въ „Очеркѣ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII вѣкѣ", Берында не былъ ученымъ изслѣдователемъ, какъ думалъ о немъ Буслаевъ. Лексиконъ Берынды—это „Записная книга умнаго типографа, который не могъ относиться безсознательно къ славянскимъ книгамъ, напечатаннымъ подъ его наблюденіемъ". Исходя изъ практическихъ соображеній, Берында старался уяснить смыслъ непонятныхъ для него словъ. Такъ составился его лексиконъ. За короткое время лексиконъ Берынды выдержалъ два изданія. Это даетъ основаніе думать, что онъ отвѣчалъ назрѣвшей потребности—помогать пониманію неясныхъ словъ, употреблявшихся тогда въ книжномъ языкѣ.

Польскій языкъ въ западно-русскомъ обществѣ.

Малопонятность книжнаго славяно-русскаго языка для широкихъ слоевъ населенія создавала почву для примѣненія польскаго языка въ западно-русской письменности и письменныхъ сношеніяхъ отдѣльныхъ лицъ

между собою. Не только свѣтскія, но и духовныя лица охотно пользовались польскимъ языкомъ. Иногда это вызывалось необходимостью, когда рѣчь обращалась къ польскому обществу; въ другихъ же случаяхъ прибѣгали къ польскому языку, какъ къ болѣе понятному и привычному. На польскомъ языкѣ писали свои книги Мелетій Смотрицкій, Кассіанъ Саковичъ, Петръ Могила и Сильвестръ Коссовъ и позже воспитанники кіево-могилянской коллегіи Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галятовскій и др. Сильвестръ Коссовъ и Петръ Могила въ перепискѣ другъ съ другомъ и съ православными братствами пользовались нерѣдко польскимъ языкомъ. Такое широкое практическое употребленіе польскаго языка не могло пройти безслѣдно и для бѣлорусскаго и украинскаго народныхъ языковъ. Они впитали въ себя много полонизмовъ.

Кіево-могилянская коллегія и западно-европейская наука. Значеніе коллегіи.

Основанная по образцу іезуитскихъ западно-европейскихъ и, въ частности, польскихъ коллегій, коллегія кіево-могилянская, благодаря латинскому и польскому языку, тѣсно соприкасалась съ западно-европейской наукой и культурой и являлась проводникомъ ихъ въ западно-русское и украинское общество. Это отмѣтилъ П. А. Кулішъ въ своемъ „Отпаденіи Малороссіи отъ Польши". Извѣстный польскій историкъ А. П. Яблоновскій думаетъ, что кіево-могилянская коллегія являлась единственно только посредницей между западной и восточной культурою; сама же по себѣ, коллегія не имѣла ничего самостоятельнаго и оригинальнаго. Оттого и произошло постепенное угасаніе ея, какъ научно-просвѣтительнаго учрежденія. Въ концѣ концовъ, коллегія была преобразована въ духовную академію, по своему характеру, ничего общаго не имѣвшую съ прежней кіево-могилянской коллегіей. Мнѣніе А. П. Яблоновскаго вызвало возраженія со стороны профессора кіевской духовной академіи Ф. И. Титова. Проф. Ф. И. Титовъ признаетъ, напротивъ, за кіево-могилянской коллегіей и составляющей ея продолженіе духовной

академіей самостоятельность и оригинальность. О
видитъ ихъ въ томъ, что коллегія и затѣмъ акаде
были школою православною и русскою, по своему вн
треннему духу и характеру. Изъ Западной Европ
Польши были заимствованы только формальныя ср
ства культуры и цивилизаціи. Средства эти были
тѣмъ переработаны самостоятельно и въ такомъ пер
работанномъ видѣ употреблялись „для защиты осн
ныхъ элементовъ самобытной культуры—вѣры и н
родности русской“.

Вопросъ о самобытности и оригинальности кіев
могилянскаго коллегіума, не можетъ быть рѣшенъ в
такомъ категорическомъ видѣ, какъ предлагаютъ А.
Яблоновскій и проф. Ф. И. Титовъ, да и вообще
можетъ быть рѣшенъ во всей своей полнотѣ въ н
стоящее время, при современномъ намъ состояніи зн
ній. Кіево-могилянскій коллегіумъ, по разъяснені
проф. Н. И. Петрова въ его изслѣдованіи о „Кіевск
духовной академіи во второй половинѣ XVII вѣка“,
былъ рабскимъ подражаніемъ іезуитскимъ и піарскимъ*
школамъ. Коллегіумъ являлся „примѣненіемъ п
школьной системы къ тогдашнимъ школамъ правосл
ной церкви“. Въ этомъ нельзя не видѣть отчасти по
твержденія мысли проф. Ф. И. Титова. Но, съ друг
стороны, основы школьной системы, кругъ предметов
преподававшихся въ коллегіи, и ихъ содержаніе, ка
выяснилъ тотъ же проф. Н. И. Петровъ, близко стоя
къ западно-европейскимъ и польскимъ образцамъ. Нел
не признать правильными, поэтому, основныхъ пол
женій А. П. Яблоновскаго объ отсутствіи оригинал
ности и самобытности кіево-могилянской коллегіи, ка
научно-просвѣтительнаго учрежденія, и объ общем
характерѣ и значеніи ея, какъ посредницы между за

*) Піары—католическій монашескій орденъ, ставившій въ чи
сло своихъ обѣтовъ безвозмездное обученіе юношества. Возникъ о
въ Испаніи въ 1607 году. Въ 1642 году піары были призваны в
Польшу. Коллегіи ихъ были открыты во многихъ городахъ.

падной, въ частности, польской, и восточной культурой.

Значеніе кіево-могилянской коллегіи впослѣдствіи вышло за предѣлы Украины и Западной Руси. Со средины XVII вѣка, въ особенности же со времени присоединенія Украины къ московскому государству, воспитанниковъ кіево-могилянской коллегіи стали вызывать въ Москву. Кіевскіе ученые несли туда знанія и основы просвѣщенія, полученныя въ Кіевѣ. Но внѣ предѣловъ Украины роль кіево-могилянской коллегіи была второстепенной. Коллегія была основана для Украины и вызвана условіями жизни Украины. Въ связи съ ними и возможно только научное изученіе исторіи и значенія кіево-могилянской коллегіи.

На научный характеръ коллегіи рѣшающее вліяніе оказало то обстоятельство, что возникла она въ эпоху католической реакціи и подъ вліяніемъ школъ, которыя были орудіемъ этой реакціи. Стремленіямъ европейскаго гуманизма освободить мысль отъ подавляющаго авторитета средневѣковой теологіи въ ней не могло быть мѣста. Равно какъ не было мѣста и раціоналистическимъ теченіямъ реформаціи и реализму Бекона, который сталъ проникать въ европейскія школы какъ разъ въ то время, когда начала свое существованіе кіево-могилянская коллегія. Сильвестръ Коссовъ въ своемъ Exegesis'ѣ старался оправдать коллегію отъ всякаго подозрѣнія въ склонности къ протестантскимъ теченіямъ.

Наука, преподававшаяся въ коллегіи, была схоластической. Она строилась, говоритъ проф. Н. Ф. Сумцовъ, характеризуя южно-русскую литературу XVII в., „на преобладаніи внѣшней показной стороны обученія, на подавленіи духовной пытливости и скептицизма началами строгой школьной дисциплины и тяжестью церковныхъ авторитетовъ, на развитіи формальной стороны науки“. При такихъ условіяхъ, оставалось мало мѣста индивидуальному научному творчеству. По мнѣ-

нію проф. Н. Ф. Сумцова, съ основаніемъ коллегіум
наука и литература на Украинѣ сдѣлала шагъ назад
Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка наука и лите
ратура стояли въ тѣсной связи съ народной жизнь
исходили изъ нея, питались ею, черпали въ не
свои главныя силы, выражали „преимущественно и
тересы народа, во всей его вѣроисповѣдной цѣльност
и въ совокупности всѣхъ его сословій". Схоласти
коллегіума повредила во многомъ. Она привела ко в
общему духовному оскудѣнію и измельчанію.

Еще раньше подобныя же мысли высказывалъ ак
демикъ Пекарскій въ своей статьѣ о представителях
кіевской учености въ XVII вѣкѣ. По его мнѣнію, кіев
могилянская коллегія не имѣла ничего общаго съ н
родомъ; основаніе ея въ Кіевѣ не было потребност
народа; коллегію основали и о ней заботились тольк
шляхта и высшее духовенство „въ видахъ собстве
ныхъ пользъ".

П. И. Житецкій старался смягчить суровый пр
говоръ относительно коллегіи только что названны
ученыхъ. Житецкій справедливо находитъ ни на чем
не основаннымъ обвиненіе Петра Могилы и его спо
вижниковъ въ своекорыстныхъ сословныхъ цѣляхъ
которыя они будто бы преслѣдовали при основані
коллегіи. Онъ указываетъ затѣмъ на всесословност
коллегіи, какъ учрежденія, и видитъ причину это
всесословности „въ томъ, что всѣмъ одинаково доро
было „древнее благочестіе", которое считалось тог
наиболѣе выразительнымъ признакомъ народности"
Наконецъ, самая схоластическая наука, по мнѣнію Жи
тецкаго, не была въ коллегіи такой, какъ въ средн
вѣковой Европѣ, и представители ея вовсе не стоял
въ сторонѣ отъ національной и народной жизни.

Съ возраженіями, которыя дѣлаетъ П. И. Житец
кій, нельзя, однако, вполнѣ согласиться. Несомнѣнн
какъ учрежденіе религіозно-просвѣтительное, кіево-м
гилянская коллегія заняла сразу же видное мѣсто

сыграла крупную роль въ жизни Украины. Она сгруппировала въ своихъ стѣнахъ видныхъ дѣятелей, каковы были, напримѣръ, первые ея ректоры Исая Трофимовичъ Козловскій, Софроній Почаскій, Игнатій Оксеновичъ Старушичъ, Іосифъ Кононовичъ Горбацкій, Иннокентій Гизель. Коллегія воспитала затѣмъ цѣлый рядъ видныхъ дѣятелей на религіозно-просвѣтительномъ поприщѣ въ XVII вѣкѣ. Въ числѣ ихъ мы уже знаемъ вызванныхъ въ Москву Епифанія Славинецкаго и Арсенія Сатановскаго. Затѣмъ извѣстны Ѳеодосій Сафоновичъ, впослѣдствіи игуменъ кіево-михайловскаго монастыря и составитель „Хроники", Іоанникій Галятовскій, человѣкъ очень начитанный, авторъ цѣлаго ряда книгъ религіознаго содержанія на „русскомъ" и польскомъ языкахъ; Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій, также выдающійся религіозный писатель и общественный дѣятель второй половины XVII вѣка: Антоній Радивиловскій и другіе.

Но національное значеніе кіево-могилянской коллегіи было все-же не велико. По своему характеру и языку, господствовавшему въ ней, коллегія не могла стоять близко къ народу, хотя и была учрежденіемъ всесословнымъ. Коллегія не воспользовалась и не дѣлала попытки воспользоваться для науки и литературы живымъ народнымъ языкомъ, а употребляла для этого чужіе языки или же непонятный, чуждый широкимъ слоямъ населенія, славянорусскій языкъ, переполненный полонизмами. Благодаря преобладанію схоластической науки, коллегія не могла создать національной интеллигенціи. Послѣдствія этого съ особой силой сказались во второй половинѣ XVII ст., когда, съ присоединеніемъ Украины къ московскому государству, украинскому народу пришлось опредѣлить свои отношенія къ Москвѣ и заняться дѣломъ общественнаго строительства. Среди видныхъ дѣятелей того времени, воспитывавшихся раньше въ коллегіи, встрѣчается немало хорошихъ богослововъ и бойкихъ, цвѣтистыхъ

проповѣдниковъ и панегиристовъ, но нѣтъ людей, которые бы ясно и отчетливо представляли себѣ народныя нужды и потребности. Это хорошо отмѣтилъ проф. Н. Ф. Сумцовъ въ своихъ изслѣдованіяхъ объ Іоанникіи Галятовскомъ, Иннокентіи Гизелѣ и Лазарѣ Барановскомъ, какъ наиболѣе яркихъ представителяхъ той схоластической, далекой отъ жизни, науки, которая насаждалась въ кіево-могилянской коллегіи.

Въ исторіи коллегіи и вообще въ исторіи западно-русской церкви большое значеніе имѣло то обстоятельство, что Петру Могилѣ удалось сдѣлаться кіевскимъ митрополитомъ.

Борьба православныхъ съ уніатами при избраніи Владислава IV королемъ.

Смерть Сигизмунда III пробудила большія надежды у православныхъ. Среди нихъ началось движеніе. Стали готовиться къ конвокаціонному сейму, который предшествовалъ сейму избирательному. На конвокаціонномъ сеймѣ, обыкновенно, назначалось мѣсто и время избранія короля, дѣлался обзоръ предыдущаго царствованія и заявлялись нужды отдѣльныхъ сословій, указывались недостатки въ государственномъ строѣ. На основаніи этихъ заявленій составлялись особыя статьи pacta conventa, которыя король присягою обязывался исполнить. На провинціальныхъ сеймахъ, предшествовавшихъ конвокаціонному въ 1632 году, шляхта обсуждала положеніе дѣлъ и дѣлала постановленія въ томъ смыслѣ, что депутаты, которые поѣдутъ на сеймъ, обязаны добиться правъ для православной церкви и свободы вѣры для всѣхъ. Козаки, въ виду сейма, собрались на раду въ Прилукахъ. Они не имѣли права участвовать на сеймѣ. Но, все-таки, рѣшили послать своихъ пословъ на сеймъ и добиваться права участія въ избраніи короля. Въ инструкціи козацкимъ посламъ говорилось, что сеймъ долженъ обратить вниманіе на стѣсненія русскаго народа, устранить ихъ, предоставить народу возможность пользоваться принадлежащими ему правами и вольностями. Отдѣльнымъ членамъ сейма козацкая рада послала черезъ пословъ осо-

бия письма. Если не будетъ уничтожена унія и не будутъ удовлетворены требованія козаковъ, — таковъ былъ смыслъ этихъ писемъ,—то козаки, для успокоенія своей совѣсти, найдутъ другой путь. Это уже былъ намекъ на возстаніе.

Братства львовское и виленское приняли также горячее участіе въ общемъ движеніи 1632 г. Львовское братство собрало деньги для поѣздки депутатовъ на сеймъ и снабдило ихъ инструкціями добиваться правъ для православной церкви. Виленское братство наканунѣ конвокаціоннаго сейма напечатало брошюру на польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Синопсисъ, или краткое описаніе правъ, свободъ и вольностей преславнаго древняго русскаго народа". Брошюра представляла собой историческую справку о правахъ и привиллегіяхъ западно-русскаго народа, преслѣдовала чисто агитаціонныя цѣли и предназначалась для членовъ сейма. Синопсисъ былъ, поэтому, посвященъ сенаторамъ и посламъ на сеймѣ. Въ своемъ посвященіи виленскіе братчики выражали надежду, что члены сейма, сенаторы и депутаты, ознакомившись съ „краткимъ описаніемъ золотой вольности знаменитаго русскаго народа", обратятъ вниманіе на его просьбы и сохранятъ „на будущее время его ненарушеннымъ при его прерогативахъ, при его золотой вольности".

Духовенство, въ свою очередь, принимало горячее участіе въ общемъ движеніи. Особую энергію въ это время проявилъ Петръ Могила, какъ архимандритъ кіево-печерскій. Онъ входилъ въ сношенія съ мѣстною шляхтой, съ козаками, писалъ письма разнымъ виднымъ магнатамъ, чтобы подготовить почву для успѣха православныхъ. Ко времени засѣданій сейма Петръ Могила, какъ представитель духовенства, поѣхалъ самъ въ Варшаву и тамъ, по приглашенію, принималъ участіе въ комиссіи, назначенной изъ членовъ сейма и лицъ духовныхъ для выработки соглашенія между православными и уніатами.

Общественное движеніе среди православныхъ встревожило уніатовъ и католиковъ. Они видѣли въ этомъ движеніи большую опасность и, съ своей стороны, принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы домогательства православныхъ не имѣли успѣха.

Засѣданія сейма открылись 22 іюня 1632 г., были очень бурны и сопровождались большой борьбой партій. Православные и протестанты дѣйствовали солидарно и предъявили рядъ требованій въ смыслѣ возстановленія свободы вѣроисповѣданія въ Речи Посполитой. Для обсужденія этихъ требованій было образовано двѣ комиссіи. Одна должна была заняться дѣлами протестантовъ; другая—православныхъ. Предсѣдательство въ послѣдней комиссіи принялъ на себя королевичъ Владиславъ. Въ комиссіи принимали участіе также Петръ Могила, уніатскій митрополитъ Веніаминъ Рутскій и видные защитники православія, какъ брацлавскій подсудокъ Михаилъ Кропивницкій и извѣстный уже намъ Лаврентій Древинскій. Избранная сеймомъ комиссія, послѣ долгихъ споровъ и препирательствъ, выработала проектъ соглашенія уніатовъ съ православными. Но проектъ не удовлетворилъ ни одну, ни другую сторону. Православные добивались не уступокъ, а возстановленія полностью правъ русскаго народа и православной церкви.

Возстановленіе ихъ сдѣлалось, поэтому, лозунгомъ для избирательнаго сейма. Началась снова агитація. Въ ней, попрежнему, видную, хотя, можетъ быть, и не первенствующую роль игралъ Петръ Могила. Волынская шляхта на съѣздѣ въ Луцкѣ заявила протестъ противъ проекта соглашенія. Виленское братство издало опять-таки только для членовъ избирательнаго сейма „Дополненіе къ Синопсису". Въ „Дополненіи" братство опровергало возраженія уніатовъ въ комиссіи противъ правъ православныхъ и обращалось къ членамъ сейма съ просьбой прочитать „Дополненіе" и вернуть обиженной православной сторонѣ отнятыя у нихъ

права. Козаки также были захвачены агитаціей. Они собирались на рады и обсуждали положеніе дѣлъ. Къ нимъ на одну изъ радъ явилось до трехъ сотъ священниковъ, стали предъ радой на колѣни и просили заступиться за права церкви. Козаки, въ виду ихъ просьбъ, послали депутатовъ къ сенаторамъ и къ королевичу Владиславу, на котораго смотрѣли, какъ на единственнаго кандидата на польскій престолъ. Они просили депутатовъ и королевича помочь дѣлу православныхъ. Владиславу козаки обѣщали даже вооруженную поддержку, если бы онъ былъ устраненъ отъ престола враждебною ему партіей.

Избирательный сеймъ собрался 27 сентября. Уніаты, какъ и православные, усиленно готовились къ нему, агитировали и въ опроверженіе Синопсиса и Дополненія къ Синопсису издали въ Вильнѣ двѣ книги объ уніи и о правахъ и привиллегіяхъ греческой церкви. Въ книгахъ этихъ проводилась мысль, что унія въ Западной Руси существовала издавна и что только уніатамъ, а никакъ не православнымъ, могутъ принадлежать права и вольности. Сеймъ былъ бурный. Интересы православныхъ защищали православные шляхтичи, Вороничъ, Кисель, Проскура-Сущанскій, Древинскій и др. Адамъ Кисель заявилъ, что православные депутаты не хотятъ вступать въ теологическіе споры, они требуютъ себѣ возвращенія правъ, основываясь на историческихъ и юридическихъ данныхъ. Добиться соглашенія на сеймѣ было невозможно. Рѣшено было избрать комиссію для выработки новаго проекта соглашенія. Комиссія должна была состоять изъ лицъ, незаинтересованныхъ въ дѣлѣ, на половину изъ католиковъ на половину изъ протестантовъ. Выборъ членовъ комиссіи былъ предоставленъ Владиславу. Онъ выразилъ согласіе быть посредникомъ между православными и уніатами. Считаясь съ настроеніемъ сейма и Владислава, отличавшагося вѣротерпимостью, комиссія почти въ полномъ видѣ возстановила права православной церкви. Уніаты

были недовольны, папскій нунцій старался убѣдить Владислава не утверждать пунктовъ соглашенія. Владиславъ стоялъ твердо на своемъ, и „статьи для успокоенія рускаго народа“ были одобрены имъ. Утвержденіе ихъ, однако, было отложено до коронаціоннаго сейма.

Петръ Могила—митрополитъ кіевскій.

Статьями этими православнымъ, кромѣ возвращенія цѣлаго ряда храмовъ и земельныхъ владѣній, предоставлялось право, между прочимъ, имѣть свою іерархію. Естественно было, конечно, просить короля объ утвержденіи на мѣстахъ тѣхъ лицъ, которые уже занимали каѳедры. Но случилось иначе. Митрополитъ Макарій думаетъ, что Владиславъ IV не захотѣлъ признавать тѣхъ лицъ, которыхъ не утверждалъ его отецъ. Проф. С. Т. Голубевъ старается оправдать Петра Могилу отъ подозрѣній, что неутвержденіе—дѣло его рукъ, и подыскиваетъ бытовыя, юридическія и даже каноническія основанія для неутвержденія іерарховъ, поставленныхъ патріархомъ Ѳеофаномъ. Но, несомнѣнно, болѣе правильнымъ является мнѣніе рецензентовъ сочиненія проф. С. Т. Голубева о Петрѣ Могилѣ академика Е. Е. Голубинскаго и проф. П. В. Знаменскаго, которые въ дѣлѣ неутвержденія іерарховъ придаютъ большую роль интригамъ Петра Могилы. Петръ Могила велъ свою политику, самъ хотѣлъ сдѣлаться митрополитомъ. Поэтому онъ, пользуясь своими связями и отношеніями, настоялъ, чтобы были произведены новые выборы и притомъ, безотлагательно въ Варшавѣ, куда ко времени сейма пріѣхалъ и Могила. Выбирать должны были православные депутаты сейма. Выборы были, дѣйствительно, произведены. Въ нихъ участвовали, однако, не всѣ депутаты сейма, а только меньшинство. Къ избирательному акту приложили печати только 49 человѣкъ. Разъѣхались ли ко времени выборовъ остальные, или же уклонились отъ выборовъ—трудно сказать.

Расчеты Петра Могилы, такимъ образомъ, увѣнчались успѣхомъ. Онъ былъ избранъ митрополитомъ.

Король утвердилъ его въ этомъ санѣ и выдалъ

привилей, по которому Могилѣ предоставлялась полная власть надъ православными; отдавалась въ распоряженіе кіево-софійская церковь и, кромѣ того, пустынно-никольскій монастырь съ сохраненіемъ за Могилою и кіево-печерской архимандріи.

Могила поспѣшилъ испросить благословенія у константинопольскаго патріарха, отправился во Львовъ и тамъ былъ посвященъ въ митрополиты. Безъ этого онъ не рѣшался явиться въ Кіевъ. Тамъ жилъ митрополитъ Исая Копинскій, избранный при ближайшемъ содѣйствіи кіевлянъ и богоявленскаго братства и имѣвшій въ Кіевѣ много приверженцевъ.

8 іюля 1633 года Петръ Могила возвратился въ Кіевъ. Приверженцы его приготовили ему торжественную встрѣчу. Но въ общемъ, среди населенія и духовенства, отношеніе было сдержанное, если не враждебное. Монахи пустынно-никольскаго монастыря отказались подчиниться Могилѣ, и ихъ пришлось принуждать къ этому силою. Исая Копинскій отрицалъ законность избранія Могилы митрополитомъ и не хотѣлъ добровольно уступить ему мѣсто. Могила употребилъ противъ него силу, но это не сломило Исая Копискаго. Борьба Могилы съ нимъ продолжалась до самой смерти Копинскаго въ 1640 г. Проф. С. Т. Голубевъ и П. А. Кулішъ стараются придать этой борьбѣ нѣкоторое идейное обоснованіе. Въ Могилѣ проф. Голубевъ видитъ представителя новыхъ, болѣе либеральныхъ и прогрессивныхъ взглядовъ, поклонника западно-европейской науки и просвѣщенія; противника его Исая Копинскаго рисуетъ консерваторомъ, противникомъ свѣтской науки. П. А. Кулішъ во 2-мъ томѣ своего „Отпаденія Малороссіи отъ Польши" изображаетъ Исаю Копинскаго и Петра Могилу представителями двухъ борящихся партій среди духовенства Западной Руси и Украины русско-московской и русско-польской. Первая, къ которой принадлежалъ, по мнѣнію Куліша, Копинскій, стремилась къ соединенію съ Москвой; вторая, русско-польская, пред-

ставителемъ которой являлся Могила, стояла на сторонѣ польскаго государства. Но болѣе правильно, думается намъ, видѣть въ борьбѣ Могилы съ Копинскимъ преобладаніе чисто личныхъ интересовъ. Это была борьба за власть, за преобладаніе. Тогдашнее общество активнаго участія въ борьбѣ не принимало, хотя нельзя сомнѣваться, что симпатіи кіевлянъ и монаховъ, въ особенности въ монастыряхъ, основанныхъ Копинскимъ, были на сторонѣ этого послѣдняго. Когда монахи увидѣли дѣло Копинскаго проиграннымъ, часть ихъ, можетъ быть, по уговору Копинскаго, стала переселяться въ 1638 году въ предѣлы московскаго государства. Для нихъ это являлось болѣе безопаснымъ. Самъ Копинскій сдѣлалъ попытку также бѣжать туда, но былъ схваченъ приверженцами Могилы и окончилъ свою жизнь въ заточеніи, вѣроятно, въ печерскомъ монастырѣ († 5-го октября 1640 г.).

Дѣятельность Петра Могилы на митрополичьей каѳедрѣ.

Дѣятельность Петра Могилы, какъ митрополита, отличалась большою разносторонностью. Соединяя въ своихъ рукахъ должности митрополита кіевскаго и архимандрита печерскаго, Петръ Могила располагалъ большою властью и большими матеріальными средствами. Человѣкъ энергичный, властолюбивый, честолюбивый и настойчивый, Могила шелъ прямо къ поставленной цѣли и мало стѣснялся въ средствахъ, какъ мы то видѣли при достиженіи имъ митрополіи. Благодаря этому, ему удалось многаго достигнуть изъ того, что онъ намѣчалъ. Могила былъ человѣкъ преданный православной религіи, просвѣщенный. Онъ, мы знаемъ, получилъ хорошее образованіе. Его сильная личность оставила крупный слѣдъ какъ въ исторіи западно-русской церкви, такъ и въ исторіи просвѣщенія и культурнаго развитія Западной Руси и Украины. Кіевъ сталъ при немъ окончательно центромъ для всего православнаго населенія Польши и Литвы.

Неустройства въ православной церкви, которыя такъ ярко сказались во второй половинѣ XVI в., на

канунѣ введенія уніи, немогли исчезнуть сразу, особенно во время борьбы. Противъ нихъ принимались мѣры на соборахъ; серьезное вниманіе было обращено на недостатки церковной жизни митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ и посвященными патріархомъ Феофаномъ епископами. Большинство этихъ мѣръ, однако, имѣло мало реальныхъ результатовъ. Отчасти, конечно, авторитетъ епископовъ, принимавшихъ мѣры, не признанныхъ правительствомъ, былъ слабъ; главное же препятствіе заключалось въ томъ, что церковныя неустройства коренились въ самыхъ условіяхъ положенія православной церкви въ польскомъ государствѣ и въ условіяхъ жизни православнаго населенія. Съ этимъ бороться было трудно. Могила находился въ лучшемъ положеніи, чѣмъ его предшественники. Онъ былъ митрополитомъ, утвержденнымъ правительствомъ; при началѣ его управленія условія для православной церкви значительно улучшились.

Могила много заботился объ улучшеніи церковной дисциплины. Онъ боролся противъ разныхъ отступленій при посвященіи въ духовный санъ, особенно противъ посвященія двоеженцевъ. Церковную іерархію онъ подчинилъ болѣе строгому надзору, при чемъ старался и самъ слѣдить за нею болѣе усиленно. Для этого были заведены особые митрополичьи намѣстники съ весьма широкою властью. Намѣстники должны были помогать митрополиту. Для разслѣдованія проступковъ духовенства и суда надъ нимъ учреждена была при митрополитѣ консисторія, по примѣру церкви католической.

Серьезное вниманіе обратилъ Петръ Могила на кіевскія святыни. Большинство ихъ находилось въ запустѣніи. Могила возобновилъ и украсилъ кіево-софійскій соборъ, находившійся въ полуразрушенномъ видѣ, произвелъ раскопки части Десятиннаго храма и на мѣстѣ ихъ построилъ небольшую церковь. По распоряженію Могилы, были возобновлены церкви трехсвятительская и Спаса на Берестовѣ, а также михайлов-

ская церковь въ кіево-выдубецкомъ монастырѣ, построенная въ 1070—1088 году Всеволодомъ Ярославичемъ и разрушенная наводненіемъ Днѣпра въ 80-хъ годахъ XVI столѣтія.

Литературная полемика православныхъ съ иновѣрцами и издательская дѣятельность при Петрѣ Могилѣ получили также важное значеніе. Для этого митрополитъ располагалъ и крупными литературными силами, которыя умѣлъ собрать въ Кіевѣ, и матеріальными средствами и, наконецъ, печерской типографіей, такъ хорошо поставленной его предшественниками по архимандріи печерской.

Полемика православныхъ съ уніатами и католиками, начиная съ конца XVI вѣка, отличалась большою нетерпимостью и страстностью. На это было обращено вниманіе на сеймѣ 1632 года, и въ „пункты успокоенія религіи греческой“ была внесена статья, по которой обѣ стороны, православные и уніаты, обязывались жить въ мирѣ и не наступать одна на другую, „письменныя и словесныя состязанія между собою прекратить, и на будущее время никакихъ сочиненій, которыми привыкли оскорблять другъ друга, не издавать; наукою и добрыми примѣрами поддерживать взаимное согласіе и единеніе“.

Это, конечно, легче было написать, чѣмъ исполнить, особенно, при той страстности отношеній, которая существовала у православныхъ и уніатовъ. Полемика на время затихла, но скоро снова возобновилась хотя и не въ такой рѣзкой формѣ, какъ раньше. Поводомъ къ ней послужила, какъ думаетъ проф. С. Т. Голубевъ, агитація уніатовъ противъ православныхъ школъ кіевской и винницкой. Уніатами было выпущено въ свѣтъ сочиненіе, принадлежавшее, какъ доказалъ проф. С. Т. Голубевъ, перу уніатскаго митрополита Вельямина Рутскаго. Сочиненіе это не дошло до насъ. Основная мысль его сводилась къ требованію закрытія школъ кіевской и винницкой, какъ основанныхъ безъ дозволенія прави-

тельства и какъ очаговъ ереси. Противъ сочиненія Рутскаго и въ защиту школъ въ 1635 г. въ лаврской типографіи и былъ отпечатанъ извѣстный уже намъ Exegesis Сильвестра Коссова. Помимо нѣкоторыхъ историческихъ справокъ, Сильвестръ Коссовъ, путемъ догматическихъ разсужденій, старался опровергнуть обвиненія могилянскихъ школъ въ еретичествѣ. Въ заключеніе онъ доказывалъ важность латинскихъ школъ для западно-русскаго народа и православнаго духовенства и совѣтовалъ добиваться какъ можно большаго ихъ распространенія. „Отсюда церкви твои, говоритъ онъ, обращаясь къ западно-русскому народу, наполняется священниками, при богобоязненности, и просвѣщенными; твои каѳедры зацвѣтутъ краснорѣчивыми проповѣдниками; потомки твои, при сохраненіи отеческой вѣры, просвѣщенные въ краснорѣчіи, философіи, юриспруденціи, прославятся мнѣніями, сужденіями, доводами на общихъ сеймахъ, на справедливыхъ трибуналахъ и другихъ судебныхъ мѣстахъ; твои ходатаи по дѣламъ не преминутъ искать справедливости во всякихъ судахъ и неусыпно будутъ оберегать права твои“. Просвѣщеніе, такимъ образомъ, по мысли Коссова, имѣло значеніе не только для церкви, для духовенства; оно важно было для всего народа, могло послужить ему на пользу, для защиты его правъ. Практическая точка зрѣнія на просвѣщеніе и образованіе была, конечно, наиболѣе понятной для современниковъ Сильвестра Коссова.

Exegesis былъ напечатанъ на польскомъ языкѣ. На этомъ же языкѣ былъ напечатанъ въ 1635 году въ лаврѣ и „Патериконъ“, (Paterikon abo żywoty ss oyców pieczarskich), т. е. описаніе жизни печерскихъ отцовъ, вышедшій изъ-подъ пера того же Коссова. „Патериконъ“ былъ направленъ противъ мнѣнія тѣхъ лицъ, которые старались заподозрить и опровергнуть святость печерскихъ отцовъ. Продолженіемъ и завершеніемъ „Патерикона“, явилась „Тератургима“, на польскомъ

языкѣ, печерскаго инока Афанасія Кальнофійскаго, напечатанная въ печерской лаврѣ въ 1638 году. Она составлена по приказанію Петра Могилы, и по выраженію самого автора, тщательно была отполирована въ Могилянскомъ Атенеѣ, т. е. въ кіево-могилянской комиссіи. Цѣлью „Тератургимы" являлось собрать свѣдѣнія о чудесахъ, совершавшихся въ лаврѣ въ новѣйшее время. Кромѣ того, Кальнофійскій сообщилъ историческія свѣдѣнія о кіево-печерской лаврѣ, о надгробіяхъ въ ней, объ ея фундаторахъ и благотворителяхъ, а также о кіевскихъ пещерахъ, про которыя ходило въ народѣ много баснословныхъ преданій. Къ „Тератургимѣ" приложены планы дальнихъ и ближнихъ пещеръ, а также современный Кальнофійскому планъ Кіева, составленный, правда, довольно плохо. Вслѣдствіе этого, въ новѣйшее время возникло даже предположеніе, не искаженъ ли онъ? (Полемика профессоровъ кіевской духовной академіи Н. И. Петрова и С. Т. Голубева).

Самымъ замѣчательнымъ полемическимъ сочиненіемъ, вышедшимъ при Могилѣ, былъ Литосъ (Λίθος)— „Камень". Онъ напечатанъ въ 1642 году въ лаврской типографіи на польскомъ языкѣ съ именемъ Евсевія Пимина, какъ автора, и съ посвященіемъ Максимиліану Бржозовскому. Пиминъ-псевдонимъ. Нѣкоторые приписывали составленіе Литоса всецѣло Петру Могилѣ, новѣйшій же біографъ послѣдняго проф. С. Т. Голубевъ считаетъ, что авторами „Литоса" были одинъ или нѣсколько лицъ изъ ученаго могилянскаго кружка, причемъ самъ митрополитъ могъ играть при этомъ видную активную роль. Поводомъ къ изданію этого сочиненія послужило появленіе „Перспективы" извѣстнаго уже намъ Кассіана Саковича, который съ большимъ знаніемъ церковныхъ дѣлъ и жизни коснулся неустройствъ православной церкви, въ особенности ея обрядовой стороны. Опроверженію мнѣній Саковича и посвященъ „Литосъ". Въ немъ доказывается мысль

что обряды православной церкви вполнѣ соотвѣтствуютъ ея вѣроученію. Для опроверженія мнѣній Саковича, который затронулъ почти всѣ стороны церковной жизни, „Литосу“ пришлось коснуться многихъ сторонъ ея. Книга, поэтому, получаетъ не только полемическій, но и важный историческій интересъ.

Помимо полемическихъ сочиненій, издательская дѣятельность Могилы была направлена и на книги чисто церковнаго характера. Такъ, въ 1637 году имъ было переиздано Евангеліе учительное, содержавшее собраніе поученій на всѣ годовые недѣли и праздники, и изданное впервые въ 1616 году виленскимъ братствомъ. Для руководства священниковъ Могила издалъ въ 1646 г. знаменитый свой „Требникъ“. Кромѣ того, онъ, вмѣстѣ съ учителемъ своей коллегіи Исаіею Трофимовичемъ Козловскимъ, занялся составленіемъ православнаго катехизиса, но не успѣлъ напечатать его. Катехизисъ Могилы былъ напечатанъ уже послѣ его смерти въ 1662 году на греческомъ языкѣ въ Амстердамѣ. До недавняго еще времени, по словамъ проф. Ф. А. Терновскаго, написаннымъ въ 1882 году, книга эта числилась въ духовныхъ училищахъ, какъ особый предметъ преподаванія.

Религіозно-политическая борьба во время Петра Могилы.

Петръ Могила умеръ 1 января 1647 г. въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Ему было всего 50 лѣтъ. Могилу подозрѣвали въ склонности къ уніи, но нельзя не согласиться съ проф. С. Т. Голубевымъ, что вся жизнь и дѣятельность Могилы говорятъ противъ такого предположенія. И сдѣлавшись митрополитомъ, Могила принималъ горячее участіе въ борьбѣ за православную вѣру. Для этого не одинъ разъ онъ ѣздилъ въ Варшаву ко времени открытія сеймовъ и отстаивалъ тамъ права православныхъ.

„Пункты успокоенія греческой религіи“ не могли удовлетворить, конечно, тѣхъ лицъ, которыя были противниками всякихъ вообще уступокъ православной вѣрѣ и не хотѣли признать за нею правъ, одинаковыхъ съ

уніатами. Борьба, поэтому, за осуществленіе на практикѣ „пунктовъ" началась на слѣдующемъ же сеймѣ послѣ ихъ принятія и продолжалась въ теченіе всѣхъ 1630-хъ и 1640-хъ гг. На коронаціонномъ сеймѣ 1633 г. были уже занесены протестаціи противъ пунктовъ успокоенія. Православнымъ пришлось сдѣлать нѣкоторыя уступки, но все же сеймъ утвердилъ королевскій дипломъ, которымъ признавалось правовое положеніе въ государствѣ православной церкви и ея учрежденій. Религіозный вопросъ этимъ, однако, не былъ покончень. Онъ поднимался почти на каждомъ сеймѣ и, попрежнему, вызывалъ горячія и бурныя пренія. Такой остроты, какъ раньше, вопросъ объ отношеніяхъ между православными и уніатами послѣ изданія „пунктовъ успокоенія", однако, не достигалъ. Религіозный вопросъ переставалъ уже волновать широкіе круги населенія и становился предметомъ сеймовой борьбы, по преимуществу.

Значеніе дѣятельности Петра Могилы.

Проф. П. В. Знаменскій въ своей рецензіи на книгу С. Т. Голубева о Петрѣ Могилѣ и польскій историкъ кіевской духовной академіи А. П. Яблоновскій справедливо указываютъ на трудность сдѣлать характеристику и опредѣлить значеніе общественной дѣятельности Петра Могилы. Такой характеристики и оцѣнки и нѣтъ въ исторической литературѣ. Судя по состоянію историческихъ знаній, не скоро она, вѣроятно, и будетъ сдѣлана. Дѣятельность Петра Могилы была разнообразна и имѣла далеко не одинаковые результаты. Это одна изъ главнѣйшихъ причинъ трудности изученія и оцѣнки его дѣятельности.

Несомнѣнно, въ отношеніи православной вѣры и просвѣщенія въ Западной Руси и на Украинѣ заслуги Петра Могилы громадны и имѣли большое значеніе въ жизни. Въ Петрѣ Могилѣ мы видимъ ревностнаго поборника православной вѣры. Благодаря настойчивости, связямъ и дипломатической ловкости, Петру Могилѣ удалось воспользоваться благопріятно сложившимися

обстоятельствами и добиться болѣе или менѣе сноснаго правового положенія для православной церкви въ Речи Посполитой. Основаніемъ кіевской и винницкой школъ съ латинскимъ преподавательскимъ языкомъ Могила открывалъ путь на Украину для западно-европейской культуры и науки. Правда, культура эта проникала черезъ Польшу и была, по выраженію Кулiша, „водою на польскую мельницу". Но отъ этого самый фактъ основанія высшихъ православныхъ просвѣтительныхъ учрежденій не теряетъ своей важности. Другое дѣло, если смотрѣть на него и вообще на дѣятельность Петра Могилы съ точки зрѣнія значенія ея для „русской" народности въ Западной Руси и на Украинѣ. Въ этомъ отношеніи дѣятельность Петра Могилы дала врядъ ли много положительныхъ результатовъ.

Петръ Могила былъ человѣкъ совершенно чуждый „русской" народности. По происхожденію молдаванинъ, онъ, по своему воспитанію, былъ полякъ. Вопросы народной и національной жизни его не интересовали. Мы уже знаемъ, что національное значеніе кіевской коллегіи, основанной Петромъ Могилой, было невелико. Національный характетъ западно-русской православной церкви, какъ онъ сложился въ теченіе XVI и начала XVII вѣка, тѣсная связь церкви съ народомъ, широкое участіе его въ церковной жизни,—все это для пришлеца Петра Могилы имѣло мало значенія. Съ самаго начала своего появленія въ Кіевѣ на печерской архимандріи Могила вступилъ въ борьбу со старыми традиціями, оказывая пренебреженіе именно народному характеру въ церкви. Печерскимъ архимандритомъ Могила сдѣлался вопреки желанію братіи и обывателей кіевскихъ. Наперекоръ кіевлянамъ онъ основалъ свою школу въ лаврѣ. Избраніе Могилы митрополитомъ и поставленіе новыхъ архіереевъ состоялось съ полнымъ нарушеніемъ всѣхъ традицій церковной жизни въ Западной Руси и на Украинѣ. Благодаря „пунктамъ успокоенія", православная церковь въ Речи Посполитой получила легаль-

ное существованіе. Она обратилась въ легальное учреждение Речи Посполитой и вмѣстѣ съ этимъ обособилась отъ народныхъ интересовъ, съ которыми до сихъ поръ была связана. Дѣятельность Могилы въ отношеніи церковной дисциплины была направлена, главнымъ образомъ, къ созданію учрежденій и къ принятію мѣръ, которыя бы поставили западно-русскую церковь въ большую изолированность и обособленность отъ народа. Петръ Могила, въ концѣ концовъ, достигъ этого. Религіозный и церковный вопросъ въ Западной Руси и на Украинѣ, до сихъ поръ тѣсно связанной съ національнымъ и народнымъ, былъ отдѣленъ. „Православный" переставало быть синонимомъ „русскій". Интересы массы „русскаго" населенія оказались несходными съ интересами высшей церковной православной іерархіи.

Этому способствовали еще другія важныя обстоятельства. По своимъ родственнымъ связямъ, Петръ Могила принадлежалъ къ высшему аристократическому кругу польскаго общества. Онъ находился въ родствѣ съ князьями Вишневецкими, Потоцкими, Корецкими, Радивилами и др. Принадлежность къ ихъ кругу, естественно, налагала свой отпечатокъ на общественное міровоззрѣніе Петра Могилы. Онъ всегда оставался ревностнымъ приверженцемъ польскаго государства и поклонникомъ польской культуры. Къ мысли о возможности для „русскихъ" отдѣлиться отъ Польши и перейти на сторону Москвы Могила относился враждебно. П. А. Кулішъ сообщаетъ такой фактъ. Однажды братъ Іова Борецкаго, Андрей Борецкій, заикнулся какъ-то о возможности „соединенія Руси съ Русью". Петръ Могила замѣтилъ, что за эти слова слѣдовало бы Андрея Борецкаго посадить на колъ. Всякое сопротивленіе польскому правительству, борьба съ нимъ должна была встрѣчать несочувствіе Петра Могилы. Къ борьбѣ козаковъ съ польскимъ правительствомъ Могила, поэтому, долженъ былъ относиться безусловно отрицательно. Интересы экономическіе и соціальные у Петра Могилы,

какъ крупнаго земельнаго собственника и польскаго гражданина, естественно, расходились съ интересами большинства народа и козаковъ, искавшихъ выхода изъ своего тяжелаго матеріальнаго и правового положенія въ Речи Посполитой. Могила много имѣлъ поводовъ жаловаться на козаковъ, на опустошеніе козаками его митрополичьихъ имѣній. Другіе іерархи, поставленные въ 1632 году въ одно время съ Петромъ Могилой, принадлежали также къ родовитымъ людямъ и, несомнѣнно, раздѣляли въ этомъ отношеніи взгляды Петра Могилы. Такимъ образомъ, высшая церковная іерархія не могла сочувственно относиться къ козакамъ, какъ относился раньше къ нимъ митрополитъ Іовъ Борецкій. Іовъ видѣлъ въ козакахъ защитниковъ православной церкви и „русской" народности. Теперь наоборотъ. Человѣкъ близкій къ Петру Могилѣ, Кальнофойскій въ своей „Тератургимѣ" называлъ теперь, по словамъ П. А. Кулиша, козаковъ „дерзкими ребеллизантами".

Такое отношеніе сдѣлало свое дѣло. Интересы высшей православной церковной іерархіи при Петрѣ Могилѣ и интересы козаковъ и тѣсно связаннаго съ козаками крестьянства окончательно разошлись. Въ 1638 г. митрополитъ Петръ Могила вмѣстѣ съ кіевскими мѣщанами торжественно встрѣчалъ въ Кіевѣ и привѣтствовалъ усмирителя козаковъ, Николая Потоцкаго, кровью залившаго все Поднѣпровье. Въ числѣ лицъ, помогавшихъ Потоцкому, былъ и извѣстный защитникъ православной вѣры Адамъ Кисель. Интересы религіозные отошли теперь на задній планъ. На первый планъ выдвигались другіе интересы—экономическіе и соціальные. Они съ этого времени лежали, преимущественно, въ основѣ народныхъ движеній на Украинѣ. Они же опредѣляли и главное содержаніе національной жизни украинскаго народа въ предѣлахъ Речи Посполитой.

Начальная исторія козачества до конца XVI вѣка *).

Вопросъ о времени появленія козачества.

Время появленія козачества на Украинѣ съ точностью опредѣлить невозможно.

Козачество зародилось и расло незамѣтно въ условіяхъ жизни польскаго государства. Современныхъ извѣстій о первыхъ временахъ козачества не сохранилось. Въ Польшѣ козачество стали замѣчать только тогда, когда оно выросло уже въ крупную общественную силу. Зарожденіе козачества, постепенный ростъ его, выработка его организаціи и солидарности классовыхъ интересовъ козаковъ представляютъ, поэтому, одинъ изъ самыхъ темныхъ вопросовъ исторіи.

*) Важнѣйшая литература: Проф. *М. С. Грушевський.* Історія Укрïни-Руси, т. VII и VIII, Київ-Львів, 1909—1913. *Его же.* Исторія украинскаго козачества (русскій переводъ) Кіевъ, 1913—1914 г., т. I—II. *Его же.* „Примітки до історiї козачини" въ „Запискахъ товариства імени Шевченка" (Львовъ), 1898 г., т. XXII. *Его же.* „Байда Вишневецький въ поезії и історії" въ „Запискахъ украин. наукового товариства в Києві", кн. III. *Его же.* Гетьман Богданко въ „Запискахъ наукового товариства імени Шевченка", 1897 г., т. XVI. Pisma *Aleksandra Jabłonowskiego.* Варшава, 1910 г., т. I—III. *Его же.* Historya Rusi południowej do upadku Rzeczy Pospolitej Polskiej. Kraków, 1912. (Рецензія на эту книгу *Миколи Залізняка* въ „Запискахъ наукового товариства імени Шевченка" 1813 г., т. CXVI). Сочиненія *М. А. Максимовича.* Кіевъ, 1876 г., т. I. *В. Б. Антонович.* Изслѣдованіе о козачествѣ по актамъ съ 1500 по 1648 годъ въ „Архивѣ Юго-Западной Россіи, т. I, ч. III. *Его же.* Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Руси. Кіевъ, 1884 г., т. I. *Его же.* Бесіди про козацькі часи па України Чернівці, 1897 и 1913 г. *П. А. Кулишъ.* Исторія возсоединенія Руси, т. I—III. Спб., 1874 г. *П. М. Каманинъ.* Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго въ „Чтеніяхъ въ историческомъ обществѣ лѣтописца Нестора" (Кіевъ) 1894 г., кн. VIII. Проф. *М. М. Любавскій.* Начальная исторія малорусскаго козачества въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія", 1895 г., кн. VIII. Проф. *М. Ф. Владимір-*

Названіе „козакъ“ появляется впервые въ актахъ, относящихся къ наднѣпровской Украинѣ, не раньше послѣдняго десятилѣтія XV вѣка. Оно употребляется въ значеніи степного разбойника, добычника. Козакъ—человѣкъ свободный, бездомный, никому не подчиненный, служащій за деньги, кому захочетъ. **Названіе „козакъ“.**

Названіе „козакъ“, однако, старое. Извѣстный польскій историкъ Александръ Яблоновскій считаетъ его общимъ всѣмъ языкамъ, происшедшимъ отъ тюркскаго корня. Въ половецкомъ словарѣ 1303 г., въ которомъ на каждое латинское слово дается персидское, затѣмъ слѣдуютъ слова и даже выраженія половецкія,—слову козакъ придается значеніе передовой стражи.

Но на Украину это названіе перешло не отъ половцевъ, а, вѣроятно, отъ татаръ. Украинѣ пришлось въ XIII—XV вѣкахъ близко соприкасаться съ татарами. Отъ нихъ, надо полагать, жители Украины и заимствовали названіе „козакъ“ въ томъ широкомъ, неопредѣленномъ значеніи, въ какомъ оно употреблялось у татаръ. Козакъ—человѣкъ свободный, независимый, искатель военныхъ приключеній, но съ характеромъ человѣка бездомнаго, бродяги, разбойника.

скій-Будановъ. Населеніе Юго-Западной Россіи отъ половины XIII до половины XVI вѣка—вступительная статья къ ч. VII, т. I и II „Архива“. Акты о заселеніи Южной Россіи XVI - XVIII в. (редакція проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова и В. И. Щербины) въ Архивѣ Юго-Западной-Россіи, ч. VII, т. III. *А. В. Стороженко.* Стефанъ Баторій и днѣпровскіе козаки. Кіевъ, 1904 г. *Włodzimierz Jarosz.* Legenda Batoryańska въ „Kwartalnik historyczny“, 1903 г. *Іван Крипякевич* Козаччина і Баторієві вольности въ „Жерела до історії України-Руси, т. VIII (Львовъ). *Василь Доманицький.* Чи була реформа Баторія? въ „Науковом Збірнику, присвячен. проф. Михайлу Грушевському“, Львів, 1906 г. *Л. В. Падалка.* По вопросу о существованіи Запорожской Сѣчи въ первыя времена запорожскаго козачества въ „Кіевской Старинѣ 1894 г., т. 45. *Д. И. Эварницкій.* Исторія запорожскихъ козаковъ“ 3 т. (Рецензія на эту книгу *А. М. Лазаревскаго.* въ X кн. „Чтеній въ историческомъ обществѣ лѣтописца Нестора“). *Tadeusz Korzon.* Dzieje wojeń i woiskowości w Polsce. Kraków, 1912 г. Подробно литература о козачествѣ указана въ трудахъ проф. М. С. Грушевскаго.

Первыя и историческія свѣдѣнія о козакахъ.

Первое упоминаніе о козакахъ на Украинѣ относится къ 1492 году. Крымскій ханъ Менгли-Гирей жаловался въ этомъ году великому князю литовскому Александру на то, что каневцы и черкассцы, перешедши черезъ Днѣпръ, подъ Тягинею, разбили турецкій корабль, а черкассцы тамъ же забрали десять коней. Великій князь Александръ отвѣтилъ, что онъ приказалъ своимъ урядникамъ обыскать „козаковъ" и наказать виновныхъ. Козаками, такимъ образомъ, называются здѣсь черкассцы и каневцы, которые занимались въ степяхъ разбоемъ. Другое упоминаніе о козакахъ на Украинѣ мы имѣемъ около того же времени. Въ 1494 г. козаки черкасскаго городка ограбили московскаго посла князя Субботу, который ѣхалъ отъ валашскаго воеводы Стефана къ крымскому хану. Въ 1499 г есть упоминаніе о козакахъ, какъ уходникахъ, т. е. степныхъ промышленникахъ. Они отправлялись въ степь за добычей и затѣмъ возвращались съ ней въ Кіевъ.

Козаки въ концѣ XV вѣка и въ началѣ XVI столѣтія представляли собой, очевидно, еще явленіе мѣстное, случайное. Оттого и упоминанія о нихъ рѣдки. Польскіе лѣтописцы узнаютъ козаковъ довольно поздно. Мартынъ Бѣльскій (1495—1575), авторъ обширной исторической компиляціи, считаетъ началомъ козачества 1516 годъ. Въ этомъ году, казаки, по его словамъ, съ Предславомъ Лянцкоронскимъ во главѣ, предприняли походъ въ Валахію, подъ Аккерманъ (Бѣлгородъ) и награбили достаточно добычи у татаръ и турокъ.

Теоріи о происхожденіи козачества.

Козачество обратило на себя вниманіе польскихъ мемуаристовъ и историковъ только тогда, когда оно значительно выросло въ числѣ и стало представлять изъ себя крупную силу. Государство должно было считаться съ козачествомъ. Пытливый умъ, между тѣмъ, старался отыскать и объяснить, когда и какимъ образомъ создалось и выросло козачество? На этой почвѣ появлялось много предположеній и теорій, которыя при отсутствіи серьезныхъ знаній и низкомъ уровнѣ

исторической критики, принимали у писателей до XIX вѣка иногда самыя причудливыя формы.

Одни, какъ польскій писатель XVII вѣка Веспасіанъ Каховскій (1630—1699), производили названіе козаковъ отъ дикихъ козъ, съ которыми козаки будто бы равнялись по быстротѣ и ловкости. Польскій компиляторъ Стрыйковскій считалъ, что названіе „козакъ" ведетъ свое происхожденіе отъ древняго вождя Козака, много разъ будто бы побѣждавшаго татаръ. Янъ Потоцкій (1761—1815), славившійся своею ученостью, видѣлъ въ козакахъ косоговъ, переселенныхъ въ XI вѣкѣ въ Черниговщину великимъ княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ. Извѣстный составитель козацкой лѣтописи гадяцкій полковникъ Григорій Грабянка (1710 г.) производилъ козаковъ отъ хозаръ, считая послѣднихъ славянами. Эту же теорію принялъ и авторъ „Исторіи Руссовъ". Петръ Симоновскій, козацкій писатель конца XVIII вѣка, нашелъ у одного римскаго географа на Кавказѣ Гирканію и, воспользовавшись сходствомъ названія Гиркании съ латинскимъ словомъ hircus козелъ, считалъ ее родиной козаковъ (Гирканія=Козлянія).

Наряду съ этими теоріями высказывались мнѣнія болѣе правдоподобныя. Но они не имѣли успѣха. Такъ, извѣстный уже намъ Мартынъ Бѣльскій считалъ козаковъ мѣстнымъ, туземнымъ населеніемъ. Такое же мнѣніе высказывалъ въ первой половинѣ XVII столѣтія и французскій инженеръ Бопланъ, занимавшійся постройкой крѣпостей, по порученію польскаго правительства, а также козацкій лѣтописецъ начала XVIII ст. Самуилъ Величко.

Начало серьезной разработки исторіи козачества.

Серьезная научная разрабоска вопроса объ украинскомъ козачествѣ началась только съ половины XIX вѣка, преимущественно же, съ начала 1860 годовъ. До этого времени ученые касались вопроса о козачествѣ только вскользь, мимоходомъ, не вдаваясь особенно въ его глубину и подробное изученіе. Тѣмъ не менѣе въ раннихъ трудахъ Костомарова, въ статьяхъ

Соловьева и критическихъ замѣткахъ Максимовича за это время было высказано немало важныхъ мыслей и соображеній по исторіи козачества, не говоря уже о статьяхъ другихъ, менѣе извѣстныхъ, авторовъ.

В. Б. Антоновичъ.

Въ 1863 г. въ Кіевѣ вышелъ первый томъ III части „Архива Юго-Западной Россіи", содержавшій въ себѣ акты, относящіеся къ исторіи козачества съ 1500 по 1648 годы. Акты собраны и вступительная статья „Изслѣдованіе о козачествѣ по актамъ съ 1500 по 1648 годъ", была написана В. Б. Антоновичемъ, впослѣдствіи извѣстнымъ профессоромъ кіевскаго университета.

В. Б. Антоновичъ ставилъ козачество въ прямую связь съ общиннымъ бытомъ древней Руси.

Въ удѣльно-вѣчевой Руси, по его мнѣнію, развивались рядомъ три главныя составныя силы: община, представлявшая собой элементъ туземный, славянскій, дружина—элементъ чуждый, пришлый, и, наконецъ, князья.

Послѣ нашествія татаръ, центръ жизни Юго-Западной Руси переносится въ Галичъ и на Волынь. Приднѣпровье пустѣетъ. Опасность жизни въ немъ заставляетъ бояръ переселяться на западъ. Въ Приднѣпровьѣ остаются одни общинники. Платя дань татарамъ и борясь съ ними, общинники удерживаютъ внутреннюю своеобразную жизнь.

Литовское завоеваніе южной Руси внесло существенныя перемѣны въ общественную жизнь. Русскіе князья и ихъ дружины отчасти погибли во время своей защиты, отчасти бѣжали въ Русь сѣверо-восточную. Элементъ боярскій, разогнанный уже разъ монголами, почти окончательно исчезъ, поэтому, въ приднѣпровской Руси вслѣдствіе литовскаго завоеванія. Общины, благодаря этому, вздохнули свободнѣе. Подъ владычествомъ Литвы общинники пользовались прежними вѣчевыми правами. Мѣстное населеніе получило прочную организацію на общественныхъ началахъ.

Вскорѣ, однако, послѣдовало соединеніе Руси съ

Польшею. Волынь и западная часть Подоліи, сдѣлались предметомъ посягательства со стороны поляковъ, и въ началѣ XV вѣка онѣ были присоединены къ Польшѣ. Бояре русскіе и дружинники литовскіе въ этихъ областяхъ, получивъ права польской шляхты, окончательно подавили общинный элементъ.

Но на востокѣ отъ Волыни и въ южной Подоліи общинный элементъ не только уцѣлѣлъ, но и окрѣпъ. Географическое положеніе страны ставило жителей ея въ постоянную опасность отъ татарскихъ набѣговъ. Приходилось собственными силами бороться съ врагомъ. Слѣдствіемъ этого была привычка къ оружію, къ военной жизни и дѣятельности.

Значеніе общинъ въ южной Подоліи и въ Приднѣпровьѣ увеличивалось еще вслѣдствіе того, что шляхта стала выселятся отсюда въ мѣста, присоединенныя къ Польшѣ. Тамъ она получала больше правъ.

Въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка князья, на долю которыхъ доставались приднѣпровскіе удѣлы, должны были приноровляться къ обстоятельствамъ. Князья входятъ въ сдѣлки съ общинниками, способствуютъ развитію общинъ, пользуются ихъ военною силою.

Органически образовавшійся, укрѣпившійся и выросшій изъ туземныхъ элементовъ общинный порядокъ устройства, подъ верховною властью князей Гедиминовичей или дворянъ, получившихъ наравнѣ съ ними удѣлы, пріобрѣтаетъ полную силу и окончательное развитіе въ началѣ XV столѣтія. Въ это время общинный порядокъ устройства становится извѣстнымъ подъ чужимъ, заимствованнымъ отъ татаръ именемъ козаковъ. Князья, бывшіе ихъ предводителями, носятъ названіе гетмановъ. При содѣйствіи одного изъ такихъ князей Евстафія Ружинскаго, отличавшагося прекраснымъ образованіемъ, козаки получили въ XVI вѣкѣ правильное военное устройство.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе статьи

В. Б. Антоновича, поскольку она касается вопроса происхождении украинскаго козачества. Статья бы написана съ точки зрѣнія предвзятой теоріи и носи по вѣрному замѣчанію проф. М. С. Грушевскаго, впол фантастическій характеръ.

Статья В. Б. Антоновича вызвала, поэтому, ря критическихъ замѣчаній М. А. Максимовича, въ кор подрывавшихъ основу взгляда на происхожденіе ко чества, высказаннаго В. Б. Антоновичемъ. Замѣчан М. А. Максимовича, собранныя впослѣдствіи въ пе вомъ томѣ его сочиненій, заставили В. Б. Антонови кореннымъ образомъ измѣнить прежній взглядъ происхожденіе козачества.

Впослѣдствіи самъ В. Б. Антоновичъ связыв новое свое мнѣніе о происхожденіи козачества со взгл дами, высказанными М. А. Максимовичемъ.

Сущность своего новаго взгляда на происхожде козачества В. Б. Антоновичъ изложилъ въ стать „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣ (1362—1569)“ и въ популярныхъ лекціяхъ „Бесіди п часи козацькі на Україні“.

Литовское завоеваніе, говоритъ онъ, значитель измѣнило общественный бытъ въ кіевской землѣ. Земл стала считаться собственностью государства. Распор жался землею великій князь. Онъ раздавалъ ее ч стнымъ лицамъ во временное владѣніе, подъ условіем государственной и военной службы. Такимъ образом начиная съ XIV вѣка, особенно же въ XV и XVI ст въ кіевской землѣ образовался довольно значительны классъ землевладѣльцевъ-„земянъ“.

Распредѣлены земяне на государственной терри торіи были неравномѣрно. На сѣверѣ классъ этот численно былъ очень значителенъ, на югѣ землевла дѣльцевъ было мало, а въ нѣкоторыхъ повѣтахъ, напр. въ звенигородскомъ и переяславскомъ, ихъ и совсѣм не было. На неравномѣрность распредѣленія земян вліяли, съ одной стороны, условія землевладѣнія, а съ

другой—экономическое положеніе края. На югѣ служба была тяжелѣе. Сосѣдство съ татарами дѣлало ее особенно опасной, а замлевладѣніе и земледѣліе непрочными. Къ тому же хлѣбъ въ то время не составлялъ предмета вывозной торговли; главными статьями дохода признавались пчеловодство, рыбная ловля, бобровый промыселъ и. т. д. Не было, поэтому, побудительныхъ причинъ заниматься земледѣліемъ въ южныхъ частяхъ Кіевщины, съ явной опасностью для жизни и имущества.

Кромѣ земянъ, существовало въ Кіевщинѣ еще сословіе бояръ, обязанныхъ нести военную службу. Но главную массу составляли крестьяне, или „люди", какъ ихъ называли въ то время. Большинство „людей" сидѣло не на собственной землѣ, и это, однако, не мѣшало имъ пользоваться свободой перехода. Свобода эта въ Кіевщинѣ была очень заманчива и привлекала поселенцевъ изъ другихъ мѣстностей. Поселенцы шли на югъ, несмотря на явную опасность отъ татаръ. Жили поселенцы тамъ подъ страхомъ татарскихъ набѣговъ и должны были постоянно думать о своей самозащитѣ.

Поселенцы эти нашли себѣ опору и поддержку у представителей мѣстнаго управленія, у старость украинныхъ замковъ Кіевщины и сосѣдней съ ней Брацлавщины. Въ виду отсутствія на югѣ „земянъ" и малочисленности „бояръ", старосты пользовались пришельцами-крестьянами для защиты границъ своихъ старостствъ.

Уже съ конца XV столѣтія изъ этихъ пришельцевъ образовалось новое сословіе, для котораго появился и новый терминъ, заимствованный у татаръ—козаки. „Подъ нимъ, говоритъ В. Б. Антоновичъ, не разумѣются ни мѣщане, ни бояре. Это сословіе состоитъ изъ людей свободныхъ, но, въ большинствѣ, бездомныхъ, ищущихъ занятій и осѣдлости". В. Б. Антоновичъ, такимъ образомъ, выводилъ теперь начало козачества изъ организаціи пограничными старостами обороны областей, которыми старосты управляли.

Вліяніе В. Б. Антоновича на исторіографію о козачествѣ.

Взглядъ В. Б. Антоновича на козачество, какъ н
вооруженную общину древнерусскихъ временъ, оказ
существенное вліяніе на исторіографію. Вліяніе его м
замѣчаемъ на анонимной статьѣ, написанной, несомнѣнн
подъ сильнымъ вліяніемъ В. Б. Антоновича и напечата
ной въ 1884 году въ журналѣ „Кіевская Старина" по
заглавіемъ „Происхожденіе запорожскаго козачества".
Подъ вліяніемъ взгляда В. Б. Антоновича находился
проф. Н. П. Дашкевичъ, который „колыбелью южно-ру
скаго козачества" считалъ тѣ территоріи, гдѣ въ пол
винѣ XIII ст. лѣтопись помѣщаетъ болоховцевъ и и
союзниковъ и единомышленниковъ. Проф. Дашкеви
связывалъ козацкіе общины съ противокняжескимъ дв
женіемъ XIII вѣка, когда общины, чтобы избавиться о
князей, отдавались подъ непосредственную власть т
таръ. Въ недавнее время взгляды В. Б. Антоновича
Н. П. Дашкевича получили новое обоснованіе и бы
развиты И. М. Каманинымъ въ статьѣ его „Къ вопро
о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго".

И. М. Каманинъ.

И. М. Каманинъ видитъ начало козачества в
тѣхъ общинахъ, которыя возникли послѣ татарска
нашествія.

Южная Русь послѣ татарскаго нашествія не обе
людѣла. Когда прошла гроза, населеніе вернулось к
своимъ пепелищамъ. Въ это время среди него обнару
живается враждебное отношеніе къ княжескому стро
Населеніе слагается въ автономныя общины. Во глав
общинъ стояли князья, или атаманы, ничѣмъ не выд
вавшіеся изъ массы. Общины добровольно подчинялис
татарамъ. Укрѣпленныхъ мѣстъ они не имѣли. Лѣтом
они занимались разными промыслами въ поляхъ. В
случаѣ нападенія непріятеля, общины высылали воору
женные отряды, которые для своей защиты искали удоб
ныхъ мѣстъ. Такими мѣстами, естественно, являлис
острова Буга и Днѣпра.

Въ XIV вѣкѣ, съ завоеваніемъ Южной Руси Лит
вой, общины подчинились литовскимъ князямъ. Э

поставило ихъ во враждебныя отношенія съ татарами. Вражда эта еще болѣе усилилась съ той поры, какъ Крымъ призналъ надъ собой власть турецкаго султана. Между общинами съ одной стороны, татарами и турками съ другой, началась борьба. На бытъ южно-русскаго населенія она имѣла большое значеніе. Южно-русское населеніе, говоритъ И. М. Каманинъ, уже въ концѣ XV вѣка является вполнѣ сложившимся въ форму сильной, воинственной общины. Уже въ то время храбрые приднѣпровскіе обитатели въ дипломатическихъ актахъ называются козаками. Но такъ какъ козачество появилось не сразу, а явилось результатомъ довольно продолжительнаго времени, то начало козачества И. М. Каманинъ относитъ къ началу XV или даже къ срединѣ XIV вѣка, ко времени распространенія власти литовскихъ князей надъ южно-русскимъ населеніемъ. Такъ какъ не наблюдается полной зависимости козаковъ отъ литовскихъ князей, то г. Каманинъ предполагаетъ значительное развитіе автономіи среди козаковъ еще въ XV вѣкѣ. „Въ то отдаленное время, говоритъ онъ, козачество распадалось на отдѣльныя общины, и во главѣ каждой изъ нихъ стоялъ свой особый „князь“. Черкасскіе „князья“ находились въ нѣкоторой зависимости отъ кіевскихъ князей и воеводъ. Интересы ихъ, въ видѣ борьбы съ татарами, были общими. Оттого въ войнахъ съ татарами, во главѣ козацкихъ отрядовъ, становились нерѣдко старосты южно-русскихъ королевскихъ замковъ, какъ Евстафій Дашкевичъ, Предславъ Ляндкоронскій и др.

Оригинальное мнѣніе на происхожденіе козачества высказалъ П. А. Кулішъ въ „Исторіи возсоединенія Руси“. Козачество—продуктъ степной жизни. Обезлюдѣвшая послѣ татарскаго нашествія степь представляла собой очень удобное мѣсто для кочевниковъ и скотоводства. Что татары и жители Украины въ первое время соприкасались между собой, какъ пастухи, видно изъ того, что въ козацкомъ обиходѣ было много **П. А. Кулішъ.**

словъ, заимствованныхъ изъ пастушеской жизни та-таръ (чабанъ, атаманъ, кошъ). Кромѣ скотоводства, были еще и другіе промыслы, которые влекли предпріимчи-выхъ людей въ степь: звѣриная и рыбная ловля, борт-и т. д. Опасность степной жизни, поневолѣ, дѣлала изъ промышленника—человѣка вооруженнаго, воина. Уходить въ пустынную степь въ одиночку было также опасно. Наиболѣе предпріимчивые изъ промышленни-ковъ образовывали, поэтому, товарищества. По мнѣнію Кулiша, такія-то товарищества и были извѣстны у та-таръ подъ именемъ козаковъ. Въ мирное время члены этихъ полувоенныхъ, полупромышленныхъ товари-ществъ терялись между остальнымъ населеніемъ и были послушными администраціи края. Въ военное же время каждое товарищество избирало себѣ предводи-телей и дѣйствовало въ своихъ интересахъ.

На Украинѣ козачество появилось не раньше конца XV вѣка. И здѣсь козаки были прежде всего воинами-добычниками. При извѣстныхъ обстоятель-ствахъ они были такими же чабанами, какъ и татары. Въ перемежку съ войною они, подобно древнимъ ва-ряго-руссамъ, занимались торговлею и предпринимали промышленные походы на Низъ. Козаки возникли само-стоятельно и независимо отъ старостъ сторожевыхъ королевскихъ замковъ. Старосты только пользовались козаками, приспособили свои военно-сторожевые сред-ства къ обычаямъ козацкимъ, усвоили эти обычаи своей дружинѣ. Предпринимая походы противъ татаръ, старосты „споспѣшествовали развитію козачества, как силѣ, противодѣйствовавшей азіатскому хищничеству".

Н. И. Костомаровъ.

Н. И. Костомаровъ не развилъ самостоятельнаго и цѣльнаго взгляда на происхожденіе украинскаго ко-зачества. Происхожденія козачества онъ касается только въ общихъ чертахъ во введеніи къ своей трехтомной монографіи о „Богданѣ Хмельницкомъ". „Козачество, говоритъ Костомаровъ, безспорно татарскаго проис-жденія, какъ и самое названіе козакъ, означающее, по

татарски, бродягу, вольнаго воина, наѣздника“. Наѣздники эти обыкновенно отправлялись на военные подвиги по своей охотѣ, безъ всякаго позволенія. По образцу татарскихъ, появились козаки въ московскомъ и литовскомъ государствахъ. Въ литовскомъ государствѣ козакъ не только былъ воиномъ. Козаки занимались также промыслами и торговлею. Частые татарскіе набѣги способствовали росту козачества въ украинскихъ областяхъ. Главнымъ ядромъ козачества сдѣлались Черкассы и Каневъ съ ихъ волостями. Старосты организуютъ козаковъ въ смыслѣ военнаго сословія, обязаннаго воевать съ татарами. Важнѣйшими предводителями и устроителями козачества были: хмельницкій староста Предславъ Ляццкоронскій, черкасскій и каневскій Евстафій Дашкевичъ и князь Димитрій Вишневецкій.

Но козаки не были единственными воинами въ краѣ. Мѣщане также были вооружены и должны были защищать свои города. Они несли, кромѣ того, и другія повинности, которыхъ не знали козаки. Мѣщане, поэтому, часто самовольно убѣгали въ козачество. Изъ нихъ-то, по мнѣнію Н. И. Костомарова, и образовался другой родъ козачества,—козацкая вольница, не подчиненная польскому правительству. Ядромъ этой вольницы сдѣлалась Запорожская Сѣчь.

Н. И. Костомаровъ различалъ, такимъ образомъ, два разряда козаковъ. Одни изъ нихъ были организованы правительственными агентами; другіе, напротивъ, организовались сами, независимо отъ польскаго правительства. Центромъ послѣднихъ и была Запорожская Сѣчь.

Всѣ названные до сихъ поръ писатели, несмотря на различія во взглядахъ, сходятся въ одномъ. Они признаютъ украинское козачество явленіемъ мѣстнымъ, туземнымъ, выросшимъ, правда, по татарскому образцу, но исключительно благодаря мѣстнымъ условіямъ жизни и изъ мѣстныхъ украинскихъ элементовъ.

Теоріи объ иноземномъ происхожденіи козаковъ.

Но есть мнѣнія, которыя выводятъ начало укр-инскаго козачества не изъ мѣстныхъ элементовъ. Ба-тышъ-Каменскій въ своей „Исторіи Малой Россіи“ сч-талъ козаковъ черкессами, переселившимися съ Ка-каза на Днѣпръ. Карамзинъ, Погодинъ, въ болѣе сл-бой степени, Соловьевъ и въ новѣйшее время отчаст-и проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ видятъ въ коз-кахъ обрусѣлыхъ потомковъ черныхъ клобуковъ. М-сковскій проф. М. М. Любавскій и польскій истори-Александръ Яблоновскій выводятъ начало козачест-изъ пришлыхъ элементовъ, отчасти изъ татарской к-низаціи кіевской Руси.

Проф. М. М. Любавскій.

Въ трудѣ своемъ объ „Областномъ дѣленіи и м-стномъ управленіи литовско-русскаго государст-проф. М. М. Любавскій предполагалъ, что „по вс-вѣроятности, козаками первоначально въ черкасско-повѣтѣ назывались испомѣщенные татары, мелкіе з-млевладѣльцы, не имѣвшіе крестьянъ, сами обраб-вавшіе свои поля и вѣдавшіеся въ отношеніи пов-постей своими атаманами“. Въ ихъ составъ впосл-ствіи стали входить и украинцы. Примкнувъ къ го-вому уже татарскому контингенту козаковъ, они, в-свою очередь, также усвоили за собой названіе козако-

Болѣе подробно свои взгляды на „Начальн-исторію малорусскаго козачества“ проф. М. М. Лю-скій развилъ въ „Журналѣ Министерства Народн-Просвѣщенія“ за 1895 годъ въ критическомъ раз-статьи И. М. Каманина „Къ вопросу о козачествѣ-Богдана Хмельницкаго“.

Проф. М. М. Любавскій здѣсь уже не настаива-такъ рѣшительно на происхожденіи козачества и-татарскаго ядра. Но онъ не видитъ въ немъ также-исконнаго земледѣльческаго и землевладѣльческ-населенія. Никакихъ, по его мнѣнію, мѣстныхъ юж-русскихъ общинъ послѣ татарскаго нашествія не с-ществовало; тѣмъ болѣе не было у этихъ общинъ-затѣмъ у козаковъ и выборныхъ князей. Козаки—

„вооруженно-промышленныя артели, набиравшіяся изъ разнаго пришлаго люда“. Въ мѣстныя общины козачество превратилось только съ теченіемъ времени, когда осѣлось, наконецъ, на новыхъ мѣстахъ.

Изъ разныхъ мѣстъ Польши и Литвы козаки-промышленники спускались на югъ, въ степь. Собирались они чаще всего у Канева и Черкассъ. Часть пришельцевъ поступала въ работники къ мѣстнымъ жителямъ. Большинство же уходило въ „козацтво“, на промыселъ по лѣснымъ и степнымъ уходамъ, принадлежавшимъ къ каневскому и черкасскому старосту. Они ловили рыбу, звѣрей, занимались пчеловодствомъ. На зиму большинство промышленниковъ возвращалось домой и спѣшило распродать свою добычу. Для этого козаки чаще всего стягивались къ Кіеву, какъ къ наиболѣе оживленному рынку.

Но не всѣ промышленники уходили домой. Часть ихъ оставалась на зимовку въ Каневѣ и Черкассахъ. Зимовавшіе въ этихъ городахъ козаки встрѣчаются уже въ актахъ конца XV и начала XVI вѣка. Они находились подъ управленіемъ атамана. Поэтому и всѣ господарскія грамоты адресовались намѣстнику черкасскому, атаману, войту и всѣмъ мѣщанамъ. Остававшіеся безвыѣздно на югѣ козаки мало-по-малу порывали всякую связь со своей родиной и обращались въ постоянныхъ жителей каневскаго и черкасскаго повѣтовъ. На первыхъ порахъ они дѣлали это контрабандой. Но такихъ козаковъ всегда было много въ черкасскомъ и каневскомъ повѣтахъ. Оттого и москвитяне стали называть козаковъ по имени черкасскаго староства „черкассцами“ или „черкассами“.

У пришлаго населенія, естественно, и землевладѣніе не могло быть исконнымъ. Оно также развилось постепенно. Когда землевладѣніе у козаковъ расширилось и укрѣпилось и когда козачество сдѣлалось крупной политической силой, тогда въ разрядъ козаковъ стали поступать и мѣстные землевладѣльцы и земле-

дѣльцы, и мѣстное населеніе Украины начало окозачиваться.

Козаки смотрѣли на свои земли, какъ на собственность, и считали себя вольными. Польское правительство и паны не раздѣляли этого взгляда. Они хотѣли привести козаковъ въ послушенство, подчинить ихъ платежамъ и повинностямъ. Здѣсь лежало основаніе для борьбы съ козачествомъ.

Сознавая силу козачества, правительство пошло на компромиссъ. Часть козаковъ была признана въ этомъ званіи и записана въ реестръ. Козаки эти должны были нести военную службу. За ними зато признавалось право на владѣніе землей. Такъ появилось легальное козацкое землевладѣніе. Но оно никогда не было исконнымъ. Понятіе частной собственности на землю могло быть принесено козаками въ готовомъ видѣ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оно существовало издавна.

„Исторія украинскаго козачества, по мнѣнію проф. М. М. Любавскаго, не представляетъ процесса, отлич-наго отъ того, какой представляетъ собой исторія „великорусскаго козачества".

Раньше появленія русскихъ козаковъ, извѣстны козаки татарскіе. Да и самое слово „козакъ", зародилось, по всей вѣроятности, въ тюрско-татарской сферѣ, отсюда оно перешло въ генуэзскія колоніи и на Русь и съ теченіемъ времени стало, очевидно, примѣняться къ тому разряду людей, которые назывались въ нашихъ лѣтописяхъ „бродниками".

Такъ думалъ и покойный кіевскій проф. П. В. Голубовскій.

Козакамъ пришлось устраивать свою экономическую дѣятельность и осѣдлость, главнымъ образомъ на территоріи черкасскаго и каневскаго повѣтовъ кіевской земли. „Этимъ, по мнѣнію проф. Любавскаго, и объясняются тѣсныя отношенія, существовавшія между черкасскимъ и каневскимъ старостой и приднѣпровскимъ козачествомъ, этимъ объясняется вообще связь

козачества съ государствомъ, его подчиненіе власти, его служба государству". Какъ и землевладѣніе, козацкая автономія, козацкая политическая свобода не были исконнымъ фактомъ, а развивались постепенно, и получили силу только съ теченіемъ времени.

Александръ Яблонскій.

Покойный польскій историкъ Александръ Яблоновскій находитъ, что названіе козакъ принесли въ Литву татарскія колоніи, осаженныя Витовтомъ на правѣ военномъ, съ обязательствомъ за землю, которою владѣли, нести военныя повинности. Козаки татарскіе въ Литвѣ долго сохраняли свой особый народный характеръ, но, мало-по-малу, благодаря принятію христіанства и принятію славянъ въ свою среду, они ославянились, сохранивъ, однако, прежнее свое названіе. Очень можетъ быть, думаетъ Яблоновскій, что и на Украинѣ козаки появились такимъ же образомъ. Если не Витовтъ, то князья Олельковичи могли поселить при замкахъ южной Кіевщины татарскихъ „козаковъ".

Но если начало козачества въ Литвѣ и на Украинѣ было одинаково, то характеръ его долженъ былъ очень скоро измѣниться. На это имѣли вліяніе какъ разница мѣстныхъ условій, такъ и разнородный составъ первоначальныхъ элементомъ, изъ которыхъ складывалось козачество. Въ Литвѣ долгое время козаками являлись только татары. Ославянившись они все-таки не потеряли своего прежняго характера. На Украинѣ— другое дѣло. Какъ и у сосѣдей, ногайцевъ и крымцевъ, на Украинѣ названіе козакъ употреблялось въ значеніи гораздо болѣе широкомъ, чѣмъ въ Литвѣ. Элементы, которые входили въ составъ козачества, на Украинѣ были также шире и разнообразнѣе, чѣмъ въ Литвѣ. Въ Литвѣ козачество явилось сразу извѣстнымъ общественнымъ классомъ. На Украинѣ оно такимъ становится только подъ конецъ XV столѣтія. Между тѣмъ народный матеріалъ для него, равно какъ образъ жизни давно, отъ времени еще рюриковичей, существовалъ въ степяхъ черноморскихъ, въ видѣ ли черноклобуцкихъ

племенъ тюркскихъ и славянскихъ кочевниковъ—„бродниковъ". Буря монгольская произвела большой переворотъ въ степи. Названія прежнихъ кочевниковъ исчезаютъ и сохраняются только въ именахъ отдѣльныхъ мѣстностей. Литва уничтожила господство татаръ подъ Южной Русью. Началась литовская колонизація. Для охраны юга возникли украинскіе замки: Каневъ, Черкассы, Винница, Браславъ, Звенигородка на Тикичѣ. Поселенцы на югъ высылались сверху, съ сѣвера. Стали въ степи появлятъся отдѣльные ихъ оазисы. Но все же на цѣломъ протяженіи пятнадцатаго вѣка въ степяхъ преобладали, попрежнему, кочевники. Это были непосредственные преемники торковъ и ихъ родичей. По духу и обычаямъ, они не переставали оставаться туранцами, смѣшивались съ русскими, принимали ихъ языкъ, а, быть можетъ, и ихъ вѣру. Ватаги кочевниковъ держались отъ татаръ отдѣльно, хотя въ средѣ ихъ не было недостатка и въ татарахъ. Татаре также внесли свою долю въ эту народную помѣсь.

Вслѣдствіе прилива поселенцевъ съ сѣвера, въ степяхъ мало-по-малу беретъ перевѣсъ элементъ славянскій. Къ XVI вѣку на степной Украинѣ создается новая народность, съ особымъ характеромъ. Но у нея нѣтъ общаго имени. Они—„уходники" дикихъ полей, больше ничего. По имени города Черкассъ—московскіе люди называли всѣхъ жителей степной Украины—черкассами. Среди татаръ, въ Крыму, существовало названіе козаковъ, которымъ обозначались люди, ведшіе образъ жизни, подобный жителямъ степной Украины. Это были люди военные, которые занимались набѣгами въ степь, „козаковали". Мало-по-малу названіе это было перенесено и въ степную Украину. Всѣ тѣ, кто выходилъ на добычу въ степь, на „козакованье", сталъ и здѣсь называться козакомъ. Имя было принято. Именемъ этимъ, по мнѣнію Александра Яблоновскаго, было обозначено эволюціонное преобразованіе давнихъ, главнымъ образомъ, туранскихъ особенностей степной жизни.

Яблоновскій не соглашается съ тѣми, кто считаетъ Черкассы колыбелью козачества. Подъ прикрытіемъ „Черкасскаго городка“ уходники были въ состояніи только держаться въ степи. Въ этомъ только смыслѣ, говоритъ онъ, и можно назвать Черкассы колыбелью козачества.

Въ источникахъ названіе козакъ встрѣчается только въ концѣ XV вѣка. Оно быстро распространяется съ низа, съ юга, вверхъ—на сѣверъ. Названіе козакъ обнимало собой не однородныя понятія: козаки на Запорожьѣ были иными, чѣмъ козаки при замкахъ и городахъ господарскихъ.

Матеріалъ для козачества существовалъ во многихъ мѣстахъ, такъ какъ при замкахъ господарскихъ вездѣ существовалъ классъ „слугъ“ на правѣ военномъ. Но не вездѣ были благопріятныя условія для развитія козачества.

Козачество начинаетъ высовываться въ степь и получаетъ широкое развитіе, главнымъ образомъ, на Поднѣпровьѣ. Здѣсь были обширныя пространства земли, которую козаки захватывали подъ свои хутора. Самостоятельная степная колонизація больше всего способствовала росту козачества. Колонизація пустынныхъ земель была выгодна и для пограничныхъ старостъ. Старосты, поэтому, каневскій и черкасскій, способствовали росту козачества. Но они не были въ состояніи удерживать козаковъ въ своей волѣ. Условія пограничной жизни способствовали тому, что козаки часто выходили изъ повиновенія старостъ и, „какъ вольные люди“, устанавливали себѣ самоуправленіе. До половины XVI вѣка козаки, впрочемъ, оставались еще силой неорганизованной.

Проф. М. С. Грушевскій и новый пересмотръ вопроса о происхожденіи козачества

Въ самое послѣднее время вопросъ объ украинскомъ козачествѣ былъ подвергнутъ новому и притомъ коренному пересмотру проф. М. С. Грушевскимъ въ VII и VIII т. его „Історіи Украіни-Руси“.

Разсматривая критически различныя теоріи про-

исхожденія козачества, проф. М. С. Грушевскій находитъ, что теоріи эти не разъ вполнѣ справедливо и мѣтко указывали аналогіи козацкаго строя, его тенденцій и отношеній съ болѣе ранними явленіями, но генетической связи между козачествомъ и этими явленіями установить не могли. Ея и не было. Козачество на границѣ XV и XVI вѣковъ не было ни организованнымъ общественнымъ строемъ, не составляло общинъ. Говоря объ общинахъ козацкихъ въ началѣ XVI вѣка и о козацкомъ „вѣчевомъ“ самоуправляющемся порядкѣ, изслѣдователи просто переносятъ явленія, имѣвшія мѣсто въ концѣ XVI вѣка, на начало этого столѣтія.

Проф. М. С. Грушевскій различаетъ козачество какъ явленіе бытовое и какъ извѣстный организованный общественный слой, общественно-правовой институтъ.

Какъ явленіе бытовое, козачество извѣстно съ давнихъ поръ. Но какъ извѣстный общественный слой оно формируется на протяженіи XVI вѣка, вполнѣ же опредѣленныя организованныя формы и правовое признаніе получаетъ только на границѣ XVI и XVII вѣка. Только съ конца XVI вѣка можно говорить о козачествѣ, какъ объ извѣстномъ общественномъ классѣ, толковать объ его организаціи, о козацкомъ строѣ, о козацкихъ общинахъ, управленіи и т. п.

Всѣ характерныя черты козачества, какъ явленія бытового, такъ же стары, говоритъ проф. М. С. Грушевскій, какъ Украина. Онѣ являлись результатомъ вѣчной борьбы быта осѣдлаго, земледѣльческаго, съ хищническимъ, разбойничьимъ населеніемъ степей. Борьба эта тянулась вѣками, принимала разныя формы и отклики, но происходила все на той же территоріи Украины.

Татарское нашествіе не уничтожило окончательно населенія на Украинѣ. Постоянная борьба съ татарами заставила мирные земледѣльческіе элементы уходить въ болѣе спокойныя мѣста, на сѣверъ и западъ. На

югѣ же и востокѣ оставались элементы, которые воспитывались среди тревожной жизни въ вѣчной борьбѣ съ татарами. Съ покореніемъ въ XIV столѣтіи восточной Украины Литвой, со стороны литовскаго правительства начались попытки подчинить своей власти югъ и обезопасить его укрѣпленными замками. Такую военную колонизацію предпринялъ Витовтъ. Но послѣ его смерти дѣло его было заброшено, а татарскіе погромы послѣдней четверти XV столѣтія уничтожили его окончательно. Правительство перестало совершенно заботиться объ оборонѣ Украины, содержало только въ нѣкоторыхъ замкахъ небольшіе гарнизоны, предоставляя въ остальномъ защиту земли мѣстному населенію. Эта защита являлась формальною обязанностью населенія. Поэтому населеніе восточной Украины жило постоянно на военномъ положеніи и должно было пріучаться къ военному дѣлу. Вѣчныя тревоги не давали здѣсь развиться привиллегированному землевладѣнію. Здѣсь не было высшихъ классовъ и крѣпостныхъ. Всѣ чувствовали себя здѣсь, среди безпокойной обстановки, равноправными членами общества. Главнымъ занятіемъ жителей являлось не столько земледѣліе, сколько степные промыслы, „уходы". Каждую весну жители расходились по степямъ и оставались тамъ до глубокой осени, занимаясь охотой, рыбной ловлей, собирая медъ и т. д. Представители администраціи—старосты извлекали для себя доходъ изъ этихъ промысловъ украинскаго населенія. Старосты брали извѣстную часть добычи себѣ. Степные промыслы приводили къ частымъ столкновеніямъ съ татарами. На этой почвѣ, въ концѣ концовъ, образовался своеобразный спортъ,—охота за татарами. Татары, въ свою очередь, не только не оставались въ долгу, но первые подавали примѣръ степного военнаго спорта. Разбойничьи нападенія однихъ на другихъ, часто принимали характеръ настоящихъ походовъ „уходниковъ" противъ татаръ и наоборотъ.

Въ XV вѣкѣ для подобнаго рода степныхъ иска-

телей приключеній начинаетъ употребляться названіе козакъ. Названіе старое, извѣстное еще у половцевъ. „Козакъ въ украинскомъ Приднѣпровьѣ второй половины XV и первой половины XVI вѣка—это, говоритъ проф. М. С. Грушевскій, съ одной стороны неосѣдлый, „никому не принадлежащій" человѣкъ, подобно тому, какъ ludzie lóżni, бродяги польскаго права. Съ другой стороны это человѣкъ, который, независимо отъ своего общественнаго положенія—будь то человѣкъ неосѣдлый, или осѣдлый мѣщанинъ, бояринъ, шляхтичъ, помѣщикъ—промышляетъ въ украинскихъ степяхъ и спеціально занимается здѣсь пограничнымъ спортомъ, степнымъ добычничествомъ, а въ особенности—партизанской войной съ татарами".

Украинское козачество конца XV и начала XVI в. не являлось организованнымъ общественнымъ классомъ. Представители самыхъ разнообразныхъ общественныхъ слоевъ входили въ составъ козачества. Козачество въ это время и долго впослѣдствіи—больше родъ занятія, чѣмъ общественное положеніе. Никакихъ „общинъ" среди козачества въ это время не существовало. Въ первой половинѣ XVI в. козачество внѣ мѣстныхъ круговъ было еще такъ мало извѣстно, что упоминанія о немъ рѣдки и случайны. Элементы, которые шли „козаковать", между тѣмъ, съ теченіемъ времени увеличивались. Украинская администрація видѣла въ развитіи партизанской борьбы козаковъ съ татарами единственный способъ сдерживать набѣги татаръ. Администрація стала пользоваться, поэтому, услугами козаковъ. Среди нея появляется, наконецъ, смѣлая мысль—степныхъ разбойниковъ, которыхъ еще недавно великій князь литовскій велѣлъ ловить и казнить, привлечь на службу государству. Это обстоятельство—пользованіе козачествомъ, какъ бытовымъ явленіемъ, въ интересахъ государства—съ одной стороны, а съ другой—внутренняя самостоятельная и естественная эволюція среди козачества, повели къ тому, что козачество, пройдя

длинный процессъ развитія, сформировалось, въ концѣ концовъ, въ отдѣльный общественный классъ.

Таковы главнѣйшіе взгляды, существующіе въ исторіографіи, относительно происхожденія и первоначальнаго характера украинскаго козачества.

Причины появленія украинскаго козачества и составъ его.

Среди ученыхъ преобладаетъ мнѣніе на козачество, какъ явленіе мѣстнаго характера, вызванное условіями пограничной жизни съ степями.

Матеріалъ для козачества въ степяхъ существовалъ давно, въ видѣ разныхъ бродячихъ народовъ и никогда не переводился. Монгольское нашествіе и постоянная партизанская борьба пограничныхъ жителей съ татарами, усиливала элементы, изъ которыхъ выходили козаки, т. е. люди свободные, неосѣдлые, степные разбойники и добычники.

Составъ ихъ какъ племенный, такъ и классовый былъ различенъ. Въ отрядъ въ 530 человѣкъ, набранный изъ козаковъ въ 1581 г. на королевскую службу входили, напримѣръ, жители различныхъ городовъ Украины и Бѣлоруссіи. Здѣсь были и изъ Черкассъ, изъ Канева, Кіева, Любеча, Острога, Берестечка, Чуднова и т. д.; были затѣмъ изъ Рогачева, Быхова, Могилева, Минска, Слуцка и другихъ бѣлорусскихъ городовъ. Среди козаковъ встрѣчаемъ москвитянъ, молдованъ, поляковъ, серба, нѣмца и татарина. Былъ тамъ Матисъ фельдшеръ, Тишко портной и Денисъ баккалавръ какихъ-то наукъ.

Очень можетъ быть, что среди людей, шедшихъ въ козачество, были и преступники, убѣгавшіе отъ наказанія, но не они, конечно, преобладали. Это отмѣчаетъ и современникъ, извѣстный секретарь короля Стефана Баторія Рейнгольдъ-Гейденштейнъ. Какъ другъ министра короля Стефана Яна Замойскаго, Гейденштейнъ стоялъ близко къ польскимъ кругамъ, всегда враждебно относившихся къ козачеству. Тѣмъ не менѣе въ своихъ запискахъ, изданныхъ впервые въ 1588 году, Гейденштейнъ, довольно вѣрно указываетъ условія,

при которыхъ появилось козачество. Обширныя, незаселенныя, вслѣдствіе страха и разбоевъ, степи—мѣсто появленія козачества. „Всякій, пишетъ Гейденштейнъ, кто былъ въ тяжелой нуждѣ или былъ осужденъ за уголовныя преступленія, и всѣ тѣ, которымъ или обстоятельства, или законы не дозволяли жить въ отечествѣ, какъ изъ другихъ народовъ, такъ и изъ поляковъ и литовцевъ, собирались сюда, чтобы промышлять грабежемъ и добычею. Въ прежнія же времена, при общемъ мирѣ между народами, даже нѣкоторые знатные юноши стремились въ эти мѣста, ненавидя спокойную жизнь и жаждая не бездѣйствія и досуга, а возможности выказать доблесть. Большею частью они питались рыбною ловлею по озерамъ и по рѣкѣ Днѣпру, а также разбоями, считая врагомъ всякаго, съ кого надѣялись поболѣе награбить добычи. Но такъ какъ среди нихъ преобладали числомъ христіане, то болѣе всего враждебны были они варварамъ, особенно, татарамъ; королямъ же польскимъ зачастую приносили пользу".

Литовское завоеваніе внесло измѣненіе въ пограничную жизнь. Стремленіе Литвы овладѣть степью повело къ усиленію военной колонизаціи на югѣ. Литовское правительство начало вновь строить и возобнолять замки. Подъ ихъ прикрытіемъ появились на пограничьѣ земледѣльцы-промышленники, уходившіе весною на промыселъ въ степь и возвращавшіеся оттуда осенью. Эти „уходы", промыслы пограничныхъ поселенцевъ, были выгодны и для старость, какъ представителей администраціи. Старосты стали облагать „уходниковъ" разнаго рода поборами.

Но эти поборы и опасности, связанныя съ „уходничествомъ", не удерживали уходниковъ.

Промыселъ въ степяхъ былъ очень выгоденъ. Уходники ловили рыбу и бобровъ по степнымъ рѣкамъ, занимались звѣроловствомъ, пчеловодствомъ. На зиму они обыкновенно возвращались домой. Здѣсь, по горо-

дамъ, преимущественно, въ Кіевѣ, уходники сбывали свою добычу. Такое явленіе мы наблюдаемъ въ XVI в. Нужно думать, что начало его положено гораздо раньше. Уходничество, какъ промыселъ, требовало рынка, мѣста для сбыта добычи. Такимъ мѣстомъ могли быть только города. Благодаря этому, установилась естественная связь уходниковъ съ городами.

Но не одно это заставляло уходниковъ возвращаться и признавать надъ собой власть администраціи. Въ степи на зиму могли оставаться только немногіе. Суровыя степныя зимы, отсутствіе жилья и поселеній, а главное, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и одежды и трудность добывать ихъ зимой, долго мѣшали козакамъ-уходникамъ завести постоянныя поселенія въ степи, вдали отъ административнаго надзора и административныхъ поборовъ.

Степь, къ тому же не была безопасной. Тамъ давно уже господствовали татары. Они занимались тѣми же промыслами, которые влекли къ себѣ и украинцевъ-уходниковъ. Мало того, какъ у всѣхъ кочевниковъ, и у степныхъ татаръ главнымъ занятіемъ было скотоводство. Татарскіе пастухи, „чабаны", съ большими стадами бродили по черноморскимъ равнинамъ.

Сначала украинскіе и татарскіе уходники и чабаны промышляли далеко другъ отъ друга. Но съ теченіемъ времени и тѣ и другіе уходили все дальше и дальше въ степь. Украинскіе уходили съ сѣвера, татары—съ юга. Рано или поздно они должны были приблизиться другъ къ другу и начать борьбу за обладаніе степью. Такъ оно и случилось. Возможность борьбы облегчалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что жизнь въ степи, постоянныя опасности, заставляли промышленника быть и вооруженнымъ воиномъ. Агентъ римскаго императора Эрихъ Лассота, проѣзжавшій въ 1594 г. черезъ Правобережную Украину въ Запорожье, сообщаетъ, что „каждый изъ крестьянъ, отправляясь на поле, несъ на плечахъ своихъ ружье и прицѣплялъ къ боку саблю или тесакъ".

Начало борьбы козаковъ съ татарами.

Когда началась борьба между украинскими уход-никами и татарами за обладаніе степью,—нельзя сказать. Мы имѣемъ извѣстія объ этомъ довольно поздція, съ конца XV и съ начала XVI в. Въ это время борьба достигла уже значительнаго напряженія. Она обращала на себя вниманіе въ международныхъ отношеніяхъ. Первое извѣстіе о нападеніи козаковъ на турецкій корабль подъ Тягинею относится къ 1492 году. Кромѣ приведенныхъ выше, въ началѣ очерка, извѣстій о на-паденіи козаковъ на татаръ, можно указать еще нѣ-сколько. Крымскій ханъ Менгли-Гирей жаловался, что зимой 1502—1503 году „кіевскіе и черкасскіе козаки напали на днѣпровскомъ перевозѣ на ханскаго посла, возращавшагося отъ молдавскаго воеводы въ Крымъ, нѣкоторыхъ изъ татаръ убили. Лѣтомъ 1504 г. крым-скій ханъ снова заявлялъ жалобу на козаковъ литов-скому великому князю Александру. Козаки снова на днѣпровскомъ перевозѣ пограбили купцовъ и пословъ ханскихъ, забрали у нихъ товаръ. Намѣстникъ черкас-скій князь Василій Глинскій, по жалобѣ хана, произ-велъ розыскъ; нашелъ у козаковъ товары, возвратилъ ихъ татарамъ; провинившихся же козаковъ казнилъ. Думаютъ, что около того же времени производилъ ро-зыскъ татарскихъ товаровъ у черкасскихъ козаковъ кіевскій ключникъ и черкасскій администраторъ Сеньк Полозовичъ. Онъ отыскалъ товары у черкасскихъ коза-ковъ „князя Дмитра". Послѣдніе же получили ихъ отъ козаковъ Щуровой роты. Подобныя свѣдѣнія о гра-бежахъ и своевольствѣ козаковъ идутъ въ теченіе всей первой половины XVI столѣтія.

Такіе же грабежи шли и со стороны татаръ. Иногда они принимали характеръ настоящихъ походовъ съ той и другой стороны. Легкая добыча, въ родѣ гра-бежа татарскихъ купцовъ, нападенія на татарскія стада и аулы, „луплепье татарскихъ чабановъ", какъ тогда образно выражались, естественно, должны были увели-чивать случайное населеніе украинской степи и при-

влекать въ нее не столько земледѣльцевъ, сколько добычниковъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Эти-то добычники и стали называться козаками. Когда, при какихъ обстоятельствахъ усвоено было имъ имя козаковъ—сказать, конечно, нельзя. Мы уже говорили, что, вѣроятно, оно перешло на украинскихъ уходниковъ отъ татаръ.

Къ концу XV вѣка количество людей, уходившихъ въ степи, на столько увеличилось, что козачество стало обращать на себя вниманіе и сосѣднихъ государствъ и польско-литовскаго правительства, и польскихъ мемуаристовъ. Въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка о козакахъ говорятъ уже въ дипломатической перепискѣ. Тогда же подъ 1516 годомъ упоминаетъ о козакахъ и одинъ изъ старѣйшихъ составителей польской хроники Мартинъ Бѣльскій.

Организація у козаковъ.

Украинскіе уходники-козаки, въ XV—XVI вѣкахъ, не были еще организованной силой, какой мы видимъ ихъ въ XVII вѣкѣ (Ал. Яблоновскій, А. В. Стороженко, проф. М. С. Грушевскій). Но все же нельзя отрицать существованія у нихъ и въ это время организацій.

Уходники-козаки дѣйствовали не въ одиночку. Весьма вѣроятно, что первоначальными организаціями у нихъ были артели съ атаманами во главѣ. Такъ думаютъ, напр., А. В. Стороженко и М. С. Грушевскій. Артель была одной изъ древнѣйшихъ организацій на Руси, примѣнявшаяся особенно въ рыболовныхъ промыслахъ, не исчезнувшая и до настоящаго времени. По составу своему, артели могли быть многочисленными. Для своей безопасности уходники устраивали въ степи разнаго рода укрѣпленія, засѣки, „січи“. „Січи“ эти не были постоянными. Но они могли, конечно, служить для склада провіанта, а также мѣстомъ пребыванія сторожи, которая оставлялась въ степи, когда на зимовку артель уходила домой. Укрѣпленія эти были самаго примитивнаго свойства. Они являлись обычнымъ явленіемъ въ пограничныхъ украинскихъ земляхъ. Ихъ

видѣлъ еще въ 1594 году Эрихъ Лассота возлѣ Прилукъ (теперь кіевской губ. бердичевскаго уѣзда), по дорогѣ въ Запорожье. Его поразило большое число разбросанныхъ „странныхъ домовъ съ амбразурами, въ которыхъ крестьяне, вслучаѣ внезапнаго нападенія татаръ, спасаются и находятъ для себя защиту". Одно изъ такихъ укрѣпленій, „сѣчей" впослѣдствіи и сдѣлалось, вѣроятно, центромъ запорожскаго козачества.

П. А. Кулішъ иначе объясняетъ зародышъ организаціи у козаковъ. Онъ считаетъ ее заимствованной изъ пастушескаго быта татаръ. Десять сводныхъ стадъ у татаръ назывался кхошъ, а расторопнѣйшій пастухъ, стоявшій во главѣ этихъ стадъ—одаманъ. Отсюда Кулішъ выводилъ козацкій кошъ, какъ названіе лагеря и происхожденіе названія козацкаго начальника—атаманомъ.

Козаки и администрація.

Существованіе отдѣльныхъ организацій у уходниковъ было явленіемъ бытовымъ. Уходничья артель, нужно думать, разсыпалась, какъ только уходники возвращались домой. Это и теперь бываетъ съ артелями, когда та цѣль, для которой артель составляется, временно или навсегда исчезаетъ. Козацкія организаціи не носили характера политическаго. Онѣ не обособляли уходниковъ-козаковъ въ особый общественный классъ. Возвращаясь домой, уходники-козаки становились лицомъ къ лицу съ мѣстной администраціей, съ старостами и другими представителями правительственнаго уряда.

Вопросъ объ отношеніяхъ между козаками и мѣстной администраціей теменъ. Несомнѣнно, какъ жители опредѣленной административной единицы, уходники, возвращаясь на мѣсто своего постояннаго жительства или поселяясь на новомъ мѣстѣ, подчинялись и мѣстной администраціи. Еще больше это нужно сказать о тѣхъ изъ козаковъ, которые жили тамъ постоянно. А что такіе были, что не всѣ уходили на промыслы, объ этомъ говорятъ источники. Описанія чер-

касскаго и каневскаго замковъ 1552 года знаютъ козаковъ, которые „не отходячи у козацтво на поле", служать наймитами у бояръ и мѣщанъ.

Зависимость козаковъ отъ старостъ выражалась въ платежѣ поборовъ и въ несеніи повинностей въ пользу старостъ. Козаки, напр., не имѣвшіе въ Черкассахъ своихъ домовъ, давали въ 1552 году старостѣ по шести грошей колядки и косили толокою сѣно по два дня въ лѣто. Подобныя же свѣдѣнія мы имѣемъ и относительно каневскихъ козаковъ. Козаки, возвращаясь изъ непріятельской страны, обязаны были отдавать старостѣ лучшія вещи изъ добычи.

Цѣль пограничныхъ замковъ была, главнымъ образомъ, военная. Замки устраивались для обороны государства отъ набѣговъ непріятелей—на Украинѣ, преимущественно, отъ набѣговъ татаръ. Все населеніе, подчиненное замку, бояре и мѣщане съ ихъ людьми, обязаны были нести военную службу, сторожевую и въ полѣ, или при охранѣ замка. Въ случаѣ нападенія непріятеля, они выходили противъ него. Кромѣ воинской повинности мѣстныхъ жителей, для военной обороны служили еще наемные отряды, состоявшіе изъ такъ называемыхъ „драбовъ", т. е. наемныхъ солдатъ. Изъ кого набирались „драбы", мы не знаемъ. Если козаки иногда служили наймитами у бояръ и мѣщанъ, то весьма вѣроятно, что немало ихъ было и среди „драбовъ". Военная служба козаковъ и уходничество мѣщанъ сближали ихъ другъ съ другомъ. Нужно думать, что между ними мало было разницы и въ отношеніяхъ ихъ къ администраціи.

Старосты, такимъ образомъ, пользовались козаками, какъ военной силой. Они снабжали ихъ лошадьми, оружіемъ, съѣстными припасами. Въ интересахъ старостъ было даже набирать побольше козаковъ и поощрять ихъ походы въ непріятельскія земли. Вѣдь лучшая вещь изъ награбленнаго отдавалась козаками старостѣ. Неудивительно, что современныя извѣстія

нерѣдко обвиняютъ въ грабежахъ тѣхъ козаковъ, ко-
рыя находились на службѣ у пограничныхъ адми-
страторовъ. Мы имѣемъ извѣстіе, что люди кіевск
воеводы „пана Пацевича“ въ 1489 г., подъ предводите
ствомъ Богдана Голубца и Васьки Жилы, напали н
московскихъ пословъ и купцовъ и ограбили ихъ. Мо
думать, что это были именно люди, находившіеся н
службѣ у Кіевскаго воеводы, „драбы“. Между ним
вѣроятно, были и козаки. При участіи козаковъ бы
совершенъ, какъ думаетъ проф. М. С. Грушевскій, по-
ходъ противъ татаръ въ 1493 г., предпринятый на-
стникомъ черкасскимъ, княземъ Богданомъ Глинским
въ отместку за набѣгъ. Черкасскіе козаки служи
въ „почтахъ“ преемника Паца на кіевскомъ воеводст
князя Дмитрія Путятича.

Въ началѣ XVI вѣка извѣстность въ борьбѣ с
татарами пріобрѣлъ Сенько Полозовичъ, завѣдывавш
черкасскимъ староствомъ. Въ 1520 годахъ онъ, вмѣст
съ Криштофомъ Кмитичемъ, державцемъ чернобыль-
скимъ, организовывалъ отряды козаковъ и водилъ и
противъ татаръ. Литовское правительство не подде-
жало Полозовича. Его начинанія, поэтому, не имѣл
большого значенія. Въ хроникѣ Бѣльскаго Полозович
прославляется, какъ „Полозъ-Русакъ—славный козакъ“

Отдѣльные отряды бояръ, мѣщанъ и драбовъ, пр
несеніи ими военной службы, были, само собой разу-
мѣется, организованы. Описаніе черкасскаго замк
1552 года знаетъ „роты“, „десятки“. Дѣленіе это да-
нее. Въ самомъ началѣ XVI вѣка упоминаются, напр
„Щуровы роты козаки“, у которыхъ кіевскій ключни
и черкасскій администраторъ Сенько Полозовичъ от-
бралъ, послѣ обыска, товары, награбленные ими у
купцовъ. Нужно думать, тогда же существовало и дѣ-
леніе на десятки. Количество „ротъ“ и наемныхъ со-
датъ „драбовъ“ въ нихъ бывало, конечно, различным
по мѣрѣ надобности.

Усиленіе опасности татарскихъ набѣговъ вело к

увеличенію и контингента оборонительнаго войска, набиравшагося старостами. Въ этихъ случаяхъ среди „драбовъ" процентъ казаковъ какъ осѣдлыхъ, такъ и неосѣдлыхъ, а только приходившихъ случайно, вѣроятно, также значительно повышался. Старосты являлись какъ бы начальниками козацкихъ ротъ. На этой почвѣ и могла создаться легенда о томъ, что организаторами козачества и первыми гетманами козаковъ были нѣкоторые изъ пограничныхъ старостъ.

Списки гетмановъ.

Неизвѣстно, когда были составлены послѣдовательные списки козацкихъ гетмановъ. Въ нихъ помѣщены были и нѣкоторые изъ пограничныхъ старостъ. Въ XVIII вѣкѣ списки гетмановъ были очень распространены. Они встрѣчаются въ лѣтописи Грабянки и въ другихъ сочиненіяхъ историческаго характера въ XVIII вѣкѣ. Спискамъ гетмановъ долгое время вѣрила и слѣдовала, внося тѣ или иныя поправки, историографія. О гетманахъ съ начала XVI вѣка идетъ рѣчь у митрополита Евгенія, въ трудахъ Бантышъ-Каменскаго и Маркевича и поздѣе—въ трудахъ Максимовича, Костомарова и В. Б. Антоновича. Только въ самое послѣднее время, благодаря трудамъ И. М. Каманина, М. К. Любавскаго, Александра Яблоновскаго, М. С. Грушевскаго, историографія рѣшительно порвала съ преданіемъ, не вѣритъ спискамъ козацкихъ гетмановъ. Нѣкоторые историки, какъ мы уже видѣли, даже совершенно отрицаютъ существованіе у козаковъ правильной организаціи и гетмановъ въ первой половинѣ XVI вѣка.

Первыми гетманами и организаторами козачества преданіе называло черкасскаго старосту Евстафія Дашкевича и старосту хмельницкаго Предслава Ляцкоронскаго. На первое мѣсто преданіе выдвигало обыкновенно Ляцкоронскаго, Дашкевича же считало вторымъ, по счету, гетманомъ. Новѣйшая историографія, наоборотъ, наиболѣе важное значеніе въ исторіи козачества отводитъ Евстафію Дашкевичу. Ему, по мнѣнію Макси-

мовича, „тогдашнее козачество обязано своимъ успѣніемъ и распространеніемъ на Украинѣ поднѣпровской".

Черкассы.

Территорія, подчинявшаяся въ административномъ отношеніи черкасскимъ старостамъ, играла въ исторіи козачества большое значеніе. Ал. Яблоновскій называетъ ее „колыбелью украинскаго козачества". Послѣ нашествія Менгли-Гирея въ 1482 г., когда былъ разрушенъ Кіевъ и Звенигородъ, большое значеніе, какъ сборный пунктъ на низовьяхъ Днѣпра, прібрѣлъ Черкасскій городокъ. Дополненіемъ къ нему служилъ Каневъ у устья рѣки Роси, впадающей въ Днѣпръ. Оба города считались какъ бы тѣсно связанными другъ съ другомъ. Они имѣли общаго намѣстника, старосту, который жилъ въ Черкассахъ и номинально только зависѣлъ отъ кіевскаго воеводы. Староство черкасское обнимало собой большія пространства земли, далеко въ степь, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Приблизительно оно обхватывало собой части тепереннихъ уѣздовъ полтавской губ.—золотоношскаго, хорольскаго, весь кременчугскій, кобелякскій, константиноградскій уѣзды и пространство земли, приблизительно до р. Самары въ екатеринославской губерніи. На правомъ берегу Днѣпра въ составъ черкасскаго староства входили значительная часть черкасскаго уѣзда и весь чигиринскій уѣздъ кіевской губерніи и части александрійскаго уѣзда херсонской губ. и верхнеднѣпровскаго екатеринославской. По имени города Черкассъ, и въ черкасское староство съ его обширными пространствами земли называлось нерѣдко „Черкассами". Московскіе люди встрѣчались съ козаками, главнымъ образомъ, на территоріи черкасскаго староства. Благодаря этому, въ московскомъ государствѣ стали называть украинскихъ козаковъ „черкасскими", или попросту „черкассами". Впослѣдствіи это названіе стало примѣняться въ Москвѣ и ко всей южной Кіевщинѣ и даже ко всему народу украинскому.

Евстафій Дашкевичъ.

На обширномъ пространствѣ черкасскаго староства промышляли козаки-уходники. Черкасскій же замокъ, выдвинутый далеко въ степь, служилъ передовой позиціей въ литовскомъ государствѣ противъ набѣговъ татаръ. Старосты черкасскіе всегда находились, поэтому, насторожѣ и нуждались въ усиленномъ количествѣ войска. Въ Черкассахъ раньше, чѣмъ гдѣ-нибудь, старосты должны были воспользоваться козаками въ качествѣ „драбовъ", наемныхъ солдатъ. Мы уже видѣли, что козаками пользовались черкасскіе администраторы князь Богданъ Глинскій, затѣмъ староста Сенько Полозовичъ. Такимъ образомъ, не Евстафій Дашкевичъ былъ первымъ изъ черкасскихъ администраторовъ, который бралъ козаковъ на службу.

Евстафій Дашкевичъ былъ черкасскимъ старостой въ началѣ XVI вѣкѣ, съ 1514 по 1535 годъ. О происхожденіи Дашкевича ученые спорятъ. Антоновичъ считалъ его овруцкимъ мѣщаниномъ. Но Максимовичъ опровергъ это. И. М. Каманинъ относилъ Евстафія Дашкевича къ роду князей Глинскихъ, изъ которыхъ одинъ, именно Богданъ Глинскій, былъ намѣстникомъ въ Черкассахъ. Проф. М. М. Любавскій доказалъ невѣроятность мнѣнія И. М. Каманина. Проф. Любавскій производитъ родъ Дашкевичей отъ Дашка Тубачевича, маршалка великаго князя Свидригайла. Родовитое происхожденіе Дашкевича защищаетъ и А. И. Яковлевъ въ своемъ изслѣдованіи о намѣстникахъ, державцахъ и старостахъ замка черкасскаго. Проф. М. С. Грушевскій считаетъ Дашкевича кіевскимъ земяниномъ. Въ Кіевщинѣ Дашкевичъ владѣлъ наслѣдственными, по отцу и матери, имѣніями.

Неизвѣстно, когда Евстафій Дашкевичъ началъ свою службу. Служилъ онъ „воеводою въ разныхъ мѣстахъ". Въ этомъ званіи Дашкевичъ упоминается въ 1501 г., когда великій князь московскій Василій, послѣ побѣды Ведрошской, посылалъ своихъ воеводъ „Литовскія земли воевати". Въ числѣ литовскихъ вое-

начальниковъ, вышедшихъ навстрѣчу московскимъ войскамъ, упоминается и „великаго князя Александра литовскаго воевода Остафей Дашкевичъ“.

Въ 1502 году Евстафій Дашкевичъ былъ уже на мѣстникомъ кричевскимъ въ Бѣлоруссіи. Вскорѣ послѣ этого онъ, по какимъ-то причинамъ, оставилъ служ у великаго князя литовскаго и перешелъ на сторону великаго князя московскаго. Въ 1504 г. гонецъ вели каго князя литовскаго требовалъ выдачи Дашкевича. Московское правительство не согласилось. Въ слѣду щемъ 1505 году, во время литовскаго сейма въ Бер стьѣ, Дашкевичъ явился на сеймъ, оправдался, и ему были возвращены всѣ его имѣнія. На службѣ москов ской Евстафій Дашкевичъ оставался, какъ думаетъ Максимовичъ, до 1508 года. Вскорѣ послѣ возвращен въ Литву Дашкевичъ получилъ въ управленіе Канев, а въ 1514 году къ нему были прибавлены и Черкассы. Изслѣдователи думаютъ, что назначеніе его въ Канев не было случайностью. Дашкевичъ былъ извѣстенъ какъ человѣкъ опытный въ военномъ дѣлѣ и как искусный дипломатъ. Послѣднее было важно для сн шеній и переговоровъ съ татарами. Каневскій и Че касскій староста, какъ мы знаемъ, долженъ былъ п стоянно имѣть съ ними дѣло.

Выбирая Дашкевича, литовское правительство н ошиблось. Дашкевичъ зналъ татарскій языкъ. Чел вѣкъ ловкій, хитрый, отважный, онъ постоянно вы дилъ съ успѣхомъ изъ столкновеній съ татарами. Да кевичъ одержалъ немало побѣдъ надъ ними; умѣ также пользоваться ихъ помощью въ своихъ похо противъ Москвы. Въ 1515 году Дашкевичъ ходилъ татарами на Сѣверскую землю, а въ 1521 году на Москву. Умеръ онъ въ 1535 году.

Для мѣстнаго населенія управленіе Дашкев было тяжелымъ. Дашкевичъ завелъ новые побо самовольно распоряжался мѣстнымъ населеніемъ и имуществомъ. Поэтому, послѣ смерти Дашкевича

сыпались жалобы на кривды, причиненныя покойнымъ старостой.

Значеніе Дашкевича въ исторіи развитія козачества выражалось въ томъ, что Дашкевичъ широко пользовался „козаковавшими“ для своихъ походовъ. Это должно было способствовать росту козачества. Дашкевичу приписывали затѣмъ устройство Запорожья. Но это опровергнуто М. А. Максимовичемъ.

Зато Дашкевичу, несомнѣнно, принадлежалъ одинъ изъ первыхъ проэктовъ объ организаціи козачества государствомъ и объ использованіи козаковъ на службу государству. Проэктъ не былъ осуществленъ. М. А. Максимовичъ, а за нимъ и И. М. Каманинъ думаютъ, что уже на Городельскомъ сеймѣ въ 1522 г. Евстафій Дашкевичъ сдѣлалъ предложеніе о застройкѣ Днѣпровскихъ острововъ крѣпкими замками и о содержаніи тамъ вооруженныхъ козаковъ. Допускаетъ возможность такого предложенія и г. Яблоновскій. Проф. М. С. Грушевскій держится другого мнѣнія. Онъ полагаетъ, что въ 1522 году проэктъ о принятіи на государственную службу козаковъ не могъ принадлежать Дашкевичу. Дашкевичъ съ такимъ проэктомъ выступилъ только въ 1533 году на Петроковскомъ сеймѣ. Польскій хронистъ Бѣльскій передаетъ, что Дашкевичъ на вопросъ, какъ бы помочь, чтобы татары не безпокоили польско-литовскихъ границъ, совѣтывалъ держать на Днѣпрѣ постоянно двѣ тысячи человѣкъ. Они должны были защищать на лодкахъ перевозы отъ татаръ. Конница же въ нѣсколько сотень должна была доставлять имъ продовольствіе. Дашкевичъ совѣтывалъ, кромѣ того, укрѣпить Днѣпровскіе острова замками и построить возлѣ нихъ города. Совѣтъ Дашкевича, по словамъ Бѣльскаго, всѣмъ понравился на сеймѣ, но изъ проэкта этого ничего не вышло.

Другимъ лицомъ, имя котораго преданіе связываетъ съ начальной исторіей козачества, является староста хмельницкій Предславъ Лянцкоронскій. Съ по- Предславъ Лянцкоронскій.

ходомъ его въ 1516 г. подъ Бѣлгородъ (Аккерманъ) какъ извѣстно, старые хронисты связывали начал козачества.

Слава Лянцкоронскаго, сыгравшаго будто бы важ ную роль въ исторіи козачества, думаютъ, создана бы въ XVII и XVIII вѣкахъ. Одинъ изъ польскихъ пис телей XVII вѣка Старовольскій помѣстилъ его біогр фію въ своей книгѣ „Sarmatiae bellatores". Онъ из бразилъ Лянцкоронскаго, какъ замѣчательнаго вои и рыцаря.

Въ новѣйшее время такой характеристикѣ Лянцк ронскаго слѣдовали П. А. Кулішъ и Д. И. Эварницкі Но уже М. А. Максимовичъ очень критически относил къ извѣстіямъ о Лянцкоронскомъ. Г. Яблоновскій е совсѣмъ игнорируетъ, а проф. М. С. Грушевскій ст витъ Лянцкоронскаго только въ ряду другихъ адм нистраторовъ, пользовавшихся козаками, не припис вая ему, въ этомъ отношеніи, никакого виднаго зна нія сравнительно, напримѣръ, съ Бернатомъ Прет чемъ, барскимъ старостой и другими администратора которые вели тогда пограничную войну съ татарами.

Авантюризмъ и его значеніе въ исторіи козачества.

Со времени прекращенія крестовыхъ походовъ подъ ихъ вліяніемъ, съ одной стороны, а съ другой благодаря экономическому перевороту, который ст совершаться при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ к новому времени, въ Западной Европѣ развился, въ сильной степени, авантюризмъ—исканіе приклю ній, подвиговъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленія, п посредствѣ ихъ, къ быстрому обогащенію. Это бы болѣзненный переходъ отъ разрушавшагося феодальн строя европейской жизни къ новому промышлен торговому. Польша, а благодаря ея вліянію, и Лит стояли въ близкой связи съ Западной Европой по имъ экономическимъ и культурнымъ отношеніям Отдѣльныя явленія и событія въ жизни Запад Европы отражались, хотя, быть можетъ, и въ бо слабой степени и на Польшѣ. Въ числѣ такихъ явле былъ и авантюризмъ.

Флагъ, подъ которымъ развѣвался авантюризмъ въ Польшѣ, былъ, какъ и на Западѣ, борьба съ невѣрными, побѣда креста надъ полумѣсяцемъ. Но почва для его развитія была далеко не идеальная. Борьба съ татарами, нападенія на турецкіе города, грабежи ихъ доставляли богатую добычу. И она, повидимому, служила главной приманкой и главной побудительной причиной къ авантюрамъ.

Начиная съ конца XIV вѣка, въ дипломатической переписке между Польшей, Литвой, Москвой и Крымомъ, вопросъ о грабежахъ, нападеніяхъ на купцовъ и ихъ караваны занимаетъ видное мѣсто. Виновными въ этомъ оказывались не только отдѣльные частныя лица, но и представители администраціи —старосты. Въ 1541 году король, наприм., упрекалъ черкасскаго старосту въ томъ, что онъ дозволяетъ козакамъ нападать на татарскіе улусы, грабить ихъ и затѣмъ дѣлитъ съ ними награбленное добро.

Историческіе источники сохранили цѣлый рядъ лицъ изъ видныхъ фамилій, которыя „козаковали". Въ числѣ ихъ называются Сенявскіе, Струси, Гербурты, Претвичъ, Станиславъ Замойскій, Потоцкій, Влодекъ, князья Вишневецкіе, Збаражскіе, Заславскіе, Корецкіе, Рожинскіе и немало другой шляхты, рѣдко уходившей съ поля. Ходить въ поле самимъ и посылать туда своихъ слугъ они считали особымъ видомъ охоты. Правда, свѣдѣнія эти относятся къ болѣе позднему времени, къ правленію Сигизмунда-Августа (1548—1572). Но тѣ явленія, которыя мы видимъ въ это время, несомнѣнно, болѣе ранняго происхожденія. Мы ихъ замѣчаемъ уже въ концѣ XV вѣка.

Авантюризмъ оказывалъ на козачество вліяніе во многихъ отношеніяхъ. Онъ способствовалъ росту козачества. Для авантюристовъ нужно было войско. Они набирали его среди козаковъ-уходниковъ или среди тѣхъ элементовъ, которые отрывались отъ земледѣлія и промысловъ. Военные походы несовмѣстимы были съ

мирными занятіями, а легкость добычи была всегда заманчива. Разъ бросившій землю и промыселъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, вѣроятно, могъ возвратиться къ нимъ. Такимъ образомъ, козакъ-уходникъ начинаетъ мало-по-малу исчезать и превращается въ козака-воина по преимуществу. Для того, чтобы управлять козацкими отрядами, авантюристы, какъ и старосты, должны были организовать ихъ по военному. Это пріучало козаковъ къ организаціи и подготовляло почву для созданія впослѣдствіи козаками и самостоятельной военной организаціи. Живя въ атмосферѣ авантюризма, гоняясь за добычей, козаки и сами очень часто выдвигали изъ себя вождей и подъ ихъ предводительствомъ самостоятельно предпринимали походы въ степь или нападали на купцовъ, пословъ и другихъ проѣзжихъ людей и грабили ихъ безпощадно. Въ 1542 году отрядъ козаковъ возлѣ Днѣпра пограбилъ польскихъ и татарскихъ пословъ. Въ 1545 году козаки изъ Канева, Черкассъ, Брацлава, Винницы и другихъ мѣстъ, числомъ свыше 700 человѣкъ, подъ начальствомъ „старшихъ козаковъ" Карпа, Андруши, Лезуна и Яська Бѣлоуса разграбили турецкій караванъ, который шелъ въ Москву. Караванъ былъ довольно великъ. Въ реестрѣ, поданномъ королю о пограбленныхъ товарахъ, указано 24 купца.

Князь Дмитрій Вишневецкій-Байда.

Среди авантюристовъ, пользовавшихся козаками для своихъ предпріятій бывали и люди выдающіеся, по своей энергіи и широтѣ военныхъ предпріятій. Изъ нихъ видный слѣдъ въ народныхъ преданіяхъ оставилъ князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій.

Народная пѣсня называетъ князя Вишневецкаго Байдою. Происхожденіе этого названія неясно. Байда—имя нарицательное, значитъ—гуляка, лѣнтяй. Имя это, какъ замѣчаютъ издатели и комментаторы „Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа" В. Б. Антоновичъ и М. П. Драгомановъ, а за ними и проф. М. С. Грушевскій, мало вяжется съ дѣйствительнымъ характеромъ князя Дмитрія Вишневецкаго. Антоновичъ и Драгома-

новъ думаютъ, что, если не вся пѣсня, то значительная часть ея подробностей старѣе Дмитрія Вишневецкаго, къ которому пѣсня приспособилась, вѣроятно, уже въ началѣ XVII в., если не въ концѣ XVI в. Значитъ, Байда—это не дѣйствительное народное названіе князя Дмитрія Вишневецкаго, а перенесенное на него впослѣдствіи, послѣ его смерти. Проф. М. С. Грушевскій допускаетъ, правда, возможность, что у кн. Вишневецкаго существовало прозвище Байда, но сознается, что на это нѣтъ никакихъ указаній въ историческихъ извѣстіяхъ. Предположенія Антоновича и Драгоманова, во всякомъ случаѣ, болѣе вѣроятны.

Князья Вишневецкіе, по словамъ М. А. Максимовича, были потомками Корыбута—Дмитрія Ольгердовича, происходили, такимъ образомъ, отъ Гедиминовичей и принадлежали къ богатымъ княжескимъ родамъ. Родъ ихъ получилъ свое названіе отъ мѣстечка Вишневца въ теперешнемъ кременецкомъ уѣздѣ волынской губерніи. Мѣстечко это считалось первоначальнымъ гнѣздомъ рода Вишневецкихъ.

Отецъ князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго занималъ урядъ старосты чичерскаго*). Князь Дмитрій былъ его старшимъ сыномъ и владѣльцемъ цѣлаго ряда сель на Волыни. Владѣнія князя Дмитрія не были, впрочемъ, значительными. Проф. Грушевскій относитъ кн. Дмитрія къ владѣльцамъ средней руки, по тогдашнему маштабу, когда нѣкоторые изъ князей владѣли пространствами земли, доходившими иногда до размѣровъ современныхъ намъ уѣздовъ и даже губерній.

Князь Дмитрій Вишневецкій не пошелъ по обычному пути. Онъ не удержался на службѣ у великаго князя, не занялся, какъ другіе, округленіемъ своихъ владѣній. Князь Дмитрій всецѣло отдался исканію приключеній. Такова, вѣроятно, была у него безпокой-

*) *Чичерскъ*—теперь мѣстечко Рогачевскаго уѣзда могилевской губерніи на р. Сожѣ.

пая натура, если въ немъ вѣкъ авантюризма воплотилъ не мало своихъ характерныхъ чертъ.

Многое въ жизни и дѣятельности князя Дмитрія Вишневецкаго для насъ утеряно или окутано легендарнымъ туманомъ. Въ дѣйствительности, онъ былъ далеко не тѣмъ, какимъ рисуется въ народномъ преданіи и народной поэзіи.

Въ первый разъ упоминаніе о князѣ Дмитріи мы находимъ въ люстраціи волынскаго воеводства 1545 г. Онъ указанъ владѣльцемъ ряда селъ въ кременецкомъ повѣтѣ. Въ это время князь Дмитрій Вишневецкій повидимому, ничѣмъ еще не отличался отъ другихъ владѣльцевъ того времени: выпрашивалъ у короля привиллегіи на землю, судился, дѣлалъ наѣзды на чужія имѣнія. Въ 1548 г. былъ у него судъ за причиненіемъ разнаго рода обидъ крестьянамъ королевы Боны. Подобно другимъ знатнымъ шляхтичамъ, и съ тѣми же, надо думать, корыстными цѣлями, кн. Дмитрій Вишневецкій совершалъ набѣги и на татаръ. Весьма вѣроятно предположеніе, что именно о князѣ Дмитріи Вишневецкомъ, какъ объ одномъ изъ главныхъ борцевъ съ татарами, говоритъ въ 1550 году въ своей записке барскій староста Претвичъ.

Новѣйшій изслѣдователь біографіи Байды-Вишневецкаго проф. М. С. Грушевскій нѣсколько идеализируетъ борьбу его съ татарами, видитъ въ ней осуществленіе опредѣленнаго проекта, который намѣчалъ еще Евстафій Дашкевичъ. Такое мнѣніе идетъ, на нашъ взглядъ, дальше, чѣмъ позволяютъ факты. Борьба князя Вишневецкаго противъ татаръ, правда, была шире, чѣмъ у старостъ, пользовавшихся для этого силами козаковъ. Но нѣтъ основаній видѣть въ ней осуществленіе какого-то намѣченнаго плана. Иначе трудно объяснить шатаніе кн. Вишневецкаго отъ одного государства къ другому. У Литвы, Турціи, Москвы, къ которымъ обращался кн. Вишневецкій, были противоположные политическіе интересы. Отношенія этихъ госу-

дарствъ къ татарамъ не могли быть одинаковы. Поэтому нужно предположить у кн. Вишневецкаго или большую неосвѣдомленность и недальновидность въ политикѣ или же, что болѣе вѣроятно, что у Байды-Вишневецкаго, какъ и у другихъ авантюристовъ, до Тилли и Валленштейна въ эпоху тридцатилѣтней войны включительно, преобладали, главнымъ образомъ, личные эгоистическіе мотивы, очень далекіе отъ какихъ-нибудь политическихъ цѣлей. Для такихъ авантюристовъ не было ни родины, ни родного народа, ни государственныхъ интересовъ. Они легко переходили отъ одного государства къ другому, ни сколько не стѣсняясь ихъ взаимными отношеніями.

Такимъ именно человѣкомъ факты и рисуютъ намъ князя Байду-Вишневецкаго. Можно допустить, что въ началѣ 1550-хъ годовъ кн. Дмитрій Вишневецкій занималъ какую-нибудь королевскую службу на Украинѣ, на пограничьѣ съ татарами. Но онъ никогда не былъ черкасскимъ и каневскимъ старостой, какъ думаютъ нѣкоторые историки въ томъ числѣ, напр., Соловьевъ и Д. И. Эварницкій. Уже въ это время кн. Вишевецкій возбуждалъ подозрѣнія. Великій князь литовскій Сигизмундъ-Августъ въ 1553 г. въ письмѣ къ Радзивиллу выражалъ опасеніе, какъ бы Вишневецкій не перебѣжалъ къ туркамъ. Очевидно, это опасеніе основывалось на какихъ-то личныхъ отношеніяхъ кн. Вишневецкаго къ правительству, но никакъ не на борьбѣ кн. Вишневецкаго съ татарами. Татары и турки были союзники, и переходъ князя Вишневецкаго къ туркамъ могъ означать только одно—отказъ отъ борьбы съ татарами. Польско-литовское правительство опасалось, что, перейдя къ туркамъ, кн. Вишневецкій начнетъ дѣйствовать противъ родного края. Поэтому, когда лѣтомъ 1553 года кн. Вишневецкій сначала выслалъ въ Турцію свою козацкую роту, а затѣмъ и самъ поѣхалъ туда со своими людьми, въ литовскихъ придворныхъ кругахъ и на Украинѣ начался переполохъ. Великій князь

Сигизмундъ-Августъ употребилъ всѣ усилія, чтобы вернуть кн. Вишневецкаго обратно. Князь Вишневецкій вернулся. Посредники помирили его съ великимъ княземъ, и кн. Вишневецкій получилъ прощеніе. Это было въ 1554 году. Король далъ ему порученіе держать сторожу у Днѣпровскихъ пороговъ на островѣ Хортицѣ. Въ томъ же году, однако, снова произошелъ разрывъ. Князь Вишневецкій задумалъ жениться на Гальшкѣ Острожской и для этого сталъ требовать у великаго князя для себя каневскаго и черкасскаго староствъ. Получивъ отказъ, кн. Вишневецкій уѣхалъ въ Турцію и поселился въ Бѣлгородѣ (Аккерманѣ). Прошло немного времени. Оставаться въ бездѣйствіи кн. Вишневецкій, очевидно, долго не могъ. Онъ снова поднялъ вопросъ о прощеніи его великимъ княземъ, но подъ условіемъ, чтобы ему были отданы въ управленіе пограничные замки. Въ противномъ случаѣ онъ грозилъ отуречиться или уйти въ Москву.

Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ кн. Байды-Вишневецкаго ясно, такимъ образомъ, выступаютъ личные мотивы.

Не получивъ отъ короля отвѣта на свои требованія, кн. Вишневецкій самовольно отправился на Хортицу и тамъ началъ собирать козаковъ и строить укрѣпленія.

Время постройки замка на островѣ Хортицѣ—неизвѣстно. Нѣкоторые, какъ Д. И. Эварницкій и проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ относятъ его постройку къ 1556 г. и ставятъ въ связь съ походомъ московской рати подъ начальствомъ дьяка Ржевскаго противъ татаръ. Основаніе замка они приписываютъ все же кн. Дмитрію Вишневецкому. Но что замокъ былъ основанъ не отъ имени московскаго правительства, а отъ имени литовскаго, на это есть прямыя указанія въ письмѣ Сигизмунда-Августа къ крымскому хану. Великій князь старался доказать хану важность замка для татаръ и турокъ. Проф. М. С. Грушевскій полагаетъ, что замокъ былъ основанъ кн. Вишневецкимъ еще до

перехода въ Турцію. Вѣроятнѣе же всего замокъ былъ основанъ послѣ возвращенія кн. Димитрія изъ Турціи, приблизительно въ 1554—1555 годахъ. До того времени о замкѣ ничего не слышно, да врядъ ли онъ могъ и существовать, разъ не было на Хортицѣ кн. Вишневецкаго и его козацкой роты, которую онъ отослалъ въ Турцію.

Положеніе польско-литовскаго правительства, въ виду дѣятельности кн. Вишневецкаго и основанія имъ хортицкаго замка, было довольно труднымъ. Съ одной стороны—основаніе замка на Хортицѣ и содержаніе тамъ сторожи противъ татаръ, было дѣломъ выгоднымъ для правительства, а съ другой стороны—правительство не имѣло фактически никакой власти надъ кн. Вишневецкимъ. Мы уже видѣли, съ какой легкостью онъ могъ перейти къ врагамъ своей родины. Дѣятельность кн. Вишневецкаго на Хортицѣ совершенно ускользала отъ контроля правительства. Такое положеніе дѣлъ нашло себѣ краспорѣчивое отраженіе въ письмахъ великаго князя Сигизмунда-Августа къ крымскому хану. Король въ своихъ письмахъ доказывалъ пользу постройки хортицкаго замка и пользу отъ содержанія тамъ постояннаго сторожевого гарнизона и въ то же время старался увѣрить хана, что польско-литовское правительство не можетъ отвѣчать за дѣйствія кн. Вишневецкаго. Кн. Вишневецкій поступаетъ вполнѣ самовольно, не считаясь съ интересами правительства. Великій князь въ письмахъ своихъ къ хану, правдиво только излагалъ создавшееся положеніе дѣлъ.

Какъ разъ въ это время, въ мартѣ 1566 года, московское правительство предприняло походъ въ Крымъ низовьями Днѣпра. Начальникомъ московскихъ войскъ въ этомъ походѣ былъ, какъ извѣстно, дьякъ Ржевскій. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что князь Вишневецкій, ранѣе этого похода, завелъ сношенія съ московскимъ правительствомъ и только до поры до времени хитрилъ, не желая обнаружить себя предъ

крымскимъ ханомъ. Гораздо правдоподобнѣе оставаться на почвѣ тѣхъ фактовъ, которые сохранили намъ современныя, преимущественно, московскія извѣстія. Они не говорятъ совершенно о князѣ Вишневецкомъ. Инициатива борьбы Москвы съ Крымомъ, принадлежала самому московскому правительству. Черкасскіе и каневскіе козаки, въ числѣ 300 ч., подъ предводительствомъ атамановъ Млинскаго и Михаила Еськовича пристали къ дьяку Ржевскому уже на Днѣпрѣ. Съ ними дьякъ Ржевскій совершилъ походъ подъ Исламъ-Керменъ. Объ участіи въ этомъ походѣ князя Вишневецкаго нѣтъ свѣдѣній. Нужно думать, что онъ и не принималъ участія.

Походъ дьяка Ржевскаго, вѣроятно, далъ первый толчекъ къ сношеніямъ кн. Вишневецкаго съ московскимъ правительствомъ. Слухи о томъ, что кн. Вишневецкій „отъѣхалъ къ Москвѣ" возникли лѣтомъ 1556 года въ то время, когда дьякъ Ржевскій былъ на Днѣпрѣ. Оффиціальное же посольство кн. Вишневецкаго въ Москву отмѣчено въ Никоновской лѣтописи только въ сентябрѣ 1556 года. Сношенія на первыхъ порахъ могли оставаться тайной для великаго князя Сигизмунда-Августа. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что вел. князь въ перепискѣ съ ханомъ крымскимъ въ 1556 г. указывалъ на опасность московскаго похода на низовье Днѣпра и совѣтовалъ не ссориться съ кн. Вишневецкимъ. Московское правительство, увѣрялъ великій князь хана, предлагало кн. Вишневецкому перейти на его сторону. Князь Дмитрій, однако, отклонилъ предложеніе. Въ виду этого опасно для хана ссорится съ кн. Вишневецкимъ. Если бы кн. Вишневецкій оказался виновнымъ, великій князь обѣщалъ наказать его и удалить изъ Хортицы. До поры же до времени кн. Вишневецкій тамъ полезенъ, какъ противовѣсъ планамъ московскаго правительства.

Проф. М. С. Грушевскій объясняетъ переходъ кн. Вишневецкаго на службу Москвѣ, какъ извѣстный

шагъ къ осуществленію грандіознаго плана—организовать совмѣстную борьбу Литвы и Москвы съ Крымомъ. Скудные факты, дошедшіе до насъ, не оправдываютъ такого вывода.

Время окончательнаго перехода кн. Вишневецкаго въ Москву неизвѣстно. Въ 1557 году кн. Вишневецкій, повидимому, дѣйствовалъ еще, какъ подданный литовскаго князя. Въ этомъ году онъ доносилъ князю о нападеніяхъ на Хортицу татаръ. Сигизмундъ же Августъ выражалъ въ письмѣ къ кн. Вишневскому свое удовольствіе по поводу стойкости его, но рекомендовалъ не обострять отношеній съ Крымомъ и стараться, чтобы козаки не трогали татаръ и турокъ. Ни о какомъ совмѣстномъ планѣ борьбы нѣтъ рѣчи. Кн. Вишневецкій вырисовывается здѣсь въ скромной роли начальника сторожевого отряда, выдвинутаго далеко въ степь. Въ 1557 году крымскій ханъ повторилъ нападеніе на Хортицу. Кн. Вишневецкій на это разъ удержался. Но въ октябрѣ 1557 г. онъ долженъ былъ покинуть Хортицу вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ, ушелъ со своими козаками въ Каневъ и Черкассы и занялъ ихъ.

Въ это-то время какъ разъ и случилось какое-то намъ неизвѣстное обстоятельство, которое побудило кн. Вишневецкаго на рѣшительный шагъ, фактически перейти на московскую службу. О шагѣ этомъ онъ подумывалъ и раньше и велъ переговоры. Но, должно быть, колебался. Быть можетъ, онъ хотѣлъ, передавшись Москвѣ, сохранить за собой управленіе каневскимъ и черкасскимъ старостьомъ. Кн. Вишневецкій занялъ ихъ помимо воли Сигизмунда-Августа и съ ними хотѣлъ признать подданство Москвѣ. Московское правительство, къ которому кн. Вишневецкій обратился, велѣло ему, однако, возвратить староство королю; самому же кн. Вишневецкому ѣхать въ Москву. Князь Дмитрій пріѣхалъ туда въ ноябрѣ 1557 г., цѣловалъ крестъ служить вѣрно московскому царю и получилъ богатые

помѣстья и доходы—въ отчину городъ Бѣлевъ (Ту-
ской губ.) съ волостями и селами, какъ было за Бѣ-
левскими князьями, много селъ подъ Москвой, подарки
вещами и деньгами и большую, по тому времени
сумму, десять тысячъ рублей, на проѣздъ.

Уходомъ съ Хортицы кн. Вишневецкаго воспользовался крымскій ханъ. Татары разорили укрѣпленіе, затѣмъ напали на Брацлавщину и сильно опустошили ее. Это давало московскому правительству основаніе надѣяться на возможность наладить съ Литвой совмѣстныя дѣйствія противъ Крыма. Очень возможно, что кн. Дмитрій Вишневецкій игралъ при этомъ извѣстную роль. Но нѣтъ никакихъ фактовъ, которые бы заставляли видѣть здѣсь осуществленіе какого-то напередъ намѣченнаго плана кн. Вишневецкаго. Еще до его пріѣзда въ Москву среди бояръ существовала довольно значительная партія, которая находила необходимымъ, послѣ покоренія Казани и Астрахани, покорить и Крымъ. Къ числу такого рода бояръ принадлежалъ и извѣстный кн. А. М. Курбскій.

Пріѣздъ кн. Вишневецкаго далъ толчекъ къ новому походу московскихъ войскъ въ Крымъ. Переговоры съ литовскимъ правительствомъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ не привели ни къ чему. Помѣшала старая вражда изъ-за Сѣверской и Смоленской областей. Литовскій князь Сигизмундъ-Августъ, въ концѣ концевъ, возобновилъ старый союзъ съ Крымомъ, направленный противъ Москвы.

Московское войско, подъ начальствомъ кн. Вишневецкаго, отправилось въ 1558 году въ Крымъ безъ союзниковъ. Дѣйствія его были удачны. Кн. Вишневецкій дошелъ до Перекопа. Проникнуть вглубь полуострова онъ не рѣшился. Въ Москвѣ, очевидно, не довѣряли ему и не дали ему выполнить тотъ планъ похода, который онъ намѣчалъ на будущее время. Кн. Вишневецкаго отозвали въ Москву, на его же мѣсто былъ высланъ извѣстный уже намъ дьякъ Ржевскій

На слѣдующій годъ Ржевскій былъ замѣненъ окольничимъ Даниломъ Адашевымъ. Князя же Вишневецкаго послали сначала на Донъ, а затѣмъ на Кавказъ, къ черкессамъ.

Лѣтомъ 1561 года мы видимъ кн. Вишневецкаго снова на Запорожьѣ. Съ Монастырскаго острова, выше Хортицы, чрезъ своего брата кн. Михаила Вишневецкаго, занимавшаго урядъ черкасскаго старосты, кн. Дмитрій обратился къ Сигизмунду-Августу съ просьбой принять его снова въ подданство. Великій князь охотно согласился. Кн. Дмитрій Вишневецкій и пришедшіе съ нимъ козаки были приняты назадъ въ литовское государство. Что побудило кн. Вишневецкаго возвратиться, неизвѣстно. Для объясненія этого нѣтъ фактовъ. Польскій историкъ Вольфъ находитъ объясненіе въ перемѣнѣ характера Ивана Грознаго, котораго сталъ опасаться и кн. Вишневецкій. Проф. М. С. Грушевскій говоритъ, что кн. Дмитрію нечего было больше дѣлать въ Москвѣ, планъ его организовать борьбу противъ Крыма рушился; къ тому же онъ опасался сдѣлаться измѣнникомъ, такъ какъ въ то время начиналась война у Москвы съ Литвой. Все это—только предположенія, не больше.

Утвердившись снова на Запорожьѣ, князь Дмитрій началъ свои походы въ степь противъ татаръ и турокъ и доходилъ до Очакова. Польское правительство, повидимому, ему не препятствовало. Возвращеніемъ кн. Дмитрія Вишневецкаго оно было довольно. Въ концѣ 1562 года князь Дмитрій вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ Альбрехтомъ Ласкимъ, такимъ же авантюристомъ, какъ и онъ, пріѣхалъ на сеймъ въ Петроковъ, чтобы оправдаться. Князя Вишневецкаго встрѣтили на сеймѣ оваціями. Когда же онъ заболѣлъ, Сигизмундъ Августъ оказалъ ему особое вниманіе и приказалъ своимъ докторамъ лечить его.

Послѣ этого князь Дмитрій прожилъ не долго.

Безпокойная, непосѣдливая натура кн. Дмитрія

скоро увлекла его снова на югъ. Онъ вмѣшался въ молдавскія дѣла. Противъ узурпатора Гераклида, или Деспота поднялось въ Молдавіи возстаніе подъ начальствомъ молдаванина Томши (Стефана IX). Пріятель Вишневецкаго Альбрехтъ Ласскій поддерживалъ Деспота и привлекъ на свою сторону и кн. Дмитрія Вишневецкаго. Кн. Дмитрій прибылъ въ Молдавію съ козаками. Томша разбилъ войска своего противника. Князь Вишневецкій попалъ въ плѣнъ и былъ выданъ Томшѣ. Послѣдній отправилъ его въ Константинополь. Тамъ въ октябрѣ 1563 года кн. Дмитрій Вишневецкій, или Димитрашко, какъ его называли въ Молдавіи, былъ казненъ, по приказанію султана. Способъ казни не извѣстенъ.

О смерти князя Вишневецкаго ходило много легендарныхъ разсказовъ. Одинъ изъ нихъ воспроизводитъ П. А. Кулішъ въ своей „Исторіи возсоединенія Руси", заимствуя его изъ „хроники" Бѣльскаго. „Вишневецкій, разсказываетъ Кулішъ, былъ казненъ въ Цареградѣ мучительною смертью. Его, вмѣстѣ съ другимъ знатнымъ плѣнникомъ, Яномъ Пясецкимъ, сбросили съ башни на желѣзные крючья; онъ зацѣпился ребромъ, повисъ на крюкѣ и трое сутокъ оставался живымъ. Сохранилось преданіе, что, находясь въ такомъ положеніи, Вишневецкій продолжалъ славить Христа и проклинать Магомета; наконецъ, вывелъ мусульманъ изъ терпѣнія и былъ убитъ стрѣлой изъ лука".

Имя князя Дмитрія Вишневецкаго, подъ именемъ Байды, сохранилось и въ памяти народной. Народная пѣсня объ немъ поется и до сихъ поръ какъ въ Галиціи, такъ и въ Россійской Украинѣ. Султанъ, въ этой пѣснѣ предлагаетъ Байдѣ въ замужество свою дочь, если Байда приметъ магометанство. Байда, въ отвѣтъ, ругаетъ султана и его вѣру. Байду вѣшаютъ ребромъ на крюкъ. Онъ требуетъ у своего оруженосца лукъ и поочередно убиваетъ султана, его жену и дочь.

Когда появились пѣсни о Байдѣ—трудно сказать. По словамъ В. Б. Антоновича и М. П. Драгоманова, пѣсни о Байдѣ, тождественныя съ современными намъ, существовали уже въ XVII в. и тогда, вѣроятно, стали ихъ относить къ Вишневецкому.

Значеніе дѣятельности кн. Дмитрія Вишневецкаго въ исторіи козачества.

Опредѣлить значеніе дѣятельности князя Дмитрія Вишневецкаго въ исторіи козачества трудно, за неимѣніемъ для этого твердыхъ историческихъ данныхъ. Но дѣятельность его, несомѣнно, должна была оставить глубокій слѣдъ въ исторіи козачества. Народъ до сихъ поръ сохранилъ и помнитъ имя Байды-Вишневецкаго на всемъ пространствѣ Украины и въ Галиціи.

Была ли въ дѣятельности у кн. Вишневецкаго какая-нибудь политическая задача, къ осуществленію которой онъ стремился въ своей дѣятельности? Польскій историкъ Александръ Яблоновскій отрицаетъ это. Князь Дмитрій Вишневецкій, былъ слишкомъ захваченъ своими личными интересами и порывами, чтобы онъ могъ выполнить какую-нибудь широкую политическую задачу.

Проф. М. С. Грушевскій держится обратнаго мнѣнія. „Я вижу, говоритъ онъ, ясную аналогію, очевидное идейное преемство дѣятельности кн. Вишневецкаго не только въ самой идеѣ Запорожской Сѣчи, какъ украинской твердыни среди степного моря, но и въ политикѣ позднѣйшихъ козацкихъ вождей—въ ихъ стремленіи играть извѣстную международную роль, опираясь на сосѣднія государства, интересы которыхъ сталкивались въ этихъ степяхъ. До Вишневецкаго мы этого не видѣли, и я усматриваю въ этомъ не только послѣдовательность во времени, но и несомнѣнную преемственность. Этотъ степной авантюристъ имѣлъ преемниковъ своихъ идей, хоть и болѣе мелкихъ, болѣе скромныхъ, болѣе сдержанныхъ и уравновѣшенныхъ. Изъ предшественниковъ онъ во многомъ напоминаетъ Дашкевича, но дѣятельность Вишневецкаго болѣе широка и неудержима. И, поэтому, Дашкевичъ свою бурную жизнь

закончилъ, въ концѣ концовъ, ролью государственнаго мужа, Вишневецкій такъ и остался авантюристомъ".

Оцѣнка дѣятельности кн. Дмитрія Вишневецкаго, съ только что приведенной точки зрѣнія, страдаетъ, на нашъ взглядъ, нѣкоторой идеализаціей и даетъ больше, чѣмъ позволяютъ это историческіе факты. Обосновать идейную сторону въ дѣятельности князя Вишневецкаго, а также доказать преемственность его идей трудно при современномъ состояніи знаній. Скорѣй, наоборотъ, можно думать, какъ было указано выше, что въ дѣятельности кн. Вишневецкаго преобладалъ, именно, личный элементъ. Въ дѣятельности его, въ его переходахъ отъ Литвы къ Турціи и Москвѣ, у которыхъ политическіе интересы были различны, отсутствуетъ какая бы то ни была политическая идея. Мы не видимъ у кн. Вишневецкаго и плана борьбы съ татарами. Ничѣмъ не доказано, что переходъ князя Вишневецкаго въ Москву былъ обусловленъ его планомъ побудить Москву на борьбу съ татарами. Не больше, какъ только предположеніемъ, является и мнѣніе, будто кн. Вишневецкій побудилъ московское правительство предпринять походъ на югъ, противъ Крыма. Московскіе источники ни слова не говорятъ о кн. Вишневецкомъ и, нужно думать, не изъ національнаго только тщеславія.

Но если мы не находимъ въ историческихъ фактахъ основаній видѣть какую-нибудь идейную сторону въ дѣятельности кн. Вишневецкаго, то фактически его дѣятельность имѣла большое значеніе въ исторіи козачества именно тѣми своими сторонами, на которыя указываетъ проф. М. С. Грушевскій. По собственному ли выбору намѣтилъ кн. Вишневецкій для укрѣпленія острова Хортицу, или потому, что на этомъ островѣ и раньше существовало пристанище козаковъ и мѣсто ихъ защиты отъ татаръ, но, несомнѣнно, что со времени постройки укрѣпленія кн. Вишневецкимъ на островѣ Хортицѣ, стремленіе укрѣпиться на порогахъ не исче-

зало у козаковъ. Въ концѣ концовъ оно осуществилось въ видѣ запорожскаго коша, „Сѣчи". Если и нельзя согласиться съ проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ, что „Вишневецкій первый собралъ бродячихъ низовыхъ козаковъ въ одно войско", то нѣть сомнѣнія, что онъ первый указалъ путь движенія для козаковъ—въ Крымъ, Турцію и Молдавію. По его слѣдамъ впослѣдствіи шли и другіе авантюристы, набиравшіе для своихъ похожденій козаковъ, а впослѣдствіи и козацкіе начальники, когда у козаковъ выработалась своя военная организація. Были указаны новые пути для приложенія козацкой силы. Это должно было способствовать росту козачества, какъ класса, главнымъ занятіемъ котораго стало военное ремесло.

Пограничная борьба.

Въ теченіе XVI вѣка нападенія козаковъ на турецкія и татарскія владѣнія сдѣлались явленіемъ обычнымъ. Татары отвѣчали на эти нападенія опустошеніями Украины. Вопросъ о нападеніяхъ козаковъ и жалобы крымскаго хана на нихъ занимають одно изъ видныхъ мѣстъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ между Крымомъ и Литвой въ XVI вѣкѣ. Великій князь оправдывался обыкновенно трудностью справиться съ козаками, надъ которыми онъ не имѣетъ власти. Иногда онъ оправдывался тѣмъ, что не украинскіе, а московскіе козаки дѣлали нападенія на татарскія земли. Порой великій князь разсылалъ пограничнымъ старостамъ приказанія удерживать козаковъ и наказывать непослушныхъ, которые будутъ совершать нападенія на караваны и татарскія улусы. Доходило дѣло и до увольненія старостъ, заподозрѣнныхъ или уличенныхъ въ организаціи козацкихъ набѣговъ на татарскія земли. Такъ былъ устраненъ барскій староста Претвичъ. Въ большинствѣ случаевъ всѣ эти мѣры не достигали цѣли. Часто проводить ихъ въ жизнь должны были лица, заинтересованныя въ существованіи козацкихъ набѣговъ—старосты. Словомъ, въ теченіе первой половины XVI вѣка козачество фактически не встрѣчало

преградъ въ своемъ развитіи и развивалось довольно свободно и широко. Не только старосты, но и центральное правительство иногда признавало пользу отъ козаковъ и цѣнило ихъ, какъ пограничный оплотъ противъ татарскихъ нападеній.

Проэкты найма козаковъ на службу государству.

Мысль о наймѣ отряда козаковъ на службу государства возникла довольно рано. М. А. Максимовичъ и И. М. Каманинъ думаютъ, что вопросъ объ этомъ былъ поднятъ въ 1522 году на городельскомъ сеймѣ черкасскимъ старостой, извѣстнымъ уже намъ Евстафіемъ Дашкевичемъ. Но историкъ „Литовско-русскаго сейма“ проф. М. М. Любавскій не нашелъ фактовъ, потверждающихъ это мнѣніе. Поэтому очень вѣроятно предположеніе проф. М. С. Грушевскаго, что факты, которые Максимовичъ и И. М. Каманинъ относятъ къ 1522 году, имѣли, на самомъ дѣлѣ, мѣсто на петроковскомъ съѣздѣ 1533 года. Въ виду этого наиболѣе раннимъ упоминаніемъ о намѣреніи центральнаго правительства взять отрядъ козаковъ на службу государству, слѣдуетъ считать заявленіе великаго князя Сигизмунда I Стараго на берестейскомъ сеймѣ 1524 года. Поводомъ къ этому заявленію послужило слѣдующее обстоятельство. Въ 1524 г. державца рѣчицкій Семенъ Полозовичъ и державца чернобыльскій Криштофъ Кмитичъ, по примѣру старость, собрали небольшой отрядъ козаковъ и отправились на низовья Днѣпра. Тамъ, при переправѣ черезъ Днѣпръ, они случайно натолкнулись на татаръ, возвращавшихся съ награбленнымъ добромъ изъ Украины и Литвы, бились съ ними цѣлую недѣлю, многихъ изъ нихъ убили, другихъ потопили. Это очень понравилось королю Сигизмунду. Король предлагалъ набрать на службу отрядъ козаковъ въ 1—2 тысячи человѣкъ, и расположить его на перевозахъ по Днѣпру для обороны ихъ и границъ государства. Для осуществленія проекта, необходимы были средства, „сукна и пѣнязи“. Объ это препятствіе, кажется, и разбился проэктъ, хотя сеймъ и отнесся къ

нему сочувственно. Указаній на то, что предложеніе короля было практически осуществлено, нѣтъ.

Мысль, высказанная королемъ Сигизмундомъ Старымъ, не заглохла. Очевидно, къ ней приводили условія пограничной жизни польско-литовскаго государства. Польскій хронистъ Бѣльскій сообщаетъ, что въ 1533 году, на петроковскомъ сеймѣ извѣстный черкасскій староста Евстафій Дашкевичъ, въ свою очередь, возбудилъ вопросъ о наборѣ на королевскую службу козацкаго отряда въ двѣ тысячи человѣкъ. Козаки должны были постоянно находиться на Днѣпрѣ и защищать днѣпровскіе перевозы отъ нападенія татаръ. Дашкевичъ проэктировалъ, кромѣ того, постройку замковъ и основаніе городовъ на днѣпровскихъ островахъ. Планъ Дашкевича членамъ сейма понравился. Но изъ плана, по словамъ Бѣльскаго, ничего не вышло.

Въ предложеніяхъ Сигизмунда Стараго и Евстафія Дашкевича шелъ вопросъ только объ оборонѣ украинскихъ границъ отъ татаръ. Объ организаціи козаковъ рѣчь не заходила. Но и то, и другое, фактически, стояло, какъ правильно замѣчаетъ Александръ Яблоновскій, въ тѣсной связи. Поэтому, когда, нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1541 г. литовское правительство сдѣлало попытку привести въ извѣстность козаковъ и поставить ихъ подъ надзоръ правительственной власти, этимъ былъ сдѣланъ шагъ къ организаціи козачества самымъ же правительствомъ.

Попытку правительства переписать козаковъ въ 1541 году А. И. Яковлевъ ставитъ въ связь съ предложеніемъ Евстафія Дашкевича на сеймѣ 1533 года. Фактами доказать это врядъ ли возможно. Не только поводомъ, но и причиной переписи 1541 года были набѣги козаковъ на татарскіе улусы и жалобы на козаковъ со стороны татаръ. И набѣги, и жалобы особенно стали усиливаться, по мѣрѣ приближенія къ срединѣ XVI вѣка. Для литовскаго правительства гро- **Реестръ 1541 г.**

зила постоянная опасность отъ нападеній татаръ. Крымскій ханъ прямо указывалъ, что онъ разорветъ съ Литвой вѣчный миръ и пойдетъ походомъ на Украину, если литовское правительство не обуздаетъ козаковъ.

Въ іюлѣ 1541 года великій князь разослалъ пограничнымъ старостамъ указы, въ которыхъ старостамъ предписывалось всячески слѣдить и предупреждать набѣги козаковъ на татарскіе улусы. Вмѣстѣ съ этимъ было рѣшено принять такую мѣру. Дворянинъ Стретъ Солтановичъ долженъ былъ объѣхать замки кіевскій, каневскій и черкасскій и переписать всѣхъ козаковъ. Старосты должны были слѣдить, чтобы дѣйствительно всѣ козаки были переписаны и внесены въ реестръ. Запись въ реестръ, какъ правильно замѣчаетъ А. И. Яковлевъ, предполагалась принудительной, а не добровольной.

Какую цѣль преслѣдовалъ реестръ 1541 года? Александръ Яблоновскій, И. М. Каманинъ и А. И. Яковлевъ находятъ, что реестръ былъ задуманъ въ интересахъ привлеченія козаковъ на государственную службу для обороны границъ. Проф. М. С. Грушевскій полагаетъ, что реестръ долженъ былъ носить чисто полицейскій характеръ, характеръ контроля надъ козаками. Мнѣніе проф. Грушевскаго находитъ себѣ большее основаніе въ современныхъ извѣстіяхъ. Великій князь предписываетъ старостамъ прекратить набѣги козаковъ на татарскіе улусы. Если старосты дозволяютъ козакамъ ходить въ степь на промыселъ, „на рыбы и на бобры“, то они должны строго слѣдить, чтобы козаки, дѣйствительно, этими промыслами и занимались. Старостамъ предписывалось строго карать виновныхъ. О службѣ козаковъ указъ великаго князя не говорилъ ни слова.

У изслѣдователей, напр., у А. И. Яковлева, возникаетъ сомнѣніе, былъ ли осуществленъ реестръ козаковъ въ 1541 году или ограничились одними только

разговорами? Вл. Ярошъ думаетъ, что изъ предположенія составить реестръ, ничего не вышло. Проф. М. С. Грушевскій держится такого же мнѣнія. Если даже допустить, что попытка была сдѣлана; что Стретъ Солтаневичъ ѣздилъ для составленія реестра, то практически, какъ правильно замѣчаетъ проф. Грушевскій, онъ, при неопредѣленности и крайней подвижности козацкаго населенія, не могъ ничего сдѣлать. Слѣдовъ реестра мы не имѣемъ. Нападенія козаковъ на татарскіе улусы, предупредить которыя имѣлось въ виду составленіемъ реестра, продолжались съ тою же, если не съ большею, силою. Объ этомъ свидѣтельствуетъ множество турецкихъ и татарскихъ жалобъ за это время. Татары, въ свою очередь, не прекратили своихъ набѣговъ на Украину. Въ теченіе 1541—1545 гг. они появлялись тамъ почти непрерывно.

Полицейскій характеръ реестра 1541 г. не исключалъ, однако, важности его для идеи организаціи козачества на службу государства. Правительство видитъ въ козакахъ силу, которую считаетъ нужнымъ привесть въ извѣстность, отдѣлить отъ другихъ классовъ общества путемъ записи въ реестръ и, въ видѣ отдѣльнаго класса, подчинить надзору и власти старостъ. Изъ этого класса государство предполагало брать къ себѣ козаковъ на службу, если бы въ этомъ явилась когда-нибудь надобность.

Планы организаціи изъ козаковъ военно-служилаго класса.

Какъ многочисленно было козачество въ срединѣ XVI в., трудно сказать. Въ переписяхъ замковъ 1552 г. козаки упоминаются только, какъ небольшія группы. Между тѣмъ мы знаемъ, что въ походахъ, въ которыхъ участвовали козаки, ихъ насчитывали сотнями; король проэктировалъ набрать на королевскую службу отрядъ въ 2 тыс. человѣкъ. Значитъ, козачество расплывалось гдѣ-то между другими классами. Это уменьшало для правительства возможность контролировать козаковъ. Правительство ограничивалось посылкой строгихъ циркуляровъ старостамъ, предписывало слѣ-

дить за козаками и удерживать отъ своевольствъ и набѣговъ на турецкія и татарскія земли. Подобнаго рода циркуляръ былъ изданъ, напримѣръ, въ 1560 г. Козакамъ запрещалось причинять обиды турецкимъ подданнымъ.

Недѣйствительность циркуляровъ—думаютъ нѣкоторые изъ изслѣдователей—заставила литовское правительство возвратиться къ старымъ планамъ 1520-1530-хъ годовъ о принятіи козаковъ на службу государству. Доказать зависимость одного отъ другаго, однако, трудно. Скорѣй всего циркуляры и мысль о принятіи козаковъ на королевскую службу существовали и развивались параллельно, независимо другъ отъ друга, и вызывались неодинаковыми обстоятельствами. Циркуляры служили отвѣтомъ на жалобы турецкихъ и татарскихъ властей, порождаемыя набѣгами козаковъ. Жалобы эти создавали серьезныя дипломатическія затрудненія и могли повлечь за собой тяжелыя послѣдствія въ родѣ нападенія турокъ и татаръ на Украину. Стремленіе взять козаковъ на службу королевскую было обусловлено необходимостью охранять границы государства отъ турокъ и татаръ. Старосты располагали для этого слишкомъ незначительными силами. Но такъ какъ опасность татарскихъ и турецкихъ нападеній вызывалась, преимущественно, козаками, ихъ набѣгами на сосѣднія земли, то принятіе козаковъ на королевскую службу имѣло въ виду и полицейскія цѣли—предупредить ихъ дальнѣйшіе набѣги. Взятые на королевскую службу, козаки должны были смотрѣть и за тѣмъ, чтобы никто не предпринималъ походовъ въ степь. Въ этомъ отношеніи имѣлось въ виду достигнуть той же цѣли, какую преслѣдовали и циркуляры.

Въ 1568 году, въ виду жалобъ татаръ и турокъ къ козакамъ была послана грамота великаго князя литовскаго съ приказаніемъ прекратить „шкоды и безправья" противъ турокъ и татаръ, оставить степь

вернуться въ города. Указывалось на то, что для козаковъ найдется служба и при замкахъ королевскихъ. За службу при замкахъ имъ было обѣщано жалованье.

Грамота великаго князя, вѣроятно, не была случайной, а вытекала изъ обдуманнаго заранѣе плана. Обстоятельства, при которыхъ она была издана и мотивы ея изданія намъ неизвѣстны. Но несомнѣнно, грамота находилась въ связи съ наборомъ козаковъ на королевскую службу, который около того времени былъ произведенъ коронымъ гетманомъ Юріемъ Язловецкимъ.

Юрій Язловецкій и его мѣры по отношенію къ козачеству.

Время этого набора трудно установить. Во всякомъ случаѣ, онъ имѣлъ мѣсто раньше 5 іюля 1572 г., когда король утвердилъ распоряженія Язловецкаго относительно суда надъ козаками. Проф. Грушевскій полагаетъ, что наборъ Язловецкаго могъ имѣть мѣсто въ 1570 году. Значитъ, вскорѣ послѣ грамоты 1568 года. Ал. Яблоновскій относитъ наборъ козаковъ къ 1572 г. Очень возможно, что, мысль о немъ была подана самимъ Язловецкимъ. Язловецкій давно имѣлъ дѣло съ козаками и зналъ ихъ хорошо. Проф. Грушевскій называетъ его „однимъ изъ старыхъ героевъ подольскаго козакованья“. Подробности набора не дошли до насъ. О наборѣ мы знаемъ только изъ упомянутой уже грамоты отъ 5 іюля 1572 года (А. Ю. и З. Р. т. II № 149).

Грамота говоритъ, что Язловецкій, по порученію короля, набралъ изъ козаковъ на службу государству отрядъ („певный почотъ“) за ежегодную плату. Есть въ грамотѣ намекъ на какое-то „постановенье межи козаки низовыми“, т. е. на какія-то правила, установленныя, по королевскому порученію, Язловецкимъ. Вѣроятно, они касались организаціи и нѣкоторыхъ преимуществъ отряда. Дальнѣйшимъ развитіемъ правилъ и служила, очевидно, грамота 5 іюля 1572 года.

Поводомъ къ изданію грамоты явились распоряженія Язловецкаго. Грамота утвердила ихъ. Распоряженія Язловецкаго были вызваны жалобами набран-

ныхъ на королевскую службу козаковъ. Козаки указывали на притѣсненія со стороны воеводъ, украинскихъ старостъ и другихъ чиновниковъ. Язловецкій изъялъ изъ вѣдомства королевскихъ чиновниковъ козаковъ и взялъ ихъ подъ свою власть. Для отправленія правосудія надъ козаками Язловецкій назначилъ шляхтича Яна Бадовскаго, долго жившаго и служившаго на Украинѣ. Предполагалось, значитъ, что Бадовскій, поставленный „старшимъ и судьею надъ всѣми козаками низовыми", знакомъ съ козацкими обычаями. Янъ Бадовскій долженъ былъ разбирать всѣ жалобы на козаковъ и между козаками, а также судить козаковъ, когда они придутъ съ Низу въ замки и города королевскіе. За такое исполненіе судейскихъ обязанностей дома и имѣнія Бадовскаго въ Бѣлой-Церкви освобождались отъ платежей и повинностей. Самъ Бадовскій и жена его получали нѣкоторыя привиллегіи въ видѣ права свободной продажи въ своихъ домахъ хмѣльныхъ напитковъ, а также изъятія ихъ домовъ отъ суда мѣстныхъ чиновниковъ. Судомъ Бадовскій и его владѣнія подлежали королю или же коронному гетману. Къ этимъ послѣднимъ только и можно было направлять жалобы на распоряженія и приговоры Бадовскаго. Исключеніе дѣлалось, повидимому, для преступленій, связанныхъ съ грабежемъ и убійствомъ („окромѣ кгвалту и речей крвавыхъ"). Нужно думать, преступленія эти не были изъяты изъ компетенціи королевскихъ судовъ, если дѣло касалось и козаковъ.

Вотъ все, что извѣстно о мѣрахъ, принятыхъ по *отношенію къ козачеству* Язловецкимъ. Козаки, принятые на службу королевскую, получали жалованье. Не только они, но всѣ низовые козаки разъ они приходили въ города и замки, были изъяты изъ юрисдикціи королевскихъ чиновниковъ и подчинены, въ этомъ отношеніи, Бадовскому. Центромъ козацкой администраціи сдѣлалась Бѣлая-Церковь, гдѣ жилъ Бадовскій. Онъ имѣлъ тамъ дома. Бадовскій, какъ судья

надъ козаками, былъ поставленъ вполнѣ самостоятельно и независимо отъ остальной королевской администраціи. Компетенція его, какъ справедливо замѣчаетъ Вл. Ярошъ, не могла, однако распространяться на Запорожье. Тамъ былъ свой укладъ жизни и свои порядки. Козаки тогда только подлежали компетенціи Бадовскаго, когда они приходили въ города и замки. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть полицейскихъ цѣлей при установленіи козацкаго иммунитета. Имѣлось въ виду, очевидно, уничтожить связь козачества съ Запорожьемъ, создавъ въ городахъ и волостяхъ для козаковъ привиллегированное положеніе сравнительно съ остальнымъ населеніемъ.

Значеніе мѣръ Юрія Язловецкаго.

Мѣры Язловецкаго не достигли цѣли. Не создали онѣ и организаціи козачества, какъ особаго класса, въ позднѣйшемъ значеніи этого слова. Онѣ имѣли все же громадное значеніе въ исторіи этой организаціи. Правда, Бадовскій не является еще предъ нами со всѣми характерными признаками того „старшого“, какимъ былъ позднѣе гетманъ войска запорожскаго. Но созданіе для него особой компетенціи исключительно надъ козаками, независимо отъ обычныхъ королевскихъ урядниковъ, должно было, съ одной стороны, укрѣплять въ козачествѣ взглядъ на себя, какъ на особый классъ, съ другой—углублять почву для идеи козацкаго иммунитета. Если мысль о козацкихъ вольностяхъ могла возникать и раньше, то въ мѣрахъ Язловецкаго, утвержденныхъ королемъ, она впервые начала оформливаться, получать реальное осуществленіе.

Впослѣдствіи мѣры Язловецкаго были забыты. Преданіе стало связывать происхожденіе козацкихъ вольностей съ именемъ короля Стефана Баторія. На самомъ же дѣлѣ, Баторій только повторилъ, съ измѣненіями, мѣры, которыя были приняты раньше Язловецкимъ.

Наборъ козаковъ на королевскую службу мало

принесъ пользы государству. Значеніе мѣръ, принятыхъ Язловецкимъ, больше, поэтому, идейное. Свѣдѣнія о набранномъ имъ отрядѣ козаковъ встрѣчаются до 1575—1576 г. Затѣмъ прекращаются. Язловецкій умеръ въ 1575 г. Можно предположить, что, со смертью его, отрядъ совершенно распался. О Бадовскомъ единственный разъ пока встрѣтилось извѣстіе подъ 1572 годомъ. Бадовскій вмѣстѣ съ двумя состоявшими при немъ козаками получалъ въ этомъ году пособіе изъ казны. Можно думать, что дѣятельность его вообще не была замѣтной.

Мѣры Язловецкаго не остановили также и своевольныхъ дѣйствій козаковъ. Козаки продолжали свои набѣги на сосѣднія земли, турецкія, молдавскія и татарскія. Авантюристы, по прежнему, набирали главный контингентъ своихъ отрядовъ среди козаковъ.

Къ срединѣ 1570-хъ годовъ появилось нѣсколько авантюристовъ которые пользовались козаками. Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ предположеніи, что авантюристы успѣшно конкурировали съ правительствомъ въ наборахъ козаковъ на свою службу и немало способствовали крушенію мѣръ Язловецкаго. Походы авантюристовъ были выгоднѣе, чѣмъ служба за жалованье королю.

Богданъ Ружинскій.

Въ числѣ авантюристовъ того времени выдавался князь Богданъ Ружинскій. Проф. Грушевскій видитъ въ немъ „преемника политики“ князя Дмитрія Вишневецкаго, если только можно допустить опредѣленную политику у тогдашнихъ авантюристовъ.

Князь Богданъ Ружинскій былъ родомъ изъ Волыни, изъ владимирскаго повѣта. М. А. Максимовичъ считаетъ его потомкомъ Гедимина. Родъ Ружинскихъ давно уже раздробился на множество мелкихъ вѣтвей и обѣднѣлъ. Недостатокъ средствъ заставлялъ многихъ изъ Ружинскихъ искать себѣ заработка на службѣ у богатыхъ вельможъ. Для такихъ шляхтичей Запорожье представляло обыкновенно богатую при-

манку. Тамъ они надѣялись поправить свое состояніе. Нѣсколько представителей рода Ружинскихъ бывали, поэтому, козацкими атаманами. Въ литературныхъ памятникахъ и въ частныхъ документахъ такіе атаманы называются гетманами. Но польское правительство до Богдана Хмельницкаго никогда не употребляло этого названія въ приложеніи къ козацкимъ начальникамъ и называло ихъ старшими.

Первымъ изъ Ружинскихъ въ роли козацкаго старшаго выступилъ Богданъ Ружинскій. Есть извѣстіе, что онъ въ качествѣ „гетмана низовыхъ козаковъ" стоялъ въ 1575 году во главѣ своей роты и занимался, преимущественно, борьбою съ татарами. Нѣсколько разъ предпринималъ Богданъ Ружинскій походы противъ татаръ, два раза ходилъ въ Крымъ, вступалъ въ сношенія съ московскимъ правительствомъ. Погибъ онъ около 1577 года подъ Асланъ-Керменомъ (теперь Каховка таврической губерніи) въ борьбѣ съ татарами.

Крымъ, владѣнія турокъ и татаръ, какъ мы знаемъ, были вообще излюбленнымъ мѣстомъ для нападеній козаковъ. Весною 1577 г. козаки сожгли Тягинь (Бендеры) и Хасланъ-Городокъ. Зимою того же года одинъ изъ старшихъ низовыхъ козаковъ Шахъ напалъ на татарскаго посла и ограбилъ у него подарки, которые посолъ везъ изъ Москвы перекопскому хану. Крымскій ханъ, въ отместку за это, опустошилъ Волынь. Шаха онъ не поймалъ и на слѣдующій годъ повторилъ нападенія, грозилъ повторять ихъ и впредь, если козаки не оставятъ въ покоѣ татаръ.

Молдавскія дѣла. Сверчовскій.

Кромѣ Крыма, Молдавія также стала привлекать въ то время вниманіе искателей приключеній. Уже Дмитрій Вишневецкій погибъ вслѣдствіе вмѣшательства своего въ молдавскія дѣла. Въ началѣ 1570-хъ годовъ въ Молдавіи разыгралась борьба двухъ претендентовъ на престолъ—Богдана Лопушана и Ивони. Лопушана поддерживало польское правительство. Ивоня обратился на Украину и среди подольскихъ шляхти-

чей сталъ вербовать себѣ войско. Были наняты на службу и козаки. Во главѣ отряда сталъ нѣкій шляхтичъ Иванъ Сверчовскій. Впослѣдствіи онъ, подъ именемъ Свирговскаго, попалъ въ списокъ козацкихъ гетмановъ. Легендарными свѣдѣніями о немъ воспользовался Костомаровъ для своей монографіи о Свирговскомъ, какъ козацкомъ гетманѣ. Въ недавнее время, однако, легенда о Свирговскомъ была опровергнута Е. Н. Антоновичъ-Мельникъ въ предисловіи къ переводу „Описанія войны Ивони“, соч. Гродецкаго въ первомъ томѣ „Мемуаровъ, относящихся къ исторіи южной Руси“. Походъ Сверчовскаго не спасъ Ивони. Вмѣстѣ съ козацкими предводителями онъ попалъ въ турецкую неволю и погибъ тамъ.

Подкова.

Этимъ дѣло, однако, не кончилось. Нашелся самозванецъ который выдалъ себя за брата Ивони и выступилъ претендентомъ на молдавскій престолъ. Кто былъ этотъ самозванецъ—неизвѣстно. Въ исторіи его знаютъ подъ именемъ Подковара, или Подковы. Говорятъ, такъ онъ былъ названъ за свою силу: ломалъ будто бы подковы. Самозванцу удалось навербовать отрядъ козаковъ въ 300 человѣкъ, подъ начальствомъ извѣстнаго уже намъ „гетмана“ Шаха. Въ 1577 году Подкова, съ помощью козаковъ, овладѣлъ столицей Молдавіи Яссами. Торжество его, однако, не было продолжительнымъ. Въ виду опасности, которая грозила ему отъ турокъ и поляковъ, Подкова рѣшилъ бѣжать на Запорожье. По дорогѣ, вслѣдствіе предательства Шаха, онъ былъ арестованъ и препровожденъ въ Варшаву. Оттуда Подкову перевезли во Львовъ. Тамъ въ то время находился король. Во Львовѣ Подкова и былъ обезглавленъ 16 іюня 1578 г., по требованію молдавскаго господаря и турецкаго султана.

Смерть свою Подкова, по словамъ современника, встрѣтилъ мужественно. Казнь его произвела сильное впечатлѣніе. О Подковѣ печатались книги, сочинялись

пѣсни. Живописцы зарисовали его обезглавленное тѣло. На почвѣ этого общаго сочувствія, по предположенію А. В. Стороженка, и выросла легенда о Подковѣ. Легенда сдѣлала изъ Подковы героя и внесла его въ списокъ козацкихъ гетмановъ, хотя гетманомъ Подкова никогда и не былъ. Столѣтіе спустя послѣ смерти Подковы, легенда о немъ, какъ о героѣ, была жива. Въ 1693—1694 годахъ въ кіево-могилянской академіи, въ числѣ риторическихъ упражненій, была составлена даже надгробная рѣчь, которая восхваляла Подкову, какъ козацкаго героя.

Смерть Подковы не остановила козацкихъ походовъ въ Молдавію. Въ 1578 году козаки поддерживали тамъ претендента Александра, выдававшаго себя за сына Подковы. Когда Александръ былъ убитъ, явился новый самозванецъ Петръ, будто бы сынъ Александра. Козаки пошли и на его поддержку. Словомъ, въ срединѣ 1570-хъ годовъ козаки стали играть видную политическую роль, ставя иногда польское правительство въ очень тяжелое и отвѣтственное положеніе. Козаки поддерживали нерѣдко въ Молдавіи тѣхъ претендентовъ, противъ которыхъ боролось польское правительство. Набѣги козаковъ на Крымъ и турецкія владѣнія всегда грозили опасностью появленія татаръ и турокъ въ предѣлахъ польскаго государства и опустошенія польскихъ и украинскихъ областей.

Стефанъ Баторій.

При такихъ политическихъ обстоятельствахъ, на польскій королевскій престолъ былъ избранъ въ 1576 году трансильванскій воевода Стефанъ Баторій.

Легенда изображала короля Стефана человѣкомъ, сочувственно относившимся къ козакамъ. Это, однако, не соотвѣтствуетъ историческимъ фактамъ. Какъ и его предшественники на польскомъ тронѣ, Стефанъ Баторій относился къ козакамъ довольно враждебно. Отправляя посломъ къ царю перекопскому Мартына Бронѣвскаго, Баторій поручилъ ему сказать о козакахъ

хану: „мы не питаемъ любви къ нимъ и намѣрены охранять ихъ, а истреблять".

Если Баторію пришлось держаться по отношенію къ козакамъ политики примирительной, компромиссной, то къ этому побудило его не сочувствіе козакамъ, а реальныя обстоятельства.

Легенда о реформѣ Стефана Баторія.

Долгое время въ исторіографіи господствовала легенда, что Стефанъ Баторій организовалъ козачество. При немъ былъ будто бы заведенъ козацкій реестръ, въ который было вписано шесть тысячъ человѣкъ. Эти вписанные, реестровые, только и считались козаками и пользовались козацкими правами и вольностями. Остальная масса козакующихъ была возвращена въ прежнее положеніе, въ положеніе поспольства, крестьянъ. Козаки были раздѣлены на шесть полковъ, по тысячѣ человѣкъ въ каждомъ. Полки распадались на сотни. Козакамъ выдавалось жалованье деньгами и сукномъ. Надъ козаками былъ поставленъ старшій, называвшійся гетманомъ. Тогда же была учреждена войсковая старшина: обозные, судьи, писари, асаулы, полковники, сотники. Козакамъ были пожалованы войсковые знаки „клейноты": хоругвь, бунчукъ и печать съ гербомъ. На печати войсковой изображался козакъ съ самопаломъ (ружьемъ); на головѣ у него былъ колпакъ, скривленный на сторону, на боку рогъ. Сверхъ города Чигирина, Стефанъ Баторій тогда же, говоритъ преданіе, далъ козакамъ для зимнихъ квартиръ городъ Терехтемировъ съ монастыремъ и позволилъ козакамъ имѣть свой судебный трибуналъ въ Батуринѣ.

Оффиціальныхъ актовъ, которые бы подтверждали распоряженія Стефана Баторія, нѣтъ. Въ самомъ преданіи допущенъ явный анахронизмъ. Чигиринъ, во времена Стефана Баторія, былъ еще не поселеніемъ, а степнымъ урочищемъ. Не существовало и Батурина, который будто бы былъ названъ по имени Баторія. Батуринъ былъ основанъ только въ 1625 году. Не смотря на это, достовѣрность реформы, произведенной

Стефаномъ Баторіемъ по отношенію къ козачеству признавали до послѣдняго времени многіе изъ историковъ: Бантышъ-Каменскій, Маркевичъ, Костомаровъ, польскіе историки Глищинскій и Чарновскій, Д. И. Эварницкій въ своей „Исторіи запорожскихъ козаковъ“ и В. Б. Антоновичъ въ „Бесідах про часи козацькі на Украіні“.

Д. И. Эварницкій и В. Б. Антоновичъ были, кажется, послѣдними изъ историковъ, которые признавали реформу Стефана Баторія во всей ея легендарной неприкосновенности.

Въ настоящее время преданіе о реформѣ козачества Стефаномъ Баторіемъ можетъ считаться окончательно разрушеннымъ. Первымъ, кто усумнился въ достовѣрности преданія, былъ П. А. Кулішъ. Въ 1877 г. въ своихъ „Матеріалахъ для исторіи возсоединенія Руси“ Кулішъ объявилъ преданіе о реформѣ Баторія выдумкой. Позже, благодаря трудамъ Александра Яблоновскаго, А. В. Стороженка, проф. М. С. Грушевскаго, Владиміра Ярошa, В. Н. Доманицкаго, Ивана Крипякевича реформа Стефана Баторія была подвергнута всестороннему изученію и критикѣ. Выводы новѣйшихъ ученыхъ подтвердили всецѣло мнѣніе Куліша.

Происхожденіе легенды о реформѣ Стефана Баторія

Проф. Грушевскій думаетъ, что легенда о реформѣ Баторія зародилась въ козацкихъ кругахъ. Эхо ея достигало до польскаго общества и нашло выраженіе въ польской литературѣ. Александръ Яблоновскій и А. В. Стороженко зародышъ легенды видятъ въ сочиненіяхъ польскихъ писателей XVII вѣка Павла Пясецкаго, Самуила Грондскаго и Самуила Твардовскаго. Первый въ сочиненіи своемъ, изданномъ въ 1645 году подъ заглавіемъ „Chronica gestorum in Europa singularium“ говоритъ о томъ, что Баторій создалъ козацкую организацію. Терехтемировъ, въ изображеніи Пясецкаго, является высшей козацкой столицей. Тамъ, по его словамъ, находился козацкій арсеналъ и собирались козацкія рады. Сочиненіе Самуила Грондскаго объ исторіи козацко-польской войнѣ издано было,

правда, только въ 1789 году, но написано оно было въ 1676 году. Грондскій говоритъ о записи въ козацкій реестръ опредѣленнаго числа козаковъ, а имен... шести тысячъ.

Больше всего способствовало популяризаціи легенды о реформѣ Баторія сочиненіе Самуила Твардовскаго „Woyna domowa" (Домашняя война). Сочиненіе это было издано въ 1681 г., уже послѣ смерти автора. Содержаніемъ его служитъ описаніе, въ стихахъ, войнъ, которыя Польша, за время Яна-Казиміра (1648—1668), въ теченіе двадцати лѣтъ, вела съ козаками, Москвой, шведами и венграми.

Сочиненіе Твардовскаго оказало большое вліяніе на такъ называемыхъ козацкихъ лѣтописцевъ. Имъ, напримѣръ, широко воспользовался гадяцкій полковникъ Григорій Грабянка въ своемъ трудѣ, извѣстномъ обыкновенно подъ названіемъ лѣтописи Грабянки и оконченномъ въ 1710 году. Грабянка первый изъ козацкихъ лѣтописцевъ оформилъ легенду про реформу Баторія въ томъ видѣ, какъ она повторялась до последняго времени. Онъ относитъ реформу къ 1576 г. Вслѣдъ за Грабянкою легенду, въ такомъ же видѣ, повторилъ лубенскій полковой писарь Стефанъ Савицкій, перевевшій въ 1718 году сочиненіе Твардовскаго на славяно-украинскій языкъ. Легенду о реформѣ Баторія мы встрѣчаемъ затѣмъ у козацкаго лѣтописца Величка (1720 г.), у бунчуковаго товарища Петра Симоновскаго, составившаго въ 1765 году „Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ и военныхъ дѣлахъ по 1751 годъ", у полтавскаго обознаго Степана Лукомскаго въ его „Собраніи историческомъ" (1770 г.), въ „Лѣтописномъ повѣствованіи о Малой Россіи" Ригельмана (1785 г.), въ „Краткомъ описаніи о Малой Россіи до 1765 г." (1789 г.) и т. д. Особенно легенду о реформѣ Баторія раздулъ неизвѣстный авторъ „Исторіи Руссовъ". Нѣкоторые (академикъ В. С. Иконниковъ, А. М. Лазаревскій, Л. Н. Майковъ) думаютъ, что

авторомъ ея былъ извѣстный депутатъ екатерининской законодательной комиссіи Г. А. Полетика, одинъ или сотрудничествѣ съ сыномъ Вас. Гр. Полетикой; другіе (В. П. Горленко, А. В. Стороженко) авторомъ „Исторіи Руссовъ“ считаютъ В. Г. Полетику. Авторъ „Исторіи Руссовъ“ приписалъ Баторію организацію козачества въ томъ видѣ, какъ она существовала послѣ Богдана Хмельницкаго, въ концѣ XVII и въ XVIII вѣкахъ. Весьма вѣроятно также предположеніе польскаго историка Ал. Яблоновскаго, что, при изображеніи авторомъ „Исторіи Руссовъ“ реформы Баторія, сыграли роль и политическія соображенія—желаніе сохранить въ послѣдующихъ поколѣніяхъ представленіе о былой славѣ Украины, найти древнія юридическія основанія для автономіи Малороссіи, къ уничтоженію которой были направлены мѣры императрицы Екатерины II. Насколько въ то время придавали политическое значеніе реформѣ Стефана Баторія, видно, между прочимъ, изъ того, что наканунѣ уничтоженія Запорожской Сѣчи, была составлена подложная грамота Баторія, будто бы выданная запорожцамъ. Грамота эта была внесена въ подложный же универсалъ Богдана Хмельницкаго отъ 15 января 1655 г.

Новѣйшая исторіографія, отвергая въ корнѣ легенду о реформѣ Стефана Баторія, приходитъ къ выводу, что мѣры, принятыя Баторіемъ по отношенію къ козачеству, были ничѣмъ инымъ, какъ осуществленіемъ, съ соотвѣтствующими измѣненіями, мѣръ, которыя раньше уже примѣнялъ Язловецкій. Никакой коренной реформы произведено не было, никакой организаціи козачества не предполагалось и не было осуществлено. Отношеніе новѣйшей исторіографіи къ легендѣ.

Нападенія козаковъ на пограничныя земли ставили польское правительство въ очень трудное положеніе. Стефанъ Баторій, вскорѣ по вступленіи своемъ на польскій престолъ, долженъ былъ оправдываться предъ крымскимъ ханомъ. Онъ, по его словамъ, не

имѣлъ никакой власти надъ козаками. Козаки соби-
лись изъ разныхъ мѣстъ. Среди козаковъ было мн
самыхъ разнообразныхъ общественныхъ, а иногда и п
тивообщественныхъ элементовъ. Король обѣщалъ пр
пять противъ нихъ мѣры, обѣщалъ стремиться
уничтоженію козачества и совѣтовалъ хану дѣлать
же самое. Хана, однако, не удовлетворяли такія отпис
Онѣ повторялись уже не разъ. Требуя отъ короля пр
нятія противъ козаковъ суровыхъ мѣръ, ханъ въ то
время совѣтовалъ ему взять козаковъ на госуд
ственную службу и, такимъ образомъ, подчинить и
власти польскихъ военныхъ властей.

Думаютъ, что этотъ совѣтъ хана и послужи
для Стефана Баторія толчкомъ принять нѣкото
мѣры по отношенію къ козакамъ. По крайней мѣ
хану Баторій обѣщалъ, что онъ попытается взять
заковъ къ себѣ на службу, хотя и не ручается, ч
козаки не уйдутъ въ московскіе предѣлы, и цѣль
будетъ достигнута.

Мѣры, принятыя Баторіемъ, носили, преиму
ственно, полицейскій характеръ. Онѣ были расчита
на уничтоженіе козацкихъ своевольствъ и даже
уничтоженіе козачества. Тогда еще, повидимому, в
рили, что козачество явленіе случайное, и его л
можно уничтожить путемъ отдѣльныхъ распоряже

Раньше всего было обращено вниманіе на п
тичей-авантюристовъ изъ пограничныхъ облас
Авантюристы эти занимались вербовкой козакующи
элементовъ и съ ними предпринимали набѣги на М
давію и Валахію. Для уничтоженія авантюризма
Украинѣ былъ посланъ въ 1578 г. въ пограничныя
Молдавіей и Валахіей земли люблинскій воевода
Тарло съ широкими полномочіями. Ему предоста
лось право производить слѣдствія, привлекать къ с
и наказывать всякаго рода зачинщиковъ военн
предпріятій въ сосѣднія земли. О болѣе богатых

знатныхъ изъ нихъ Тарло обязанъ былъ доносить королю.

По отношенію къ Поднѣпровью также былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ полицейскаго характера. Кіевскій воевода князь Константинъ Константиновичъ Острожскій получилъ приказаніе короля отправиться на Днѣпръ, изгнать оттуда низовыхъ козаковъ и казнить тѣхъ, которые попадутся ему въ руки. Пограничнымъ старостамъ было предписано помогать князю Острожскому, запрещалось защищать низовыхъ козаковъ, скрывать ихъ, снабжать селитрой, порохомъ, съѣстными припасами.

Такъ какъ мѣры эти предпринимались, главнымъ образомъ, съ цѣлью успокоенія крымскаго хана, для котораго было важно уничтоженіе козачества, то король немедленно же отправилъ въ Крымъ посломъ умнаго и наблюдательнаго Мартына Броневскаго. Броневскій долженъ былъ сообщить хану о мѣрахъ, которыя король предполагалъ предпринять по отношенію къ козакамъ. Броневскій ѣздилъ въ Крымъ въ 1578 г. два раза. Результатомъ его поѣздокъ было, между прочимъ, составленное имъ географическое описаніе Татаріи, изданное въ Кельнѣ въ 1595 году.

Пріемъ козаковъ на королевскую службу, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей (Александра Яблоновскаго, А. В. Стороженко, Т. Корзона), стоялъ въ связи съ мѣропріятіями, намѣченными при Стефанѣ Баторіи для увеличенія постояннаго контингента королевскихъ войскъ въ виду войны съ Москвой. Въ 1578 году на сеймѣ было сдѣлано постановленіе о наборѣ такъ называемой лановой пѣхоты. Пѣхота эта набиралась изъ хлоповъ. Такимъ образомъ, со стороны юридической не было препятствій для набора козаковъ на королевскую службу. Козаки, вѣдь считались у польскаго общества почти хлопами. Связь пріема козаковъ на службу съ постановленіемъ о лановой пѣхотѣ не можетъ, однако, считаться доказанной. При наборѣ

козаковъ преслѣдовались не однѣ только военныя, но и цѣли полицейскаго характера. Оттого наборъ козаковъ, какъ выше было сказано, находился въ тѣсной связи съ другими мѣропріятіями Стефана Баторія, направленными собственно противъ козачества и его чрезмѣрнаго роста. Въ договорѣ между козаками и польскимъ правительствомъ козаки обязывались, поэтому, не только нести военную службу по распоряженію правительства, но и не нападать на Валахію, турецкія и татарскія земли. Мало того. Козаки обязывались, въ случаѣ нарушенія этого кѣмъ бы то ни было изъ нихъ, хватать нарушителей и убивать ихъ, какъ враговъ короля и польскаго государства. На козаковъ, принятыхъ на службу, возлагались, такимъ образомъ, тѣ же обязанности, какія были возложены на Тарло и Константина Острожскаго.

Служба козаковъ при Стефанѣ Баторіи.

Набранные на королевскую службу козаки, дѣйствительно, несли, главнымъ образомъ, пограничную сторожевую службу. На обязанности ихъ лежало охранять границы отъ татарскихъ набѣговъ и бороться съ козакующими элементами, не состоявшими на королевской службѣ. Какъ думаетъ А. В. Стороженко, козацкій полкъ, набранный въ 1578 году, не участвовалъ въ 1579 году въ походахъ къ Полоцку и Стародубу, а оставался въ Черкассахъ. Въ это время, какъ извѣстно, шла упорная борьба между Польшей и Москвой. Въ слѣдующемъ 1580 году козацкій полкъ, подъ начальствомъ Яна Оришевскаго, былъ, правда, двинутъ къ Стародубу. Но лѣтомъ 1581 года мы видимъ его снова въ Подоліи на пограничьѣ съ татарами. Въ 1583 году ротмистръ Янъ Оржельскій набралъ, по распоряженію короля, полкъ въ 600 козаковъ. Мы снова видимъ его охраняющимъ границу на Подоліи.

Если козаки несли, преимущественно, пограничную службу, можно думать, что для этого они и были приняты на королевскую службу. Въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Охрана южной гра-

ницы составляла давнюю заботу польскаго правительства. Козаки для этого употреблялись еще раньше старостами. Теперь же наборъ козаковъ достигалъ двухъ цѣлей: онъ доставлялъ пограничную стражу и успокаивалъ крымскаго хана, который въ такомъ наборѣ видѣлъ средство обуздать козаковъ, а потому и совѣтовалъ его польскому правительству. Считать, какъ полагаетъ проф. Грушевскій, что мѣропріятія Стефана Баторія были предприняты только для виду, что онѣ были не столько серьезной государственной мѣрой, сколько дипломатическимъ ходомъ, врядъ ли основательно. Мѣропріятія Баторія преслѣдовали опредѣленныя практическія цѣли. Если онѣ не удались и не принесли серьезной пользы государству, то потому, что козачество оказалось явленіемъ гораздо болѣе сложнымъ и сильнымъ, чѣмъ это представлялось современникамъ, въ томъ числѣ и польскому правительству, съ Стефаномъ Баторіемъ во главѣ.

Для вербовки запорожскихъ и низовыхъ козаковъ на королевскую службу былъ высланъ Стефаномъ Баторіемъ въ 1578 году венгерецъ изъ королевской свиты Янчи Бегеръ. Бегеръ былъ отправленъ къ черкасскому старостѣ съ письмомъ, заключавшимъ, по предположенію Вл. Яроша, инструкцію для набора козаковъ. Ни Бегеръ, ни староста не заключили, по какимъ-то причинамъ, намъ неизвѣстнымъ, договора съ козаками о наймѣ на службу. Но поѣздка Бегера оказалась, все-таки, удачной. Съ нимъ во Львовъ, гдѣ находился король, пріѣхало пять посланцовъ отъ низовыхъ козаковъ для выработки условій службы. Съ этими козацкими представителями 16 сентября 1578 года было заключено „постановленіе съ низовцами“. „Постановленіе съ низовцами“.

Главные пункты этого „постановленія“ сводились къ слѣдующему: 1) Предводителемъ всѣхъ низовцевъ долженъ быть староста черкасскій Михаилъ Вишневецкій, который давался на мѣсто покойнаго Юрія Язловецкаго. 2) Ему должны быть послушными гетманъ

и другіе старшины, а также и всѣ козаки. 3) Всѣ они должны принесть присягу черкасскому старостѣ на вѣрность, съ обѣщаніемъ, безъ приказанія его, не совершать наѣздовъ на сосѣднія земли. 4) Если бы они увидѣли, что кто-нибудь собирается нарушить это, то должны такихъ удерживать, хватать и убивать, какъ враговъ. 5) На козаковъ возлагалась обязанность сообщать свѣдѣнія о татарахъ. 6) Козакамъ, 500 человѣкамъ, изъ казны назначалось жалованье по шести копъ литовскихъ каждому и выдавалось сукно на армякъ. 7) Эти условія должны были имѣть силу до окончанія войны съ Москвой. 8) Послѣ же окончанія ея, козаки должны были получать жалованье, какъ они получали при Сигизмундѣ Августѣ и пользоваться тѣми вольностями, какими пользовались тогда. 9) Въ случаѣ оказанія козаками важныхъ заслугъ государству, имъ было обѣщано содержать ихъ такъ, какъ вообще содержать въ Польшѣ заслуженыхъ людей. 10) Постановленія относительно плѣнныхъ и другихъ вопросовъ, которыя были обусловлены Язловецкимъ, должны исполняться, по прежнему.

Служба козаковъ должна была начаться съ Николина дня, т. е. съ 6 декабря 1578 года. Срокъ ея не былъ опредѣленъ. Были установлены только мѣсто и время выдачи жалованья: въ Черкассахъ, по четвертямъ года. Жалованье обязанъ былъ выплачивать писарь.

Въ знакъ того, что козаки находились на королевской службѣ, полкъ получилъ большое шелковое королевское знамя съ изображеніями. Тогда же, по предположенію проф. Грушевскаго, козакамъ могло быть пожаловано еще что-нибудь, входившее тоже въ понятіе „войсковыхъ клейнотовъ", какъ бубны, трубы и т. п. Ив. Крипякевичъ, впрочемъ, находитъ, что нѣтъ основаній относить это пожалованіе ко времени Стефана Баторія. Кой-какіе изъ войсковыхъ знаковъ могли существовать у козаковъ и раньше.

Козакамъ былъ пожалованъ королемъ также городъ Терехтемировъ съ тамошнимъ монастыремъ. Объ этомъ мы знаемъ изъ словъ агента римскаго императора Эриха Лассоты, бывшаго въ 1594 году на Запорожьѣ. Лассота говоритъ, что король Стефанъ далъ Терехтемировъ для помѣщенія въ немъ козацкаго госпиталя. Это извѣстіе принимаетъ и новѣйшій польскій изслѣдователь Баторіанской легенды Вл. Ярошъ. Легенда впослѣдствіи сдѣлала изъ Терехтемирова что-то въ родѣ козацкой столицы, считала его мѣстомъ, гдѣ помѣщался козацкій арсеналъ и т. д. Ал. Яблоновскій допускаетъ, что легенда передаетъ дѣйствительный фактъ. Терехтемировъ могъ быть назначенъ самимъ Баторіемъ не только для помѣщенія госпиталя, но и какъ мѣсто для козацкихъ собраній и управленія. Если даже этого не было, то Терехтемировъ, все-таки, никогда не служилъ, въ дѣйствительности, только мѣстомъ для помѣщенія одного только госпиталя. Значеніе его для козачества было гораздо шире. Къ этому последнему мнѣнію склоняется и проф. Грушевскій.

О козацкихъ вольностяхъ „Постановленіе съ низовцами" не говоритъ, указывая только на то, что было при Сигизмундѣ Августѣ. Нужно думать, поэтому, что остались въ силѣ старыя постановленія Язловецкаго, между прочимъ, и тѣ, которыя были утверждены королемъ и касались изъятія козаковъ изъ подсудности обыкновеннымъ королевскимъ судамъ. Четыре года спустя, козаки жаловались на нарушеніе ихъ вольностей. Они указывали, что мѣстная администрація, помимо ихъ старшихъ, привлекаетъ козаковъ къ суду, арестуетъ и заключаетъ козаковъ въ тюрьмы, безъ всякой причины, налагаетъ на нихъ новые налоги и повинности, забираетъ имущество умершихъ козаковъ, минуя ихъ пріятелей и родственниковъ. Результатомъ этихъ жалобъ была грамота короля Стефана отъ 9 апрѣля 1582 года къ украинскимъ урядникамъ. Король нашелъ, что урядники, дѣйствительно, нару-

шаютъ права тѣхъ козаковъ, которые получають жалованье изъ королевской казны и живутъ по городамъ, мѣстечкамъ и другимъ мѣстамъ. Король запретилъ урядникамъ брать козаковъ подъ свою юрисдикцію, помимо старшаго надъ ними, поставленнаго королемъ, запретилъ также налагать на козаковъ новые поборы. Если бы козаки обвинялись въ грабежахъ и разбояхъ, то ихъ можно было судить въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, но не иначе какъ по соглашенію съ козацкою администраціею. Что касается наслѣдства послѣ козаковъ, то оно должно было идти къ родственникамъ или же къ тѣмъ, кому будетъ завѣщано. Урядники не имѣли права брать его себѣ. Грамота 9 апрѣля 1582 года, такимъ образомъ, подтверждала тѣ козацкія вольности, которыя козаки получили при Сигизмундѣ Августѣ.

Вообще современные намъ изслѣдователи (Вл. Ярошъ, проф. Грушевскій, Ив. Крипякевичъ), находять, что мѣры Баторія не имѣли самостоятельнаго значенія, а были возобновленіемъ того, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проводилъ въ жизнь Юрій Язловецкій.

Распространялись ли мѣры эти на всѣхъ козаковъ или только на тѣхъ, которые были наняты на королевскую службу? Вл. Ярошъ думаетъ, что на всѣхъ низовыхъ козаковъ. Проф. Грушевскій не рѣшается сдѣлать такое категорическое заключеніе. „Иммунитетъ, говоритъ онъ, ближайшимъ образомъ признается лишь за королевскими козаками, принятыми на службу, но не исключительно: король не считаетъ возможнымъ отказать въ немъ всему козачеству". Послѣднее замѣчаніе проф. Грушевскаго нуждается однако, въ ограниченіи. Нельзя не согласиться съ проф. Грушевскимъ, что на практикѣ кругъ козаковъ, пользовавшихся иммунитетомъ былъ, конечно, расширенъ. Но считать, что иммунитетъ былъ распространенъ на всѣхъ козаковъ, нѣтъ основаній. Возможно, что онъ былъ распространенъ на тѣхъ козаковъ, которые приходили съ

низу и жили въ городахъ и мѣстечкахъ. Объ этихъ козакахъ говоритъ грамота Сигизмунда Августа о козацкомъ иммунитетѣ. Объ нихъ, нужно думать, идетъ рѣчь и въ грамотѣ Баторія отъ 9 апрѣля 1582 года. Въ московской войнѣ принимали участіе не только козаки, набранные на королевскую службу, но и навербованные частными лицами. Весьма вѣроятно предположеніе г. Ив. Крипякевича, что и на нихъ могъ быть распространенъ иммунитетъ, тѣмъ болѣе, что козаки эти, по возвращеніи изъ московской войны, могли остаться жить по городамъ и мѣстечкамъ. Предположить же, что иммунитетъ былъ распространенъ на всѣхъ козаковъ значило бы допустить признаніе со стороны Баторія козачества особымъ классомъ. Это, однако, противорѣчитъ общей политикѣ Баторія.

Судя по договору, на службу королевскую было нанято въ 1578 году 500 козаковъ. Но не только нанятые, но всѣ вообще козаки были подчинены старостѣ черкасскому и каневскому князю Михаилу Александровичу Вишневецкому (1529—1584). Помощникомъ Вишневецкаго и ближайшимъ начальникомъ козаковъ былъ назначенъ Янъ Орышевскій, писаремъ извѣстный уже намъ венгерецъ Янча Бегеръ. Королевская грамота называетъ его гетманомъ. Проф. Грушевскій думаетъ, однако, что названіе гетманъ не было тогда еще титуломъ въ томъ смыслѣ, какъ оно сдѣлалось позднѣе.

Янъ Орышевскій.

Янъ Орышевскій сыгралъ довольно замѣтную роль въ исторіи козачества.

На сколько можно заключить изъ разрозненныхъ фактовъ, кропотливо собранныхъ А. В. Стороженкомъ, Янъ Орышевскій, по происхожденію, былъ польскій шляхтичъ. Годъ и мѣсто рожденія его въ точности неизвѣстны. Предполагаютъ, что мѣстомъ рожденія его было село Орышевъ въ теперешней варшавской губерніи. Историческіе документы начинаютъ упоминать объ Орышевскомъ только съ 1577 г. Въ это время онъ

находился въ числѣ королевскихъ коморниковъ, молодыхъ людей, которые состояли въ свитѣ короля и употреблялись для исполненія разныхъ королевскихъ порученій. Свои придворныя обязанности Орышевскій продолжалъ исполнять и послѣ своего назначенія въ помощники къ князю Вишневецкому. До смерти послѣдняго, до 1584 г. Орышевскій не игралъ видной роли въ козацкой администраціи. Послѣ этого значеніе его замѣтно увеличилось. Источники называютъ его „запорожскимъ гетманомъ“. Въ 1585 году онъ совершилъ удачный походъ въ Крымъ. На конвокаціонный сеймъ 1587 года въ Варшаву Орышевскій явился представителемъ запорожскихъ козаковъ. На сеймѣ онъ велъ себя, какъ оригиналъ: одѣтъ онъ былъ по-гречески, сидѣлъ по турецки, поджавши ноги. Орышевскій выставлялъ предъ сеймомъ свои заслуги, просилъ объ уплатѣ жалованья козакамъ и о выдачѣ имъ награды. Сеймъ постановилъ, что козаки обязаны охранять отъ татаръ переправы черезъ Днѣпръ. За это они будутъ получать жалованье. Начальникомъ надъ козаками былъ признанъ Орышевскій. Съ этого времени до самой смерти около 1605 г. Орышевскій или стоитъ во главѣ козацкихъ отрядовъ, набранныхъ на королевскую службу или употребляется польскимъ правительствомъ для переговоровъ съ козаками.

Козацкій отрядъ на королевской службѣ.

Набранный на королевскую службу въ 1578 году отрядъ козаковъ врядъ ли былъ постояннымъ. Составъ его мѣнялся, въ зависимости, вѣроятно, отъ срока найма. Срокъ въ договорѣ не былъ опредѣленъ. Неправильная и нерегулярная уплата жалованья козакамъ также могла отражаться на измѣненіи состава полка: не получавшіе жалованья уходили раньше срока. Оттого нельзя опредѣлить въ точности срока дѣйствительной службы полка, набраннаго въ 1578 году. Неизвѣстно также, существовалъ ли этотъ полкъ въ 1581 году или къ этому времени былъ набранъ уже новый полкъ, а старый распался. Во всякомъ случаѣ, если даже полкъ,

набранный въ 1578 году, сохранился до 1581 г., то составъ его коренным образомъ измѣнился.

Въ мартѣ 1581 г. въ Черкассахъ было выплачено жалованье козакамъ, ходившимъ въ московскую войну, и тогда же сдѣлана была перепись козаковъ. Это единственный реестръ „козаковъ низовыхъ, запорожскихъ и рѣчныхъ", сохранившійся отъ того времени. Изъ этого списка видно, что во главѣ козаковъ, находившихся на королевской службѣ и получавшихъ жалованье, стоялъ извѣстный уже намъ Янъ Орышевскій. Въ реестрѣ онъ называется „поручикомъ козаковъ низовыхъ запорожскихъ". При немъ было что то въ родѣ штаба въ 30 человѣкъ украинцевъ и поляковъ, какъ думаютъ Ал. Яблоновскій и проф. Грушевскій, судя по именамъ. Пятьсотъ козаковъ были раздѣлены на десятки. Десятокъ составляли атаманъ—начальникъ десятка и девять козаковъ. Составъ козаковъ былъ довольно пестрый. Преобладали украинцы. Но на составѣ, несомнѣнно, сказалось пребываніе козацкаго отряда въ бѣлорусскихъ мѣстностяхъ. Очень много было бѣлоруссовъ. Въ отрядѣ встрѣчались выходцы изъ Москвы, были поляки, одинъ нѣмецъ, сербъ, татаринъ, одинъ изъ Кафы, два пятигорскихъ черкесса. По вычисленію Ал. Яблоновскаго, въ козацкомъ отрядѣ, кромѣ бѣлоруссовъ и украинцевъ, было 17% представителей другихъ народностей. Изъ нихъ на долю поляковъ приходилось 10%.

Реестръ 1581 г.

Составъ козацкаго отряда, по реестру 1581 года, даетъ основаніе думать, что на практикѣ отъ первоначальнаго плана взять козаковъ на королевскую службу были сдѣланы значительныя отступленія. Быть можетъ, это и было причиной того, что въ 1583 году былъ предпринятъ новый наборъ козаковъ на королевскую службу. Къ козакамъ былъ посланъ каштелянъ рагозинскій Янъ Оржельскій. Онъ и набралъ на королевскую службу 600 козаковъ. При наборѣ встрѣтились нѣкоторыя затрудненія. Козаки, надо думать,

съ недовѣріемъ относились къ обѣщаніямъ правитель-ства правильно уплачивать имъ жалованье.

Вл. Ярошъ думаетъ, что гетманомъ въ это время былъ уже не Орышевскій, такъ какъ онъ вышелъ въ отставку, а Рожинскій. Но это, какъ указалъ проф. Грушевскій, не подтверждается фактами. Вѣроятно, „гетманомъ запорожскимъ", по прежнему, оставался Орышевскій.

Наборы козаковъ на королевскую службу производились не разъ и послѣ 1583 года. Прослѣдить ихъ по документамъ нѣтъ возможности. Извѣстны наборы въ 1588 и 1590 годахъ. Наборъ 1590 г. долженъ былъ заключать 1000 человѣкъ и имѣлъ цѣлью обуздать украинское своеволіе и удержать козаковъ отъ нападеній на сосѣднія государства. Мѣстопребываніемъ отряда назначался Кременчукъ, находившійся, по мнѣнію А. В. Стороженка, въ Бессарабіи, по мнѣнію же проф. Грушевскаго, болѣе правдоподобному, въ полтавской губерніи, на мѣстѣ теперешняго Кременчуга. Въ урочищѣ Кременчукъ предполагалось построить деревянное укрѣпленіе. Провіантъ туда должны были доставить старосты и державцы имѣній.

Нужно думать, что условія найма козаковъ на службу, какъ они были опредѣлены въ извѣстномъ „постановленіи съ низовцами" 1578 года, сохраняли, въ главныхъ чертахъ, свою силу и въ послѣдующее время.

Значеніе мѣръ Стефана Баторія.

Наборъ козаковъ на королевскую службу не достигъ, повидимому, той цѣли, съ которой производился. Уже изъ условій набора 1590 года, видно, что набѣги козаковъ на сосѣднія земли не прекратились. Не исчезли и авантюристы, набиравшіе козаковъ къ себѣ на службу и предпринимавшіе съ ними походы. Само польское правительство принуждено было пользоваться подобными отрядами авантюристовъ. Въ 1580 году, во время московской войны, на польской службѣ былъ напр. Иванъ Невельскій со 100 козаками. Кирик

Перевальскій съ 100 козаками, Гаврило Баруля съ 500 козаками и т. п. Весною 1579 г. на Украинѣ появился одинъ изъ участниковъ предпріятій Подковы Лакуста и сталъ набирать козаковъ для похода въ Молдавію. Въ 1580 г. украинской администраціи предписывалось правительствомъ принять рядъ мѣръ для поддержанія спокойствія на границѣ, арестовывать и карать своевольныхъ. Въ 1582 г. ханъ крымскій жаловался, что козаки ограбили его пословъ на Самарѣ. Въ 1584 г. казаки напали на Очаковъ. Даже козаки, находившіеся на службѣ королевской не могли удержаться отъ искушенія. Въ 1585 году Янъ Орышевскій съ козаками ходилъ въ Крымъ. Въ 1592 году, во время войны между императоромъ австрійскимъ и Турціей, козаки посылали своихъ уполномоченныхъ къ императору съ предложеніемъ своихъ слугъ Изъ посольства, однако, ничего не вышло.

Такимъ образомъ, мѣры, предпринятыя Стефаномъ Баторіемъ мало принесли пользы польскому государству. Но въ исторіи козачества онѣ, несомнѣнно, сыграли крупную роль. Стефанъ Баторій не организовалъ козачества, но его политика относительно козаковъ способствовала этой организаціи. Привлекая козаковъ на королевскую службу, Стефанъ Баторій способствовалъ пробужденію въ козачествѣ сознанія обособленности отъ другихъ сословій въ государствѣ. Козаки вступили въ договоръ съ правительствомъ, какъ самостоятельный свободный классъ. Пользуясь иммунитетомъ, козаки сознавали свое привилегированное положеніе. Иммунитетъ же долженъ былъ, конечно, способствовать и ихъ классовому сознанію. Сначала иммунитетъ былъ ограниченъ сравнительно небольшимъ кругомъ козаковъ, взятыхъ на королевскую службу. Жизнь, однако, постоянно расширяла этотъ кругъ. Козаки толковали примѣненіе иммунитета очень широко. Они старались подвести подъ дѣйствіе его

всякаго козака, жившаго въ предѣлахъ Речи Пос- литой.

Подъ вліяніемъ цѣлаго ряда причинъ, о котор[ыхъ] рѣчь будетъ ниже, козачество выросло въ очень кр[уп]ную общественную силу. Мѣры, принимавшіяся п[оль]скимъ правительствомъ, не могли остановить и[ли] задержать этого роста. Козачество нашло теперь [с]вой центръ внѣ предѣловъ досягаемости польс[каго] государства.

То была знаменитая Запорожская Сѣчь.

Запорожская Сѣчь.

Козацкіе лѣтописцы связывали основаніе Запорож[]ской Сѣчи съ именемъ князя Дмитрія Байды-Вишне[]вецкаго. Мы знаемъ, однако, что основаніе княз[емъ] Вишневецкимъ городка на островѣ Хортицѣ было яв[ле]ніемъ случайнымъ. Новѣйшіе историки, поэтому, [за] исключеніемъ А. В. Стороженка, отвергаютъ мн[ѣні]е козацкихъ лѣтописцевъ. Но исторіографія все-же [не] рѣшила до сихъ поръ удовлетворительно вопроса [о] томъ, когда и при какихъ условіяхъ возникла За[по]рожская Сѣчь? Вслѣдствіе недостатка матеріала, в[о]просъ этотъ и до сихъ поръ является спорнымъ.

Болѣе раніе изслѣдователи исторіи козач[ества] (Максимовичъ, Костомаровъ, Кулішъ, Антоновичъ) в[о]просомъ о происхожденіи Запорожской Сѣчи не зан[и]мались спеціально, а касались его только мимоходо[мъ]. Изъ новѣйшихъ изслѣдователей И. М. Каманинъ выск[а]залъ мнѣніе, что Сѣчь не была заложена литовск[имъ] или московскимъ правительствомъ, а возникла е[сте]ственнымъ путемъ. Козакамъ, промышлявшимъ в[ъ] степи необходимо было укрѣпленіе на нижнемъ т[е]ченіи Днѣпра. Сѣчь, поэтому, родилась вмѣстѣ съ к[оза]чествомъ. Значитъ, еще въ XV вѣкѣ она была осно[вана] первоначально на островѣ Тавани. Сѣчь—это сторож[е]вой отрядъ за днѣпровскими порогами, который вы[сы]лался козацкими общинами. Онъ являлся какъ [бы] стражемъ интересовъ всего козачества. Проф. Лю[бав]скій, разбирая мнѣніе И. М. Каманина, относитъ во[]

никновеніе Запорожской Сѣчи также къ очень раннему времени. Зародышемъ ея проф. Любавскій считаетъ не сторожевой отрядъ, не „залогу“ отъ всѣхъ козацкихъ общинъ, а крупную козацкую артель, промышлявшую за порогами, вблизи татарскихъ кочевій. Безпокойное сосѣдство превратило эту артель въ вооруженное товарищество, которое одно и могло только промышлять въ этихъ мѣстахъ.

Противоположное мнѣніе высказано Л. В. Падалкой въ статьѣ его „Къ вопросу о существованіи Запорожской Сѣчи“. По его мнѣнію, никакой Сѣчи, какъ постояннаго мѣстопребыванія козаковъ, не возникало на Запорожьѣ ни въ XVI, ни въ первой половинѣ XVII вѣка. Существовали только временныя козацкія укрѣпленія, лагери, „коши“. Историческіе акты впервые упоминаютъ о Сѣчи въ 1661 году подъ Чертомлыкомъ. Мнѣніе Л. В. Падалки защищаетъ и польскій историкъ Александръ Яблоновскій. Только со времени смерти Богдана Хмельницкаго, Запорожье, по мнѣнію Ал. Яблоновскаго, обособляется въ особое товариство запорожское.

Оба мнѣнія, какъ то, которое относитъ возникновеніе Сѣчи къ началу козачества, такъ и то, которое отодвигаетъ его на вторую половину XVII вѣка, представляютъ собой, несомнѣнно, крайности. Болѣе вѣроятнымъ является мнѣніе, полагающее, что Сѣчь организовалась приблизительно въ 1560-хъ и въ 1570-хъ годахъ, вслѣдъ за основаніемъ Хортицкаго замка и дѣятельностью Байды-Вишневецкаго. Организовалась Сѣчь постепенно и въ 1580-хъ годахъ является вполнѣ сложившейся. Въ 1580-хъ годахъ запорожское козачество называется уже „сiчовымъ“ по имени Сѣчи.

Зародышемъ Запорожской Сѣчи, какъ думаетъ главный представитель послѣдняго мнѣнія проф. Грушевскій, послужили козацкіе сторожевые посты на нижнемъ Днѣпрѣ. Посты эти появляются тамъ съ начала XVI ст., а быть можетъ, и съ конца XV ст. Они служили

также зимовниками для тѣхъ степныхъ промышленниковъ, которые не возвращались въ города, а оставались проводить зиму въ степи. Посты эти представляли собой рядъ укрѣпленныхъ городковъ или крѣпостей. Запорожская Сѣчь впослѣдствіи связала ихъ въ одинъ узелъ. На образованіе Сѣчи этого „акрополя Днѣпровскаго Низа“, по мнѣнію проф. Грушевскаго, несомнѣнно, оказали вліяніе идеи Байды-Вишневецкаго основавшаго городокъ на Хортицѣ. Постоянная опасность отъ турокъ и татаръ не дала возможности укрѣпиться Сѣчи на одномъ изъ острововъ. Сѣчь многократно кочевала по Днѣпровскимъ островамъ и заливамъ. Это не помѣшало ей, однако, сдѣлаться въ 1580-хъ годахъ признаннымъ центромъ низоваго козачества. „Запорожье было очагомъ козацкой силы, солидарности, организованности. Отсюда распространилась экстензивная и организаціонная энергія козачества „на волость“, когда правительственныя реформы дали ей первую легитимацію, какъ полноправной организаціи, и открыли возможность формироваться въ особую, законно-признанную общественную группу“.

Экспедиція Зборовскаго.

О томъ, что Запорожская Сѣчь въ 1580-хъ годахъ была уже вполнѣ сложившимся учрежденіемъ, извѣстно изъ показаній современника. Приблизительно около 1581 года, по предположенію А. В. Стороженка, къ козакамъ на Запорожье предпринялъ экспедицію одинъ изъ авантюристовъ Самуилъ Зборовскій. Экспедицію эту, со словъ Зборовскаго, описалъ другъ дома Зборовскаго Бартошъ Папроцкій. Описаніе внесено въ книгу Папроцкаго „Herby Rycerstwa Polskiego“, изданную въ Краковѣ въ 1584 году. Это первое, по времени, изображеніе жизни и быта запорожскаго козачества въ XVI вѣкѣ.

Самуилъ Заборовскій отправился къ Днѣпровскимъ козакамъ съ небольшимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ семидесяти шляхтичей, нѣсколькихъ сотенъ гай-

дуковъ *) и прислуги. Цѣлью Зборовскаго было соединиться съ козаками и напасть на южную границу московскаго государства, въ то время, какъ король Стефанъ Баторій будетъ осаждать Псковъ. Зборовскій началъ свою экспедицію изъ Галиціи. Дойдя до Канева, отрядъ его сѣлъ въ лодки и поплылъ внизъ по Днѣпру. У устья Самары отрядъ наткнулся на козаковъ, занимавшихся рыболовствомъ. Ихъ было человѣкъ двѣсти. Они снабжали продовольствіемъ товарищей, находившихся за порогами. На предложеніе Зборовскаго примкнуть къ его отряду, самарскіе козаки отвѣтили, что для рѣшенія этого вопроса Зборовскому необходимо спуститься ниже, за пороги. Тамъ находилось главное козацкое войско. Зборовскій отправился далѣе. Не доходя пороговъ, у Таволжанскаго острова, онъ встрѣтилъ отрядъ козаковъ. Послѣдніе предположили, что Зборовскій присланъ Стефаномъ Баторіемъ для истребленія козачества, хотѣли вступить съ Зборовскимъ въ битву. Зборовскому удалось, однако, убѣдить козаковъ въ дѣйствительной цѣли своей экспедиціи. Козаки дали Зборовскому восемьдесять провожатыхъ и провели черезъ пороги его лодки. На островѣ Хортицѣ Зборовскій переночевалъ въ городкѣ, который былъ оставленъ когда-то Дмитріемъ Вишневецкимъ. Тамъ онъ нашелъ отрядъ козаковъ и пословъ, приглашавшихъ его на островъ Токмаковку, гдѣ въ то время находилось главное козацкое войско. На Токмаковкѣ Зборовскій засталъ до трехъ тысячъ козаковъ. Очевидно, здѣсь была Сѣчь. Предложеніе Зборовскаго было встрѣчено съ большой охотой. Собрали войсковой кругъ. Зборовскій былъ провозглашенъ запорожскимъ гетманомъ. Ему вручили булаву, какъ символъ гетманской власти. Такимъ образомъ, авантюристъ, какъ это часто бывало и раньше,

*) Гайдуками назывались легковооруженные пѣхотинцы, служившіе при дворахъ венгерскихъ вельможъ. Обычай держать гайдуковъ сталъ распространятся и у польскихъ вельможъ, особенно со времени избранія королемъ Стефана Баторія.

сталъ во главѣ козацкаго войска. Рѣшенъ былъ совмѣстный походъ козаковъ и отряда Зборовскаго подъ Путивль, на московскую границу.

Описаніе Бартошемъ Папроцкимъ козацкихъ порядковъ показываетъ, что въ 1581 году они были уже вполнѣ сложившимся. Часть козаковъ занималась рыбной ловлей и охотой, другіе отдавались войнѣ и походамъ. Выраженіемъ коллективной воли войска запорожскаго служилъ войсковой кругъ. Цѣлью походовъ являлась добыча. Козаки принимали въ свою среду всякого, кто бы ни приходилъ къ нимъ. У козаковъ выработались своеобразные обычаи. Нарушеніе ихъ вело къ суровой расправѣ. Виновнаго обыкновенно бросали въ воду, насыпавъ за пазуху земли.

Эрихъ Лассота.

Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о запорожцахъ мы находимъ въ дневникѣ Эриха Лассоты, агента императора римской имперіи. Лассота былъ человѣкъ образованный и немного понималъ по-украински. Это дѣлаетъ его дневникъ, какъ очевидца, особенно цѣннымъ. Лассота былъ на Запорожьѣ съ 9 іюня по 2 іюля 1594 г. На него возложено было порученіе склонить козаковъ къ походу противъ татаръ и принять запорожцевъ на службу къ императору.

Запорожскую Сѣчь Лассота нашелъ на островѣ Базавлукѣ при Чертомлыцкомъ рукавѣ Днѣпра. Козаки встрѣтили его торжественно и привѣтствовали множествомъ выстрѣловъ изъ орудій. Такъ какъ гетманъ Богданъ Микошинскій былъ въ походѣ съ 50 галерами и 1300 козаками, то Лассота рѣшилъ ожидать его возвращенія. Пословъ помѣстили въ шалашахъ, называемыхъ кошами. Коши были сдѣланы изъ хвороста и покрыты, для защиты отъ дождя, лошадиными кожами.

Черезъ нѣсколько дней возвратился гетманъ. 20 іюня собрался козацкій кругъ, коло. Былъ приглашенъ Лассота съ товарищами. Они изложили свое по-

рученіе. Послѣ этого ихъ попросили оставить коло. Началось совѣщаніе запорожцевъ.

Прочитавши еще разъ грамоту, переданную Лассотой, гетманъ обратился къ присутствующимъ съ предложеніемъ высказать свое мнѣніе. Онъ дважды повторилъ свое предложеніе. Въ отвѣтъ послѣдовало молчаніе. Тогда, „какъ это у нихъ водится въ важныхъ дѣлахъ", замѣчаетъ Лассота, коло раздѣлилось и образовало изъ себя два кола: одно изъ начальниковъ, другое изъ черни. Спорили долго. Наконецъ, чернь рѣшила поступить на службу къ римскому императору. Въ знакъ окончанія совѣщанія и рѣшенія была брошена вверхъ шляпа. Послѣ этого чернь бросилась къ колу начальниковъ и стала грозить бросить въ воду и утопить тѣхъ изъ нихъ, кто не согласится съ рѣшеніемъ черни. Начальники не рѣшились сопротивляться. Они требовали только избранія коммисіи для выработки условій службы. Избрали 20 депутатовъ. Послѣ этого снова были приглашены въ коло Лассота и его товарищи. Козацкіе депутаты сидѣли на землѣ и образовали снова малое коло. Послѣ долгихъ совѣщаній, депутаты попросили Лассоту и его товарищей присѣсть и объявили о готовности служить императору. Началось совѣщаніе объ условіяхъ. Результаты совѣщанія были затѣмъ сообщены большому колу асаулами, которыхъ Лассота приравниваетъ къ поручикамъ. Отъ большого кола снова отдѣлилась чернь въ малое коло. Послѣ долгихъ совѣщаній чернь согласилась, наконецъ, съ рѣшеніемъ начальниковъ. Это было выражено бросаніемъ шапки вверхъ. Загремѣли барабаны и трубы, было дано десять залповъ изъ орудій, а ночью пущено нѣсколько ракетъ.

Ночью, однако, началась агитація противъ постановленія кола. Агитаторы ходили по хатамъ и представляли козакамъ всѣ невыгоды отъ похода противъ татаръ. Аагитація сдѣлала свое дѣло. На слѣдующій день снова составилось коло, и чернь приняла

другое рѣшеніе—не ходить въ походъ. Ни Лассотѣ, ни старшинѣ козацкой не удалось убѣдить черни. Разсерженный гетманъ послѣ этого распустилъ собраніе и отказался отъ гетманства. Послѣ обѣда асаулы собрали новое коло. Козаковъ загоняли на него даже кіями. Коло просило Микошинскаго остаться гетманомъ, на что тотъ и согласился. 23 іюня утромъ опять состоялось коло. Запорожцы соглашались поступить на службу къ императору, потребовали только отъ Лассоты условій. Для обсужденія ихъ послѣ обѣда въ тотъ же день собралось коло, которое выработало свои условія и передало ихъ Лассотѣ. На этомъ колѣ присутствовалъ и самъ Лассота. Козаки указывали на свои заслуги предъ императоромъ, но не соглашались идти въ Валахію за малое жалованье. Для опредѣленія размѣровъ его козаки собирались послать къ императору пословъ. Тѣмъ временемъ козаки готовы были предпринять походъ въ Крымъ.

На слѣдующій день Лассота послалъ свои замѣчанія на условія, переданныя ему козаками. Но въ концѣ концевъ ему не оставалось ничего дѣлать, какъ согласиться на то, что предлагали козаки. 24-го іюня Лассота передалъ козакамъ 8000 червонцевъ, привезенныхъ имъ въ видѣ награды за заслуги, оказанныя козаками императору. Передача эта состоялась въ открытомъ колѣ. Посрединѣ него было поставлено и развивалось императорское знамя. Получивъ деньги, козаки разложили ихъ на нѣсколькихъ кобенякахъ*) и поручили начальникамъ пересчитать ихъ. Послѣ этого Лассота оставилъ коло, козаки же продолжали совѣщаніе. 1 іюля Лассота простился въ открытомъ полѣ съ гетманомъ и козаками. Ему была подарена кунья шуба и шапка изъ мѣха черныхъ лисицъ.

Организація запорожскихъ козаковъ въ концѣ XVI в.

Сочиненіе Папроцкаго, дневникъ Лассоты, оффиціальная переписка конца XVI ст. и другіе источники того же времени даютъ возможность сдѣлать заклю-

*) Татарскій кобенякъ, или мантія, свитка съ капюшономъ, по сообщенію Лассоты, составлялъ одежду козаковъ.

ченіе о запорожскомъ козачествѣ, какъ объ организаціи, болѣе или менѣе уже сложившейся.

Центромъ козачества являлась Запорожская Сѣчь. Козаки дѣлились на полки, по 500 человѣкъ въ каждомъ. Во главѣ полковъ стояли полковники. Полки дѣлились на сотни съ сотниками во главѣ. Сотни распадались на десятки. Десятками командовали атаманы. Лассота упоминаетъ въ запорожскомъ войскѣ асауловъ. Онъ ихъ приравниваетъ къ поручикамъ. Обязанностью асауловъ было, между прочимъ, созывать козаковъ на раду. Во главѣ войска стоялъ выборный гетманъ. Но титулъ этотъ не былъ оффиціальнымъ. Всякій старшій надъ козацкимъ отрядомъ могъ носить этотъ титулъ. Позднѣе упоминаются и другіе чины: обозный, завѣдывавшій артиллеріей, писарь, завѣдывавшій канцеляріей. Нужно думать, что чины эти существовали уже въ концѣ XVI вѣка, въ моментъ пріѣзда Лассоты. Лассотѣ не пришлось только упомянуть объ нихъ, такъ какъ не было надобности. У козаковъ была артиллерія, свой флотъ, музыка. Оффиціальнаго названія козаки не имѣли. Они называли себя то „войскомъ запорожскимъ", то „рыцарствомъ запорожскимъ", то „вольнымъ войскомъ запорожскимъ".

Организація запорожскаго козачества не могла выработаться сразу. Она являлась, вѣроятно, результатомъ довольно длиннаго процесса. Очень можетъ быть, что въ основѣ ея лежала „ватага", т. е. группа въ нѣсколько человѣкъ, которые соединялись для занятія различными промыслами въ степи. Условія степной жизни и дѣятельности заставляли группы промышленниковъ организоваться по военному образцу.

Общая схема военной организаціи козаковъ довольно примитивна. Она встрѣчается у многихъ народовъ въ началѣ ихъ исторической жизни: то же дѣленіе на полки, на сотни, на десятки. Съ теченіемъ времени, конечно, козацкая организація значительно усложнилась, особенно съ того времени, когда козачество стало играть международную роль и входить

въ отношенія и соглашенія съ отдѣльными государствами и правительствами. Появились новыя должности, усложнились задачи отдѣльныхъ начальниковъ, напр. старшаго. Самая рада войска запорожскаго, помимо рѣшенія вопроса о желательности и выгодности походовъ и войны, должна была рѣшать иногда и трудные вопросы, связанные съ международными отношеніями, какъ это мы видимъ изъ дневника Лассоты.

На военную организацію козаковъ должны были вліять также авантюризмъ и мѣры польскаго правительства. Авантюристы, какъ замѣчено было выше, пользуясь козаками, какъ военной силой, естественно должны были заботиться о томъ, чтобы сила эта не была безформенной массой, а была подчинена опредѣленной дисциплинѣ и военному строю, была знакома съ современной военной техникой. Также точно должно было поступать и польское правительство, когда брало козаковъ къ себѣ на службу, въ видѣ ли наемныхъ солдатъ-драбовъ, или въ видѣ самостоятельныхъ козацкихъ отрядовъ. Все это, вмѣстѣ взятое, не могло пройти безслѣдно для козачества, а пріучало козаковъ къ опредѣленнымъ формамъ организаціи, которая, въ концѣ концевъ, создала изъ козачества военную силу, грозную и для всего польскаго государства.

Козачество въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вв. Борьба его съ польскимъ государствомъ*).

Количественный ростъ козачества.

Вторая половина XVI вѣка и, въ особенности, первая половина XVII вѣка были временемъ роста козачества въ предѣлахъ Речи Посполитой въ количественномъ отношеніи. На это указываютъ въ XVI в. разрозненныя, но довольно многочисленныя свѣдѣнія о козакахъ и козацкихъ отрядахъ. Свѣдѣній же болѣе или менѣе точныхъ, статистическихъ, нѣтъ. Цифровыя данныя о количественномъ ростѣ козачества въ первой половинѣ XVII в. богаче. Точностью они, однако, также не отличаются.

*) Важнѣйшая литература указана въ предыдущихъ очеркахъ. Кромѣ того: Проф. *М. С. Грушевскій.* Южно-русскіе господарскіе замки въ половинѣ XVI столѣтія. К. 1890. Проф. *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Украинскія староства въ первой половинѣ XVI в. (Арх. Ю. З. Р. ч. VIII т. 5). *Его же.* Государственное хозяйство в. княж. Литовскаго, т. I, 1901 г. *Его же.* Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI в. К. 1905. *А. И. Яковлевъ.* Намістники, державці і старости господарського замку Черкаського въ кінці XV і въ XVI в. (Україна 1907 г., кн. IX). *И. П. Новицкій.* Объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ Юго-Западной Россіи въ XV—XVIII в. (1498—1795) (Арх. Ю. З. Р. ч. VI т. 2). *А. М. Лазаревскій.* Описаніе Старой Малороссіи, т. I—III. *Его же.* Лубенщина и кн. Вишневецкіе (Кіев. Стар. 1896 г.). *Л. В. Падалка.* Прошлое Полтавской территоріи и ея заселеніе. Полтава, 1914. *Казимиръ Пулаcкій* Szkice i poszukiwania historyczne Kraków, 1887. *Василь Доманицький.* Козаччина на переломі XVI—XVII (1591—1603) въ „Запискахъ Наукового Тов. ім. Шевченка“. т. 60—64). Проф. *Жуковичъ.* Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей съ 1609 г., вып. I—VI Спб., 1903—1912. *П. М. Кулишъ.* Очеркъ гетманства Петра Сагайдачнаго. Чтенія въ общ. Лѣт. Нестора 1901 г., кн. XV. *Рудницький* Козацько-польска війна р. 1625 въ Зап. імени Шевченка, т. XVII.

Попытку опредѣлить въ цифрахъ ростъ козачества, съ начала XVI в., дѣлаетъ Александръ Яблоновскій. Вычисленія его, однако, построены на правдоподобности и отличаются нѣкоторой проблематичностью. Они касаются исключительно королевскихъ имѣній. Исходя изъ счета дымовъ и полагая по 6 душъ на дымъ, Яблоновскій допускаетъ, что въ 1530-хъ годахъ козаковъ было около 15 т. душъ. Ко времени ревизіи замковъ въ 1552 г., число козаковъ возрасло до 30 тыс., а къ 1600 году количество ихъ доходило уже до 40 тысячъ. Во время люстраціи *) 1616—1622 года число козаковъ могло быть 60 тыс., а въ 1630-хъ годахъ инженеръ Бопланъ насчитывалъ ихъ 80 тыс. человѣкъ. Яблоновскій допускаетъ возможность этой цифры. Въ нее, однако, не входятъ тѣ козаки, которые жили не въ королевскихъ, а въ панскихъ имѣніяхъ. Опредѣлить количество ихъ не представляется никакой возможности. Съ этими послѣдними число козаковъ или тѣхъ, которые считали себя козаками, должно значительно повыситься.

Интересную картину роста козачества даютъ люстраціи 1616—1622 годовъ. Въ Каневѣ, напр., въ 1616 году на 200 послушныхъ мѣщанскихъ дворовъ, т. е. платившихъ подати, было непослушныхъ домовъ козацкихъ 1346. Тоже повторялось и въ другихъ городахъ. На части украинской территоріи, обнимавшей староства бѣлоцерковское, богуславское, корсунское, каневское, черкасское, чигиринское и переяславское, по мнѣнію проф. Грушевскаго, количество непослушныхъ козаковъ въ однихъ только городахъ и мѣстечкахъ, не включая селъ, въ пять разъ приблизительно превосходило количество послушныхъ.

Причины количественнаго роста козачества во второй половинѣ XVI и въ первой XVII вѣка.

Такой сильный ростъ козачества былъ вызванъ взаимодѣйствіемъ цѣлаго ряда причинъ экономическихъ, социальныхъ и политическихъ.

Важнѣйшей и главной перемѣной въ экономиче-

*) Люстрація—описаніе государственныхъ имуществъ для цѣлей финансовыхъ и военныхъ.

ской жизни Западной Руси и Украины XVI и XVII в. является упадокъ городовъ и переходъ центра тяжести экономической жизни изъ городовъ въ села. Городскіе промыслы и торговля, преимущественно, заграничная, были до тѣхъ поръ главными экономическими факторами. Теперь они уступаютъ мѣсто сельскому хозяйству, главнымъ образомъ, земледѣлію. „Тонъ и направленіе экономической жизни, говоритъ проф. Грушевскій, даютъ интересы привиллегированнаго землевладѣнія. Когда же шляхта становится, въ концѣ концовъ, господиномъ государства, интересы шляхетскаго фольварка дѣлаются фокусомъ, вокругъ котораго собирается экономическая жизнь польско-литовскаго государства“.

Вывозная торговля и ея значеніе въ экономической жизни Западной Руси и Украины.

Подобное явленіе не было случайностью: оно было обусловлено міровымъ рынкомъ. Послѣдній въ XV—XVI в. обнаруживалъ особенно сильное требованіе на хлѣбъ и другіе сельско-хозяйственные продукты. Требованіе это повело за собой не только расширеніе сельскаго хозяйства въ Польшѣ и на Украинѣ, но и усиленіе вывоза за границу сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Лѣсъ и лѣсные товары также стали играть видную роль въ числѣ предметовъ заграничной торговли. Центромъ вывозной торговли для Польши, Западной Руси и Украины сдѣлася Данцигъ. Торговля съ заграницей развивалась постепенно. Въ послѣдней четверти XVI ст. вся область бассейна Вислы, за исключеніемъ только дальняго предгорья, вся сѣверо-западная Украина, были уже вовлечены въ районъ вывозной хлѣбной торговли. Съ увеличеніемъ вывоза хлѣба, росла цѣна его. Если въ Польшѣ въ 1564—1569 г. ластъ пшеницы стоилъ около $12^1/_2$ венгерскихъ зол., то въ 1592 г. онъ стоилъ уже $21^2/_3$ зол., а въ 1616 году—$24^1/_9$ зол. Торговля хлѣбомъ и сельско-хозяйственными продуктами представляла, такимъ образомъ, большую выгоду.

Все это, вмѣстѣ взятое, оказало большое вліяніе на экономическую жизнь какъ Польши, такъ Западной

Руси и Украины. Прежнее натуральное хозяйство имѣло цѣлью, главнымъ образовъ, производство хлѣба не столько на продажу, сколько для потребленія собственнаго хозяйства. Теперь картина мѣняется. Главная цѣль сельскаго хозяйства—возможно большее количество сельско-хозяйственныхъ продуктовъ для продажи, для вывоза за границу. Отсюда замѣчается у владѣльцевъ стремленіе къ увеличенію своего землевладѣнія, къ расширенію панской запашки за счетъ крестьянской, основаніе новыхъ фольварковъ, большая эксплоатація крестьянскаго труда, увеличеніе панщины, раздробленіе крестьянскихъ хозяйствъ и превращеніе самостоятельныхъ крестьянъ-хозяевъ въ малоземельныхъ загородниковъ. „Сгонъ" крестьянъ съ посиженныхъ ими земель и отобраніе у нихъ участковъ, покупка („скупля") крестьянскихъ земель, часто насильственная, явленіе обычное въ XVI ст., особенно во второй половинѣ его. Ревизоры, дѣлая въ 1565 г. опись санецкой земли (въ Галиціи), были поражены массой скупокъ крестьянскихъ земель владѣльцами. Если скупки такъ будутъ продолжаться ежегодно, замѣчаютъ они, то въ староствѣ немного останется крестьянъ.

Обезземленіе крестьянъ и повышеніе барщины обращали крестьянъ въ пролетаріевъ и дѣлали ихъ экомоническое положеніе тяжелымъ. Это, въ свою очередь, не могло не отражаться и на соціальномъ положеніи крестьянъ. По наблюденіямъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго въ его „Очеркахъ по исторіи организаціи западно-русскаго крестьянства", классъ свободнаго крестьянства въ Западной Руси около половины XVI в. замѣтно уменьшился количественно. Переходы крестьянъ были стѣснены. Въ литовско-русскомъ государствѣ создалось крѣпостное состояніе.

Крестьяне пробовали защищать свою свободу при помощи суда. Суды, дѣйствительно, были завалены исками крестьянъ, отыскивавшихъ свободу. Но практика суда была часто колеблющейся и мало гарантировала

крестьянъ отъ закрѣпощенія. Мало помогали дѣлу свободы и разъясненія господарскихъ грамотъ XV и начала XVI в., что свободные люди могутъ уходить съ земель, переходящихъ во владѣніе частныхъ лицъ. Въ дѣйствительности, это не всегда было и возможно. Очутившись въ безвыходномъ положеніи, крестьяне иногда поднимали возстаніе. Такимъ было, напримѣръ, крестьянское возстаніе 1490 года подъ начальствомъ какого-то Мухи изъ Валахіи, который собралъ вокругъ себя до 9 тысячъ крестьянъ и разграбилъ окрестности Снятина (въ Галиціи, на границѣ Буковины).

Не будучи въ состояніи защитить свою свободу и экономическую самостоятельность на родинѣ, западно-русское крестьянство искало спасенія въ бѣгствѣ. Оно двигалось на югъ и колонизовало пустынныя земли Украины. До тѣхъ поръ населеніе въ степныхъ мѣстахъ не могло удержаться. Спокойной жизни на Украинѣ мѣшали постоянные набѣги татаръ и степныхъ кочевниковъ.

Колонизація Украины въ XV–XVI вв.

Вопросъ о колонизаціи Украины въ XV и XVI в. давно уже занимаетъ историковъ. Онъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о происхожденіи украинскаго народа и украинской культуры. Въ послѣднее время, благодаря особенно трудамъ Александра Яблоновскаго, проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, А. М. Лазаревскаго, проф. М. С. Грушевскаго, Л. В. Падалки вопросъ о колонизаціи Украины значительно подвинулся въ своей разработкѣ.

Украина не была пустыней. Но населеніе въ ней было рѣдко, и населенныхъ мѣстъ чрезвычайно мало. Попытка Витовта колонизовать юго-восточную Украину продолжалась Олельковичами. За это время, судя по актамъ раздачи имѣній, возникло немало новыхъ населеній. Татарскіе погромы XV в. разрушили успѣхи колонизаціи и задержали ее. Со второй половины XV в. до половины XVI в. замѣчается пониженіе успѣховъ колонизаціи. Причину этого проф. Владимірскій-Будановъ видитъ въ событіяхъ внутренней

и внѣшней жизни литовскаго государства вообще и Украины въ частности. Ослабленная государственная власть не давала достаточныхъ средствъ для защиты страны противъ постоянныхъ нападеній татаръ. Принижая городскія общины, могущія развить самодѣятельность, государство передавало всю власть и средства въ неумѣлыя и, большею частью, своекорыстныя руки мѣстныхъ старостъ. Сосредоточенныя силы государства мельчали. Онѣ переходили мало-по-малу къ частнымъ землевладѣльцамъ. Послѣдніе, между тѣмъ, не столько заботились о заселеніи пустынь, сколько объ усиленіи повинностей съ поселенцевъ въ свою пользу. Изъ условій внѣшней жизни Украины громадную роль въ исторіи колонизаціи играли татарскіе набѣги. Они были очень часты и разрушительны въ теченіе XV и первой половины XVI вѣка. Слѣды татарскихъ опустошеній и разрушеній на Украинѣ отмѣчають люстраціи 1540—1560-хъ годовъ. Само собой разумѣется, татарскіе набѣги должны были задерживать колонизацію, ея нормальный ростъ и направленіе. Если колонизація, при такихъ обстоятельствахъ, совсѣмъ не прекратилась, то это объясняется, съ одной стороны, условіями жизни литовско-русскаго государства, заставлявшими крестьянъ искать спасенія въ бѣгствѣ, а съ другой—богатствомъ и плодородіемъ земель на Украинѣ. „Это село давняго происхожденія—говоритъ люстрація 1565 г. о селѣ Вирбкѣ. Хотя оно нѣсколько разъ было разрушаемо татарами, но всегда поселялись въ немъ опять люди, потому что земля хорошая и большая, имѣетъ много полей, лѣсовъ и воды“.

Говоря о колонизаціи Украины до Люблинской уніи, изслѣдователи отмѣчають нѣсколько способовъ ея. Для обороны страны правительство строило укрѣпленные замки. Замки иногда являлись единственными поселеніями въ степи. Возлѣ замка возникало обыкновенно новое поселеніе. Поселеніе называлось мѣ-

томъ (городомъ). Количество жителей мѣста не могло быть значительнымъ. Во время нападенія татаръ жители мѣстъ искали спасенія въ замкахъ. Несмотря на незначительность городскихъ общинъ, городская колонизація занимала все-же важную роль среди другихъ видовъ заселенія Украины въ началѣ XVI в. Но она не могла служить центромъ и главнымъ базисомъ колонизаціи. Такимъ базисомъ явилось частное землевладѣніе.

Частное землевладѣніе, за весьма незначительными исключеніями, возникло на Украинѣ, по мнѣнію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, чрезъ пожалованіе и захватъ государственныхъ имуществъ. Раздача имѣній производилась литовскими князьями въ цѣляхъ имѣть служилое сословіе. Впрочемъ, и колонизаціонныя цѣли не упускались при этомъ изъ виду. Успѣхъ колонизаціи до Люблинской уніи, однако, не былъ особенно значительнымъ. Заселялись мѣста наиболѣе безопасныя. Въ южныхъ же и степныхъ мѣстностяхъ, открытыхъ для нападеній татаръ, населеніе было рѣдкимъ. Владѣльческія села стояли пустыми. Житомірскій и винницкій повѣты были, напр., сравнительно хорошо заселены; черкасскій же слабо. Въ черкасскомъ повѣтѣ огромныя пространства земли, особенно по лѣвымъ притокамъ Днѣпра, розданныя въ частныя руки, оставались пустынями. Владѣльцы эксплоатировали ихъ, главнымъ образомъ, посредствомъ пришлаго населенія, бродячихъ уходниковъ—промышленниковъ. Этотъ пришлый элементъ, который составляли не только мѣщане, какъ думалъ П. А. Кулішъ, но и бѣглые крестьяне, и сыгралъ главнѣйшую роль въ колонизаціи украинскихъ степей.

Народныя массы, помимо чьей бы то ни было иниціативы, колонизовали Украину. Колонизаціонная волна двигалась независимо отъ правительства и частныхъ владѣльцевъ. Стремленіе народа на югъ, по замѣчанію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, было такъ

энергично и устойчиво, что его не могли удержать и остановить періодичныя истребленія жителей татарами, турками и волохами. Движеніе народныхъ массъ на югъ вызывалось экономическими условіями литовско-русскаго государства. Они гнали народныя массы на югъ. Переселенцы, долгое время неосѣдлые, и создали то зерно, изъ котораго выросло украинское козачество. Поэтому, между крестьянствомъ, бѣжавшемъ и переселявшимся съ сѣвера на югъ литовско-русскаго государства, на Украину, и козачествомъ всегда существовала тѣсная органическая и соціальная связь.

Направленіе украинской колонизаціи до люблинской уніи и ея этнографическій составъ.

Колонизація украинскихъ степей двигалась съ сѣвера на югъ постепенно, шагъ за шагомъ. Около половины только XVI в. былъ построенъ замокъ бѣлоцерковскій. Приблизительно тогда же стали возникать и первыя поселенія на низу, у Днѣпровскихъ пороговъ. Переселенцы шли, по наблюденію проф. Владимірскаго-Буданова, изъ Бѣлоруссіи, такъ наз. Литвы, т. е. сѣверо-западной части той же Бѣлоруссіи, Полѣсья и изъ московскаго государства,—„но ни откуда больше“. Послѣднее замѣчаніе впрочемъ, нуждается въ поправкѣ. Среди поселенцевъ, преимущественно, служилыхъ людей, какъ указываетъ Александръ Яблоновскій и самъ же проф. Вадимірскій-Будановъ, былъ небольшой процентъ поляковъ. Но они, какъ и переселенцы изъ московскаго государства, не имѣли серьезнаго значенія въ исторіи колонизаціи Украины до Люблинской уніи. Изъ Москвы переселялись немногіе, преимущественно, лица высшаго класса. Среди украинскихъ колонистовъ спорадически встрѣчаются иноземцы: армяне, татары, волохи. Во всякомъ случаѣ, главный контингентъ колонистовъ были переселенцы изъ бѣлорусскаго и волынскаго Полѣсья,

Вопросъ объ этнографическомъ составѣ населенія, колонизовавшаго Украину, не нашелъ еще безспорнаго рѣшенія. Проф. Владимірскій-Будановъ находитъ, что пришельцы изъ Полѣсья смѣшались съ коренными

населеніемъ, сохранившимся еще со временъ кіевскаго княжества, несмотря на всѣ бури, пронесшіяся надъ Украиной. Благодаря этому смѣшенію, по мнѣнію проф. В. Буданова, образовалась новая этнографическая вѣтвь, не похожая на коренное населеніе Бѣлоруссіи и Волыни. Но такая этнографическая разница не могла образоваться скоро. Для нея необходимы вѣка. Поэтому болѣе соотвѣтствующими дѣйствительности представляются мнѣнія Яблоновскаго и проф. Грушевскаго. Эти ученые среди переселенцевъ на Украину изъ волынскаго Полѣсья видятъ преобладаніе украинскаго элемента. Украинскому элементу не нужно было смѣшиваться, чтобы образовывать новую этнографическую вѣтвь. По происхожденію, переселенцы были близкими къ коренному населенію Кіевщины. На лѣвомъ берегу Днѣпра преимущественно, въ Сѣверщинѣ преобладали переселенцы бѣлорусскаго происхожденія. Южной границей ихъ поселеній явился притокъ Днѣпра—Десна. На югѣ же отъ Десны преобладали снова поселенцы украинскаго происхожденія. Эта рѣзкая этнографическая граница на лѣвомъ берегу Днѣпра сохранилась и до нашего времени. Другія переселенцы, количественно, не были такъ значительны, чтобы могли оказать существенное вліяніе на населеніе Украины въ этнографическомъ отношеніи.

Люблинская унія 1569 г. и ея послѣдствія.

Въ исторіи колонизаціи Украины большую роль сыграла Люблинская унія 1569 года.

Унія оказала вообще сильное вліяніе въ исторіи Западной Руси и Украины. Вліяніе уніи сказалось не только на политической жизни, но и на отношеніяхъ экономическихъ и соціальныхъ.

На основаніи акта 1569 года, великое княжество литовское и корона польская сливались въ одно государство—Речь Посполитую. Шляхетство литовское и польское уравнивалось въ правахъ. Если сохранялись нѣкоторыя отличія, то они являлись пережитками и существеннаго значенія не имѣли. Поляки получали

право безпрепятственно пріобрѣтать имѣнія и владѣть ими въ литовскомъ княжествѣ, шляхетство литовское и западно-русское—въ Польшѣ. При раздачѣ имѣній во владѣніе король не былъ стѣсненъ національностью, какъ это было раньше. Король могъ одинаково раздавать имѣнія полякамъ, литовцамъ и западно-руссамъ какъ въ предѣлахъ литовско-русскаго княжества, такъ и въ предѣлахъ Польши.

Для Польши, гдѣ почти не оставалось свободныхъ земель, послѣднее право короля не имѣло большого практическаго значенія. На Украинѣ зато оставалось много свободныхъ, пустыхъ, незаселенныхъ, земель. Здѣсь былъ рядъ поселеній, недавно возникшихъ, никому не принадлежавшихъ. Въ нихъ жили свободные крестьяне.

Свободные крестьяне, между тѣмъ, становились анахронизмомъ въ Речи Постолитой. Въ Польшѣ положеніе крестьянъ было хуже, безправнѣе, чѣмъ въ литовско-русскомъ государствѣ. Въ Польшѣ раньше и полнѣе крестьянинъ сталъ превращаться изъ свободнаго хозяина въ принадлежность имѣнія. Польскіе порядки оказали послѣ 1569 года свое вліяніе и на литовсковско-русское государство. Артикулы 1573 года установили во всей Речи Постолитой полную власть господина надъ крестьянскимъ населеніемъ, живущимъ въ его имѣніяхъ. Отсюда понятно, какое значеніе имѣла для крестьянства раздача королемъ населенныхъ имѣній владѣльцамъ. Крестьяне обращались въ крѣпостныхъ.

Экономическія условія, вызвавшія усиленный вывозъ хлѣба, развитіе фольварочной системы и уменьшеніе крестьянской запашки, увеличеніе барщины, могучія уже въ первую половину XVI в., съ особой силой стали оказывать вліяніе въ Речи Посполитой во второй четверти XVI и въ XVII вѣкахъ. Люблинская унія дала просторъ соціальнымъ порядкамъ польскаго государства свободно проникать въ западно-русскія и

украинскія земли. Въ Западной Руси и на Украинѣ дворянство сумѣло воспользоваться своими привиллегіями, чтобы прикрѣпить крестьянина къ землѣ.

Съ усиленіемъ крѣпостного права послѣ Люблинской уніи, съ увеличеніемъ экономическаго гнета, усилилось бѣгство крестьянъ. Къ концу XVI ст. и въ первой половинѣ XVII в. бѣгство ихъ приняло массовой характеръ и не могло не обратить вниманія правительства. Въ цѣломъ рядѣ конституцій (1578, 1581, 1611, 1613, 1626, 1635, 1638, 1641) польско-литовскіе сеймы затрогивали вопросъ о бѣгствѣ крестьянъ.

Крестьяне бѣжали по старому, проторенному пути на югъ и востокъ, заселяя южныя части Подолья и Кіевщины на правомъ берегу Днѣпра, Сѣверщину и западную Полтавщину—на лѣвомъ. Крестьянству, народнымъ массамъ, колонизація Украины и обязана своими успѣхами. На основаніи актовъ судовъ, разбиравшихъ дѣла о бѣглыхъ, можно, по заключенію Александра Яблоновскаго, прослѣдить не только отдѣльныя поселенія, куда уходили бѣглые, но и тѣ этапы, которые они проходили.

Заселеніе Украины послѣ Люблинской уніи.

Процессъ заселенія Украины послѣ Люблинской уніи, несмотря на его интенсивность, шелъ постепенно. Прослѣдить его невозможно въ деталяхъ, „и только, говоритъ проф. Грушевскій, внезапно выростающіе десятки и сотни селъ и мѣстечекъ въ восточной Украинѣ, градъ процессовъ о бѣглыхъ, которыми наполняютъ помѣщики западной и центральной Украины судебныя книги судовъ гродскихъ и трибунальскихъ, являются показателями этого огромнаго движенія".

Польскіе историки, между прочимъ, и Александръ Яблоновскій, большую роль въ дѣлѣ колонизаціи Украины послѣ Люблинской уніи отводятъ польскому элементу. Унія 1569 г., по мнѣнію Яблоновскаго, открыла широко дверь на Украину польскимъ выходцамъ. Волынское и бѣлорусское переселенческое движеніе слабѣетъ. Усиливается и беретъ перевѣсъ движеніе червен-

ское, мазовецкое и малопольское. Фактовъ въ доказательство массовыхъ движенiй народа изъ чисто польскихъ земель привести, однако, нельзя. Изслѣдованiя М. Ф. Владимiрскаго-Буданова, М. С. Грушевскаго, А. М. Лазаревскаго, наоборотъ, подтверждаютъ, что населенiе и послѣ Люблинской унiи шло не изъ Польши, а съ Волыни, Подолья и Полѣсья. Благодаря такому направленiю колонизацiи, много названiй поселенiй, существовавшихъ въ этихъ мѣстностяхъ, встрѣчается затѣмъ на югѣ Украины и на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Александръ Яблоновскiй придаетъ большое значенiе въ дѣлѣ заселенiя Украины дѣятельности старостъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ цѣляхъ колонизацiи они получали огромныя пространства пустынныхъ земель на Украинѣ. Количество земель старосты и магнаты увеличивали еще захватами. Проф. Владимiрскiй-Будановъ и проф. Грушевскiй также не отрицаютъ значенiе крупнаго землевладѣнiя въ исторiи украинской колонизацiи. Крупнымъ владѣльцамъ и старостамъ эти изслѣдователи, однако, приписываютъ только второстепенное значенiе. Главную же роль въ дѣлѣ заселенiя Украины они отводятъ самостоятельному движенiю народныхъ массъ, преимущественнаго, крестьянскаго населенiя. Массы народныя двигались на новыя мѣста благодаря экономическимъ и соцiальнымъ условiямъ въ Речи Посполитой, усиленiю крѣпостного права и благодаря экономическому гнету, связанному съ увеличенiемъ повинностей крестьянъ въ пользу владѣльцевъ.

Крупное землевладѣнiе на Украинѣ.

Стремленiе крупныхъ землевладѣльцевъ на Украину замѣчается еще до Люблинской унiи. Оно усиливается къ срединѣ XVI ст., по особой силы достигаетъ послѣ Люблинской унiи, въ послѣднюю четверть XVI в. и въ первую половину XVII в. Стремленiе было обусловлено экономическими причинами, съ одной стороны выгодой сельскаго хозяйства, а съ другой—возможностью завладѣть населенными уже землями и эксплоатировать пустыя земли при помощи бѣглыхъ крестьянъ

Для развитія колонизаціи и сельскихъ промысловъ въ украинскихъ земляхъ необходима была безопасность этихъ земель. Правительство взяло на себя обязанность защищать Украину отъ нападеній татаръ, турокъ и волоховъ.

Верховная власть въ Речи Посполитой фактически находилась въ рукахъ магнатовъ. Для нихъ, поэтому, не представляло трудности получить земли на Украинѣ. Путемъ для этого служила раздача земель королевской властью лицамъ заслуженнымъ и затѣмъ самовольные захваты земель.

Уже въ 1569 г., въ годъ Люблинской уніи, ревизорамъ было предписано обревизовать пустыни въ воеводствахъ подольскомъ, волынскомъ и брацлавскомъ. Пустыни эти имѣлось въ виду раздавать на правѣ вѣчномъ или ленномъ для колонизаціи. Вскорѣ началась и самая раздача. Главнымъ инициаторомъ системы раздачи пустынь въ собственность частнымъ лицамъ и въ долговременное владѣніе старостамъ проф. Владимірскій-Будановъ и Александръ Яблоновскій считаютъ Стефана Баторія. Но наиболѣе интенсивная раздача пустынь началась при пріемникѣ Стефана Баторія— Сигизмундѣ III (1587—1632). Сеймовою конституціею 1590 г. „о роздачѣ пустынь, лежащихъ за Бѣлою Церковью" дано было королю право раздавать земли не только за Бѣлой Церковью, но и всѣ вообще степныя пустынныя земли по обоимъ берегамъ Днѣпра до рубежа московскаго.

Вскорѣ Брацлавщина, Кіевщина и лѣвобережная Украина покрылась цѣлымъ рядомъ громадныхъ, по размѣрамъ, владѣній. Жаловались нерѣдко огромныя пространства земли. Старостѣ винницкому и брацлавскому Валентію-Александру Калиновскому была пожалована пустыня, называемая Умань. По указанію ревизоровъ, она лежала между двумя татарскими шляхами—кривошаравскимъ и удыцкимъ, между рѣками Удычемъ, Бугомъ, Синей Водой, Ятранью и Рабанью.

Староста черкасскій Александръ Вишневецкій получилъ въ 1578 году грамоту отъ короля Стефана, подтверждающую за Вишневецкимъ „пустыню, рѣку Сулу, рѣку Удай и рѣку Солоницу съ рѣчками и озерами, начавши съ конца: горою Сулы отъ Снитина рубежа московскаго, внизъ до впаденія Сулы въ Днѣпръ". Громадныя помѣстья на Украинѣ пріобрѣли также князья Острожскіе, Корецкіе, Збаражскіе, Ружинскіе. Позже большія помѣстья на Украинѣ разными способами перешли также въ руки нѣкоторыхъ польскихъ магнатовъ—Жолкевскихъ, Казаловскихъ, Потоцкихъ. Крупные помѣстья вытѣсняли мелкія. На сколько велики были владѣнія отдѣльныхъ магнатовъ, можно судить по такимъ фактамъ. Какъ сообщаетъ на основаніи одной рукописи П. А. Кулишъ въ своей „Исторіи возсоединенія Руси", по смерти князя Януша Острожскаго въ 1620 году въ одномъ маіоратѣ Острожскаго числилось 80 городовъ и мѣстечекъ и 2700 селъ. Сюда не входили еще старостинскіе города и села. Наслѣдники пресѣкшагося рода Збаражскихъ, князья Вишневецкіе, на одной лѣвой сторонѣ Днѣпра владѣли десятками городовъ и мѣстечекъ, а ихъ имѣнія на правой сторонѣ Днѣпра тянулись широкою полосою отъ Днѣпра черезъ воеводство кіевское, волынское и сендомірское. Одинъ изъ Вишневецкихъ, извѣсный Іеремія, владѣлъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра въ срединѣ XVII ст. 56 мѣстечками и селами, 39,61 хозяевами и 423 мельничными колесами. Каждый изъ хозяевъ, для увольненія отъ панщины, давалъ пану по 5 талеровъ, мельники платили отъ колеса по 2 червонца. Пану принадлежалъ также доходъ отъ шинковъ. Для панскаго содержанія были выдѣлены особые фольварки.

Владѣльцы пустынныхъ земель приносили съ собой и старыя формы эксплоатаціи земли, которыя знало литовско-русское государство. Правда, потребности колонизаціи заставляли ихъ, на первыхъ порахъ, дѣ-

лать очень важныя уступки. Владѣльцы не могли примѣнить на Украинѣ принципа крѣпостного труда во всей его широтѣ. Украину, вѣдь, заселяли крестьяне, убѣгавшіе отъ усиленія подневольнаго крѣпостного труда. Поэтому, при пріемѣ поселенцевъ, владѣльцами пустыхъ земель объявлялся обыкновенно рядъ льготныхъ лѣтъ. Особые „осадцы", завѣдывавшіе у владѣльцевъ заселеніемъ пустыхъ земель, ставили на земляхъ, подлежащихъ заселенію, „столбы на волю". На этихъ столбахъ опредѣленными условными знаками обозначались льготные годы. Льготы давались многолѣтніе: 20, 30 и даже 40 лѣтъ. Льготные годы, однако, рѣдко соблюдались. Какъ только основывалось поселеніе, узелъ тяготы и крѣпостного права начиналъ затягиваться надъ поселенцами. Нѣкоторые изъ нихъ, поэтому, предпочитали бросать насиженныя мѣста и уходили дальше, въ мѣста болѣе безопасныя и просторные. Въ 1618 году, при вводѣ во владѣніе кн. Раины Вишневецкой, крестьяне жаловались, что они въ конецъ разорены тяжелыми поборами своего владѣльца, обращены въ нищихъ, „почему чуть не половина ихъ разбѣжалась". Владѣльцы не могли относиться равнодушно къ этому бѣгству поселенцевъ. Владѣльцы смотрѣли на бѣглыхъ, какъ на крѣпостныхъ и старались, при первой возможности, вернуть ихъ назадъ. Но не всѣ поселенцы расходились. Часть поселенцевъ оставалась. Кончались для нихъ условленные льготные годы, и поселенцы обращались, на законномъ основаніи, въ обыкновенныхъ крѣпостныхъ. Проф. Владимірскій-Будановъ отмѣчаетъ, что, такъ какъ разгаръ колонизаціи начался въ самомъ концѣ XVI в., и долговременные льготные годы (30—40 г.) истекали въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVII ст., то на эти годы и приходится главная масса общихъ возстаній крестьянъ. Возстаніями крестьяне протестовали противъ своего закрѣпощенія.

Свободная колонизація Украины.

Вообще съ крѣпостнымъ правомъ населеніе, бѣжавшее на Украину и искавшее тамъ свободы, помириться не могло. Поэтому среди украинскаго населе-

нія всегда былъ значительный контингентъ людей свободныхъ, не подчинявшихся старостамъ и владѣльцамъ. Въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ они превышали собой людей несвободныхъ, подчиненныхъ. Ревизоры первой половины XVII в. отмѣчаютъ ихъ подъ названіемъ „непослушныхъ" въ противовѣсъ „послушнымъ". Количество „непослушныхъ" увеличивалось, по мѣрѣ приближенія къ южнымъ степямъ. „Непослушные" въ люстраціяхъ иногда называются „козаками". Эти „козаки" были представителями свободной народной колонизаціи. Выходили они изъ той же соціальной среды, что и поселенцы на помѣщичьихъ и старостинскихъ земляхъ. Проф. Владимірскій-Будановъ даже полагаетъ, что заселеніе украинскихъ пустынь принадлежало первоначально „своевольнымъ" поселенцамъ и только позже, когда староста среди нихъ строилъ свой замокъ и учреждалъ рынокъ, происходило раздѣленіе на послушныхъ и непослушныхъ. Благодаря всему этому, между „послушными" и „непослушными", между поселенцами—крестьянами и „козаками"—всегда существовала соціальная связь и тѣсное взаимодѣйствіе. Козакъ, какъ свободный поселенецъ и землевладѣлецъ, долженъ былъ всегда служить идеаломъ для крестьянина, сидѣвшаго на чужой землѣ и пользовавшагося только ограниченными временными льготами.

Козацкое землевладѣніе.

Усиленіе гнета во владѣльческихъ и старостинскихъ имѣніяхъ должно было, естественно, вести къ увеличенію числа „непослушныхъ", козачества. Повторялись тѣ же явленія, какія, какъ мы видѣли, привели къ заселенію Украины: бѣгство крестьянъ и основаніе новыхъ поселеній. Свободная колонизація двигалась дальше на югъ. Сохранилось немало указаній на существованіе среди козаковъ земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ. Они жили на хуторахъ, занимались сельско-хозяйственными промыслами. Какъ велико было число козаковъ землевладѣльцевъ и какъ широко, въ территоріальномъ отношеніи, было распространено козацкое земле-

владѣніе, трудно сказать. Не сохранилось ни переписей, ни люстрацій тѣхъ мѣстностей, гдѣ было развито козацкое землевладѣніе. Польскій историкъ Казиміръ Пулаcскій въ своей статьѣ о „Дикихъ поляхъ“ признаетъ, что козацкое землевладѣніе въ концѣ XVI в. было уже вполнѣ развившимся. Къ тому же выводу приходитъ и И. М. Каманинъ въ своемъ изслѣдованіи „Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго“. Проф. М. С. Грушевскій отмѣчаетъ широкое распространеніе козачества въ глубинѣ „волости“ въ кіевскихъ земляхъ, даже въ Кіевскомъ Полѣсьѣ въ имѣніяхъ королевскихъ, духовныхъ и частныхъ. Очевидно, гдѣ были козаки, тамъ существовало и козацкое землевладѣніе. Послѣднее, по мнѣнію И. М. Каманина, достигало иногда довольно крупныхъ размѣровъ.

Эти козаки-землевладѣльцы, жившіе по хуторамъ, селамъ и городамъ, составляли многочисленный разрядъ такъ наз. „волостныхъ“ или „городскихъ“ козаковъ. Такое названіе они носили въ противоположность козакамъ низовымъ, запорожскимъ. **Городовые козаки.**

На первыхъ порахъ, повидимому, между ними не было разницы по существу. Естественнымъ центромъ козачества являлась Запорожская Сѣчь. Къ ней тянуло не только запорожское, но и городовое козачество. Но впослѣдствіи экономическія причины стали вызывать среди нихъ различіе интересовъ. Козакъ-земледѣлецъ и землевладѣлецъ и вольный запорожецъ-пролетарій начинали сознавать себя какъ бы различными классами. Подобное явленіе уже обозначается въ первой четверти XVII в. Внѣшнимъ образомъ, какъ увидимъ, это выражалось въ избраніи двухъ различныхъ старшихъ—гетмановъ. Условія политической жизни не дали, однако, возможности развиться соціальному различію среди козачества. Безправное положеніе козаковъ въ польскомъ государствѣ и борьба за свои политическія права, за права своей національности и вѣры объединяли козачество и создавали изъ него крупную соці-

альную силу, грозную и опасную для польско-литовскаго сословнаго государства. Во время борьбы начавшія обозначаться соціальныя различія среди козачества стирались. Сила козачества заключалась не въ численности, а въ соціальной связи его съ основнымъ ядромъ населенія Украины—съ крестьянствомъ. Благодаря этому, борьба козачества съ польскимъ государствомъ теряетъ характеръ простыхъ бунтовъ, а обращается въ глубокую соціальную борьбу, основой для которой служатъ, тѣсно переплетаясь другъ съ другомъ, интересы экономическіе, національные и религіозные.

Борьба эта, къ сожалѣнію, еще совсѣмъ почти не изучена. Извѣстны только общіе внѣшніе контуры ея. Причины, двигавшія эту борьбу, едва только намѣчены. Больше другихъ изучены причины религіозныя. Проф. М. С. Грушевскій въ послѣднее время обосновалъ и выдвинулъ значеніе національнаго принципа въ польско-козацкой борьбѣ. Что же касается причинъ экономическаго и соціальнаго характера, то, не смотря на всю ихъ первостепенную важность, изученіе ихъ находится только лишь въ зачаточномъ еще состояніи.

Начало борьбы козачества съ польскимъ государствомъ.

Узелъ борьбы козачества съ польскимъ государствомъ и польскимъ общественнымъ строемъ завязывался постепенно. На это указываютъ отдѣльные факты. Въ 1587 г. Лукьянъ Черпинскій, собравши козаковъ и холоповъ, разграбилъ Кодню (возлѣ Житоміра), мѣстечко воеводы Тышкевича. Въ 1590 году мы имѣемъ свѣдѣнія о нападеніи Яцка Бутовича на имѣніе Козаровской Хвороцъ, затѣмъ о нападеніяхъ въ томъ же году козаковъ и холоповъ на м. Быховъ и с. Холстовъ въ Бѣлоруссіи. Здѣсь участвовало, между прочимъ, до пятисотъ запорожцевъ.

Криштофъ Косинскій.

Съ особенной силой народное движеніе на Украинѣ, принявшее явно соціальный характеръ, проявилось въ возстаніи Криштофа Косинскаго.

Свѣдѣнія о личности Косинскаго крайне скудны. Родиной его, по словамъ его современника Іоахима Бѣльскаго, было Подляшье *). Косинскій, полагаютъ изслѣдователи, вѣроятно, былъ шляхтичъ. Національное происхожденіе его неизвѣстно, и проф. Грушевскій вполнѣ справедливо оставляетъ вопросъ о національности Косинскаго открытымъ. В. Н. Доманицкій и А. В. Стороженко считаютъ Косинскаго полякомъ, основываясь на его имени и на польской его подписи. Костомаровъ и Ф. Д. Николайчикъ **) думаютъ, что Косинскій былъ православной вѣры. Кулішъ, напротивъ, что онъ былъ католикомъ или протестантомъ. Преданіе изукрасило личность Косинскаго. Разсказы объ его возстаніи, какъ они занесены, напримѣръ, въ лѣтопись Грабянки или въ „Исторію Руссовъ" далеки, поэтому, отъ дѣйствительности. Къ извѣстію о томъ, будто Косинскій служилъ раньше у князя Константина Острожскаго, а затѣмъ, поссорившись, ушелъ на Запорожье, В. Н. Доманицкій и проф. Грушевскій относятся скептически. Первымъ достовѣрнымъ свѣдѣніемъ о пребываніи Косинскаго на Запорожьѣ изслѣдователи считаютъ упоминаніе о „Криштофѣ" въ письмѣ тогдашняго кошевого Богдана Микошинскаго отъ 22 мая 1586 г. Косинскій въ то время занималъ, повидимому, значительное уже положеніе въ запорожскомъ войскѣ. Четыре года спустя, въ 1590 г. онъ, вмѣстѣ съ другими козацкими вождями шляхетскаго происхожденія, получилъ отъ короля, въ видѣ пожалованія, ненаселенное имѣніе Ракитно на рѣкѣ того же названія, впадающей въ Рось. Пожалованіе опротестовалъ, полагаютъ, князь Янушъ Острожскій, какъ староста бѣлоцерковскій, предъявилъ на Ракитно свои права и получилъ королевскія грамоты. Это-то обстоятельство, по мнѣнію проф. Грушевскаго,

*) *Подляшье*—область, обнимавшая части теперешнихъ губерній сувалкской, гродненской и сѣдлецкой.

**) Первыя козацкія движенія въ Речи Посполитой. Кiев. Ст. 1884 г., кн. III—IV.

и послужило поводомъ къ нападенію Косинскаго в имѣнія князей Острожскихъ. Другіе историки та считаютъ причиной столкновенія Косинскаго съ кня ями Острожскими—земельныя недоразумѣнія. Ро (Antoni J.), которому принадлежитъ наиболѣе полн изложеніе дѣла Косинскаго (Opowiadania historyczne, V считаетъ Косинскаго личнымъ врагомъ князя Остро скаго и съ этой точки зрѣнія даетъ невѣрное освѣщ ніе всему дѣлу Косинскаго. А. В. Стороженко пре полагаетъ, хотя безъ достаточныхъ основаній, что К синскій съ полкомъ запорожцевъ былъ нанятъ, въ си универсала короля Сигизмунда III отъ 25 іюля н. 1590 г., на королевскую службу снятынскимъ старост Николаемъ Язловецкимъ. Неуплата въ срокъ жалова вывела изъ терпѣнія козаковъ, и они начали св опустошенія.

Всѣ эти мнѣнія являются, однако, только предп ложеніями и твердой фактической основы подъ собо не имѣютъ.

Набравши себѣ значительное количество войск на Запорожьѣ и, вѣроятно, на „волости“, Косинскій в концѣ декабря 1591 года напалъ на Бѣлую-Церковь (кіевской губерніи), разграбилъ имущество кн. Остро скаго и его замѣстителя подстаросты князя Курцевич Булыги и забралъ документы. Другой отрядъ козаков захватилъ Триполье (кіевскаго уѣзда) и засѣлъ там съ артиллеріею.

Правительство не могло отнестись къ событіям равнодушно. Въ началѣ 1592 г. король Сигизмундъ III назначилъ особую комиссію, преимущественно, и украинскихъ старостъ. Комиссія носила не только сл ственный, но и карательный характеръ. Она долж была разслѣдовать своевольство козаковъ и наказа виновныхъ. Въ комиссію былъ назначенъ и Никола Язловецкій. Онъ все еще числился оффиціальным козацкимъ старшимъ и являлся, такимъ образомъ, офф ціальнымъ представителемъ козачества.

Комиссія собрала военныя силы и двинулась противъ козаковъ, засѣвшихъ въ Трипольѣ. Съ козаками въ Трипольѣ былъ, очевидно, и Косинскій. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ, посланномъ изъ Фастова (кіевской губ., васильковскаго уѣзда), Язловецкій требовалъ его выдачи. Угрозы комиссіи не помогли. Козаки не выдали Косинскаго. Комиссія не рѣшилась дѣйствовать противъ козаковъ силой, а ограничилась только заочнымъ объявленіемъ ихъ бунтовщиками и врагами государства.

Весь 1592 годъ на Украинѣ было безпокойно. То тамъ, то здѣсь появлялись козаки, и возникали волненія. Сохранились указанія на волненія въ Переяславлѣ (полтавской губ.), на Подоліи, на Волыни, въ земляхъ кіевскихъ и брацлавскихъ. Косинскій, въ свою очередь, продолжалъ свои набѣги, не всегда, правда, удачныя, на земли князей Острожскихъ. Движеніе получало такимъ образомъ, широкое распространеніе и вызывало естественную тревогу въ шляхетскихъ кругахъ. Начатое Косинскимъ оно, только въ сравнительно небольшой своей части, подчинялось его руководству. Въ остальномъ движеніе пріобрѣтало стихійный характеръ.

На соціальный оттѣнокъ движенія указываютъ отзывы о немъ современной шляхты, собиравшейся тогда на совѣщанія въ виду козацкой опасности. Козаки, говоритъ, напримѣръ, владимірская шляхта, по обычаю непріятельскому, повоевали немало замковъ, мѣстечекъ и селъ украинныхъ, опустошили имѣнія братьевъ нашихъ—шляхтичей, нѣкоторыхъ изъ нихъ забрали въ неволю, въ заключеніе; въ настоящее время козаки съ артиллеріей достигли уже, какъ непріятели, воеводства волынскаго, намѣреваясь и дальше опустошать владѣнія королевскія.

Нельзя сказать, чтобы польское правительство отнеслось энергично къ дѣйствіямъ Косинскаго. Расправу съ козаками оно, быть можетъ, считало личнымъ дѣломъ князей Острожскихъ. Острожскимъ, поэтому, при-

шлось дѣйствовать самостоятельно. Въ Константинов (теперь Староконстантиновъ волынской губерніи) была собрана волынская шляхта. Во главѣ ея отрядовъ сталъ старый князь К. К. Острожскій. Косинскій окопался подъ м. Пятковъ, возлѣ м. Чуднова (волынской губерніи, житомирскаго уѣзда), во владѣніяхъ кн. Острожскихъ. 23 января 1593 года произошло сраженіе. Козаки были разбиты и понесли большія потери. Послѣ этого начались переговоры, и 31-го января былъ заключенъ договоръ, сохранившійся въ полномъ видѣ до настоящаго времени. Въ основѣ этого акта лежали принципы, установленные на Варшавскомъ сеймѣ 1589 года.

Договоръ написанъ отъ имени Криштофа Косинскаго, какъ гетмана, сотниковъ, атамановъ и всего рыцарства запорожскаго и заключаетъ въ себѣ рядъ односторонних обязательствъ, данныхъ козаками князю Острожскимъ. Большинство этихъ обязательствъ носило, впрочемъ, частно-правовой характеръ и касалось такихъ предметовъ, которые съ ясностью свидѣтельствуютъ о соціальной подкладкѣ движенія, поднятаго Косинскимъ. Подъ присягою, козаки обязывались не имѣть старшимъ Косинскаго, и въ теченіе четырехъ недѣль избрать на его мѣсто другое лицо; затѣмъ уйти за пороги и жить тамъ. Далѣе козаки обязывались не опустошать имѣній князей Острожскихъ и ихъ пріятелей и не брать у нихъ слугъ *), выдавать и не укрывать у себя бѣглыхъ крестьянъ. Огнестрѣльное оружіе, кромѣ находящагося въ Трипольѣ, хоругви, лошадей скотъ, и все движимое имущество, награбленное въ панскихъ имѣніяхъ, а также крестьянъ, приставшихъ къ войску, козаки должны были вернуть прежнимъ владѣльцамъ. Договоръ былъ подписанъ обѣими сторонами. Послѣ этого, согласно условію, Косинскій три раза поклонился князю Острожскому и его сыновьямъ. Козакамъ и Косинскому поляки позволили свободно удалиться.

*) *Слугами* назывались лица, преимущественно изъ шляхты, нанимавшіяся добровольно на извѣстный срокъ. По истеченіи срока найма, слуга могъ свободно оставить своего господина.

своихъ обязательствъ козаки не исполнили. Косинскій остался гетманомъ и немедленно же сталъ готовэя къ походу на Украину. О приготовленіяхъ Косинскаго мы знаемъ изъ донесенія черкасскаго и каневскаго старосты князя Александра Михайловича Вишневецкаго. По его словамъ, Косинскій собирался перевернуть вверхъ дномъ все пограничье и вырѣзать всѣхъ владѣльцевъ. Онъ входилъ въ сношенія съ турками и татарами, призналъ себя подданнымъ царя московскаго Федора Ивановича, который въ своемъ письмѣ къ запорожцамъ, называлъ себя, поэтому, государемъ запорожскимъ, черкасскимъ и низовскимъ. В. Н. Доманицкій и А. В. Стороженко относятся къ словамъ Вишневецкаго съ довѣріемъ. Проф. Грушевскій допускаетъ преувеличеніе. Въ интересахъ Вишневецкаго, какъ побѣдителя, лежало, конечно, представить опасность отъ Косинскаго какъ можно грандіознѣе. О планахъ Косинскаго фактически мы ничего незнаемъ. Онъ нигдѣ ихъ не высказывалъ и не обнаруживалъ. Алек. Яблоновскій предполагаетъ, будто бы Косинскій имѣлъ въ виду организовать Украину по козацкому образцу. Кулишъ приписываетъ Косинскому намѣреніе оторвать Русь отъ Польши, уничтожить аристократическій строй. По его мнѣнію, Косинскій первый намѣтилъ равноправность въ судѣ и первый поднялъ вопросъ о земельной собственности. Но все это только догадки. На факты онѣ не опираются.

Въ маѣ 1593 г. Косинскій съ двухтысячнымъ войскомъ и артиллеріей двинулся подъ Черкассы. Развить военныя дѣйствія ему, однако, не удалось. Подъ Черкассами Косинскій вскорѣ и погибъ. Кн. Вишневецкій передаетъ, что Косинскій погибъ въ битвѣ, а его товарищи поспѣшили уйти на Запорожье. Но есть и другой разсказъ о смерти Косинскаго, принадлежащій перу также современниковъ — извѣстнаго хроникера Іоахима Бѣльскаго и Гейденштейна, бывшаго секретаря короля Стефана Баторія и секретаря великаго гетмана

Яна Замойскаго. По ихъ словамъ, Косинскій былъ убитъ пьянымъ въ корчмѣ. Убили его слуги князя Александра Вишневецкаго.

Позднѣйшіе украинскіе лѣтописцы, какъ, напр., Грабянка, сдѣлали изъ Косинскаго борца за православную вѣру. Создалась легенда, будто Косинскаго замуровали въ Брестъ-Литовскѣ въ каменномъ столбѣ, и онъ сдѣлался, такимъ образомъ, одной изъ первыхъ жертвъ уніи. Въ этомъ видѣ легенда записана авторомъ „Исторія Руссовъ" и повторена затѣмъ историкомъ Н. А. Маркевичемъ въ его „Исторіи Малороссіи", вышедшей въ 1842 году. Народная память, однако, не сохранила воспоминаній о Косинскомъ. Нѣтъ ни пѣсенъ ни народныхъ думъ, связанныхъ съ его именемъ.

Соглашеніе князя Вишневецкаго съ козаками.

Смерть Косинскаго не остановила набѣговъ козаковъ. Лѣтомъ 1593 года татары напали на Волынь, козаки на Приднѣпровье. Кн. Вишневецкій не считалъ себя достаточно сильнымъ къ сопротивленію. Между нимъ и козаками было заключено въ августѣ соглашеніе, показывающее, на сколько труднымъ было положеніе черкасскаго старосты. Съ обѣихъ сторонъ былъ установленъ вѣчный, ненарушимый миръ. Вишневецкій обязался вернуть козакамъ захваченное у нихъ и оп[illegible]панное имущество. За смерть Косинскаго и другихъ козацкихъ вождей родственники могли искать удовлетворенія судомъ. Козакамъ, находившимся при Вишневецкомъ, было предоставлено право свободнаго прихода и ухода; запрещено было урядникамъ забирать въ пользу черкасскаго старосты имущество, оставшееся послѣ умершихъ козаковъ. Имущество это (отумерщина) должно было идти къ наслѣдникамъ козака. Козаки съ Запорожья получали право свободнаго прихода и ухода на волости, находившіяся подъ вѣдомствомъ кн. Вишневецкаго. Они должны были только избирать изъ своей среди старшаго, который обязанъ былъ судить пришедшихъ за поступки, совершенные въ предѣлахъ старостствъ. Послѣднее условіе А. В. ст[illegible]

Стороженко объясняетъ обычнымъ правомъ Старой Польши, по которому каждая группа людей, связанныхъ общностью занятій (мельники, судоходы, бортники) могла имѣть свое обычное право и свой судъ. Это объясненіе нельзя признать, однако, удовлетворительнымъ. Условіе о судѣ является, какъ самъ А. В. Стороженко признаетъ, повтореніемъ мѣры 1572 г. Поэтому, въ немъ нужно видѣть, какъ дѣлаетъ это проф. М. С. Грушевскій, иммунитетъ, привилегію предоставленную спеціально козакамъ.

Соглашеніе кн. Вишневецкаго съ козаками важно еще въ другомъ отношеніи. Предоставляя своимъ козакамъ право свободнаго прихода и ухода и признавая недѣйствительнымъ отобраніе у нихъ „отумерщины", впервые отмѣненной еще Стефаномъ Баторіемъ, кн. Вишневецкій уравнивалъ козаковъ, находившихся у него на службѣ или жившихъ въ староствахъ, съ козаками низовыми, пользовавшимися фактически полной свободой и самостоятельностью. Козачество сливалось, благодаря этому, въ большой общественный классъ, съ зародышемъ нѣкоторыхъ чисто сословныхъ правъ, и обособлялось отъ другихъ близкихъ ему классовъ—мѣщанства и крестьянства. Мѣстная администрація, такимъ образомъ, способствовала выработкѣ среди козачества классоваго сознанія. Обстоятельства мѣстной жизни заставляли ее идти на уступки и занимать по отношенію къ козачеству болѣе или менѣе примирительное положеніе.

Отношеніе къ козакамъ центральнаго правительства послѣ бунта Косинскаго.

Политика центральнаго польскаго правительства и высшихъ слоевъ шляхетскаго сословія не всегда совпадала съ мѣрами мѣстной украинской администраціи, старость. Старосты принуждены были считаться съ потребностями момента и итти часто на значительныя и важныя, въ принципіальномъ отношеніи, уступки. Центральное же правительство по отношенію къ козакамъ было болѣе послѣдовательнымъ. Не имѣя въ виду признать въ козакахъ новый своеобразный

общественный классъ, центральное правительство сч[illegible] тало козаковъ измѣнниками и врагами отечества. Об[illegible] уступкахъ козакамъ оно не хотѣло слышать. Если пр[illegible] ходилось дѣлать уступки, то затѣмъ принимались вс[illegible] мѣры, чтобы ихъ уничтожить. На варшавскомъ сейм[illegible] 1589 г. былъ принятъ рядъ мѣръ (такъ наз. Porząd[illegible] z strony Nizowców i Ukrainy), имѣвшихъ цѣлью обос[illegible] бить низовое козачество отъ жившаго на волостях[illegible] подчинить его надзору государства. Практическ[illegible] значенія мѣры эти, однако, не имѣли. За два мѣсяц[illegible] до извѣстнаго намъ соглашенія кн. Вишневецкаго с[illegible] козаками, подъ вліяніемъ дѣла Косинскаго, на в[illegible] шавскомъ сеймѣ 1593 года козаки были объявлен[illegible] врагами отечества и каждому вмѣнялось въ обяза[illegible] ность бороться съ ними и защищать свои дома и им[illegible] нія. Соглашеніе между козаками и кц. Вишневецким[illegible] противорѣчило этому постановленію. Поэтому като[illegible] ческій бискупъ Іосифъ Верещинскій *) въ свое[illegible] письмѣ къ канцлеру Яну Замойскому отъ 29 август[illegible] 1593 г. старался оправдать князя Вишневецкаго. Ког[illegible] козацкіе послы прибыли въ Кіевъ, чтобы въ гродско[illegible] (уголовномъ судѣ) заявить, на основаніи заключенн[illegible]

---

*) *Іосифъ Верещинскій* былъ уроженцемъ холмской Руси. П[illegible] чивъ хорошее образованіе, онъ въ началѣ 1590-хъ годовъ, въ каче[illegible] нареченнаго католическаго бискупа на кіевской каѳедрѣ, посел[illegible] въ Кіевѣ. Бискупомъ онъ былъ утвержденъ въ 1593 году. Укрѣп[illegible] за собою фастовское имѣніе, Верещинскій принялся за успѣшн[illegible] колонизацію Фастовщины, бывшей до него безлюдной пусты[illegible] Предоставляя поселенцамъ льготы, Верещинскій основалъ въ Фас[illegible] щинѣ рядъ селъ. На мѣстѣ нынѣшняго Фастова (кіевской губ.[illegible] сильковскаго уѣзда), онъ основалъ укрѣпленный замокъ. По и[illegible] своей родины, Верещинскаго назвалъ его Новымъ Верещиномъ. К[illegible] лонизація Фастовщины ставила Верещинскаго въ близкія отно[illegible] къ козакамъ. По мнѣнію его біографа А. В. Стороженка, Верещ[illegible] былъ другомъ козаковъ, не сочувствовалъ борьбѣ польскаго прав[illegible] ства съ козачествомъ, и считалъ полезнымъ использовать козачес[illegible] въ цѣляхъ колонизаціи или для внѣшнихъ походовъ. *А. В. Ст[illegible] женко.* „Іосифъ Верещинскій, бискупъ кіевскій“ въ „Сборникѣ“, [illegible] Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ. Вып. I. Кіевъ 1911 г.

соглашенія, о своихъ потеряхъ и убыткахъ. кіевская администрація ихъ арестовала, а имущество у нихъ и у свиты ихъ конфисковала. На столько въ правительственныхъ сферахъ мало придавали значенія соглашенію козаковъ съ кн. Вишневецкимъ. Козакамъ пришлось предпринять походъ къ Кіеву и силой заставить кіевскую администрацію исполнить ихъ требованіе. Администраціи и кіевскимъ горожанамъ удалось только путемъ переговоровъ, выкупа и уступокъ спасти городъ отъ разграбленія. Въ переговорахъ принимали участіе извѣстный уже намъ бискупъ Іосифъ Верещинскій и князь Кирикъ Ружинскій. Послѣдній, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ, былъ хорошо извѣстенъ козакамъ. Въ 1580-хъ годахъ Кирикъ Ружинскій, подобно другимъ авантюристамъ, былъ одно время козацкимъ вождемъ.

Въ концѣ XVI ст. вопросъ объ отношеніяхъ между козаками и польскимъ правительствомъ былъ крайне неяснымъ, неопредѣленнымъ и постоянно могъ служить поводомъ для внутреннихъ междоусобій. Такъ это и было на самомъ дѣлѣ.

Козачество и крестьянство, возбужденныя возстаніемъ Косинскаго, не могли сразу успокоиться послѣ его смерти. Переписка между польскими администраторами показываетъ, что въ концѣ 1593 г. на Украинѣ было очень неспокойно. На Волыни и, въ особенности, въ Брацлавщинѣ шли волненія. Но они еще не разгорѣлись тогда, какъ впослѣдствіи, въ огромный пожаръ. Объясненія этому новѣйшіе изслѣдователи ищутъ въ томъ обстоятельствѣ, что главныя массы козачества, которыя могли бы соединить возлѣ себя недовольныхъ, и сдѣлаться центромъ движенія, были отвлечены внѣшними событіями.

Сношенія козаковъ съ импер. Рудольфомъ.

Въ 1593 году началась война между Турціей и Австріей изъ-за Венгріи. Императоръ Рудольфъ II разсылалъ пословъ по всѣмъ странамъ и искалъ помощи. Объ этомъ услышали запорожскіе козаки и предложили императору свои услуги для борьбы съ турками.

Императоръ не имѣлъ никакого понятія о козакахъ. Черезъ своего посла Вакера онъ наводилъ о нихъ справки въ Москвѣ и Польшѣ. Неопредѣленнымъ положеніемъ дѣла захотѣлъ, очевидно, воспользоваться одинъ изъ шляхтичей-авантюристовъ Станиславъ Хлопицкій. Хлопицкій отправился къ императорскому двору въ Прагу и предложилъ тамъ войти въ соглашеніе съ козаками для задержки татаръ, направлявшихся въ Венгрію на помощь туркамъ. Хлопицкій былъ принятъ на государственную службу и посланъ къ запорожцамъ. Ему поручено было передать козакамъ письмо, знамя и трубы отъ имени императора и побудить козаковъ къ войнѣ съ турками. Одновременно съ Хлопицкимъ, но отдѣльно отъ него, былъ посланъ агентъ австрійскаго императора Эрихъ Лассота, оставившій замѣчательный, какъ мы узнаемъ, дневникъ о своемъ пребываніи на Запорожьѣ. Лассота долженъ былъ передать козакамъ 8 т. дукатовъ и условиться съ ними относительно военныхъ дѣйствій противъ турокъ. Козаки не согласились предпринять походъ въ Турцію. Они рѣшили идти въ Крымъ и на Перекопъ. Къ Рудольфу были отправлены послы для переговоровъ о дальнѣйшей службѣ козаковъ императору.

Папа Климентъ VIII и козаки.

Почти одновременно съ австрійскимъ правительствомъ попытку войти въ сношенія съ козаками сдѣлалъ и папа Климентъ VIII. Папскій престолъ имѣлъ въ виду создать громадную христіанскую лигу для изгнанія турокъ изъ Европы. Для этого въ Польшу былъ отправленъ хорватскій священникъ Комуловичъ, называвшійся, по обычаю тогдашняго времени, въ латинизованной формѣ Комулеемъ. Комулей долженъ былъ войти въ сношеніе и съ козаками. Относительно козаковъ онъ мало былъ освѣдомленъ; къ запорожцамъ поѣхать не рѣшился, и его миссія относительно козаковъ оказалась безплодной.

Всѣ эти сношенія не могли пройти безслѣдно. Они взволновали козачество притомъ не только на За-

порожье, но и на волостяхъ. Въ 1593 года въ декабрѣ около трехъ тысячъ козаковъ прошли черезъ Молдавію, разграбили Джурджево и унесли оттуда богатую добычу. Вождемъ козацкаго отряда современные писатели (Бѣльскій, Гейденштейнъ) называютъ Григорія Лободу.

Григорій Лобода.

Григорій Лобода съ этого времени до самой своей смерти занимаетъ центральное мѣсто среди козачества. Свѣдѣній о Лободѣ мало. Онъ принадлежалъ къ болѣе зажиточной части козачества, имѣлъ земельное имущество, находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ княземъ К. К. Острожскимъ и женился насильно на шляхтянкѣ Обдорской. Лобода, вѣроятно, рано ушелъ на Запорожье. Но извѣстій объ его пребываніи тамъ нѣтъ. Впервые о немъ упоминается послѣ смерти Косинскаго, когда Лобода былъ избранъ старшимъ. Наряду съ нимъ появлялись потомъ и другіе старшіе. Лобода, однако, всегда пользовался вліяніемъ среди болѣе организованнаго козачества. О Лободѣ, какъ о прежнемъ гетманѣ, говоритъ Эрихъ Лассота въ своемъ дневникѣ и отмѣчаетъ его вліяніе на козаковъ.

Наливайко.

Наряду съ Лободой важную роль на Украинѣ въ то время игралъ Северинъ, или, какъ нѣкоторые пишутъ, Семеринъ, Семерый Наливайко. Онъ былъ вождемъ, главнымъ образомъ, волостного, неорганизованаго козачества. Происхожденіе Наливайка неясно. Ф. Д. Николайчикъ считаетъ его мелкимъ шляхтичемъ. В. Б. Антоновичъ называетъ Наливайка сагановскимъ мѣщаниномъ. Есть, однако, преданіе, что отецъ Наливайка былъ скорнякомъ и имѣлъ землю на Подоліи въ м. Гусятинѣ (каменецъ-подольскаго уѣзда). Этому преданію вѣритъ В. Н. Доманицкій, и возможность его допускаетъ проф. М. С. Грушевскій, хотя и съ оговоркой, что въ Наливайкѣ можно видѣть и человѣка „лучшей кондиціи“, т. е. шляхтича. Отецъ Наливайка пострадалъ отъ владѣльца м. Гусятина Калиновскаго и умеръ отъ его побоевъ. Местью за смерть отца Северинъ На-

ливайко объяснялъ впослѣдствіи въ письмѣ къ королю свое нападеніе на имѣнія Калиновскаго.

Послѣ смерти мужа мать Наливайка поселилась въ г. Острогѣ (уѣздный городъ волынской губ.). У нея было три сына и дочь Елена. Старшій изъ сыновей Демьянъ былъ священникомъ при острожскомъ замкѣ у князей Острожскихъ и виднымъ дѣятелемъ острожскаго литературнаго кружка. До самой своей смерти, въ 1627 году, Демьянъ являлся ярымъ врагомъ уніатовъ. Имя младшаго изъ Наливаекъ не сохранилось. По преданію, онъ былъ скорнякомъ и содержалъ шинокъ. Северинъ Наливайко, средній изъ братьевъ, молодые годы провелъ среди козаковъ при многихъ гетманахъ. Объ этомъ онъ самъ говоритъ въ письмѣ королю въ началѣ 1596 г. Нѣкоторое время Северинъ Наливайко занимался, говорятъ, торговлей, но затѣмъ бросилъ и поступилъ въ милицію къ князю Острожскому. Думаютъ, что онъ былъ рукодайнымъ слугою князя, т. е. слугою, добровольно принявшимъ на себя обязанности службы. Современникъ Бѣльскій рисуетъ Северина Наливайка красавцемъ, человѣкомъ большихъ способностей и хорошимъ артиллеристомъ. В. Н. Доманицкій называетъ его, кромѣ того, человѣкомъ достаточно просвѣщеннымъ. Для такого утвержденія, однако, нѣтъ фактическихъ основаній.

Служба у князя Острожскаго поставила Северина Наливайка въ крайне тяжелое положеніе относительно козаковъ. Какъ слуга князя Острожскаго, Наливайко долженъ былъ бороться противъ козаковъ во время возстанія Косинскаго. Запорожскіе козаки никогда не могли простить этого Наливайку, несмотря на его оправданія, и относились къ Наливайку сдержанно. Это мы знаемъ изъ записокъ Эриха Лассоты.

Въ 1593 году Северинъ Наливайко уволился отъ князя Острожскаго и сталъ вербовать вокругъ себя козаковъ изъ волостей. Это дѣлали до него и другіе авантюристы. Свои услуги Наливайко предложилъ

сначала великому гетману Замойскому для борьбы противъ турокъ и татаръ. Предложеніе Наливайка, нужно думать, не было принято. Поэтому онъ самостоятельно съ 2½ т. козаковъ въ іюлѣ 1593 года отправился въ Молдавію и перерѣзалъ путь татарамъ въ Венгрію. Походъ Наливайка былъ удаченъ. Послѣ этого Наливайко отправляетъ пословъ на Запорожье и предлагаетъ дѣйствовать совмѣстно. Свидѣтелемъ этого посольства былъ Лассота. Соглашеніе Запорожцевъ съ Наливайкомъ, повидимому, состоялось. Они совмѣстно предприняли въ 1594—1595 г. нѣсколько походовъ въ Молдавію. Запорожцами предводительствовалъ Лобода.

Войска Лободы и Наливайка не смѣшивались между собою и постоянно различались даже въ глазахъ польскаго правительства. Подъ начальствомъ Лободы было преимущественно организованное, полупризнанное польскимъ правительствомъ, запорожское козачество. Подъ предводительствомъ же Наливайка собиралось неорганизованное волостное козачество и разный сбродъ. Между Лободой и Наливайкомъ было постоянное соперничество. Оно сообщалось и ихъ войскамъ и нерѣдко прорывалось наружу.

Дѣйствія отрядовъ Лободы и Наливайка.

Возвращаясь изъ Молдавіи, Лобода и Наливайко зиму 1594—1595 провели въ Брацлавщинѣ. Войска ихъ, особенно же войско Наливайка, причинили много безпокойствъ мѣстной шляхтѣ, требуя отъ нея больших поборовъ, производя грабежи и насилія. Особенно тяжело было отъ Наливайка въ имѣніяхъ Калиновскаго. Наливайко мстилъ ему за смерть своего отца. Брацлавскіе мѣщане стали на сторону козаковъ, помогали имъ грабить шляхту и уничтожали ея судебные и земельные документы. Соціальный характеръ этого брацлавскаго козацко-мѣщанскаго движенія несомнѣненъ. Оно было направлено противъ шляхты, какъ сословія ея землевладѣльческихъ правъ и привиллегій.

Весной 1595 года Лобода и Наливайко снова предприняли походъ въ Молдавію и опять вернулись въ

Брацлавщину и стали тамъ хозяйничать. Польскому правительству пришлось предпринять въ Брацлавщину спеціальную экспедицію для того, чтобы возстановить тамъ прежнія отношенія.

Не въ одной Брацлавщинѣ замѣчалось въ то время соціальное движеніе. Въ другихъ мѣстахъ оно только недостаточно ясно было выражено. Часть запорожскаго козачества, отдѣлившись отъ Лободы, подъ начальствомъ Полоуза, грабила шляхту въ кіевскомъ Полѣсьѣ. Особенно сильно начались эти грабежи осенью 1595 года, когда Наливайко вернулся изъ похода въ Венгрію. Грабежи Наливайко оправдывалъ необходимостью для козаковъ приготовить запасы на зиму. Наливайко отправился на Волынь, къ Луцку, разграбилъ городъ, обложилъ поборами мѣщанъ и шляхту, затѣмъ перешелъ въ Бѣлоруссію и тамъ дѣлалъ тоже. Въ кіевскомъ Полѣсьѣ хозяйничалъ Лобода, въ Бѣлоруссіи—другой козацкій предводитель Шаула; у Шаулы былъ свой самостоятельный отрядъ. Шаула считался гетманомъ.

Козацкіе грабежи не являлись результатомъ опредѣленнаго плана. Каждый изъ козацкихъ вождей дѣйствовалъ особо, независимо отъ другихъ. Но оправданіе у нихъ было общее—заготовленіе припасовъ на зиму. Отъ Наливайка Лобода отрекся и говорилъ, что съ нимъ онъ не имѣлъ ничего общаго и никогда не знался. Грабежи козаковъ были направлены на зажиточные слои общества, на города, гдѣ козаки грабили мѣщанъ, и на шляхетскія имѣнія.

Отношеніе мѣщанства къ движенію.

Въ цѣломъ рядѣ волынскихъ, полѣсскихъ и бѣлорусскихъ городовъ въ XV—XVI в. утвердилось нѣмецкое такъ называемое магдебургское право. Благодаря этому города эти, какъ административно-судебные центры, были отдѣлены отъ области. Они имѣли свое самоуправленіе, и жители ихъ, мѣщане, составляли особый общественный классъ, отдѣльный, въ правовомъ и соціальномъ отношеніяхъ, отъ остальной массы населенія

области. Въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ магдебургское право стало получать распространеніе только въ концѣ XVI в., съ оживленіемъ колонизаціи. Во время козацкаго движенія 1596 г. оно не успѣло еще оказать существеннаго вліянія на классовое расчлененіе общества. Оттого и замѣчается существенная разница въ отношеніяхъ козаковъ къ мѣщанамъ полѣсскихъ и украинскихъ городовъ. Полѣсскіе мѣщане не были элементомъ, близкимъ къ козачеству, подобно мѣщанамъ украинскихъ городовъ. Тамъ, поэтому, не наблюдаются явленій, когда мѣщане шли заодно съ козаками, какъ это мы видѣли, напримѣръ, въ Брацлавщинѣ.

Въ 1596 году въ козацкое движеніе влился новый элементъ—религіозный. 1596-й годъ былъ временемъ окончательнаго подготовленія и осуществленія брестской религіозной уніи. Козаки приняли сторону православныхъ и стали грабить имѣнія наиболѣе видныхъ поборниковъ уніи. Религіозный элементъ въ движеніи.

Видѣть въ этомъ проявленіе возмущеннаго религіознаго чувства въ массахъ народныхъ, однако, нельзя. Правда, козацкій лѣтописецъ XVIII в. Грабянка, а затѣмъ и другіе, Бантышъ-Каменскій, Н. И. Костомаровъ и Д. И. Иловайскій, характеризовали козаковъ Наливайка и Лободы, какъ борцовъ за православную вѣру. Но Кулішъ во второмъ томѣ своей „Исторіи возсоединенія Руси“ основательно подвергнулъ подобный взглядъ критикѣ. Кулішъ, а за нимъ въ новѣйшее время и проф. Грушевскій справедливо указываютъ, что, характеризуя козаковъ XVI в., какъ какихъ-то подвижниковъ вѣры, лѣтописцы и историки очень далеки отъ истины и дѣлаютъ заключенія о козакахъ XVI в. по фактамъ XVII и XVIII в. На сколько мало интересовала козаковъ XVI в. церковная жизнь и обрядность, видно изъ того, что одинъ изъ современниковъ Сарницкій въ 1580 г. считалъ козаковъ за магометанъ. До конца XVI в. на Запорожьѣ не было ни церкви, ни священника. Интересъ къ религіознымъ дѣламъ у козаковъ

создался впослѣдвіи, въ XVII в., и былъ результатомъ ожесточенной борьбы между уніатами и православными. Борьба эта, начавшись среди высшихъ и интеллигентныхъ слоевъ общества, захватила мало-по-малу и народныя массы. Нападенія же козаковъ на имѣнія уніатовъ въ концѣ XVI в. могли быть результатомъ отношеній главныхъ вождей козаковъ Наливайка и Лободы къ князю К. К. Острожскому, стоявшему во главѣ православныхъ. Братъ Наливайка Демьянъ, какъ мы знаемъ, принадлежалъ къ кружку кн. Острожскаго, самъ Северинъ Наливайко служилъ у князя. Лобода находился съ княземъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и старый князь относился съ уваженіемъ къ козацкому гетману. Князя К. К. Острожскаго обвиняли, будто онъ насылалъ козаковъ на имѣнія уніатовъ. Имя князя Острожскаго не разъ упоминалось въ процессахъ противъ козацкихъ грабежей. Враги, въ видѣ особенно злой проніи, называли православныхъ „наливайками", или „наливайковскою сектою". Но это еще не даетъ основаній считать козацкое движеніе 1595—1596 г. религіознымъ. Религіозный элементъ вошелъ въ него случайно, и вовсе не былъ его движущимъ началомъ. Съ этимъ соглашается и историкъ „Сеймовой борьбы православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей" проф. П. Жуковичъ. Козацкое движеніе того времени было направлено противъ наиболѣе зажиточныхъ и привиллегированныхъ сословій. Оно имѣло подъ собой экономическую и соціальную основу и, въ этомъ отношеніи, было сходно съ движеніемъ Косинскаго.

Отступленіе козаковъ за Днѣпръ. Въ началѣ 1596 г., когда козацкое движеніе широко уже разлилось по Брацлавщинѣ, Волыни, Бѣлоруссіи и Кіевщинѣ, польское правительство рѣшило принять противъ него серьезныя мѣры. Во главѣ войска былъ поставленъ польный гетманъ *) Станиславъ

*) *Польный (полевой) гетманъ*—помощникъ и замѣститель великаго гетмана, въ рукахъ котораго находилось командованіе вооруженной силой страны. Великимъ гетманомъ въ то время былъ Янъ Замойскій (1541—1605).

Жолкевскій. Однимъ изъ видныхъ помощниковъ Жолкевскаго былъ князь Кирикъ Ружинскій. Послѣдній, по обычаю того времени, началъ съ авантюръ и въ 1580-хъ годахъ стоялъ одно время во главѣ козацкаго отряда. Теперь, подъ вліяніемъ козацкаго движенія, въ князѣ Ружинскомъ пробудилось классовое сознаніе, и онъ явился ярымъ врагомъ козаковъ. По отношенію къ козакамъ князь Кирикъ Ружинскій проявлялъ всѣ характерные признаки классовой мести. Жестокости его вызвали даже осужденіе Жолкевскаго. Князь Ружинскій десятками казнилъ козаковъ, попадавшихъ къ нему въ руки.

Жолкевскій, на первыхъ порахъ, сосредоточилъ свое вниманіе на Наливайкѣ. Послѣдній находился въ то время въ южной Волыни, и, такъ какъ Жолкевскій началъ свое наступленіе отъ Кременца (уѣздный городъ волынской губ.), то Наливайко отступилъ въ Брацлавщину. Наливайко надѣялся на поддержку брацлавскихъ мѣщанъ. Надежда не оправдалась. Брацлавцы были запуганы приближеніемъ Жолкевскаго. Жолкевскій преслѣдовалъ Наливайка по пятамъ. Подъ Прилукою (кіевской губ. бердичев. уѣзда) догналъ его и вступилъ въ битву. Наливайку удалось благополучно отступить къ Корсуню (кіевской губ. каневскаго уѣзда) и подъ Бѣлой Церковью (кіевской губ. васильковскаго уѣзда) соединиться съ Шаулой. Шаула былъ въ то время гетманомъ вмѣсто Лободы. Козаки подъ Бѣлой Церковью нанесли значительное пораженіе отряду князя Кирика Ружинскаго. Но имъ, все-таки, пришлось отступить по направленію къ Триполью на Днѣпрѣ (кіевскаго уѣзда), такъ какъ къ Бѣлой Церкви приближались главныя силы подъ начальствомъ Жолкевскаго. Поляки нагнали козаковъ по дорогѣ къ Триполью. Въ урочищѣ Гострый Камень произошла жаркая битва. Съ обѣихъ сторонъ потери были велики. Козацкому гетману Шаулѣ оторвано руку. Козаки временно избрали на его мѣсто Наливайка и отступили

къ Переяславу (полтав. губ.) за Днѣпръ. Здѣсь состоялась рада, и гетманомъ былъ снова избранъ Григорій Лобода. Старое недовѣріе къ Наливайку сказалось. Его не избрали.

Составъ козацкаго лагеря.

Подъ Переяславомъ находились не только вооруженные козаки, но и семьи нѣкоторыхъ изъ нихъ: жены и дѣти. Въ отрядѣ Лободы и Наливайка, такимъ образомъ, были не одни запорожскіе бездомные козаки, но и козаки волостные, а также и приставшіе къ козацкимъ отрядамъ крестьяне. Крестьяне бросали своихъ владѣльцевъ, очевидно, съ семьями. О присутствіи крестьянъ въ козацкихъ отрядахъ говоритъ современникъ событій Гейденштейнъ. Такой сложный составъ козаковъ, собравшихся подъ Переяславомъ, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о соціальномъ характерѣ движенія. Не однѣ только шайки грабителей собрались тамъ, но люди, искавшіе лучшей доли. Люди эти не нашли ее на родинѣ. Они съ семьями ушли, поэтому, за Днѣпръ вслѣдъ за козаками. Въ козакахъ они, очевидно, видѣли своихъ избавителей.

Солоницкая битва.

Жолкевскій имѣлъ лазутчиковъ и узнавалъ, что дѣлалось у казаковъ. У козаковъ шли совѣщанія. Одни предлагали идти въ московскіе предѣлы; другіе—отдаться подъ власть хана и съ ними воевать противъ Польши. Были и такіе, которые совѣтовали сдаться полякамъ. Но большинство, все-таки, повидимому, склонялось къ тому, чтобы защищаться до послѣдней крайности. Сначала козаки думали остаться подъ Переясловомъ. Они надѣялись на кіевлянъ. Но кіевскіе мѣщане измѣнили и дали возможность полякамъ переправиться черезъ Днѣпръ. Козаки поспѣшили отступить подальше, вглубь полтавскихъ степей, гдѣ только что начинались первые шаги колонизаціонной дѣятельности князей Вишневецкихъ. Недалеко отъ теперешнихъ Лубенъ, на рѣчкѣ Солоницѣ, впадающей въ рѣку Сулу, козаки 25 мая 1596 г. заняли хорошую позицію и укрѣпились. Мѣсто ихъ стоянки, однако, затеряно для потомства.

Ничего не сохранилось опредѣленнаго у мѣстныхъ жителей и о битвѣ, и о Наливайкѣ *). Причину такого явленія легко объяснить. Въ концѣ XVI вѣкѣ на Солоницѣ и Сулѣ колонизація только что начиналась. Мало было поселеній и постояннаго населенія, которое могло бы сохранить въ своей памяти такое крупное событіе, какъ разгромъ козаковъ на рѣкѣ Солоницѣ, и передать его затѣмъ послѣдующимъ поколѣніямъ.

Жолкевскому удалось обойти козаковъ. Онъ, кромѣ того, по его же словамъ, постарался посѣять въ лагерѣ козаковъ вражду между Лободой и Наливайкомъ и ихъ приверженцами. Появились взаимныя заподазриванія и обвиненія въ измѣнѣ. Происходили бурныя рады. Во время одной изъ нихъ Лобода былъ убитъ. Наливайку, однако, и на этотъ разъ не удалось стать гетманомъ. Былъ избранъ Кремпской.

Осада козацкаго лагеря поляками началась 26 мая 1596 года и продолжалась около двухъ недѣль. За это время козакамъ удалось отбить нѣсколько разъ атаки. Осада могла затянуться на долго. Жолкевскій, поэтому, предпочиталъ кончить дѣло путемъ соглашенія. Въ числѣ главнѣйшихъ требованій Жолкевскаго стояла выдача козаками своихъ вождей. Изнуренные осадой, козаки рѣшились на этотъ шагъ. Наливайко сдѣлалъ попытку убѣжать, но 8 іюня былъ схваченъ козаками въ то время, когда перелѣзъ уже черезъ ровъ. Вмѣстѣ съ Наливайкомъ козаки отвели тогда же къ Жолкевскому и другихъ своихъ вождей. Число ихъ современники опредѣляютъ различно отъ 6 до 12. Въ числѣ ихъ былъ и извѣстный уже намъ Шаула.

Жолкевскій поставилъ козакамъ такія условія для сдачи. Козаки должны были немедленно разойтись и не собираться безъ дозволенія короля; они должны

*) Ср. *В. Милорадовичъ*. Средняя Лубенщина въ „Кіев. Стар." т. 82 (1903 г. кн. IX), стр. 290—291. *К. П. Бочкаревъ*. Очеркъ Лубенской старины, М. 1901 г., стр. 16—17. *Доманицкій*. Козаччина на переломі XVI и XVII в., стр. 111—112.

выдать всѣхъ зачинщиковъ, которые будутъ указан
а также всѣ войсковые знаки, полученные отъ инос
ныхъ государей, артиллерію, порохъ и т. д. Награбле
ное козаками имущество должно быть отдано пол
скому войску, взятые въ плѣнъ поляки—отпущен

Сост козац лаге

крѣпостные—возвращены панамъ.

Козаки принимали всѣ условія. Не соглашал
только возвратить крѣпостныхъ ихъ панамъ. Нѣкотор
ученые думаютъ, что подобное требованіе было пост
лено Жолкевскимъ съ коварною цѣлью. Поляки бы
увѣрены, что козаки его не исполнятъ. Полякамъ н
женъ былъ будто бы предлогъ, чтобы вырѣзать ко
ковъ и удовлетворить, такимъ образомъ, чувство пр
вавой классовой мести. Предположеніе врядъ ли ос
вательное.

. Началось страшное побоище. Жолкевскій, прав
въ своихъ донесеніяхъ старается смягчить краски. С
временникъ же событій Бѣльскій, писавшій на ос
ваніи разсказовъ, ходившихъ въ польскомъ общест
быть можетъ, даже очевидцевъ, рисуетъ все собы
очень кровавыми красками. Проф. Грушевскій до

Солс кая (

скаетъ даже преувеличеніе въ разсказѣ Бѣльскаго.

Жолкевскому не удалось истребить козако
Часть козаковъ, подъ начальствомъ гетмана Кремпск
все-таки, пробилась и ушла па Запорожье. Туда
ушелъ и отрядъ козаковъ съ атаманомъ Каспаро
Подвысоцкимъ во главѣ. Подвысокій стоялъ на Днѣпр
и всячески старался добраться на помощь козака
запертымъ на Солоницѣ. Подвысоцкій жегъ и раз
шалъ прибрежныя села, хотѣлъ отвлечь вниманіе Жо
кевскаго отъ осады. Ничто не помогло. Подвысоцкій
могъ предупредить солоницкій разгромъ.

Нѣсколько недѣль спустя, въ іюлѣ 1596 г., Жол
кевскій прибылъ во Львовъ. Тамъ въ то время нах
дился король. Жолкевскій привезъ плѣнныхъ коза
кихъ начальниковъ и трофеи, взятыя у козаковъ. Тр
феи были отвезены затѣмъ въ Варшаву.

Плѣнные козацкіе начальники были скоро казнены. Одного только Наливайка держали болѣе полугода въ тюрьмѣ. Казненъ Наливайко 11 апрѣля 1597 г. новаго стиля въ Варшавѣ. Точно объ этомъ извѣстно изъ письма воеводы новгородскаго Федора Скумина къ князю Николаю-Криштофу Радзивилу отъ 14 апрѣля 1596 г. Польскіе и козацкіе лѣтописцы говорятъ, что Наливайка сильно мучили въ тюрьмѣ. Ему не давали, между прочимъ, спать. На сколько справедливы эти разказы, сказать трудно. **Казнь Наливайка.**

Разсказъ о смерти Наливайка изукрашенъ. По словамъ извѣстнаго уже намъ Федора Скумина, Наливайко былъ сначала обезглавленъ, а затѣмъ четвертованъ, т. е. тѣло его было разрублено на части. Скуминъ былъ почти очевидцемъ казни и, во всякомъ случаѣ, не имѣлъ, какъ справедливо замѣчаетъ Иванъ Франко, никакихъ основаній скрывать предъ Радзивиломъ жестокихъ подробностей казни, если бы онѣ имѣли мѣсто. Свидѣтельство Скумина нужно признать наиболѣе достовѣрнымъ.

Всѣ сказанія о смерти Наливайка могутъ быть сгруппированы въ четыре вида. Къ первому нужно отнести свидѣтельство Федора Скумина. Другое сказаніе говоритъ, что Наливайко былъ посаженъ на колъ. По наиболѣе распространенному у лѣтописцевъ сказанію, Наливайку надѣли на голову разскаленный мѣдный вѣнецъ и сожгли на мѣдномъ раскаленномъ конѣ, или на волѣ, какъ говорится въ нѣкоторыхъ варіантахъ. По четвертому, наконецъ, виду сказаній, Наливайка сожгли не на мѣдномъ волѣ, а въ мѣдномъ волѣ. У разныхъ лѣтописцевъ отдѣльныя подробности казни Наливайка изображаются иначе. **Легенды о смерти Наливайка.**

В. Н. Доманицкій полагалъ, что легендарное изображеніе казни Наливайка появилось прежде всего у козацкихъ лѣтописцевъ XVII—XVIII в.в. По Костомарову, а въ новѣйшее Иванъ Франко въ своемъ изслѣдованіи „Наливайко в мідяніи бици“ *) показалъ, что

*) Науковий збірник, присьвячений професорови Мих. Грушевському. У Львові, 1906, стр. 77.

легенда о смерти Наливайка съ мѣдною короною н
головѣ, встрѣчается впервые у польскаго писател
XVII вѣка Іоачинскаго, который, быть можетъ, изукр
силъ легенду подъ вліяніемъ жестокостей тридцат
лѣтней войны. Дальнѣйшее развитіе легенда получил
у козацкихъ лѣтописцевъ и, наконецъ, въ полномъ ви
она была закончена авторомъ „Исторіи Руссовъ". Е
повторилъ затѣмъ Бантышъ-Каменскій въ „Исторі
Малой Россіи".

Уже въ XVIII столѣтіи ученый нѣмецъ Энгель
своей „Исторіи Украины" находилъ сходство межд
легендой о смерти Наливайка и старинной повѣсть
о смерти агригентскаго тирана Фалариса. На это у
зывалъ и Кулішъ во второмъ томѣ „Исторіи возсоед
ненія Руси". Сходство отмѣчаетъ и Франко. Франко п
этомъ думаетъ, что не Іоачинскій первый приложи
къ Наливайку сказаніе о Фаларисѣ. Легенда была пр
дуктомъ сборной шляхетской фантазіи. По мѣрѣ у
ленія козацкихъ возстаній, шляхетская фантазія ст
ралась придать все болѣе и болѣе жестокій харак
смерти одного изъ первыхъ козацкихъ предводител
Разумѣется, это только гипотеза.

Репрессіи относительно козачества и ихъ результаты.

Движенія 1595—1596 г., помимо дѣйствія воен
силою, вызвали у польскаго правительства рядъ р
прессивныхъ мѣръ противъ козачества. Жолкевск
указывалъ на то, что „вся Украина покозачилась, и
измѣнниковъ и шпіоновъ", видѣлъ спасеніе тол
въ репрессіяхъ и побуждалъ на нихъ правительст
Еще 7 мая 1596 г., значитъ, до солоницкой битвы,
конституцію засѣдавшаго тогда варшавскаго се
было внесено постановленіе „о козакахъ и людяхъ
вольныхъ". По примѣру конституціи 1593 г., коза
объявлялись врагами отечества. Жолкевскому давал
порученіе уничтожить козачество съ корнемъ. У ко
ковъ было отобрано пожалованіе короля Стефана Б
рія—Терехтемировъ и др. Козаки были лишены т
доли самоуправленія, какую за ними до тѣхъ по

признавала власть. Для удержанія козацкаго своеволія на будущее время было возобновлено извѣстное уже намъ постановленіе сейма 1590 г., которымъ устанавливался надзоръ мѣстной администраціи и помѣщиковъ за крѣпостными, стѣснялся выходъ на Запорожье и т. д.

Послѣ разгрома козаковъ на Солоницѣ, репрессивныя мѣры стали примѣняться настойчиво. Но онѣ не достигали цѣли въ той мѣрѣ, какъ на это расчитывали въ Речи Посполитой. Причины соціальнаго характера, вызвавшія движеніе 1595—1596 г. продолжали существовать и дѣйствовать. Броженіе въ народныхъ массахъ не утихало. По Украинѣ бродило много народу, собирались вмѣстѣ, грозили шляхтѣ и управителямъ королевскихъ имѣній, господарямъ. 1-го сентября 1596 г. король Сигизмундъ III принужденъ былъ обратиться къ обывателямъ волынскаго, кіевскаго и брацлавскаго воеводствъ съ особымъ универсаломъ. Король просилъ принять мѣры противъ продолжающагося броженія въ народѣ; казнить смертью своевольныхъ, не пропускать никого въ Запорожье и изъ Запорожья. О продолжавшемся козацкомъ своевольствѣ шляхта говорила и въ декабрѣ 1596 г., черезъ полгода послѣ солоницкой осады.

Солоницкій разгромъ не прошелъ безслѣдно для козачества. Онъ посѣялъ между козаками раздоръ. Часть козаковъ рѣшила стать въ лойальныя отношенія къ польскому правительству, подчиниться всѣмъ распоряженіямъ. Она избрала своимъ старшимъ какого-то Христофора Нечковскаго, очень вѣроятно, какъ думалъ В. Н. Домапицкій, человѣка шляхетскаго рода. Другая часть козаковъ оставалась подъ начальствомъ Подвысоцкаго и Кремскаго и заняла непримиримое положеніе. Точно опредѣлить причины раздоровъ между козаками не представляется, однако, возможнымъ. Неизвѣстенъ составъ враждовавшихъ. Причины вражды могли лежать глубже, въ соціальномъ составѣ двухъ различныхъ группъ козачества. На это указываетъ от-

части Ал. Яблоновскій. Соціальные и экономическіе интересы разбитыхъ остатковъ главнаго ядра войска Лободы и Наливайка могли быть совершенно иными сравнительно съ группой козаковъ, ставившихъ себѣ цѣлью возстановить только старыя основы своихъ отношеній къ правительству, какъ они сложились со времени короля Стефана.

Мы знаемъ только, что между двумя группами козачества въ концѣ XVI в. шли постоянные нелады. Каждая изъ группъ выбирала себѣ отдѣльнаго старшаго. Въ 1597—1598 г. во главѣ болѣе непримиримыхъ стоялъ Полоузъ, одинъ изъ соратниковъ Лободы, во главѣ умѣренныхъ—Тихонъ Байбуза. Байбуза происходилъ изъ землевладѣльческаго рода. Значитъ, былъ человѣкъ зажиточный и, вѣроятно, шляхтичъ. Во время похода на Молдавію между байбузовцами и полоузовцами дѣло дошло до настоящей междуусобной войны. Представители обѣихъ козацкихъ партій обращались за помощью къ польскому правительству, обвиняя другъ друга въ своеволіяхъ и насиліяхъ надъ населеніемъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, очевидно, къ коронному гетману Замойскому, Байбуза просилъ назначить къ козакамъ старшаго изъ зажиточныхъ шляхтичей и пожаловать имъ знамя, какъ это было при королѣ Стефанѣ.

Польское правительство не вмѣшалось въ козацкія распри. Представители правительства считали ихъ выгодными для Польши. „Пусть лучше они одни между собой погрызутся—писалъ о козакахъ извѣстный Кирикъ Ружинскій, на будущее время, быть можетъ, лучшая служба отъ нихъ будетъ королю и Речи Посполитой“.

Самойло Кошка.

Свѣдѣнія о козакахъ за послѣдніе годы XVI ст. крайне скудны. Неизвѣстно, какимъ образомъ кончились козацкіе раздоры. Въ 1600 году обѣ группы козаковъ выступали уже, какъ одно цѣлое. Во главѣ ихъ стоялъ Самойло Кошка (Кішка, Кушка, какъ пишутъ иногда, придерживаясь различныхъ украинскихъ мѣстныхъ произношеній).

Предполагаютъ, что Самойло Кошка происходилъ изъ шляхтскаго рода Кошекъ, или Кошичей въ Брацлавщинѣ. Но предположеніе это основано только на созвучіи фамилій. О Кошкѣ мы имѣемъ самую длинную и лучше другихъ сохранившуюся народную думу. Издатели „Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа“ считали ее замѣчательной по точности біографическо-хронологическихъ данныхъ. Послѣдующіе изслѣдователи В. П. Науменко, самъ же В. Б. Антоновичъ и проф. Грушевскій поколебали это мнѣніе. Какъ установлено ими, дума о Самойлѣ Кошкѣ является отголоскомъ самыхъ разнородныхъ событій. Разсказъ ея о плѣненіи Кошки турками не имѣетъ подтвержденія въ историческихъ источникахъ, и сама дума не можетъ, поэтому, служить матеріаломъ для біографіи козацкаго гетмана.

Судя по его дѣйствіямъ, Самойло Кошка продолжалъ по отношенію къ польскому правительству такую же лояльную политику, какъ и Байбуза. Проф. Грушевскій, въ этомъ отношеніи, называетъ Кошку предшественникомъ Сагайдачнаго и его политики.

Надо думать, въ козацкихъ спорахъ побѣдила тогда лояльная группа. Она, однако, не имѣла въ виду полнаго подчиненія польской власти. Напротивъ, группа эта стремилась къ тому, чтобы вернуть для козачества то положеніе, какое оно занимало до солоницкаго разгрома. При первомъ же удобномъ случаѣ козачество предъявило къ польскому правительству требованіе въ этомъ смыслѣ.

Въ 1600 году валашскій воевода Михаилъ началъ борьбу съ молдавскимъ господаремъ Могилой. Польское правительство должно было поддержать его. Нужны были военныя силы, и гетманъ Замойскій задумалъ обратиться къ козакамъ за помощью. Козаки рѣшились не сразу. Пришлось ихъ убѣждать. Для этого былъ посланъ извѣстный уже намъ Орышевскій. Козаки предъявили рядъ условій. Они требовали уни- **Возстановленіе козацкихъ правъ.**

чтоженія банниціи *), возвращенія вольностей короля Стефана, охраны отъ злоупотребленій старость, увеличенія платы за службу и пожалованія хоругви, т. е знамени. Условія эти были формулированы въ письмѣ Самойла Кошки изъ Запорожья къ королю Сигизмунду III отъ 1 іюля 1600 года и въ письмѣ войска запорожскаго къ гетману Замойскому.

Король обѣщалъ козакамъ свое содѣйствіе на предстоящемъ сеймѣ. Козаки послѣ этого отправились въ Валахію на помощь полякамъ. Козаковъ въ этомъ походѣ насчитывали до четырехъ тысячъ. Походъ окончился удачно. Валахія сдѣлалась вассальною провинціею Польши. Господаремъ ея былъ назначенъ Семенъ Могила, братъ Іереміи молдавскаго.

Не успѣлъ закончиться походъ въ Валахію, у Польши началась война со Швеціей. Польскій король Сигизмундъ III въ 1592 г. унаслѣдовалъ шведскій тронъ послѣ смерти своего отца Іоанна Вазы. Ревностный католикъ, Сигизмундъ III принужденъ былъ въ 1598 г. уступить тронъ въ протестантской Швеціи своему дядѣ Карлу Зюдерманландскому. Это повлекло за собой войну за шведское наслѣдство. Въ войнѣ этой Польшѣ нужны были войска. Гетманъ Замойскій началъ переговоры съ козаками, убѣждая ихъ послать въ Инфлянты (часть Ливоніи), на театръ военныхъ дѣйствій, шесть тысячъ козаковъ. Козаки поставили тѣже условія, что и предъ молдавской войной.

Въ январѣ 1601 года въ Варшавѣ былъ созванъ сеймъ. Въ письмѣ своемъ къ королю Самуилъ Кошка напоминалъ объ его обѣщаніи. Кромѣ того отъ козаковъ была послана къ Сигизмунду III на сеймъ особая депутація. Она должна была также отстаивать требованія козаковъ. Дѣйствительно, въ конституцію сейма, помѣченную 13 марта 1601 г., внесенъ параграфъ пс

*) *Банниціей* называлось въ древнемъ польскомъ правѣ лишеніе государственныхъ преступниковъ нѣкоторыхъ или всѣхъ правъ. Банниція различалась временная и вѣчная.

„о козакахъ запорожскихъ“. Ал. Яблоновскій отмѣчаетъ, что здѣсь впервые оффиціально былъ употребленъ терминъ „козаки запорожскіе“.

Упоминая о заслугахъ козаковъ въ волошской войнѣ и объ ихъ обѣщаніи служить въ войнѣ шведской, конституція отмѣняла банницію для тѣхъ, козаковъ, которые обѣщали служить Польшѣ противъ Швеціи. Козаки должны были находиться подъ начальствомъ старшаго, назначеннаго, съ согласія короля, коронными гетманомъ. Тѣ изъ козаковъ, которые оставались дома, въ имѣніяхъ королевскихъ подлежали обычной юрисдикціи старостъ, въ имѣніяхъ помѣщичьихъ-помѣщиковъ. Послѣ смерти козаковъ, наслѣдство ихъ (отумерщина) должно переходить къ ихъ законнымъ наслѣдникамъ. Что касается Терехтемирова, возвращенія котораго настойчиво добивались козаки, то возвращеніе его было обѣщано въ будущемъ, когда явится возможность вознаградить тогдашняго владѣльца Гуляницкаго. Гуляницкому Терехтемировъ былъ отданъ послѣ отобранія его у козаковъ. Въ заключеніе сеймовая конституція обусловливала свои постановленія тѣмъ, что козаки не повторятъ своихъ преступленій.

Постановленіями сейма 1601 года не всѣ требованія козаковъ были удовлетворены; не всѣ старыя права и привиллегіи козаковъ были возвращены. Козацкій иммунитетъ не былъ возстановленъ въ его полнотѣ. Тѣмъ не менѣе сеймовая конституція, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Грушевскій, имѣла большое значеніе въ исторіи козачества, по сколько она снимала банницію и признавала запорожскихъ козаковъ легальной полноправной организаціей.

Козацкій отрядъ въ шведской войнѣ.

Сеймовое постановленіе состоялось съ цѣлью побудить козаковъ къ участію въ шведской войнѣ. Предстоящимъ участіемъ ихъ оно, между прочимъ, и было обусловлено. Тѣмъ не менѣе, козаки рѣшились идти въ далекій походъ не сразу. По польскимъ оффиціаль-

нымъ извѣстіямъ, въ шведскомъ походѣ участвовало двѣ тысячи козаковъ. Цифра эта, однако, не можетъ считаться точной. На основаніи свѣдѣній о выдачѣ жалованья козакамъ въ 1601 году *), козацкій отрядъ состоялъ изъ 2032 человѣкъ. Онъ дѣлился на четыре полка по пять сотень въ каждомъ. Сотня дѣлилась на десятки. Десятковъ было 152. Во главѣ отряда стоялъ гетманъ, обозный и писарь; во главѣ полка—полковникъ. Подъ его начальствомъ находились два есаула, четыре сотника и пятьдесять десятниковъ (очевидно атамановъ). При отрядѣ находились три пушкаря, одинъ прапорщикъ, сурмачъ **), трубачъ, бубенщикъ и четыре возничихъ. Это была та же самая организація, которую описывалъ и Лассота. Вооружены козаки были ружьями и пиками. Историкъ польской пѣхоты К. Гурскій, а за нимъ и Ал. Яблоновскій, видятъ вліяніе на козацкій военный строй венгерскихъ полковъ. Основаній къ этому, однако, чрезвычайно мало, пока не доказано, что набранные на службу козаки при Стефанѣ Баторіи были организованы польскимъ правительствомъ по венгерскому образцу.

Походъ козаковъ въ Инфлянты былъ очень тяжелъ. Страна была опустошена. Сами козаки постарались для этого немало. Правительство не выплачивало имъ жалованья. Много козаковъ погибло въ походѣ. Погибъ и Самойло Кошка. Былъ слухъ, переданный Гейденштейномъ, что Кошка убитъ своими же козаками выстрѣломъ въ спину. А. В. Стороженко считаетъ убійство умышленнымъ, проф. М. С. Грушевскій не предумышленнымъ. Оба эти мнѣнія являются только предположеніями, не имѣющими опоры въ источникахъ.

Козаки скоро разочаровались въ походѣ. Послѣ смерти Кошки они оставили польское войско и двинулись домой. Возвращались козаки черезъ Бѣлорус-

*) Кіевская Старина 1896 г. т. 52 стр. 53.

**) Сурма (тур. зурна)—труба съ широкими отверстіями для пальцевъ, издававшая очень рѣзкіе пронзительные звуки.

сію. По дорогѣ, какъ сообщаетъ современникъ, авторъ Баркулабовской лѣтописи *), они грабили города и деревни, убивали жителей, чинили насилія надъ женщинами и дѣтьми.

Вообще въ первые годы XVII столѣтія усилились жалобы на козацкія своевольства. Современники объясняли это приливомъ въ козачество новыхъ элементовъ въ связи со снятіемъ съ козаковъ баниціи и съ возвращеніемъ козакамъ ихъ привиллегій. Объясненіе это весьма правдоподобно.

Козаки и московская смута въ началѣ XVII вѣка.

Выше былъ отмѣченъ уже сильный ростъ козачества въ началѣ XVII в. Помимо люстрацій второго десятилѣтія XVII в., есть много и другихъ указаній на численный ростъ козачества въ это время. Репрессіи конца XVI в. были слишкомъ непродолжительны и не могли задержать ростъ его. Главный контингентъ козачества доставляло крестьянство и мѣщанство.

Соціальныя причины, вызывавшія ростъ козачества въ XVI в. и имѣвшія слѣдствіемъ столкновеніе козачества съ польскимъ государствомъ, продолжали сохранять свою силу.

Политическія событія начала XVII в., въ родѣ великой смуты въ московскомъ государствѣ и связанныя съ ними интересы польскаго короля и отдѣльныхъ вельможъ-авантюристовъ также очень много способствовали приливу разныхъ общественныхъ элементовъ въ козачество. Въ походѣ Мнишковъ съ Димитріемъ въ Москву въ 1604 году, въ походахъ Потоцкихъ, Корец-

*) Названа такъ потому, что велась въ с. Баркулабовѣ, близъ Орши (могилев. губ.), вѣроятно, мѣстнымъ священникомъ. Это—чисто мѣстная, западно-русская лѣтопись. Она касается, преимущественно, Могилева, Орши и сосѣднихъ областей.—Баркулабовская лѣтопись начинается 1544 годомъ и оканчивается 1608. Съ 1590-хъ годовъ лѣтопись обнаруживаетъ въ авторѣ очевидца событій. Лѣтопись была открыта О. И. Левицкимъ и указана имъ Кулишу, который напечаталъ ее впервые въ I т. „Матеріаловъ для исторіи возсоединенія Руси“. Въ послѣднее время лѣтопись издана проф. М. В. Довнаръ-Запольскимъ въ „Кіев. Унив. Извѣстіяхъ“ за 1908 г.

кихъ, Вишневецкихъ въ 1608 и 1612 г. въ Волощину; наконецъ, въ походѣ короля Сигизмунда III къ Смоленску въ 1610 г. украинскіе козаки принимали видное участіе.

Наиболѣе важные моменты смуты связаны съ участіемъ въ ней козаковъ. Ихъ мы встрѣчаемъ въ отрядахъ Болотникова, царевича Лже-Петра, и въ лагерѣ Тушинскаго вора. Въ концѣ 1608 года въ лагерѣ Тушинскаго вора запорожнихъ козаковъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ С. М. Соловьевымъ, было тридцать тысячъ. Но послѣ этого прибывали новые отряды, обыкновенно въ 2—3 тысячи человѣкъ. Нѣкоторые отряды заключали въ себѣ даже до 7—8 тысячъ чел. въ каждомъ. Послѣ паденія Тушина на службѣ польскаго короля въ Москвѣ насчитывали также, какъ и въ Тушинѣ, до 30 тыс. человѣкъ козаковъ.

Всю эту массу нельзя, однако, представлять себѣ въ видѣ большого организованнаго войска. Козаки, приходившіе въ московскіе предѣлы, состояли изъ отдѣльныхъ отрядовъ. Одни изъ нихъ оставались въ Москвѣ, другіе уходили на родину, чтобы черезъ нѣкоторое время снова возвратиться. Поэтому даже тогда, когда польскій гарнизонъ былъ вытѣсненъ изъ Москвы, не всѣ козаки ушли на Украину. Часть ихъ осталась въ московскихъ границахъ и начала грабить сѣверо-восточныя области. Немало козаковъ и погибло тамъ. Другіе, въ концѣ концевъ, возвратились на Украину. Нѣкоторые же пристали къ Лисовскому. Упоминанія объ украинскихъ козакахъ въ московскомъ государствѣ встрѣчаются въ источникахъ еще въ 1614—1617 годахъ. Количество ихъ нельзя опредѣлить. Ихъ трудно выдѣлить изъ общей массы донскихъ и другихъ козаковъ, разбойничавшихъ въ то время на востокѣ и юго-востокѣ отъ Москвы.

Своеволія на Украинѣ въ началѣ XVII в. Конечно, не вся масса жителей, ушедшихъ въ козачество, принимала участіе въ московской смутѣ. Часть ихъ и, вѣроятно, большая оставалась дома, на Украинѣ.

Численность козаковъ, какъ уже было замѣчено выше, увеличивалась подъ вліяніемъ соціально-экономическихъ условій. Рядъ актовъ, занесенныхъ въ земскія книги и напечатанныхъ В. Б. Антоновичемъ въ третьей части Архива Юго-Западной Россіи и И. М. Каманинымъ въ приложеніяхъ къ его статьѣ о гетманѣ Сагайдачномъ, рисуютъ намъ на Украинѣ упорную соціальную борьбу: наѣзды своевольныхъ людей на имѣнія, грабежи, убійства, насилія.

Борьба эта не была объединена, не достигла, поэтому, такихъ размѣровъ, какъ подъ начальствомъ Косинскаго, Лободы и Наливайка. Она разбивалась по отдѣльнымъ моментамъ и мѣстностямъ. Но была, повидимому, упорной и не прекращалась втеченіе двухъ первыхъ десятилѣтій XVII в., о которыхъ идетъ рѣчь.

Моментомъ умѣли хорошо пользоваться лица и шляхетскаго происхожденія чтобы половить рыбу въ мутной водѣ. Владѣльцы имѣній собирали иногда слугъ и козаковъ, нападали на имѣнія своихъ сосѣдей, грабили ихъ и изгоняли владѣльцевъ. Въ 1611 г., напр., Стефанъ Немиричъ жаловался на Григорія Пашкевича, что онъ собралъ нѣсколько тысячъ людей своевольныхъ, напалъ на имѣнія Немирича и другихъ дворянъ, разграбилъ имѣніе, истребилъ хлѣбъ, обижалъ подданныхъ, насиловалъ женщинъ. Немиричъ долженъ былъ заплатить Пашкевичу выкупъ. Это, однако, не помогло. Въ слѣдующемъ году Пашкевичъ возобновилъ свои грабежи и разбои.

Козаки, уходившіе въ Москву и возвращавшіеся оттуда, также сильно обыкновенно опустошали тѣ мѣстности, черезъ которыя имъ нужно было проходить и грабили жителей. Нѣкоторые козацкія отряды спеціально задерживались въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ для грабежей.

Сеймы и сеймики начала XVII вѣка полны жалобъ на козацкое своеволіе. На сеймахъ дѣлались и спеціальныя постановленія объ обузданіи козаковъ.

Постановленія эти, обыкновенно, оказывались безсильными. Изъ постановленій сейма 1607 г. мы знаемъ, что бунтовали, и не слушались старостъ не только козаки, но и мѣщане. По словамъ сеймовой конституціи 1609 г., козаки чинили великое безправіе и своеволіе, не признавали власти королевскихъ старостъ и пановъ (землевладѣльцевъ). Имѣя у себя гетмановъ и „иную форму судопроизводства", козаки угнетали мѣщанъ королевскихъ городовъ, стѣсняли власть королевскихъ урядниковъ, вносили путаницу въ управленіе Украиной, причиняли невыносимыя обиды и убытки, насилія и убійства. Собираясь въ большіе отряды, козаки производили наѣзды на королевскіе города и непріятельскія земли, нарушали спокойствіе и мирные договоры съ сосѣдями. Сеймъ 1611 года также указывалъ на то, что украинское своеволіе, подъ предлогомъ службы, усиливается и причиняетъ огромные и невыносимые убытки и беззаконія шляхетскому сословію въ его владѣніяхъ и въ имѣніяхъ королевскихъ.

Заграничные и морскіе походы козаковъ.

Своеволіе козаковъ, о которомъ шла рѣчь на сеймахъ, не ограничивалось нападеніями на панскія и королевскія имѣнія. Козаки предпринимали походы въ сосѣднія земли. Походы эти не вызывались какими-нибудь политическими или соціально-экономическими причинами. Они носили хищническій, разбойничій характеръ. Цѣлью ихъ были грабежи и добыча.

Заграничные походы козаковъ не были новостью въ XVII в. Они были обычнымъ явленіемъ еще въ XVI в. Въ нихъ козачество вырабатывало свою силу, свою организацію, свое лицо. Въ XVII в., вмѣстѣ съ ростомъ козачества, заграничные походы козаковъ, какъ можно судить по извѣстнымъ намъ фактамъ, участились. Козаки чаще стали предпринимать ихъ самостоятельно, по собственной иниціативѣ. Но и теперь, какъ и раньше, козаковъ увлекали иногда авантюристы. Авантюристы-то, и пріучили, главнымъ образомъ. козаковъ къ этимъ походамъ, развили у козаковъ страсть къ нимъ, какъ къ дѣлу доходному, выгодному.

Какъ только козаки стали оправляться отъ солоницкаго пораженія, они сейчасъ же обратились къ заграничнымъ походамъ. Далеко не о всѣхъ этихъ походахъ дошли до насъ свѣдѣнія. Уже лѣтомъ 1601 году въ Крыму жаловались на козацкія нападенія. Въ 1602 г. козаки вмѣшались въ молдавскія дѣла. Въ 1603 году король Сигизмундъ III обращалъ вниманіе на то, что козаки въ короткое время разрушили три турецкихъ города. Смутное время и участіе козаковъ въ походахъ въ московское государство не остановило нападеній ихъ на турецкія и татарскія владѣнія и ихъ частаго вмѣшательства въ молдавскія дѣла. Несмотря на скудость извѣстій о козацкихъ походахъ, мы имѣемъ о нихъ почти погодныя извѣстія.

Козаки предпринимали свои походы не только на сушѣ, но и на морѣ. Морскими походами козаковъ отличалось въ особенности второе десятилѣтіе XVII в. Козаки грабили турецкіе города, расположенные по Черноморскому побережью. Они разграбили Кафу, Варну, доходили до Анатоліи въ Малой Азіи. Въ 1614 году разорили тамъ Синопъ, а въ 1616 г. Трапезонтъ. Въ 1615 году козаки выжгли окрестности Константинополя. Возвращаясь оттуда, козаки сожгли подъ Очаковомъ турецкія суда. Походы ихъ вообще отличались чрезвычайной смѣлостью и неожиданностью. Не разъ козаки наводили, поэтому, большой страхъ на турецкое правительство.

Время козацкой борьбы съ турками и татарами оставило глубокій слѣдъ въ народѣ. Оно запечатлѣно въ народныхъ думахъ и въ историческихъ пѣсняхъ. Благодаря замѣчательному труду В. Б. Антоновича и М. П. Драгоманова по комментированію „Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа", представляется возможнымъ отдѣльныя думы и историческія пѣсни пріурочить къ опредѣленнымъ лицамъ и событіямъ.

Походы козаковъ доставляли много затрудненій польскому правительству и создавали большую опас- Турція и вопросъ о козакахъ.

ность для государства. Естественно, считая козаковъ подданными польскаго государства, турецкій султанъ требовалъ отъ польскаго правительства обузданія козаковъ и прекращенія козацкихъ походовъ. Сдѣлать это польское правительство было не въ силахъ. Оно путемъ дипломатическихъ переговоровъ, обѣщаній своими средствами усмирить козаковъ и денежныхъ подарковъ старалось удерживать турокъ и татаръ отъ страшныхъ нашествій на Украину и польскія земли. Не всегда это удавалось. Иногда турецкія войска вторгались въ польскіе предѣлы, но ограничивались только небольшими опустошеніями. Такъ было, напр., въ 1614 году. Зато въ 1615 году, по распоряженію султана, на Украину напалъ крымскій ханъ. Крымская орда пришла на Подолію, а оттуда на Волынь, страшно все опустошая, „по локоть купая руки въ крови", по выраженію оффиціальнаго королевскаго документа. Ханъ, кромѣ того, прислалъ королю Сигизмунду письмо, полное издѣвательствъ надъ нимъ. Въ слѣдующемъ году предположенный морской походъ козаковъ снова вызвалъ нашествіе на Украину крымской орды. На помощь крымцамъ шло турецкое войско. Цѣлью похода было разорить козацкія поселенія и замки. Гетману Жолкевскому удалось удержать этотъ походъ. Онъ собралъ большое войско, остановился надъ Днѣстромъ и принудилъ турокъ вступить въ переговоры. 23 сентября былъ подписанъ договоръ. Польское правительство обязалось принять мѣры къ тому, чтобы „козацкіе разбойники" не предпринимали морскихъ походовъ и не грабили турецкихъ земель. Мало этого. Польское правительство обязалось какимъ бы то ни было образомъ уничтожить козаковъ, усмирить ихъ край и наказать своевольныхъ. Далѣе шли обѣщанія не вмѣшиваться въ трансильванскія, молдавскія и валашскія дѣла, не поддерживать тамъ движеній, враждебныхъ Турціи, и выплачивать татарамъ ежегодную контрибуцію. За это Турція обязывалась не нападать

въ польскія земли. Договоръ этотъ, съ явнымъ перевѣсомъ на сторону интересовъ Турціи, могъ быть, конечно, заключенъ только въ виду грозившей опасности.

Козацкій вопросъ и польское правительство.

Разнообразное проявленіе дѣятельности козаковъ, опасное для государства и общественнаго строя Польши, выдвигало предъ польскимъ обществомъ и правительствомъ, и независимо отъ договора съ турками, вопросъ о необходимости какъ-нибудь регулировать козачество и подчинить его власти государственныхъ органовъ.

Изъ-подъ власти этихъ органовъ козачество вышло постепенно. Судебныя и административныя привиллегіи принадлежали сначала небольшому числу козаковъ, признанныхъ правительствомъ и состоявшихъ у него на службѣ. Путемъ одной только практики онѣ незамѣтно были распространены затѣмъ и на всѣхъ, примкнувшихъ къ козачеству и считавшихъ себя козаками. Козацкая юрисдикція, наконецъ, вошла въ сознаніе народныхъ массъ. Подъ нее отдавались добровольно даже мѣщане. Ее отстаивали, за нее боролись всѣ вообще козаки, а не только козаки запорожскіе, или состоявшіе на службѣ у польскаго правительства.

Польское правительство и общество не склонно было, однако, расширять козацкую юрисдикцію на всѣхъ „своевольныхъ“. Оно правильно признавало ее установленной самовольно и стремилось ограничить кругъ козаковъ тѣсными рамками. Всѣхъ остальныхъ, примкнувшихъ къ козачеству, правительство находило нужнымъ и возможнымъ вернуть въ прежнее состояніе, изъ котораго тѣ вышли.

Мы знаемъ, что эта политика не удалась. Отъ польскаго правительства и общества того времени совершенно ускользали соціально-экономическія причины, вызвавшія козачество и содѣйствовавшія его чрезмѣрному росту. Объ устраненіи этихъ причинъ Польша не думала. Она считала возможнымъ рѣшить козацкій вопросъ чисто формальнымъ путемъ.

Въ такомъ видѣ козацкій вопросъ и ставился на сеймахъ и сеймикахъ съ самаго начала XVII вѣка [1].

Козацкая мысль, между тѣмъ, работала въ другомъ направленіи. Она вырабатывала очень широкія соціальныя требованія классоваго характера. Въ 1608 г. гетманъ козацкій Иванъ Куцковичъ писалъ брацлавскому и винницкому старостѣ Якубу Струсю, между прочимъ, слѣдующее: „за свою услугу (въ ливонской войнѣ) мы заслуживаемъ не только того, чтобы наши убогія жилища и имѣнія, часто и сильно облитыя кровью нашей и невѣрныхъ, сохранить въ цѣлости и спокойствіи; но также и того, чтобы мы пользовались соотвѣтственными вольностями и уваженіемъ отъ каждаго сословія“. Куцковичъ указывалъ далѣе Струсю, что король своими привиллегіями призналъ козаковъ „сынами коронными“. Облагородивъ стародавними вольностями козаковъ, ихъ женъ и имѣнія, король, по мнѣнію козацкаго гетмана, только себѣ и великимъ гетманамъ оставилъ начальство и власть надъ козаками, утвердивъ это прочно универсалами, охранными письмами и конституціями. Куцковичъ протестовалъ противъ расквартированія польскаго войска на Украинѣ, указывая на то, что король „за почтенныя заслуги козаковъ изволилъ имъ предоставить для отдыха, въ ожиданіи ихъ честно заслуженнаго жалованія, всю Украину, начиная отъ Могилева до самого устья Днѣпра“.

Никогда, конечно, король не предоставлялъ козакамъ Украины въ исключительное пользованіе „для отдыха“, т. е. для собиранія въ ней контрибуціи. Но въ этомъ протестѣ противъ расквартированія польскаго войска чувствуется зарожденіе въ козацкомъ сознаніи новой мысли—Украина должна принадлежать козачеству. Отсюда былъ дальнѣйшій логическій выводъ: Все должно подчиняться козачеству. Крупное польское землевладѣніе, съ крѣпостнымъ правомъ, при такихъ условіяхъ не могло имѣть мѣста на Украинѣ.

Козацкій вопросъ на сеймахъ въ началѣ XVII в.

Почти на каждомъ сеймѣ, начиная съ 1601 года, подымался козацкій вопросъ. Назначались коммиссіи для выработки соглашеній съ козаками, приходили какъ будто и къ опредѣленному рѣшенію. Но затѣмъ все неожиданно разрушалось, благодаря какому-нибудь случайному обстоятельству. Для тогдашняго польскаго правительства и общества, да и для самихъ козаковъ не ясно было то, что кажется безспорнымъ въ настоящее время. Только коренной соціальной реформой, уничтоженіемъ крѣпостныхъ отношеній, признаніемъ за козаками политическихъ правъ можно было разрѣшить козацкій вопросъ. На такую постановку вопроса не была подготовлена въ началѣ XVII в. политическая мысль польскаго общества.

Послѣ сейма 1601 года, сложившаго съ козаковъ баннцію, особое вниманіе на казаковъ обратилъ сеймъ 1607 г., внесшій въ свою конституцію два параграфа „о козацкомъ своеволіи" и „о городахъ украинскихъ". Сеймъ подтвердилъ власть старость и подстаростъ надъ тѣми козаками, которые жили въ королевскихъ имѣніяхъ. Власть духовныхъ и свѣтскихъ пановъ надъ козаками, жившими въ ихъ имѣніяхъ, была подтверждена въ свою очередь. Жителямъ Украины запрещалось собираться въ отряды и выходить на Запорожье. Сеймъ стремился также обуздать своеволіе, проявившееся среди мѣщанъ корсунскихъ и брацлавскихъ. Сеймъ подчинилъ ихъ вѣдѣнію королевскихъ старостъ.

Мѣры, эти, однако, не принесли желанныхъ результатовъ. Конституція (постановленіе) сейма 1609 г. въ отдѣлѣ „о козакахъ запорожскихъ" жаловалась на то, что козаки, по прежнему, проявляли великое безправіе и своеволіе, не признавали власти королевскихъ старостъ и пановъ, имѣли у себя гетмановъ и „иную форму своего судопроизводства". Подчинивъ города своей юрисдикціи, козаки, по словамъ сейма, вносили большую путаницу въ управленіе.

Сеймъ назначилъ особую коммиссію. На обязан-

ности ея лежало возстановить прежній порядокъ управленія и судопроизводства на Украинѣ, уничтожить козацкія своеволія и поборы съ жителей. Запорожскимъ козакамъ коммиссія должна была дать гетмана и ввести у нихъ то управленіе, какое было при прежнихъ короляхъ. Городамъ, подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества, запрещено было отдаваться подъ козацкую юрисдикцію.

Сеймъ 1611 году снова коснулся козацкаго своеволія. Было отмѣчено, что козацкое своеволіе растетъ. Король обѣщалъ не принимать больше козаковъ на свою службу. Право же набирать козаковъ, въ случаѣ необходимости, король обѣщалъ предоставлять только тѣмъ изъ шляхтичей, которые будутъ въ состояніи вознаграждать изъ своихъ имѣній убытки, причиненные козаками. Старостамъ подтверждалось строго карать виновныхъ за своеволія. Проф. Жуковичъ отмѣчаетъ, что общій тонъ конституціи 1611 г. значительно умѣреннѣе конституціи двухъ предыдущихъ сеймовъ.

Постановленія декабрскаго сейма 1613 года показываютъ, насколько прежнія конституціи имѣли мало практическаго значенія. Сеймъ снова посвятилъ обширный параграфъ „козакамъ и людямъ своевольнымъ". Сеймъ угрожалъ имъ вѣчнымъ безславіемъ, если они не перестанутъ составлять изъ себя своевольные отряды. Коронному и литовскому гетманамъ предписывалось выступить противъ козаковъ, какъ враговъ отечества. Сеймъ еще разъ отмѣнилъ козацкую юрисдикцію и предписалъ всѣмъ жителямъ подчиняться мѣстной правительственной власти.

Оказалось, что люди своевольные все же не признавали власти королевскихъ чиновниковъ и своихъ помѣщиковъ, устаповляли свои собственные суды и старшихъ и не хотѣли являться ни въ какой другой судъ, кромѣ суда избранныхъ ими атамановъ.

Житомірская коммиссія 1614 г.

Для приведенія въ исполненіе постановленій декабрскаго сейма 1613 года 25 марта 1614 года королемъ была назначена особая коммиссія.

Коммиссія собралась въ Житомірѣ только въ октябрѣ. Въ составъ ея входили: краковскій каштелянъ князь Янушъ Острожскій, кіевскій воевода и польскій коронный гетманъ Станиславъ Жолкевскій, волынскій воевода кн. Янушъ Заславскій и подольскій генералъ Валентинъ-Александръ Калиновскій. Все— магнаты, крупнѣйшіе землевладѣльцы и люди вліятельные. Какъ комиссары, они, въ сношеніяхъ съ козаками, являлись, конечно, выразителями не только сейма, но и руководящихъ правительственныхъ круговъ Речи Посполитой.

Условія, предъявленныя комиссарами козакамъ, были тѣмъ максимумомъ, на который соглашалось польское правительство и вліявшіе на политику высшіе слои общества.

Вызвавъ въ Житоміръ козацкихъ представителей, комиссары предложили имъ такія условія. Козацкое войско должно, по прежнему, нести пограничную службу противъ турокъ и татаръ. За это ему полагалось 10 тысячъ золотыхъ и 700 штукъ сукна ежегодно. Старшій долженъ былъ назначаться отъ имени короля коронным гетманомъ. Козаки должны жить только на Низу, т. е. на Запорожьѣ. Выходить оттуда имъ запрещалось. Никакихъ своеволій они не должны чинить. Козацкія семьи и козаки, живущіе въ имѣніяхъ королевскихъ и частныхъ помѣщиковъ, должны подчиняться юрисдикціи послѣднихъ, а не юрисдикціи козачьихъ властей. Козацкой юрисдикціи до тѣхъ поръ, по мнѣнію комиссаровъ, никогда не существовало. Она установлена самовольно. Терехтемировскій монастырь долженъ остаться при козакахъ для призрѣнія стариковъ, больныхъ и увѣчныхъ. Собирать тамъ козаковъ запрещалось, подъ угрозой отобранія монастыря. Безъ воли короля козаки не должны были нападать на чужія страны и принимать къ себѣ своевольныхъ людей.

Козацкіе послы не рѣшились отвѣтить сами. Они попросили разрѣшенія посовѣтоваться съ товарищами.

Отвѣтъ козаковъ неизвѣстенъ въ подробностяхъ. Въ главномъ онъ былъ отрицательнымъ. Условія, предложенныя комиссарами, не могли понравиться козакамъ. Ознакомившись съ отвѣтомъ козаковъ, король писалъ Жолкевскому: „своеволіе не хочетъ порядка и вырывается изъ должнаго послушанія". Козакамъ, все-таки, было предписано руководствоваться условіями, предложенными комиссарами. Само собой разумѣется, предписаніе осталось только на бумагѣ.

Сеймъ 1615 г.

Сеймъ 1615 года не былъ доведенъ до конца. Онъ былъ сорванъ. Конституціи его, поэтому, не существуетъ. Но изъ другихъ источниковъ извѣстно, что вопросъ о козакахъ былъ на немъ затронутъ и рѣшенъ въ духѣ постановленій житомірской коммиссіи 1614 г. Объ этомъ рѣшеніи король извѣстилъ запорожскихъ „молодцевъ" особой грамотой. Запорожское войско должно было оставаться на своихъ мѣстахъ и повиноваться коронному гетману. Обычное управленіе и судъ сохранялись за козаками. Но козаки не должны были принимать къ себѣ бѣглецовъ, не дѣлать наѣздовъ на чужія государства и на коронныя и литовскія земли и никому не причинять обидъ и притѣсненій. Всему, что постановила житомірская коммиссія, козаки обязаны были повиноваться. Козакамъ была обѣщана также аккуратная выплата жалованья.

Вопросъ о жалованьи.

Вопросъ о жалованьи вообще игралъ важную роль въ польско-козацкихъ отношеніяхъ начала XVII в. Нуждаясь въ войскѣ, польское правительство въ важные моменты привлекало къ себѣ на службу козаковъ, заключая съ ними условія относительно уплаты жалованья. Мы это видимъ въ шведскую (инфлянтскую) войну, такъ было въ смутное время и позже въ 1618 г. въ походѣ на Москву, не говоря уже о другихъ, болѣе мелкихъ случаяхъ. Состояніе финансовъ польскаго государства обыкновенно не позволяло правительству выполнять денежныя обязательства по отношенію къ козакамъ. Вопросъ о неуплатѣ жалованья часто, по-

этому, фигурировалъ въ конфликтахъ козаковъ съ польскимъ правительствомъ. Неуплатой жалованья козаки оправдывали нарушеніе своихъ обязательствъ и тѣ грабежи, которые они производили въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ. Такъ было при возвращеніи козаковъ изъ шведскаго похода или при возвращеніи отдѣльныхъ отрядовъ изъ похода московскаго.

Вопросъ объ уплатѣ жалованья имѣлъ и политическое значеніе. Въ постановленіяхъ сейма и вообще въ отношеніяхъ польскаго правительства къ козакамъ видна тенденція считать козаками только тѣхъ, кто получалъ жалованье отъ правительства. Тенденція эта опиралась на мѣропріятія Стефана Баторія и, раньше еще, на мѣропріятія Язловецкаго. Всѣ тѣ элементы, которые не получали жалованья, не состояли, такимъ образомъ, на службѣ правительства, являлись въ его глазахъ не козаками, и правительство всегда стремилось вернуть ихъ въ прежнее состояніе.

Постановленія житомірской коммиссіи 1614 г. и сейма 1615 г. относились къ козакамъ, получавшимъ отъ государства жалованье. За ними признавалось козацкое управленіе и судъ. Постановленія сеймовъ 1607 и 1609 гг., направленныя противъ расширенія козацкой юрисдикціи на болѣе широкіе круги лицъ, причислявшихъ себя къ козачеству, продолжали существовать.

Безрезультатность мѣръ польскаго правительства.

Событія 1616 и 1617 г. лучше всего показали, насколько польская политика по отношенію къ козачеству была лишена реальныхъ основаній. Какъ разъ въ это время усилились заморскіе походы козаковъ и нападенія ихъ на турецкія земли. Само польское правительство въ своихъ докладахъ сейму 1615 г. число козаковъ, осаждавшихъ Очаковъ, исчисляло въ тридцать тысячъ.

Морскіе походы козаковъ вызвали опасность турецкаго нашествія на Украину. Когда польское правительство обратилось къ запорожскимъ козакамъ за

помощью, козаки отказались идти на службу правительству, а стали грабить Украину. Нашествіе турокъ удалось предупредить. По договору съ турками подъ Яругою 23 сентября 1617 г. Польша обязалась уничтожить козаковъ.

Отказъ козаковъ правительству въ службѣ противъ турокъ вносилъ новую и существенную черту въ отношенія между козаками и польскимъ правительствомъ. Усложнялъ ихъ. Польское правительство теперь не могло расчитывать на козаковъ. Напротивъ, Оно должно было опасаться враждебныхъ выступленій козаковъ въ трудные моменты государственной жизни. Козаки вышли изъ повиновенія государственной власти, не уважали ея распоряженій и не считали ихъ для себя обязательными.

Ольшанская коммиссія

Жолкевскій, съ одобренія короля, рѣшилъ, поэтому, привести козаковъ къ повиновенію силою. Онъ двинулся съ войскомъ къ Житоміру. Вмѣстѣ съ нимъ были и королевскіе комиссары. Комиссарамъ было поручено урегулировать козацкій вопросъ. Это была одна изъ тѣхъ многочисленныхъ коммиссій, которыя, начиная съ житомірской коммиссіи 1614 года, много разъ назначались польскимъ правительствомъ и сеймомъ для урегулированія козацкаго вопроса.

Въ Житомірѣ какъ разъ въ то время засѣдалъ сеймикъ кіевскаго воеводства для выбора депутатовъ на сеймъ. Комиссары устроили совѣщаніе съ членами сеймика и намѣтили рядъ мѣръ по отношенію къ козачеству. Программа, выработанная въ Житомірѣ, представляетъ собой, въ основныхъ своихъ чертахъ, тѣ самыя мѣропріятія, которыя не разъ намѣчались съ первыхъ годовъ XVII ст. Ясно, что не только правительство, но и общество не въ состояніи было выйти изъ замкнутаго круга разныхъ палліативныхъ мѣропріятій репрессивнаго характера.

Сущность ихъ сводилась къ слѣдующему. Число запорожскихъ козаковъ опредѣлялось въ одну тысячу

Козаки согласились не дѣлать зла и притѣсненій въ Речи Посполитой и не нападать на земли сосѣднихъ государствъ. Они согласились, за жалованье, нести сторожевую службу, не выходить изъ своихъ обычныхъ мѣсть, безъ воли короля и короннаго гетмана. Зато козаки настояли на томъ, чтобы старшій ихъ избирался войскомъ и только утверждался правительствомъ. Количество козаковъ коммиссіей было предположено, какъ извѣстно, въ тысячу человѣкъ. Козаки находили недостаточнымъ его для сторожевой службы. Вопросъ о количествѣ, поэтому, остался нерѣшеннымъ и былъ отложенъ до ближайшаго сейма. Съ уменьшеніемъ своего числа, козаки обязались удалить изъ своей среды и впредь не принимать ремесленниковъ, купцовъ, шинкарей, войтовъ, бурмистровъ, мясниковъ, портныхъ и иныхъ праздношатающихся, а также всѣхъ новоприбывшихъ мѣщанъ, приставшихъ къ запорожскому войску, не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ. Алек. Яблоновскій отмѣчаетъ, что въ этомъ перечисленіи не говорится о крестьянахъ, и дѣлаетъ отсюда заключеніе, что въ составѣ запорожскаго войска преобладали еще шляхтичи. Но мы изъ другихъ источниковъ знаемъ, что въ запорожскомъ войскѣ было много крестьянъ. Выключенія крестьянъ изъ состава козаковъ не разъ требовало польское правительство еще раньше ольшанской коммиссіи. Неупоминаніе ихъ въ ольшанскомъ соглашеніи, поэтому, существеннаго значенія для этого не имѣло.

Изъ грамоты комиссаровъ отъ 28 октября 1617 г. мы знаемъ, что козаки добивались также подтвержденія всѣхъ вольностей, данныхъ прежними королями и имѣли въ виду ходатайствовать объ этомъ чрезъ своихъ посланцовъ передъ сеймомъ. Говоря о старшемъ, козаки имѣли въ виду такое положеніе его, какое раньше занималъ Орышевскій и другіе старшіе. Вопросъ о жалованьи и его размѣрахъ отлагался до предстоящаго сейма.

Онѣ должны были жить въ обычныхъ своихъ мѣстахъ и не выходить на волости. Козаки эти считались на службѣ у государства. Имъ уплачивалось жалованье сукномъ и по одному червонцу на человѣка. За ними признавалось право собственной юрисдикціи. Остальнымъ козакамъ предполагалось запретить называться запорожскими козаками и имѣть свою юрисдикцію. Они должны были возвратиться въ прежнее положеніе, подъ власть старостъ въ королевскихъ имѣніяхъ и подъ власть своихъ пановъ въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ. Такъ какъ ясно было, что подобныя мѣропріятія должны вызвать въ массахъ козачества сопротивленіе, то совѣщаніе рѣшило дѣйствовать противъ ослушниковъ вооруженною силою. Кромѣ того проэктировался рядъ мѣръ противъ усиленія козачества. Безъ вѣдома кіевскаго воеводы и подчиненнаго ему черкасскаго старосты, предполагалось запретить доставку на Запорожье провіанта и пороха. Подъ угрозой отнятія Терехтемировскаго монастыря запрещалось собирать въ немъ козацкія сходища. Монастырь долженъ былъ исключительно служить для убѣжища больныхъ, раненыхъ и увѣчныхъ.

Программа, выработанная совѣщаніемъ, послужила основой для переговоровъ съ козаками. 28 октября 1617 года королевскіе комиссары встрѣтились съ козацкими делегатами надъ р. Росью въ урочищѣ Старая Ольшанка. Козаки, очевидно, въ виду военной силы, не нашли возможнымъ сопротивляться. Ими были приняты почти всѣ рѣшенія житомірскаго совѣщанія, съ нѣкоторыми, впрочемъ, существенными измѣненіями въ отдѣльныхъ пунктахъ. Свое согласіе козаки выразили въ особомъ письмѣ войска запорожскаго къ гетману Жолкевскому отъ 31 октября 1617 года. Письмо было подписано гетманомъ Петромъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ и нѣкоторыми изъ козацкой старшины, участниками, должно быть, переговоровъ.

Сеймъ 1618 г.

Сеймъ собрался въ 1618 году. Были ли на немъ легаты отъ войска запорожскаго, неизвѣстно. Сеймъ, конечно, сталъ на точку зрѣнія репрессивныхъ мѣръ противъ козачества. Подканцлеръ литовскій, бискупъ виленскій Воловичъ въ своей рѣчи вполнѣ одобрялъ мѣры, принятыя Жолкевскимъ: козакамъ нужно выплачивать жалованье, держать ихъ извѣстное число для сторожевой службы на Днѣпрѣ, отобрать у нихъ челны, сжечь ихъ и не допускать выѣздовъ козаковъ на Черное море. Пограничные старосты должны строго обращаться съ козаками, не допускать ихъ соединяться въ отряды, и всячески прекращать своеволіе козаковъ. Въ такомъ направленіи состоялись и постановленія сейма. Для рѣшенія спорныхъ вопросовъ предположено было образовать новую коммиссію.

На практикѣ рѣшеніе сейма не имѣло серьезнаго значенія. Попытка свести козачество до размѣровъ небольшого сторожевого отряда, естественно, должна была разбиться о тѣ жизненныя условія, которыя вызвали такой сильный ростъ козачества въ началѣ XVII вѣка. Сеймъ 1619 года снова повторилъ постановленіе объ уменьшеніи количества козаковъ и о приведеніи его до законной нормы. Ясно, что предыдущія постановленія не привели къ практическимъ результатамъ.

Само правительство вынуждено было въ значительной степени, парализовать постановленія ольшанской коммиссіи и сейма 1618 года.

Козацкія своеволія и походъ козаковъ въ Москву.

Въ 1617 году королевичъ польскій Владиславъ предпринялъ походъ въ Москву. Нужны были военныя силы, и правительство обратилось къ козакамъ. Козаки дали свое согласіе. Стали вербоваться козацкіе отряды. Всѣ постановленія предыдущихъ сеймовъ и коммиссій, въ связи съ этимъ, потеряли всякое значеніе. Наборъ козаковъ на службу повлекъ на Украинѣ и въ Полѣсьѣ своевольства, убійства, грабежи имѣній. Явились самозванные вербовщики отрядовъ. Подъ

предлогомъ участія въ походѣ королевича въ Москву, они набирали своевольныхъ людей и нападали на сосѣднія имѣнія и мѣщанъ, грабили ихъ. Жалобъ на подобнаго рода своевольства въ 1618 году было много. Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны В. Б. Антоновичемъ въ третьей части „Архива Юго-Западной Россіи" и И. М. Каманинымъ въ приложеніяхъ къ статьѣ о гетманѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ. Изъ жалобъ этихъ не трудно вывести соціальную подкладку козацкихъ своевольствъ. Грабили козаки, преимущественно, шляхетскія имѣнія, забирая въ нихъ все, что относилось къ хозяйству: запасы зерна, сѣно, живность, скотъ и т. д.

Правительство было безсильно прекратить грабежи и ограничивалось угрозами своевольникамъ. Шляхта принуждена была сама выступить на свою защиту. Сначала выступила только волынская шляхта и занялась разгономъ своевольниковъ. То же самое рекомендовалъ король сдѣлать и кіевской шляхтѣ.

Козацкія своевольства усиливали классовую рознь и непримиримость интересовъ и отношеній между козачествомъ и шляхетствомъ. Они же создавали условія, при которыхъ всякая мысль объ ограниченіи количества козаковъ небольшимъ отрядомъ и о возвращеніи остальныхъ козаковъ въ прежнее состояніе, напередъ, была обречена на крушеніе. Классовое сознаніе козачества, въ противовѣсъ шляхтѣ, должно было, естественно, вырасти. Возвратить, при такихъ условіяхъ, своевольниковъ, признававшихъ себя свободными, подъ власть старостъ и пановъ, было немыслимо безъ серьезнаго сопротивленія. Объ это-то сопротивленіе и разбивались всѣ мѣропріятія польскаго правительства.

Но и само правительство, какъ мы видѣли, принуждено было обстоятельствами содѣйствовать, поневолѣ, успѣху сопротивленія козачества всякимъ репрессивнымъ и ограничительнымъ мѣрамъ. Во вре-

похода королевича Владислава въ Москву на службѣ правительства была не одна тысяча козаковъ, какъ проэктировала ольшанская коммиссія, а двадцать тысячъ. Начальствовалъ надъ ними гетманъ Конашевичъ Сагайдачный.

Черезъ Сѣверщину Сагайдачный двинулся въ Московщину, взялъ города Путивль, Ливны, Елецъ, разсѣялъ московскія войска и пробился къ королевичу Владиславу, который находился въ очень затруднительномъ положеніи. Результатомъ помощи козаковъ явилось выгодное для Польши Деулинское перемиріе. Польша получила Смоленскъ и Сѣверскую землю.

Возвращеніе козаковъ изъ московской войны опять сопровождалось своеволіями и грабежами. Надобность въ козакахъ, между тѣмъ, прошла. Гетманъ Жолкевскій выработалъ цѣлую систему государственной защиты польскихъ южныхъ границъ. Козакамъ отводилось при этомъ мало мѣста. Вопросъ объ уменьшеніи количества козаковъ, поэтому, снова сталъ на очередь. Жолкевскій держался того мнѣнія что съ козаками нужно покончить силою оружія. Но сеймъ не рѣшался на крутыя мѣры и считалъ возможнымъ урегулировать козацкій вопросъ, по прежнему, путемъ переговоровъ. Сеймъ 1619 г.

Сеймъ 1619 года не вынесъ относительно козаковъ опредѣленныхъ рѣшеній. Указывая на то, что число козаковъ размножилось, сеймъ требовалъ, чтобы оно было уменьшено. Окончательное опредѣленіе числа козаковъ не было установлено сеймомъ, а было поручено королю и коронному гетману.

Приведеніе въ исполненіе постановленій сейма было возложено на особую коммиссію, составленную, по обыкновенію, изъ магнатовъ. Коммиссію сопровождалъ Жолкевскій съ войскомъ. Напередъ уже имѣлось, такимъ образомъ, въ виду, что козаки должны подчиниться грубой силѣ.

Это обстоятельство слѣдуетъ учитывать при характеристикѣ уступокъ козаковъ коммиссарамъ съ од-

ной стороны, а съ другой при оцѣнкѣ политики гетмана Конашевичъ-Сагайдачнаго, которому изслѣдователи приписываютъ особенно большое вліяніе въ то время.

Раставицкая коммиссія 1619 года.

Комисары и польское войско остановились ниже м. Паволочи (сквирскаго уѣзда кiев. губ.) на р. Раставицѣ. Козацкое войско находилось за Бѣлой Церковью на р. Узени.

Сколько было польскаго войска—въ точности неизвѣстно. Можно только сказать, что гораздо больше, чѣмъ козаковъ. Относительно козаковъ мы имѣемъ интересныя свѣдѣнія въ сообщеніи польскихъ комисаровъ. Козацкое войско состояло изъ одиннадцати полковъ. Вооружено оно было огнестрѣльнымъ оружіемъ. Луки встрѣчались рѣдко. У козаковъ была артиллерія. По произведенной козацкимъ начальствомъ записи въ реестрѣ, козаковъ оказалось 10,600 человѣкъ.

Переговоры между комиссарами и козаками происходили въ польскомъ лагерѣ. Козаки присылали своихъ делегатовъ. Договоръ былъ составленъ и написанъ 8 октября 1619 года, но только 17 октября козаки дали свое согласіе на основныя требованія договора, измѣнивъ его въ частностяхъ. Нужно думать, все это время происходили обсужденія договора въ козацкихъ радахъ. Козаки долго торговались, стараясь отстоять возможно больше выгодъ. Согласіе козаковъ было выражено, наконецъ, въ формѣ письма на имя гетмана Жолкевскаго и комиссаровъ. Письмо подписалъ гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный и козацкая старшина.

Въ основу договора легли постановленія ольшанской коммиссіи.

Сущность договора заключалась въ слѣдующемъ.

Козаки, по обычаю ихъ предковъ, должны были оставаться за порогами и нести пограничную сторожевую службу. Они не должны были причинять тяготъ жителямъ и не нарушать договоровъ Польши съ с

сѣдями, въ особенности съ турецкимъ султаномъ; не уходить на море и не грабить земель сосѣднихъ государствъ. Для этого козаки обязывались уничтожить свои челны, за исключенiемъ тѣхъ, которые были нужны имъ для переправы черезъ Днѣпръ. За сторожевую службу козакамъ опредѣлялось жалованье въ .. тыс. золотыхъ. Число козаковъ, принятыхъ на королевскую, службу договоромъ не было опредѣлено. Опредѣленiе его предоставлено было королю. Какъ и ольшанская коммиссiя, коммиссiя на Раставицѣ постановила, чтобы всѣ ремесленники, шинкари, войты, бурмистры и. т. д., которые пристали къ козакамъ за послѣднiе пять лѣтъ, были исключены изъ козачества и возвращены въ прежнее положенiе и подъ прежнюю юрисдикцiю. Козаки, остававшiеся на волости, имѣли право жить только въ королевскихъ имѣнiяхъ и тамъ они должны оказывать уваженiе старостамъ, подстаростамъ и намѣстникамъ. Изъ имѣнiй же шляхетскихъ и духовныхъ козаки должны были выселиться и ликвидировать тамъ свое имущество. Въ противномъ случаѣ они обращались въ подданныхъ владѣльцевъ, въ имѣнiяхъ которыхъ жили. Это постановленiе, принятое поневолѣ, козаки въ своемъ оффицiальномъ письмѣ коммиссарамъ называли большимъ уменьшенiемъ вольностей, дарованныхъ польскими королями. Козаки принуждены были согласиться также на назначенiе имъ старшаго изъ руки королевской и коронного гетмана, на тѣхъ основанiяхъ, какъ раньше былъ назначенъ Оришевскiй. Назначенiе, однако, было отложено до ближайшаго сейма, куда козаки обѣщали прислать своихъ пословъ. Козаки предполагали также обратиться къ королю за подтвержденiемъ своихъ правъ и вольностей.

Изъ постановленiй ольшанской и раставицкой коммиссiй вполнѣ ясной становится политика польскаго правительства по отношенiю къ козачеству. Игнорируя совершенно реальныя соотношенiя, польское правительство имѣло въ виду вернуть козачество,

насчитывавшее въ себѣ десятки тысячъ человѣкъ, к небольшому сторожевому отряду, какъ было при Стефанѣ Баторіи, въ 2—3 тыс. человѣкъ, записанныхъ въ списокъ, получающихъ жалованье отъ казны и находящихся подъ начальствомъ старшаго, назначеннаго правительствомъ. Громадная масса козачества должна была возвратиться въ прежнее положеніе людей зависимыхъ, или крѣпостныхъ.

Жизнь, конечно, разрушила эту иллюзію. Походы на Черное море продолжались, и въ нихъ принимали участіе козацкіе отряды, насчитывавшіе не одну тысячу козаковъ. Возможность войны съ Турціей въ 1620 году заставила польское правительство совершенно игнорировать постановленіемъ раставицкой коммиссіи. Ея, говоритъ проф. Жуковичъ, какъ будто совсѣмъ и не существовало. Въ сеймовой конституціи 1620 г. говорилось только о желаніи имѣть козацкое войско на жалованьи у государства, подъ условіемъ, чтобы козаки находились подъ управленіемъ и властью гетмана, назначеннаго королемъ.

Гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный.

Такимъ гетманомъ въ то время могъ быть, естественно, Петръ Конашевичъ-Сагайдачный. Ему историки приписываютъ руководство уступчивой политикой козаковъ.

Историческихъ свѣдѣній о Сагайдачномъ сохранилось чрезвычайно мало. Тѣмъ не менѣе ни о какомъ другомъ изъ гетмановъ до Богдана Хмельницкаго не написано столько, сколько о немъ. Это объясняется важностью событій, въ которыхъ принималъ участіе Сагайдачный.

Сагайдачный жилъ въ трудную эпоху борьбы козачества съ польскимъ государствомъ, православія съ уніей. Въ могилу онъ ушелъ не только безъ враговъ съ той и другой стороны, но, напротивъ съ большими симпатіями и доброй славой у противниковъ. Причина этого лежитъ, несомнѣнно, въ оппортюнизмѣ, въ приспособленіи къ обстоятельствамъ, отличавшемъ зна-

наго козацкаго гетмана. Сагайдачный всегда служилъ вѣрно польскому государству. Онъ стоялъ во главѣ козачества во время переговоровъ въ Ольшаницѣ и на Раставицѣ, когда, какъ мы знаемъ, козаки проявили большую уступчивость польскому правительству. Понятно, почему люди польскаго правительственнаго круга должны были съ большимъ сочувствіемъ относиться къ Сагайдачному. Только въ вопросахъ вѣры Сагайдачный, кажется, всегда оставался твердымъ и послѣдовательнымъ. Православная оппозиціонная группа нашла у козаковъ и Сагайдачнаго, не только поддержку, но и большое содѣйствіе въ дѣлѣ возстановленія западно-русской іерархіи. Само собой разумѣется, всѣ симпатіи православныхъ были на сторонѣ козацкаго гетмана.

Мы имѣемъ отзывы современниковъ о Сагайдачномъ съ той и другой стороны. Одинъ изъ представителей польскаго правительственнаго круга Яковъ Собѣсскій, хорошо знавшій Сагайдачнаго по хотинской войнѣ, характеризовалъ его, какъ человѣка, который „съ полной справедливостью можетъ быть включенъ потомствомъ въ число наиболѣе выдающихся людей Польши". На столько онъ, по мнѣнію Собѣсскаго, „возвышался надъ своимъ простымъ происхожденіемъ и образомъ жизни своимъ острымъ умомъ, выдающеюся зрѣлостью мыслей, необычайной находчивостью въ словѣ и дѣлѣ". „Это былъ человѣкъ великаго духа, искавшій опасности, пренебрегавшій жизнью, первый въ битвѣ, послѣдній при отступленіи, энергичный, дѣятельный". „Оставаясь всегда одинаково вѣрнымъ королю и Речи Посполитой, Сагайдачный былъ такъ суровъ, сдерживая козацкое своевольство, что по ничтожнѣйшему поводу, безъ жалости проливалъ козацкую кровь, и, благодаря этому, возненавидѣвъ его, буйная толпа неоднократно лишала его старшинства надъ запорожскимъ войскомъ. Греческую религію и обряды окружалъ онъ чрезвычайно горячимъ почита-

Отзывъ современниковъ и козацкихъ лѣтописцевъ XVIII в. о Конашевичѣ Сагайдачномъ.

ніемъ, болѣе чѣмъ суевѣрнымъ, и для перешедшихъ въ лоно римской церкви былъ чрезвычайно упорнымъ и заклятымъ враговъ. Поэтому еще передъ самою его смертью въ обществѣ начали распространяться слухи и подозрѣнія о какихъ-то его злыхъ замыслахъ по отношенію къ Речи Посполитой".

Со стороны православныхъ отзывъ о Сагайдачномъ былъ еще болѣе восторженнымъ. Сохранились вирши, сочиненныя ректоромъ кіево-братской школы Кассіаномъ Саковичемъ и произнесенныя учениками этой школы при погребеніи Сагайдачнаго въ 1622 году. Сагайдачный называется въ виршахъ рыцаремъ, прославляются его воинскіе подвиги, защита имъ родины, заслуги его предъ церковью, его умъ, справедливость. Авторъ виршей находитъ, что Сагайдачный достоинъ „несмертельной славы" и воспоминанія объ его дѣлахъ не изчезнутъ, пока будутъ течь многорыбные Днѣпръ съ Днѣстромъ.

Добрая слава Сагайдачнаго у современниковъ перешла и въ потомство. Козацкій лѣтописецъ XVIII в. Грабянка отзывается о Сагайдачномъ, какъ о славномъ гетманѣ запорожскомъ, великомъ защитникѣ православной вѣры, который добылъ у короля и Речи Посполитой „милость и свободу великую народу малороссійскому". Неизвѣстный авторъ „Исторіи Руссовъ", допуская цѣлый рядъ анахронизмовъ въ перечисленіи заслугъ Сагайдачнаго, говоритъ, что Сагайдачный „поправлялъ внутренніе безпорядки правительственные и воинскіе, усиленно препятствовалъ распространенію уніатства, отбиралъ отъ уніатовъ церкви". Онъ умеръ „въ полной славѣ великаго и важнаго гетмана малороссійскаго".

Послѣ соединенія Украины съ Великороссіей въ 1654 г. нѣкоторыхъ писателей смущало то обстоятельство, что Сагайдачный ходилъ на Москву и воевалъ съ московскимъ государствомъ. Онъ, такимъ образомъ, какъ бы противодѣйствовалъ освобожденію Украины

отъ польскаго владычества. Естественно, взгляды этихъ писателей должны были рѣзко расходиться съ обычной оцѣнкой дѣятельности Сагайдачнаго. Авторъ компиляціи, написанной въ 1789 году и извѣстной подъ названіемъ „Краткое историческое описаніе о Малой Россіи до 1765 года" говоритъ о Сагайдачномъ, что онъ больше былъ склоненъ къ полякамъ, о „страждущихъ россіянахъ" не заботился или не хотѣлъ заботиться, былъ въ великомъ послушаніи у польскихъ вельможъ, ходилъ на помощь мятежникамъ въ Великороссію, и во все время его гетманства не произошло ничего такого, что способствовало бы низложенію ига польскаго отъ претерпѣвающихъ его.

Эта публицистическая точка зрѣнія нашла отзвукъ и у историка Бантышъ-Каменскаго. Послѣдній упрекнулъ Сагайдачнаго, между прочимъ, въ томъ, что гетманъ воевалъ противъ Москвы, противъ своихъ „соотечественниковъ" и разрушилъ рядъ московскихъ городовъ. Такая ненаучная точка зрѣнія вызвала въ свое время протестъ у М. А. Максимовича. Благодаря ему, она исчезла изъ серьезной исторической литературы о гетманѣ Сагайдачномъ.

Научное изученіе гетманства Конашевича-Сагайдачнаго.

Научное изученіе личности гетмана Сагайдачнаго и его дѣятельности началось въ первой четверти XIX вѣка, и Бантышъ-Каменскій былъ первымъ, который въ „Исторіи Малой Россіи" собралъ вмѣстѣ всѣ извѣстные факты о дѣятельности знаменитаго гетмана. Но Бантышъ-Каменскій не подвергнулъ ихъ критическому анализу. Это дало поводъ М. А. Максимовичу сказать, что „характеръ Сагайдачнаго въ трудѣ Бантышъ-Каменскаго утратилъ свою опредѣленную ясность и представился какимъ-то неорганическимъ смѣшеніемъ великихъ и низкихъ качествъ". Максимовичу, первому, такимъ образомъ, принадлежитъ заслуга критическаго разбора спорныхъ извѣстій о Сагайдачномъ. Онъ сдѣлалъ это въ своемъ „Изслѣдованіи о гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ-Сагайдачномъ".

Максимовичъ написалъ и первую, по времени, научную біографію Сагайдачнаго „Сказаніе о гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ“, напечатанную въ 1843 году. Другая краткая научная біографія гетмана вышла изъ-подъ пера проф. В. Б. Антоновича и появилась черезъ много лѣтъ, въ 1883 г., въ извѣстномъ изданіи проф. В. Бѣца „Историческія дѣятели Юго-Западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ“. Новыхъ фактовъ у Антоновича мы не находимъ, равно и новаго освѣщенія личности Сагайдачнаго сравнительно съ тѣмъ, какое далъ Максимовичъ.

Въ новѣйшее время пересмотръ вопроса о Сагайдачномъ предпринялъ И. М. Каманинъ, напечатавшій въ 1901 году въ XVI книгѣ „Чтеній въ Обществѣ лѣтописца Нестора“ „очеркъ гетманства Петра Сагайдачнаго“.

И. М. Каманинъ видитъ въ Сагайдачномъ предшественника Богдана Хмельницкаго. Главной задачей уже въ первые годы своего гетманства Сагайдачный, по мнѣнію И. М. Каманина, поставилъ освобожденіе русскаго народа отъ подданства и ярма работничаго. Сагайдачный силой своего генія понялъ окружавшія его условія политической и экономической жизни и нашелъ средства къ выходу на волю русскаго народа. Средствомъ этимъ было соединеніе съ Московскимъ государствомъ. Сагайдачный, по мнѣнію И. М. Каманина, оберегалъ Москву отъ козацкихъ походовъ, видѣлъ въ ней естественную союзницу въ борьбѣ украинскаго народа противъ полонизаціи и окатоличенія.

Взгляды И. М. Каманина, однако, являются иногда простыми предположеніями и не всегда опираются на факты. Нельзя не признать справедливыми нѣкоторыхъ замѣчаній по этому поводу польскаго историка Тадеуша Корзона. Въ своей рецензіи на статью И. М. Каманина, Т. Корзонъ указалъ, что о Сагайдачномъ извѣстно очень мало, а тѣ факты, которые извѣстны, не даютъ основаній, для широкихъ выводовъ и обобщеній, какія дѣлаетъ И. М. Каманинъ.

Новый пересмотръ дѣятельности Сагайдачнаго сдѣланъ проф. М. С. Грушевскимъ въ седьмомъ томѣ „Исторіи України—Руси“ (2-й томъ „Исторіи Украинскаго козачества“—на русскомъ языкѣ). Проф. Грушевскій использовалъ и нѣкоторые новые матеріалы, пересмотрѣвъ въ то же время критически старые.

Въ дѣйствіяхъ Сагайдачнаго, осторожныхъ и компромиссныхъ внутри Речи Посполитой и наступательныхъ противъ сосѣднихъ государствъ, проф. М. С. Грушевскій склоненъ видѣть „глубокую хитрую политику“—„вовлекать Речь Посполитую въ военныя затрудненія, которыя отвлекали бы ея военныя силы и не давали возможности направить ихъ противъ козачества, а наоборотъ—заставляли бы Речь Посполитую искать помощи у козаковъ“. Союзомъ съ духовенствомъ и свѣтскими кругами украинской интеллигенціи, живымъ своимъ участіемъ въ церковно-національныхъ стремленіяхъ Сагайдачный пріобрѣлъ себѣ уваженіе и необыкновенную привязанность. Но въ широкихъ народныхъ кругахъ его компромиссная политика не была понята и, въ должной мѣрѣ, оцѣнена, соотвѣтственно обстоятельствамъ. Среди козаковъ часто происходили движенія, направленныя противъ Сагайдачнаго. Это даетъ проф. Грушевскому право сдѣлать основательное, на нашъ взглядъ, предположеніе, что въ широкихъ козацкихъ массахъ Сагайдачный не былъ популяренъ, не смотря на ту славу, которую онъ добылъ козакамъ въ походахъ, подъ его предводительствомъ.

Біографія Конашевича-Сагайдачнаго.

Годъ рожденія Сагайдачнаго неизвѣстенъ. Свѣдѣнія о мѣстѣ его рожденія и объ его образованіи мы черпаемъ изъ виршей, сочиненныхъ Саковичемъ. Сагайдачный, по словамъ Саковича, родился въ Галиціи, „въ горахъ Подгорскихъ Премысскихъ“. Шляхтичъ кіевскаго воеводства Іоакимъ Ерличъ въ своихъ запискахъ, веденныхъ имъ съ 1620 по 1671 годъ, родиной Сагайдачнаго называетъ городъ Самборъ. Какъ говоритъ тотъ же Ерличъ, Сагайдачный, по происхож-

денію, былъ шляхтичъ. На принадлежность Сагайдачнаго къ шляхтѣ указываетъ и гербъ шляхетскій на портретѣ гетмана, приложенномъ къ виршамъ Саковича.

Галицкое происхожденіе Сагайдачнаго, естественно, могло облегчить сближеніе его съ современной ему украинской интеллигенціей изъ духовенства. Въ Кіевѣ многіе изъ представителей ея, въ томъ числѣ и будущій митрополитъ Іовъ Борецкій, по происхожденію были галичанами.

М. А. Максимовичъ и В. Б. Антоновичъ думаютъ, что настоящая фамилія гетмана была Петръ Сагайдачный. Онъ былъ сыномъ Конона (по тогдашнему произношенію Конаша). Оттуда и отчество Конашевичъ, принимаемое обыкновенно за фамильное прозвище. Осипъ Чайковскій въ своей статьѣ о началѣ гетманства Петра Сагайдачнаго въ сборникѣ, посвященномъ проф. М. С. Грушевскому, не соглашается съ В. Б. Антоновичемъ и считаетъ правдоподобнымъ, что имя Сагайдачный было дано гетману козаками.

Воспитывался Сагайдачный въ г. Острогѣ (волынской губ.) въ знаменитой острожской школѣ. Пробылъ онъ въ Острогѣ долго, но въ какое время—неизвѣстно. И. М. Каманинъ полагаетъ, что между 1580 и 1590 годами. Осипъ Чайковскій, съ такимъ же правомъ переноситъ это пребываніе на десятилѣтіе позже. Пребываніе въ школѣ сближало гетмана и по духу и могло сближать по личнымъ отношеніямъ съ представителями высшаго украинскаго духовенства. Въ связяхъ и традиціяхъ острожской школы нужно искать и объясненіе постоянныхъ заботъ гетмана Сагайдачнаго о развитіи школъ и просвѣщенія на Украинѣ.

Когда и по какимъ побужденіямъ Сагайдачный вошелъ въ среду козаковъ, неизвѣстно. Быть можетъ, жажда приключеній, такъ обычная въ то время у шляхтичей, сыграла въ этомъ случаѣ рѣшающую роль. Споренъ также вопросъ о томъ, когда Сагайдачный впервые былъ выбранъ гетманомъ. Ученые дѣлаютъ

разныя предположенія. Предположенія ихъ, однако, за недостаткомъ свѣдѣній, совершенно лишены фактической основы. Время вступленія Сагайдачнаго въ ряды козаковъ В. Б. Антоновичъ полагаетъ на послѣдние годы XVI или на первые XVII вѣка. И. М. Каманинъ относитъ начало козакованья Сагайдачнаго къ 1601 году. По мнѣнію М. А. Максимовича, гетманомъ Сагайдачный впервые могъ быть избранъ въ 1598 году, во всякомъ случаѣ, не позднѣе 1601 года. Антоновичъ годомъ избранія считаетъ 1605, а И. М. Каманинъ—1606. Осипъ Чайковскій, на основаніи ряда соображеній, высказываетъ догадку, что гетманомъ Сагайдачный сдѣлался впервые около 1610 года. Проф. Грушевскій относитъ начало гетманства Сагайдачнаго къ еще болѣе позднему времени, но немного ранѣе 1616 года. „Курскій лѣтописецъ“ подъ 1613 годомъ говоритъ, однако, о Сагайдачномъ, уже какъ о гетманѣ. Поэтому, ближе къ истинѣ представляется мнѣніе г. Чернявскаго.

Гетманство Сагайдачнаго не было непрерывнымъ, какъ полагаютъ нѣкоторые изъ ученыхъ. За время 1606 по 1622 годъ мы встрѣчаемъ указанія и на другихъ гетмановъ. Въ 1609 году козаками предводительствовалъ Олевченко; въ 1610 г. гетманомъ былъ Тискиневичъ, въ 1617 году—Барабашъ, въ 1621 году—Бородавка.

Несомнѣнно, еще раньше избранія своего въ гетманы, Сагайдачный пользовался значительнымъ вліяніемъ среди козаковъ. Иначе онъ не былъ бы избранъ. Нужно думать, Сагайдачный принималъ участіе въ наиболѣе значительныхъ военныхъ предпріятіяхъ козаковъ въ началѣ XVII вѣка. Могъ онъ участвовать и при взятіи Варны въ 1605 году, какъ предполагаютъ Максимовичъ и И. М. Каманинъ. Не былъ только тогда предводителемъ козаковъ. Нѣкоторые ученые (Максимовичъ, В. Б. Антоновичъ, И. М. Каманинъ) относятъ къ этому же времени и взятіе козаками Кафы, считая, что это имѣло мѣсто въ 1606 году. Для такого мнѣнія

есть нѣкоторыя основанія въ источникахъ. Быть можетъ, однако, правильнѣе относить взятіе Кафы къ 1616 г., какъ это дѣлаетъ проф. Грушевскій. Вирши Саковича вѣдь, указываютъ, что Сагайдачный „за своего гетманства взялъ въ Турцехъ мѣсто Кафу".

Взятіе Кафы могло быть, такимъ образомъ, первымъ значительнымъ дѣломъ Сагайдачнаго, какъ гетмана. Въ 1618 г. Сагайдачный съ козаками ходилъ, какъ мы знаемъ, въ Московское государство на помощь королевичу Владиславу. У него было больше 20 тысячъ отборнаго войска. Участіе козаковъ въ походѣ оказало большую услугу польскому войску и спасло походъ королевича отъ неудачи. По возвращеніи изъ московскаго похода Сагайдачный участвовалъ въ извѣстныхъ уже намъ переговорахъ въ Ольшанкѣ и Раставицѣ. Имъ, вмѣстѣ съ другими старшинами, подписаны акты соглашеній козаковъ съ польской коммиссіей. Козаки принуждены были сдѣлать существенныя уступки. Мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы судить о роли Сагайдачнаго во время этихъ переговорахъ съ польскими комиссарами. По продолжительности переговоровъ, по оговоркамъ въ сохранившихся письменныхъ актахъ со стороны козаковъ можно сдѣлать предположеніе о томъ, что въ средѣ козаковъ соглашеніе съ поляками вызывало большія разногласія и сопровождалось сильной борьбой. Побѣду примирительнаго теченія современные намъ ученые приписываютъ вліянію Сагайдачнаго. Благодаря ему, соглашеніе съ поляками состоялось.

Оппозиція Сагайдачному. Ограничительныя условія ольшанской и раставицкой коммиссій не могли, однако, быть приняты равнодушно значительными слоями козачества, которыхъ они касались. Матеріалъ для оппозиціоннаго настроенія противъ Сагайдачнаго, такимъ образомъ, существовалъ. При всей популярности имени Сагайдачнаго, неслучайна была его замѣна впослѣдствіи Бородавкой, а раньше, въ 1617 году, Барабашемъ.

Сагайдачный послѣ раставицкой коммиссіи оффиціально былъ признаваемъ польскимъ правительствомъ козацкимъ старшимъ. Онъ сталъ на законную точку зрѣнія по отношенію къ польскому правительству. Мы имѣемъ указанія на то, что Сагайдачный стремился провести въ жизнь ограничительныя постановленія ольшанской и раставицкой коммиссій, старался обуздывать на волости своевольныхъ козаковъ, жегъ челны и „вмѣстѣ съ другими своими старинными товарищами", оказывалъ всякое расположеніе и предупредительность къ королю и Речи Посполитой. Это отмѣчалъ и самъ король въ грамотѣ Сагайдачному, данной въ іюлѣ 1619 года, наканунѣ раставицкой комиссіи.

Нужно думать, борьба Сагайдачнаго съ козацкимъ своеволіемъ и съ увеличеніемъ числа козаковъ не имѣла существеннаго успѣха. Она могла только способствовать росту оппозиціоннаго настроенія противъ Сагайдачнаго. Съ этимъ настроеніемъ Сагайдачный долженъ былъ, конечно, считаться. Вѣроятно, здѣсь ключъ къ разгадкѣ нѣкоторыхъ поступковъ Сагайдачнаго и его поведенія по отношенію къ Польшѣ и Москвѣ.

Походъ Сагайдачнаго въ Крымъ и посольство въ Москву.

Не смотря на занятое Сагайдачнымъ лояльное положеніе, онъ въ 1620 году совершилъ съ козаками походъ въ Крымъ и набралъ тамъ много плѣнныхъ. Нужно думать, что походъ этотъ, предпринятый безъ вѣдома и разрѣшенія польскаго правительства, былъ уступкой козачеству, не мирившемуся съ положеніемъ, занятымъ его гетманомъ. Часть плѣнныхъ Сагайдачный отправилъ со своими послами въ Москву. Конечно, и это посольство было нарушеніемъ закона по отношенію къ Речи Посполитой.

Посломъ Сагайдачнаго былъ Петръ Одинецъ. Цѣль посольства для насъ недостаточно ясна. Козаки предлагали себя на службу московскому правительству и хотѣли получить отъ него жалованье для походовъ въ Крымъ. Проф. Грушевскій не считаетъ это истинной цѣлью посольства. Онъ полагаетъ, что посольство имѣло

главной цѣлью переговоры съ патріархомъ Феофаномъ о возстановленіи западно-русской іерархіи. Намекъ, правда, есть на то, что козацкіе послы видѣлись и вели какіе-то переговоры съ патріархомъ. Но нѣтъ фактическихъ данныхъ думать, что въ этомъ заключалась главная цѣль посольства.

Московское правительство отклонило предложеніе козаковъ; выдало, однако, имъ жалованья 300 рублей. Въ Москвѣ, очевидно, боялись осложненій съ Польшей, такъ какъ путивльскіе воеводы получили выговоръ за пропускъ козацкихъ пословъ, и воеводамъ было строго приказано на будущее время „впредь такихъ великихъ дѣлъ безъ указу не дерзать“.

Двойственное положеніе, которое, на самомъ дѣлѣ, занималъ Сагайдачный по отношенію къ козачеству и къ польскому правительству привело, въ концѣ концовъ, къ разрыву части козачества съ Сагайдачнымъ и къ выбору новаго гетмана.

Выборъ гетманомъ Бородавки.

Какъ сообщалъ гетманъ Жолкевскій въ письмѣ своемъ къ воеводѣ кіевскому Томашу Замойскому, козаки воспользовались для этого походомъ Сагайдачнаго съ частью козаковъ подъ Перекопъ. Главную оппозицію Сагайдачному составили тѣ козаки, которые были имъ выписаны изъ реестра, на основаніи ольшанской и раставицкой коммиссій. Сагайдачный былъ свергнутъ съ гетманства. На его мѣсто былъ выбранъ Ясько (Яковъ) Неродовичъ Бородавка.

Жолкевскій аттестуетъ Бородавку, какъ „самаго недостойнаго и самаго яраго бунтовщика“. Характеристика эта, вышедшая изъ-подъ пера врага козаковъ, безъ сомнѣнія, односторонняя и пристрастна. Она, нужно полагать, и невѣрна. Мы, по крайней мѣрѣ, не имѣемъ реальныхъ фактовъ, которые бы ее подтверждали. Жолкевскій говоритъ также, будто бы Бородавка заявилъ козакамъ, что „онъ готовъ съ ними идти не только на море, но хотя бы въ пекло“. Если Бородавка, дѣйствительно, сдѣлалъ это заявленіе, то оно лучше всего

характеризируетъ подкладку недовольства Сагайдачнымъ, какъ проводникомъ ограничительныхъ мѣръ, стѣснявшихъ, между прочимъ, свободу морскихъ походовъ козаковъ. Мы уже знаемъ, что Сагайдачный послѣ раставицкой комиссіи сжегъ козацкія лодки.

Неблагопріятный отзывъ Жолкевскаго о Бородавкѣ вполнѣ понятенъ и, вѣроятно, онъ не былъ одинокимъ съ польской стороны. Неудивительно, также, что личность Бородавки, въ сопоставленіи ея съ Сагайдачнымъ, характеризовалась въ мрачныхъ краскахъ и приверженцами Сагайдачнаго. Въ такомъ видѣ она перешла и въ историческое преданіе. Величко и Грабянка, писавшіе въ XVIII в., на основаніи польскихъ источниковъ, называютъ Бородавку пьяницей. Неизвѣстный авторъ „Исторіи Руссовъ", стоявшій на точкѣ зрѣнія, враждебной полякамъ, но сочувствовавшій Сагайдачному, думаетъ, что Бородавка былъ избранъ „во вредъ Сагайдачному", благодаря проискамъ поляковъ. Слѣдуя этому, и В. Б. Антоновичъ считалъ Бородавку „вѣрнымъ слугою и приверженцемъ польскаго правительства". Мы знаемъ, что это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Не обоснована также характеристика Бородавки у проф. Жуковича, называющаго Бородавку рѣзкимъ и дерзкимъ, дѣйствовавшимъ безъ оглядки.

Вообще о Бородавкѣ и его дѣятельности слишкомъ мало извѣстно. Есть свѣдѣнія о томъ, что козаки. подъ предводительствомъ Бородавки, готовились къ походу въ Крымъ. Проф. Жуковичъ сдѣлалъ попытку отвести Бородавкѣ первое мѣсто въ дѣлѣ возстановленія іерархіи въ Западной Руси *). Но, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ проф. Грушевскій, всѣ факты говорятъ противъ этого. Всѣ свѣдѣнія отмѣчаютъ въ дѣлѣ возстановленія іерархіи заслугу Сагайдачнаго и ни словомъ не говорятъ про Бородавку.

*) Считаемъ нужнымъ исправить здѣсь ошибку, допущенную во второмъ очеркѣ (стр 73), гдѣ мнѣніе проф Жуковича нами передано не точно.

Сагайдачный въ гетманство Бородавки.

Съ избраніемъ Бородавки, Сагайдачный не сошелъ со сцены. Въ исторической литературѣ обыкновенно его и въ это время называютъ гетманомъ *). Такъ титуловало его и московское правительство въ царской грамотѣ отъ 21 апрѣля 1620 г. На самомъ же дѣлѣ изъ протестаціи Іова Борецкаго извѣстно, что Сагайдачный, въ гетманство Бородавки, числился полковникомъ. Райономъ его дѣятельности былъ Кіевъ, гдѣ онъ остановился послѣ московскаго похода. Сагайдачный былъ, очевидно, подчиненъ Бородавкѣ. Поэтому двухъ гетмановъ въ то время не было, хотя нѣтъ ничего не вѣроятнаго въ предположеніи проф. Грушевскаго, что Бородавку не вездѣ признавали старшимъ. Въ дѣлѣ возстановленія іерархіи Сагайдачный дѣйствовалъ въ качествѣ полковника, и ему, нужно думать, въ этомъ дѣлѣ помогали, главнымъ образомъ, козаки его полка. Приписывать козачеству, какъ цѣлому, заслугу въ дѣлѣ возстановленія іерархіи, нѣтъ, поэтому, основаній.

Первое вмѣшательство козаковъ въ религіозныя и церковныя дѣла.

Интересъ къ религіознымъ событіямъ, имѣвшимъ мѣсто на Украинѣ въ концѣ XVI и вначалѣ XVII вв. сталъ пробуждаться, если не среди всего козачества, то среди козацкой старшины, еще раньше Сагайдачнаго. Борьба съ уніей и религіозныя отношенія, возникавшія, благодаря этой борьбѣ, усложнялись и вовлекали все больше и больше народу. Насилія надъ совѣстью чувствуются наиболѣе живо и болѣзненно. Не удивительно, поэтому, что не смотря на сравнительное равнодушіе къ религіи, дававшее право уніатскому митрополиту Рутскому называть козаковъ людьми безъ религіи, а православному Адаму Киселю даже въ 1640-хъ годахъ утверждать, что у козаковъ нѣтъ никакой вѣры,— козаки и весь украинскій и западно-русскій народъ чрезвычайно чутко относился къ дѣламъ вѣры и становился на защиту ея при всякомъ удобномъ случаѣ. Подъ вліяніемъ религіозной борьбы, у козачества соз-

*) Ошибочно онъ называется гетманомъ и въ нашемъ первомъ очеркѣ (стр. 73—75).

жилось также извѣстное настроеніе. Защита вѣры и поддержка церкви сдѣлались какъ бы очередными задачами козачества.

Даже хищническая и корыстная борьба съ турками и татарами получила мало-по-малу свою религіозную идеологію. „Лупленіе татарскихъ чабановъ", превратилось въ борьбу съ „непріятелемъ св. Креста". На послѣднее, правда, оказали большое вліяніе идеи, занесенныя съ Запада, стремленіе католическихъ государствъ образовать лигу для изгнанія турокъ изъ Европы и желаніе вовлечь въ это грандіозное предпріятіе козаковъ. Но сущность отъ этого не мѣняется. Жизнь ставила передъ козачествомъ религіозные вопросы и невольно вовлекала козаковъ въ религіозные и церковные интересы.

Вотъ почему вмѣшательство козаковъ въ религіозную борьбу въ Речи Посполитой въ XVII вѣкѣ не было случайностью. Козацкая старшина и, въ частности, Сагайдачный, а также его преемники, принимавшіе участіе въ религіозныхъ дѣлахъ, имѣли опору въ болѣе или менѣе широкихъ массахъ козачества и даже, можно сказать, народа вообще. Религіозные интересы были понятны и живо чувствовались въ народѣ.

Первый извѣстный документально случай вмѣшательства козаковъ въ церковыя дѣла имѣлъ мѣсто въ 1610 году. Онъ былъ вызванъ дѣйствіями въ Кіевѣ Антонія Грековича, считавшагося въ Кіевѣ намѣстникомъ уніатскаго митрополита Ипатія Потія. Грековичъ сталъ принуждать населеніе Кіева къ принятію уніи. Населеніе оказало сопротивленіе, при чемъ руководящую роль сыграло, конечно, православное духовенство. Козаки прибѣгли къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, угрожавшимъ жизни Грековича, и онъ долженъ былъ убѣжать изъ Выдубецкаго монастыря, гдѣ проживалъ. На жалобу Грековича былъ записанъ протестъ въ кіевскія гродскія книги. Козаки говорили въ этомъ протестѣ, что, будучи сыновьями восточной церкви, они

хотятъ стоять при тѣхъ духовныхъ, которые не отреклись отъ нея. Козаки обѣщали защищать православную вѣру своими головами. Тоже самое подтвердилъ и козацкій старшій Тискиневичъ въ письмѣ своемъ къ къ кіевскому подвоеводѣ. Грековичъ, все-таки, не прекратилъ своей дѣятельности и впослѣдствіи кончилъ трагически: въ февралѣ 1618 года козаки утопили его возлѣ Выдубецкаго монастыря.

Фактовъ вмѣшательства козаковъ въ религіозныя дѣла, за первое, время очень мало. Они мелки. Но нельзя не согласиться съ проф. М. С. Грушевскимъ, что въ связи съ протестомъ 1610 года, факты эти получаютъ важное значеніе. Они устанавливають связь козачества, простого народа съ тогдашней православной интеллигенціей. Послѣдняя состояла почти исключительно изъ духовенства.

Основаніемъ этой связи были религіозные интересы. Они начали переплетаться въ то время уже съ интересами національными.

Проф. Грушевскій хочетъ видѣть въ связи козачества съ интеллигенціей и соціальный моментъ. Къ союзу съ интеллигенціей, по его мнѣнію, вели козачество и чисто-тактическія соображенія. Желая осѣсть на волости, козачество старалось войти въ соприкосновеніе съ различными группами населенія волости. Поэтому оно и заботилось о томъ, чтобы у него были съ этими группами общіе интересы. Съ низшими слоями населенія у козаковъ давно уже были естественныя связи. Необходимо было теперь позаботиться, чтобы стать въ соприкосновеніе съ духовенствомъ и высшими слоями мѣщанства.

Мнѣніе проф. Грушевскаго врядъ-ли, однако, можетъ быть принято. Для него нѣтъ фактической основы. Сложность комбинацій, которыя необходимы были для выработки тактики, о которой говоритъ проф. Грушевскій, также врядъ ли была по плечу козакамъ, массѣ очень подвижной и неустойчивой въ своемъ составѣ

Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что въ 1610 г. дѣйствовали не всѣ, а только козаки, жившіе или имѣвшіе свое мѣстопребываніе въ Кіевѣ.

Сагайдачный и возстановленіе іерархіи.

Связь козачества съ духовенствомъ и мѣщанствомъ въ Кіевѣ была, такимъ образомъ, установлена по религіознымъ вопросамъ еще до Сагайдачнаго. Но у Сагайдачнаго, какъ уже замѣчено выше, были еще особыя условія, которыя давали ему возможность стать въ болѣе тѣсныя отношенія къ кіевской интеллигенціи. Главные представители этой интеллигенціи принадлежали къ духовенству. Среди кіевскаго духовенства немало было воспитанниковъ острожской школы и уроженцевъ Галиціи. Они могли быть и раньше лично знакомы съ Сагайдачнымъ, ихъ могли связывать школьныя традиціи или воспоминанія и отношенія землячества, всегда особенно сильныя вдали отъ родины. Сагайдачный былъ, какъ извѣстно, родомъ также галичаниномъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя думать, чтобы сближеніе Сагайдачнаго съ кіевскимъ духовенствомъ было случайнымъ. Ихъ совмѣстная дѣятельность при возстановленіи западнорусской іерархіи имѣла болѣе глубокія основанія, чѣмъ простое сотрудничество.

Сагайдачный увлекалъ за собою козаковъ. Черезъ посредство Сагайдачнаго и козаки, такимъ образомъ, сыграли крупную роль въ религіозно-національныхъ событіяхъ начала 1620-хъ годовъ. Фактическое участіе въ нихъ не слѣдуетъ, однако, распространять на все козачество. Въ дѣлѣ возстановленія іерархіи собственно участвовалъ только полкъ Сагайдачнаго. Такъ какъ послѣ своего возвращенія изъ московскаго похода, Сагайдачный остановился въ Кіевѣ, то является предположеніе, что и полкъ его состоялъ, преимущественно, если не изъ кіевскихъ жителей, то изъ людей, обжившихся въ этой мѣстности. Интересы, волновавшіе Кіевъ, кіевское духовенство и мѣщанство могли живо чувствоваться и козаками, имѣвшими связи съ мѣстнымъ населеніемъ.

Какъ и В. Б. Антоновичъ, проф. Грушевскій приписываетъ Сагайдачному активную роль въ дѣлѣ возстановленія іерархіи. Сагайдачный, по предположенію проф. Грушевскаго, могъ встрѣтиться съ патріархомъ Феофаномъ во время московскаго похода. Феофанъ въ то время проживалъ въ Тулѣ. Даже посольство отъ козаковъ въ Москву въ 1620 году проф. Грушевскій старается связать съ мыслью Сагайдачнаго о возстановленіи іерархіи.

Такое приписываніе козакамъ и Сагайдачному руководящей роли въ этомъ дѣлѣ не имѣетъ серьезныхъ основаній. Болѣе вѣроятнымъ, по совокупности тогдашнихъ событій, представляется мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые иниціативу въ дѣлѣ возстановленія іерархіи и руководящую роль приписываютъ кіево-богоявленскому братству, духовнымъ и свѣтскимъ кругамъ, стоявшимъ съ нимъ въ связи. Братство являлось центромъ религіозно-общественной жизни въ Кіевѣ, и въ число членовъ его записался и Сагайдачный со всѣмъ войскомъ запорожскимъ. Когда это случилось до или послѣ возстановленія іерархіи, предъ смертью Сагайдачнаго—точно неизвѣстно. Судя по тому вниманію, съ которымъ Сагайдачный сталъ относиться къ братству со времени своего поселенія въ Кіевѣ, можно съ полной вѣроятностью предполагать, что запись въ братство Сагайдачнаго имѣла мѣсто до возстановленія іерархіи. Дѣятельность Сагайдачнаго проходила, поэтому, подъ вліяніемъ и настроеніемъ кіево-богоявленскаго братства. Братство, въ свою очередь, было обязано ему значительными матеріальными средствами.

На сколько можно установить по извѣстнымъ намъ фактамъ, роль Сагайдачнаго въ дѣлѣ возстановленія іерархіи выражалась въ слѣдующемъ. Когда въ мартѣ 1620 года патріархъ Феофанъ выѣхалъ изъ Москвы, Сагайдачный со своимъ полкомъ встрѣтилъ его по пути въ Кіевъ и, во все время пребыванія патріарха въ Кіевѣ, охранялъ его. Сагайдачный принималъ затѣмъ

участіе въ совѣщаніяхъ по поводу возстановленія іерархіи. Говоря о такомъ совѣщаніи въ Кіевѣ, лѣтописецъ монастыря Густынскаго называетъ участниками его разныхъ лицъ изъ разныхъ мѣстностей, въ томъ числѣ и Сагайдачнаго. Главное мѣсто на этомъ совѣщаніи лѣтописецъ отводитъ, однако, не одному Сагайдачному, а представителямъ изъ разныхъ областей: волынскимъ, подольскимъ, подгорскимъ, покутскимъ, подляшскимъ, литовскимъ и украинскимъ. Много, говоритъ онъ, было тогда дивныхъ и неисповѣдимыхъ гаданій и совѣтовъ не только со стороны духовныхъ, но и со стороны свѣтскихъ лицъ. Объ этомъ совѣщаніи говоритъ и Саковичъ въ своихъ „Виршахъ". Саковичъ также не отводитъ Сагайдачному какой-то особой роли въ немъ и указываетъ, что кандидатовъ въ архіереи избирали всѣ участники совѣщанія.

Если нѣтъ основаній признать за Сагайдачнымъ руководящую и рѣшающую роль въ дѣлѣ возстановленія іерархіи, заслуга его, тѣмъ не менѣе, велика. Участіе козачества вывело мысль о возстановленіи іерархіи изъ области мечтаній и дало ей реальное осуществленіе. Не столько съ идейной стороны важно участіе Сагайдачнаго и козачества, сколько съ точки зрѣнія практической. Участіе козачества сообщило религіозному движенію силу, дало возможность провести въ жизнь то, что безъ козаковъ врядъ ли могло быть осуществлено такъ скоро.

Когда патріархъ Феофанъ, окончивъ свою миссію въ Кіевѣ, выѣхалъ на Востокъ, Сагайдачный со своимъ полкомъ все время сопровождалъ и охранялъ патріарха до самой границы, гдѣ опасность патріарху уже не грозила.

Этимъ роль Сагайдачнаго не была исчерпана. Помогши осуществить идею возстановленія православной іерархіи, Сагайдачный самымъ ходомъ событій былъ приведенъ къ необходимости стать защитникомъ и охранителемъ достигнутыхъ результатовъ. Іерархіи со

всѣхъ сторонъ, и со стороны правительства, и со стороны уніатскаго духовенства, и со стороны отдѣльныхъ лицъ, грозила большая опасность. Іерархи медлили обращаться къ королю за утвержденіемъ. Они, безъ сомнѣнія, не надѣялись на это. Король издалъ универсалы, которыми предписывалъ ловить новопоставленныхъ іерарховъ. Со стороны уніатовъ начался рядъ репрессій и нападеній, между прочимъ, литературныхъ. Митрополитъ Іовъ боролся съ ними литературнымъ путемъ и путемъ занесенія въ гродскія книги протестацій. Это не имѣло существенныхъ результатовъ. Тогда митрополитъ рѣшилъ поставить вопросъ о борьбѣ шире. Въ маѣ 1621 года онъ созвалъ въ Кіевѣ соборъ для обсужденія положенія дѣлъ.

О соборѣ этомъ мало свѣдѣній. По словамъ князя Юрія Збаражскаго, на соборѣ присутствовало почти все духовенство и люди греческой религіи. Во главѣ свѣтскихъ людей стояли козаки. Если въ дѣлѣ возстановленія іерархіи фактически принимала участіе только незначительная часть козачества—полкъ Сагайдачнаго, то теперь защита іерархіи начала дѣлаться общекозацкимъ дѣломъ, не говоря уже объ остальномъ православномъ населеніи, не принадлежавшемъ къ козачеству. Можно думать, что на кіевскомъ соборѣ принималъ участіе не только Сагайдачный, но и гетманъ Бородавка. По крайней мѣрѣ, оба они присутствовали на козацкой радѣ въ Сухой Дубровѣ.

Рада эта была собрана непосредственно вслѣдъ за кіевскимъ соборомъ и, по словамъ современника князя Збаражскаго, была будто бы „послѣднимъ совѣщаніемъ“ этого собора.

Но это не такъ. Рада въ Сухой Дубравѣ была собрана не по однимъ только церковнымъ дѣламъ. Главной ея цѣлью было рѣшеніе вопроса о службѣ козаковъ польскому государству.

У Польши шла война съ Турціей.

Столкновеніе началось еще весной 1620 года. Турція имѣла въ виду завоевать Польшу. Ближайшимъ же поводомъ къ войнѣ послужило нападеніе польскихъ своевольныхъ бандъ, такъ называемыхъ лисовчиковъ, на земли трансильванскаго воеводы Бетлень-Габора. Бетленъ-Габоръ былъ вассаломъ Польши. Турецкія войска вступили въ Молдавію. Противъ нихъ двинулся гетманъ коронный Жолкевскій, пренебрегая совершенно помощью козаковъ. Думаютъ, что отсутствіе козаковъ въ походѣ было результатомъ вообще враждебнаго отношенія Жолкевскаго къ козачеству, неумѣнья или нежеланія войти съ козаками въ соглашеніе. Для Жолкевскаго такая политика имѣла роковое значеніе. Войско его было разбито подъ Яссами, въ Молдавіи, на Цыцорскихъ поляхъ. Самъ онъ спѣшно отступилъ къ Могилеву на Днѣстрѣ. Здѣсь принужденъ былъ принять битву, 7-го октября (нов. ст.) 1620 г. былъ убитъ и остался на полѣ сраженія. Его же помощникъ полный гетманъ Конецпольскій, вмѣстѣ съ другими военачальниками, попалъ въ плѣнъ.

Война Польши съ Турціей. — Смерть Жолкевскаго.

Существуетъ письмо Богдана Хмельницкаго къ королю Казиміру изъ лагеря подъ Зборовымъ. Изъ письма мы знаемъ, что въ битвѣ подъ Цыцорою принималъ участіе самъ Богданъ Хмельницкій и отецъ его, подстароста чигиринскій Михаилъ Хмельницкій. Отецъ палъ въ битвѣ, сынъ же былъ взятъ въ плѣнъ и два года томился въ тюрьмѣ. Подобное же извѣстіе передаетъ и Величко. Нѣкоторые ученые (Костомаровъ, Антоновичъ, О. И. Левицкій) относятся къ этому извѣстію съ полнымъ довѣріемъ. Но уже М. А. Максимовичъ указалъ на неточность извѣстія относительно письма Богдана Хмельницкаго. Профессоръ же Грушевскій, причисляетъ все содержаніе письма къ области легендъ, которыхъ немало создалось про Хмельницкихъ.

Участіе Хмельницкихъ въ Цыцорской битвѣ.

Современный козацкій лѣтописецъ объяснялъ неудачу Жолкевскаго тѣмъ, что въ войнѣ не участво-

Рада въ Сухой Дубровѣ.

вали козаки и гетманъ относился къ нимъ высокомѣрно. „Не хочу, говорилъ будто бы Жолкевскій, съ Грицами воевать; пусть идутъ пахать или свиней пасти".

Мнѣніе козацкаго лѣтописца о причинахъ неудачи Жолкевскаго, надо думать, не было одинокимъ. Его раздѣляли, очевидно, и среди польскаго общества. По крайней мѣрѣ, немедленно же послѣ пораженія Жолкевскаго было обращено вниманіе на козаковъ. Сеймъ ассигновалъ кредитъ на наемъ на службу двадцати тысячъ козаковъ. Было, однако, опасеніе, что козаки не согласятся принять участіе въ войнѣ. Поэтому, въ польскихъ правительственныхъ кругахъ созрѣлъ планъ воспользоваться для этого патріархомъ Феофаномъ, имѣвшимъ большое вліяніе на козаковъ.

Для переговоровъ съ патріархомъ былъ посланъ королевскій секретарь Варфоломей Обалковскій. Онъ долженъ былъ вручить патріарху королевское письмо.

Миссія Обалковскаго оказалась удачной. Обалковскій засталъ патріарха въ Терехтемировскомъ монастырѣ. Подъ вліяніемъ королевскаго письма, патріархъ обратился къ козакамъ съ письмомъ въ свою очередь. Въ немъ Феофанъ убѣждалъ ихъ пойти на службу польскому королю. Вѣроятно, на основаніи выраженныхъ королемъ въ письмѣ обѣщаній, патріархъ подавалъ надежду на утвержденіе королемъ посвященныхъ іерарховъ и совѣтовалъ козакамъ всячески добиваться этого.

Письмо патріарха оказало большое вліяніе на козацкіе круги.

Для обсужденія его и предложеній короля и была собрана рада въ Сухой Дубровѣ. Она, какъ мы знаемъ, пришлась непосредственно вслѣдъ за кіевскимъ соборомъ. Случайно ли это имѣло мѣсто или умышленно— источники не даютъ отвѣта.

О радѣ на Сухой Дубровѣ мы имѣемъ свѣдѣнія изъ письма ксендза Оборницкаго. Оборницкій былъ

спутникомъ Варфоломея Обалковскаго и самъ присутствовалъ на радѣ.

Рада открылась 15 іюля новаго стиля и продолжалась три дня. Кромѣ козаковъ, въ числѣ которыхъ были гетманъ Бородавка и Сагайдачный, въ радѣ принимали участіе митрополитъ Іовъ Борецкій, епископъ Iезекіиль Курцевичъ, 800 священниковъ и 50 черницовъ.

Въ первый день митрополитъ изложилъ свои жалобы на тяжелое положеніе православной церкви, а Сагайдачный прочиталъ письмо патріарха Феофана. Прежде чѣмъ прочитать его, Сагайдачный поцѣловалъ, а по прочтеніи положилъ его на макушку головы своей. Козаки дали обѣщаніе защищать православную вѣру до смерти. Во второй день козаки поклялись въ вѣрности королю и обѣщали ему помощь противъ турокъ, а на третій день назначили войсковыхъ старшинъ и постановили послать къ королю пословъ съ просьбой объ утвержденіи поставленныхъ Феофаномъ епископовъ и митрополита. Въ случаѣ отказа, козаки грозили, какъ передаетъ Оборницкій, что они будутъ хватать въ плѣнъ шляхту. Угроза эта была употреблена будто бы по совѣту митрополита Іова.

Послами къ королю были избраны Сагайдачный, епископъ Курцевичъ и еще двое другихъ.

20 іюля 1621 года въ Варшавѣ Сигизмундъ III принялъ козацкое посольство. Отвѣтъ на представленныя послами требованія былъ данъ только 31 іюля и притомъ очень уклончивый. Король подавалъ надежду удовлетворить требованія, но никакихъ прямыхъ обѣщаній не выражалъ. Тѣмъ не менѣе Сагайдачный остался доволенъ результатами посольства. Это мы знаемъ отъ современника Сагайдачнаго Якова Собѣсскаго, который, вѣроятно, не разъ бесѣдовалъ о посольствѣ съ Сагайдачнымъ.

Изъ Варшавы Курцевичъ отправился въ Кіевъ, Сагайдачный же поѣхалъ прямо на театръ военныхъ дѣйствій.

Козацкій походъ подъ Хотинъ.

Послѣ рады въ Сухой Дубравѣ козацкое войско выступило въ походъ на помощь польской арміи, не ожидая возвращенія посольства изъ Варшавы. Предводительствовалъ козаками гетманъ Бородавка. Настроеніе у козаковъ и на Украинѣ было повышенное, такъ что ксендзъ Оборницкій опасался возстанія и крестьянской войны. Козаки грабили евреевъ, опустошали помѣщичьи имѣнія. Двигались они, благодаря этому, крайне медленно. Къ полякамъ козаки относились недовѣрчиво. Поляки платили имъ тѣмъ же. Съ обѣихъ сторонъ опасались измѣны. Не умѣлъ ли, или не хотѣлъ Бородавка соединиться съ поляками, но только до пріѣзда Сагайдачнаго въ польскій лагерь подъ Хотиномъ 21 августа 1621 г. козаки и поляки держались отдѣльно другъ отъ друга, не имѣли даже свѣдѣній о мѣстонахожденіи каждаго войска. Сагайдачный долженъ былъ потратить немало времени на розыскъ козаковъ. По пути онъ наткнулся на турецкій лагерь и едва избѣжалъ смерти. У него прострѣлили руку. Козаковъ Сагайдачный нашелъ только подъ Могилевомъ на Днѣстрѣ.

Сверженіе и казнь гетмана Бородавки.

Появленіе Сагайдачнаго въ козацкомъ лагерѣ повело за собой важныя послѣдствія. Современные польскіе источники (дневники Остророга, Якова Собѣсскаго, польскаго гетмана Станислава Любомирскаго) единогласно говорятъ, что въ козацкомъ лагерѣ существовало недовольство Бородавкой вслѣдствіе его неудачъ, неумѣнья или нежеланія соединиться съ польскимъ войскомъ. Бородавка былъ лишенъ радой гетманства. Гетманомъ козаки избрали Сагайдачнаго.

Какую роль игралъ во всемъ этомъ Сагайдачный— нѣтъ извѣстій. Но, нужно думать, что Бородавка былъ свергнутъ не безъ ближайшаго участія Сагайдачнаго и его приверженцевъ. Можетъ быть, и при участіи даже поляковъ, которые были недовольны Бородавкой и опасались его. При симпатіяхъ поляковъ къ Сагайдачному, нѣтъ ничего удивительнаго, что современ-

ные польскіе мемуаристы умалчиваютъ объ его участіи и всю вину за свержение возлагаютъ на самого Бородавку. Бородавку заковали въ кандалы, судили на радѣ, приговорили къ смертной казни. Бородавка былъ казненъ подъ Хотиномъ, куда передвинулось козацкое войско, 8 сентября новаго стиля 1621 года. Казнь Бородавки, должно быть, тяжело легла на совѣсть Сагайдачнаго. Онъ велѣлъ записать „Якова гетмана" въ свой помянникъ въ кіево-михайловскомъ монастырѣ. Въ этомъ помянникѣ имя соперника Сагайдачнаго сохранилось и до нашихъ дней.

Съ избраніемъ въ гетманы Сагайдачнаго измѣнилась тактика козацкаго войска. Сагайдачный немедленно же перешелъ къ активнымъ дѣйствіямъ и двинулся къ г. Хотину (бессарабской губ.) на соединеніе съ польскимъ войскомъ. По польскимъ извѣстіямъ, у Сагайдачнаго было около сорока тысячъ козаковъ. Польская артиллерія уступала козацкой. Помощь козаковъ въ этой войнѣ имѣла для поляковъ существенное значеніе. Борьба съ турками подъ Хотиномъ была упорной и не всегда сопровождалась удачей. Одинъ разъ былъ такой моментъ, когда польское войско готово было отступить. Этому воспротивились козаки. Въ концѣ концевъ турецкій султанъ рѣшился на переговоры о мирѣ. Сагайдачный со старшинами и полковниками козацкими участвовалъ, по словамъ Якова Собѣсскаго, во всѣхъ тайныхъ переговорахъ и совѣщаніяхъ по поводу мира. Миръ былъ окончательно заключенъ 9 октября 1621 года, безъ формальнаго участія, однако, козаковъ. Козацкую раду извѣстили о мирѣ уже тогда, когда все было кончено. Въ числѣ делегатовъ, посланныхъ по этому поводу къ козакамъ, былъ извѣстный намъ Яковъ Собѣсскій. 11-го октября предъ радой онъ изложилъ довольно обстоятельный отчетъ о ходѣ переговоровъ и объ условіяхъ мира. Первая статья мирнаго договора касалась козаковъ. Она была изложена въ самыхъ общихъ выраженіяхъ

Сагайдачный—снова гетманъ. Исходъ хотинской войны.

и заключала въ себѣ обѣщаніе очистить Днѣпръ отъ козаковъ и не допускать, чтобы козаки опустошали турецкія владѣнія.

Условіями мира козаки, по словамъ Собѣсскаго, остались довольны. Но къ этимъ словамъ трудно отнестись съ довѣріемъ. Какъ передаютъ польскіе современники, козаки немедленно же послѣ заключенія мира оставили польское войско, переправились на лѣвый берегъ Днѣстра и расположились тамъ лагеремъ. Они сдѣлали это самовольно, безъ вѣдома королевича Владислава, бывшаго въ войскѣ, и гетмана Любомирскаго. Въ этихъ дѣйствіяхъ козаковъ нужно видѣть скорѣй протестъ противъ условій заключеннаго мира, чѣмъ удовлетвореніе имъ. Практическаго значенія это, однако, не имѣло. Власть надъ козаками находилась въ рукахъ Сагайдачнаго и его партіи среди старшинъ, въ рукахъ людей, занимавшихъ лойяльное положеніе относительно Речи Посполитой. Вполнѣ естественно, поэтому, что козаки, послѣ первой вспышки, подчинились и признали условія мира.

Посольство козаковъ къ королю и его результаты.

Этимъ не разрѣшались, однако, трудные вопросы, возникавшіе для козачества въ связи съ ликвидаціей хотинской войны и окончаніемъ, такимъ образомъ, срока службы польскому государству. Первый вопросъ о жалованьѣ, а затѣмъ и о правовомъ положеніи козачества.

Въ томъ же октябрѣ, когда былъ заключенъ миръ, козаки отправили своихъ пословъ къ королю Сигизмунду III. Посламъ была дана спеціальная инструкція. Козаки обѣщали вѣрность королю и обязывались не ходить на Черное море. Для себя они требовали ежегодно жалованья сто тысячъ золотыхъ и особаго вознагражденія за хотинскій походъ. Они просили успокоить греческую вѣру, подтвердить козацкія вольности, пожаловать для содержанія калѣкъ и устройства госпиталя какой-нибудь городъ на Украинѣ, преимущественно же Борисполь съ окрестностями, и раньше

уже, вслѣдствіе пожалованія короля, принадлежавшій ихъ предкамъ *). Сверхъ всего этого, козаки добивались разрѣшенія жить свободно въ имѣніяхъ королевскихъ, княжескихъ, шляхетскихъ и духовныхъ, гдѣ каждый захочетъ; принимать приглашенія на службу къ иностраннымъ государямъ, увѣдомивъ объ этомъ только короля; пользоваться свободой ловли звѣрей и рыбы; наконецъ, имѣть особыя, для этого назначенныя стоянки по городамъ и селамъ, гдѣ бы козаки могли останавливаться для отдыха, получать продовольствіе для себя и провіантъ для лошадей, и гдѣ бы никто изъ солдатъ, кромѣ нихъ, не останавливался.

Козаки, въ сущности, хотѣли добиться смягченія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ ограниченій, которыя были установлены раставицкой коммиссіей 1619 года. Моментъ казался благопріятнымъ. Оказавъ польскому государству существенныя услуги въ хотинской войнѣ, козаки могли расчитывать на уступки, въ видѣ награды и въ благодарность за помощь.

На дѣлѣ, однако, вышло не то. Намъ неизвѣстенъ отвѣтъ короля козацкимъ посламъ. Для обсужденія вопросовъ, поднятыхъ козаками, очевидно, была назначена обычная коммиссія. Сохранилась инструкція, данная этой коммиссіи. Содержаніе ея даетъ намъ возможность предполагать о характерѣ отвѣта короля козацкимъ посламъ.

Инструкція помѣчена 18(28) октября 1621 года. На многіе вопросы, затронутые козаками, предписывалось коммиссарамъ дать уклончивый или отрицательный отвѣтъ. Инструкція рекомендовала имъ, для успѣха переговоровъ, тайно сносится съ Сагайдачнымъ и старшинами войсковыми, обѣщая имъ особые подарки отъ короля. Коммиссары должны были выразить козакамъ благодарность короля за хотинскій походъ и выплатить

*) Объ отобраніи у козаковъ Борисполя вмѣстѣ съ Терехтемировымъ послѣ бунта Наливайка говоритъ сеймовая конституція 7-го мая 1596 года (см. выше стр. 242).

за него сорокъ тысячъ золотыхъ. Козаки же обязаны были немедленно разойтись по домамъ, при чемъ расходиться не полками и не останавливаться по волостямъ. Требованіе козаковъ объ увеличеніи жалованья до ста тысячъ золотыхъ, а равно о пожалованіи Борисполя комиссары должны были отвергнуть. Въ крайнемъ случаѣ, они могли согласиться на увеличеніе жалованья до шестидесяти тысячъ золотыхъ. Козаковъ не могло быть болѣе трехъ тысячъ, вмѣстѣ на Низу и на волости. Содержать больше козацкаго войска не позволяло состояніе финансовъ.

Комиссары должны были потребовать составленія реестра (списка) со внесеніемъ въ него именъ козаковъ и указаніемъ домовъ, въ которыхъ они живутъ. Подписанный гетманомъ запорожскимъ, реестръ долженъ быть присланъ въ скарбъ королевскій и разосланъ по городамъ. Непопавшіе въ реестръ возвращались въ прежнее положеніе подъ юрисдикцію своихъ пановъ. Записанные въ реестръ, одни только, могли пользоваться своей козацкой юрисдикціей и козацкими вольностями. Назначенный королемъ гетманъ и старшій этого войска запорожскаго, а равно и полковники, должны были приносить особую присягу королю и Речи Посполитой. Образецъ такой присяги приложенъ къ инструкціи.

О дѣятельности коммиссіи, мы не имѣемъ свѣдѣній.

Отвѣты комиссаровъ не могли, конечно, удовлетворить козаковъ. Есть извѣстіе о томъ, что въ началѣ 1622 года козаки посылали новое посольство къ королю. Требованій посольства, въ цѣломъ, мы не знаемъ. Но видная часть въ этихъ требованіяхъ отводилась вопросамъ объ успокоеніи греческой вѣры.

Козаки, между тѣмъ, послѣ хотинскаго похода, начали расходиться по домамъ. Какъ и опасалось польское правительство, по дорогѣ козацкіе полки грабили жителей и творили безчинства. Изъ грамоты короля Сигизмунда III мы знаемъ, напримѣръ, что такія безчин-

ства въ кіевскомъ воеводствѣ производили козаки полка Русиновскаго.

Смерть Сагайдачнаго.

Послѣ окончанія хотинской войны о Сагайдачномъ сохранилось мало извѣстій. Лѣтописецъ XVIII вѣка Величко передаетъ, что королевичъ Владиславъ оказалъ козацкому гетману большіе знаки вниманія. По представленію королевича Владислава, и польскій король Сигизмундъ III обратился къ Сагайдачному съ особой грамотой, въ которой благодарилъ и восхвалялъ козаковъ за хотинскій походъ и обѣщалъ имъ всяческія милости, вдесятеро больше того, что сдѣлалъ Стефанъ Баторій. На королевскую грамоту отвѣчалъ будто бы Сагайдачный, Онъ просилъ у короля для народа защиты отъ пановъ и старость. Къ раненому Сагайдачному былъ приставленъ для леченія королевскій докторъ. Сагайдачный отослалъ его съ благодарственнымъ письмомъ къ королю, какъ только почувствовалъ приближеніе смерти.

Разсказъ Величка легъ въ основаніе повѣствованія М. А. Максимовича. Къ матеріаламъ, сообщеннымъ Величкомъ, относятся съ довѣріемъ В. Б. Антоновичъ и И. М. Каманинъ. Новѣйшая критика, въ лицѣ польскаго историка хотинской войны Третьяка, Т. Корзона, проф. Жуковича, проф. Грушевскаго, не придаетъ значенія извѣстіямъ Величка и документы, сообщаемые имъ, считаетъ подложными. Проф. Жуковичъ, правда, не высказывается въ этомъ отношеніи рѣшительно. Другіе же изслѣдователи стараются даже опредѣлить время фальсификаціи документовъ. Третьякъ относитъ ее ко времени Богдана Хмельницкаго, проф. же Грушевскій, основываясь исключительно на характерѣ языка, ко времени Мазепы и фальсификаторомъ называетъ самого Величка.

Сагайдачный возвратился въ Кіевъ совершенно больнымъ въ половинѣ ноября 1621 г. Проболѣлъ онъ до весны и умеръ 10 апрѣля 1622 г. Это точно опредѣлилъ М. А. Максимовичъ.

Историкъ Бантышъ-Каменскій сообщилъ въ своей „исторіи Малой Россіи“, будто Сагайдачный предъ смертью принялъ монашество. Подтвержденія этого, однако, нѣтъ въ источникахъ.

За нѣсколько дней до своей смерти, 5-го апрѣля 1622 г., Сагайдачный составилъ духовное завѣщаніе. Свое имущество, какъ говоритъ Саковичъ въ „виршахъ“, Сагайдачный роздалъ на богадѣльни (шпитали), школы, церкви и монастыри. Значительную часть имущества, нѣсколько тысячъ золотыхъ, Сагайдачный завѣщалъ кіево-богоявленскому братству, полторы тысячи на школу львовскаго братства. Послѣднее пожертвованіе должно было образовать изъ себя родъ стипендіи. Доходы съ нея назначались на подготовленіе людей, ученыхъ въ греческомъ языкѣ. Душеприкащиками своими Сагайдачный назначилъ митрополита Іова и своего преемника по гетманству Олифера Голуба.

Похороненъ Сагайдачный при училищной церкви кіево-братскаго монастыря. Могила его не сохранилась. По словамъ В. Б. Антоновича, „при перестройкѣ церкви въ началѣ XVII столѣтія, она пришлась подъ помѣщеніе новой стѣны храма и исчезла отъ взоровъ потомства“. Не сохранилось и надгробіе надъ могилой Сагайдачнаго. Мы знаемъ его только изъ „виршей“ Саковича.

Похороны Сагайдачнаго отличались, повидимому, большой торжественностью. Ученики кіево-братской школы, по обычаю того времени, читали при погребеніи „вирши“, сочиненныя, къ этому случаю, ихъ ректоромъ Саковичемъ. Найденныя и напечатанныя проф. С. Т. Голубевымъ въ приложеніяхъ къ его „исторіи кіевской духовной академіи“, „вирши“ эти, какъ мы уже знаемъ, содержатъ важный матеріалъ для біографіи Сагайдачнаго. Онѣ перечисляютъ и восхваляютъ заслуги гетмана для православной церкви и кіево-богоявленскаго братства. Но, какъ замѣтилъ уже Максимо-

вичъ и на что обращаетъ вниманіе и проф. Голубевъ, „вирши“ ни однимъ словомъ не говорятъ о защитѣ Сагайдачнымъ братства отъ притѣсненій уніатовъ. Случайное ли это обстоятельство, или Саковичъ, дѣйствительно, не находилъ повода для восхваленія Сагайдачнаго въ этомъ отношеніи—трудно сказать.

Литературная дѣятельность Сагайдачнаго.

Не говорятъ „вирши“ и о литературной дѣятельности Сагайдачнаго. Основываясь на письмѣ канцлера Льва Сапѣги къ извѣстному Іосафату Кунцевичу отъ 12-го марта 1622 года, Бантышъ-Каменскій въ своемъ „историческомъ извѣстіи объ уніи“ и въ „исторіи Малой Россіи“, приписалъ Сагайдачному не сохранившееся „объясненіе объ уніи“, которое Сапѣга назвалъ „предрагоцѣннымъ сочиненіемъ“. За Бантышъ-Каменскимъ и другіе изслѣдователи, Максимовичъ, Антоновичъ, митрополитъ Макарій Булгаковъ, И. М. Каманинъ, приписывали это сочиненіе Сагайдачному. Въ послѣднее время, однако, проф. Грушевскій показалъ, что во всемъ этомъ кроется недоразумѣніе, основанное на свободномъ перефразированіи Бантышъ-Каменскимъ словъ Сапѣги. Слова эти, между тѣмъ, даже не имѣютъ отношенія къ Сагайдачному. Поэтому, нѣтъ никакихъ основаній приписывать Сагайдачному и литературное произведеніе.

Пѣсня о Сагайдачномъ.

Память о Сагайдачномъ не сохранилась въ народѣ. О немъ нѣтъ ни народныхъ пѣсенъ, ни думъ. И. М. Каманинъ, вопреки мнѣнію другихъ изслѣдователей, хочетъ пріурочить ко времени Сагайдачнаго народныя пѣсни и думы, которыя изслѣдователи относятъ къ другимъ эпохамъ. Но на это у него нѣтъ доказательствъ. Сохранилась одна только пѣсня, гдѣ упоминается имя Сагайдачнаго, промѣнявшаго „жінку на тютюнъ та люльку“. Никакихъ указаній на историческія событія пѣсня эта не заключаетъ.

Объ этой пѣснѣ, возникшей, вѣроятно, еще въ XVII вѣкѣ, создалась уже значительная литература. М. А. Максимовичъ, а за тѣмъ и покойный Б. Д. Грин-

ченко держатся мнѣнія, что пѣсня не имѣетъ никакого отношенія къ знаменитому гетману. Пѣсня, думаютъ они, говоритъ про гетмана Петра Дорошенка и современныхъ ему дѣятелей. Она относится ко времени послѣ 1665 г. Во второй половинѣ XVII вѣка пѣсня эта, по мнѣнію Гринченка, и возникла. Срезневскій въ „Запорожской Старинѣ“ пріурочиваетъ пѣсню къ гетману Сагайдачному. Его мнѣніе отстаиваетъ и И. М. Каманинъ. И. М. Каманинъ полагаетъ, что пѣсня возникла въ первой половинѣ XVII столѣтія. Къ этому мнѣнію присоединяется и проф. М. С. Грушевскій. Онъ находитъ, что въ пѣснѣ мы имѣемъ „одно только голое имя гетмана, лишенное реальныхъ историческихъ условій и механически связанное съ характеристикою типичнаго забулдыги-запорожца“.

Въ томъ, что о Сагайдачномъ не сохранилось у народа никакихъ воспоминаній, нельзя видѣть простой случайности. Не смотря на историческія заслуги Сагайдачнаго, имя его, надо полагать, было популярно главнымъ образомъ, среди интеллигентскихъ круговъ того времени. Что касается широкихъ массъ козачества, то у нихъ Сагайдачный не могъ пользоваться симпатіями. Мы уже знаемъ, Сагайдачный, какъ гетманъ, проводилъ мѣры польскаго правительства, направленныя къ тому, чтобы большую часть козачества обратить въ прежнее зависимое положеніе. Такой человѣкъ не могъ сдѣлаться героемъ народныхъ думъ и пѣсенъ. Думаемъ, въ этомъ нужно искать объясненія, почему народъ основательно забылъ Сагайдачнаго и знаетъ одно только имя, не давая ему никакого реальнаго содержанія.

Значеніе дѣятельности Сагайдачнаго.

Дѣятельность Сагайдачнаго оставила крупный слѣдъ въ исторіи Украины. Главной, если не исключительной его заслугой, конечно, является содѣйствіе духовенству въ дѣлѣ возстановленія западно-русской іерархіи. Это событіе имѣло большое не только религіозное, но и національное значеніе. Сагайдачный вме-

нулъ козачество въ религіозно-національную борьбу. Правда, и до него были случаи, когда козачество становилось на защиту вѣры. Но вмѣшательство козаковъ въ религіозную борьбу, въ борьбу православія съ уніатствомъ, носило до Сагайдачнаго случайный характеръ. Благодаря Сагайдачному, участіе козачества въ религіозныхъ дѣлахъ, на долго становится обычнымъ явленіемъ. Соціальная борьба козачества съ польскимъ государствомъ получаетъ новое основаніе—религіозной, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и національной борьбы.

Православная вѣра и „русская" національность, какъ бы слились. Защита православной вѣры являлась, въ то же время, защитой „русской" національности. Козаки стали борцами за національное дѣло.

Что касается заслугъ Сагайдачнаго въ отношеніи козачества, то, онѣ, несомнѣнно, преувеличиваются современными намъ изслѣдователями. И. М. Каманинъ, напримѣръ, говоритъ, что „только Сагайдачный положилъ прочныя основанія для дальнѣйшаго существованія козачества". Мы, однако, знаемъ, что козачество складывалось постепенно, и требованія, которыя предъявлялись козаками къ польскому правительству, были выработаны еще до Сагайдачнаго. Дѣлая уступки польскому правительству, Сагайдачный, въ отношеніи козаковъ, проводилъ только правительственную политику ограниченій козачества, прежде всего ограниченія числа козаковъ. Если бы эта политика восторжествовала, козачество, какъ крупная соціальная сила въ польскомъ государствѣ, потеряло бы свое значеніе. Для того, чтобы пріобрѣсти прочное основаніе для своего существованія, козачество должно было, поэтому, бороться съ Сагайдачнымъ, смѣстить его съ гетманства и избрать Бородавку. Сагайдачный, вѣдь, защищалъ существованіе только небольшого отряда козаковъ, записанныхъ въ реестръ, т. е. принятыхъ на службу польскаго правительства. Онъ не былъ, поэтому, и не можетъ считаться носителемъ и представителемъ козацкихъ народныхъ стремленій.

Проф. Грушевскій во всѣхъ дѣйствіяхъ Сагайдачнаго по отношенію къ правительству видитъ строго определенную политику въ интересахъ козачества. Но этого предположенія нельзя обосновать фактами. Уступчивость Сагайдачнаго, доведшая до ограниченія козаковъ двумя-тремя тысячами и до исключенія остальной массы изъ козачества, лучше всего показываетъ, что интересы козачества, какъ класса, не занимали Сагайдачнаго. Мы мало имѣемъ свѣдѣній о Сагайдачномъ, но то, что намъ извѣстно, обнаруживаетъ въ немъ скорѣе воина, талантливаго начальника военныхъ предпріятій, чѣмъ государственнаго дѣятеля и политика. Роль Сагайдачнаго въ церковныхъ дѣлахъ не должна затемнять дѣйствительнаго характера знаменитаго гетмана. Тамъ роль его была, дѣйствительно, велика, хотя и нельзя доказать, что она была руководящей, какъ думаетъ проф. Грушевскій. Нельзя также видѣть въ уступчивости Сагайдачнаго какую-то цѣль, расчитанную на пользу для козачества. Во все время гетманства Сагайдачнаго цѣль эта ни въ чемъ реальномъ не обнаружилась. По отношенію къ козачеству, какъ явленію соціальному, роль Сагайдачнаго была отрицательной, какъ отрицательной была политика польскаго правительства, проводить которую взялся Сагайдачный. Для разрѣшенія конфликта между польскимъ государствомъ и козачествомъ, возникшаго, какъ извѣстно, на почвѣ соціальной, гетманство Сагайдачнаго не дало ничего положительнаго. Послѣ смерти Сагайдачнаго положеніе дѣлъ оставалось такимъ же, какимъ оно было въ 1617—1619 годахъ во время ольшанской и раставицкой коммисій. Правительство считало козаками только записанныхъ въ реестръ, т. е. принятыхъ на службу; массы же козаковъ, не внесенныя въ реестръ и исключенныя, оффиціально, изъ козачества, продолжали существовать и увеличиваться въ числѣ.

Современные намъ изслѣдователи часто сѣтуютъ на то, что козаки не получили награды за хотинскую

войну. Благодаря исключительно козакамъ, война эта была удачной для польскаго правительства. Награда, по мнѣнію изслѣдователей, должна была заключаться въ расширеніи правъ козачества. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, вышло иное, и это будто бы ускорило смерть Сагайдачнаго. Послѣдняго обстоятельства никто не можетъ подтвердить фактами. Ихъ нѣтъ. Что же касается расширенія правъ, то польское правительство было вполнѣ послѣдовательнымъ. Когда началась война и во главѣ козаковъ стоялъ Бородавка, правительство могло еще бояться козаковъ и ихъ требованій въ смыслѣ отмѣны постановленій раставицкой коммиссіи. Но гетманомъ сдѣлался, на смѣну Бородавкѣ и, весьма вѣроятно, не безъ содѣйствія поляковъ, Сагайдачный, человѣкъ уступчивый, котораго Юрій Збаражскій характеризовалъ какъ человѣка исключительно вѣрнаго королю и Речи Посполитой, какого никогда не было среди козаковъ. О какихъ уступкахъ могла быть рѣчь? Вотъ почему, думаемъ, польское правительство послѣ хотинской войны не обратило вниманія на требованія козаковъ въ смыслѣ расширенія правъ ихъ и стояло на прежней точкѣ зрѣнія. Уступчивый и преданный польскому государству гетманъ былъ живъ. Польское правительство не ожидало его близкой кончины. „Легко сообразить, откровенно признавался въ письмѣ къ королю князь Збаражскій, насколько легче было уговариваться съ козаками при его начальствѣ“.

Для расширенія правъ козачества, равно какъ для признанія правъ религіозныхъ нужна была упорная борьба. Въ вожди ея Сагайдачный не годился. Онъ умеръ, поэтому, во время. Борьба продолжалась уже послѣ его смерти, сопровождалась кровавыми событіями и дошла до столкновенія козаковъ съ оружіемъ въ рукахъ съ войсками польскаго государства.

Ближайшие преемники Сагайдачнаго на гетманствѣ.

Польское правительство хорошо понимало, что дѣятельность Сагайдачнаго не встрѣчала сочувствія въ массахъ козачества. Какъ только получилось извѣ-

стіе о смерти Сагайдачнаго, въ польскихъ кругахъ стали безпокоиться. Князь Юрій Збаражскій въ письмѣ къ королю сожалѣлъ о Сагайдачномъ и опасался какъ бы козаки не выбрали въ гетманы человѣка своенравнаго, а потому совѣтовалъ поскорѣе назначить гетманомъ какого-нибудь вѣрнаго, но популярнаго среди козаковъ человѣка.

Совѣтъ князя Збаражскаго не успѣли осуществить. Въ началѣ мая, двѣ недѣли спустя послѣ весенняго Юрія (23 апрѣля), на р. Русавѣ собралась козацкая рада. Безъ всякаго вмѣшательства польскаго правительства, гетманомъ козацкимъ былъ избранъ Олиферъ Остаповичъ Голубъ. Нужно думать, онъ былъ на время болѣзни Сагайдачнаго наказнымъ гетманомъ, т. е. замѣщавшимъ гетмана. Въ такомъ званіи, должно быть, Голубъ и былъ назначенъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Іовомъ душеприказчикомъ Сагайдачнаго. Король приписывалъ избраніе Голуба побѣдѣ черни. Но это врядъ ли было такъ, если принять во вниманіе только что указанныя обстоятельства. Какъ наказный гетманъ и душеприказчикъ, Голубъ, вѣроятно, былъ близокъ къ Сагайдачному. Партія же послѣдняго состояла, конечно, не изъ одной только черни.

О дѣятельности ближайшихъ преемниковъ Сагайдачнаго на гетманствѣ нѣтъ свѣдѣній. Приходится довольствоваться догадками. Проф. Грушевскій предполагаетъ, что Олиферъ Голубъ былъ свергнутъ послѣ неудачи, постигшей козацкія требованія на сеймѣ 1623 года. На его мѣсто былъ избранъ Михаилъ Дорошенко. Это былъ сподвижникъ Бородавки и Сагайдачнаго по хотинской войнѣ. Тогда Дорошенко былъ полковникомъ и, по словамъ извѣстнаго уже намъ участника и мемуариста временъ хотинской войны Якова Собѣсскаго, пользовался хорошей репутаціей у козаковъ за свою отвагу и былъ всегда расположенъ къ польскому королю и Речи Посполитой. Въ избраніи Дорошенка проф. Жуковичъ видитъ желаніе замѣнить

Голуба болѣе пріятнымъ для правительства кандидатомъ. Поводовъ для такой уступчивости козаковъ, однако, нѣтъ въ тогдашнихъ событіяхъ.

Нужно думать, Дорошенко велъ компромиссную политику по отношенію къ польскому правительству. Недовольство имъ въ средѣ козаковъ стало уже рано обнаруживатся. Объ этомъ говоритъ въ своихъ письмахъ кн. Збаражскій. Козаки поговаривали о смѣщеніи Дорошенка и о замѣнѣ его снова Олиферомъ Голубомъ. Случилось ли это—мы не знаемъ. Въ августѣ 1624 года морскимъ походомъ козаковъ предводительствовалъ Грицко Черный. Осенью того же года на Запорожьѣ упоминается гетманомъ Каленикъ Андріевичъ, или Андреевъ, какъ онъ называется въ московскихъ извѣстіяхъ. Гетманомъ онъ былъ еще въ январѣ 1625 г. Отъ 26 іюня 1625 года мы имѣемъ проѣзжую грамоту, выданную извѣстному авантюристу Ахіѣ, отправлявшемуся въ Москву. На ней подписанъ уже гетманомъ Дорошенко. Гетманомъ на Запорожьѣ называется еще Пирскій. Во время войны съ поляками осенью 1625 г. и битвы у Курукова озера козаками предводительствовалъ гетманъ Жмайло, или Измаилъ, по московскимъ извѣстіямъ. Послѣ заключенія куруковскаго договора осенью 1625 г. Жмайло былъ свергнутъ съ гетманства и снова замѣненъ Михаиломъ Дорошенкомъ.

Разобраться въ этой путаницѣ, за неимѣніемъ данныхъ, невозможно. Были ли это гетманы случайные, предводители отдѣльныхъ отрядовъ, существовавшие, иногда наряду съ Дорошенкомъ, или же мы имѣемъ здѣсь дѣло съ быстрой, послѣдовательной смѣной, лицъ на гетманскомъ урядѣ—трудно сказать съ полной достовѣрностью. Проф. Грушевскій держится послѣдняго мнѣнія. Онъ, однако, въ быстрой смѣнѣ гетмановъ не видитъ рѣзкой борьбы партій среди козачества. Смѣна гетмановъ, по его предположенію, объясняется „скорѣе результатомъ затруднительныхъ и сложныхъ обстоятельствъ козацкой жизни". Борьба политическихъ

теченій среди козачества здѣсь не причемъ. И. М. Каманинъ въ статьѣ своей „къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго" и Ст. Рудницкій, авторъ изслѣдованія о козацко-польской войнѣ 1625 г. въ „Записках товариства імени Шевченка", въ свержении Дорошенка и въ замѣнѣ его Жмайломъ, видятъ, напротивъ, результатъ побѣды козаковъ-нетягъ, т. е. болѣе бѣдной и радикальной части козачества, надъ болѣе умѣренными, реестровыми козаками. И. М. Каманинъ и Ст. Рудницкій смѣну двухъ послѣднихъ гетмановъ приписываютъ, такимъ образомъ, борьбѣ партій среди козачества. Точныхъ данныхъ о томъ, что происходило за это время среди козаковъ, однако, нѣтъ. Приведенныя выше мнѣнія ученыхъ, являются, поэтому, одними предположеніями.

Первый договоръ козаковъ съ Крымомъ. Заслуги въ хотинскую войну давали козакамъ надежду на исполненіе ихъ требованій. Прежде всего козаки надѣялись увеличить себѣ жалованье и получить денежное вознагражденіе. Это не удалось. Какъ и раньше бывало, неполученіе жалованья вызвало и послѣ хотинской войны усиленіе своевольствъ козаковъ и дало толчекъ къ заграничнымъ набѣгамъ. Роль козаковъ въ хотинской войнѣ способствовала росту ихъ моральной силы и, пожалуй, самоувѣренности. Козаки снова, какъ и во второмъ десятилѣтіи XVII в., пріобрѣтаютъ важное политическое значеніе и являются для Польши источникомъ многихъ дипломатическихъ затрудненій. Въ 1623 году козаки опустошили черноморское побережье, предприняли походъ и разграбили пограничныя мѣстности въ Валахіи. Въ слѣдующемъ году они вмѣшались въ крымскія дѣла.

Крымъ былъ въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Турціи. Турецкое правительство задумало смѣнить крымскаго хана Махметъ-гирея и посадить на его мѣсто другое лицо. Крымскій ханъ вошелъ въ соглашеніе съ братомъ своимъ Шагинъ-гиреемъ и рѣшилъ поднять бунтъ. Шагинъ-гирей обратился за помощью къ коза-

камъ. Тѣ три раза предпринимали на своихъ лодкахъ (чайкахъ) походъ подъ самый Константинополь, опустошили окрестности и нагнали ужасъ на жителей. Козацкихъ чаекъ было до 150. Считая, вѣроятно, такую помощь козаковъ небезопасной въ дипломатическомъ отношеніи, Шагинъ-гирей обратился къ польскому правительству съ просьбой формально отпустить козаковъ къ нему па службу. Этимъ Шагинъ-гирей, очевидно, хотѣлъ поставить помощь козаковъ на легальную почву. Польское правительство медлило отвѣтомъ. Оно боялось разрыва съ Турціей. Не дождавшись отвѣта, Шагинъ-гирей заключилъ договоръ непосредственно съ козаками. Это былъ первый извѣстный договоръ, заключенный козаками съ крымскимъ ханомъ вполнѣ самостоятельно. Обѣ стороны обязывались не чинить другъ другу несправедливостей и вреда и оказывать помощь.

Новое дѣло, въ которое вмѣшались козаки, представляло еще больше дипломатическихъ опасностей для Речи Посполитой. Дѣло Ахіи

То было извѣстное дѣло Ахіи.

Кто былъ онъ, въ дѣйствительности, этотъ загадочный человѣкъ?

До насъ дошла автобіографія Ахіи, написанная для митрополита Іова по гречески и переведенная на славянскій языкъ для московскихъ властей. Автобіографія Ахіи, равно какъ и другіе документы, относящіеся къ этому эпизоду, напечатаны въ „матеріалахъ для исторіи возсоединенія Руси" Кулиша. Въ автобіографіи и во всѣхъ разсказахъ о приключеніяхъ Ахіи, конечно, много выдуманнаго. Такова ужъ психологія авантюристовъ.

Ахія выдавалъ себя за законнаго наслѣдника стамбульскаго престола. Мать его, гречанка, разсказывалъ онъ, убѣжала отъ преслѣдованія турокъ и окрестила его въ православную вѣру, съ именемъ Александра. Въ 1604 году, когда Ахіи исполнилось пятнадцать лѣтъ, началась его скитальческая жизнь. Подъ именемъ Александра Отомануса, или султана Ахіи, онъ побывалъ

при разныхъ западно-европейскихъ дворахъ. Въ Вѣнѣ случай столкнулъ его съ лисовчиками, наемными авантюристами изъ польскихъ земель. Лисовчики посовѣтывали Ахіи овладѣть оттоманскимъ престоломъ; для достиженія этой цѣли—обратиться за помощью къ запорожцамъ.

Черезъ Краковъ Ахія, въ октябрѣ 1624 года, по дорогѣ на Запорожье, пріѣхалъ въ Кіевъ. Здѣсь явился онъ къ митрополиту Іову. Іовъ, повидимому, повѣрилъ разсказамъ Ахіи и снабдилъ его своими рекомендаціями къ запорожцамъ. Въ проводники далъ близкаго къ себѣ попа Филиппа. На Запорожьѣ Ахія развилъ сильную агитацію. Восемнадцать тысячъ козаковъ готовы были поддержать Ахію. Къ нимъ присоединились и донскіе козаки. Для переговоровъ съ Ахіей былъ вызванъ изъ крыма даже Шагинъ-гирей. Ахія, однако, отнесся къ нему съ большимъ подозрѣніемъ. Онъ боялся, какъ бы Шагинъ-гирей не выдалъ его Турціи. Тогда же созрѣлъ планъ втянуть въ предпріятіе Ахіи и царя московскаго. Дѣятельное участіе въ этомъ принималъ митрополитъ Іовъ. Въ Москву было снаряжено посольство отъ Ахіи. Но тамъ отнеслись ко всему въ высшей степени сдержанно. Царь боялся разрыва съ Польшей. Ахіи были присланы подарки съ пожеланіемъ добиться отцовскаго царства, но отъ активной помощи московскій царь отказался. Не дождался также Ахія денегъ и изъ Флоренціи, куда писалъ.

Польское правительство, въ концѣ концовъ, обратило вниманіе на сношенія козаковъ и митрополита Іова съ Ахіей и Москвой. Сношенія ихъ могли грозить для Польши войной съ татарами и турками. Правительство должно было принять мѣры противъ этого. Оно послало своего агента Пачаловскаго и, подъ угрозой строгаго наказанія, запретило козакамъ начинать войну съ татарами и турками. Ахія нѣкоторое время прожилъ у козаковъ. Затѣмъ онъ убѣжалъ въ Кіевъ. Тамъ его укрылъ у себя митрополитъ Іовъ Борецкій.

Изъ Кіева Ахія направился въ Москву. Въ концѣ 1625 г. онъ прибылъ въ Путивль въ сопровожденіи извѣстнаго уже намъ попа Филиппа. Изъ Путивля Ахію препроводили въ г. Мценскъ и тамъ оставили подъ карауломъ. Онъ просилъ отпустить его къ донскимъ козакамъ. Его, однако, не пустили. Но впослѣдствіи отправили заграницу черезъ Архангельскъ. Ахія надолго исчезъ съ горизонта. „Царикъ Ахія, отвѣчали козаки на одинъ изъ обвинительныхъ пунктовъ, предъявленныхъ имъ польскимъ правительствомъ, какъ пришелъ невѣдомо откуда, такъ и ушелъ невѣдомо куда".

Въ 1637 году Ахія снова появился на сцену. Онъ звалъ донскихъ козаковъ и запорожцевъ къ себѣ въ Черниговъ. О похожденіяхъ его, за это время, ничего неизвѣстно.

Сношенія съ Москвой и вопросъ о соединеніи съ нею

Походы козаковъ и сношенія ихъ съ Ахіей не могли не обратить на себя вниманія польскихъ политиковъ. Сношенія эти могли, какъ мы уже говорили, вызвать войну съ турками и татарами. Опасны были и отношенія козаковъ и духовенства съ московскимъ государствомъ, соперникомъ и врагомъ Речи Посполитой.

Основаніемъ для этихъ сношеній служили, главнымъ образомъ, религіозныя притѣсненія православныхъ въ Речи Посполитой. Для козаковъ собственно примѣшивалась къ этому еще служба и полученіе жалованья.

Тяготѣніе къ московскому покровительству по причинѣ (или подъ предлогомъ) религіозныхъ преслѣдованій имѣло свою давнюю традицію въ княжествѣ литовскомъ. Традиція эта крѣпла, по мѣрѣ усиленія московскаго государства, и снова ярко проявилась наружу въ началѣ третьяго десятилѣтія XVII в. Зимой 1620 года Сагайдачный посылалъ въ Москву. Посылали и духовныя лица, прося милостыни на разныя благочестивыя и церковныя цѣли.

Посылка эта, на первыхъ порахъ, не имѣла политическаго значенія. Но затѣмъ, съ усиленіемъ преслѣ-

дованій и гоненій православныхъ, мало-по-малу, начинаетъ опредѣляться мысль о переходѣ въ подданство московскому государству. Посылая въ 1622 г. посланіе къ царю о пожертвованіяхъ для монастырей, Исая Копинскій поручилъ поразслѣдовать почву, не позволитъ ли московскій царь перейти въ московскіе предѣлы ему, Исаи, съ монахами? Путивльскіе воеводы, сообщая объ этомъ въ Москву, прибавляли, что, вслѣдствіе религіозныхъ гоненій, православные крестьяне и запорожскіе козаки также хотятъ переселиться въ предѣлы московскаго государства. Въ 1624 году вопросъ о соединеніи съ Москвой, вслѣдствіе тѣхъ же религіозныхъ гоненій, поднялъ самъ митрополитъ Іовъ. Онъ отправилъ съ письмомъ въ Москву луцкаго епископа Исаакія Борисковича съ порученіемъ просить царя принять Украину подъ свою высокую руку, простить козакамъ ихъ вины и защитить ихъ отъ поляковъ. Въ Москвѣ, однако, отнеслись къ этому предложенію очень сдержанно. Московская дипломатія, которою руководилъ дьякъ Иванъ Грамотинъ, вѣрно оцѣнила положеніе вещей. Она поняла, что мысль о соединеніи съ Москвой зародилась только въ интеллигентскихъ кругахъ и не имѣла глубокой почвы въ народѣ. „Какъ видно изъ твоихъ рѣчей, отвѣтили Исаакію Борисковичу московскіе дипломаты, мысль эта въ самихъ васъ еще не утвердилась; укрѣпленья объ этомъ между вами еще нѣтъ".

Но самое зарожденіе мысли о соединеніи съ Москвой представляло для Речи Посполитой уже опасность. Польское правительство не могло этого не учитывать. Тѣмъ не менѣе, оно не хотѣло отступить отъ своей религіозной политики и продолжало ее. Опасность такого образа дѣйствій не укрывалась отъ болѣе проницательныхъ умовъ. Извѣстный литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, напримѣръ, въ письмѣ своемъ къ полоцкому уніатскому архіепископу Іосафату Кунцевичу прямо указывалъ на большой вредъ, который унія принесла польско-литовскому государству.

Православное духовенство, чтобы избавиться отъ религіозныхъ преслѣдованій, мечтало о соединеніи съ Москвой. Простой народъ и козачество пока не задавалась такими широкими и далекими перспективами. Они реагировали непосредственно на притѣсненія. На насилія они отвѣчали насиліемъ. Это такъ естественно у народныхъ массъ, разъ у нихъ истощилось терпѣніе, и они вышли изъ пассивнаго состоянія. Въ концѣ 1624 г., въ Вильнѣ, отъ руки разъяренныхъ мѣщанъ, погибъ извѣстный гонитель православія Іоасафатъ Кунцевичъ. Когда въ началѣ 1620-хъ годовъ оживилась дѣятельность уніатовъ въ Кіевѣ, и они стали запечатывать церкви, митрополитъ Іовъ обратился за помощью къ козакамъ на Запорожье. Оттуда былъ присланъ значительный отрядъ. Козаки распечатали церкви и арестовали кіевскаго войта Федора Ходыку. Его и кіевскаго мѣщанина Созона обвиняли въ запечатаніи церквей. Проф. Жуковичъ, правда, сомнѣвается въ томъ, чтобы Ходыка запечатывалъ церкви; но мнѣніе другихъ изслѣдователей, В. Б. Антоновича и М. С. Грушевскаго, считающихъ Ходыку однимъ изъ дѣятельныхъ поборниковъ уніи, нужно признать болѣе вѣрнымъ и соотвѣтствующимъ извѣстнымъ намъ фактамъ. Козаки утопили Ходыку. Въ связи съ нимъ погибъ и священникъ кіевской васильевской церкви Іоаннъ Юзефовичъ. Ему отрубили голову. Убійства Ходыки и Юзефовича были только, по словамъ проф. Жуковича, наиболѣе яркимъ проявленіемъ козацкой расправы въ Кіевѣ. Они не были единственными. При переговорахъ съ козаками польскихъ комиссаровъ на Медвѣжьихъ Лозахъ, упоминались убійства кіевскіе, корсунскіе и богуславскіе. Козаки оскорбили также намѣстника кіевскаго подвоеводы, посадили въ заключеніе заподозрѣнныхъ ими лицъ и разграбили ихъ имущество. Насилія надъ уніатами.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, дѣлали положеніе въ Речи Посполитой очень тревожнымъ. Вопросы религіозный и о козачествѣ тѣсно сплелись, стояли на очереди и требовали своего разрѣшенія.

Политика польскаго правительства относительно козаковъ.

Осторожное гетманство Сагайдачнаго и заслуги козаковъ въ хотинскую войну нисколько не измѣнили взглядовъ польскаго правительства на козачество и не поколебали его политики. Только немногіе изъ поляковъ понимали, что козаковъ невозможно уничтожить. Еще въ 1618 году извѣстный польскій публицистъ Пальчевскій издалъ книжку „о козакахъ: уничтожить ли ихъ или нѣтъ?". Онъ находилъ, что истребить козаковъ было бы безчестно, безполезно и невозможно. Безчестно, потому что это было бы уступкой туркамъ. Безполезно, такъ какъ Польша имѣла бы своими сосѣдями турокъ. Наконецъ, невозможно, такъ какъ это доказалъ опытъ еще во время Стефана Баторія, когда козаковъ было меньше. Для того, чтобы уничтожить нѣмецкій орденъ, Польшѣ пришлось бороться двѣсти лѣтъ. Если бы кто-нибудь совѣтовалъ и двухсотлѣтнюю борьбу съ козаками, того, по мнѣнію Пальчевскаго, слѣдовало бы подвергнуть остракизму.

Но взгляды, подобные только что приведенному, далеко не были преобладающими. Въ правительственныхъ кругахъ господствовала иная точка зрѣнія. Представителемъ ея, въ свое время, являлся извѣстный коронный гетманъ Жолкевскій. Онъ считалъ козаковъ „бродягами", „сволочью" и находилъ, что ихъ нужно всячески истреблять, ограничивать, уменьшать въ числѣ. Эту точку зрѣнія Жолкевскій и проводилъ въ теченіе первой четверти XVII в. до своей смерти на цецорскихъ поляхъ. Мнѣніе Жолкевскаго относительно козаковъ имѣло видныхъ поклонниковъ въ правящихъ кругахъ. Уже послѣ смерти Жолкевскаго извѣстный каштелянъ краковскій Юрій Збаражскій выражался въ сенатѣ о козакахъ такъ; „не успокаивать, но освободиться отъ этой бѣды слѣдуетъ намъ".

Политическія условія, однако, не позволяли польскому правительству такъ рѣшительно поставить во-

просъ, какъ этого требовали Жолкевскій, Збаражскій и ихъ единомышленники. Практическая политика заняла, поэтому, среднее положеніе. Выразителемъ ея на сеймѣ 1624 года явился князь Хр. Радзивиллъ. „Я желаю, чтобы козаки были обузданы, а не уничтожены“—говорилъ онъ депутатамъ сейма. И эта политика обузданія сдѣлалась, въ концѣ концевъ, господствующей. Она практиковалась еще до Сагайдачнаго. Не измѣнилась и послѣ его смерти. О соціальномъ значеніи козачества, по прежнему, не было рѣчи.

Въ первое время послѣ смерти Сагайдачнаго вопросъ шелъ объ уплатѣ жалованья и о правѣ козаковъ пользоваться на волости постоемъ и сборами на содержаніе (право лежи и приставствъ). Подъ угрозой походовъ на Черное море, козаки упорно настаивали на своихъ требованіяхъ. Два раза назначались коммиссіи по этому поводу. Вопросъ стоялъ такъ остро, что коммиссары боялись за свою жизнь и отказывались, поэтому, ѣхать на Запорожье. Въ концѣ концовъ, какъ это часто случалось, рѣшеніе состоялось половинчатое. Козаки получили прибавку къ жалованью въ десять тысячъ, и обѣщали нѣкоторое время не ходить на Черное море. Вопросъ о лежахъ и приставствахъ остался открытымъ. О выпискѣ козаковъ и объ уменьшеніи войска козаки и слышать не хотѣли.

Въ началѣ 1623 года состоялся въ Варшавѣ сеймъ. **Козацкіе послы на сеймахъ.** Православные дѣятельно готовились къ нему (см. стр. 78) и ко времени сейма въ Варшаву пріѣхали Іовъ Борецкій и Мелетій Смотрицкій. Къ этому же времени пріѣхали въ Варшаву и козацкіе послы. По свидѣтельству уніатскаго митрополита Рутскаго, козацкое посольство усиленно поддерживало требованіе православныхъ іерарховъ о признаніи іерархіи и правъ православной церкви въ Речи Посполитой. Козаки угрожали возстаніемъ и обѣщали причинить государству много непріятностей. Со своими угрозами козацкіе

послы появились даже въ посольской избѣ сейма*). Митрополиту Рутскому пришлось даже войти въ переговоры съ козаками, „чего, прибавляетъ онъ, до сихъ поръ мы никогда не дѣлали". Тѣмъ не менѣе, сеймъ 1623 года для православной іерархіи и православной церкви не далъ ни какихъ серьезныхъ результатовъ.

Не далъ онъ ничего положительнаго и для козаковъ. Съ козацкими послами сеймъ не пришелъ къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію. Быть можетъ, благодаря, дѣйствительно, ихъ неуступчивости или чрезмѣрности требованій, какъ полагаетъ проф. Жуковичъ. На Запорожье, поэтому, отъ имени короля и всего сейма были посланы комиссары. По словамъ митрополита Рутскаго, комиссары, подъ угрозой истребленія, должны были потребовать отъ козаковъ уменьшенія ихъ числа до двухъ тысячъ и прекращенія походовъ на Черное море.

Какой былъ результатъ этого посольства, — неизвѣстно. Но посольство свидѣтельствуетъ о томъ, что сеймъ не отступилъ отъ прежняго своего образа дѣйствій. Онъ готовъ былъ стать на точку зрѣнія, которую ему подсказывали политики, вѣрившіе въ возможность, если не истребить, то успокоить козаковъ насильственными и полицейскими мѣрами.

Постановленія сейма 1623 года относительно козаковъ касались жалованья и посылки новой коммиссіи для переговоровъ. Постановленія отличались крайней неопредѣленностью. Сеймовая конституція какъ бы соглашалась на увеличеніе жалованья козакамъ. Новая коммиссія должна была принять мѣры для удержанія козаковъ въ „добромъ порядкѣ".

---

*) Польско-литовскій сеймъ состоялъ изъ двухъ палатъ (высшей сената, куда входили епископы, воеводы, кастеляны и министры и палаты депутатовъ (посольской избы), которую составляли депутаты, избираемые и посылаемые провинціальными сеймиками. Единогласное рѣшеніе пословъ и сената, утвержденное королемъ, становилось закономъ.

Неопредѣленность сеймовой конституціи 1623 года только усложняла дѣло. Недовольство козаковъ, вслѣдствіе неудачи, постигшей ихъ требованія на сеймѣ, обнаружилось скоро. Минская шляхта на своемъ сеймикѣ 9 января 1624 года отмѣтила правильно, что запорожскіе козаки могли бы быть удержаны въ повиновеніи, если бы ихъ требованія на сеймѣ 1623 года были удовлетворены. Этого не было сдѣлано, и королевскія инструкціи на сеймики 1614 года усиленно говорили о козацкомъ своеволіи. Въ 1624 году козаки снова появились подъ Константинополемъ, много награбили тамъ и возвратились съ богатой добычей.

Сеймы 1624 г. и въ особенности 1625 года прошли въ Варшавѣ подъ вліяніемъ извѣстій объ убійствѣ Купцевича и о насильственныхъ дѣйствіяхъ козаковъ въ Кіевѣ. Для уступокъ православнымъ время было неблагопріятное. На сеймѣ 1624 года оказалось, что коммиссія, назначенная въ 1623 году, не состоялась. Пришлось повторить постановленіе объ ней. Въ постановленіи о „коммиссіи козацкой" сеймовая конституція 1624 года предписывала, кромѣ того, подъ страхомъ суроваго наказанія, ничего не покупать отъ козаковъ изъ ихъ добычи и не оказывать ни въ чемъ имъ помощи и содѣйствія. На сеймъ 1625 года явились запорожскіе послы. Помимо ходатайства о жалованьи, они, какъ и на сеймѣ 1623 года, поднимали вопросъ объ іерархіи и правахъ церкви. Но сеймъ 1625 года разошелся безрезультатно.

Характеръ коммиссіи 1624 года

Правительство на этотъ разъ рѣшило, наконецъ, осуществить коммиссію, назначенную еще на сеймѣ 1623 года и подтвержденную въ 1624 году. Во главѣ коммиссіи былъ поставленъ полный гетманъ Станиславъ Конецпольскій. Это былъ помощникъ и сотрудникъ покойнаго Жолкевскаго. Онъ, конечно, раздѣлялъ и его взгляды. Конецпольскій былъ въ тоже время крупный землевладѣлецъ. Среди комиссаровъ преобладали представители этого класса. Большинство ихъ

имѣли крупныя земельныя владѣнія на Украинѣ. На помощь комиссарамъ, по собственному почину, явились также нѣкоторые изъ украинскихъ землевладѣльцевъ, не назначенные въ составъ коммиссіи. Среди нихъ были и православные. Для украинскихъ землевладѣльцевъ козацкій вопросъ имѣлъ большое значеніе, какъ вопросъ, тѣсно связанный съ реакціей противъ крѣпостного права и труда, составлявшихъ основу крупнаго землевладѣнія. Козачество, какъ классъ, являлось отрицаніемъ этихъ основъ. Поэтому, проф. Жуковичъ совершенно справедливо видитъ въ коммиссіи 1625 г. классовой походъ украинскихъ землевладѣльцевъ, объединенныхъ общими экономическими и соціальными интересами, противъ козачества. Характеръ требованій коммиссіи и переговоры ея съ козаками подтверждаютъ эту мысль. Уменьшеніе числа козаковъ и возвращеніе всѣхъ, непопавшихъ въ козацкій реестръ, въ прежнее крѣпостное состояніе составляли одно изъ важнѣйшихъ требованій комиссаровъ и ихъ единомышленниковъ.

Въ руководство комиссарамъ была дана королевская инструкція. Она, однако, не стѣсняла ихъ и предоставляла комиссарамъ полную свободу въ ихъ дѣйствіяхъ. Поэтому характеръ позднѣйшаго договора комиссаровъ съ козаками не только вытекалъ изъ инструкціи, но и являлся результатомъ классовыхъ стремленій украинскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, составлявшихъ коммиссію или помогавшихъ ей.

Королевская инструкція комиссарамъ повторяла прежнія требованія. Съ ними мы встрѣчались еще въ инструкціи, данной комиссарамъ послѣ хотинской войны. Инструкція указывала на усилившееся своеволіе козаковъ и находила дальнѣйшее промедленіе въ обузданіи этого своеволія опаснымъ для государства. Комиссарамъ предписывалось добиться того, чтобы козаки на будущее время не вмѣшивались также въ религіозныя отношенія и не поддерживали духовныхъ лицъ. Польскіе руководящіе сферы большую роль въ козац-

ныхъ своеволіяхъ, не безъ основанія, отводили вліянію православнаго духовенства. Въ такомъ духѣ писалъ въ 1625 году королю одинъ изъ богатѣйшихъ украинскихъ магнатовъ кн. Христофоръ Збаражскій. Называя козацкое движеніе войной рабовъ, князь Збаражскій указывалъ на необходимость принять противъ козаковъ серьезныя мѣры. Сила козачества, по мнѣнію князя Збаражскаго, заключалась въ томъ сочувствіи, которое оказывали козакамъ Украина и Бѣлая Русь, въ особенности же города. Такимъ образомъ, князь Збаражскій смотрѣлъ на козачество, какъ явленіе народное, соціальное. Мысль была вѣрная. Но и князь Збаражскій не пошелъ дальше тѣхъ шаблонныхъ мѣръ противъ козачества, которыя, въ конечномъ результатѣ, имѣли цѣлью не соціальныя реформы, а обузданіе козаковъ физическою силою.

Благопріятнымъ условіемъ для коммиссіи Конецпольскаго, была неудача, которая постигла козаковъ на Черномъ морѣ лѣтомъ 1625 года Въ концѣ сентября комиссары съ войскомъ двинулись на югъ. Козаки постепенно отступали. Они просили коммиссію обождать для переговоровъ прибытія изъ Запорожья ихъ гетмана Жмайла. Во второй половинѣ октября, польское войско было уже подъ Крыловомъ (кіевской губ. чигиринскаго уѣзда). Оно стояло въ близкомъ разстояніи отъ козацкаго табора. Таборъ былъ виденъ изъ польскаго лагеря.

25 октября прибылъ гетманъ Жмайло. Въ тотъ же день онъ извѣстилъ Конецпольскаго о своемъ прибытіи. Начались переговоры.

Комиссары вручили козакамъ „декларацію воли его королевской милости и Речи Посполитой“, помѣченную 26 октября 1625 г. Въ основу ея легла, конечно, королевская инструкція. Декларація указывала на то, что козаки, за свои заслуги, всегда пользовались личною свободою и правомъ землевладѣнія. Имъ многое прощалось. Комиссары вовсе не имѣютъ въ виду примѣнять къ козакамъ суровыя мѣры. Они только жела-

Переговоры съ козаками комиссаровъ и куруковскій договоръ

ютъ, согласно постановленію сейма, привести козаковъ въ надлежащій порядокъ. Козакамъ ставились въ вину ихъ походы на Черное море и проявленіе своеволія на волости, посольство ихъ въ Москву, и заключеніе договора съ Крымомъ. Далѣе имъ ставился также въ вину пріемъ къ себѣ разныхъ пріѣзжихъ лицъ, въ томъ числѣ особенно духовныхъ; замѣщеніе епископскихъ кафедръ; оскорбленіе величества въ лицѣ кіевскаго воеводы и другихъ украинскихъ старостъ.

Отъ козаковъ комиссары требовали выдачи виновныхъ, уменьшенія числа козаковъ, такъ какъ къ нимъ бѣгутъ подданные отъ пановъ и ремесленники отъ своего ремесла. Эти бѣглецы, по мнѣнію комиссаровъ, являлись главной причиной своеволій и марали все козачество. Комиссары требовали также, чтобы бѣглецы были выключены изъ козачества. Остальные козаки должны быть внесены въ реестръ. Они будутъ получать жалованье и пользоваться всѣми правами. Въ деклараціи ставился затѣмъ рядъ условій относительно назначенія старшаго, присяги и т. д. Условія эти легли впослѣдствіи, въ смягченномъ видѣ, въ основу договора между комиссарами и козаками у Курукова озера.

Предложенія, сдѣланныя комиссарами козакамъ, являлись выраженіемъ давней и шаблонной программы польскаго правительства. Она была расчитана на то, чтобы свести козачество до размѣровъ небольшого отряда наемниковъ, состоящихъ на службѣ государства. Этимъ думали уничтожить козачество, поставивъ его всецѣло подъ контроль и распоряженіе правительства.

Въ своемъ письменномъ „отвѣтѣ“ на декларацію комиссарамъ козаки старались оправдаться въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя на нихъ возводили. Требованія комиссаровъ они нашли „тяжелыми“ и заявили, что не могутъ выполнить ни одного изъ нихъ.

Послѣ этого комиссары рѣшили употребить силу. Конецпольскій аттаковалъ козаковъ. Тѣ постепенно отступали и, наконецъ, 31 октября, устроили свой таборъ

въ урочищѣ Медвѣжьи Лозы за Куруковымъ озеромъ. Въ настоящее время этихъ названій не существуетъ. Но всѣ изслѣдователи (свящ. В. Никифоровъ, Ф. Д. Николайчикъ, Ст. Рудницкій, проф. Жуковичъ, проф. Грушевскій) полагаютъ, что они существовали на мѣстѣ теперешняго посада Крюкова, на правой сторонѣ Днѣпра, противъ города Кременчуга (полтавской губерніи).

Козаки дрались упорно. Они принуждены были отступить, но полнаго пораженія ихъ не было. Такъ что предложеніе вступить въ новые переговоры, какъ отмѣчаетъ проф. Жуковичъ, исходили не отъ козаковъ, а съ польской стороны.

Три дня шли письменныя сношенія между козаками и комиссарами. 5-го ноября 1625 года состоялось соглашеніе. Оффиціально оно получило названіе „ординаціи запорожскихъ козаковъ“. Неоффиціально „ординація“ обыкновенно называется куруковскимъ договоромъ. Ординація была подписана гетманомъ Михайломъ Дорошенкомъ и нѣкоторыми изъ козацкой старшины и скрѣплена печатью войска запорожскаго. Дорошенко былъ неграмотенъ. Поэтому за него подписался Янъ Рачинскій. За войско же запорожское, въ присутствіи всѣхъ старшинъ, подписался писарь Савва Бурчевскій.

Ученые издавали ординацію уже нѣсколько разъ. Она напечатана между прочимъ, во второмъ томѣ „Źródła do dziejów polskich“ (источники польской исторіи) Грабовскаго и Пшедзѣцкаго, въ третьемъ томѣ „Исторіи Малороссіи“ Маркевича и, наконецъ, въ послѣдній, по времени, разъ В. Б. Антоновичемъ въ томѣ первомъ третьей части „архива юго-западной Россіи“.

Сущность договора заключалась въ слѣдующемъ. Комиссары прощали козакамъ ихъ своевольства. Козакамъ предоставлялось самимъ избирать себѣ старшаго. Но онъ утверждался королемъ или, по его порученію, короннымъ гетманомъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ коза-

камъ предоставлялось право просить о перемѣнѣ ст
шаго. Въ походѣ же старшій могъ вступить въ отпр
вленіе должности и безъ королевскаго утвержде
Количество козаковъ было опредѣлено въ шесть т
сячъ. Имъ долженъ быть, въ теченіе шести не
дѣль, составленъ реестръ, подъ наблюденіемъ лиц
для того назначенныхъ коммисарами. Реестръ долже
быть врученъ коронному гетману и отосланъ въ канц
Внесенные въ реестръ козаки пользовались все
прежними правами и вольностями. Имъ уплачивал
жалованье, въ размѣрѣ 60 тыс. золотыхъ. Кромѣ то
было назначено особое жалованье старшинѣ. Тыся
козаковъ обязана была находиться на Низу, за пор
гами, и нести тамъ, такимъ образомъ, сторожев
службу. Остальная масса козачества должна жить
волостямъ и являться въ походъ, по требованію кор
наго гетмана. Въ суды замковые, духовные и гродс
козаки не могли вмѣшиваться. Дѣла объ обидахъ, пр
чиненныхъ козаками разбирали козацкія атаманы
старшина, въ присутствіи старостъ. Если же оби
были причинены обывателями козакамъ, то разбира
дѣла подстароста въ присутствіи козацкихъ старши
Въ имѣніяхъ духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцев
могли оставаться тѣ изъ козаковъ, которые призна
надъ собою власть владѣльцевъ. Въ противномъ с
чаѣ, втеченіе двѣнадцати недѣль они должны выселит
изъ этихъ имѣній и возвратить все присвоенное им
имущество, движимое и недвижимое, владѣльца
Для провѣрки правъ козаковъ на это имущество бы
назначены коммисарами тѣ же лица, что и для наб
денія за составленіемъ реестра. Козакамъ запреща
совершать походы на Черное море и сноситься съ и
странными государствами.

О религіозныхъ вопросахъ ординація не говорил
Равно какъ не опредѣляла и правъ тѣхъ, которые н
попадали въ козацкій реестръ. Эти лица, надо думат

возвращались къ своимъ владѣльцамъ въ прежнее, т. е. крѣпостное состояніе.

Гетманъ Жмайло былъ свергнутъ еще раньше начала переговоровъ. На его мѣсто козаки избрали Михаила Дорошенка, хорошо извѣстнаго польскому правительству со времени хотинской войны и уже бывшаго раньше гетманомъ. По требованію комиссаровъ, Дорошенко долженъ былъ принести присягу, приложенную къ ординаціи. Онъ обѣщалъ въ ней во всемъ повиноваться королю, прекращать всякія своеволія, не ходить войной противъ Турціи и препятствовать всякимъ походамъ, начатымъ безъ разрѣшенія короля; препятствовать также образованію своевольныхъ отрядовъ и исполнять неукоснительно всѣ условія, постановленныя въ Медвѣжьихъ Лозахъ.

На гетмана Дорошенка выпала обязанность и привести въ исполненіе куруковскій договоръ. Дорошенко ѣздилъ съ комиссарами по Украинѣ, составлялъ реестръ, производилъ разборъ козаковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ занимался возвращеніемъ захваченныхъ козаками имѣній духовнымъ и свѣтскимъ владѣльцамъ. Дорошенко съ комиссарами побывалъ даже въ заднѣпровскихъ городахъ, въ Нѣжинѣ, Прилукахъ, Лубнахъ. Но Конецпольскій, видимо, не довѣрялъ ему, такъ какъ держалъ пятнадцатитысячное войско все время на готовѣ въ украинскихъ городахъ.

Шеститысячный козацкій отрядъ организованъ былъ, въ видѣ шести полковъ, по тысячѣ въ каждомъ. Полки раздѣлялись на сотни. Во главѣ войска стояла старшина съ старшимъ во главѣ. Объ этомъ мы узнаемъ изъ указанія въ ординаціи тѣхъ старшинъ, которымъ полагалось жалованье. Ординація среди старшинъ называетъ: старшаго, обознаго, писаря, двухъ асауловъ и войскового судью. Это, должно быть, была генеральная старшина. Далѣе ординація перечисляетъ шесть полковыхъ асауловъ и шесть полковниковъ (по

Организація козачества въ 1625 году.

одному на полкъ) и шестьдесятъ сотниковъ (по деся... на полкъ). Низшей административно-военной вла... въ козацкомъ отрядѣ были атаманы. Сколько ихъ б... мы не знаемъ. Сотня, надо думать, въ это время, ... и впослѣдствіи распадалась на курени. У Лассоты ... XVI в. мы знали десятки. Во главѣ куреней-десятк... и стояли атаманы. Было ли въ каждой сотнѣ де... куреней, какъ въ полку было десять сотенъ, что оч... вѣроятно, или же сотни дѣлились неравномѣрно ... курени—трудно сказать. Атаманы къ старшинѣ не ... числялись. Потому имъ не было положено и особа... жалованья.

Старшій долженъ былъ заботиться не тольк... военныхъ дѣлахъ, но и о томъ, чтобы никому не ... несправедливости. Если старшій бывалъ въ отлуч... онъ долженъ былъ оставлять на своемъ мѣстѣ чело... добраго и разсудительнаго, который бы могъ замѣн... его во всемъ. Существованіе особаго войскового су... какъ это было еще при Стефанѣ Баторіи (см. в... стр. 172), указываетъ на обособленность судейск... функцій. Но характеръ и компетенцію судейскаго ур... въ 1625 году и въ послѣдующее время трудно выясн... за неимѣніемъ свѣдѣній. Козацкая юрисдикція, во в... комъ случаѣ, удовлетворялась не только войсков... судьей. Для дѣлъ обывателей съ козаками была у... новлена особая смѣшанная, какъ мы видѣли, юр... дикція—подстаростъ при участіи козацкихъ старш... и атамановъ. Въ дѣлахъ же козаковъ между с... судили также козацкіе старшины и атаманы. Они пол... зовались, такимъ образомъ, не только администрат... ною, но и судебною властью. И. М. Каманинъ, ... этомъ основаніи, говоря о развитіи власти городо... атамановъ, думаетъ, что власть ихъ до Хмельницка... была обширнѣе, чѣмъ послѣ Хмельницкаго. Пр... М. М. Любавскій въ своихъ критическихъ замѣтк... на статью И. М. Каманина „къ вопросу о козачест... до Богдана Хмельницкаго“ оспариваетъ это мнѣні...

...летъ, что власть городовыхъ атамановъ была такой же ограниченной въ это время, какъ и впослѣдствіи.

Мы располагаемъ, однако, слишкомъ незначительнымъ матеріаломъ для того, чтобы могли вполнѣ вы...шить компетенцію козацкихъ властей. Нельзя только не отмѣтить, что козацкая организація въ концѣ первой четверти XVII в. являлась дальнѣйшимъ развитіемъ той, о которой сообщилъ намъ Лассота въ концѣ XVI в. Увеличился только полкъ козацкій съ пяти...ъ до тысячи человѣкъ, да, повидимому, дифференцировались и выросли въ числѣ власти козацкіе. Козацкая организація въ 1625 году можетъ считаться уже вполнѣ сложившейся въ своихъ основныхъ чертахъ.

Козаки и польское государство въ ихъ отношеніяхъ послѣ куруковскаго договора *)

Слѣдствія куруковскаго договора.

Въ основу куруковскаго договора легли с[illegible] ственные принципы политики польскаго государства по отношенію къ козакамъ. Польское правительств[illegible]

*) Важнѣйшая литература: Проф. *Мих. Грушевскій.* Історія Україии-Руси, т. VII и т. VIII ч. I. *Его же.* Исторія украинск[illegible] козачества, т. II. Проф. *П. Жуковичъ.* Сеймовая борьба пра[illegible] наго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей съ 1601 го[illegible] вып. V и VI, Спб., 1910–1912. *Костомаровъ.* Богданъ Хмельн[illegible] *Соловьевъ.* Исторія Россіи, т. X. *Кулішъ.* Отпаденіе Малорос[illegible] Польши, т. I. *Его же.* Украинскіе козаки и паны въ двадц[illegible] передъ бунтомъ Богдана Хмельницкаго въ „Рус. Обозрѣніи", [illegible] кн. I—V. *Стефанъ Рудницький.* Українські козаки въ 1625–30 [illegible] „Зап. наукового тов. імени Шевченка", т. XXXI—XXXII. *П. К*[illegible] *чановскій.* Предисловіе къ „актамъ шведскаго государственн[illegible] хива" въ Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. VI. *Ів. Крипякевич* [illegible] заччина въ політичних комбінаціях, 1620—1630 р. въ „Зап. [illegible] кового тов. ім. Шевченка", т. CXVII і CXVIII. *Ол. Целевич.* [illegible] козаків въ Смоленскій війні, 1633–4 р. въ „Зап. наук. т-ва [illegible] Шевченка", т. XXVIII. *В. Б. Антоновичъ и Е. Н. Мельникъ.* [illegible] муары, относящіеся къ исторіи южной Россіи, т. 2. Кіевъ, [illegible] Проф. *В. Г. Ляскоронскій.* Гильомъ Левассеръ-де-Боплан[illegible] историко-географическіе труды относительно южной Россіи. К., 19[illegible] *В. А. Кордтъ.* Матеріалы по исторіи русской картографіи (о Боп[illegible] и его картахъ), т. II, К. 1910 г. Pisma Aleksandra Jablonowski[illegible] I и III. *И. Новицкій.* Адамъ Кисель, воевода кіевскій въ „Кіев. С[illegible] 1895 г., т. XIII. *Е. Л.* Дополненіе къ біографіи Адама Кисел[illegible] „Кіев. Стар.", 1896 г., т. XIV. *T. T. Lubomirski* Adam Kisiel, woj[illegible] Kijowski Wrsz., 1905. *А. В. Стороженко.* Очерки переяславск[illegible] рины, К. 1900 г. *Харламповичъ К. В.* Малороссійское вліяніе [illegible] великорусскую церковную жизнь, т. I, Каз. 1914.

видно, вѣрило въ возможность свести козаковъ до шеститысячнаго отряда наемнаго войска. Правда, оно авало всю трудность и опасность этого. Поэтому апъ Конецпольскій разставилъ въ различныхъ мѣъ на Украинѣ пятнадцать тысячъ войска, пока не етъ произведенъ разборъ козаковъ. Гетманъ грозъ пойти на козаковъ, если они будутъ противиться вленію реестра. При такихъ условіяхъ, козацкій шій Дорошенко могъ съ успѣхомъ составлять реръ козаковъ и выключать изъ козачества массы рода.

Реестръ былъ составленъ къ срединѣ января 1626 г. При составленіи его, повидимому, никакихъ эксвъ не происходило. Ожидать ихъ можно было, енно, при выселеніи козаковъ изъ шляхетскихъ и вныхъ имѣній въ королевскія. Въ теченіе двѣнадцаедѣль козаки должны были выйти изъ шляхетхъ и духовныхъ имѣній, распродавъ свои земли и имущество. Естественно, выселеніе это было свяю съ большой экономической ломкой. Но правитель, въ лицѣ комиссаровъ, пошло на встрѣчу козакамъ омъ случаѣ и просило помѣщиковъ не торопить аковъ съ выселеніемъ. Нужно думать, помѣщики зали, въ этомъ отношеніи, уступки.

Если куруковскій договоръ проводился въ жизнь, внѣшней стороны, спокойно, то это еще не значитъ, соціальныя причины, вызвавшія ростъ козачества, и имъ устранены или уничтожены. Наоборотъ. дствіе этого и самый договоръ, въ нѣкоторыхъ ихъ частяхъ, имѣлъ только формальное значеніе. ставленіемъ реестра, количество козаковъ форно уменьшалось. Непопавшіе въ реестръ считаь возвращенными въ прежнее, преимущественно, стное состояніе. На самомъ же дѣлѣ, все оставаюсь попрежнему.

Мы знаемъ, что сохранились люстраціи королевихъ имѣній, составленныя въ промежутокъ 1616—

1622 г., почти накануне куруковскаго договора. А-
страции даютъ свѣдѣнія объ усиленномъ ростѣ, за
время, козачества. Что ростъ этотъ не былъ ост
вленъ куруковскимъ договоромъ и продолжалъ уве
чиваться, показываетъ свидѣтельство инженера Бопла
Въ 1630-хъ годахъ онъ исчислялъ число козаковъ пр
близительно въ 120 тысячъ, тогда какъ во время
страцій число ихъ было не болѣе 60 тысячъ.

Важнымъ слѣдствіемъ куруковскаго договора
ло юридическое и отчасти фактическое обособлен
реестроваго козачества, т. е. записаннаго въ реестръ,
остальной массы козачества. Юридически козаками
знавались только записанные въ реестръ. Они поль
вались всѣми козацкими правами и привиллегія
Остальная масса считавшихъ себя козаками, но не
павшихъ въ реестръ, юридически возвращалась
прежнее состояніе. Фактически, правда, это не вс
было возможно и, вѣроятно, въ большинствѣ случа
прямо-таки было невозможно. Но если непопавшіе
реестръ и сохраняли свою свободу и личную не
симость, то юридически на нихъ не распространялис
права и привиллегіи, признанные за реестровыми
заками.

Это не могло не вносить осложненія въ среду
зачества. Козачество, какъ общая народная масса,
падалось на двѣ части: реестровыхъ и нереестро
Первая часть, реестровые, послѣ 1625 года стар
сохранить лойяльныя отношенія съ правительство
держались, по отношенію къ нему, компромиссной
тики. Нужно думать, матеріальныя выгоды, связа
съ легальнымъ существованіемъ, въ родѣ получ
жалованья, играли при этомъ не послѣднюю роль.
естровые козаки имѣли признанную правитель
организацію. Съ ними сносились представители ад
нистрации. Они заявляли свои требованія. На н
опирались въ своихъ домогательствахъ предста
православной іерархіи.

Козаки-выписчики.

Рядомъ съ реестровыми козаками продолжала существовать, однако, громадная масса переестровыхъ козаковъ. Это тѣ, которыхъ не признавалъ козаками куруковскій договоръ. Юридически они считались возвращенными въ прежнее состояніе. Фактически они продолжали оставаться такими же козаками, какими были до тѣхъ поръ.

Объ этихъ козакахъ — „выписчикахъ" имѣются свѣдѣнія немедленно же послѣ составленія реестра согласно куруковскому договору. Уже весной 1626 года гетманъ реестровыхъ козаковъ Дорошенко предостерегалъ польское правительство о сборахъ выписчиковъ и возможности ихъ морского похода противъ турокъ. Противъ этого были приняты мѣры. Наблюденіе за выписчиками было возложено на Дорошенка. Онъ сжегъ часть козацкихъ челновъ, оставилъ гарнизонъ на Запорожьѣ подъ начальствомъ Ивана Кулаги, будущаго козацкаго старшаго, и грозилъ смертью всѣмъ козакамъ-своевольникамъ. Тѣмъ не менѣе мѣры эти не достигли желательнаго успѣха. Часть козаковъ успѣла прорваться въ море. Другая часть вмѣстѣ съ донскими козаками предприняла походъ противъ Трапезунта. Съ подобными же походами козаковъ-выписчиковъ мы встрѣчаемся и въ слѣдующіе годы. Правительство принуждено было и послѣ составленія реестра считаться съ ними. Обстоятельства принуждали его иногда набирать выписчиковъ къ себѣ на службу. Такъ, напр., было, весной 1628 года, когда турки и татары стали строить крѣпости на низовьяхъ Днѣпра, и Дорошенко, съ вѣдома польскаго правительства, предпринялъ походъ противъ нихъ. Войско козацкое въ этомъ походѣ состояло не только изъ реестровыхъ козаковъ, но и изъ выписчиковъ, принятыхъ временно на службу. Во время шведской войны выписчики также принимались на службу къ польскому правительству. На сколько значительно было количество выписчиковъ, сравнительно съ реестровыми козаками, можно судить по

оффиціальному донесенію польскому королю. Согласно этому донесенію, въ маѣ 1629 года на Запорожьѣ собралось почти столько же козаковъ, сколько подъ Хотиномъ, т. е. около 40 тысячъ. Если эту цифру изслѣдователи (Кулішъ, Ст. Рудницкій, проф. Грушевскій) и считаютъ преувеличенной, то общее число козаковъ-выписчиковъ было, во всякомъ случаѣ, значительнымъ. Это были, конечно, еще не всѣ козаки-выписчики.

Козаковъ-выписчиковъ нельзя представлять себѣ въ видѣ однородной организованной массы, въ противовѣсъ реестровому козачеству. Выписчики представляли изъ себя очень подвижной и непостоянный контингентъ, изъ котораго могли вербоваться и вербовались отдѣльные отряды авантюристовъ. Несмотря на всю скудость извѣстій, мы имѣемъ свѣдѣнія о такихъ отрядахъ. Такъ, напр., намъ извѣстно, что позднѣйшій полковникъ Филоненко изъ Корсуня набралъ отрядъ въ три тысячи человѣкъ, напалъ на Молдавію, разграбилъ городъ Тегиню и сжегъ его. Въ другой разъ какой-то Малай изъ Черкассъ занимался со своимъ отрядомъ грабежами татаръ на муравскомъ шляху *). Отряды ихъ, вѣроятно, были организованы по образцу козацкихъ отрядовъ вообще. Но общей организаціи, которая бы объединяла все нереестровое козачество, всѣхъ выписчиковъ, мы не знаемъ. Выписчики были объединены только общимъ сознаніемъ безправія, своимъ нелегальнымъ, сравнительно съ козаками реестровыми, существованіемъ. Основаніе это было вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы положеніе реестровыхъ

*) *Муравскій шляхъ*, по опредѣленію Д. И. Эварницкаго (Исторія запорожскихъ козаковъ, т. I, стр. 63), шелъ изъ глубины Россіи, отъ Тулы, мимо Курска, Бѣлгорода, въ Слободскую Украину, потомъ черезъ Орель въ Запорожье; въ Запорожьѣ черезъ рѣку Самару, Волчьи воды и Конку; ниже Конки шляхъ выходилъ за предѣлы козацкихъ вольностей и тянулся до самаго Перекопа. Въ предѣлахъ Запорожья, на протяженіи двухсотъ верстъ, шляхъ шелъ по безлюдной и дикой степи. Путешествіе по муравскому шляху представляло немало опасностей и требовало большихъ предосторожностей.

и нереестровыхъ козаковъ постоянно противополагалось и чувствовалось на каждомъ шагу въ жизни.

Для польскаго правительства выписчики были людьми своевольными, а не козаками. Поэтому, послѣ куруковскаго договора и составленія реестра они въ оффиціальныхъ отношеніяхъ совершенно игнорировались. Когда шелъ вопросъ о козачествѣ и его отношеніяхъ къ правительству, то, въ этомъ случаѣ, разумѣлись только козаки, записанные въ реестръ.

Гетманъ Михаилъ Дорошенко.

Во главѣ реестровыхъ козаковъ въ первое время стоялъ Михаилъ Дорошенко. Онъ сдѣлался старшимъ при участіи польскаго правительства. Это обстоятельство не могло, конечно, не отражаться на характерѣ отношеній между козаками и правительствомъ, въ смыслѣ, благопріятномъ для послѣдняго.

Источники даютъ мало свѣдѣній о личности Дорошенка. Стефанъ Рудницкій, очень внимательно собравшій ихъ, находитъ возможнымъ признать въ Дорошенкѣ хорошаго полководца и умнаго политика. Дорошенко, по мнѣнію Рудницкаго, былъ продолжателемъ политики Сагайдачнаго, хотя и не равнялся съ нимъ по способностямъ. Политика обоихъ была направлена на поддержку православной церкви въ Польшѣ и на добываніе для нея правъ.

Первымъ дѣломъ Дорошенка, какъ мы знаемъ, было составленіе реестра. Подробныхъ извѣстій о составленіи его мы не имѣемъ. Изъ словъ попа Филиппа, довѣреннаго митрополита Іова, извѣстно, что къ Дорошенку пристали „лучшіе“ люди изъ козаковъ. Они, вѣроятно, и попали, главнымъ образомъ, въ реестръ.

Лучшіе люди были наиболѣе зажиточными, наиболѣе сильными, въ экономическомъ отношеніи, элементами среди козачества. Проф. Грушевскій называетъ ихъ „козацкой буржуазіей“. Народная поэзія обозначила ихъ словомъ „дуки“, въ противоположность козацкой бѣднотѣ, козацкому пролетаріату, „нетягамъ“. Эти народные термины употребляютъ Кулішъ Ст. Рудницкій и И. М. Каманинъ.

„Лучшіе" люди среди козаковъ, получивъ увеличеніе жалованья и подтвержденіе правъ по куруковскому договору, стали на лойальную почву по отношенію къ польскому правительству. Нарушеніе договора было не въ ихъ выгодахъ. Безпокойные революціонные элементы козаковъ-выписчиковъ не могли нарушить политики реестровыхъ козаковъ. Не было сознанія общенародныхъ козацкихъ задачъ. Интерессы экономическіе и соціальные у козаковъ-„дуковъ" и козаковъ-„нетягъ" расходились. Но это еще не значитъ, чтобы между ними не было соприкосновенія. Напротивъ. Политика польскаго правительства, упорная, но не постоянная и мало гибкая, умѣла, время отъ времени, объединять обѣ группы козачества, соціальное положеніе которыхъ было такъ неодинаково.

Набранные Дорошенкомъ реестровые козаки, естественно, составляли его партію. Ихъ лойальное отношеніе къ правительству было, въ значительной степени, результатомъ его политики.

Сепаратистическія стремленія на Украинѣ

Проф. Грушевскій отмѣчаетъ извѣстный параллелизмъ въ компромиссномъ настроеніи реестроваго козачества и въ такомъ же настроеніи среди православнаго духовенства. Онъ видитъ между ними извѣстную связь. Раньше духовенство побуждало козачество къ оппозиціи правительству; теперь, наоборотъ, оно ищетъ примиренія, соглашенія съ католической политикой правительства.

Извѣстнаго взаимодѣйствія между духовенствомъ и реестровымъ козачествомъ, въ этомъ отношеніи, конечно, нельзя отрицать. Нужно только имѣть въ виду, что и среди духовенства, какъ и среди козачества была оппозиція такому направленію. Ее составляли среди козаковъ — выписчики, среди духовенства — монахи въ родѣ Исаи Копинскаго. Между послѣдними можно подмѣтить также извѣстное взаимодѣйствіе. Оппозиція эта носила не только духовный или экономическо-соціальный характеръ, но и заключала въ себѣ извѣстныя черты государственнаго сепаратизма. Близкій къ митрополиту

Іову попъ Филиппъ, говоря въ Москвѣ о составленіи реестра, о томъ, что козаки-выписчики, вѣроятно, не захотятъ сдѣлаться пашенными людьми, а начнутъ войну или уйдутъ на Запорожье или на Донъ, указывалъ, между прочимъ, и на теченіе среди козачества, благопріятное Москвѣ. Тѣ люди, которыхъ отставляли отъ козачества, подумывали о посылкѣ въ Москву просить помощи противъ поляковъ. Они готовы были обѣщать вѣрную службу свою московскому царю и выражали желаніе добывать царскимъ именемъ литовскіе города. Все это для того, чтобы не лишиться православной вѣры.

Посылали ли выписчики пословъ въ Москву, неизвѣстно. Но ясно, что куруковскій договоръ, при его проведеніи въ жизнь, не только раздѣлилъ козачество на двѣ части, но и имѣлъ болѣе серьезныя политическія послѣдствія. Онъ, конечно, не создалъ, но усиливалъ сепаратистическія стремленія среди украинскаго населенія въ пользу Москвы.

Первый сеймъ послѣ куруковскаго договора собрался въ концѣ января 1626 года. Сеймъ утвердилъ куруковскую ординацію, хотя ясно было, что она не удовлетворяетъ даже реестровыхъ козаковъ. Козацкій вопросъ на сеймахъ въ 1626 и 1627 гг.

На сеймъ явилось посольство отъ гетмана Дорошенка и реестровыхъ козаковъ. Козацкіе послы привезли съ собой инструкціи. Въ нихъ были изложены просьбы козаковъ къ королю и центральному правительству. Первое мѣсто занимала просьба объ успокоеніи православной церкви и объ утвержденіи посвященныхъ патріархомъ владыкъ. Далѣе, шли просьбы козаковъ о прощеніи, объ увеличеніи жалованья, о снабженіи провіантомъ, оловомъ, порохомъ. Козаки просили также о томъ, чтобы старые изъ нихъ и козацкіе вдовы пользовались всѣми привиллегіями и не подлегали правительственной юрисдикціи. Въ инструкціяхъ шла рѣчь о Терехтемировѣ, о разграниченіи земель, о точномъ указаніи, гдѣ жить казакамъ. Послы

просили о разрѣшеніи получать изъ Москвы вознаграждeніе за освобожденіе плѣнныхъ. Однимъ изъ характернѣйшихъ пунктовъ инструкціи посольства было указаніе на то, что нѣкоторые изъ своевольниковъ оставлены въ реестрѣ. Козаки просили объ ихъ исключеніи изъ реестра. Козаки-де не надѣются, что отъ своевольниковъ не произойдутъ поступки, вредящіе доброй славѣ козачества. Добрая слава козачества, такимъ образомъ, заключалась въ лойяльности.

Важной задачей козацкаго посольства на сеймѣ являлась, конечно, просьба объ успокоеніи православной церкви и объ утвержденіи іерарховъ. Козачество добивалось этого еще со времени Сагайдачнаго. Во время переговоровъ у Курукова озера, правда, о религіозныхъ вопросахъ не было рѣчи. Инструкція комиссарамъ даже указывала на то, что козаки не должны вмѣшиваться въ религіозныя дѣла. Козаки должны были тогда уступить силѣ. Но они не могли совершенно отказаться отъ одной изъ основныхъ своихъ задачъ. Поэтому, религіозный вопросъ, попрежнему, занялъ теперь, на сеймѣ 1626 года, одно изъ первыхъ мѣстъ среди козацкихъ домогательствъ.

Король принялъ козацкихъ пословъ за нѣсколько дней до окончанія сейма. Результаты ихъ ходатайствъ не извѣстны. Утверждая куруковскую ординацію, сеймъ назначилъ въ жалованье козакамъ шестьдесятъ двѣ тысячи злотыхъ изъ еврейскаго поголовнаго налога. Сеймъ обѣщалъ точно соблюдать ординацію, но предупредилъ, что, если козаки станутъ нарушать ее, то будутъ объявлены врагами короля и государства, и противъ нихъ будетъ двинуто королевское войско.

Точка зрѣнія, на которую сталъ сеймъ 1626 года, поддерживалась и на ближайшимъ сеймахъ. Козацкіе послы на торнскомъ сеймѣ въ концѣ 1626 года ходатайствовали объ увеличеніи жалованья и объ „исправленіи вольностей“. Они были также лично приняты королемъ. Реальныхъ результатовъ, однако, не добились.

Вскорѣ послѣ торнскаго сейма, въ началѣ 1627 г., Дорошенко снова отправилъ своихъ пословъ къ королю. Въ общемъ козацкіе послы повторяли тѣ же просьбы, которыя были изложены и на сеймѣ 1626 года. Они просили объ „исправленіи вольностей", объ увеличеніи жалованія, и о снабженіи ихъ провіантомъ и военными припасами, о вознагражденіи за участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, о назначеніи мѣстъ для отдыха козаковъ, объ освобожденіи козацкихъ вдовъ отъ юрисдикціи королевскихъ чиновниковъ, о пополненіи козацкаго реестра на мѣсто убитыхъ, о защитѣ козаковъ отъ притѣсненій землевладѣльцевъ и о нѣкоторомъ смягченіи куруковскаго договора. Смягченія эти должны были коснуться, главнымъ образомъ, занятій ремеслами и винокуреніемъ. Просьбы козаковъ не были удовлетворены, хотя очередные сеймы въ Варшавѣ собирались и въ 1627 и въ 1628 годахъ.

На сеймъ 1627 года гетманъ Дорошенко опять прислалъ посольство изъ шести человѣкъ. Изъ жалобъ и просьбъ козаковъ ясно, что положеніе реестровыхъ на Украинѣ было крайне неопредѣленно. Украинскіе паны-землевладѣльцы, вѣроятно, подогрѣтые возможностью возвратить нѣкоторыхъ изъ козаковъ въ свое подданство, чинили имъ насилія и отнимали земли. Даже во время походовъ козаковъ, нѣкоторые изъ землевладѣльцевъ, напр., такой крупный магнатъ, какъ Калиновскій, не позволяли козакамъ проходить черезъ свои имѣнія, отказывали имъ въ провіантѣ. Вслѣдъ за панами къ реестровымъ казакамъ враждебно относились и мѣщане нѣкоторыхъ городовъ. Уманскіе мѣщане не только не пустили къ себѣ въ городъ козаковъ, но избили нѣсколько ихъ десятковъ.

Королевскіе универсалы мало помогали дѣлу. Сеймъ воздерживался отъ суровыхъ рѣшительныхъ мѣръ. Все это, вмѣстѣ взятое, не могло не дѣлать отношеній между реестровымъ козачествомъ и правительствомъ, на самомъ дѣлѣ, крайне ненормальными.

Возможность столкновенія между козаками и правительствомъ.

Рано или поздно эта ненормальность должна была прорваться наружу и привести къ столкновенію. Возможность столкновенія чувствовалась уже современниками. Есть московскія извѣстія о томъ, что во время татарскаго нашествія на Украину въ 1626 году, реестровые козаки измѣнили Польшѣ. Дорошенко ушелъ назадъ на Запорожье, а часть реестровыхъ козаковъ, подъ начальствомъ Олифера Голуба, пристала даже къ татарамъ. Современные намъ изслѣдователи (Ст. Рудницкій, проф. М. С. Грушевскій) считаютъ извѣстія объ измѣнѣ козаковъ баснею. Доводы, приводимые ими въ пользу такого мнѣнія, основательны. Но возможность появленія такой басни указываетъ на существованіе для этого почвы, въ виду ненормальныхъ отношеній между реестровыми козаками и правительствомъ. Отношенія эти предполагали возможность разрыва и даже измѣны.

Еще краснорѣчивѣе на ненормальность отношеній указываетъ отказъ реестровыхъ козаковъ принять участіе въ войнѣ, которую Польша вела со Швеціей. Въ началѣ 1627 года король, нуждаясь въ войскѣ, поручилъ зугвульскому старостѣ Фомѣ Шимковичу-Склинскому набрать двѣ тысячи молодцовъ и прислать туда, гдѣ будетъ въ нихъ нужда. Шимковичъ-Склинскій былъ однимъ изъ комиссаровъ, которымъ было поручено приведеніе въ исполненіе куруковскаго договора. Онъ обратился къ гетману Дорошенку съ просьбой исполнить порученіе короля. Но Дорошенко извинился и не нашелъ возможнымъ сдѣлать это. Мотивы его очень интересны. По мнѣнію Дорошенка, не изъ кого набрать козаковъ на службу. Непопавшіе въ реестръ слишкомъ угнетены и обезсилены панами. Они едва живы. Реестровые же заняты войной съ турками и татарами. Реестровые такъ мало вознаграждаются за свои труды, что терпятъ голодъ и холодъ. Козаки, кромѣ того, непривычны ходить на королевскую службу на судахъ и считаютъ раздѣленіе козацкаго войска не въ обычаяхъ козаковъ.

Мы имѣемъ извѣстіе что отказъ реестровыхъ козаковъ принять участіе въ шведскомъ походѣ не былъ дѣломъ одного только Дорошенка. Вопросъ былъ рѣшенъ, какъ сообщаетъ московскій вѣстникъ Гладкій, со словъ митрополита, на козацкой радѣ въ Каневѣ. Въ основу отказа легли соображенія, высказанныя Дорошенкомъ. Проф. Грушевскій находитъ неяснымъ, участвовали ли какіе-нибудь отряды козаковъ въ шведскую войну? Извѣстія, дѣйствительно, противорѣчивы. Но свѣдѣнія, собранныя Ст. Рудницкимъ и Н. В. Молчановскимъ въ его предисловіи къ части третьей тома шестого „архива юго-западной Россіи“, не даютъ основаній отрицать самый фактъ участія казаковъ въ Пруссіи въ шведскую войну. Надо полагать, это были казаки-выписчики. Они, вѣроятно, были набраны послѣ отказа реестровыхъ козаковъ принять участіе въ походѣ.

Несмотря на нѣкоторыя тренія, отношенія между реестровыми козаками и польскимъ правительствомъ оставались въ первые годы послѣ куруковскаго договора вполнѣ лояльными. Козаки были заняты, почти исключительно, дѣлами татарскими и турецкими. Согласно куруковскому договору, козаки слѣдили за движеніемъ татаръ и доносили польскому правительству о татарскихъ набѣгахъ. Гетманъ Дорошенко старался также предупреждать своеволія выписчиковъ и ихъ походы и нападенія на турецкія и татарскія земли. Въ 1626 году, когда гетманъ Конецпольскій съ войскомъ ушелъ изъ Украины въ Пруссію для борьбы со Швеціей, громадная татарская орда двинулась на Украину, прошла въ Кіевщину и стремилась вторгнуться на Волынь.

На Украинѣ въ то время вмѣсто Конецпольскаго региментаремъ, или начальникомъ казенныхъ войскъ, оставался хорунжій брацлавскій Стефанъ Хмелецкій. Хмелецкій успѣлъ вовремя двинуться на встрѣчу татарамъ. У него было всего три тысячи войска, но ему на помощь привелъ шесть тысячъ козаковъ Доро- Стефанъ Хмелецкій.

шенко. Подъ Бѣлой Церковью Хмелецкій и Дорошенко напали на татарскій кошъ. Татары были разбиты. Въ своемъ донесеніи королю Хмелецкій отмѣчалъ отвагу и мужество казаковъ.

Хмелецкій, несомнѣнно, выдавался среди польскихъ пограничныхъ администраторовъ. Свою службу онъ началъ въ милиціи князей Острожскихъ, принималъ участіе въ молдавскомъ походѣ Жолкевскаго, но удачно вышелъ изъ опаснаго положенія послѣ цецорской битвы и возвратился на Подолію. Въ 1621 году Хмелецкій перешелъ на службу къ кіевскому воеводѣ Фомѣ Замойскому и охранялъ его брацлавскія имѣнія. Подъ конецъ своей жизни въ 1629 году Хмелецкій, по ходатайству Замойскаго, былъ возведенъ въ санъ кіевскаго воеводы, мѣсто котораго оставалось вакантнымъ послѣ смерти князя Александра Заславскаго. Умеръ Хмелецкій въ 1630 году. Современники рисуютъ его, какъ человѣка, очень симпатичными чертами. Это даетъ основаніе и Ст. Рудницкому назвать Хмелецкаго „однимъ изъ наисимпатичнѣйшихъ лицъ въ польской исторіи вообще“ и однимъ изъ самыхъ значительныхъ рыцарей-пограничниковъ.

У козаковъ Хмелецкій, повидимому, также пользовался извѣстнымъ вліяніемъ. Благодаря ему, правительству удавалось не разъ избѣгать треній съ козаками.

Вскорѣ послѣ неудачнаго похода татаръ на Украину, турецкое правительство задумало построить на низовьяхъ Днѣпра нѣсколько замковъ. Главною цѣлью постройки было, надо полагать, стремленіе преградить путь казакамъ для походовъ на Черное море. Естественно, поэтому, что планъ турокъ вызвалъ сильное волненіе среди козаковъ.

Походъ гетмана Дорошенка въ Крымъ.

На нѣкоторое время Хмелецкому удалось удержать казаковъ отъ похода. Но весной 1628 года Дорошенко двинулся на Запорожье. Цѣлью похода выставлялось желаніе прекратить своевольство и походы запорожцевъ на море. На самомъ же дѣлѣ, имѣлось въ

виду разорить турецкія крѣпости и не допускать ихъ строить вновь. Козаки затѣмъ увлеклись, вмѣшались въ крымскія внутреннія междоусобія, въ борьбу претендента на ханскій престолъ Шагинъ-гирея съ мурзой Кантемиромъ. Они дошли до Бахчисарая и здѣсь вступили въ битву съ Кантемиромъ. Кантемиръ былъ разбитъ. Но и козаки понесли большія потери. Въ битвѣ этой палъ гетманъ Дорошенко и старый Олиферъ Голубъ, бывшій когда-то гетманомъ. Олиферъ также принималъ участіе въ походѣ. Ст. Рудницкій считаетъ его начальникомъ выписчиковъ. Выписчики, по его мнѣнію, также принимали участіе въ походѣ наряду съ реестровыми козаками. Проф. Грушевскій не видитъ, однако, достаточныхъ основаній для того, чтобы предположить участіе казаковъ-выписчиковъ въ крымскомъ походѣ Дорошенка.

Преемники Дорошенка.

На мѣсто Дорошенка гетманомъ былъ выбранъ какой-то Мойрженица (Moirženica). Его имя, несомнѣнно, испорчено и неподлинное.

Козаки, послѣ выбора гетмана, преслѣдовали Кантемира до Кафы (Феодосіи). Ихъ завлекъ туда деньгами Шагинъ-гирей. Кантемиръ былъ въ конецъ разбитъ. Его спасло только появленіе турецкой эскадры и турецкаго войска. Козаки принуждены были отступить. Имъ удалось довольно благополучно дойти до Запорожья. Здѣсь гетманъ, избранный на мѣсто Дорошенка, былъ свергнутъ. Онъ былъ обвиненъ въ утайкѣ казаковыхъ денегъ. Его судили и, по приговору суда, утопили.

При выборѣ новаго гетмана среди реестровыхъ казаковъ произошелъ расколъ. Образовалось двѣ партіи. Одна изъ нихъ, болѣе лойяльная, высказывалась противъ морскихъ походовъ и нарушенія условій съ польскимъ правительствомъ. Она выставляла кандидатомъ въ гетманы Грицька (Григорія) Саввича Чернаго въ Черкассъ. Другая партія, мечтавшая о походахъ въ Черное море, выдвигала кандидатуру какого-то Му-

сія. Побѣдила первая партія. Гетманомъ былъ избранъ Грицько Черный. Черный принялъ гетманство только подъ условіемъ, что козаки не пойдутъ на море.

Въ 1628 году козаки, подъ начальствомъ Грицька Чернаго, и съ согласія польскаго правительства, предприняли второй походъ въ Крымъ. Между козаками не было, однако, согласія. Часть козаковъ была враждебно настроена къ Грицьку Черному и въ походъ не пошла. Это повліяло на результаты похода. Походъ окончился ничѣмъ. Конечно, неудача похода не могла не отразиться на положеніи Грицька Чернаго. Вліяніе его упало. Былъ ли онъ свергнутъ или оставался гетманомъ—вопросъ неясный. Ст. Рудницкій считаетъ, что Грицько Черный оставался гетманомъ реестровыхъ козаковъ. Онъ принужденъ былъ только оставить Запорожье и уйти оттуда вмѣстѣ съ реестровыми козаками. На его мѣсто козаками-выписчиками, оставшимися на Запорожьѣ, былъ избранъ Иванъ Михайловичъ Сулима. По мнѣнію Ст. Рудницкаго, Сулима являлся первымъ гетманомъ послѣ куруковскаго договора, который былъ избранъ отдѣльно выписчиками. Съ этого времени до переяславскаго соглашенія 1630 г. было нѣсколько такихъ гетманомъ. Выписчики объединяются теперь съ особымъ гетманомъ во главѣ и рѣзче начинаютъ выступаютъ противъ реестроваго казачества и правительства. Проф. Грушевскій напротивъ, считаетъ, что Черный былъ устраненъ отъ гетманства реестровыми казаками и на его мѣсто именно былъ выбранъ Сулима. Сулима являлся, такимъ образомъ, гетманомъ реестровыхъ казаковъ, а не выписчиковъ. Правда, при этомъ былъ нарушенъ куруковскій договоръ, такъ какъ въ лицѣ Чернаго былъ свергнутъ утвержденный королемъ гетманъ. Козаки, однако, не имѣли въ виду вызывать конфликъ съ правительствомъ. Мнѣніе Ст. Рудницкаго представляется болѣе соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Иначе трудно объяснить дальнѣйшее появленіе Грицька Чернаго въ ряду съ другими гетманами.

Смѣна гетмановъ наканунѣ конфликта козаковъ съ правительствомъ въ 1630 году происходила довольно часто и прослѣдить ее не представляется возможнымъ, вслѣдствіе недостатка свѣдѣній. Не всѣ гетманы извѣстны по именамъ. Какъ долго, напримѣръ, былъ гетманомъ Сулима, мы не знаемъ. Реляція бѣлоцерковскаго подстаросты, писанная въ маѣ 1629 года, говоритъ о гибели какого-то гетмана во время походовъ козаковъ въ Крымъ. Она же говоритъ о выборѣ двухъ неудачныхъ гетмановъ: Тараса и Черняты. Подъ послѣднимъ нужно, вѣроятно, разумѣть вторичное избраніе Грицька Чернаго. Послѣ неудачнаго третьяго крымскаго похода гетманъ Тарасъ Федоровичъ былъ лишенъ гетманства. Въ іюлѣ 1629 года мы встрѣчаемъ уже гетманомъ Леона Ивановича. Онъ, нужно думать, былъ гетманомъ выписчиковъ. Гетманомъ же реестровыхъ казаковъ являлся, попрежнему, Грицько Черный. Грицько былъ гетманомъ на „волости", тогда какъ Леонъ Ивановичъ—на Запорожьѣ. Между ними существовалъ антагонизмъ, который выражался въ бумажной полемикѣ. Запорожцы не хотѣли признавать Чернаго гетманомъ. По ихъ мнѣнію, гетманъ долженъ быть не „поданъ имъ королемъ, а избранъ войскомъ при артиллеріи и другихъ клейнотахъ". Проф. Жуковичъ полагаетъ даже, что Грицько Черный не владѣлъ войсковыми клейнотами и не вступалъ въ командованіе артиллеріей.

На сколько свѣдѣнія наши о событіяхъ этого времени недостаточны, можно судить по тому, что Косторовъ, а за нимъ и Ст. Рудницкій приписываютъ гетману Тарасу, такія дѣйствія, которыя документы точно относятъ къ гетману Леону Ивановичу. Ст. Рудницкій, напримѣръ, утверждаетъ, что дипломатическая переписка съ осени 1629 года до конца зимы 1629—30 года происходила между Тарасомъ и Чернымъ, тогда какъ извѣстно, что письмо къ Черному отъ 1 декабря 1629 г. подписано гетманомъ Леономъ Ивановичемъ. Тарасъ,

такимъ образомъ, могъ быть избранъ гетманомъ только послѣ этого времени. Это избраніе, очевидно, было эп-ричнымъ. Поэтому, гетманство Тараса не было непрерывнымъ, какъ, повидимому, думаютъ Костомаровъ и Ст. Рудницкій.

Причины возстанія козаковъ въ 1630 г.

Дипломатическая полемика между гетманами не нашла личнаго только характера. Она являлась результатомъ общаго антагонизма между реестровыми и нереестровыми козаками. Антагонизмъ этотъ, постепенно усиливаясь, вылился, въ концѣ концовъ, въ открытую вражду и привелъ къ конфликту и къ войнѣ 1630 года. Въ войну эту вмѣшалось и польское правительство.

Болѣе раніе ученые и Костомаровъ видѣли въ въ войнѣ, преимущественно, столкновеніе козаковъ съ поляками изъ-за религіозныхъ мотивовъ. Религіозныя дѣла они считали главнѣйшею причиною войны 1630 года. П. А. Кулішъ ушелъ въ другую крайность. Онъ совершенно отрицалъ участіе козаковъ въ религіозныхъ дѣлахъ, а если и допускалъ это участіе, то видѣлъ въ немъ только постороннее вліяніе. Мнѣніе Куліша усвоилъ и В. О. Ключевскій. Новѣйшіе изслѣдователи (Ст. Рудницкій, проф. П. Н. Жуковичъ, проф. Грушевскій) въ числѣ причинъ войны 1630 г. придаютъ большое значеніе религіознымъ дѣламъ. Но далеко не единственное.

Конфликтъ первоначально, начался не между козаками, какъ православными, и поляками, какъ католиками, а между реестровыми и нереестровыми козаками. Немедленно же онъ и усложнился, когда реестровые козаки нашли поддержку у Конецпольскаго. Выдвинутый религіозный вопросъ и наложилъ свой отпечатокъ на войну 1630 г. Проф. Жуковичъ правильно замѣчаетъ, что причина конфликта 1630 г. коренится не въ одной только междоусобицѣ двухъ казацкихъ гетмановъ. В основѣ его лежали болѣе глубокія причины соціально-политическія и даже національно-политическія. Это хорошо сознавало и само польское правительство, когда говорило, что козаки подстрекнули почти всю Украину къ измѣнѣ.

Въ числѣ причинъ, подготовившихъ и вызвавшихъ войну, современные намъ историки указываютъ на послѣдствія куруковскаго договора. Договоръ создалъ враждебныя отношенія между реестровымъ и нереестровымъ козачествомъ. Немалую роль сыграла и политика польскаго правительства. Политика эта чуждалась коренныхъ реформъ, ограничивалась компромиссами и допускала на каждомъ шагу попустительство и отступленіе отъ ранѣе принятыхъ мѣръ. Наемъ козаковъ на службу въ шведскую войну, допущеніе правительствомъ походовъ козаковъ въ Крымъ способствовали росту реестроваго козачества и дѣлали, конечно, не только затруднительнымъ, но и не возможнымъ составленіе дальнѣйшихъ реестровъ въ духѣ куруковскаго договора. По офиціальному донесенію Хмелецкаго, въ маѣ 1629 г. на Запорожьѣ собралось до 40 тыс. козаковъ или около того, если цифру сорокъ тысячъ считать преувеличенной.

Ближайшія событія, предшествовавшія войнѣ, представляются, насколько ихъ можно установить по даннымъ свѣдѣніямъ, въ такомъ видѣ. *Наканунѣ возстанія козаковъ.*

Въ концѣ 1629 года закончилась шведская война. Договоромъ 26 ноября этого года было установлено перемиріе на шесть лѣтъ. Выписчики, бывшіе въ шведской войнѣ, возвратились на Украину и, не зачисленные въ реестръ, увеличивали и безъ того многочисленный горючій элементъ на Украинѣ. Вмѣстѣ съ выписчиками возвратилось на Украину и коронное войско. Съ нимъ и гетманъ Конецпольскій. Войско было поставлено на квартиры на Украинѣ. Своими грабежами и жестокостями, обычными у солдатъ того времени, жолнѣры довели населеніе до большого раздраженія. Смерть Хмелецкаго и возвращеніе на Украину Конецпольскаго, видѣвшаго единственное средство борьбы съ козачествомъ въ репрессіяхъ, не могли, въ свою очередь, не способствовать созданію на Украинѣ настроенія, благопріятнаго для возстанія.

Съ возвращеніемъ Конецпольскаго гетманъ реестровыхъ козаковъ Грицько Черный рѣшительно сталъ на строго лойяльную позицію относительно польскаго правительства. Съ этой точки зрѣнія Черный началъ предъявлять къ нереестровому козачеству требованія о повиновеніи. Отвѣтъ гетмана нереестровыхъ козаковъ Леона Ивановича его не удовлетворилъ. Поводомъ къ дальнѣйшему столкновенію Грицька Чернаго съ нереестровыми козаками послужила присылка жалованья козакамъ. Для того, чтобы раздать его, необходимо было опредѣлить контингентъ козаковъ. Въ этихъ, очевидно, видахъ Черный, съ согласія Конецпольскаго, рѣшилъ пересмотрѣть и дополнить реестръ. Мѣра эта должна была снова поднять вопросъ о возвращеніи выписчиковъ въ прежнее, т. е. крѣпостное состояніе. Пересмотръ реестра былъ начатъ въ первой половинѣ января 1630 года. Пересмотръ очень раздражилъ запорожцевъ и выписчиковъ. Нужно думать, что въ связи съ этимъ произошла и перемѣна гетмана на Запорожьѣ. Вмѣсто уступчиваго Леона Ивановича былъ избранъ Тарасъ Федоровичъ. Онъ уже былъ разъ гетманомъ. Говорятъ, Тараса прозывали Трясиломъ. Ст. Рудницкій считаетъ это прозвище, однако, апокрифическимъ.

Черный потребовалъ отъ Тараса явиться съ артиллеріей изъ Запорожья на волость. Тарасъ изъявилъ было согласіе. Высланный имъ въ срединѣ марта того года отрядъ запорожцевъ схватилъ, однако, Чернаго и привезъ къ Тарасу. Чернаго осудили, и четвертовали. Ему сначала отрубили руки, затѣмъ голову. Мотивы приговора надъ Чернымъ намъ неизвѣстны. Вѣроятно, соперничество двухъ гетмановъ сыграло при этомъ не послѣднюю роль. Впослѣдствіи молва примѣшала религіозные мотивы. Говорили, будто бы Черный принялъ унію, поклялся полякамъ искоренить православную вѣру и даже козацкое имя. Слухи эти, далекіе, вѣроятно, отъ дѣйствительности, могли возникнуть, конечно, на почвѣ тогдашнихъ религіозныхъ отноше-

Религіозные мотивы возстанія.

То было время, когда шелъ вопросъ о соглашеніи между православными и уніатами. По этому поводу собралось нѣсколько соборовъ. Въ народѣ шло волненіе.

Широкимъ массамъ попытки соглашенія съ уніатами представлялись измѣной православной церкви. Такой взглядъ находилъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что одинъ изъ главныхъ проповѣдниковъ идеи соглашенія Мелетій Смотрицкій перешелъ въ унію.

По словамъ самого Мелетія Смотрицкаго, соборъ въ августѣ 1628 года, на которомъ рѣшали вопросъ о сочиненіи Смотрицкаго „Аполлогія“ (см. выше стр. 83—84), вызвалъ въ Кіевѣ большое возбужденіе. До Смотрицкаго доходили угрозы, ругательства. Козаки угрожали убить Смотрицкаго, если будетъ доказано его уніатство. Козакъ Соленикъ, встрѣтившій Смотрицкаго, прочелъ ему цѣлую проповѣдь и заявилъ, что церковную святыню козаки добыли кровью не только своею, но и тѣхъ, кто отступитъ отъ православной церкви. Козакъ Соленикъ вообще, повидимому, игралъ активную роль въ возбужденіи народномъ. На другой день послѣ встрѣчи съ Смотрицкимъ, Соленикъ снова былъ въ церкви, гдѣ засѣдалъ соборъ. На требованіе Іова Борецкаго удалиться, въ виду тайныхъ совѣщаній собора, Соленикъ отвѣтилъ угрозами: „достанется и Павлу и Савлу“.

На Кіевскомъ соборѣ 1629 года козаки также играли активную роль. Соборъ этотъ былъ исключительно православный. Онъ являлся предварительнымъ и игралъ подготовительную роль къ львовскому собору 1629 года, на которомъ долженъ былъ рѣшиться вопросъ о примиреніи православныхъ съ уніатами. По составу своему, кіевскій соборъ былъ духовно-іерархическимъ по преимуществу. Изъ мірянъ на немъ присутствовали представители братствъ, и нѣсколько шляхтичей и два представителя запорожскаго козачества. Козаки имѣли намѣреніе въ большомъ числѣ проникнуть на соборъ Вопросъ идетъ о вѣрѣ—говорятъ они; за нее мы ум-

ремъ. Королевскому комиссару Адаму Киселю пришлось вступить съ козаками въ переговоры и согласиться на участіе въ соборѣ запорожскихъ пословъ. Послѣ этого послы сами удалили толпившихся козаковъ изъ засѣданія собора. Но отъ этого, по мнѣнію проф. Жуковича, интересъ козаковъ и вообще населенія Кіева къ собору не уменьшился. Число козаковъ, стекавшихся къ, мѣсту собора все увеличивалась. Соборъ пришлось перенести въ николаевскій пустынскій монастырь. Но и туда козаки и мѣщане присылали пословъ справляться о томъ, что происходитъ на соборѣ. Состояніе населенія во время собора было на столько напряженнымъ, что одинъ изъ козаковъ пригрозилъ однажды митрополиту и кіево-печерскому архимандриту кровавой расправой.

Такое настроеніе и такой интересъ къ религіознымъ дѣламъ, естественно, составляли благопріятную почву для всевозможныхъ преувеличенныхъ слуховъ о готовящихся со всѣхъ сторонъ замыслахъ противъ православной вѣры. Мы уже видѣли, какіе слухи возникли въ связи съ казнью гетмана Чернаго. Усиленно говорили также, что Конецпольскій снова явился на Украину, чтобы уничтожить православную вѣру и ввести унію.

Откуда рождались эти легенды? Польскіе источники приписываютъ ихъ кіево-печерскому митрополиту Петру Могилѣ. Ст. Рудницкій находитъ это невѣроятнымъ. Онъ думаетъ, что легенда, вѣроятнѣе всего, исходила отъ Іова Борецкаго. Врядъ ли вообще можно опредѣлить первоначальный источникъ легендъ. Гдѣ, у кого и въ какой формѣ онѣ зародились—нельзя узнать. Но въ той формѣ, какъ они занесены въ печатные источники, легенды эти являлись уже народнымъ достояніемъ и широко, повидимому, были распространены въ народныхъ массахъ.

Почва для возстанія народныхъ массъ была подготовлена. Достаточно было только по какому-нибудь

поводу начать его. Вотъ почему раздоры между реестровыми и нереестровыми козаками въ 1630 года выросли въ широкое народное движенie съ религiозно-соцiальнымъ характеромъ.

Этотъ характеръ движенiя обозначился уже съ самого начала возстанiя. Еще не было извѣстно объ убiйствѣ гетмана Грицька Чернаго, а уже въ Путивлѣ шелъ разговоръ о томъ, что козаки думаютъ выгнать поляковъ изъ Кiева и другихъ городовъ. Проф. Жуковичъ приводитъ два разновременныхъ свидѣтельства, которые отмѣчаютъ нацiонально-религiозный характеръ въ козацкомъ движенiи 1630 года. Это, во-первыхъ, свидѣтельство гетмана Конецпольскаго въ извѣстной рѣчи его на сеймѣ 1631 года и заявленiе турецкихъ дипломатовъ польскому послу въ Константинополѣ Пясочинскому, что борьба Польши съ козаками въ 1630 года происходила „изъ-за измѣны королю и изъ-за вѣры".

Роль духовенства въ возстанiи.

Какую роль въ возстанiи 1630 года играло православное духовенство?

Польскiе источники утверждаютъ, что козаковъ взбунтовалъ печерскiй архимандритъ Петръ Могила. Это мнѣнiе, однако, очень далеко отъ истины, какъ выяснили новѣйшiе историки Кулишъ, Ст. Рудницкiй, проф. П. Н. Жуковичъ, проф. Грушевскiй. Прямое участiе духовенства въ возстанiи козаковъ 1630 года врядъ ли возможно доказать. Но моральное содѣйствiе духовенства возстанiю сыграло въ событiяхъ 1630 года важную роль. Конецпольскiй въ своей рѣчи указывалъ на то, что въ среду козачества проникали письма нѣкоторыхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Лица эти указывали на притѣсненiя православной вѣры и уговаривали народъ постоять за нее. Подобнымъ письмамъ Конецпольскiй приписывалъ большое значенiе въ дѣлѣ возбужденiя населенiя къ возстанiю. „Эти подговоры, говорилъ коронный гетманъ, раздражали чернь и всю Украину, привели въ движенiе все такъ, что никто изъ

тамошней шляхты не чувствовалъ себя безопаснымъ въ своемъ домѣ". Что духовныя и свѣтскія лица, дѣйствительно, способствовали возбужденію народныхъ массъ на религіозной почвѣ, объ этомъ есть свидѣтельство и съ козацкой стороны. Пріемникъ гетмана Тараса Антонъ Конашевичъ Бутъ во время переговоровъ о заключеніи переяславскаго договора въ своемъ отвѣтѣ Конецпольскому не отрицалъ разсылки козаками универсаловъ, возбуждающихъ къ защитѣ вѣры. При этомъ Бутъ прибавлялъ, что извѣстія о преслѣдованіи и поруганіи православной церкви козакамъ сообщили „нѣкоторые духовные и свѣтскіе люди".

Какія собственно духовныя и свѣтскія лица дѣйствовали въ этомъ направленіи, опредѣлить нельзя за неимѣніемъ данныхъ. Возбуждающія къ борьбѣ за вѣру увѣщанія и письма соотвѣтствовали и характеру митрополита Іова и характеру Исаи Копинскаго. Но считать ихъ активными дѣятелями въ этомъ отношеніи, нѣтъ основаній. Объ нихъ не говорятъ источники. Нужно думать, если бы такія высокія лица были причастны къ возбужденію козаковъ, объ этомъ зналъ бы Конецпольскій. Онъ, конечно, не преминулъ бы упомянуть объ нихъ въ своей рѣчи на сеймѣ 1631 г. Главными распространителями возбуждающихъ слуховъ, какъ полагаетъ Кулішъ, было сельское духовенство и, въ особенности, монахи. Ихъ всегда много бродило по Украинѣ.

Начало возстанія. Ходъ событій послѣ казни Грицька Чернаго представляется, въ общихъ чертахъ, въ слѣдующемъ видѣ. Реестровые козаки, напуганные казнью гетмана, поспѣшили въ м. Корсунь (кіев. губ.) подъ защиту коронного войска, которое тамъ квартировало. Коронное войско было захвачено событіями врасплохъ. Когда запорожцы подошли къ Корсуню, перевѣсъ былъ, очевидно, на ихъ сторонѣ. Начался бой. Во время боя часть реестровыхъ козаковъ покинула коронное войско и перешла на сторону запорожцевъ. Но часть реестро-

ныхъ все же осталась съ поляками. Корсунскіе мѣщане также выступили противъ короннаго войска. Оно принуждено было спасаться и отступило. Козаки не преслѣдовали польскихъ солдатъ, а занялись грабежами. Возстаніе было начато. Козаки обратились къ гетману Конецпольскому съ предложеніемъ условій, за которыхъ они готовы были помириться. Козаки предлагали не ставить имъ въ вину казни Грицька Черного, но казнить, какъ предателей, тѣхъ козаковъ, которые остались при коронномъ войскѣ. Козаки просили также отмѣнить куруковскій договоръ.

Конецпольскій, конечно, не могъ принять этихъ условій. Онъ вообще былъ сильно раздраженъ внезапностью и неожиданностью всего происшедшаго. Двинувшись съ короннымъ войскомъ изъ Бара (подольской губ. могилевскаго уѣзда), Конецпольскій обратился за помощью къ шляхтѣ. Онъ приглашалъ тѣхъ шляхтичей, которыхъ событія касались ближе всего и которые испытали уже своеволіе хлопства, спѣшить воможно скорѣе, чтобы потушить пожаръ кровью этого хлопства.

Очевидно, возстаніе не ограничивалось только казаками. Возстаніе охватывало и болѣе широкія массы мѣщанства и крестьянства. Они увеличивали число возставшихъ. Мы знаемъ уже, что корсунскіе мѣщане пристали къ козакамъ. Самъ Конецпольскій говорилъ, что среди возставшихъ было „не мало непокорныхъ людей, сманенныхъ изъ ихъ домовъ, отъ хозяевъ и работъ". Землевладѣльцы даже отдаленной Галичины жаловались осенью 1630 года на бѣгство ихъ крѣпостныхъ на Украину, гдѣ происходило возстаніе. Нельзя сомнѣваться что корсунскихъ мѣщанъ и крѣпостныхъ крестьянъ двигали къ возстанію въ 1630 году, какъ и раньше, тѣ общія соціально-религіозныя причины, о которыхъ шла рѣчь выше. Именно ихъ безправное положеніе съ одной стороны, а съ другой — слухи объ опасности, грозившей православной вѣрѣ.

По словамъ источниковъ, Конецпольскій на первыхъ порахъ хотѣлъ, погасить возстаніе суровыми мѣрами. Кулішъ относится къ этому съ недовѣріемъ. Но доказательствъ, которыя опровергли бы извѣстія источниковъ, у Куліша нѣтъ. Суровыя мѣры, граничащія съ безпощадностью, вполнѣ соотвѣтствовали и нравамъ вѣка, и тѣмъ взглядамъ, которые раздѣлялъ Конецпольскій и его партія относительно усмиренія козаковъ.

Самуилъ Лащъ.

Противъ козаковъ Конецпольскій послалъ Самуила Лаща, короннаго стражника. Есть извѣстіе львовской лѣтописи, что Лащъ въ самый первый день Пасхи вырѣзалъ населеніе мѣстечка Лысянки (звенигор. уѣзда кіевской губ.), а солдаты его убивали по дорогѣ людей совершенно неповинныхъ въ возстаніи, лишь бы они только были русинами.

Въ этихъ жестокостяхъ, связанныхъ съ именемъ Самуила Лаща, нѣтъ ничего невѣроятнаго. Благодаря только жестокостямъ и пренебреженію къ закону, къ общественному и государственному порядку, имя Лаща и сохранилось въ исторіи. Ничѣмъ другимъ онъ не замѣчателенъ и не выдѣлялся. Покойный польскій историкъ-бытописатель Ролле, писавшій подъ псевдонимомъ Antoni I., собралъ въ своемъ повѣствованіи о Самуилѣ Лащѣ много матеріала для его характеристики. Если признать вслѣдъ за проф. М. Є. Грушевскимъ, что „позднѣйшіе преданія и анекдоты разукрасили фигуру Лаща различными полулегендарными подробностями“, то все-же достаточно показаній современниковъ Лаща и сохранившихся о немъ судебныхъ дѣлъ, хотя бы напечатанныхъ только въ „архивѣ юго-западной Россіи“, чтобы составить о Лащѣ довольно вѣрное представленіе. По словамъ мемуариста XVII в. Іоакима Ерлича, надъ Лащемъ тяготѣло 236 приговоровъ къ банниціи, 38—къ инфаміи за различныя преступленія. Несмотря на это, онъ продолжалъ наѣзжать на шляхетскія имѣнія и грабить ихъ, насиловалъ жен-

щинъ, убивалъ людей, рѣзалъ у нихъ носы, уши. Что же удивительнаго, что такой человѣкъ могъ вырѣзать и Лысянку и убивать всякаго, попадавшагося ему на встрѣчу, русина?

Нужно, впрочемъ, сказать, что король Сигизмундъ III на этотъ разъ почему-то считалъ нежелательнымъ примѣненіе въ широкой степени, къ козакамъ, жестокихъ репрессій. Король въ письмѣ своемъ къ Конецпольскому совѣтовалъ проявить суровость только по отношенію къ коноводамъ возстанія. Другіе козаки, по мнѣнію короля, могли пригодиться еще на службу государству.

Борьба Конецпольскаго съ козаками.

Конецпольскій не сразу могъ двинуться для усмиренія козаковъ. Разставленное на Украинѣ коронное войско было слишкомъ разбросано. Собрать его сразу нельзя было. Для этого потребовалось нѣкоторое время. Въ концѣ концовъ, у Конецпольскаго набралось достаточно войска. Къ нему подошла украинская шляхта со своими отрядами, кн. Юр. Збаражскій. Наконецъ, въ отрядѣ Конецпольскаго оказалась и часть реестровыхъ казаковъ, не приставшихъ къ возстанію.

О возстаніи 1630 года и о прекращеніи его сохранилось мало извѣстій. Извѣстія притомъ очень скудны. Мы не знаемъ, напр., какимъ образомъ возставшіе очутились на лѣвомъ берегу Днѣпра, и почему они сосредоточили свои силы у Переяслава (полтавской губ.)?

Конецпольскій въ своей рѣчи на сеймѣ 1631 года указывалъ на ходившіе слухи, будто бы козаки хотѣли отдаться подъ власть Москвы, и, поэтому, ушли за Днѣпръ. Но свѣдѣній о переговорахъ въ этомъ направленіи нѣтъ въ московскихъ источникахъ. Во время осады Конецпольскимъ Переяслава тамъ случайно очутился путивлецъ Гладкій. Гладкій былъ посланъ изъ Путивля въ Кіевъ. Пріѣхать туда, однако, не могъ. Дороги были уже заняты польскимъ войскомъ. Гладкій, въ сопровожденіи брата митрополита Іова Андрея Борецкаго, отправился, поэтому, въ Переяславъ къ ко-

закамъ. Онъ провелъ съ ними все время осады, три недѣли, и, тѣмъ не менѣе, ни слова не говоритъ о намѣреніи козаковъ отдаться подъ власть Москвы. Проф. Грушевскій предполагаетъ у возставшихъ намѣреніе войти въ сношеніе съ донскими казаками и поднять все Заднѣпровье, какъ было позже, при Богданѣ Хмельницкомъ. Предположеніе это не находитъ прочной опоры въ источникахъ.

Конецпольскій съ большими трудностями переправился черезъ Днѣпръ и въ началѣ мая 1630 года подступилъ къ Переяславу. Соотношеніе силъ противниковъ, судя по свидѣтельству путивльца Гладкаго, было таково. Конецпольскій располагалъ восемью тысячами польскихъ и нѣмецкихъ людей и реестровыхъ козаковъ („черкассъ лучшихъ“, какъ выражается Гладкій), приставшихъ къ нему; возставшіе же—тридцатью семью тысячами человѣкъ. Борьба подъ Переяславомъ, по словамъ Гладкаго, продолжалась три недѣли. О характерѣ этой борьбы трудно судить, по недостатку свѣдѣній. Свѣдѣнія къ тому же очень противорѣчивы. Проф. Жуковичъ, очень внимательно сопоставившій всѣ извѣстія, приходитъ къ заключенію, что „польское войско не одержало надъ козаками такъ называемой рѣшительной побѣды“. Мало того. Въ виду внутренняго замѣшательства въ войскѣ, Конецпольскій принужденъ былъ прекратить войну на ея срединѣ. Проф. Жуковичъ, поэтому, не находитъ возможнымъ „принимать за чистую монету слова переяславскаго договора о неоднократныхъ слезныхъ просьбахъ козаковъ къ Конецпольскому о помилованіи“. Ст. Рудницкій и проф. Грушевскій отмѣчаютъ упорство борьбы подъ Переяславомъ. Борьба велась съ перемѣннымъ счастьемъ. Кулішъ убѣжденно говоритъ что Конецпольскій побѣдилъ казаковъ и диктовалъ имъ условія, какъ побѣдитель. Костомаровъ, проф. Жуковичъ, проф. Грушевскій находятъ, что, въ концѣ кон-

ковъ, Конецпольскій потерпѣлъ неудачу. Успѣхъ оказался на сторонѣ козаковъ. Побѣда козаковъ 22 мая стараго стиля 1630 года, и привела къ заключенію переяславскаго договора. Конецпольскій при переговорахъ не могъ, такимъ образомъ, диктовать условій, какъ побѣдитель.

Побѣду козаковъ подъ Переяславомъ впослѣдствіи изукрасилъ авторъ „Исторія Руссовъ", назвавъ ее „Тарасовою ночью". На основаніи его разсказа, битву эту воспѣлъ и Т. Г. Шевченко въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. За это на автора „Исторіи Руссовъ" и на Шевченка съ особой рѣзкостью обрушился въ своихъ статьяхъ „украинскіе козаки и паны", Кулішъ, какъ убѣжденный защитникъ поляковъ и Конецпольскаго.

Переговоры о мирѣ.

Когда и при какихъ условіяхъ начались мирные переговоры между Конецпольскимъ и козаками, неизвѣстно. Сохранившіеся документы, касающіеся переговоровъ и напечатанные Иваномъ Крипякевичемъ въ восьмомъ томѣ „жерелъ до історії України—Руси", изданныхъ „науковим товариством імени Шевченка", относятся только къ послѣдней стадіи переговоровъ. Благодаря этому, многое въ ходѣ переговоровъ остается неяснымъ. Переговоры въ послѣдней стадіи со стороны козаковъ велъ уже не гетманъ Тарасъ Федоровичъ, вождь возстанія, а новый гетманъ Антонъ Ковашевичъ Бутъ. Когда и по какому поводу произошла эта смѣна гетмановъ, также неизвѣстно. Проф. Жуковичъ и проф. Грушевскій допускаютъ, что смѣна произошла во время переговоровъ и являлась уступкой со стороны козаковъ коронному гетману и Польшѣ. При переговорахъ шла рѣчь о гетманѣ Тарасѣ, какъ главномъ виновникѣ возстанія. Поэтому, онъ и былъ устраненъ. Но, конечно, гетманъ Тарасъ могъ быть устраненъ и по другому поводу, напримѣръ, вслѣдствіе какихъ-нибудь военныхъ неудачъ. Источники молчатъ объ этомъ.

Кто первый началъ переговоры, Конецпольскій или козаки? Ответить на этотъ вопросъ съ увѣренностью нельзя. Въ дошедшихъ до насъ документахъ имѣется декларація Конецпольскаго къ козакамъ подъ названіемъ „способъ успокоенія гнѣва его кор. милости за вины войска запорожскаго" и отвѣтъ козаковъ на эту декларацію. Но это еще не значитъ, что иниціатива переговоровъ исходила отъ Конецпольскаго, какъ думаетъ проф. Грушевскій. Переговоры велись и раньше. Въ козацкомъ отвѣтѣ упоминаются переговоры черезъ Ганнибала и Байбузу. Проф. Жуковичъ относитъ эти переговоры еще до выхода козаковъ изъ Запорожья. Но основательнѣе, переговоры эти относить ко времени раньше битвы 22 мая, значитъ, къ срединѣ мая. Такъ, повидимому, полагаетъ и проф. Грушевскій. При такихъ неопредѣленныхъ данныхъ, вопросъ о началѣ переговоровъ и объ иниціативѣ ихъ долженъ пока оставаться открытымъ.

Переяславскій договоръ 1630 года. Отъ кого бы ни исходила иниціатива переговоровъ, извѣстные намъ документы, относящіеся къ нимъ, указываютъ на умѣренность требованій Конецпольскаго съ одной стороны и на извѣстную настойчивость со стороны козаковъ съ другой. Уступки были сдѣланы съ обоихъ сторонъ. Договоръ въ окончательной формѣ былъ заключенъ 8 іюня 1630 года и напечатанъ Кулишемъ въ первомъ томѣ „матеріаловъ для исторіи возсоединенія Руси" подъ заглавіемъ „pacta St. Koniecpolskiego z kozaki zaporoskimi".

Въ существенныхъ своихъ чертахъ переяславскій договоръ 8 іюня 1630 года заключался въ слѣдующемъ. Козаки признавали себя виновными въ возстаніи, раскаивались и просили прощенія во всемъ происшедшемъ. Бывшій гетманъ Тарасъ Федоровичъ, считавшійся главнымъ зачинщикомъ возстанія, былъ оставленъ на порукахъ у войска впредь до рѣшенія его судьбы королемъ. Куруковскій договоръ, во всѣхъ своихъ частяхъ, сохранялся въ силѣ. Козаки обѣщали нака-

ихъ тѣхъ, которые ушли въ море, несмотря на запрещеніе старшихъ, выдать предводителей ихъ и сжечь лодки. Подъ присягой, подъ страхомъ смерти, они обѣщали также относиться съ уваженіемъ и жить въ согласіи съ реестровыми козаками, оставшимися во время возстанія вѣрными королю и Речи Посполитой. Исключенные изъ реестра за непослушаніе козаки снова принимались въ реестръ. Не записанные въ реестръ не должны приставать къ войску, а обязаны были разойтись по домамъ. Имъ была обѣщана безопасность. Старшимъ вмѣсто Бута коронный гетманъ утвердилъ Тимоша Михайловича. Извѣстный уже намъ путивлецъ Гладкій называетъ новаго старшаго каневскимъ жителемъ и именуетъ его Тимохою Арандаренко.

Послѣ заключенія договора запорожское войско принесло особую присягу, внесенную въ самый договоръ. Войско клялось соблюдать его, а также не заключать договоровъ съ иноземными государствами безъ воли короля. Подобную же присягу принесъ и новый старшій. Между прочимъ, онъ обѣщалъ не пускать на Запорожье людей, не состоявшихъ на королевской службѣ, и не дозволять выписчикамъ собираться въ отряды.

Договоръ былъ написанъ въ двухъ экземплярахъ. Одинъ изъ нихъ былъ подписанъ Конецпольскимъ и переданъ козакамъ. Другой, отъ имени новаго старшаго, подписали Иванъ Бачинскій, Михайло Мишковскій и войсковой писарь. Его получилъ Конецпольскій. Для сохранности договоръ былъ вписанъ въ акты коронной метрики[1]) и кіевскаго гродскаго суда[2]).

---

[1]) *Метрика литовская и коронная*—государственный архивъ вел. княж. литовскаго и королевства польскаго. Въ книги метрики литовской записывались акты, издававшіеся отъ имени вел. князя литовскаго; въ книги метрики коронной—акты и грамоты, издававшіеся отъ имени короля польскаго (*С. Л. Пташицкій*. Описаніе книгъ и документовъ литов. метрики 1887 и „Вѣст. Евр." 1887 г. № 12).

[2]) Въ первой половинѣ XIV ст. въ Польшѣ судебная власть была раздѣлена между судами *гродскими* и *земскими*. Дѣленіе это

Конецпольскій былъ недоволенъ договоромъ. Объ этомъ онъ самъ заявилъ въ рѣчи на сеймѣ 1631 года. Ему не удалось примѣнить къ казакамъ репрессіи. Въ сущности, козачество возвращалось къ положенію въ какомъ оно находилось послѣ куруковскаго договора. Упорство борьбы козачества и отсутствіе у Конецпольскаго рѣшительной побѣды надъ козаками имѣли слѣдствіемъ то, что козаки не понесли никакого наказанія за возстаніе. Не былъ наказанъ даже гетманъ Тарасъ Федоровичъ, считавшійся главнымъ зачинщикомъ возстанія. Утвержденіе прежнихъ историковъ Соловьева и Костомарова, объ его выдачѣ и даже казни оказывается невѣрнымъ.

Новѣйшіе изслѣдователи, проф. Жуковичъ и проф. Грушевскій, видятъ въ переяславскомъ договорѣ извѣстную побѣду козаковъ. „Казачество говоритъ, проф. Грушевскій, отстояло себя и вышло изъ кампаніи съ сознаніемъ побѣды“. Проф. Жуковичъ держится мнѣнія, что переяславскій договоръ написанъ по шаб-

---

перешло послѣ люблинской уніи и въ Литву. Гродскіе суды были органами государственными, находились подъ предсѣдательствомъ старостъ. Земскіе суды являлись органами шляхетскаго самоуправленія и состояли изъ судей, избиравшихся шляхтой. Они засѣдали нерегулярно. Компетенція гродскихъ и земскихъ судовъ не была строго разграничена и постоянно смѣшивалась. Гродскій судъ мало-по-малу вытѣснилъ земскій. Съ половины XVII в. бывали случаи, когда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земскіе суды совсѣмъ не дѣйствовали. Отсюда понятна важность, которую пріобрѣтали гродскіе суды. При судахъ существовали книги (acta), куда сначала вписывались только судебныя рѣшенія. Но затѣмъ выработался обычай записывать въ судебные книги всѣ вообще документы, могущіе имѣть значеніе (условія, договоры, обязательства, жалованныя грамоты и т. д.). Такимъ путемъ сохранялось содержаніе документовъ. Въ виду постоянныхъ засѣданій гродскихъ судовъ и важности, которую они пріобрѣли съ теченіемъ времени, документы записывались преимущественно въ книгѣ гродскихъ судовъ, (*Ст. Кутшеба* Очеркъ исторіи государственнаго и общественнаго строя Польши (рус. пер.) *О. И. Левицкій*. Объактовыхъ книгахъ, относящихся къ исторіи юго-западнаго края и Малороссіи въ „трудахъ XI археологич. съѣзда въ Кіевѣ“).

ону. Онъ, поэтому, „не совсѣмъ точно отразилъ на себѣ реальную наличность польско-козацкихъ отношеній того момента".

По мнѣнію обоихъ изслѣдователей, подъ Переяславомъ козакамъ были сдѣланы гораздо болѣе значительныя уступки, чѣмъ тѣ, о которыхъ говорится въ договорѣ. Уступки не носили, однако, формальнаго характера. Сдѣланы онѣ были исключительно въ интересахъ выписчиковъ. Выписчики и составляли главную массу возставшихъ. Реестровые козаки, какъ извѣстно, не всѣ даже и пристали къ возстанію.

Въ числѣ уступокъ указывается на отказъ правительства отъ фактическаго пересмотра реестра. Отказъ, впрочемъ, могъ быть обусловленъ и случайными обстоятельствами момента. Зато несомнѣнной уступкой было признаніе факта увеличенія числа реестровыхъ козаковъ съ шести до восьми тысячъ. Объ этомъ увеличеніи говорятъ современныя свидѣтельства. Увеличеніе было, очевидно, самовольнымъ. Оно оформлено никогда не было. Послѣ заключенія переяславскаго договора козацкіе послы, правда, ходатайствовали объ увеличеніи реестра съ 6 до 8 тысячъ. Формальнаго разрѣшенія, однако, не послѣдовало. Въ 1632 году король Сигизмундъ III сдѣлалъ даже упрекъ за самовольное увеличеніе реестра. Но, въ виду политическихъ соображеній, вызванныхъ предстоявшей тогда войной съ Москвой, увеличеніе не было отмѣнено. Оно, во всякомъ случаѣ, считалось временнымъ. Только на сеймѣ 1635 года, послѣ московской войны, вопросъ объ увеличеніи контингента реестровыхъ козаковъ получилъ, наконецъ, оффиціальное разрѣшеніе. Число реестровыхъ козаковъ было опредѣлено въ семь тысячъ. Увеличеніе реестра.

Уступкой козакамъ послѣ переяславскаго договора проф. Жуковичъ считаетъ также право козаковъ выбирать себѣ гетмана. Старшина при этомъ обязалась не выбирать гетмана безъ согласія всего войска, sine universae plebis consensu — по выраженію одного изъ Выборъ гетмана

современниковъ - поляковъ. Но, повидимому, въ этомъ отношеніи, никакихъ уступокъ не произошло. Право выбора кандидатовъ въ гетманы признано было еще по куруковскому договору. Оставалось оно въ силѣ и теперь. Гетманъ, какъ и раньше, утверждался польскимъ правительствомъ. Все, такимъ образомъ, осталось попрежнему. Если о чемъ и можно говорить послѣ переяславскаго договора, то только объ установленіи извѣстнаго порядка выборовъ. Судя по письму шляхтича Ратовскаго къ князю Вишневецкому, для выбора гетмана установлялся двухстепенный порядокъ. Избиралось по двѣнадцать выборщиковъ отъ реестровыхъ козаковъ и отъ тѣхъ, которые „присягнули", т. е., должно быть, отъ незаписанныхъ еще въ реестры. Эти выборщики должны были избрать кандидата въ гетманы. Кандидатъ затѣмъ утверждался Конецпольскимъ, какъ гетманомъ коронныхъ. Обычно старшаго избирала старшина вмѣстѣ со старыми козаками. Инженеръ Бопланъ, знавшій и наблюдавшій козаковъ въ 1630-хъ годахъ, говоритъ объ избраніи гетмана слѣдующее: „послѣ того какъ соберутся всѣ старые полковники и старики, которые пользуются уваженіемъ у козаковъ, каждый подаетъ голосъ въ пользу того, котораго онъ считаетъ наиболѣе способнымъ, и получившій большинство считается избраннымъ". Вѣроятно, предоставленіе рядовымъ козакамъ права избирать выборщиковъ и послужило основой для мнѣнія другого поляка-современника объ избраніи гетмана „съ общаго согласія черни". Былъ ли, однако, этотъ порядокъ установленъ на одинъ разъ при выборѣ Арандаренка, или же онъ практиковался и позже, трудно составить по источникамъ правильное заключеніе. Первое предположеніе болѣе вѣроятно.

Арандаренко оставался гетманомъ до средины 1631 года. Въ этомъ году онъ былъ лишенъ гетманства и замѣненъ Иваномъ Кулагой-Петражицкимъ. О выборахъ Кулаги мы не знаемъ. Сохранился универ

салъ короля Сигизмунда III отъ 22 сентября 1632 г. Въ немъ говорится, что король „назначаетъ и даетъ“ Кулагу въ гетманы. Проф. Грушевскій видитъ въ этомъ игнорированіе права избранія старшаго войскомъ. Но, вѣроятно, Кулага былъ также избранъ и затѣмъ утвержденъ королемъ. Универсалъ короля нельзя понимать буквально. Универсалъ написанъ по шаблону. Объ отмѣнѣ избранія старшаго говоритъ конституція варшавскаго сейма 1638 года. Значитъ, до тѣхъ поръ избраніе старшаго существовало.

Значеніе переяславскаго договора.

Костомаровъ предполагаетъ, что возстаніе 1630 г. не имѣло вліянія на судьбу реестровыхъ козаковъ, такъ какъ оно явилось преимущественно дѣломъ выписчиковъ.

И въ самомъ дѣлѣ. Куруковскій договоръ, отмѣна котораго выставлялась какъ главная цѣль возстанія, былъ сохраненъ. О религіозныхъ дѣлахъ въ переяславскомъ договорѣ не говорилось ни слова, хотя о нихъ шла рѣчь во время переговоровъ. Уступки козакамъ, включая и увеличеніе числа ихъ, не были оффиціальными. Онѣ могли быть, поэтому, всегда оспариваемы, сокращаемы и даже взяты обратно. При такихъ условіяхъ, побѣда козаковъ во время переяславскихъ переговоровъ является очень сомнительной.

Основы юридическихъ отношеній козаковъ къ Речи Посполитой оставались прежними, какъ онѣ были оформлены куруковскимъ договоромъ. Реальное же осуществленіе и сохраненіе уступокъ, сдѣланныхъ не формально, всецѣло зависѣло отъ силы козачества, отъ благопріятныхъ политическихъ условій, которыя заставили бы польское правительство не раздражать козаковъ, а поддерживать съ ними миролюбивыя отношенія.

Переяславскій договоръ не успокоилъ козаковъ. Слѣды возбужденія чувствовались еще долго послѣ него.

Замѣна старшаго Антона Конашевича Бута Арандаренкомъ не прошла безслѣдно. Антонъ Бутъ не за-

хотѣлъ повиноваться Арандаренку и съ десятью тысячами козаковъ ушелъ на Запорожье. Самъ Арандаренко, поддавшись, вѣроятно, возбужденному настроенію, царившему среди козаковъ, велъ себя довольно независимо. Конецпольскій прислалъ ему въ подарокъ богатую одежду и булаву. Арандаренко принялъ ихъ не иначе, какъ съ согласія войска, и войско благодарило за эти дары. Зато когда Арандаренко выдалъ Конецпольскому пушки, взятыя подъ Переяславомъ, войско сильно возмутилось этимъ. Арандаренку пришлось оправдываться. Мы имѣемъ свѣдѣнія о томъ, что на козацкихъ радахъ того времени покорности среди козаковъ не замѣчалось. Шли рѣчи объ увеличеніи жалованья, о свободѣ вѣры, о козацкихъ вольностяхъ. Слухи о желаніи поляковъ истребить православную вѣру не утихали. Существовала опасность новаго козацкаго возстанія. Поговаривали также о возможности большихъ крестьянскихъ волненій. Козаки не прекращали походовъ на Черное море. Въ 1630 и 1631 годахъ имѣются свѣдѣнія объ нихъ.

Перемѣна на митрополичьемъ престолѣ. 12 марта 1631 г. умеръ митрополитъ Іовъ Борецкій. До конца дней своихъ онъ не былъ признанъ въ своемъ санѣ польскимъ правительствомъ. Король Сигизмундъ III опасался, чтобы на мѣсто Борецкаго „не былъ посаженъ козаками какой-либо несуразный человѣкъ и бунтовщикъ, который бы потомъ возбуждалъ ихъ противъ католиковъ и уніатовъ".

Опасенія короля отчасти сбылись. Лѣтомъ 1631 г. на мѣсто Іова былъ избранъ Исая Копинскій, бывшій смоленскій и черниговскій архіепископъ.

Исая Копинскій былъ рѣшительный врагъ уніи и всякихъ соглашеній съ уніатами. Копинскій являлся также представителемъ тѣхъ враждебныхъ Польшѣ сепаратистическихъ стремленій, которыя возникли подъ вліяніемъ религіозной борьбы и имѣли цѣлью подданство Москвѣ. Новый митрополитъ продолжалъ опираться на запорожское козачество. Сторонникъ Петра

Могилы Филофей Кизаневичъ не захотѣлъ уступить Копинскому кіево-михайловскаго монастыря. Монастырь, между тѣмъ, былъ резиденціею кіевскаго православнаго митрополита со времени Борецкаго. Копинскій обратился за помощью къ козакамъ. 10 декабря 1631 года полковникъ Демьянъ Гарбузъ явился съ козаками въ монастырь и силою выпроводилъ оттуда Кизаневича. Когда архимандритъ кіево-печерскій Петръ Могила основалъ при печерскомъ монастырѣ отдѣльную школу въ противовѣсъ школѣ кіево-богоявленскаго братства (см. выше стр. 88—89), въ народѣ началось сильное волненіе. Противъ печерской школы дѣйствовали совмѣстно митрополитъ Исая Копинскій, запорожское козачество и кіево-богоявленское братство, въ которомъ также довольно видную роль играли козаки. Объ этомъ мы заключаемъ изъ универсала козацкаго гетмана Ивана Петражицкаго-Кулаги отъ 12 марта 1632 года. Могила принужденъ былъ уступить и соединить свою школу съ братской. Народная молва приписывала Исаи Копинскому роль единственнаго защитника православной вѣры. Про Петра Могилу новгородсѣверскіе монахи разсказывали, что онъ поддается ляхамъ и враждебно относится къ козакамъ.

Въ интересахъ польскаго правительства было разорвать связь кіевской митрополіи съ козачествомъ. Устраненіе Копинскаго и замѣна его Петромъ Могилой входило, поэтому, въ расчеты правительства. Помимо другихъ обстоятельствъ, этимъ также объясняется поспѣшное избраніе Петра Могилы митрополитомъ въ 1633 году и быстрое утвержденіе его въ этомъ санѣ (см. выше стр. 104—105).

Почти одновременно съ перемѣной на митрополичьемъ престолѣ, произошла смѣна старшаго у козаковъ. Лѣтомъ 1631 г. Арандаренко былъ лишенъ гетманства. За что—неизвѣстно. Его замѣнили Иваномъ Петражицкимъ-Кулагой. Избраніе Кулаги было, какъ мы уже знаемъ, подтверждено королемъ 22 сентября 1631 года. Гетманъ Петражицкій-Кулага.

О новомъ гетманѣ мало извѣстно. Проф. М. С. Грушевскій называетъ его „представителемъ солидныхъ круговъ“, „талантливымъ и умнымъ политикомъ и администраторомъ“. Источники, однако, не даютъ достаточно матеріала для такой опредѣленной характеристики.

Въ королевской грамотѣ отъ 22 сентября 1631 г., подтвердавшей избраніе Петражицкаго-Кулаги, новому гетману ставилось въ непремѣнную обязанность сохранять должную вѣрность и послушаніе королю, предупреждать всякія своеволія и не допускать нарушенія спокойствія какъ со стороны сосѣдей, такъ и войска запорожскаго. Петражицкій-Кулага, повидимому, старался свято соблюдать свою обязанность.

Попытка Швеціи завязать сношенія съ козаками.

Вскорѣ послѣ утвержденія его гетманомъ шведскій король Густавъ Адольфъ сдѣлалъ попытку завязать сношенія съ козаками. Тогда шла тридцатилѣтняя война. Помимо религіозныхъ причинъ, лежавшихъ въ основѣ войны, у Польши и Швеціи была еще вражда династическая, изъ-за шведскаго престола, а также соперничество на почвѣ экономическаго обладанія Балтійскимъ моремъ.

Козачество еще въ серединѣ XVI в. стало втягиваться въ международныя отношенія.

До начала XVII ст. иноземныя связи и столкновенія козачества ограничивались только ближайшими сосѣдями: Крымомъ, Молдавіей, Трансильваніей, Турціей и Австріей. Въ сношеніяхъ съ ними видны уже зачатки самостоятельной политики козачества. Политика козаковъ, по вѣрному замѣчанію Н. В. Молчановскаго, не имѣла опредѣленнаго плана. Она колебалась, мѣнялась въ подробностяхъ и стояла въ зависимости отъ различія интересовъ разрозненнаго и неоднороднаго, по своему составу, козачества.

Во время тридцатилѣтней войны католическая партія стремилась воспользоваться козаками въ своихъ интересахъ. Есть извѣстіе, что Валленштейнъ просилъ

у польскаго короля десять тысячъ козаковъ. Какой былъ результатъ этой просьбы, неизвѣстно. Ив. Крипякевичъ обращаетъ вниманіе на то, что у козаковъ въ 1633 и 1638 г. были пушки съ именами императоровъ Фердинанда и Рудольфа II. Это обстоятельство, нужно думать, указываетъ на участіе козаковъ въ тридцатилѣтней войнѣ.

Первое соприкосновеніе козаковъ со шведами имѣло мѣсто въ 1601 году, во время похода въ Ливонію Самойла Кошки (см. выше стр. 247—249). Борьба съ Польшей въ Ливоніи (1617—1620) и въ западной Пруссіи (1626—1629) обратила вниманіе шведскаго короля Густава Адольфа на значеніе казаковъ, какъ военной силы. Густавъ Адольфъ называлъ козаковъ „непріятельскими дьяволами“. Враждебныя Польшѣ государства Швеція и Трансильванія рѣшили войти съ козаками въ болѣе тѣсныя сношенія. Главною ихъ цѣлью было поднять возстаніе козаковъ противъ Польши.

Мы имѣемъ свѣдѣнія о переговорахъ съ козаками трансильванскаго воеводы Бетлена Габора въ 1622 и въ 1629 годахъ. Неизвѣстно только, къ чему эти переговоры привели.

Густавъ Адольфъ задумалъ завязать сношенія съ козаками въ 1626 году. Для этого онъ хотѣлъ воспользоваться какимъ-то Александромъ Любимомъ Рубцовымъ, одиннадцать лѣтъ просидѣвшимъ въ крѣпости за православную вѣру. Рубцовъ, съ вѣдома шведскаго короля, пріѣхалъ въ Москву. Московское правительство, однако, не пустило его къ козакамъ.

Попытки поднять козаковъ дѣлались и другими путями. Такое порученіе было дано Филиппу Содлеру, когда онъ въ томъ же 1626 году отправился, въ качествѣ шведскаго посла, въ Константинополь. Бетленъ Габоръ думалъ вызвать возстаніе черезъ посредство константинопольскаго патріарха Кирилла. Габоръ разсчитывалъ, что патріархъ окажетъ воздѣйствіе, въ этомъ отношеніи, на козаковъ, въ виду преслѣдованія

въ Польшѣ православныхъ. Когда умеръ въ 1629 году Бетленъ Габоръ, переговоры съ патріархомъ продолжалъ Густавъ Адольфъ.

Для шведскаго короля важно было использовать козаковъ и въ другомъ отношеніи. Ожидалась смерть короля польскаго Сигизмунда III. Предстояли выборы ему преемника. Густавъ Адольфъ имѣлъ въ виду выставить свою кандитатуру. Чтобы подготовить для этого почву, въ Польшу былъ посланъ рижскій комендантъ Яковъ Руссель.

Руссель имѣлъ также порученіе войти въ сношеніе козаками. Съ этой цѣлью онъ послалъ въ Москву агентовъ Петра Л'Адмирала и Якова-де-Грена и просилъ московское правительство пропустить ихъ къ козакамъ. Шведскіе агенты должны были объявить козакамъ о расположеніи къ нимъ шведскаго короля, указать на преслѣдованіе православной вѣры въ Польшѣ и обѣщать козакамъ большее жалованье, сравнительно съ тѣмъ, какое даетъ имъ польскій король. Считая козаковъ друзьями вѣры и вольностей, шведскій король не требовалъ отъ нихъ ничего, кромѣ преданности, и приглашалъ прислать уполномоченныхъ въ Ливонію для переговоровъ. Агенты имѣли порученіе добиться содѣйствія козаковъ при избраніи польскимъ королемъ Густава Адольфа, а также высылки козацкаго отряда въ австрійскія земли на помощь шведамъ.

На этотъ разъ московское правительство согласилось пропустить агентовъ. Для Москвы было выгодно возстаніе козаковъ. Истекало деулинское перемиріе, въ Москвѣ ожидали войны съ Польшей.

Въ проводники шведскимъ агентамъ былъ данъ толмачъ Ягановъ и извѣстный уже намъ путивлецъ Гладкій. Изъ донесенія Гладкаго мы и имѣемъ главныя свѣдѣнія объ этомъ посольствѣ.

Московское правительство не разсчитывало на реестровыхъ козаковъ и ихъ гетмана Арандаренка. Они состояли на службѣ польскаго правительства. Москов-

ское правительство хотѣло дѣйствовать на козаковъ-выписчиковвъ, группировавшихся на Запорожьѣ. Посредниками при сношеніяхъ съ запорожцами могли служить духовенство и лица, находившіяся въ сношеніяхъ съ Москвой. Поэтому Гладкому было поручено отвезти шведскихъ агентовъ къ луцкому епископу Исаакію Борисковичу, не разъ бывавшему въ Москвѣ, и къ братьямъ митрополита Іова Борецкаго. Къ реестровымъ же козакамъ Гладкому прямо-таки было запрещено направлять шведскихъ агентовъ.

Случилось, однако, не такъ, какъ предполагали въ Москвѣ. Никого изъ намѣченныхъ лицъ Гладкій не засталъ въ Кіевѣ. Наказа, какъ дѣйствовать въ такомъ случаѣ, у него, повидимому, не было. Шведскіе агенты были предоставлены, поэтому, самимъ себѣ и попали прямо къ реестровымъ козакамъ. Изъ Кіева какой-то монастырскій служка довезъ ихъ Днѣпромъ до Канева, и 16 сентября 1631 года агенты прибыли въ гетманскую ставку. Гетманомъ въ то время былъ уже Петражицкій-Кулага, замѣнившій собой Арапенка.

По куруковскому договору, козакамъ запрещалось вести самостоятельные переговоры съ иноземными государствами. Реестровые козаки встрѣтили, поэтому, шведскихъ агентовъ довольно недружелюбно и едва не утопили ихъ. Кулага извѣстилъ объ ихъ прибытіи Конецпольскаго и, по его требованію, переслалъ къ нему шведскихъ агентовъ. Конецпольскій переправилъ агентовъ въ Варшаву. Оттуда ихъ отпустили въ Швецію. Казнены агенты не были.

Шведское посольство къ козакамъ, такимъ образомъ, окончилось неудачей. Оно достигло даже противоположныхъ результатовъ. Владиславъ хорошо учелъ, при своемъ избраніи, намѣреніе шведскаго короля. Путемъ широкихъ обѣщаній и незначительныхъ уступокъ, Владиславъ пріобрѣлъ на свою сторону козаковъ и диссидентовъ. Они поддерживали кандидатуру Влади-

Результаты шведскаго посольства къ козакамъ

слава на польскій престолъ и впослѣдствіи посылали свои отряды на помощь польскому королю для борьбы съ Швеціей и Москвой.

Интересы избранія на престолъ послѣ смерти отца заставляли королевича Владислава быть особенно внимательнымъ къ козакамъ. Такое отношеніе онъ обнаружилъ еще въ 1630 году, во время перваго посольства козаковъ къ королю послѣ заключенія переяславскаго договора. Посольство состоялось послѣ козацкой рады, собранной въ Черкассахъ. На радѣ присутствовалъ и митрополитъ Іовъ Борецкій. Подъ его вліяніемъ, надо полагать, казацкимъ посламъ къ королю было дано порученіе просить объ обезпеченіи свободы православной вѣры и церкви. Козацкіе послы, кромѣ того, просили объ увеличеніи числа реестровыхъ козаковъ, объ увеличеніи жалованья и о своихъ вольностяхъ. Король принялъ пословъ сухо, уклончиво. Но Владиславъ угощалъ ихъ, относился предупредительно и допускалъ даже рѣзкіе отзывы о Конецпольскомъ за его враждебное отношеніе къ козачеству.

Козацкій вопросъ на сеймахъ 1631-1632 годовъ.

Конецпольскій, мы знаемъ, былъ недоволенъ исходомъ переяславской кампаніи. Онъ указывалъ на интриги православнаго духовенства и видѣлъ въ козачествѣ соціально-политическую опасность для государства. По замѣчанію проф. Жуковича, Конецпольскій не только на самое возстаніе 1630 года „смотрѣлъ, какъ на православно-національное движеніе, но и всѣ послѣдующія явленія внутренней жизни запорожскаго козачества расположенъ былъ разсматривать съ той же религіозно-политической точки зрѣнія". Другіе польскіе дѣятели не раздѣляли взглядовъ Конецпольскаго.

Единства взглядовъ на козацкій вопросъ у польскаго правительства, такимъ образомъ, не было. Это отражалось, конечно, на постановкѣ козацкаго вопроса на ближайшихъ сеймахъ. Послѣ возстанія 1630 года козацкій вопросъ пріобрѣлъ еще болѣе сложный и трудный характеръ. Козаки не были побѣждены. Съ ихъ интересами приходилось, поневолѣ, считаться.

Ближайшій сеймъ, на которомъ обсуждался козацкій вопросъ, происходилъ въ Варшавѣ въ 1631 г. Ко времени сейма въ Варшаву прибыли и козацкіе послы. Уже на предвыборныхъ сеймикахъ ясно обозначилось, что вопросъ на сеймѣ сведется въ сущности къ обсужденію разнаго рода палліативовъ. На сеймѣ 1631 г. по козацкому вопросу высказывались разныя лица. Большинство мнѣній склонялось въ сторону репрессій. Въ запорожскихъ козакахъ видѣли большую внѣшнюю и внутреннюю опасность для польскаго государства. Были, впрочемъ, мнѣнія и о необходимости осторожнаго отношенія къ козакамъ. Иначе, опасались, можно вызвать кровопролитную крестьянскую войну. Конецпольскій исходилъ изъ извѣстной уже намъ его точки зрѣнія на козацкій вопросъ. Придавая большое значеніе въ козацкомъ вопросѣ религіозному элементу, Конецпольскій считалъ необходимымъ успокоить греческую религію, потому что, говорилъ онъ, подъ предлогомъ религіи къ козакамъ идетъ вся чернь.

Обсужденіе козацкаго вопроса на сеймѣ 1631 года не привело ни къ какимъ результатамъ. Дѣло ограничилось посылкой къ козакамъ грамотъ. Козаковъ убѣждали оставаться спокойными. Правительство давало обѣщаніе своевременно уплачивать имъ жалованье. Устно козакамъ передано было желаніе короля успокоить православныхъ и оставить ихъ подъ управленіемъ собственныхъ православныхъ духовныхъ властей. Успокоеніе отлагалось, однако, до ближайшаго сейма.

Сеймъ собрался въ мартѣ слѣдующаго 1632 года. Это былъ послѣдній сеймъ въ царствованіе Сигизмунда III.

Созваніе сейма было вызвано политическими обстоятельствами. Грозила опасность войны съ Москвой. Не за горами была и смерть Сигизмунда III. Здоровье короля ухудшалось. Необходимо было рѣшить рядъ вопросовъ въ связи съ возможной смертью короля. Религіознымъ вопросамъ на сеймѣ не было мѣста.

Козаки, между тѣмъ, предполагали, что на сеймѣ будутъ затронуты вопросы, отложенные съ 1631 года. Гетманъ Иванъ Петражицкій-Кулага, поэтому, отправилъ въ Варшаву ко времени сейма двухъ козацкихъ пословъ. Посламъ вручена была инструкція, а также грамота для передачи королю. На первое мѣсто козаки выдвигали религіозно-церковный вопросъ. Они указывали на обѣщаніе короля успокоить греческую религію. Далѣе шли просьбы объ увеличеніи реестра съ шести до восьми тысячъ. Фактически существовавшее увеличеніе не было еще оформлено. Просили также козаки объ увеличенія жалованья, объ отпускѣ денегъ на содержаніе артиллеріи (гарматы) и т. д. Къ своимъ просьбамъ козаки присоединяли обѣщаніе обуздывать своеволіе на Запорожьѣ и не допускать походовъ на Черное море.

На грамоту козаковъ король отвѣтилъ письменно въ довольно сдержанныхъ выраженіяхъ. Онъ обѣщалъ разобраться въ обидахъ, нанесенныхъ православнымъ, выражалъ неудовольствіе за самовольное увеличеніе козаками реестра, хотя и не отмѣнялъ его, хвалилъ козаковъ за желаніе оставаться вѣрными; вопросъ объ увеличеніи жалованья, о деньгахъ на артиллерію откладывалъ до будущаго сейма.

Сдержанный тонъ королевскаго отвѣта объясняется просто. Всю тяжесть предстоявшей войны съ Москвою, какъ вѣрно указываетъ проф. Жуковичъ, предполагалось взвалить на запорожское козачество. Оттого, надо полагать, не было отмѣнено и самовольное увеличеніе козаками реестра.

Король Сигизмундъ III умеръ 20 апрѣля (стар. ст.) 1632 года. Въ его лицѣ сошелъ вѣрный ученикъ и поклонникъ іезуитовъ. Въ царствованіе Сигизмунда III завязался тотъ религіозный узелъ, унія 1596 года, который вызвалъ такую ожесточенную борьбу въ Рѣчи Посполитой. Въ борьбѣ противъ православія и протестантизма королю всегда принадлежала видная роль

хорошо сознавали современники. Еще въ 1623 году, ти за десять лѣтъ до смерти Сигизмунда III, извѣстный защитникъ православной вѣры Лаврентій Древинскій полагалъ: пока живъ король, православные ничего не добудутъ. Православные должны, поэтому, употребить всѣ усилія, чтобы достигнуть своихъ стремленій во время безкоролевья.

Безкоролевье.

Безкоролевье наступило.

Сигизмундъ III еще за нѣсколько лѣтъ до своей смерти старался обезпечить избраніе въ польскіе короли за своимъ сыномъ Владиславомъ. Но все-таки, при избраніи, королевичу Владиславу приходилось считаться съ политическими обстоятельствами того момента. Этимъ объясняется его уступчивость.

На польскую корону претендовалъ, какъ мы знаемъ, шведскій король Густавъ Адольфъ. Густавъ Адольфъ сталъ во главѣ протестантской коалиціи во время тридцатилѣтней войны. Онъ дѣлалъ попытку завязать сношенія съ козаками и съ протестантами въ Польшѣ. Если бы Густаву Адольфу удалось войти съ ними въ соглашеніе, онъ могъ бы разсчитывать на поддержку всѣхъ диссидентовъ, т. е. некатоликовъ, какъ протестантовъ, такъ и православныхъ. Владиславу нужно было не допустить этого. Поэтому Владиславъ принужденъ былъ дѣлать уступки диссидентамъ, чтобы пріобрѣсти ихъ на свою сторону.

Уступчивость Владислава православнымъ имѣла еще и другія основанія. Владиславъ разсчитывалъ на московскій престолъ. По деулинскому перемирію, онъ не отказался отъ своихъ правъ на него. Разъ Владиславъ хотѣлъ занять престолъ въ государствѣ, гдѣ господствовала православная вѣра, онъ не могъ выступать, подобно своему отцу, ея гонителемъ. Приходилось не дѣйствовать рѣзко и противъ козачества. Козаки принимали близкое участіе въ борьбѣ за права православія. Они являлись реальной силой, на которую опирались православные, въ особенности, православное

духовенство въ своихъ домогательствахъ. Ихъ домогательства усиливались, по мѣрѣ уступчивости Владислава. Какъ бы слѣдуя предсказанію Лаврентія Древинскаго, православные пользовались безкоролевьемъ и сильнѣе налегали на правительство со своими требованіями. На этотъ разъ, какъ увидимъ, имъ удалось достигнуть реальныхъ результатовъ. Права православной церкви были признаны. Она оффиціально получила себѣ высшую іерархію.

Избраніе короля въ Польшѣ происходило на избирательномъ (элекціонномъ) сеймѣ. Ему предшествовалъ такъ наз. сеймъ конвокаціонный (см. выше стр. 100). Какъ на предшествовавшихъ ему сеймикахъ, такъ и на конвокаціонномъ сеймѣ религіозный вопросъ занималъ первенствующее мѣсто. Православные соединили всѣ свои силы, чтобы достигнуть, наконецъ, правъ для своей церкви и утвержденія владыкъ. Владыки все еще не были утверждены правительствомъ и занимали каѳедры нелегально. Для достиженія правъ церкви дѣйствовали вмѣстѣ православныя братства, шляхта, духовенство. Ихъ поддерживали козаки.

Требованія козаками права участія въ выборѣ короля.

Но у козаковъ, кромѣ того, были и свои особыя цѣли. Козаки, или скорѣй, вѣроятно, козацкая старшина, считали моментъ подходящимъ, чтобы закрѣпить и расширить козацкія права. Приравнивая себя къ „рыцарскому сословію", т. е. къ шляхтѣ, козаки ставили своей задачей добиться права участія въ избраніи короля. Если бы этого удалось достигнуть, козаки превратились бы въ особое сословіе. Какъ сословіе, они были бы введены въ политическій строй Рѣчи Посполитой.

Требованія козачества были, однако, поставлены неясно и нерѣшительно. Нерѣшительно они были и поддержаны. Поэтому домогательства козаковъ реальныхъ результатовъ не имѣли. Въ исторіи развитія политическихъ идей среди козачества они, конечно, пройти безслѣдно не могли.

До нашего времени сохранилось нѣсколько документовъ, относящихся къ посольству козаковъ на конвокаціонный и избирательный сеймы въ 1632 году. Мы имѣемъ письма старшаго козацкаго Ивана Петражицкаго-Кулаги къ князю Острожскому, къ архіепископу гнѣзненскому, къ панамъ, участникамъ сейма. Имѣемъ также и инструкціи козацкимъ депутатамъ, посланнымъ на конвокаціонный и избирательный сеймы. Въ разныхъ видахъ въ этихъ документахъ повторяется одна и та же мысль. Козаки хотятъ избранія королевича Владислава. Они стремятся къ расширенію и исправленію своихъ вольностей, къ обезпеченію правъ православнаго вѣроисповѣданія. Козацкіе послы, по инструкціи, должны были добиваться того, чтобы козачество было надѣлено вольностями, принадлежащими „людямъ рыцарскимъ", т. е. шляхтѣ.

Какое реальное содержаніе давалось этой неопредѣленной формулѣ, трудно сказать. Это новое домогательство козаковъ противорѣчило всему строю польскаго государства и всей политикѣ польскаго правительства относительно козаковъ. Оно могло быть осуществлено, конечно, только силою. Только силою можно было заставить польскую шляхту признать козаковъ равными, по правамъ, съ нею.

Ничего нѣтъ, поэтому, удивительнаго въ томъ, что домогательства козаковъ встрѣтили рѣшительный отпоръ на сеймѣ. По словамъ современниковъ-поляковъ, козаки получили довольно суровый отвѣтъ. Козакамъ было заявлено, что шляхетскій народъ выберетъ самъ себѣ короля, и что только шляхтѣ, а никому другому, будетъ принадлежать право избранія польскаго короля. По словамъ Радзивилла, сенатъ будто бы строго запретилъ на будущее время и заикаться о подобныхъ вещахъ.

Козачество терпѣливо снесло суровый отвѣтъ сейма. Можно сказать, что вмѣстѣ съ посылкой четырехъ делегатовъ на конвокаціонный сеймъ, гетманъ Петражицкій-

Кулага произвелъ большую военную демонстрацію. Онъ двинулъ козаковъ на Волынь. По слухамъ, козаковъ было до шестнадцати тысячъ. Одинъ изъ агентовъ кн. Острожскаго нѣкій Вышотравка, посланный развѣдать о козацкихъ силахъ, опредѣлялъ число козаковъ даже болѣе тридцати тысячъ. Цифра эта, вѣроятно, преувеличена. Большое число козаковъ не можетъ вызывать удивленія. Среди козаковъ Вышотравка видѣлъ много крестьянъ. Подобное явленіе было обычно въ моменты народнаго возбужденія. Крестьяне уходили отъ своихъ помѣщиковъ и приставали къ козакамъ.

На Волынь Петражицкій-Кулага передвинулъ козаковъ недаромъ. При случаѣ, онъ готовъ былъ и взяться за оружіе. Въ письмѣ своемъ къ кн. Острожскому козацкій гетманъ грозилъ, что козакамъ придется взяться за оружіе, если ихъ домогательства относительно правъ церкви потерпятъ неудачу, и выборы Владислава не состоится. Когда же козакамъ было отказано въ правѣ участія въ выборѣ короля, козаки остались спокойными. Нужно думать, поэтому, что требованіе права участія въ выборѣ короля не было еще осознано въ широкихъ массахъ козачества и, вѣроятно, было выдвинуто только козацкой старшиной. Оттого козацкая масса и отнеслась равнодушно къ отказу.

Конвокаціонный сеймъ не удовлетворилъ ни православныхъ вообще, ни козаковъ въ частности. Соглашенія между православными и уніатами не послѣдовало. Козаки также не достигли своихъ требованій. Недовольства было много. Оно обнаружилось въ промежутокъ между двумя сеймами конвокаціоннымъ и избирательнымъ. Православная шляхта протестовала на сеймахъ. Козаки собирались на рады и тамъ изливали свои сѣтованія. Свѣдѣнія о радахъ неточны. Проф. Грушевскій считаетъ ихъ даже легендарными. Но все же свѣдѣнія эти не лишены значенія. При всей своей неточности, они передаютъ настроеніе козацкой среды.

На радахъ шелъ вопросъ, главнымъ образомъ, о вѣрѣ. Передавали объ участіи будто бы въ радахъ митрополита кіевскаго Исаи Копинскаго и луцкаго епископа Исаакія Борисковича. Говорили о томъ, какъ владыки убѣждали на радахъ стоять за вѣру православную; какъ они указывали на готовность поляковъ уничтожить православіе; какъ собирались писать царю московскому съ просьбой принять ихъ подъ свою власть и не дать въ обиду православной вѣры.

Казнь гетмана Петражицкаго-Кулаги.

Есть извѣстіе, что гетманъ Петражицкій - Кулага былъ заподозрѣнъ въ склонности къ уніи. Обвиненіе явно неосновательное. Оно все же показываетъ недовольство Кулагой среди козаковъ. Проф. М. С. Грушевскій полагаетъ, что причиной недовольства могла быть осторожная политика Кулаги. Его политика привела къ неудачѣ козаковъ на конвокаціонномъ сеймѣ. Кулага былъ свергнутъ и казненъ въ Каневѣ. Послы козацкіе, посланные Кулагой на конвокаціонный сеймъ, были также казнены. На мѣсто Кулаги гетманомъ избрали малозамѣтнаго Андрея Дідченка. Вмѣстѣ съ гетманомъ козаки перемѣнили и старшину.

На избирательный сеймъ отъ запорожскаго войска были посланы, такимъ образомъ, новые послы. Ихъ было трое. Посламъ козацкое войско дало инструкцію. Инструкція сохранилась до нашего времени.

Инструкція козацкимъ посламъ на избирательный сеймъ.

Инструкція написана въ очень скромныхъ выраженіяхъ. Козаки указывали на свои заслуги предъ Рѣчью Посполитой и отмѣчали, что они не чувствуютъ огорченія за отказъ допустить ихъ, какъ членовъ государства, къ избранію короля. Козаки надѣялись, что Богъ изберетъ такого государя, который каждаго сохранитъ при правахъ, свободахъ и вольностяхъ, дошедшихъ отъ предковъ. Центръ инструкціи составлялъ религіозный вопросъ. Козацкіе послы должны добиваться, чтобы „народъ русскій“ оставался при правахъ и свободахъ, а духовные при своихъ церквахъ и имѣніяхъ, и чтобы уніаты не мѣшали православнымъ свя-

щенникамъ въ свободномъ отправленіи службъ церковныхъ. Далѣе шла рѣчь объ увеличеніи козакамъ жалованья, объ увеличеніи козацкаго реестра на двѣ тысячи человѣкъ, о мѣстѣ стоянки артиллеріи. Инструкція заканчивалась жалобой на украинскихъ пановъ, притѣснявшихъ козаковъ, которые жили въ ихъ имѣніяхъ.

Козацкая инструкція не выдвигала, такимъ образомъ, козацкаго вопроса во всей его сложности, а ограничивалась мелочами. Не былъ онъ выдвинутъ и на сеймѣ. Послы козацкіе хорошо помнили судьбу своихъ предшественниковъ, которые были казнены. Послы, поэтому, постоянно ссылались на данную имъ инструкцію и во время сейма старались строго держаться ея.

„Статьи для успокоенія русскаго народа" и ихъ значеніе въ исторіи отношеній между духовной іерархіей и козачествомъ.

На избирательномъ сеймѣ все вниманіе было сосредоточено, главнымъ образомъ, на религіозномъ вопросѣ. Но борьба православныхъ съ уніатами на этомъ сеймѣ не закончилась. Она продолжалась и на коронаціонномъ сеймѣ, собравшемся въ январѣ 1633 г. Политическія соображенія, о которыхъ была уже рѣчь выше, принудили короля Владислава занять мѣсто посредника. При его содѣйствіи, острота борьбы была смягчена и стало возможно говорить о соглашеніи. На почвѣ взаимныхъ уступокъ, хотя и не безъ упорной борьбы, были выработаны „статьи для успокоенія русскаго народа" (см. выше стр. 104). Статьи были утверждены. Православные достигли многаго. Они получили обратно рядъ храмовъ, имѣнія и добились права имѣть іерархію.

Успокоенія сразу наступить, конечно, не могло. Упорная борьба на мѣстахъ продолжалась. Православнымъ приходилось шагъ за шагомъ отвоевывать почву у уніатовъ.

Наиболѣе важной побѣдой православныхъ было офиціальное признаніе за ними права имѣть свою іерархію. Фактически, какъ извѣстно, іерархія уже существовала со времени посвященія въ митрополиты Іова Борецкаго и въ епископы ряда другихъ лицъ.

Польское правительство не признавало этихъ іерарховъ. Не признало оно ихъ и послѣ изданія пунктовъ успокоенія. Посвященные патріархомъ Феофаномъ лица не были утверждены въ своемъ званіи. Причины неутвержденія не были высказаны. Можно думать, что сыграла при этомъ роль незаконность избранія іерарховъ. Не обошлось, вѣроятно, и безъ интригъ печерскаго архимандрита Петра Могилы (см. выше стр. 104).

Могила, слѣдуя обычаю польской аристократіи, давно уже намѣтилъ себѣ высшую духовную карьеру. Къ ней онъ стремился обдуманно и систематически. Для нея Могила старался пріобрѣсть популярность. Шляхтичъ и аристократъ, по рожденію и взглядамъ, Могила не могъ разсчитывать на поддержку народныхъ массъ. Онъ зато имѣлъ большія связи въ шляхетскихъ кругахъ. Ихъ онъ и использовалъ для того, чтобы занять православный митрополичій престолъ.

Интересы Могилы совпадали съ политическими соображеніями, которыя, нужно думать, сыграли большую роль при неутвержденіи прежнихъ іерарховъ Владиславомъ IV. Наиболѣе видные изъ іерарховъ Исая Копинскій и Исакій Борисовичъ являлись представителями враждебныхъ польскому государству сепаратистическихъ стремленій въ пользу Москвы. Не въ интересахъ государственной власти было, поэтому, сохранять за ними офиціальное положеніе, которое доставляло имъ огромное вліяніе среди православныхъ народныхъ массъ. Для польскаго правительства важно было поставить во главѣ православной іерархіи лицо надежное, которое бы не могло возбуждать къ себѣ никакихъ подозрѣній относительно вѣрности Речи Посполитой. Такимъ лицомъ и былъ Петръ Могила.

На Могилу, какъ на хранителя польской государственности, въ свое время справедливо указывалъ П. А. Кулишъ. Новѣйшая попытка К. В. Харламповича, доказать политическія симпатіи Петра Могилы въ пользу Москвы

не можетъ считаться удачной. К. В. Харламповичъ на основаніи милостыни, которую выпрашивалъ у московскаго царя Петръ Могила, дѣлаетъ неправильное заключеніе о политическихъ симпатіяхъ знаменитаго кіевскаго митрополита. Характерно, что Петръ Могила, по вступленіи своемъ на митрополичій престолъ, сталъ, главнымъ образомъ, преслѣдовать священниковъ, поставленныхъ Исаею Копинскимъ, и монаховъ, т.-е. тотъ самый контингентъ, который и тянулъ къ Москвѣ.

Со времени избранія Петра Могилы митрополитомъ связь православной іерархіи съ козачествомъ прерывается. Нѣкоторые современники новаго митрополита, поляки, обвиняли Могилу въ томъ, что онъ являлся благожелателемъ козаковъ и даже ободрялъ ихъ будто бы въ 1638 году къ возстанію. Этимъ обвиненіямъ довѣрялъ и Костомаровъ. Но они не находятъ себѣ подтвержденія въ источникахъ. Обвиненія эти также голословны, какъ и обвиненія Могилы въ склонности къ уніи. Наоборотъ. Мы имѣемъ свѣдѣнія о томъ, что Могила привѣтствовалъ побѣду польскихъ войскъ надъ козаками. Какъ человѣкъ вышедшій изъ аристократическаго круга и воспитавшійся среди польской аристократіи, Могила и не могъ относиться къ козачеству иначе, какъ враждебно и отрицательно.

Но не одними только личными выгодами и симпатіями митрополита опредѣлялось разобщеніе между православной іерархіей и козачествомъ. „Успокоеніе вѣры" сыграло при этомъ также свою роль. Козачество, какъ физическая сила, оказалось болѣе ненужнымъ для православной іерархіи. На мѣсто людей неродовитыхъ, какими были іерархи, поставленные патріархомъ Феофаномъ, избраны были лица знатныя, родовитыя. Уже по одному этому они были далеки отъ интересовъ, которые преслѣдовало козачество. Какъ Петръ Могила, такъ и поставленные въ одно время съ нимъ іерархи, были врагами участія народа въ церковныхъ дѣлахъ. Мѣры Могилы были направлены, если не къ полному

уничтоженію, то къ возможно сильному сокращенію этого вліянія. Отдаленіе іерарховъ отъ козачества, при такихъ условіяхъ, было естественнымъ и послѣдовательнымъ. Нѣтъ ужъ свѣдѣній, какъ раньше, о посѣщеніи іерархами козацкихъ радъ, объ участіи въ радахъ іерарховъ. Козаки перестаютъ интересоваться религіозными дѣлами. Религіозные вопросы не играютъ теперь роли въ козацкихъ движеніяхъ. Экономическія и соціальныя требованія даютъ имъ содержаніе.

Нѣкоторое время въ отношеніяхъ между козаками и польскимъ правительствомъ царило спокойствіе.

Участіе козаковъ въ московской войнѣ 1632-1634 годовъ.

Во время избирательнаго сейма въ Польшѣ, Москва начала войну съ Речью Посполитой. Война не была неожиданностью. На деулинское перемиріе (1618 г.) Москва согласилась только подъ давленіемъ необходимости. Владиславъ не отказался отъ своихъ правъ на московскій престолъ. Польша не признавала Михаила Ѳеодоровича царемъ. Недоразумѣнія, споры и даже оскорбленія въ дипломатическихъ сношеніяхъ между Москвой и Польшей происходили постоянно. Съ окончаніемъ перемирія, войны ждали. Къ ней готовились. Нападеніе Москвы не застало, поэтому, Польшу врасплохъ. Уже въ 1631 году въ Польшѣ набирали козацкое войско для войны съ Москвой.

Ходъ войны былъ для Польши удаченъ. Объ участіи въ ней козаковъ мы имѣемъ особое изслѣдованіе Олега Целевича въ „запискахъ наукового товариства имени Шевченка“ (т. 28). Въ немъ собраны свѣдѣнія о дѣйствіяхъ отдѣльныхъ козацкихъ отрядовъ. Общее число козаковъ опредѣлить трудно, въ виду разнорѣчивости показаній и неопредѣленности свѣдѣній объ отдѣльныхъ отрядахъ. Свѣдѣнія о козацкихъ гетманахъ во время смоленской войны также сбивчивы. Извѣстія о гетманѣ Діденко, по наблюденію проф. Грушевскаго, исчезаютъ осенью 1632 года. Затѣмъ упоминаются гетманы Дорошенко и Тимохъ Арандаренко. Наряду съ ними извѣстны имена и другихъ „гетмановъ“, Лав-

ринка, Ильяша, Тараса. Весьма вѣроятно, что нѣкоторые изъ этихъ лицъ были только наказными гетманами, т.-е. замѣнявшими настоящаго гетмана. На самомъ же дѣлѣ, они являлись только подчиненными гетману начальниками отдѣльныхъ отрядовъ.

О характерѣ козацкаго войска въ смоленскую войну мы имѣемъ два противоположныхъ свидѣтельства. Очевидецъ, прусскій посолъ Вайнбергъ, описываетъ козаковъ, какъ немолодыхъ храбрыхъ людей, вооруженныхъ длинными ружьями, на подобіе шотландскихъ. Козаки были на хорошихъ лошадяхъ и жаждали боя. Ксендзъ Колудзкій, наоборотъ, изображаетъ козацкое войско въ видѣ многочисленной толпы, довольно безпорядочной. Похожи козаки были больше на сатировъ, чѣмъ на цивилизованныхъ людей. Думали козаки больше о горілкѣ, чѣмъ о жизни. По мнѣнію Колудзкаго, на козаковъ во время войны нельзя было и разсчитывать.

Козацкое войско не представляло изъ себя однородной массы и распадалось на нѣсколько отрядовъ. Отряды дѣйствовали въ разныхъ мѣстахъ, независимо одинъ отъ другого. Этимъ, очевидно, и нужно объяснить противоположность впечатлѣній двухъ очевидцевъ. Козацкіе отряды дѣйствовали въ Сѣверщинѣ и подъ Смоленскомъ. Они брали и осаждали города вмѣстѣ съ польскими войсками и грабили землю. Такъ во время осады Смоленска козаки участвовали въ разграбленіи городовъ Бѣлаго, Вязьмы, Ржева, Калуги.

Смоленская война закончилась поляновскимъ миромъ (1634 г.). Москва уступила Польшѣ всѣ тѣ города, которые были уступлены ею по деулинскому перемирію, кромѣ Серпейска; значить, Смоленскъ и Сѣверскіе города. Польшѣ было заплачено, сверхъ того, двадцать тысячъ рублей контрибуціи. За это Владиславъ отказался отъ своихъ правъ на московскій престолъ и призналъ Михаила Феодоровича царемъ московскимъ.

Во время переговоровъ о мирѣ поляки потребовали, чтобы московское правительство выплачивало

козакамъ ежегодное жалованье. Говорять, будто это было сдѣлано по настоянію козаковъ. При этомъ польскіе дипломаты ссылались на какую-то грамоту. Московскіе послы отвергли, однако, существованіе грамоты и отказались платить козакамъ. Такимъ образомъ, польскому правительству не удалось увеличить жалованье козакамъ за московскую войну, путемъ переложенія его на московское государство.

Турецкіе набѣги и постановленія сеймовой конституціи 1635 г. о козакахъ.

Польша принуждена была окончить московскую войну въ виду опасенія турецкаго нашествія. Турки и крымцы воспользовались затруднительнымъ положеніемъ Речи Посполитой и сдѣлали попытку напасть на Украину. Къ этому ихъ побуждали и московскіе дипломаты. Гетману Конецпольскому удалось удержать нашествіе турецкихъ войскъ подъ предводительствомъ правителя Бессарабіи Абаза-паши, ренегата, родомъ русина. Но отъ этого опасность новаго нашествія не исчезла. Потому-то Польша и поспѣшила заключить поляновскій миръ.

Въ числѣ причинъ своего нашествія крымцы и турки выставляли морскіе походы и нападенія на ихъ земли козаковъ, а также постройку польскимъ правительствомъ крѣпостей по берегамъ Днѣпра. Опасность турецкаго нашествія снова ставила, такимъ образомъ, на очередь вопросъ о козакахъ. Турецкое правительство, какъ и раньше, требовало ихъ истребленія.

Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, вопросъ о козакахъ занялъ замѣтное мѣсто на сеймѣ 1635 года и вызвалъ рядъ важныхъ постановленій. Постановленія эти были объединены въ четвертомъ параграфѣ конституціи сейма подъ заглавіемъ „мѣры для прекращенія морскихъ нападеній, совершаемыхъ войскомъ запорожскимъ“ (pohamowanie inkursyi od wojska zaporozskiego). Въ постановленіяхъ мы не встрѣчаемъ ничего новаго. Они являлись только повтореніемъ и возобновленіемъ мѣръ, существовавшихъ и раньше, и нѣсколько только позабытыхъ. Политика польскаго

правительства по отношенію къ козакамъ не измѣнилась.

Постановленія конституціи о прекращеніи морскихъ походовъ козаковъ начинаются съ указанія на нападеніе турокъ и на сопротивленіе, оказанное имъ гетманомъ Конецпольскимъ. Такъ какъ съ турками заключенъ миръ, то Речь Посполитая хочетъ сохранить его. Въ виду этого и сдѣланы постановленія. Козаки не должны ни на сушѣ, ни на морѣ давать повода къ разрыву мира. Въ противномъ случаѣ, они будутъ лишены правъ, вольностей и привиллегій. Старосты обязаны всячески бороться съ козацкимъ своеволіемъ, не допускать приготовленія дерева для челновъ, пороху, пуль, разныхъ припасовъ, безъ которыхъ козаки не могутъ предпринимать морскихъ походовъ. Это же должны дѣлать и городовые уряды, подъ страхомъ смерти. Они не должны допускать, чтобы молодежь уходила къ запорожцамъ. Если окажется, что ктонибудь изъ шляхтичей станетъ принимать участіе въ морскихъ походахъ козаковъ и дѣлить съ ними добычу, тотъ будетъ на сеймѣ объявленъ измѣнникомъ. Число реестровыхъ козаковъ опредѣлялось въ семь тысячъ. Для составленія новаго реестра предполагалось выслать особыхъ комиссаровъ. Мѣстомъ выплаты жалованья назначался Каневъ. Смерть грозила тому изъ реестровыхъ, кто задумалъ бы бунтовать, не повиноваться гетману или созывать черпецкую раду. Для того, чтобы наиболѣе рѣшительно препятствовать морскимъ походамъ козаковъ, предположено было, при посредствѣ инженеровъ, избрать удобное мѣсто па берегу Днѣпра, построить замокъ и содержать тамъ пѣшій и конный гарнизонъ съ полнымъ вооруженіемъ. Работы по возведенію замка предположено было произвести безъ замедленія. Для этой цѣли было ассигновано сто тысячъ золотыхъ.

Среди всѣхъ мѣропріятій новымъ являлась развѣ только постройка замка. Идея постройки не была ори-

ципальной. Польское правительство, несомнѣнно, заимствовало ее у турокъ. Мы уже упоминали, что турки еще раньше начали строить противъ козацкихъ походовъ укрѣпленныя мѣста на низовьяхъ Днѣпра.

Старыя мѣропріятія, о которыхъ говоритъ конституція 1635 года, не имѣли успѣха. Причины тѣ же, что и раньше. Численный ростъ козачества былъ явленіемъ органическимъ. Онъ зависѣлъ отъ цѣлаго ряда условій, коренившихся въ соціальномъ и политическомъ строѣ Речи Посполитой. Условія эти оставались въ полной силѣ. Ясно, что не полицейскими мѣрами можно было бороться съ ними. Морскіе походы были также результатомъ проявленія потенціальной энергіи козачества. Козачество имѣло въ своей средѣ много свободныхъ, оторванныхъ отъ мирной земледѣльческой жизни элементовъ. Морскіе походы могли быть устранены только съ измѣненіемъ условій существованія козачества.

Такимъ образомъ, историческій опытъ ничему не научилъ польское общество и правительство. Все осталось по-старому.

Постройка Кодака.

Постройка замка была начата немедленно. Уже въ іюлѣ 1635 года онъ былъ заложенъ на первомъ днѣпровскомъ порогѣ, называемомъ Кодацкимъ, или Койдацкимъ. Отсюда и самый замокъ получилъ названіе Кодакъ. Замокъ былъ построенъ на правомъ берегу Днѣпра. Здѣсь въ настоящее время находится лоцманская слобода Старые Койдаки. Въ укрѣпленномъ кодацкомъ замкѣ былъ поставленъ гарнизонъ въ двѣсти человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Маріота, родомъ француза.

Бопланъ. Его „описаніе Украины“ и географическія карты.

Строителемъ Кодака былъ французскій военный инженеръ Гильомъ Левассёръ-де-Бопланъ.

Родомъ изъ Нормандіи, Левассёръ-де-Бопланъ принадлежалъ къ типу тѣхъ авантюристовъ, которыми была полна Европа въ эпоху религіозныхъ войнъ, и которые искали себѣ счастья вдали отъ родины. Время

рожденія Боплана неизвѣстно. Нѣтъ свѣдѣній и о службѣ Боплана во французскихъ войскахъ. Думаютъ, что Бопланъ родился въ концѣ XVI ст. и служилъ на родинѣ до 1624 года. Съ этого времени начинается его скитальческая жизнь. Есть предположеніе, что Бопланъ былъ въ Индіи и на островѣ Мадагаскарѣ. Въ концѣ 1620 или въ началѣ 1630 годовъ онъ, по приглашенію польскаго правительства, прибылъ въ Польшу и занялъ мѣсто старшаго капитана артиллеріи и военнаго инженера. Бопланъ находился въ распоряженіи польскаго гетмана Конецпольскаго.- Бопланъ очень его восхваляетъ. Мѣстопребываніемъ Боплана служилъ Баръ, теперь заштатный городъ могилевскаго уѣзда, подольской губерніи.

Пріѣздъ Боплана въ Польшу совпалъ, по времени, со стремленіемъ Конецпольскаго и другихъ польскихъ магнатовъ, а также украинныхъ старость къ усиленной колонизаціи пограничной полосы Украины и къ укрѣпленію ея противъ татаръ и турокъ. За время своего пребыванія въ Польшѣ, Бопланъ, по его собственнымъ словамъ, основалъ болѣе пятидесяти значительныхъ слободъ, или колоній. Въ теченіе небольшого числа лѣтъ колоніи разрослись на столько, что образовали болѣе тысячи деревень.

Бопланъ пробылъ въ Польшѣ до начала возстанія Богдана Хмельницкаго въ 1648 году и возвратился на родину, въ Руанъ. Причина оставленія польской службы Бопланомъ неизвѣстна. Есть предположеніе, что, со смертью короля Владислава, дѣятельность Боплана при новомъ королѣ, Янѣ-Казимірѣ, не находила сочувственнаго вниманія. Бопланъ предпочелъ, поэтому, оставить Польшу.

Во время пребыванія своего на Украинѣ, Бопланъ собралъ обширный матеріалъ о странѣ, ея природѣ, жителяхъ, объ ихъ нравахъ, обычаяхъ, топографіи Украины, ея флорѣ, фаунѣ и т. д. Колонизаторская дѣятельность Боплана связана была съ постоянными

разъѣздами. Бопланъ, такимъ образомъ, многое могъ видѣть и узнать самостоятельно. Возвратившись на родину, онъ занялся обработкой собранныхъ матеріаловъ. Такъ явилось „описаніе Украины“ Боплана. Дополненіемъ къ „описанію“ служатъ составленныя Бопланомъ географическія карты.

Первое изданіе „описанія“ вышло въ свѣтъ въ 1651 году на французскомъ языкѣ. Сочиненіе сразу же обратило на себя вниманіе. Въ 1660 году появилось второе изданіе съ нѣкоторыми дополненіями. Съ того времени „описаніе Украины“ перепечатывалось нѣсколько разъ по-французски и было переведено на другіе языки, на англійскій, латинскій, нѣмецкій и польскій. По-русски имѣется три перевода: Устрялова, вышедшій въ 1832 году, Е. Н. Мельникъ-Антоновичъ— въ 1896 году и, наконецъ, проф. Вас. Г. Ляскоронскаго — въ 1901 году.

Карты Боплана издавались также нѣсколько разъ въ видѣ приложеній къ его трудамъ. Въ послѣднее время онѣ были переизданы проф. Вас. Г. Ляскоронскимъ и, въ болѣе полномъ видѣ, кіевской комиссіей для разбора древнихъ актовъ въ „матеріалахъ для исторіи русской картографіи“. Редакторъ изданія, В. А. Кордтъ, снабдилъ карты замѣчаніями библіографическаго характера. Критическаго же анализа картъ Боплана еще не сдѣлано.

Карты Боплана представляютъ собой важный историко-географическій источникъ. Не всѣ онѣ, правда, выполнены съ одинаковой тщательностью. Но генеральная карта Украины, составленная около 1648—1651 г.г., сдѣлана, въ общемъ, очень хорошо и внимательно. Особыми условными знаками отмѣчены отдѣльные виды городовъ, слободы, деревни, рѣки, долины, горы, курганы, острова, развалины, болота, источники, мельницы, броды и т. д.

Свѣдѣнія, сообщенныя о козакахъ Бопланомъ, не всегда точны. Есть ошибки. Но все же, на основаніи

Свѣдѣнія Боплана о козакахъ.

ихъ и свѣдѣній, сообщенныхъ московскими и польскими агентами, можно составить болѣе или менѣе точное представленіе о козачествѣ, его бытѣ и организаціи въ срединѣ тридцатыхъ годовъ семнадцатаго столѣтія. Основы организаціи козачества оставались тѣми же, какими мы ихъ видѣли въ концѣ XVI вѣка и въ двадцатыхъ годахъ семнадцатаго столѣтія.

Попытка польскаго правительства ввести козачество въ строго ограниченный реестръ не достигла, на практикѣ, серьезныхъ результатовъ. Козаковъ было много. Бопланъ насчитываетъ ихъ 120 тысячъ. Они разсѣяны съ давнихъ поръ по берегамъ Днѣпра и въ смежныхъ областяхъ. Среди козаковъ, на Украинѣ, дворяне немногочисленны. Крестьяне въ краѣ бѣдны, обременены работами, находятся въ полной власти у господъ. Такое положеніе побуждало крестьянъ къ бѣгству. Они убѣгали на Запорожье. Участіе въ морскомъ походѣ дѣлало крестьянъ будто бы козаками. Главное занятіе запорожскихъ козаковъ составляли охота и рыбная ловля. Что касается остальной массы козачества, то Бопланъ рисуетъ козаковъ мирными земледѣльцами. Они воздѣлываютъ землю. Среди козаковъ было немало плотниковъ, ремесленниковъ, шорниковъ, бочаровъ, сапожниковъ, портныхъ и т. д. Нѣкоторые приготовляли селитру. Изъ селитры дѣлали превосходный порохъ.

Женщины у козаковъ пряли ленъ и шерсть и выдѣлывали ткани. Среди козаковъ было развито пьянство, но въ походѣ они были трезвы. Козаки хорошіе воины. Защищались они въ таборѣ, т.-е. подъ прикрытіемъ возовъ. Верхомъ козаки, по мнѣнію Боплана, были неискусны. Польская конница легко обращала ихъ въ бѣгство. Козаки очень дорожили своею свободою. Они были склонны, поэтому, къ бунтамъ и начинали ихъ, какъ только чувствовали притѣсненія.

Отдѣльные разряды козаковъ ускользнули отъ вниманія Боплана. Онъ ихъ строго не различаетъ.

Поэтому, когда у Боплана идетъ рѣчь объ организаціи, существовавшей у козаковъ, то трудно сказать, имѣются ли при этомъ въ виду реестровые, или нереестровые, запорожскіе козаки. Вѣроятно, принципъ организаціи у всѣхъ ихъ былъ одинаковъ. Когда, поэтому, Бопланъ говоритъ о выборѣ козаками себѣ гетмана, можно думать, такъ, приблизительно, происходили и выборы старшаго у реестровыхъ козаковъ, у запорожцевъ и у отдѣльныхъ отрядовъ нереестровыхъ, когда послѣдніе предпринимали походы на Черное море, въ турецкія или татарскія земли или начинали бунты противъ правительства.

Гетманъ (старшій). Выборъ старшаго производился старыми полковниками и старыми козаками; значитъ,—старшиной. Избраннымъ считался получившій большинство голосовъ. Бопланъ сообщаетъ, будто бы отказывавшихся отъ званія гетмана убивали Это, конечно, невѣрно. Случаи отказа намъ извѣстны. Отказывался, напр., Томиленко на одной изъ радъ на Расавѣ и тѣмъ не менѣе убитъ не былъ. Знаками гетманскаго достоинства являлись булава и комышина. Отказывавшійся отъ гетманской власти клалъ ихъ передъ радой. По свѣдѣніямъ того же Боплана, старшій, или гетманъ, являлся предводителемъ козаковъ и пользовался неограниченной властью. Онъ могъ казнить непокорныхъ. Но зато и самъ гетманъ рисковалъ быть убитымъ,если не умѣлъ понравиться козакамъ. По словамъ Боплана, за семнадцать лѣтъ его пребыванія въ Польшѣ всѣ гетманы, которые занимали за то время должности, кончили свою жизнь несчастливо.

Рада козацкая. Гетманы не предпринимали ничего безъ высшаго совѣта—рады. О радѣ Бопланъ не сообщаетъ подробностей. Мы знаемъ о ней изъ другихъ источниковъ. Московскій агентъ, путивлецъ Гладкій сообщаетъ, что рада собиралась обыкновенно въ урочищѣ Масловъ-Ставъ надъ р. Расавою (теперь, приблизительно, мѣст. Масловка, каневскаго уѣзда, кіевской губ.). Опредѣ-

леннаго собственно мѣста для собранія рады не было. Рада собиралась и въ Корсуни, и въ Черкассахъ, и въ Переяславѣ. Собиралась она обыкновенно по универсаламъ, которые по полкамъ разсылалъ гетманъ. Въ универсалахъ назначалось мѣсто и время собранія рады. На радѣ имѣли право участвовать какъ старшина, такъ и всѣ рядовые козаки. Такая рада называлась общей (вальной). Обыкновенно на радѣ участвовало, кажется, по нѣсколько человѣкъ отъ полка. Кто ихъ избиралъ, мы не знаемъ. Участіе въ радѣ, повидимому, было обязательнымъ. За неприбытіе на раду полковникъ Скидань грозилъ въ своемъ универсалѣ отъ 24 октября 1637 г. „войсковой карой". Рада могла собираться и по полкамъ (полковыя рады) для полковыхъ дѣлъ, бывала и рада старшины. Рада, повидимому, считалась законной при всякомъ числѣ. Общая рада сопровождалась извѣстными формальностями. Такъ, для открытія рады требовались, кажется, корогва (знамя) и бунчукъ (комышина), какъ символъ войсковой власти. Поэтому, когда недовольные козаки образовывали свою раду, безъ старшины, то они хватали корогву и бунчукъ, и уходили. Рада, которая собиралась самими козаками, безъ участія старшины, называлась чернецкою. Она имѣла мѣсто обыкновенно въ случаѣ разногласій и раздоровъ на радѣ общей (вальной). Такую раду описывалъ Лассота въ концѣ XVI в. Описываетъ ее и Адамъ Кисель въ своихъ донесеніяхъ. Въ виду обстановки, въ какой чернецкая рада собиралась, она представляла опасность для спокойствія государства. Чернецкая рада могла легко сдѣлаться ядромъ для бунта. Поэтому на сеймѣ 1635 г., подъ страхомъ смертной казни, и запрещено было созывать чернецкую раду. Запрещеніе на практикѣ никакого значенія не имѣло. Адаму Киселю, напримѣръ, пришлось быть свидѣтелемъ такой чернецкой рады надъ рѣчкою Расавою въ августѣ 1636 года.

Руководили радою гетманъ и старшина. Важную роль игралъ и писарь, который читалъ предъ радою письменные документы. Правильнаго обсужденія вопросовъ на радѣ, очевидно, не было. Современники говорятъ о крикахъ, господствовавшихъ на радѣ. Согласіе свое участники рады выражали бросаніемъ шапокъ вверхъ. Несогласные иногда уходили и, какъ мы уже говорили, образовывали свою собственную, чернецкую раду.

Реестръ.

Конституція 1636 года установила число реестровыхъ козаковъ въ семь тысячъ. Козаки записывались въ особый списокъ, реестръ, называвшійся также компутомъ. Время отъ времени реестръ повѣрялся. Онъ или составлялся заново (пописъ), или пополнялся новыми козаками (приписъ), или изъ него исключались тѣ, которые попадали въ реестръ случайно и незаконно (выписъ). Предварительно реестръ составлялся старшиной каждаго полка и провѣрялся особой коммиссіей, командированной польскимъ правительствомъ. Порядокъ провѣрки и составленія реестра опредѣлялся на радѣ. Составленіе реестра производилось по полкамъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Въ 1636 году, въ виду того, что козаковъ собралось десять тысячъ, больше, чѣмъ нужно было для реестра, повѣрка реестра (пописъ) произошла въ таборѣ, а заполненіе вакансій (приписъ) для пяти полковъ въ Каневѣ, а для двухъ — въ Переяславѣ. Провѣрка реестра происходила путемъ переклички. Заполненіе вакансій происходило публично. Записывали въ реестръ на вакансіи тѣхъ, на которыхъ указывала старшина и которыхъ записывать позволяли и старосты. При этомъ бывало немало подкуповъ и злоупотребленій. Недаромъ же Адамъ Кисель въ своемъ донесеніи отмѣчаетъ, что при записи козаковъ, въ его присутствіи, подарковъ не брали. Король, говоря, въ своемъ письмѣ къ Конецпольскому, о составленіи реестра, отмѣчаетъ, что, благодаря подкупу, заслуженные козаки не записываются въ реестръ, а потому становятся своевольными.

Реестръ имѣлъ практическое значеніе при выплатѣ козакамъ денегъ правительствомъ. За козаками, записанными въ реестръ, только и признавались права и привиллегіи. Сдерживать ростъ козачества реестръ не могъ. Какъ только разносился слухъ о войнѣ или о походѣ, являлись добровольцы, нереестровые козаки, жившіе по волостямъ, и значительно увеличивали число козаковъ. Такой фактъ имѣлъ мѣсто при составленіи реестра въ 1636 г. Число козаковъ оказалось десять тысячъ. Разнесся слухъ о турецкой войнѣ. Старшина, по требованію польскихъ комиссаровъ, разсылала универсалы и запрещала нереестровымъ козакамъ образовывать отряды.

Козацкіе полки. Записанные въ реестръ козаки были раздѣлены на семь полковъ. Четыре изъ нихъ находились на правой сторонѣ Днѣпра: бѣлоцерковскій, корсунскій, черкасскій и чигиринскій. Два—на лѣвой: переяславскій и миргородскій. Съ уменьшеніемъ количества реестровыхъ козаковъ въ 1638 году до шести тысячъ, осталось шесть полковъ. На лѣвой сторонѣ Днѣпра переяславскій и миргородскій полки слились въ одинъ полкъ — переяславскій. Эти шесть полковъ просуществовали до возстанія Богдана Хмельницкаго.

Исторія полкового дѣленія у козаковъ вообще не ясна. Но полковое дѣленіе у нихъ ранняго происхожденія. Оно существовало, какъ мы видѣли, и въ XVI в. Поэтому, ошибаются тѣ историки, которые, подобно покойному В. О. Ключевскому, относятъ начало полкового дѣленія у козаковъ ко времени гетмана Сагайдачнаго. Полкъ до Богдана Хмельницкаго, какъ вѣрно замѣчаетъ М. Е. Слабченко въ своемъ трудѣ „о малорусскомъ полкѣ въ административномъ отношеніи", былъ чисто военною, а не территоріально-административною единицей. Для жительства реестровыхъ козаковъ были отведены опредѣленныя королевскія староства *). Полкъ территоріально совпадалъ со старо-

*) Послѣ земской реформы 1565 года, перенесшей польскіе порядки въ предѣлы Западной Руси и Украины, старосты потеряли прежнее государственное значеніе и обратились въ управителей по-

ствомъ и носилъ его имя. Козаки черкасскаго, например, полка жили въ границахъ черкасскаго староства. Бывали и исключенія. Существовало въ 1630-хъ годахъ староство гадяцкое, въ составъ котораго входила миргородская волость. Тѣмъ не менѣе мы знаемъ въ 1636 г. полкъ миргородскій, а не гадяцкій. Очевидно, границы миргородскаго полка совпадали съ границами волости, а не староства. Иногда полки назывались по именамъ полковниковъ. Такъ миргородскій полкъ носилъ еще названіе полка Яблоновскаго.

Какъ и раньше, полки дѣлились на сотни, по десяти въ каждомъ, сотни — на десятки (курени). Въ дневникѣ Симеона Окольскаго (1637—1638 гг.) указаны лица, избранныя атаманами послѣ пораженія козаковъ въ 1638 году. Въ трехъ полкахъ (черкасскомъ, переяславскомъ и каневскомъ) избрано по девять атамановъ; въ трехъ остальныхъ (корсунскомъ, бѣлоцерковскомъ и чигиринскомъ) по десять. Значитъ, по стольку было и куреней въ каждомъ полку. Было ли это число временнымъ или постояннымъ, извѣстные намъ источники не даютъ отвѣта. Обычно въ полку бывало, все-таки, нужно думать, по десяти сотенъ. Дѣленіе на сотни и десятки (курени) также было не территоріальнымъ, а военнымъ.

Во главѣ полковъ стояли полковники, сотенъ — сотники, десятковъ (куреней)—атаманы. Всѣ эти лица были выборными. Способъ выборовъ и компетенція козацкихъ властей, остаются для насъ неизвѣстными. Атамановъ Окольскій называетъ помощниками сотниковъ и говоритъ, что они должны были находиться при каждомъ сотникѣ во всѣхъ полкахъ. Бли-

кіевскихъ имѣній и жившаго въ нихъ населенія. Изъ трехъ воеводствъ, на которыя раздѣлена была Украина: кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго,—кіевское, кромѣ Кіева, заключало въ себѣ, по люстраціи 1616 г., двѣнадцать староствъ (королевскихъ имѣній): житомирское, овручское, любецкое съ лоегорскимъ, остерское, каневское, переяславское, черкасское, богуславское, бѣлоцерковское и чигиринское. (Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій. „Украинскія староства въ первой половинѣ XVI ст." въ „архивѣ юго-зап. Россіи, ч. VIII, т. V).

зость къ козацкой массѣ и постоянное соприкосновеніе съ ней дѣлали роль атамановъ довольно значительной особенно въ періоды народнаго возбужденія. Къ нимъ обращались съ универсалами полковники, требуя присылки козаковъ на раду. На атаманахъ лежала главная обязанность и по мобилизаціи козаковъ на войну. О судебной роли атамановъ говорятъ оффиціальные акты и сеймовыя конституціи. Въ виду такого значенія, атаманами, по предположенію И. М. Каманина, избирались лица, заслуживавшія общаго уваженія и довѣрія.

Вопросъ о судѣ у козаковъ.

Должность войскового судьи продолжала существовать и въ срединѣ 1630-хъ годахъ. Войсковыхъ судей было два. За недостаткомъ матеріаловъ, изслѣдователямъ, однако, не удалось опредѣлить ихъ компетенціи. В. Б. Антоновичъ, а съ его словъ и Д. П. Миллеръ въ своемъ изслѣдованіи о „судахъ земскихъ, гродскихъ и подкоморскихъ въ XVIII в.“ приходятъ къ заключенію о существованіи до Богдана Хмельницкаго самостоятельнаго и независимаго козацкаго суда. Судъ этотъ имѣлъ по мнѣнію Миллера, коллегіальное устройство и состоялъ подъ предсѣдательствомъ гетмана. Но А. М. Лазаревскій въ своихъ замѣчаніяхъ на изслѣдованіе Д. П. Миллера, основательно сомнѣвался въ существованіи такого „самостоятельнаго козацкаго суда“. Нѣтъ доказательствъ, кромѣ одного неяснаго указанія на „раду гетманскую зуполную“ въ приказѣ гетмана Дмитрія Барабаша, отъ 7-го марта 1617 года.

Войсковой писарь.

Изъ другихъ старшинъ (обознаго, завѣдывавшаго артиллеріей, асауловъ, двухъ войсковыхъ и по одному въ каждомъ полку, и др.), особое значеніе пріобрѣталъ войсковой писарь. Въ рукахъ его сосредоточивались фактически всѣ сношенія козацкаго войска, его дѣлопроизводство. Нѣкоторые изъ писарей пріобрѣтали, благодаря этому, такое значеніе, что фактически правили войскомъ. *Такими писарями* были въ 1630-хъ годахъ Вовкъ и Онишкевичъ. Называя ихъ иронически „мудрыми“, Павлюкъ приписывалъ имъ всѣ несчастія козаковъ.

Живя на волости, въ предѣлахъ королевскихъ староствъ, козаки не являлись только войскомъ, разставленнымъ на постой. Они была и мѣстными обывателями и землевладѣльцами. Это, конечно, создавало большія затрудненія при мобилизаціи козацкаго войска. Получая жалованье, козакъ долженъ былъ и снаряжаться самъ на войну. Нереестровые козаки также снаряжались, конечно, на свой счетъ. Поэтому, въ извѣстныхъ намъ гетманскихъ и полковничьихъ универсалахъ съ призывомъ козаковъ на войну—рекомендовалось козакамъ продавать свое имущество и запасаться лошадьми, хлѣбомъ и другимъ провіантомъ. Снаряженіе козаковъ

Главнымъ источникомъ для жизни козаковъ въ 1630-хъ годахъ XVII столѣтія являлось, конечно, не королевское жалованье и не военная добыча, а нужно полагать, земледѣліе и промыслы, связанные съ нимъ. О плодородіи почвы на Украинѣ и объ изобиліи производства хлѣба у козаковъ говоритъ Бопланъ. По его мнѣнію, богатство страны дѣлало народъ на Украинѣ лѣнивымъ. Частые походы козаковъ должны были нарушать земледѣльческій укладъ жизни. Въ отсутствіе козаковъ землю обрабатывали, нужно думать, ихъ жены. Недаромъ Бопланъ отмѣчаетъ, что женщины у козаковъ, помимо обычныхъ въ сельскомъ быту женскихъ занятій, хорошо умѣютъ воздѣлывать землю, сѣять, жать, варить пиво, медь, брагу, курить водку и т. д. Право землевладѣнія у козаковъ.

Козацкое землевладѣніе давняго происхожденія. Слѣды его мы встрѣчаемъ еще въ XVI вѣкѣ. Въ XVII столѣтіи козацкое землевладѣніе было уже развитымъ въ правовомъ отношеніи. Козаки владѣли, на правѣ полной собственности, самыми разнообразными видами угодій. Они продавали, мѣняли, дарили, завѣщали, наслѣдовали земельныя угодія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ дошедшие до насъ документы. Нужно думать, земельныя права были пріобрѣтены козаками послѣ продолжительной борьбы. Сеймовой конституціей 1588 года было установлено, напримѣръ, что вымороч-

ныя имущества подданныхъ, такъ наз. кадуки, въ имѣніяхъ свѣтскихъ и духовныхъ владѣльцевъ, должны переходить въ собственность владѣльцевъ. Въ королевскихъ имѣніяхъ, гдѣ жили козаки, ихъ вымороченныя имѣнія шли въ казну. Выморочность первоначально толковалась очень широко. Только послѣ настойчивыхъ требованій, козакамъ удалось, наконецъ, добиться того, чтобы земли козаковъ, послѣ которыхъ оставались вдовы, не считались выморочными. Въ XVII вѣкѣ козацкія вдовы получили право наслѣдовать послѣ своихъ мужей. Особое значеніе для козаковъ имѣли кадуки въ случаѣ конфискаціи козацкаго имущества за бунты. Наслѣдники, не говоря уже о самихъ козакахъ, лишались права владѣть имуществомъ, и оно, на правахъ кадука (jure caduco), могло перейти къ постороннему. Поэтому, козаки въ теченіе всей первой половины XVII в. добивались отмѣны такого рода кадуковъ.

Кромѣ права владѣнія землей, козаки пользовались правомъ свободной торговли, рыбной ловли, звѣриныхъ промысловъ. Объ этомъ говоритъ куруковская ординація. Винокуреніе также было дозволено козакамъ, и въ документахъ встрѣчаются слѣды владѣнія козаковъ винокуренными казанами.

Самостоятельность козацкаго землевладѣнія приближала козаковъ къ мелкой шляхтѣ. Нужно думать, на этомъ основаніи, въ связи съ военнымъ ремесломъ, и поконлись въ началѣ 1630-хъ годовъ требованія козаковъ допустить ихъ къ выбору короля, какъ людей рыцарскихъ, т.-е. шляхту.

Отношенія между старостами и козаками.

Поселенія козаковъ въ староствахъ не представляли изъ себя сплошной территоріи. Они были разсѣяны, судя по люстраціямъ, между дворами другихъ обывателей, подчиненныхъ старостамъ и ихъ урядникамъ. Козаки являлись въ староствѣ точно какимъ-то инороднымъ тѣломъ. Въ то время, какъ остальная масса населенія была такъ или иначе подчинена власти старостъ, козаки пользовались автономіей и были во-

зависимы. Хозяйственные интересы козаковъ, между тѣмъ, всегда тѣсно переплетались съ интересами другихъ обывателей и даже самихъ старостъ. На этой почвѣ столкновенія были неизбѣжны. Объ огражденіи интересовъ старостъ говоритъ куруковскій договоръ. Есть рядъ актовъ, изданныхъ въ огражденіе частновладѣльческихъ, монастырскихъ и королевскихъ имѣній отъ захватовъ ихъ козаками. Старосты, въ свою очередь, нарушали права и интересы козаковъ, въ особенности, въ области землевладѣнія и суда. На злоупотребленія старостъ и ихъ урядниковъ постоянно жаловались козаки. Объ этомъ говорили и польскіе оффиціальные агенты. О злоупотребленіяхъ старостъ и нарушеніи ими правъ козаковъ заходила рѣчь и на сеймахъ. Отъ старостъ не отставали и частные владѣльцы съ монастырями. Споры ихъ съ козаками, повидимому, бывали часты.

Подобное состояніе не могло, конечно, способствовать внутреннему спокойствію въ староствахъ и въ частныхъ имѣніяхъ. Оно подготовляло почву для возможнаго народнаго взрыва. Близкое сожительство и соприкосновеніе козачества, мѣщанства и крестьянства разрушало обыкновенно оффиціально-сословную между ними границу. Возвращенные подъ власть староствъ и помѣщиковъ козаки-выписчики, естественно, продолжали чувствовать свою связь съ козаками и стремились къ нему. Стоило послѣднему заволноваться, какъ толпы крестьянства начинали „козачиться", выходили изъ повиновенія старостъ и помѣщиковъ и увеличивали кадры козаковъ.

Тяжелое положеніе крестьянства давало почву для такого явленія. Мы объ этомъ имѣемъ свидѣтельство современника, извѣстнаго уже намъ инженера Боплана, котораго никакъ нельзя заподозрѣть въ пристрастіи къ козакамъ.

При такихъ условіяхъ, старостамъ стоило много усилій удерживать крестьянъ въ своей власти даже въ мирное время.

Разрушеніе замка Кодака.

Въ срединѣ тридцатыхъ годовъ семнадцатаго столѣтія настроеніе на Украинѣ, судя по всему, было очень тревожнымъ.

Постройка замка на кодацкомъ порогѣ взволновала козаковъ. Замокъ былъ заложенъ въ іюлѣ 1635 года инженеромъ Бопланомъ, но уже въ августѣ козаки, подъ начальствомъ Сулимы, его разрушили.

Бопланъ видитъ въ разрушеніи Кодака фактъ чисто случайный. Сулима съ козаками возвращался изъ морского похода, случайно наткнулся на невѣдомый ему Кодакъ и разрушилъ его. Но есть и другіе разсказы. Они изображаютъ разрушеніе Кодака—заранѣе обдуманнымъ. По словамъ современника Альбрехта-Станислава Радзивилла, который могъ быть правильно освѣдомленъ о событіяхъ, нападеніе козаковъ на Кодакъ было вызвано дѣйствіями начальника кодацкаго гарнизона, француза Маріона. Маріонъ строго преслѣдовалъ цѣль, съ которой былъ построенъ Кодакъ—препятствовать морскимъ походамъ козаковъ. Въ своемъ рвеніи Маріонъ совершенно не считался съ правами козаковъ. Онъ не пропускалъ козаковъ мимо Кодака, запрещалъ имъ охоту и рыбную ловлю, посадилъ нѣкоторыхъ изъ козаковъ въ тюрьму, запрещалъ обывателямъ продавать козакамъ порохъ и огнестрѣльное оружіе. Мѣры эти и раньше уже практиковались польскимъ правительствомъ. Поэтому, можно думать, что Маріонъ принялъ ихъ не произвольно. Дѣйствія Маріона привели козаковъ къ сознанію о необходимости разрушить Кодакъ при его возникновеніи. Иначе они были бы связаны по рукамъ и ногамъ. Миссію эту и выполнилъ Сулима.

Обыкновенно думаютъ, что Кодакъ разрушили нереестровые козаки, ходившіе въ морской походъ. Но источники даютъ основаніе считать Сулиму гетманомъ реестровыхъ козаковъ. Поэтому, намъ кажется весьма вѣроятнымъ предположеніе проф. Грушевскаго, что Кодакъ былъ разрушенъ реестровыми козаками.

Иванъ Михайловичъ Сулима, насколько можно судить по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, кропотливо собраннымъ А. В. Стороженкомъ въ „очеркахъ переяславской старины", принадлежалъ къ типу авантюристовъ, которыхъ хорошо знала козацкая вольница. По происхожденію, Сулима былъ шляхтичъ. Наиболѣе раннія свѣдѣнія о немъ относятся къ 1615 году. Сулима въ то время былъ помощникомъ управляющаго имѣніемъ извѣстнаго Станислава Жолкевскаго. За службу свою Сулима получилъ отъ Жолкевскаго въ собственность землю съ правомъ осадить на ней крестьянъ. На этой землѣ, по сказанію старожиловъ, возникли три села переяславскаго уѣзда, полтавской губ.,—Сулимивцы, Лебединъ и Кучаковъ. Когда Сулима началъ козаковать, неизвѣстно. А. В. Стороженко думаетъ, что козакованье Сулимы совмѣщалось со службой у Жолкевскаго. Но это врядъ ли такъ, если принять во вниманіе отношеніе Жолкевскаго къ козачеству. Сулима получилъ отъ папы Павла V золотой портретъ. Онъ получилъ его въ награду за то, что подарилъ папѣ триста плѣнныхъ турокъ, взятыхъ на турецкой галерѣ. Такъ какъ Павелъ V былъ папою между 1605 и 1621 годами, то проф. М. С. Грушевскій относитъ козакованье Сулимы къ рединѣ второго десятилѣтія XVII вѣка, значитъ, до поступленія на службу къ Жолкевскому. Болѣе вѣроятнымъ, однако, представляется относить начало козакованья Сулимы къ 1620—1621 годамъ, когда, по смерти Жолкевскаго, жена и дѣти его стали преслѣдовать Сулиму. Сулима, вѣроятно, оставилъ у нихъ службу и ушелъ къ козакамъ. Тамъ онъ скоро занялъ видное мѣсто и отличился, какъ предводитель. Къ этому времени, надо полагать, относятся и сношенія Сулимы съ папой Павломъ V. Въ 1628 году Сулима былъ избранъ гетманомъ. Настолько онъ уже выдавался въ средѣ козаковъ. Но гетманомъ Сулима пробылъ недолго. Въ 1629 году мы встрѣчаемъ его опять въ роли управителя имѣній Даниловичей въ Переяславщинѣ

Гетманъ Иванъ Сулима.

(полтавской губ.). Даниловичи хорошо знали Сулиму по службѣ его у Жолкевскаго. Одинъ изъ Даниловичей былъ зятемъ Жолкевскаго. При какихъ обстоятельствахъ Сулима отъ Даниловичей снова ушелъ въ козачество, свѣдѣній нѣтъ. Въ 1635 году, при разореніи Кодака, Сулима былъ, должно быть, гетманомъ, оффиціально признаннымъ польскимъ правительствомъ.

Козакамъ не долго пришлось торжествовать послѣ разрушенія Кодака. Путемъ подкупа и организаціи измѣны польское правительство овладѣло Сулимою и его товарищами. Ихъ выдали сами же реестровые козаки.

Съ козаками, виновными въ разрушеніи Кодака, расправились съ жестокостью того времени. У части козаковъ были обрѣзаны уши. Козаки были отправлены въ Гадячъ, въ ссылку, насыпать крѣпостные валы. Сулиму съ пятью главнѣйшими товарищами отправили въ Варшаву. Ихъ тамъ судили, и судъ приговорилъ къ смертной казни.

Предъ смертью Сулима принялъ католичество. Сдѣлалъ ли онъ этотъ шагъ по убѣжденію или желая избѣжать казни—трудно сказать. Переходъ въ католичество не спасъ Сулимы. Онъ съ товарищами былъ повѣшенъ. Тѣла ихъ четвертованы. Предъ смертью Сулима просилъ положить вмѣстѣ съ его тѣломъ въ гробъ и портретъ папы Павла V.

Разореніе Кодака было только однимъ изъ проявленій недовольства и возбужденнаго настроенія среди козаковъ. Козаки были недовольны дѣйствіями старостъ, неуплатой жалованья, разстановкой коронного войска на квартиры въ домахъ козаковъ. Одни изъ козаковъ, по сообщенію польскихъ агентовъ, хотѣли идти на Кіевъ и тамъ предполагали ожидать выплаты денегъ, по примѣру коронного войска, которое поступало также въ тѣхъ случаяхъ, когда ему не платили жалованья. Другіе агитировали, чтобы захватить артиллерію (гармату) и идти на Запорожье.

Недовольство среди реестровыхъ козаковъ передавалось въ широкія массы нереестровыхъ. Создавалось положеніе, опасное для спокойствія государства.

Правительство, какъ обыкновенно, ограничивалось бумажными отписками и паллiативами. Старостамъ, злоупотребленія которыхъ, по отзыву агентовъ, являлись одной изъ главнѣйшихъ причинъ недовольства козаковъ, правительство разсылало универсалы и предписывало принять мѣры къ успокоенію козачества.

Съ этой же цѣлью къ войску въ юлѣ 1636 года былъ посланъ Адамъ Кисель.

Адамъ Григорьевичъ изъ Брусилова Кисель Низкиницкій сталъ играть замѣтную роль только съ избраніемъ въ короли Владислава IV. Кисель происходилъ изъ небогатаго шляхетскаго рода на Волыни, но, по обычаю того времени, выдумалъ себѣ какого-то древняго родоначальника, воеводу Святольда. Родился Кисель въ 1600 году, вѣроятно, въ с. Низкиничахъ новоградъ-волынскаго уѣзда волынской губ. Служилъ онъ подъ начальствомъ гетмана Жолкевскаго, участвовалъ въ цецорской битвѣ. Послѣ смерти Жолкевскаго, Кисель продолжалъ службу при его преемникахъ—гетманахъ Ходкевичѣ и Конецпольскомъ. Адамъ Кисель.

Ко времени сеймовъ, созывавшихся для избранія королемъ Владислава IV, Кисель былъ уже замѣтной величиной. Онъ былъ избранъ въ число такъ наз. „каптуровыхъ" судей *). На сеймахъ, во время разсмотрѣнія вопроса о правахъ православныхъ, Кисель также игралъ видную роль наряду съ другими защитниками православія, какъ Вороничъ, Лаврентій Древинскій и т. д.

*) *Каптуры*—временные суды, учреждавшіеся на время безкоролевья. Каптуры рѣшали, главнымъ образомъ, вопросы, касавшіеся нарушенія безопасности во время безкоролевья. Въ составъ этихъ судовъ входили специально избиравшіеся „каптуровые" судьи. Количество „каптуровыхъ" судей было неопредѣленнымъ. Иногда оно достигало сотни лицъ. Каптуровыхъ судей избиралъ сеймъ.

Какъ извѣстно, диссиденты, въ числѣ ихъ и Кисель, поддерживали кандидатуру Владислава IV. Естественно, поэтому, что служебная карьера Киселя при новомъ королѣ должна была имѣть успѣхъ. Кисель остался сначала при дворѣ короля въ качествѣ „дворянина королевскаго". Такъ назывались „дворяне", которые посылались съ разными специальными порученіями, требовавшими особаго довѣрія. Во время войны съ Москвой на Киселя была возложена охрана границъ Речи Посполитой со стороны Путивля. Заслуги Киселя при этомъ, надо полагать, были значительны. Кисель получилъ отъ короля послѣ войны на ленномъ правѣ городъ Кобыжчу и Козаргородъ (теперь село Козары, козелецкаго уѣзда, черниговской губ.) и богатое староство носовское (черниговской губ., нѣжинскаго уѣзда). Вскорѣ Кисель былъ назначенъ на должность черниговскаго подкоморія, и ему была поручена ближайшая административная власть надъ козачествомъ, въ непосредственной зависимости отъ короннаго гетмана. Это поставило Киселя въ близкія отношенія къ козачеству.

Послѣ разгрома козачества въ 1638 году, дѣятельность Киселя получила новое направленіе. Онъ былъ назначенъ въ коммиссію по разграниченію Речи Посполитой съ московскимъ государствомъ. Во время переговоровъ Кисель проявилъ значительныя дипломатическія способности. За это время онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ, получилъ званіе каштеляна черниговскаго и въ концѣ февраля 1648 года былъ возведенъ въ достоинство воеводы брацлавскаго и кіевскаго. Умеръ Кисель въ 1653 году пятидесяти трехъ лѣтъ отъ роду. Похороненъ въ с. Низкиничахъ, гдѣ въ построенной имъ церкви и до нашего времени сохранилась его гробница.

Киселю пришлось принять участіе и въ борьбѣ противъ Хмельницкаго. Кисель называлъ Богдана Хмельницкаго въ своихъ письмахъ хлопомъ и черкасскимъ

мѣнникомъ. Послѣднимъ служебнымъ дѣломъ Киселя было его участіе въ 1651 году въ заключеніи съ козаками бѣлоцерковскаго договора.

Въ теченіе всей своей жизни и дѣятельности Кисель являлся послѣдовательнымъ представителемъ шляхетской олигархіи. На все онъ смотрѣлъ съ сословной точки зрѣнія и вездѣ проводилъ ее. Даже на сеймахъ, отстаивая права православной церкви, Кисель переносилъ вопросъ съ церковной на сословно-политическую точку зрѣнія. Вопросъ о правахъ православной церкви интересовалъ его не столько самъ по себѣ, сколько какъ вопросъ о свободѣ и равноправіи шляхтичей православнаго исповѣданія. Воспитаніе, личные интересы, общественная и служебная дѣятельность сдѣлали изъ Адама Киселя вѣрнаго хранителя и защитника польской государственности. Въ этомъ отношеніи, какъ справедливо замѣчаетъ Кулішъ, Кисель имѣлъ много общаго съ митрополитомъ Петромъ Могилой, съ которымъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Кисель принималъ участіе въ избраніи Петра Могилы. Подпись Адама изъ Брусилова Киселя стоитъ третьею подъ актомъ объ избраніи митрополитомъ Петра Могилы.

Какъ представитель шляхетскихъ сословныхъ воззрѣній и польской государственности, Кисель враждебно относился къ соціальнымъ стремленіямъ козачества. Кисель признавалъ пользу отъ реестровыхъ козаковъ для польскаго государства. Онъ не хотѣлъ ихъ уничтожить. Но онъ требовалъ, чтобы реестровые козаки были ...сто отрядомъ и обособились отъ массъ народныхъ. ... старая польская политика. Ее могъ усвоить Кисель ... время продолжительной своей службы подъ начальствомъ Жолкевскаго и Конецпольскаго. Мужики должны ...ать, воевать одни козаки—такъ формулировалъ Кисель свою точку зрѣнія позже, во время свиданія съ Богданомъ Хмельницкимъ, и совѣтовалъ Хмельницкому ...упиться отъ черни. Я отъ черни не отступлю — ...илъ Киселю знаменитый гетманъ, „ибо это наша

правая рука. Иначе, уничтоживъ хлоповъ, вы ударите и на козаковъ". Связь козачества, какъ явленія соціальнаго, съ народомъ и его стремленіями была всегда чужда и непонятна Киселю. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя письма Киселя, дошедшія до насъ.

Къ козакамъ Кисель подходилъ со своей шляхетско-сословной и польско-государственной точки зрѣнія.

Отношеніе Киселя къ козакамъ вызвало неодинаковую оцѣнку въ исторической литературѣ. Костомаровъ, Кулішъ въ своемъ „Отпаденіи Малороссіи отъ Польши", а въ новѣйшее время и проф. М. С. Грушевскій находятъ, что Кисель, преслѣдуя сословные и государственные интересы, стремился разными дипломатическими ухищреніями провести козаковъ. Покойный И. П. Новицкій старался смягчить мнѣніе Костомарова. Новицкій „не допускаетъ даже мысли о двуличіи и притворствѣ".

Свою политику по отношенію къ козачеству Кисель хорошо изобразилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, писанныхъ въ 1636 году. Тремя способами, по его мнѣнію, можно воздѣйствовать на „неразумную чернь": на старшину—подарками; на солидныхъ и имѣющихъ дома, которыми они дорожатъ,—лаской, напоминая имъ объ отечествѣ, о вольностяхъ, которыми пользуются они сами и будутъ пользоваться ихъ потомки; наконецъ, на дикихъ бунтовщиковъ, на голышей, можно дѣйствовать страхомъ сабли. Всякіе доводы, благочестіе, вѣра, вольности, жены, дѣти для нихъ ни по чемъ. Они все это въ Днѣпрѣ утопили.

Всѣ эти методы, которые, конечно, подтверждаютъ мнѣніе Костомарова, Куліша и проф. Грушевскаго, Кисель дѣятельно примѣнялъ въ своихъ сношеніяхъ съ козаками, начиная съ 1636 года. Политика Киселя, построенная исключительно на дипломатіи, заранѣе была обречена на неуспѣхъ. Она была политикой

чисто случайной, внѣшней и, не затрогивая основныхъ причинъ козацкаго и народнаго недовольства, могла только временно смягчать остроту отношеній. Спустя нѣкоторое время, недовольство проявлялось съ новой силой. Какъ администраторъ, не понимавшій основныхъ причинъ народнаго недовольства, Кисель мало принесъ пользы и козачеству, и польскому государству.

Пріѣхавши въ началѣ августа 1636 года къ козакамъ, Кисель засталъ среди нихъ большое волненіе и недовольство, готовыя перейти въ бунтъ. Козакамъ не выплачивали жалованья. Они жаловались на притѣсненія королевскихъ урядниковъ. Путемъ примѣненія тѣхъ способовъ, о которыхъ только что была рѣчь, до подкупа включительно, Киселю удалось на нѣкоторое время успокоить козаковъ. Ему помогъ въ этомъ митрополитъ Петръ Могила. Митрополитъ грозилъ козакамъ своимъ неблагословеніемъ.

Гетманомъ реестровыхъ козаковъ въ то время былъ Василій Томиленко. По отзыву самого Киселя, Томиленко былъ хотя простакъ, но человѣкъ трезвый и скромный. Писаря Онишкевича Кисель характеризовалъ какъ „человѣка доброй мысли“, т.-е. стоявшаго всецѣло на сторонѣ польскаго правительства. На нихъ-то и опирался Кисель, тѣмъ болѣе, что Онишкевичъ, повидимому, пользовался большимъ вліяніемъ въ войскѣ.

Черезъ полгода, въ апрѣлѣ 1637 года, Кисель вмѣстѣ съ другимъ комиссаромъ Николаемъ Потоцкимъ былъ снова у козаковъ. Въ это время среди козачества распространился слухъ о турецкой войнѣ. Подъ вліяніемъ подобнаго слуха собралось много нереестроваго козачества, жаждавшаго похода. На этотъ разъ Кисель и Потоцкій привезли деньги для раздачи реестровому козачеству. Одно это уже значительно успокоило козаковъ. Путемъ дипломатическихъ переговоровъ, Киселю, съ помощью гетмана Томиленка и писаря Онишкевича, удалось достигнуть пересмотра

реестра. Такимъ путемъ войско было „очищено", какъ выразился самъ Кисель въ одномъ изъ своихъ писемъ. Козацкое войско торжественно послѣ этого присягнуло. Оно обѣщало соблюдать условія куруковскаго договора и оставаться вѣрнымъ королю и Речи Посполитой.

Успѣхъ былъ, однако, только внѣшній. Недовольство не исчезло. Оно наростало, чтобы рано или поздно со всей силой вылиться наружу.

Какія причины вызывали недовольство?

Кулішъ отмѣчаетъ, что въ основѣ козацкихъ движеній 1637—1638 года совершенно отсутствуетъ церковно-религіозный элементъ. Явленіе не случайное. Съ той поры, какъ, съ избраніемъ въ митрополиты Петра Могилы, высшая церковная іерархія сосредоточилась въ шляхетскихъ кругахъ, интересы церкви православной въ Польшѣ потеряли характеръ интересовъ общенародныхъ, какъ было до тѣхъ поръ. Православные священники и монахи, приверженцы Исаи Копинскаго, вели дѣятельную пропаганду среди населенія противъ новой іерархіи. Этимъ они еще болѣе усиливали отчужденіе отъ нея народа, пріучали народныя массы видѣть въ новой іерархіи приверженцевъ и защитниковъ чисто шляхетскихъ интересовъ и стремленій. На первый планъ, вмѣсто религіозныхъ мотивовъ, выступаютъ теперь интересы исключительно экономическіе и соціальныя.

Мы располагаемъ, для подтвежденія этого, очень важнымъ источниковъ. Во время походовъ польской арміи противъ козаковъ въ 1637 и 1638 годахъ ее сопровождалъ, въ качествѣ войскового капеллана, монахъ доминиканскаго ордена Симеонъ Окольскій. Окольскій велъ пространный дневникъ этихъ походовъ. Дневникъ его является самымъ обстоятельнымъ, по словамъ В. Б. Антоновича, и подробнымъ источникомъ для исторіи козацкихъ возстаній 1637 и 1638 годовъ. Окольскій сообщаетъ, что предводитель козацкаго возстанія въ 1737 году Павлюкъ приказывалъ набирать войско пре-

преимущественно изъ крестьянъ. Крестьяне и нереестровые козаки быстро образовывали отряды, нападали на шляхетскіе дома и замки, грабили ихъ, жгли. Особенно сильно отличались крестьяне въ помѣстьяхъ князя Іереміи Вишневецкаго. Возставшіе—„возмущали, по словамъ Окольскаго, крестьянъ противъ ихъ собственныхъ пановъ, оскорбляли уряды, запрещая повиноваться имъ тѣхъ изъ крестьянъ, которые когда-либо состояли въ козакахъ, приказывали снова вступать въ ихъ ряды, требуя подъ угрозою, чтобы ихъ паны не препятствовали имъ въ этомъ". Паны принуждены были бѣжать изъ своихъ имѣній и убѣгали проселочными дорогами. Словомъ, мы видимъ въ возстаніи 1637 года типичную картину аграрныхъ движеній со всею ихъ жестокостью. Это былъ результатъ долголѣтняго угнетенія крестьянъ. Въ возстаніи 1637—1638 годахъ сказалась не столько борьба козаковъ противъ польскаго государственнаго строя, сколько борьба крестьянства противъ соціальнаго строя Речи Посполитой. Борьба вылилась въ форму козацкаго возстанія, во-первыхъ, потому что козачество имѣло всегда тѣсную связь съ крестьянствомъ, а во-вторыхъ, потому что въ козачествѣ аграрное движеніе нашло готовую форму и организацію. Послѣдняя необходима для каждаго движенія, какъ бы, на первый взглядъ, оно хаотично ни было.

Къ сожалѣнію, мы слишкомъ мало знаемъ о внутренней силѣ движенія 1637—1638 годовъ. Историкъ, по неволѣ, долженъ пока ограничиваться внѣшней стороной движенія, по скольку она проявлялась въ борьбѣ польскаго государства съ возставшими козаками и крестьянами.

Крестьянъ двигало къ возстанію ихъ безправное и экономически очень тяжелое положеніе въ Речи Посполитой; козаковъ—постоянное нарушеніе ихъ правъ, невыплата жалованья, злоупотребленія старостъ. Въ мартѣ 1637 года, наканунѣ возстанія, былъ созванъ сеймъ. Ко времени его открытія реестровые козаки

отправили своихъ пословъ. Костомаровъ ошибается, называя въ числѣ пословъ сотниковъ черкасскаго Ивана Барабаша и чигиринскаго Зиновія-Богдана Хмельницкаго. Посланы были: Богушъ Гридкевичъ, Яцукъ, С...вичъ и Григорій Нужный. Посламъ была дана обширная инструкція. Козаки жаловались на то, что ихъ не только выгоняютъ изъ шляхетскихъ имѣній и отбираютъ у нихъ имущество; имъ запрещаютъ жить и въ королевскихъ имѣніяхъ. Мало того. Имъ не позволяютъ въ королевскихъ имѣніяхъ покупать и продавать, дѣлать пиво и горілку даже для своей надобности, на свадьбу и крестины. Права козацкихъ вдовъ постоянно нарушаются. Козаки много терпятъ отъ наѣздовъ панов и старость. Тѣ ссорятся между собой, нападают на имѣнія другъ у друга, а страдаютъ отъ этого козаки. Имъ, поэтому, ничего не остается другого, какъ уходить изъ Украины. И дѣйствительно, уже много народу ушло за московскую границу, въ Бѣлгородъ. Жалованье козакамъ не выплачивается. Помощи для содержанія артиллеріи (гарматы) не дано. Старосты, кромѣ того, запрещаютъ давать козакамъ селитру изъ майдановъ и желѣзо изъ руденъ. Благодаря этому, у козаковъ нѣтъ военныхъ припасовъ.

Въ отвѣтъ на свои жалобы козаки получили рядъ упрековъ. Затѣмъ были присланы комиссары Николай Потоцкій и Адамъ Кисель. Комиссары произвели извѣстный уже намъ пересмотръ козацкаго реестра. Все это, конечно, не могло удовлетворять козаковъ. Недовольство расло. Оно, какъ указано было, обнимало не только козаковъ, но и широкіе круги населенія. Въ началѣ 1637 года почва для возстанія была уже подготовлена. Въ томъ же году оно и началось.

Какъ во всякомъ возстаніи, и въ возстаніи 1637 года трудно опредѣлить время его начала и ближайшій поводъ.

Павлюкъ. Главнымъ вождемъ возставшихъ и человѣкомъ, въ значительной степени, организовавшимъ возстаніе

1637 года, былъ Павелъ Михновичъ Бутъ, извѣстный обыкновенно подъ именемъ Павлюка.

Павлюкъ, повидимому, давно уже выдвинулся среди козаковъ и игралъ вліятельную роль. По словамъ Окольскаго, Павлюкъ помогалъ крымскому хану въ борьбѣ его съ Кантемиромъ и вмѣстѣ съ Сулимою участвовалъ въ разрушеніи Кодака. Павлюка судили въ Варшавѣ вмѣстѣ съ Сулимою. Павлюку, однако, удалось избѣжать казни.

Мы знаемъ, со словъ Адама Киселя, что старшіи реестровыхъ козаковъ Томиленко и старшина были готовы на всякія уступки польскому правительству. Такая уступчивость не совпадала съ общимъ настроеніемъ народныхъ массъ на Украинѣ. Недовольные элементы и нашли себѣ вождя въ лицѣ Павлюка. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ сообщеніи польскихъ источниковъ, что Павлюкъ преслѣдовалъ личные интересы, стремился сдѣлаться старшимъ. Это нисколько, однако, не мѣняетъ общей картины возстанія 1637 года.

Запорожье. Вопросъ о гарматѣ (артиллеріи).

Уже съ конца 1636 года донесенія польскихъ комиссаровъ Лукаша Жолкевскаго, Адама Киселя, Николая Потоцкаго полны тревожными извѣстіями о начавшемся возстаніи. Толпы народа собирались на Запорожьѣ. Туда приходили люди невѣдомо откуда, они не имѣли ни оружія, ни снаряженія. Павлюкъ сдѣлалъ было попытку прогнать безоружныхъ. Тѣ отвѣтили ему угрозой утопить въ Днѣпрѣ. Массы народа гналъ на Запорожье слухъ о предстоявшемъ походѣ въ Крымъ и въ турецкія земли.

По куруковскому договору, на Запорожьѣ долженъ былъ находиться сторожевой нарядъ реестровыхъ козаковъ. Фактически же Запорожье бывало обыкновенно мѣстомъ сбора недовольныхъ элементовъ изъ крестьянъ и нереестровыхъ козаковъ. Здѣсь формировались и составлялись отряды, предпринимавшіе походы въ Крымъ, въ турецкія земли или на море. Нужно думать, что и Павлюка привлекли на Запорожье перво-

начально крымскія дѣла. Если довѣрять его словамъ, Павлюкъ, съ согласія и по наказу польскаго короля, поступилъ съ небольшимъ отрядомъ козаковъ на службу къ крымскому хану. Цѣлью его было уничтожить мурзу Кантемира, врага Речи Посполитой. Съ Кантеміромъ крымскій ханъ давно уже велъ упорную борьбу.

Уѣзжая на Запорожье, Павлюкъ увезъ съ собой и артиллерію (гармату). Въ послѣднее время гармата не имѣла опредѣленной стоянки. Такъ какъ на содержаніе ея шли особые сборы съ жителей (стаціи), то старосты тяготились пребываніемъ артиллеріи въ ихъ староствахъ. Раньше гармата находилась въ Терехтемировѣ. Въ послѣднее время передъ возстаніемъ 1637 года гармата кочевала: была въ Кіевѣ, въ Бѣлой Церкви, въ Корсунѣ, въ Черкассахъ. Изъ Черкассъ ее и взялъ Павлюкъ. Гармата принадлежала, конечно, реестровымъ козакамъ. Увезя ее на Запорожье, Павлюкъ, естественно, сдѣлалъ незаконный поступокъ. Мало того. Гармата, благодаря этому, попала въ руки опасныхъ для государства элементовъ. Реестровые же козаки, состоявшіе на службѣ у государства, оказались лишенными артиллеріи. Нужно прибавить къ этому, что гармата принадлежала къ числу войсковыхъ клейнотовъ, являлась войсковой реликвіей. Она была какъ бы символомъ коллективной силы и власти войска запорожнаго. Поэтому, напр., измѣнниковъ предписывалось представлять „до гарматы войсковой“. При такихъ условіяхъ, потеря гарматы имѣла большое моральное значеніе. Потому-то вопросъ о гарматѣ и занимаетъ такое видное мѣсто въ перепискѣ между Павлюкомъ, съ одной стороны, реестровыми козаками и гетманомъ Конецпольскимъ съ другой.

Въ этой перепискѣ Павлюкъ впервые высказалъ мысль о значеніи для козачества Запорожья. Тѣ гетманы, которые пріобрѣли себѣ славу, всегда пребывали, по его словамъ, на Запорожьѣ съ гарматою и войско-

шип клейнотами. Когда нужно было добывать славу льскому королю, а войску запорожскому, кромѣ того, и выгоду, гетманы, уходя изъ Запорожья, брали съ и и гармату. По миновеніи же надобности, гармату озили снова на Запорожье и ставили тамъ. Только недавнее время гармату вывезли на волость. Но на олости она не нашла себѣ мѣста.

Въ словахъ Павлюка Запорожье, такимъ образомъ, жуется, какъ давній центръ козачества, при чемъ нтръ общепризнанный. Такимъ Запорожье до того ремени никогда не было. Оно являлось только мѣстомъ бора козачества и его своевольныхъ элементовъ. Слова Павлюка указываетъ на силу и значеніе, какое въ 1630-хъ годахъ начинаетъ пріобрѣтать Запорожье въ знаніи козачества. Въ этомъ отношеніи политика ьскаго правительства, считавшаго возможнымъ во- ть все козачество въ семитысячный реестръ, сыграла ою роль. Мысль о значеніи Запорожья, высказанная Павлюкомъ, не была, нужно думать, одиночной. Она гро вошла въ сознаніе козацкихъ массъ.

Пока гармата стояла на волости, развивалъ свою мысль Павлюкъ, часто бывали случаи исключенія изъ козачества (выписка); урядники клеветали на козаковъ редъ польскимъ правительствомъ, перестали уважать козаковъ, выгоняли ихъ изъ имѣній шляхетскихъ, старались подчинить своей власти козаковъ заслуженныхъ козацкихъ вдовъ.

Все это были больные вопросы въ отношеніяхъ между козаками и польскимъ государствомъ, и объясненія Павлюка для широкихъ козацкихъ массъ должны были получать характеръ большой вѣроятности.

Являясь защитникомъ и проводникомъ идеи Запорожья, какъ центра козачества, внѣ всякой зависимости отъ реестра, Павлюкъ вовсе не выступалъ противникомъ короля и Речи Посполитой. Куда не прикажетъ король итти, запорожцы пойдутъ—говорилъ онъ. Противополагая Запорожье реестровымъ козакамъ и при-

знавая возможность вѣрной службы государству со стороны тѣхъ и другихъ, Павлюкъ все же находилъ, что лучше и полезнѣе было бы, если бы у козаковъ было одно товариство, одно войско, одинъ предводитель, а не два. Жили бы они такъ, какъ жили ихъ предки; не тѣшили бы враговъ, а топтали бы ихъ подъ ноги. Выводъ отсюда былъ ясенъ. Если на волости козаки теряли свои права и принуждены были защищать ихъ противъ урядниковъ, то нужно было соединиться съ Запорожьемъ.

На письма Павлюка нужно смотрѣть, конечно, какъ на агитаціонные листы. Это не лишаетъ, однако, ихъ и принципіальнаго значенія. Лозунги, которые ими бросались въ массы, были: объединеніе всего козачества съ центромъ въ Запорожьѣ, признаніе правъ козаковъ за тѣми элементами, которые находились на Запорожьѣ и не были записаны въ реестръ. Реестръ, такимъ образомъ, терялъ свое значеніе. Исчезали и выгоды, связанныя съ записной въ него.

Можетъ быть, поэтому, среди реестровыхъ козаковъ было колебаніе. Сочувствіе къ Павлюку среди нихъ расло, но въ тоже время значительная часть реестровыхъ козаковъ, высказывала и враждебное отношеніе къ его начинаніямъ. Надо полагать, это была старшина и наиболѣе зажиточная часть реестроваго козачества. Для нихъ особенно невыгодно было терять привиллегированное положеніе. Самъ старшій Томиленко колебался. Съ польской стороны его обвиняли въ томъ, что онъ сочувствовалъ Павлюку и дѣйствовалъ съ нимъ за одно. Такое обвиненіе мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у Окольскаго. Павлюкъ, дѣйствительно, въ одномъ изъ своихъ писемъ называлъ Томиленка человѣкомъ хорошимъ и давно заслуженнымъ предъ Речью Посполитого и протестовалъ противъ тѣхъ, кто отзывался о Томиленкѣ, какъ о двоедушномъ и измѣнникѣ.

Перемѣна гетмана. Двойственность поведенія Томиленка повела къ лишенію его гетманства. Гетманства лишила его рада,

собранная на р. Расавѣ. По словамъ Павлюка, рада была немногочисленна, по своему составу. Вмѣстѣ съ Томиленкомъ лишены были должностей полковники, сотники и другіе урядники, раздѣлявшіе настроеніе Томиленка и находившіеся подъ подозрѣніемъ.

Костомаровъ полагаетъ, что перемѣна гетмана и старшины у реестровыхъ козаковъ произошла по интригамъ Адама Киселя. Можетъ быть. Но нельзя уменьшать при этомъ и роли самой старшины (старшихъ козаковъ). Павлюкъ обвинялъ старшину въ томъ, что она лишила Томиленка гетманства, собравъ для этого малочисленную раду. Старшина, въ свою очередь, оправдывалась предъ гетманомъ Конецпольскимъ за свой своевольный поступокъ. Въ оправданіе старшина приводила свое подозрѣніе о двоедушіи Томиленка и объ его замыслахъ на недобрыя дѣла. Несомнѣнно, старшина реестровыхъ казаковъ опасалась соединенія Томиленка съ Павлюкомъ. Для нея былъ невыгоденъ и опасенъ тотъ планъ, который развивалъ Павлюкъ. Онъ слишкомъ угрожалъ ея матеріальному благополучію.

На мѣсто Томиленка гетманомъ былъ выбранъ Савва Кононовичъ, полковникъ переяславскій, родомъ великороссъ. Павлюкъ называетъ его недостойнымъ и негоднымъ для занятія гетманскаго уряда. Отзывъ этотъ нельзя, конечно, считать безпристрастнымъ. Другихъ свѣдѣній о Саввѣ Кононовичѣ мы не имѣемъ. Вмѣстѣ съ гетманомъ были избраны, какъ мы уже говорили, и другіе козацкіе урядники. Есть извѣстіе, что всѣ они, несмотря на явное нарушеніе при ихъ избраніи Куруковскаго договора, были утверждены польскими коммиссарами Адамомъ Киселемъ и Николаемъ Потоцкимъ.

Съ избраніемъ Саввы Кононовича у Павлюка исчезла надежда сдѣлаться гетманомъ. До того времени Павлюкъ твердилъ о своей легальности, о вѣрности и преданности Речи Посполитой. Рядъ незаконныхъ поступковъ, въ родѣ увоза гарматы, онъ старался

оправдать путемъ разныхъ хитроумныхъ объясненій со ссылками на прошлое. Теперь онъ сталъ дѣйствовать открыто и рѣшилъ взбунтовать козачество противъ старшины.

Агитація Павлюка и его приверженцевъ.

Съ этой цѣлью Павлюкъ двинулся самъ на Украину, а въ переяславскій полкъ послалъ полковниковъ Карпа Скидана и Семена Быховца съ трехтысячнымъ отрядомъ. Въ универсалѣ, обращенномъ не только къ козачеству, но и къ посполъству (т. е. къ крестьянству и мѣщанству), Павлюкъ призывалъ всѣхъ идти къ войску; обвинялъ старшину въ продажности, въ пренебреженіи къ интересамъ козаковъ; называлъ ее измѣнниками, убѣждалъ все населеніе ловить этихъ измѣнниковъ и доставлять „до гарматы войсковой". Мирному населенію Павлюкъ обѣщалъ полное спокойствіе.

Призывъ не остался безъ отклика. Населеніе стало ловить старшинъ и препровождать ихъ къ Павлюку. Не долго пришлось быть гетманомъ и Саввѣ Кононовичу. Въ іюлѣ 1637 года онъ былъ избранъ, а уже въ началѣ сентября попалъ въ руки агентовъ Павлюка. Вмѣстѣ съ нимъ былъ захваченъ войсковой писарь Онишкевичъ, имѣвшій большое вліяніе въ войскѣ, и нѣсколько другихъ старшинъ. Савва Кононовичъ былъ казненъ, а вмѣстѣ съ нимъ, вѣроятно, были казнены и всѣ, попавшіе въ руки Павлюка, старшины.

Карпъ Скиданъ и Семенъ Быховецъ оказались людьми настойчивыми, предпріимчивыми и хорошими агитаторами. Они распространили универсалъ Павлюка, писали и отъ себя агитаціонные листы къ населенію. Нѣкоторые изъ этихъ универсаловъ и листовъ сохранились въ польскомъ переводѣ, между прочимъ, у Окольскаго.

Лѣвобережная Украина, гдѣ универсалы и листы распространялись, была недавно колонизована. Населеніе ея являлось, поэтому, болѣе чуткимъ и воспріимчивымъ къ идеѣ свободы и тяжелѣе выносило крѣпостное ярмо. Голодъ усиливалъ эту воспріимчивость.

Въ 1673 году былъ неурожай. Хлѣбъ сдѣлался чрезвычайно дорогъ. Мѣра муки продавалась по тридцать и больше золотыхъ, да и то достать нельзя было. Приходилось ѣсть одно мясо. Священники, въ виду дороговизны хлѣба, разрѣшали ѣсть мясо въ постъ.

Почва была благопріятна для возстанія. Листы Скидана и Быховца производили магическое дѣйствіе вездѣ, куда они только ни проникали. Въ одномъ изъ листовъ, напр., обращенныхъ къ жителямъ цѣлаго ряда лѣвобережныхъ городовъ, Снятина, Сенчи, Лохвицы, Глинска, Ромна (всѣ полтавской губ.) и другихъ, Скиданъ указывалъ на то, что польскіе паны думаютъ уничтожить греческую вѣру, стремятся обратить въ крѣпостное состояніе подданныхъ королевскихъ имѣній и козаковъ, надругаются надъ женами и дѣтьми, хотятъ обратить ихъ въ неволю. Какъ обыкновенно бываетъ въ такое неспокойное время, ходило много слуховъ, одинъ тревожнѣе другого. Распространителями ихъ, какъ и раньше, Кулишъ называетъ поповъ и монаховъ. Ихъ много бродило на Украинѣ. Населеніе всему вѣрило.

Характеръ возстанія.

Крестьяне, взбунтованные слухами и агитаціонными листами, нападали на польскіе дворы и имѣнія, грабили ихъ. Паны убѣгали изъ имѣній, часто, какъ мы уже говорили, скрытными путями. Боялись попасть въ руки возставшихъ.

Возставшіе грабители убивали, наряду съ панами, и евреевъ. Еврейскій мемуаристъ Натанъ Ганноверъ приписываетъ козакамъ даже стремленіе уничтожить племя израелитовъ. Настолько велико, значитъ, было избіеніе евреевъ. Большая часть населенія занималась грабежомъ на мѣстахъ. Но часть, все-таки, приставала къ войску и уходила въ Мошны (кіевской губ. черкасскаго уѣзда). Туда звалъ Скиданъ, и тамъ былъ назначенъ сборный пунктъ для возставшаго войска.

Пока возстаніе не было еще организовано и не мобилизовало всѣхъ своихъ силъ, его, по мнѣнію современныхъ намъ ученыхъ, легко можно было поту-

шить въ самомъ началѣ. Этого, однако, не удалось сдѣлать, и возстаніе разгорѣлось въ большой пожаръ. Причина лежала, не столько въ силѣ и напряженности возстанія, сколько въ слабой организаціи военныхъ силъ Речи Посполитой.

Пораженіе козаковъ у с. Кумеекъ.

Конецпольскій въ началѣ возстанія не представлялъ себѣ всей серьезности его. Онъ посылалъ Павлюку увѣщательные универсалы, напоминалъ ему про куруковскій договоръ, указывалъ на нарушеніе Павлюкомъ круковской ординаціи. Конецпольскій полагалъ, что такимъ способомъ, путемъ увѣщаній и угрозъ, можно остановить возстаніе.

Польскаго войска было шесть тысячъ, при шести пушкахъ. Часть реестровыхъ козаковъ пристала къ возставшимъ; другая осталась вѣрной полякамъ. Въ числѣ послѣднихъ Окольскій называетъ козаковъ бѣлоцерковскихъ и каневскихъ. Число ихъ онъ опредѣляетъ въ восемь тысячъ. Если допустить эту цифру, то нужно полагать, что реестровые козаки были значительно усилены добровольцами, какъ это обыкновенно бывало во время походовъ. Такимъ образомъ, противъ козаковъ было двинуто приблизительно около четырнадцати тысячъ войска, считая вмѣстѣ реестровыхъ козаковъ и польскихъ жолнеровъ.

Начальство надъ войскомъ Конецпольскій поручилъ своему помощнику, гетману польному Николаю Потоцкому.

Сборнымъ пунктомъ была назначена Бѣлая Церковь. Движеніе польскаго войска было, однако, задержано волненіями среди жолнеровъ, вслѣдствіе неуплаты имъ жалованья. Потребовалось нѣкоторое время, пока Потоцкій могъ успокоить волненіе и двинуться въ походъ. Польское войско встрѣтилось съ козаками у с. Кумеекъ (кіевской губ. черкасскаго уѣзда). Битва произошла 6 декабря 1637 года при неблагопріятныхъ для козаковъ условіяхъ. Окольскій опредѣляетъ число козаковъ въ двадцать три тысячи человѣкъ. Цифра эта, однако, не можетъ считаться точной и можетъ быть

преувеличенной. Козаки потерпѣли сильное пораженіе. Потери ихъ современники опредѣляютъ различно, отъ трехъ до пяти тысячъ. Павлюкъ и Скидалъ ушли съ поля битвы. Оставшихся козаковъ вывелъ изъ затруднительнаго положенія Дмитрій Тимошевичъ Гуня. Это ему удалось, благодаря удачнымъ стратегическимъ дѣйствіямъ. Козаки отступили за Черкассы, къ Боровицѣ (кіевской губ. чигиринскаго уѣзда), окопались и начали было оборону. Но когда подошелъ съ главными силами Потоцкій, козаки почувствовали себя обезсиленными и рѣшили вступить въ переговоры.

Кулишъ полагаетъ, что иниціатива переговоровъ исходила отъ Адама Киселя. Киселю было жаль единовѣрцевъ. Окольскій, дѣйствительно, сообщаетъ, что Кисель отзывался о козакахъ, какъ о прекрасномъ народѣ, достойномъ похвалы; выражалъ только сожалѣніе, что энергія ихъ направлена не противъ враговъ, а противъ Рѣчи Посполитой. Несмотря на это, трудно предполагать, чтобы иниціатива переговоровъ исходила отъ Киселя. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется сообщеніе Окольскаго, что иниціатива здѣсь принадлежала самимъ козакамъ.

Переговоры у Боровицы и сдача козаковъ.

Еще до начала переговоровъ собралась козацкая рада. Павлюкъ былъ лишенъ старшинства. На мѣсто старшаго былъ избранъ Капрскій. Павлюка рѣшено было арестовать. Онъ сдѣлалъ попытку бѣжать, но неудачно, и долженъ былъ вернуться. Когда начались переговоры, Потоцкій однимъ изъ первыхъ условій поставилъ выдачу Павлюка, Томиленка, Скидана и другихъ старшинъ. Козаки въ состояніи были выдать только Павлюка и Томиленка. Остальныхъ старшинъ не было въ Боровицѣ. Кисель далъ обѣщаніе, что выданнымъ будетъ дарована жизнь, и они не будутъ казнены. Обѣщаніе Киселя, какъ видимъ, было грубо нарушено правительствомъ.

Польское правительство рѣшило подавить козацкій мятежъ суровыми мѣрами. Въ универсалѣ отъ [illegible] декабря 1637 года король Владиславъ IV-й при-

зывалъ всѣхъ старость и державцевъ на Украинѣ карать смертью бунтовщиковъ, конфисковать ихъ имущество и подавлять мятежи мечемъ и самыми суровыми мѣрами. Когда козаки сдались подъ Боровицей, гетманъ Конецпольскій задумалъ уничтожить козачество въ томъ видѣ, какъ оно существовало и подчинить его правительственной власти. Онъ предполагалъ достигнуть цѣли путемъ назначенія вмѣсто выбранной козацкой старшины польскихъ урядниковъ.

Потоцкій и Кисель не рѣшились осуществить предположеній Конецпольскаго во всей ихъ полнотѣ. Была собрана рада. На ней Кисель отобралъ у козаковъ булаву, знамя, бунчукъ [1]) и печать, назначилъ имъ полковниковъ, асауловъ, судей и войскового писаря изъ казаковъ. Назначеніе старшаго было отложено до сейма.

Временно старшимъ былъ назначенъ старѣйшій изъ полковниковъ Ильяшъ Караимовичъ. По происхожденію, онъ былъ, какъ полагаютъ Костомаровъ и Кулішъ, армянинъ или еврей-караимъ. Въ началѣ возстанія Ильяшъ Караимовичъ, тогда реестровый козакъ переяславскаго полка, донесъ Конецпольскому о замыслахъ и дѣйствіяхъ Павлюка и способствовалъ аресту двухъ его агентовъ. За это Ильяшъ получилъ переяславское полковничество и былъ назначенъ временнымъ старшимъ.

Отъ покорившихся козаковъ была взята присяга и особое обязательство. Послѣднее написано отъ имени старшины, всей черни и войска запорожскаго. Въ обязательствѣ разсказано, какъ началось возстаніе и какъ козаки принуждены были вступить въ переговоры подъ Боровицею. Далѣе подтверждалось согласіе на выдачу Павлюка и Томиленка. Что касается Скидана и другихъ старшинъ, то козаки обязывались ихъ поймать и пе-

[1]) *Бунчукъ*, по словамъ Окольскаго, бѣлый значекъ съ двумя конскими хвостами, висящими пониже яблока и покрытыми чернымъ чехломъ (Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. т. II, стр. 212).

редать въ руки польскаго правительства. Козаки признавали всѣ перемѣны, произведенныя въ ихъ войскѣ; обѣщали оставаться спокойными; сжечь всѣ челны на Запорожьѣ и выражали готовность помогать Речи Посполитой. Обязательство козаковъ должно было находиться постоянно при войсковыхъ реестрахъ и постоянно напоминать козакамъ о постигшей ихъ карѣ и о милосердіи короля. Отъ имени всего войска запорожскаго обязательство подписалъ войсковой писарь Богданъ Хмельницкій. Это было наканунѣ Рождества 1637 года.

Подъ Боровицей капитулировала только часть козаковъ. На лѣвомъ берегу Днѣпра, преимущественно, во владѣніяхъ князя Іереміи Вишневецкаго, бывшихъ главнымъ очагомъ крестьянскаго возстанія, отряды возставшихъ продолжали дѣйствовать. Возлѣ Ирклѣева (полтавской губерніи золотоношскаго уѣзда), недалеко отъ Боровицы, собрались значительныя силы подъ предводительствомъ Кизима. Потоцкому удалось ихъ разогнать и взять въ плѣнъ Кизима. Тогда поднялось возстаніе въ Лубенщинѣ, подъ начальствомъ Кизименка, сына Кизима. Возставшіе разгромили замокъ, костелъ, убивали шляхту, слугъ, монаховъ. Потоцкій, однако, скоро подавилъ и это возстаніе. Много изъ возставшихъ было взято въ плѣнъ.

Шляхетская реакція, вызванная возстаніемъ. Ея характеръ.

Потоцкій былъ страшно озлобленъ при видѣ убійствъ и разореній, какія принесло съ собой возстаніе. На жестокости онъ задумалъ отвѣтить жестокостями. Взятыхъ въ плѣнъ виновниковъ возстанія Потоцкій не совѣтовалъ везти въ Варшаву, а покарать ихъ на мѣстѣ. Если бы нужно было соразмѣрить кары съ тѣмъ преступленіемъ, которое совершили возставшіе, то слѣдовало бы, по мнѣнію Потоцкаго, все безъ исключенія Поднѣпровье и Заднѣпровье истребить безъ остатка.

Таково было настроеніе усмирителя козацкаго возстанія. Настроеніе Потоцкаго подогрѣвалъ пере-

яславскій полковникъ Ильяшъ Караимовичъ. Какъ дѣлали это ренегаты всѣхъ временъ и народовъ, Ильяшъ старался показать особую вѣрность и преданность Рѣчи Посполитой. Онъ натравливалъ Потоцкаго на козаковъ и обывателей, совѣтовалъ идти на поднѣпровскія слободы и разорить эти гнѣзда мятежа. Пройдя отъ Ирклієва черезъ Переяславъ до Нѣжина, Потоцкій означалъ свой путь висѣлицами. Сколько было казнено—неизвѣстно. Вѣроятно, много. Казнями Потоцкій удовлетворялъ свое раздраженіе. „Не для чего иного пріѣхалъ я въ Нѣжинъ, писалъ онъ Конецпольскому, какъ для того, чтобы видѣть этихъ злодѣевъ на кольяхъ собственными глазами". Такимъ путемъ Потоцкій думалъ усмирить Украину. Казни, по его мнѣнію, должны были поразить ужасомъ толпу. „Разставивъ по дорогамъ сторожами перекрестковъ десять сотенъ казненныхъ, писалъ онъ, я покажу на нихъ примѣръ сотнѣ тысячъ". Настало время, когда, по мнѣнію Потоцкаго, изъ возставшихъ можно вылѣпить все, что угодно, и искоренить совершенно возстанія на Украинѣ.

Изъ Нѣжина Потоцкій отправился въ Кіевъ. Жолнеровъ онъ поставилъ въ лѣвобережной Украинѣ на зимніе квартиры. Замѣстителемъ своимъ на Украинѣ оставилъ брата Станислава. Въ Кіевѣ усмирителя возстанія встрѣтили съ большими почестями. Его привѣтствовали митрополитъ Петръ Могила съ духовенствомъ, шляхта, мѣщане; говорили ему пышныя рѣчи воспитанники кіево-могилянскаго коллегіума.

Въ Кіевъ Потоцкій привезъ съ собою главнѣйшихъ виновниковъ возстанія. Трое изъ нихъ, а именно Кизимъ съ сыномъ и Кунгъ, были казнены на другой же день за стѣнами воеводскаго замка, на горѣ Кисилевкѣ, гдѣ въ настоящее время кіево-флоровскій монастырь. Павлюка, Томиленка и другихъ Потоцкій отправилъ въ Варшаву.

Потомъ занялись составленіемъ козацкаго реестра. Дѣло это было поручено козацкому полковнику Иль-

ану Караимовичу и комиссарамъ Киселю и Станиславу Потоцкому. У козаковъ были отобраны пушки и взяты какъ военный трофей [1]). Реестръ составлялся со всею строгостью. Кисель отмѣчаетъ, что никто не могъ попасть въ реестръ подъ чужимъ именемъ или на мѣсто отца. Очевидно, раньше это случалось.

Составленіе реестра происходило въ серединѣ февраля 1638 года. Вскорѣ послѣ этого въ Варшавѣ былъ созванъ сеймъ. Сеймъ собрался подъ впечатлѣніемъ только что подавленнаго аграрнаго движенія. Козаки хорошо понимали, что отъ сейма они не могутъ ожидать ничего для себя благопріятнаго. Поэтому, они снабдили своихъ пословъ, ѣхавшихъ ко времени сейма въ Варшаву, письмами. Въ письмахъ реестровые всю вину сваливали на Павлюка и своевольныхъ козаковъ (гультяйства). Они ссылались на свидѣтельство Адама Киселя и старались доказать, что реестровые козаки не были причиною возстанія.

Казнь Павлюка и другихъ козацкихъ вождей.

Ссылка на Киселя была ошибочной. Кисель не могъ явиться защитникомъ козаковъ. Онъ всецѣло находился во власти реакціи, охватившей шляхту и правительственные круги. Реакція эта отличалась суровой жестокостью, обычной для всѣхъ реакцій, возникавшихъ когда-нибудь на почвѣ аграрныхъ движеній. Кисель, какъ и всѣ землевладѣльцы, считалъ главными зачинщиками возстанія козаковъ. Если бы не козаки, крестьяне, по мнѣнію Киселя, не взбунтовались бы.

Кисель, несомнѣнно, не сочувствовалъ тѣмъ жестокостямъ, которыя примѣнялись къ козакамъ. Подъ

1) О пушкахъ Окольскій сообщаетъ слѣдующее: „четыре пушки носили надписи“: Ferdinandus me fecit“, „Rudolphus Secundus Imper.“, „Rudolphus Secundus Imperator, Bohemiae rex etc.“; четвертая съ арабскою надписью, пятая гладкая безъ помѣтокъ, шестая кіевская витая, седьмая отдана п. стражнику, восьмая пожалована реестровымъ козакамъ; прочія пушки, взятыя козаками въ городахъ, возвращены этимъ городамъ“ (Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси т. II стр. 214). Ср. выше стр. 361.

Боровицей, когда шла рѣчь о выдачѣ козацкихъ вождей, Кисель пообѣщалъ, что имъ будетъ сохранена жизнь. Во время сейма онъ указывалъ на это обѣщаніе. Ничего не помогло. Настроеніе землевладѣльческаго класса было не въ пользу милосердія. Ходатайство Киселя не имѣло успѣха. Во время засѣданій сейма въ Варшавѣ были казнены Павлюкъ, Томиленко и четверо другихъ. „Исторія Руссовъ" называетъ ихъ имена. Но историки не вѣрятъ въ точность ея указаній и считаютъ товарищей Павлюка и Томиленка неизвѣстными по именамъ.

Легенды о казни Павлюка.

Козакамъ отрубили головы и воткнули ихъ на колья. О казни козаковъ создались легенды. Легенды перешли въ хроники, даже въ историческую литературу. Въ легендахъ о казни Павлюка есть, какъ вѣрно замѣчаетъ проф. Грушевскій, нѣчто общее съ легендами о казни Наливайка. Много разъ издававшаяся, начиная съ 1653 года, хроника еврейскаго мемуариста Натана Ганновера передаетъ такой разсказъ о казни Павлюка. Павлюкъ хотѣлъ сдѣлаться королемъ въ Варшавѣ. Его, поэтому, и короновали. Сдѣлали желѣзный тронъ, посадили на него Павлюка, на голову надѣли раскаленную до бѣла желѣзную корону, а въ руку дали желѣзный прутъ. Подъ тронъ подложили углей и жарили Павлюка до тѣхъ поръ, пока онъ не испустилъ духъ. Кулішъ считаетъ эту легенду—дѣйствительно существовавшимъ проектомъ казни, придуманной польскимъ ксендзомъ. Проектъ былъ отвергнутъ. „Исторія Руссовъ" передаетъ легенду въ такомъ видѣ. Павлюку живому содрали съ головы кожу и набили ее гречаною соломою. Другимъ старшинамъ отрубили голову. Головы старшинъ были отосланы на Украину и выставлены по городамъ. Чучело же, сдѣланное изъ головы Павлюка, было переслано въ Чигиринъ. Нѣкоторое время оно тамъ выставлялось на показъ, а затѣмъ было всенародно сожжено во время ярмарки. Несмотря на явную неправдоподобность этого разсказа, имъ воспользовался Кан-

Бантышъ-Каменскій и внесъ въ свою „исторію Малой Россіи". Были и еще легенды. „Краткое историческое описаніе о Малой Россіи до 1789 года" передаетъ, напримѣръ, что до казни Павлюкъ и другіе старшины содержались подъ строгимъ карауломъ цѣлыхъ три года. Мы знаемъ, что это не вѣрно.

Главными распространителями и сочинителями легендъ Кулишъ и въ данномъ случаѣ считаетъ поповъ и монаховъ. Весьма вѣроятно. Но почва для такихъ легендъ коренилась, несомнѣнно, въ той жестокой обстановкѣ, въ какой происходила расправа Потоцкаго съ мятежными козаками и крестьянами. По словамъ письма, врученнаго реестровыми козаками своимъ посламъ въ Варшаву на сеймъ, козаки никогда еще не видѣли такого пролитія крови басурманской, какъ теперь христіанской: сколько загублено невинныхъ дѣтей! Если такая жестокость была проявлена польскимъ правительствомъ относительно простыхъ козаковъ и крестьянъ, то какая же должна быть проявлена жестокость относительно вождей возстанія? Народная фантазія, и помимо поповъ и монаховъ, могла создавать одну легенду жесточе другой. Любопытно, что въ народную поэзію эти легенды не перешли. Нѣтъ ни думъ, ни пѣсенъ, которыя говорили бы о смерти Павлюка и его товарищей.

Сеймъ и ординація 1638 г.

Сеймъ вполнѣ одобрилъ мѣры относительно козаковъ, которыя были намѣчены Конецпольскимъ еще въ 1637 году, и проведены въ жизнь при составленіи реестра. Мѣры эти были оформлены и внесены въ конституцію сейма 1638 года подъ названіемъ „ординація (учрежденіе) войска реестроваго запорожскаго, находящагося на службѣ Речи Посполитой" (ordynacya woyska zaporowskiego regestrowego, w służbie Rzpltey będącego).

Адамъ Кисель позднѣе называлъ себя авторомъ этой ординаціи. Онъ представилъ проектъ ординаціи Конецпольскому. Проектъ обсуждался затѣмъ въ тайной радѣ въ присутствіи Киселя, былъ предложенъ

сейму и получилъ утвержденіе. Проф. Грушевскій относится къ словамъ Киселя недовѣрчиво и склоненъ, повидимому, признать авторомъ ординаціи самого Конецпольскаго. Но, думается, нѣтъ серьезныхъ основаній не довѣрять Киселю. Еще наканунѣ козацкаго возставія, когда Кисель, по настроенію козацкихъ и крестьянскихъ массъ, только предугадывалъ возможность возстанія, онъ высказывалъ мысли, которыя легли затѣмъ въ основаніе ординаціи. Кисель находилъ необходимымъ имѣть на Украинѣ начальнаго человѣка для того, чтобы улаживать недоразумѣнія между козаками и правительствомъ и прекращать волненія въ самомъ началѣ. Въ связи съ этимъ, Кисель предлагалъ отнять у козачества дѣйствительную власть и передать ее правительственному лицу. Быть можетъ, такимъ правительственнымъ лицемъ, съ широкими полномочіями, мечталъ въ то время сдѣлаться самъ Кисель.

Ординація, внесенная въ конституцію сейма 1638 года, уничтожала на вѣчныя времена всѣ льготы, доходы козаковъ, право на ихъ самосудъ и на выборъ старшинъ. На службѣ королевской оставалось только шесть тысячъ реестровыхъ козаковъ. Остальные обращались въ хлоповъ. Реестровымъ давалось новое устройство. Вмѣсто старшаго изъ среды козаковъ во главѣ реестровыхъ былъ поставленъ старшій комиссаръ. Комиссаръ назначался королемъ на каждомъ сеймѣ, по рекомендаціи гетмановъ. Старшій комиссаръ избирался обязательно изъ лицъ шляхетскаго сословія, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ. Онъ приносилъ опредѣленную, приведенную въ ординаціи, присягу. На него возлагалась обязанность управлять всѣмъ козацкимъ войскомъ, предупреждать бунты, оказывать правосудіе обиженнымъ, являться съ войскомъ по требованію правительства Речи Посполитой. Все войско и всѣ войсковые старшины подчинялись комиссару. Самъ же онъ былъ подчиненъ коронному гетману. Асаулы и полковники назначались только изъ шляхтичей. Что касается сотни-

ковъ и атамановъ, то ординація допускала ихъ избраніе изъ среды козаковъ. Для всѣхъ козацкихъ должностныхъ лицъ непремѣннымъ условіемъ были поставлены опытность въ военномъ дѣлѣ и непоколебимая вѣрность польскому государству. Мѣстопребываніемъ комиссара назначался Терехтемировъ, какъ центральный пунктъ. Полковники обязаны были жить въ своихъ полкахъ и не выѣзжать оттуда безъ разрѣшенія короннаго гетмана. Поочереди полковники обязаны были выступать со своими полками на Запорожье, нести тамъ сторожевую службу противъ татаръ и препятствовать морскимъ походамъ своевольныхъ скопищъ. Подъ страхомъ смертной казни, ни одинъ козакъ не долженъ былъ ходить безъ паспорта на Запорожье. Слѣдить за этимъ лежало на обязанности губернатора, жившаго въ Кодакѣ. Козакамъ гарантировалось, что они не будутъ терпѣть никакихъ притѣсненій отъ украинскихъ старостъ и подстаростъ. Козаки въ свою очередь, не должны были вмѣшиваться въ дѣла, ихъ не касавшіяся Подъ страхомъ отвѣтственности, за этимъ должны были слѣдить комиссаръ и полковники. Для разрѣшенія тяжбъ между козаками и мѣщанами назначался судъ смѣшанный изъ подстаросты и полковника. Мѣстожительство козаковъ должна была строго опредѣлить особая комиссія. Передвиженія козаковъ запрещались. Никакихъ притѣсненій, ни личныхъ, ни имущественныхъ, козаки не должны были испытывать. Подъ угрозой конфискаціи имущества, мѣщанамъ запрещалось записываться въ козаки или выдавать за козаковъ замужъ своихъ дочерей. Изъ опасенія скопищъ и бунтовъ, козакамъ не дозволено было селиться въ городахъ. Исключеніе сдѣлано было только для пограничныхъ городовъ, Черкассъ, Чигирина, Корсуня и другихъ. Присутствіе козаковъ въ пограничныхъ городахъ допускалось только въ виду постоянной необходимости защищать край отъ нападеній татаръ. Такъ какъ владѣльцы жаловались на захваты козаками земель возлѣ Терехтемирова, то,

для разсмотрѣнія вопроса объ этомъ, ординація учреждала особую коммиссію. Коммиссіи поручалось разобраться въ жалобахъ, и, если дѣйствительно оказались бы захваты, возвратить захваченныя земли прежнимъ владѣльцамъ. Въ руководство коммиссіи была составлена особая инструкція. Она была передана на сохраненіе въ королевскій архивъ.

Тайная инструкція, составленная на основаніи записки Конецпольскаго, развивала дальнѣйшія мѣры, которыя должны были стѣснить и связать казаковъ по рукамъ и ногамъ. Мѣры эти могли сильно взволновать козачество. Поэтому ихъ и держали до поры до времени въ тайнѣ. При комиссарѣ и полковникахъ предполагалось завести особую „гвардію": сотню наемныхъ козаковъ и драгунъ при комиссарѣ и по пятидесяти при каждомъ полковникѣ. Гвардіи предполагалось дать высшее жалованье. Задачей ея было уничтожать и прекращать всякіе бунты и своевольства при самомъ ихъ началѣ. Въ тайной инструкціи говорилось также объ укрѣпленіи, возможно сильномъ, крѣпости Кодака и объ организаціи пограничной стражи. Гарнизонъ Кодака опредѣлялся въ шестьсотъ человѣкъ польскаго войска, да сверхъ того сто козаковъ наемныхъ, нереестровыхъ.

Такова была ординація и мѣры, принятыя для обуздапія козачества. Все то, чего козаки достигли упорной борьбой въ теченіе послѣдняго полстолѣтія, уничтожалось. Польское правительство возвращало козаковъ къ тому положенію, въ которомъ они находились во времена Стефана Баторія. Основы прежняго самоуправленія козачества уничтожались. Правда, уряды сотниковъ и атамановъ должны были замѣщаться людьми, выбранными изъ среды козачества, но, конечно, здѣсь не могло быть и рѣчи о свободномъ выборѣ. Лѣтопись Самовидца прямо говоритъ, что сотниковъ опредѣляли полковники, по своему усмотрѣнію. Все-таки было чрезвычайно важно, что сотники

и атаманы назначались только изъ козаковъ. Сохранилась идея какъ бы самоуправляющейся козацкой организаціи. Главное же, не уничтожилась связь между сотниками и атаманами, съ одной стороны, и рядовымъ козачествомъ—съ другой. Благодаря отчасти этому, можно думать, чигиринскій сотникъ Богданъ Хмельницкій могъ найти откликъ среди козачества и черезъ десять лѣтъ послѣ ординаціи 1638 года стать во главѣ народнаго возстанія на Украинѣ.

Запорожье.

Козаки были вынуждены принять ординацію 1638 года.

Ординація, конечно, не могла вызвать успокоенія на Украинѣ. Она касалась только реестровыхъ козаковъ. Остальная же масса приставшихъ къ козакамъ оставалась за бортомъ и возвращалась въ прежнее положеніе. Хотя ординація принимала рядъ мѣръ противъ Запорожья, сдѣлавшагося центромъ недовольныхъ, но это мало помогало. Всѣ безпокойные элементы уходили туда. Послѣ капитуляціи подъ Боровицей на Запорожье ушли Скиданъ и другіе видные вожди возстанія.

Николай Потоцкій задумалъ было уничтожить Запорожье. Онъ хотѣлъ арестовать Скидана и разсѣять собравшійся тамъ людъ. По свѣдѣніямъ Окольскаго, на Запорожьѣ въ то время собралось около пяти тысячъ бунтовщиковъ. Скиданъ готовилъ возстаніе. Потоцкій послалъ на Запорожье ротмистра Мелецкаго съ отрядомъ. Экспедиція Мелецкаго окончилась, однако, неудачно. Мелецкому едва удалось самому уйти живымъ.

Что дѣлалось въ это время на Запорожьѣ, мы въ точности не знаемъ. Запорожскаго архива нѣтъ и не было. Свѣдѣнія, доходившія изъ Запорожья въ польскій лагерь и записанныя въ дневникѣ капелланомъ Окольскимъ, не могутъ считаться вполнѣ достовѣрными. Они, между тѣмъ, являются почти единственнымъ источникомъ для этого времени. То, что сообщаетъ Окольскій, можетъ быть пополнено донесеніями польскихъ полко-

водцевъ. Но и ихъ донесенія основаны не на первоисточникахъ, а на сомнительныхъ показаніяхъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ. Мы имѣемъ, вслѣдствіе этого, только самое смутное представленіе о той силѣ сцѣпленія, которая дала возможность возставшему козачеству и крестьянству такъ долго и упорно сопротивляться и отстаивать свою свободу и старый козацкій строй. Не ясны для насъ и причины внутренней борьбы среди запорожцевъ, смѣна у нихъ начальниковъ, старшихъ и полковниковъ.

Остранинъ (Острамица). Ушедшіе на Запорожье послѣ пораженія подъ Кумейками и сдачи главныхъ козацкихъ силъ подъ Боровицей остатки козаковъ, повидимому, быстро тамъ снова сорганизовались. Старшимъ надъ ними былъ избранъ Остранинъ, называемый нѣкоторыми Остренинъ, или Остряница *).

Свѣдѣнія объ Остранинѣ скудны и противорѣчивы. Въ источникахъ извѣстны Степанъ и Яковъ (Яцко) Остранины. Благодаря этому, свѣдѣнія изъ біографіи Остранина крайне спутаны. Источники называютъ гетмана Остранина Степаномъ. Но не всѣ ученые увѣрены въ этомъ. Нѣкоторые считаютъ гетманомъ Яцка. Есть извѣстіе, что Яцко Остранинъ былъ уже полковникомъ реестровыхъ козаковъ въ 1634 году во время похода ихъ съ польскими войсками въ Сѣверскую землю и подъ Сѣвскъ. Если эти свѣдѣнія относятся къ запорожскому старшему Остранину, то занятіе имъ раньше полковничьяго уряда, могло послужить основаніемъ для избранія его въ старшіе. Окольскій, присматрѣвшись къ козацкимъ порядкамъ, замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что въ старшины козаки избирали людей далеко недюжинныхъ, а не первыхъ встрѣчныхъ.

Ближайшимъ сотрудникомъ Остранина былъ Скиданъ.

Возстаніе 1638 г. и его характеръ. Оба, и Остраница и Скиданъ, дѣятельно занялись

*) Прозвище Остранинъ нѣкоторые связываютъ съ г. Остромъ черниговской губерніи. Предположеніе, ни на чемъ не основанное.

организаціей козацкихъ силъ. Имъ нужно было бороться не только съ польскими войсками, но и съ значительной частью реестровыхъ козаковъ.

Въ козачествѣ не было полной солидарности. Съ самого начала возстанія значительная часть реестровыхъ козаковъ оставалась спокойною, вѣрно несла службу польскому правительству. Она сражалась бокъ-о-бокъ съ польскими войсками противъ реестровыхъ козаковъ, приставшихъ къ возстанію, и всего войска украинскихъ повстанцевъ. Послѣ Кумеекъ и Боровицы количество реестровыхъ козаковъ, оказавшихся на сторонѣ возстанія, значительно уменьшилось. Они снова вернулись на службу Речи Посполитой. Далеко, конечно, не всѣ. Впослѣдствіи, когда возстаніе было сломлено, польская администрація старалась примирить двѣ враждовавшихъ части реестроваго козачества. Значитъ, реестровые козаки были еще въ рядахъ повстанцевъ.

Остранинъ и Скиданъ призвали себѣ на помощь донскихъ козаковъ. Донское козачество давно уже находилось въ соприкосновеніи и въ сношеніяхъ съ запорожскимъ козачествомъ и не разъ помогало козакамъ. Для вождей козацкаго возстанія важно было поддержать интенсивность его. Можно было опасаться, что возстаніе ослабѣетъ послѣ серьезныхъ неудачъ, пережитыхъ козаками.

Скиданъ былъ умѣлый организаторъ. Въ разные концы Украины, на Подолію, въ Покутье, на Волынь, въ болѣе извѣстные монастыри и города разосланы были письма и грамоты для возбужденія народа и православной шляхты. Агитаторами на мѣстахъ являлись священники, монахи и даже монахини. При ихъ содѣйствіи, козацкое и крестьянское движеніе не ослабѣло. Оно скоро оправилось послѣ недавнихъ пораженій. Окольскій передаетъ, будто бы козаки снарядили даже посольство въ Римъ, обѣщали подчинить папѣ всю Украину, если папа разрѣшитъ имъ вести войну отъ его имени. Сообщеніе Окольскаго, конечно, сомни-

тельно и принадлежитъ, вѣроятно, къ области легендъ, которыхъ ходило немало на той и другой сторонѣ. Для характеристики тогдашнихъ настроеній въ польскомъ лагерѣ оно все же интересно. Отъ энергіи козацкихъ вождей поляки, видно, ожидали самыхъ смѣлыхъ и неожиданныхъ предпріятій.

Движущими мотивами къ продолженію борьбы являлись тѣ же, что и при началѣ возстанія. Но къ нимъ присоединились и новые—требованіе отмѣны ординаціи 1638 г. и возстановленіе стараго козацкаго строя. Позже, послѣ неудачи Остранина, его преемникъ Гуня сузилъ эти требованія. Въ своихъ письмахъ къ польскимъ вождямъ Гуня говорилъ только о возвращеніи къ нормамъ куруковскихъ статей.

На сколько Остранину и Скидану удалось организовать возстаніе и уничтожить впечатлѣніе отъ недавнихъ неудачъ, показываютъ слухи, ходившіе на Украинѣ и достигавшіе польскаго лагеря. Говорили, что Остранинъ вышелъ изъ Запорожья съ огромнымъ войскомъ, страшнымъ, непобѣдимымъ, съ прекрасною артиллеріею. Передавали, что населеніе Украины встрѣтило выступленіе Остранина очень сочувственно. Одни приготовляли порохъ, другіе поставляли людей, деньги, провіантъ. Носился слухъ, что въ Терехтемировѣ козаки устроили свою больницу; межигорскій монастырь прислалъ имъ будто бы благословеніе, а кіево-печерскій воздалъ имъ честь.

Слухи, въ сильной мѣрѣ, содѣйствовали возстанію. Притихшая, казалось, послѣ криваваго путешествія Николая Потоцкаго, лѣвобережная Украина снова начала подниматься. Паника распространилась среди пановъ и ихъ управителей.

Скиданъ и Остранинъ двинулись изъ Запорожья по двумъ направленіямъ. Скиданъ пошелъ на Чигиринъ. Часть его отряда переправилась черезъ Днѣпръ, захватила на немъ перевозы и подошла къ Ирклѣеву, гдѣ стоялъ отрядъ польскаго войска. Главныя же ко-

зацкія силы, подъ начальствомъ Остранина, ограбивши Кременчугъ, Хоролъ и Омельникъ, заняли прекрасную позицію у города Голтвы (полтав. губ. кобелякскаго уѣзда), принадлежавшаго князю Іереміи Вишневецкому. Остранинъ хорошо укрѣпилъ занятую позицію. Окольскій въ своемъ дневникѣ подробно описываетъ эти укрѣпленія. Попытка польскихъ войскъ взять ихъ окончилась полной неудачей. Станиславъ Потоцкій принужденъ былъ съ значительными потерями отступить къ Лубнамъ. Это было 1 (11) мая 1638 года.

Козацкій лѣтописецъ XVIII вѣка Самуилъ Величко, на основаніи свѣдѣній, заимствованныхъ изъ какого-то рукописнаго „козацкаго лѣтописца", опредѣляетъ потери поляковъ въ три съ половиною тысячи человѣкъ. По показанію того же лѣтописца, поляковъ подъ Голтвою было 9800 человѣкъ, а козаковъ двѣнадцать тысячъ. Цифры эти сомнительны.

Какъ оказалось потомъ, Остранинъ сдѣлалъ большую ошибку, покинувши укрѣпленный лагерь возлѣ Голтвы. Подъ Лубнами онъ потерпѣлъ неудачу и долженъ былъ отступить къ Лохвицѣ, затѣмъ къ Миргороду. Это отступленіе имѣло очень важныя послѣдствія для исхода всего возстанія. Козаки Остранина не могли соединиться съ донцами и запорожцами, пришедшими къ нимъ на помощь.

Донцовъ было около пятисотъ. Начальниками надъ ними и пришедшими съ донцами запорожцами Окольскій называетъ Путивльца, Мурка и Рѣнку. Историки видятъ обыкновенно въ нихъ три лица. Но представляется основательнымъ мнѣніе проф. М. С. Грушевскаго, что предводителей было собственно два—путивлецъ Мурко и Рѣнка. Послѣдній былъ жителемъ Кременчуга, Мурко же—жителемъ Путивля.

Мурко и Рѣнка не застали Остранина подъ Лубнами и должны были выдержать натискъ поляковъ. Сопротивлялись они долго и упорно. Въ концѣ концовъ козаки должны были уступить. Для переговоровъ

былъ выбранъ старшина нѣкій Иванъ Васильевичъ. Въ письмѣ своемъ къ Потоцкому Иванъ Васильевичъ представлялъ дѣло такъ, будто козаки были введены въ заблужденіе Остранинымъ. Они случайно оказались врагами поляковъ. Козаки, поэтому, просили сожалѣнія и прощенія. По требованію поляковъ, они выдали Путивльца и Рѣпку. Это имъ, однако, не помогло. Польскіе жолнеры бросились на козацкій лагерь и почти весь его истребили.

Пока все это происходило возлѣ Лубенъ, Остранинъ успѣлъ подкрѣпить свои военныя силы. Появленіе Остранина въ сѣверо-восточной части Полтавщины усилило притокъ къ нему крестьянъ. По словамъ польскихъ источниковъ, къ Остранину примкнуло до десяти тысячъ крестьянъ изъ одной только Роменщины. Остранинъ довольно окружнымъ путемъ двинулся къ Лубнамъ и занялъ позицію ниже города, на Сулѣ, возлѣ Лукомля (полтав. губ., лубенскаго уѣзда). Въ этихъ мѣстахъ Остранинъ и подручные ему войска не имѣли успѣха. Особенно повредилъ казакамъ планъ одного изъ ихъ начальниковъ Сокиряваго. Отрядъ Сокиряваго былъ разбитъ. Остранинъ отступилъ ниже по Сулѣ подъ Жовнинъ (полтав. губ. золотоношскаго уѣзда). Поляки слѣдовали за нимъ и аттаковали козацкое войско 3 (13) іюня 1638 г. ниже Жовнина, недалеко отъ устья Сулы. Когда среди козаковъ началась паника, Остранинъ съ небольшимъ отрядомъ оставилъ таборъ, въ которомъ защищались козаки, бросилъ козацкое войско на произволъ судьбы, переправился вплавь черезъ Сулу и исчезъ въ степи.

Судьба Остранина. Дальнѣйшая судьба Остранина неизвѣстна. Почти всѣ казацкіе лѣтописцы (Самовидецъ, Грабянка) и лица, писавшія о казакахъ въ XVIII и въ первой четверти XIX вѣка (Миллеръ, Ригельманъ, Симоновскій, авторъ „Исторіи Руссовъ", а съ его словъ и Бантышъ-Каменскій) сообщаютъ, что гетманъ Остранинъ былъ отвезенъ въ Варшаву и тамъ казненъ мучительной

казнью вмѣстѣ съ другими козацкими вождями. „Исторія Руссовъ“ передаетъ и подробности казни. Для различныхъ разрядовъ козацкихъ старшинъ была примѣнена особая казнь. Остранину будто бы переломали руки и тянули жилы, пока онъ не умеръ.

Разсказы о смерти Остранина основаны, очевидно, на легендахъ, которыя создались на Украинѣ послѣ безслѣднаго исчезновенія его изъ-подъ Жовнина. Разсказы, съ теченіемъ времени, видоизмѣнялись и разнообразились.

Имѣются свѣдѣнія, что гетманъ Остранинъ, еще во время своего отступленія къ Лохвицѣ и Миргороду, переправилъ свою жену и семью за московскій рубежъ. Очевидно, Остранинъ не надѣялся на успѣшный исходъ козацкаго возстанія и, въ случаѣ неудачи, расчитывалъ уйти въ предѣлы московскаго государства. Дѣйствительно, Яцко (Яковъ) Остранинъ, называемый въ московскихъ источникахъ гетманомъ, въ 1638 году пришелъ въ г. Бѣлгородъ (курской губ.) вмѣстѣ съ сыномъ Андреемъ и 865 рядовыми козаками. Впослѣдствіи подошли къ нимъ и другіе козаки, такъ что всего козаковъ оказалось 948. Они поселились на Чугуевѣ городищѣ, гдѣ въ настоящее время стоитъ г. Чугуевъ, харьковской губ., зміевскаго уѣзда. Московское правительство отвело козакамъ землю и выдало пособіе на первое обзаведеніе. Поселенцы были организованы по козацкому образцу и сохраняли правильное полковое устройство, но оно, какъ отмѣчаетъ проф. Д. И. Багалѣй, значительно отличалось отъ устройства запорожскихъ козаковъ.

Поселеніе на Чугуевомъ городищѣ продержалось не долго. Между Остранинымъ и козаками начались раздоры. Кончились они убійствомъ Остранина. Большая часть козаковъ послѣ этого возвратилась въ 1641 году на родину въ польскіе предѣлы. Жена Остранина переѣхала въ Москву и тамъ постриглась, съ разрѣшенія царя Михаила Феодоровича, въ новодѣвичьемъ монастырѣ.

Противорѣчивыя свѣдѣнія о судьбѣ гетмана Остранина ставятъ въ большое затрудненіе историковъ. Архіепископъ Филаретъ Гумилевскій въ своемъ „историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи“ признаетъ фактъ казни Остранина въ Варшавѣ, Яцка же Остранина, переселившагося въ Харьковщину, считаетъ родственникомъ гетмана. Костомаровъ также не рѣшается отвергнуть казнь Остранина и допускаетъ, что Остраниныхъ было два—Стефанъ, казненный въ Варшавѣ, и Яцко. Соловьевъ и В. Б. Антоновичъ, напротивъ, отождествляютъ гетмана, ушедшаго изъ-подъ Жовнина, съ Яцкомъ Остранинымъ, переселившимся за московскій рубежъ. Проф. Д. И. Багалѣй въ своихъ „очеркахъ по исторіи колонизаціи степной окраины московскаго государства“ не пришелъ къ твердому заключенію и высказалъ предположеніе, что въ Варшавѣ былъ казненъ отецъ Яцка Остранина. Вопросъ о томъ, что сдѣлалось съ гетманомъ, такимъ образомъ, остается неразъясненнымъ.

Причиной ухода Остранина изъ-подъ Жовнина Костомаровъ считаетъ партійную борьбу въ козацкомъ лагерѣ между приверженцами Остранина и Гуни. Догадка Костомарова не имѣетъ прочныхъ основаній въ источникахъ. По вѣрному замѣчанію проф. Грушевскаго, условія, при которыхъ состоялся уходъ Остранина, совершенно исключаютъ наличность борьбы. Для этого не было ни времени, ни возможности.

Дѣятельность Гуни. Уходъ Остранина, несмотря на свою неожиданность, не поселилъ паники среди козаковъ. Козаки выдержали натискъ и гетманомъ своимъ выбрали Дмитрія Тимошевича Гуню.

Съ Гуней мы уже встрѣчались. Онъ путемъ очень ловкихъ передвиженій отвелъ козаковъ къ Боровицѣ послѣ пораженія ихъ у Кумеекъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о Гунѣ сообщаетъ Окольскій. Польскій войсковой капелланъ считаетъ Гуню человѣкомъ недюжиннымъ, осторожнымъ и съ большой отвагой. Гуня у козаковъ

давно пользовался извѣстностью. Послѣ сдачи козацкаго войска подъ Боровицей, онъ вмѣстѣ со Скиданомъ ушелъ на Запорожье. Тамъ Гуню избрали кошевымъ атаманомъ. Окольскій приводитъ письмо Гуни къ татарскому султану-калгѣ отъ 26 февраля 1638 г. Гуня подписался въ немъ гетманомъ войска е. к. м. запорожскаго. Проф. Грушевскій недовѣрчиво относится къ этому письму, но самъ же рядомъ соображеній значительно подрываетъ свое недовѣріе. Письмо, вѣроятно, подлинное. Оно попало къ Окольскому, нужно думать, позже и могло быть передано полякамъ татарами уже послѣ пораженія козаковъ во время какихъ-нибудь дипломатическихъ переговоровъ. Гуня призывалъ татаръ на помощь и обязывался доставлять имъ всюду безопасный проходъ и проводниковъ.

Изъ письма видно, что переговоры велись и раньше, въ декабрѣ или въ январѣ. Повидимому, и тѣ и другіе переговоры остались безрезультатными. Татары помощи не оказали.

Кулішъ называетъ Гуню „геніальнымъ варваромъ". Дѣйствія козаковъ Кулішъ сравниваетъ съ паствіемъ торковъ, берендеевъ и черныхъ клобуковъ. Мнѣніе Куліша объясняется его предвзятой точкой зрѣнія. Кулішъ смотритъ на народное возстаніе 1637—38 года не какъ на народную борьбу противъ уродливыхъ условій соціально-политическаго строя Речи Посполитой, а какъ на борьбу варваровъ-козаковъ противъ носителей культуры—поляковъ.

Получивъ послѣ Острянина начальство надъ войскомъ, Гуня завелъ было переговоры съ поляками, но скоро прервалъ ихъ. Думаютъ, на это повліяли извѣстія о приближеніи Скидана.

Приходъ Скидана не принесъ, однако, существенной пользы. Отрядъ его былъ разбитъ, Скиданъ тяжело раненъ и отправленъ въ Чигиринъ. Полякамъ удалось захватить его по дорогѣ. Повидимому, Скидана выдали свои козаки. Плѣнъ Скидана являлся большимъ тор-

жествомъ для поляковъ. Окольскій отмѣчаетъ его, какъ „важное и счастливое предзнаменованіе".

Гуня не нашелъ возможнымъ дольше оставаться подъ Жовниномъ, и отвелъ войско внизъ, къ устью Сулы, гдѣ въ нее впадаетъ рѣчка Старецъ.

Мѣсто было хорошо укрѣплено отъ природы. Здѣсь, кромѣ того, былъ и давній готовый окопъ. На этомъ самомъ мѣстѣ, какъ узналъ Окольскій отъ одного изъ старожиловъ, черкасскій староста Вишневецкій осаждалъ когда-то козаковъ. Въ землѣ находили еще старинныя шпоры.

Сюда, къ устью Старца, пришли и остатки разбитаго отряда Скидана.

Гуня занялся укрѣпленіемъ холмистаго мѣста. Впослѣдствіи поляки удивлялись „изобрѣтательности грубаго хлопа и его искусству въ такого рода сооруженіяхъ". Настолько сильныя укрѣпленія создалъ въ короткій срокъ Гуня.

Къ тому времени, какъ польское войско и реестровые козаки подошли къ Старцу, изъ Кіева прибылъ туда съ конницею и гетманъ польный Николай Потоцкій. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ приступовъ онъ началъ осаду.

Козаки рѣшили вступить въ переговоры. Сохранилось нѣсколько писемъ Гуни къ полякамъ. Часть писемъ приводитъ Окольскій. Гуня указывалъ въ нихъ на страшное пролитіе крови. Благодаря измѣнникамъ, подъ которыми Гуня, разумѣлъ реестровыхъ козаковъ, козачество лишилось правъ и вольностей, потеряло все, что добыло своею саблею. Гуня выражалъ желаніе скорѣй умереть, чѣмъ согласиться на такой миръ, какой былъ заключенъ подъ Кумейками. Мириться онъ соглашался только при условіи сохраненія за козаками правъ и вольностей, „добытыхъ кровавыми заслугами". Миръ не долженъ сопровождаться пролитіемъ крови и угнетеніемъ какъ козаковъ Гуни, такъ и убогихъ неповинныхъ людей. Позднѣе, въ своемъ письмѣ къ

польскому гетману отъ 2 августа 1638 г., Гуня повторялъ свою просьбу не угнетать козаковъ и заявлялъ, что козаки рѣшили ничего не требовать, сверхъ куруковскихъ статей, но и не отступать отъ нихъ. Гуня проситъ сохранить куруковскія статьи до ближайшаго сейма. Козаки собирались послать ко времени сейма пословъ и надѣялись, очевидно, что имъ удастся убѣдить короля и членовъ сейма сохранить за козаками права, опредѣленныя въ куруковскихъ статьяхъ.

На всѣ просьбы и предложенія козаковъ Николай Потоцкій отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. У поляковъ стало даже закрадываться подозрѣніе, что, благодаря переговорамъ, козаки стремятся оттянуть время и выждать подкрѣпленій.

Къ козакамъ, дѣйствительно, шелъ на помощь съ значительнымъ отрядомъ и запасомъ провіанта полковникъ Филоненко.

Отъ недостатка провіанта страдали и поляки и козаки. Нѣсколько лѣтъ подъ рядъ на Украинѣ былъ неурожай. Стояло знойное лѣто. Трава вся выгорѣла. Пастьбы для коней и скота не было. Не уродился и хлѣбъ. Современникъ событій Іоакимъ Ерличъ въ своей лѣтописи (1620—1673 г.) записалъ подъ 1638 годомъ, что мѣрка жита возлѣ Кіева и на Заднѣпровьѣ стоила сорокъ злотыхъ и выше. Засуха стояла страшная. Осенью пѣлъ соловей; червь съѣлъ на поляхъ всѣ посѣвы. Люди принуждены были собирать и сушить всякую гниль, листья съ дерева, толочь въ ступахъ и ѣсть вмѣсто хлѣба. Много народу и стараго, и малаго умерло въ тотъ годъ, по словамъ нашего лѣтописца. Неслыханная рѣчь, сообщалъ въ своихъ донесеніяхъ гетманъ Потоцкій: жито на Заднѣпровьѣ стоило по тридцать слишкомъ злотыхъ, да и то достать нельзя было *). Польскія войска по три и четыре недѣли не видали и не ѣли хлѣба.

*) Злотъ того времени заключалъ въ себѣ 30 грошей. Для того, чтобы судить о дороговизнѣ въ 1638 году хлѣба на Украинѣ, нужно

Неудивительно, если козаки съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали прихода Филоненка съ запасомъ провіанта. Полякамъ, однако, удалось объ этомъ провѣдать. Они подстерегли Филоненка на Днѣпровскихъ плавняхъ, напали и разгромили его. По словамъ Окольскаго, Филоненку удалось пробиться въ казацкій лагерь только съ нѣсколькими стами козаковъ и съ провіантомъ дня на два. Остальное войско и провіантъ онъ потерялъ.

Неудача Филоненка вызвала въ козацкомъ лагерѣ панику, дошедшую, очевидно, до отчаянія. Начались волненія. Филоненка стали обвинять въ предательствѣ, публично наказали кіями и приковали цѣпью за шею. Козаки рѣшили сдаться. Филоненку удалось убѣжать.

О Гунѣ въ это время мы ничего не знаемъ: остался ли онъ въ козацкомъ лагерѣ и получилъ амнистію или убѣжалъ до сдачи вмѣстѣ съ Филоненкомъ? Костомаровъ предполагаетъ послѣднее на томъ основаніи, что Гуня и Филоненко появились впослѣдствіи въ московской землѣ. Когда они переселились туда, неизвѣстно. Свѣдѣнія о бѣгствѣ Гуни въ московскіе предѣлы имѣются въ письмѣ Конецпольскаго отъ 19 ноября 1639 года. Это не значитъ, однако, что Гуня не могъ уйти за границу и гораздо раньше. Зимою 1639—1640 г. до свѣдѣнія польскаго правительства дошло, что какой-то Андрей Гуня проживалъ въ Азовѣ. Есть извѣстіе, что „Гунка" Черкашенинъ въ 1640 году предводительствовалъ донцами при ихъ нападеніи на турецкій флотъ. Какое отношеніе имѣли эти лица къ

принять во вниманіе, что, двѣнадцать лѣтъ спустя, въ 1650 году, четвероконный возъ сѣна стоилъ 17 злот. 10 грошей, корова — 20 злот., баранъ — 4 злот. 13½ грошей; годовому работнику платили около 27—35 злотыхъ; цѣна одного дня плотничьей работы стоила 26½ грошей. *Dziela Tadeusza Czackiego* zebrane i wydane przez Hr. Edw. Raczyńskiego Poznan 1843, томъ I, стр. 166 и 200. *А. Н. Ханенко*, О польскихъ и литовскихъ монетахъ Ф. Чацкаго. Черниговъ, 1853 г. (изъ „Губернскихъ Вѣдомостей"), стр. 18 и 39).

именитому Дмитрію Гунѣ, и не разумѣлся ли подъ ними этотъ послѣдній—доказательствъ нѣтъ.

Сдача козаковъ на р. Старцѣ и условія сдачи.

Переговоры о сдачѣ козаковъ на Старцѣ велъ уже не Гуня, а другое лицо—нѣкій Романъ Пешта. Потоцкій настоялъ на своихъ требованіяхъ, и козаки, въ концѣ концовъ, согласились принять ихъ. Единственную уступку сдѣлалъ имъ Потоцкій—далъ обѣщаніе не примѣнять предположенныхъ мѣръ раньше возвращенія козацкихъ пословъ отъ короля. Козаки надѣялись, что король смягчитъ требованія Потоцкаго. Надежда была неосновательна. Согласно польской конституціи, король былъ безсиленъ самостоятельно измѣнить ординацію, принятую на сеймѣ 1638 года.

Потоцкій, слѣдуя этой ординаціи, потребовалъ отъ козаковъ выдачи артиллеріи и принятія назначенныхъ польскимъ правительствомъ старшаго и полковниковъ изъ шляхты. Сдавшіеся реестровые козаки обязаны были помириться съ тѣми, которые оставались вѣрными Речи Посполитой. Всѣ вмѣстѣ должны были составить раду. Рада назначалась въ Корсунѣ на 9 сентября. Свои обѣщанія козаки обязаны были подтвердить присягой и выдать войсковые клейноты: пушки, булаву, бунчукъ, знамена и бубны.

Козаки все исполнили. Несмотря на непримиримую, казалось, вражду между реестровыми, стоявшими на сторонѣ польскаго правительства, и тѣми изъ реестровыхъ, которые примкнули къ возстанію, козаки, подъ присягой, дали обѣщаніе ни въ чемъ не упрекать другъ друга и „въ любви и согласіи товарищескимъ жить". Они обѣщали также удалить всѣхъ невписанныхъ въ реестръ, вышедшихъ изъ помѣщичьихъ имѣній, и впредь такихъ не принимать.

Польскіе источники говорятъ, что козаки приняли условія, предложенныя Потоцкимъ, съ радостью. Это, конечно, сомнительно.

Принося присягу, „мятежная чернь" старалась отстоять, по возможности, больше козацкихъ правъ и

привиллегій. Козаки выражали надежду, что король оставитъ неприкосновенными давнія вольности войска запорожскаго; жены и вдовы старинныхъ козаковъ не потерпятъ никакого притѣсненія; козакамъ не будетъ также запрещенъ свободный выходъ въ степь для звѣриной и рыбной ловли.

Занимала козаковъ и судьба терехтемировскаго зарубскаго монастыря.

Монастырь терехтемировскій являлся старой святыней войска запорожскаго. Его монахи, очевидно, близко стояли къ народному возстанію. Потому, надо думать, козаки и ходатайствовали о возвращеніи терехтемировскому монастырю земель, перешедшихъ въ другія руки, и монастырской казны. Казна находилась у полковника Ильяша Караимовича и, вѣроятно, попала къ нему въ виду того, что терехтемировскіе монахи сочувствовали и содѣйствовали возставшимъ. Ильяшъ же Караимовичъ, какъ мы знаемъ, съ самого начала возстанія оставался вѣрнымъ Речи Посполитой.

Волненія по Украинѣ продолжаются.

Несмотря на присягу козаковъ и мѣры предосторожности, припятыя Потоцкимъ, успокоеніе на Украинѣ наступило не сразу. Козаки самостоятельно собирали рады и, повидимому, не склонны были исключать изъ своей среды бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Потоцкому пришлось настойчиво указывать на то, что козаки имѣютъ право жить только въ королевскихъ имѣніяхъ. Во владѣльческихъ имѣніяхъ жить имъ безусловно воспрещалось. Пришлось подтвердить козакамъ запрещеніе принимать въ свою среду подданныхъ владѣльческихъ и расширять самовольно козацкій реестръ.

Вопросъ, кого зачислять въ реестръ, вызывалъ на практикѣ также много недоразумѣній. Въ Звенигородкѣ, напр., люди, числившіеся въ реестрахъ провентовыхъ для отбыванія замковыхъ и городскихъ повинностей, стали причислять себя къ реестровымъ, хотя реестровыми никогда не были. Затѣвался бунтъ въ Гадячѣ. На кіевской радѣ 9 сентября 1638 г. было постановлено

наказать бунтовщиковъ и казнить зачинщиковъ. Особенно много безпокойствъ причиняла роменская волость. Мы знаемъ, что въ ней нашелъ опору и подкрѣпленіе въ свое время Остранинъ. Теперь роменская волость все еще продолжала волноваться. Крестьяне грабили, какъ и раньше, своихъ помѣщиковъ, дѣлали насилія и надѣялись при этомъ на козаковъ. Потоцкій, очевидно, боялся вліянія роменцевъ. Онъ, поэтому, прилагалъ всѣ мѣры къ тому, чтобы жители роменской волости не попали въ козацкій реестръ. Роменцы имѣли право на записку въ реестръ. Потоцкому пришлось прибѣгнуть къ способу убѣжденія. Козаки, по его словамъ, подобно шляхтичамъ, пользуются вольностями, потому что проливали за свои вольности кровь. Роменцы же—пастухи. Они не разъ приводили въ немилость короля и Речь Посполитую. Если роменцы хотятъ быть козаками, пусть заслужатъ это своею кровью. При данныхъ же условіяхъ, если принять въ козаки роменцевъ, можно набросить тѣнь и на остальныхъ козаковъ. Взбунтуется нѣсколько десятковъ, сотенъ бродягъ, начнутъ грабить, разорять, а недобрая слава пойдетъ о всѣхъ козакахъ. Само собой разумѣется, теорія Потоцкаго объ основахъ козачества была создана для даннаго случая и имѣла исключительною цѣлью не допустить въ среду козачества безпокойный элементъ, какимъ являлись, по словамъ польнаго гетмана роменцы-пастухи.

Немало затрудненій представлялъ и вопросъ о возвращеніи земель терехтемировскому монастырю. Часть ихъ находилась въ рукахъ извѣстнаго бандита Гунила Лаща и была имъ обсѣменена. Приходилось вознаграждать его за расходы и убытки.

Какъ было условлено у Потоцкаго съ козаками, въ октябрѣ 1638 года собралась общая козацкая рада. **Рада въ Кіевѣ.** Собралась она не въ Корсуни, какъ предполагалось раньше, а въ Кіевѣ. Быть можетъ, это было сдѣлано безъ умысла, а въ интересахъ лучшаго наблюденія

и давленія на козаковъ. На раду были созваны полковники. Они должны были привести съ собою по нѣсколько десятковъ козаковъ отъ каждаго полка.

Окольскій сохранилъ постановленія кіевской рады. Послами къ королю были избраны Романъ Половецъ, Богданъ Хмельницкій, Иванъ Бояринъ и Янъ Волченко. Имъ была вручена инструкція, составленная съ одобренія Потоцкаго. Посламъ поручалось просить короля о прощеніи и забвеніи всего прошлаго и о сохраненіи за козаками земель и имущества. Далѣе шла просьба объ охраненіи жизни и спокойствія козацкихъ вдовъ, мужья которыхъ погибли на войнѣ и о возвращеніи козакамъ Терехтемирова. Козаки предполагали устроить въ немъ убѣжище для калѣкъ и козаковъ, изувѣченныхъ на королевской службѣ. Послы должны были также поднять вопросъ объ уплатѣ козакамъ жалованья и, наконецъ, объ уничтоженіи „кадуковъ“ на козацкихъ имѣніяхъ (см. стр. 390).

О выборной старшинѣ не было рѣчи. Уничтоженіе права козаковъ избирать себѣ старшихъ Потоцкій считалъ непремѣннымъ условіемъ. Подъ его давленіемъ, козаки принуждены были согласиться на принятіе къ себѣ старшинъ по назначенію и въ инструкціи не поднимали болѣе вопроса о старшинѣ выборной.

Другія постановленія козацкой рады имѣли въ виду, главнымъ образомъ, мѣры полицейско-административнаго характера. Польское правительство было озабочено, чтобы на Запорожье не уходили безпокойные элементы. Обязанность слѣдить за этимъ возлагалась на самихъ же козаковъ. Отъ каждаго полка высылалось по десять человѣкъ козаковъ. Они образовывали сторожевой отрядъ. На обязанности отряда лежало препятствовать сообщенію крестьянскаго и козачьяго населенія съ Запорожьемъ. Козацкой артиллеріи отводился подъ постой г. Корсунь. Кромѣ людей, необходимыхъ для ея обслуживанія, никакихъ другихъ лишнихъ, при артиллеріи не дозволялось держать. Не

козакамъ запрещалось переходить изъ одного полка въ другой. Судиться они могли только у своихъ полковниковъ. Послѣднимъ строго воспрещалось судить козаковъ не своего полка. Козаки обязаны были жить другъ съ другомъ по-братски и не укорять одинъ другого въ измѣнѣ. На радѣ обсуждался также вопросъ о затѣвавшемся бунтѣ въ Гадячѣ. Постановлено было наказать бунтовщиковъ и казнить зачинщиковъ.

Мѣры, принятыя Потоцкимъ, преслѣдовали опредѣленную цѣль—сдѣлать козаковъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ польнаго гетмана, разъединить ихъ и, такимъ образомъ, исключить возможность козацкихъ возстаній на будущее время. Не говоря уже о назначенной старшинѣ, которая являлась для этого хорошей гарантіей, были приняты мѣры для разъединенія „волостей“ съ Запорожьемъ и даже для разъединенія отдѣльныхъ полковъ между собою. Козакамъ запрещалось переходить изъ одного полка въ другой. Этимъ суживалось общеніе реестровыхъ козаковъ между собою и затруднялась организація возстанія. Строго ограниченный своимъ полкомъ, кругъ вѣдомства отдѣльныхъ полковниковъ могъ только способствовать усиленію ихъ власти на мѣстахъ и дѣлать изъ нихъ надежное орудіе въ рукахъ польскаго правительства. Надо полагать, не только въ интересахъ военной службы, но и въ интересахъ надзора, Потоцкій проводилъ въ жизнь сосредоточеніе козацкихъ полковъ вблизи Днѣпра и старался исключить изъ козацкаго реестра жителей окраинной безпокойной роменской волости. Возлѣ Днѣпра легче было осуществить надзоръ. Главнымъ очагомъ возстанія въ послѣднее время являлась лѣвобережная Украина, особенно мѣстности ея, удаленныя отъ Днѣпра,—роменская и гадячская волости.

Отправляя своихъ пословъ къ королю, козаки снабдили ихъ письмомъ. Содержаніе письма соотвѣтствовало моменту. Козаки приносили раскаяніе, просили о прощеніи и забвеніи всего происшедшаго, обѣ-

щали служить вѣрно и проливать кровь за короля и Рѣчь Посполитую.

Отвѣтъ короля на козацкое посольство остается неизвѣстнымъ. Отвѣтъ, видимо, ничего не измѣнилъ. Мѣры, принятыя Потоцкимъ, остались въ силѣ.

Рада на Масловомъ ставу.

Заключительнымъ моментомъ ликвидаціи народнаго возстанія 1638 года была козацкая рада на Масловомъ Ставу (теперь с. Масловка, каневскаго уѣзда, кіевской губ.). Рада была собрана, въ силу условія, поставленнаго Потоцкимъ еще во время сдачи козаковъ на р. Старцѣ. Она собралась 4 декабря 1638 года и имѣла только формальный характеръ. Козачество было сломлено. Ни о какихъ дальнѣйшихъ переговорахъ и рѣчи быть не могло.

Рада происходила въ присутствіи польнаго гетмана Николая Потоцкаго и комиссаровъ, присланныхъ отъ короля. Реестръ былъ уже пересмотрѣнъ и составъ козачества профильтрованъ. Составленіе реестра происходило, надо полагать, послѣ кіевской рады. Участвовали ли въ радѣ на Масловомъ Ставу всѣ козаки или только делегаты отъ полковъ, какъ это было въ Кіевѣ— неизвѣстно.

Рада безпрекословно исполнила то, чего отъ нея требовали. Козаки выдали польскимъ комиссарамъ свои войсковые клейноты: пушки, булаву, бунчукъ, знамена и бубны. Предъ радой были названы затѣмъ имена старшинъ, которыхъ назначилъ надъ козаками Потоцкій. Рада также безъ возраженій приняла ихъ.

Старшимъ комиссаромъ надъ козаками, замѣнившимъ прежняго гетмана, еще раньше былъ назначенъ Петръ Комаровскій. Онъ принималъ уже участіе въ составленіи послѣдняго реестра. Какъ старшій комиссаръ, такъ и полковники происходили изъ родовитой шляхты, „опытные въ военномъ дѣлѣ, вполнѣ пригодные къ этой службѣ въ интересахъ Рѣчи Посполитой"— замѣчаетъ Окольскій. Были опредѣлены затѣмъ и другіе урядники: сотники и атаманы. Окольскій приводитъ въ

своемъ дневникѣ имена всѣхъ назначенныхъ. Въ числѣ нихъ встрѣчаемъ и чигиринскаго сотника Богдана Хмельницкаго.

Польское правительство не рѣшилось, такимъ образомъ, уничтожить козачество, несмотря на полное пораженіе послѣдняго. Козачество было ему необходимо, какъ военная сила. Правительство постаралось, поэтому, сдѣлать изъ козаковъ послушное орудіе и привести ихъ приблизительно къ тому положенію, въ какомъ реестровые козаки находились въ первое время при Стефанѣ Баторіи. Къ этому, какъ извѣстно, польское правительство постоянно стремилось въ теченіе всей первой половины XVII в., и только принуждено было до поры до времени уступать силѣ козачества.

Организація козаковъ послѣ возстанія 1638 года.

Теперь, послѣ рады на Масловомъ Ставу, козаки имѣли такое устройство. Они составляли отрядъ въ шесть тысячъ человѣкъ, записанныхъ въ реестръ. Отрядъ находился на службѣ у польскаго правительства и за это получалъ жалованье. По сообщенію лѣтописи Самовидца *) каждому козаку платили по тридцать

*) Лѣтопись Самовидца отличается большой достовѣрностью. Изслѣдователи ставятъ ее на первое мѣсто послѣ документальныхъ источниковъ. Авторъ неизвѣстенъ. По мнѣнію О. И. Левицкаго, авторъ лѣтописи былъ жителемъ лѣвобережной Украины, и лѣтопись написана на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Нѣкоторые предполагаютъ, что Самовидецъ былъ уроженцемъ правобережной Украины и переселился въ Сѣверщину. Если устранить вставки и дополненія, то лѣтопись Самовидца обнимаетъ время отъ 1648—1702 г. Въ части ея, излагающей возстаніе и гетманство Богдана Хмельницкаго и его преемниковъ преобладаетъ историческая форма надъ лѣтописью. Можно думать, поэтому, что лѣтопись стала составляться не ранѣе конца 1672 г. Съ этого времени, во второй части ея, преобладаетъ уже лѣтописный характеръ. О. И. Левицкій полагаетъ, что Самовидецъ могъ съ самого начала войнъ Хмельницкаго вести записи о событіяхъ. По своему происхожденію, Самовидецъ былъ, вѣроятно, шляхтичъ православной вѣры, перешедшій на сторону козаковъ. Шляхетскими взглядами проникнута и его лѣтопись. Самовидецъ относится враждебно къ „своевольной черни". Ср. *О. И. Левицкаго* „Опытъ изслѣдованія о лѣтописи Самовидца" (Предисловіе къ изданію лѣтописи кіевской коммиссіей для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ, 1878 г.) и *Акад. В. С. Иконникова* Опытъ русской исторіографіи К , 1908 г. т. II. кн. II, стр. 1560 и слѣд.

злотыхъ. На радѣ было назначено, какъ сообщаетъ Окольскій, также жалованье козацкимъ урядникамъ: по 600 злотыхъ въ годъ двумъ асауламъ войсковымъ, по 250 злот. каждому полковому асаулу, по 200 злот.— сотнику и по 60 злот. атаману. О размѣрѣ жалованья старшему комиссару, полковникамъ, обозному, завѣдывавшему артиллеріей, и о расходахъ на содержаніе артиллеріи оффиціальный отчетъ о радѣ на Масловомъ Ставу, къ сожалѣнію, не говоритъ ни слова.

Козаки дѣлились на шесть полковъ (чигиринскій, черкасскій, каневскій, корсунскій, бѣлоцерковскій и переяславскій) по тысячѣ козаковъ въ каждомъ. Каждый полкъ состоялъ изъ десяти сотенъ, а сотня изъ десяти, надо полагать, десятковъ, хотя у Окольскаго въ нѣкоторыхъ полкахъ названо по девяти только десятковъ.

Такимъ образомъ, съ внѣшней стороны, у козаковъ сохранялось прежнее устройство. Но зато у нихъ было отнято самоуправленіе. Выборный старшій (гетманъ) и выборные полковники, стоявшіе во главѣ полковъ, были замѣнены старшимъ комиссаромъ и полковниками по назначенію. Назначались они изъ лицъ, извѣстныхъ опытностью въ военномъ дѣлѣ, преданныхъ Польшѣ и обязательно изъ родовитой шляхты. Могли быть, вслѣдствіе этого, людьми, вполнѣ посторонними, ничѣмъ не связанными съ козачествомъ. Другіе урядники были изъ козаковъ—два войсковыхъ асаула, полковые асаулы, по одному на каждый полкъ, сотники, атаманы. Оффиціальный отчетъ о маслоставской радѣ говоритъ объ ихъ избраніи. Но, здѣсь нужно разумѣть избраніе комиссарами или полковниками, а не козаками. Это мнѣніе подтверждается и лѣтописью Самовидца, который говоритъ, что послѣ 1638 года избранія сотниковъ не было. Ихъ назначали сами полковники. Оттого сотники и являлись простымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ.

Предполагалось, что старшій комиссаръ будетъ

жить постоянно въ Терехтемировѣ. При немъ должна была находиться артиллерія съ нѣсколькими десятками человѣкъ. Но Терехтемировъ оказался сильно разореннымъ и сожженнымъ. Старшему съ артиллеріей временно, поэтому, пришлось жить въ Корсуни.

Постановленія ординаціи 1638 года о козацкихъ земляхъ и о возвращеніи земель терехтемировскому монастырю нельзя было также немедленно привести въ исполненіе. Стояла зима. Пограничные знаки были занесены снѣгомъ. Приходилось, поневолѣ, ожидать болѣе благопріятнаго времени.

Всѣ непопавшіе въ реестръ козаки возвращались въ прежнее положеніе. Жители королевскихъ имѣній должны были отдавать повинности старостамъ. Крестьяне помѣщичьихъ имѣній снова поступали подъ власть помѣщиковъ и ихъ управителей.

Возобновленіе Кодака.

Польское правительство опасалось, что недовольные элементы будутъ собираться на Запорожьѣ. Тамъ, за предѣлами досягаемости польской администраціи, легко могъ образоваться центръ недовольныхъ и могло организоваться новое возстаніе. Польское правительство, поэтому, немедленно же приступило къ возобновленію крѣпости Кодака.

Укрѣпленіе Кодака производилось подъ наблюденіемъ самого гетмана Конецпольскаго. Для работъ было употреблено около 4 т. солдатъ. При производствѣ фортификаціонныхъ работъ принималъ участіе и инженеръ Бопланъ.

Уже къ осени 1638 г. Кодакъ представлялъ изъ себя прочное укрѣпленіе. Валъ его и послѣ этого все подсыпали. Въ полмилѣ отъ Кодака стояла высокая башня и на ней постоянно находился часовой. Стражу у башни несли сто стрѣльцовъ и десять человѣкъ конницы. О всякомъ замѣченномъ движеніи въ степи стража немедленно давала знать въ крѣпость.

Губернаторомъ Кодака Конецпольскій назначилъ Яна Войцлава Жолтовскаго. Это былъ человѣкъ опыт-

ный въ военномъ дѣлѣ и не разъ бывавшій въ битвахъ. Въ распоряженіи Жолтовскаго находилось пять ротъ. Въ составъ кодацкаго гарнизона могли входить только поляки и нѣмцы (т. е. иностранцы). Губернатору была дана строгая инструкція. Онъ долженъ былъ безпрестанно занимать свою команду воинскими упражненіями. Ворота крѣпости стояли постоянно запертыми. Калитка, являвшаяся единственнымъ средствомъ сообщенія, отпиралась за часъ до восхода солнца, когда стража занимала свои мѣста по балкамъ и долинамъ. Запиралась калитка за часъ до захода солнца. Изъ пріѣзжихъ никто не допускался въ крѣпость, кромѣ знатныхъ особъ. Послѣдніе входили въ крѣпость безъ свиты. Главная задача кодацкаго гарнизона была не пропускать никого за пороги. Поэтому рыбная и звѣриная ловля пониже Кодака были совершенно запрещены. Приходившихъ для этого велѣно было немедленно возвращать обратно. Изъ такихъ людей, приходившихъ на промыслы, главнымъ образомъ, и образовывались, по словамъ инструкціи, мятежныя скопища.

Путемъ полицейскихъ мѣропріятій польское правительство разсчитывало не только задушить народное возстаніе на Украинѣ, но сдѣлать его невозможнымъ на будущее время. Польское общество настолько вѣрило въ прочность „пограничной твердыни" Кодака, что немедленно же, по возобновленіи крѣпости, туда явились доминикане. Они основали тамъ костелъ и монастырецъ и начали, понемногу, свою культурную и религіозную работу въ духѣ католичества и полонизаціи.

Есть преданіе, вѣроятно, происхожденія не народнаго, а литературнаго. Когда Кодакъ былъ уже готовъ, гетманъ Конецпольскій призвалъ козаковъ посмотрѣть на крѣпостныя твердыни. „Какимъ вамъ кажется Кодакъ"?—спросилъ онъ съ усмѣшкой.—„Что руками человѣческими создано, то человѣческими же руками можетъ быть и разрушено"—сказалъ въ отвѣтъ на это, по-латыни, чигиринскій сотникъ Богданъ Хмельницкій.

Кодакъ просуществовалъ въ теченіе десяти лѣтъ до самаго начала возстанія Богдана Хмельницкаго. Хмельницкій оставилъ крѣпость въ сторонѣ и пошелъ на сѣверъ. Кодакъ былъ осажденъ и разрушенъ козацкимъ отрядомъ подъ начальствомъ Максима Нестеренка. Вмѣстѣ съ крѣпостью погибли и доминикане, ихъ учрежденія и ихъ культурно-религіозная дѣятельность. Слѣдовъ ихъ пребыванія въ тѣхъ мѣстахъ не удалось розыскать Маріану Дубецкому, автору спеціальной монографіи о Кодакѣ *).

Кромѣ кодацкаго гарнизона, обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не ходилъ за пороги, возлагалась и на реестровыхъ козаковъ. Въ этомъ смыслѣ были приняты мѣры еще на кіевской радѣ 9 сентября 1638 г. Изъ реестровыхъ козаковъ былъ образованъ особый отрядъ по десяти человѣкъ отъ каждаго полка. Отрядъ долженъ былъ стоять въ избранномъ имъ мѣстѣ и никого не пропускать на Запорожье. Мало того. Полки реестровыхъ козаковъ, по очереди, отправлялись на Запорожье и несли тамъ сторожевую службу, для предупрежденія нападеній татаръ. На обязанности этихъ полковъ лежало также никого не пропускать на Запорожье. Польское правительство старалось внимательно слѣдить и за тѣмъ, чтобы на Запорожье не провозился провіантъ. Инструкція кодацкому коменданту дозволяла пропускать провіантъ находившимся за Запорожье козацкимъ полкамъ не иначе, какъ по предъявленіи письменнаго свидѣтельства отъ полковниковъ.

Реакція послѣ усмиренія возстанія 1638 г.

Все вниманіе польскаго правительства было сосредоточено, такимъ образомъ, на мѣрахъ полицейскаго характера, запретительныхъ. На устраненіе главной причины народныхъ волненій, на измѣненіе соціальнаго строя, не было обращено вниманія. Все оставалось по старому. Даже мысли не приходило о томъ, что безъ

*) *Maryan Dubiecki.* Kudak twierdza kresowa i jej okolice. Warsz. 1900. Отзывъ о ней въ „Кіев. Стар." 1900 г. октябрь.

реформированія соціальныхъ отношеній, всѣ запретительныя мѣры будутъ только палліативами. Не попавшіе въ реестръ козаки, мы знаемъ, снова возвращались въ прежнее положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, съ тѣмъ же безправіемъ, какое они знали и раньше. Безправіе это теперь, пожалуй, было еще болѣе ощутительно. Если правительство относилось къ возвращавшимся на свои мѣста крестьянамъ болѣе или менѣе сдержанно, то трудно было ожидать того же отъ владѣльцевъ имѣній и ихъ управителей. Слѣды суровой реакціи, наступившей послѣ 1638 г., можно съ ясностью подмѣтить въ современныхъ извѣстіяхъ.

Десятилѣтіе послѣ усмиренія возстанія 1638 года до возстанія Богдана Хмельницкаго почти совершенно не затронуто историческимъ изученіемъ. Оно представляетъ много для насъ темнаго. Объ этомъ десятилѣтіи сохранились въ козацкихъ лѣтописяхъ и народныхъ думахъ воспоминанія, какъ о времени очень тяжеломъ. Козаковъ эксплоатировали старшины, крестьянъ—управители помѣщичьихъ имѣній и евреи, которымъ помѣщики и ихъ управители сдавали земли и доходныя статьи въ аренду. Налоги и платежи съ населенія увеличивались и разнообразились.

Жестокость аграрной реакціи, наступившей послѣ 1638 г. повела къ созданію о ней ряда легендъ, записанныхъ у козацкихъ лѣтописцевъ. Лѣтописцы сообщаютъ, что церкви и образа были запроданы и отдавались въ аренду евреямъ *); что поляки дѣтей ко-

*) Объ арендѣ евреями церквей и злоупотребленіяхъ ихъ на этой почвѣ говоритъ и народная дума, напечатанная В. Б. Антоновичемъ и М. П. Драгомановымъ во второмъ томѣ „историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа". Значитъ, молва объ этомъ широко была распространена и долго держалась въ народѣ. Издатели „историческихъ пѣсенъ" и Костомаровъ безусловно довѣряли факту арендованія евреями православныхъ церквей. Солидные доводы противъ этого выдвинулъ И. М. Каманинъ. Въ сборникѣ, посвященномъ историческимъ обществомъ лѣтописца Нестора „памяти Гоголя", И. М. Каманинъ указалъ на то, что, кромѣ одного арендаго договора отъ

козацкихъ въ котлахъ варили, женщинамъ груди вытискивали деревомъ. Легенды эти, вмѣстѣ съ переселенцами изъ Украины, проникали даже въ московскіе предѣлы. И тамъ разсказывали басни о томъ, будто бы поляки собираютъ по домамъ людей, насыпаютъ имъ за пазуху порохъ и взрываютъ; у женщинъ они будто бы отрываютъ груди, грабятъ жителей и разоряютъ дома.

Провѣрить народную молву трудно. При всей своей уродливости и невѣроятности, жестокія легенды могли зародиться только на благопріятной почвѣ. Аграрная реакція послѣ 1638 года, надо полагать, дѣйствительно, была жестокой. Оттого она и дала

января 1596 г. объ отдачѣ имѣнія пану Миклашевскому и еврею Песаху „съ церквами и подаваньемъ ихъ“, другихъ документальныхъ данныхъ объ арендѣ евреями земель и церквей, нѣтъ. Въ послѣднее время изслѣдованіемъ этого вопроса занялся И. В. Галантъ. Въ брошюрѣ „арендовали ли евреи церкви на Украинѣ?“ И. В. Галантъ приводитъ соображенія и документы, которые, въ значительной степени, подрываютъ сказанія козацкихъ лѣтописцевъ и народной думы и позволяютъ считать ихъ легендой. Съ этимъ соглашается и видный изслѣдователь исторіи евреевъ львовскій ученый докторъ Майеръ Балабанъ, рецензировавшій книгу г. Галанта въ польскомъ журналѣ „Rus“. Какимъ образомъ могла зародиться легенда? И. В. Галантъ приписываетъ возникновеніе ея злонамѣрности враговъ еврейскаго народа и въ числѣ причинъ, способствовавшихъ возникновенію, указываетъ на аренду евреями винокуренія и корчемъ. Въ виду того, что безъ водки не обходилось ни одно празднество, на этой почвѣ могли происходить столкновенія между евреями и крестьянами. Эти столкновенія и дали, по мнѣнію г. Галанта, основаніе легендѣ о давленіи евреевъ на религіозную совѣсть христіанъ. Объясненія г. Галанта представляются искусственными. На это указываетъ и г. Балабанъ. И. М. Каманинъ и д-ръ Балабанъ допускаютъ возможность отдѣльныхъ спорадическихъ случаевъ аренды евреями церквей. Отдача ихъ въ аренду вытекала изъ права подаванья (см. выше стр. 12–13). Эти рѣдкія случаи и могли послужить основаніемъ къ возникновенію легенды объ арендѣ евреями церквей на Украинѣ въ той обобщающей формѣ, какъ она дошла до насъ. Антисемитизмъ, довольно сильный въ польскомъ обществѣ и литературѣ того времени, могъ только способствовать признанію вѣроятности легенды и укрѣпленію ея въ народѣ и среди козацкихъ лѣтописцевъ (*Kazimierz Bartoszewicz* Antysemityzm w literaturze polskiej XV—XVII w. Warszawa-Kraków, 1914).

обильную пищу, въ такомъ направленіи, народной фантазіи.

Десятилѣтіе послѣ 1638 г. нельзя представлять себѣ такимъ, когда царило спокойствіе, и народъ безропотно подчинялся своей долѣ. Извѣстные намъ документы и свидѣтельства говорятъ, что волненія не прекращались. То здѣсь, то тамъ вспыхивали бунты: крестьяне старались разорвать соціальные тиски, въ которыхъ они находились. Уже вскорѣ послѣ маслоставской рады козацкія лѣтописи вспоминаютъ о какой-то попыткѣ къ возстанію козаковъ, подъ начальствомъ Полтора Кожуха. Козаки собрались на р. Мерлѣ, на границѣ, значитъ, беспокойной гадяцкой волости, но испугались слуха о походѣ противъ нихъ кн. Вишневецкаго и разбѣжались. Въ актахъ есть указанія на бунты крестьянъ и на ихъ нападенія на земли помѣщиковъ. Въ послѣднемъ трудѣ И. М. Каманина „объ участіи южно-русскаго населенія въ возстаніи Богдана Хмельницкаго“ собрано достаточно фактовъ, показывающихъ, какъ постепенно назрѣвало народное движеніе на мѣстахъ.

Вслѣдствіе тяжелыхъ условій своего существованія населеніе переселялось въ московскіе предѣлы, въ Слободскую Украину, или убѣгало на Запорожье. Никакія преграды не въ силахъ были удержать это движеніе. Черезъ десять лѣтъ на Запорожьѣ собралось такъ много недовольныхъ, бѣглыхъ изъ Украины, что оттуда Богданъ Хмельницкій и началъ свое возстаніе.

Возстаніе быстро нашло себѣ откликъ на Украинѣ и сдѣлалось народнымъ.

Все, что было живого, по словамъ лѣтописи Самовидца, ушло въ козаки. По селамъ едва можно было найти такихъ людей, которые бы не уходили сами или не посылали своихъ сыновей. У кого не было взрослыхъ сыновей, тотъ посылалъ слугъ. Изъ нѣкоторыхъ дворовъ уходили рѣшительно всѣ. Одного только иногда оставляли на хозяйствѣ, такъ какъ трудно было найти

мита. Даже бурмистры и райцы, существовавшіе по городамъ съ магдебургскимъ правомъ, бросали уряды, брили себѣ бороды и шли къ козацкому войску. На сколько протестъ противъ того, что творилось за послѣднее десятилѣтіе на Украинѣ, объединилъ всѣхъ.

Историографія о причинахъ борьбы между Польшей и Украиной.

Продолжительная и упорная борьба козачества съ польскимъ государствомъ и польскимъ соціальнымъ строемъ въ XVII вѣкѣ, причины этой борьбы и характеръ ея давно привлекали къ себѣ вниманіе историковъ.

Несмотря на слабую научную разработку исторіи Украины вообще и исторіи козачества въ частности, историки рано стали дѣлать попытки дать объясненіе борьбы козачества съ польскимъ государствомъ. Недостатокъ фактическаго изученія толкалъ историковъ въ область предположеній и общихъ характеристикъ. Ненормальныя отношенія, создавшіяся между польскимъ и русскимъ народомъ послѣ раздѣловъ Польши и уничтоженія польскаго государства не оставались безъ вліянія на эти характеристики. Оцѣнка отношеній между козачествомъ и польскимъ государствомъ въ XVII в. ряла у историковъ иногда почву необходимаго научнаго безпристрастія. Козачество и Речь Посполитая ставились предъ судомъ исторіи, какъ двѣ тяжущіяся стороны. Образовались на ихъ отношенія двѣ разныя точки зрѣнія—смотря по тѣмъ симпатіямъ, которыя лежали у историковъ къ одной или къ другой изъ борющихся сторонъ. Историки иногда теряли необходимое хладнокровіе, необходимое безпристрастіе, и въ историческомъ изученіи, отводили слишкомъ большое мѣсто области чувствъ и личныхъ симпатій и антипатій, сгущая краски въ одномъ случаѣ и представляя въ розовыхъ тонахъ явленія, которыя, съ точки зрѣнія историческаго процесса, могли имѣть только отрицательное значеніе.

Болѣе глубокое научное изученіе исторіи Украины въ послѣднее время внесло много существенныхъ поправокъ и видоизмѣненій во взгляды историковъ. Но

сказать, что тенденціозность въ освѣщеніи борьбы казачества съ польскимъ государствомъ окончательно исчезла, врядъ ли еще возможно.

„Записки о южной Руси".

Во второмъ томѣ „записокъ о Южной Руси" Кулиша въ 1857 году былъ перепечатанъ изъ лѣтописи Величка универсалъ гетмана Остранина отъ 20 марта 1638 года.

Несомнѣнно подложный, (что впослѣдствіи было доказано самимъ же Кулишемъ) универсалъ не возбуждалъ тогда сомнѣній въ своей подлинности. Онъ являлся настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ поляковъ. Остранинъ призывалъ козаковъ готовиться къ войнѣ противъ „непріятелей своихъ, отступниковъ и еретиковъ ляховъ".

Михаилъ Грабовскій.

Желая оставаться безпристрастнымъ, Кулишъ сопроводилъ перепечатку универсала Остранина статьей извѣстнаго беллетриста, историка и критика польско-украинской школы Михаила Грабовскаго († 1863) и, кромѣ того, своими замѣчаніями. Статья Грабовскаго, какъ „поляка и католика", послужила толчкомъ къ обмѣну мнѣній „о причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ въ XVII вѣкѣ".

Грабовскій утверждалъ, что Украина не знала ни гнета административнаго, ни гнета владѣльческаго. Поляки, по его мнѣнію, сдѣлали вообще много добра Украинѣ. Они освободили ее отъ татаръ, колонизовали, повліяли на первоначальное образованіе запорожскаго братства. Господство Польши надъ Украиной было не только справедливо, но и благотворно. У поляковъ никогда не замѣчалось посягательства на какую бы то ни было народность, на ея обычаи, языкъ и внутреннюю жизнь народа. Въ этомъ отношеніи у нихъ господствовалъ духъ терпимости и какой-то великодушной гордости. Терпимость проникала всю польскую политическую систему. Широкое развитіе духовной жизни въ Южной Руси могло имѣть мѣсто, только благодаря существовавшей въ Речи Посполитой свободѣ.

Не польское правительство, думалъ Грабовскій, виновато въ ожесточеніи украинцевъ противъ поляковъ и въ разрывѣ между этими двумя народами. Первымъ поводомъ къ ожесточенію и разрыву послужило безчинство жолнѣровъ, вторымъ—строгія мѣры правительства къ обузданію козаковъ. Но правительство иначе не могло дѣйствовать. Оно было вынуждено къ этому исторической необходимостью. Раздраженный украинскій народъ видѣлъ, между тѣмъ, притѣсненіе и насиліе во всемъ, что ни исходило отъ правительства. Такое значеніе народъ придалъ и желанію соединить южно-русскую церковь съ римскою. Задачею уніи было устройство іерархіи, а не перемѣна вѣроисповѣданія. Унія было понята, между тѣмъ, въ послѣднемъ смыслѣ и сдѣлалась оскорбительной и ненавистной для народа. Унія, поэтому, служила знаменемъ, которое каждый козацкій предводитель выставлялъ предъ народомъ, чтобы освятить, въ его понятіяхъ, предпринимаемое возстаніе.

Въ своемъ „отвѣтѣ поляка русскимъ публицистамъ по вопросу о Литвѣ и западныхъ губерніяхъ", перепечатанномъ въ 15 и 16 номерахъ Аксаковскаго „Дня" за 1861 годъ, Грабовскій высказалъ мысль, что возстанія козаковъ на Украинѣ ничѣмъ не отличались отъ обычныхъ крестьянскихъ волненій, бывавшихъ и въ другихъ странахъ. Они сходны, въ этомъ отношеніи, съ бунтами Стеньки Разина и Пугачева. Для Грабовскаго „понятно, что современная Малороссія, которая именно этимъ событіямъ обязана своей—нѣкотораго рода—самостоятельностью, придаетъ имъ громкое названіе—войны за независимость. По крайней мѣрѣ, она этимъ тѣшитъ свое самолюбіе". Но для Грабовскаго „странно, что подобное мѣстное самообольщеніе перешло и на другихъ. Правительству слѣдовало бы понять опасность ему угрожающую", „когда писатели съ весьма двусмысленною цѣлью стараются оправдать и

выставить героями виновниковъ грабежей и убійствъ, опустошившихъ наши (т. е. польскія) провинціи".

Грабовскій стоялъ на польско-шляхетской точкѣ зрѣнія и стремился отмѣтить творческую работу шляхетскаго сословія. Сопровождая статью Грабовскаго въ „запискахъ о Южной Руси" „замѣчаніями издателя" П. А. Кулішъ указывалъ въ нихъ на то, что виною ожесточенія „между поляками и малороссіянами" въ XVII в. были шляхетскія понятія. Благодаря этимъ понятіямъ, козаки и украинскіе крестьяне считались существами на столько низшими, что надъ ними можно было глумиться безнаказанно. Борьба между Польшей и Украиной велась, главнымъ образомъ, „изъ-за оскорбленнаго чувства человѣческаго достоинства". На почвѣ польской политической системы столкнулись двѣ совершенно противоположныя національности и слишкомъ ясно показали свою полную несовмѣстимость.

М. А. Максимовичъ.

Статьи Грабовскаго и Куліша привлекли вниманіе М. А. Максимовича. Въ статьѣ „о причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ, бывшаго въ XVII вѣкѣ", написанной въ формѣ письма къ Грабовскому, Максимовичъ не соглашался со взглядами послѣдняго и рядомъ фактовъ стремился доказать, что Грабовскій приписываетъ полякамъ на Украинѣ тѣ благодѣянія, въ которыхъ поляки совершенно не повинны. Особенно Максимовичъ возставалъ противъ утвержденія, будто бы поляки заселили пустыни Украины. Считать господство Польши надъ Украиной справедливымъ и притомъ благотворнымъ нѣтъ основаній. Факты противорѣчать этому. Неправильно также утвержденіе, будто бы на Украинѣ царили любовь и свобода. Народныя пѣсни, напротивъ, говорятъ о насиліи поляковъ и полны ненависти къ нимъ. Максимовичъ рѣшительно возставалъ противъ мнѣнія, будто бы „духъ терпимости" царилъ въ отношеніяхъ Польши къ Украинѣ. Наоборотъ. Нетерпимость и вѣро-

ненiе и были главной, по его мнѣнію, причиной разрыва между Украиной и Польшею. Къ этому присоединялся гнетъ владѣльческій, простиравшійся беззаконно даже на козачество. Онъ также бывалъ однимъ изъ поводовъ къ возстаніямъ козаковъ. Вопреки Грабовскому, Максимовичъ допускалъ возможность угнетенія поляками православныхъ и другихъ диссидентовъ въ пользу католиковъ „по преднамѣренной идеѣ.“ Задачей уніи было, дѣйствительно, устройство іерархіи, но іерархіи римской. Такое устройство равносильно было разстройству іерархіи православной или митрополіи кіевской. Введенная насильственно, безъ участія и согласія народа, „эта несчастная унія и была, по мнѣнію Максимовича, главною виновницею раздора между Польшею и Украиною“. Въ борьбѣ противъ уніи принимали участіе всѣ сословія. Поэтому Грабовскій неправильно ограничивалъ украинскія смуты „войсковыми бунтами, мятежами черни“. Считая унію главной причиной ожесточенія между поляками и украинцами въ XVII в., Максимовичъ безчинствамъ жолнеровъ и строгимъ мѣрамъ правительства, какъ причинамъ козацкихъ возстаній, отводилъ только второстепенное мѣсто.

Не соглашался Максимовичъ и съ мнѣніемъ Куліша. Онъ находилъ мнѣніе Куліша, какъ и Грабовскаго, одностороннимъ. Противоположеніе шляхтича съ простолюдиномъ Кулішъ смѣшалъ съ противоположеніемъ ляха съ русиномъ и сдѣлалъ изъ этого не соотвѣтствующіе выводы о несовмѣстимости двухъ народностей. Ошибочно также свелъ Кулішъ „историческое дѣло“ борьбы казачества съ поляками къ отвлеченному началу—къ сознанію своей человѣчности въ украинскомъ простонародьѣ.

Основная точка зрѣнія, высказанная въ этой полемикѣ, повторялась, съ извѣстными измѣненіями, и въ послѣдующее время.

Н. Д. Иванишевъ.

Мнѣніе, близкое ко взглядамъ М. А. Максимовича, высказалъ и Н. Д. Иванишевъ, профессоръ кіевскаго

университета, выработавшій планъ изданія „архива юго-западной Россіи“ и бывшій первымъ его редакторомъ [1]). Въ своихъ статьяхъ объ уніи и о дворянскихъ провинціальныхъ сеймахъ въ юго-западной Россіи [2]) Иванишевъ пришелъ къ заключенію, что основная причина вражды между поляками и южнорусскимъ народомъ коренилась въ люблинской уніи.

Въ 1569 г. юго-западная Русь была присоединена къ Польшѣ въ видѣ провинціи. Это присоединеніе явилось вынужденнымъ. Оно разрушило первоначальный чисто-федеративный союзъ Литвы и юго-западной Руси съ Польшею и имѣло очень большія послѣдствія для юго-западной Руси и Польши. Со времени люблинской уніи „двѣ почти равносильныя, но совершенно противоположныя народности должны были постоянно приходить въ столкновеніе и вести гибельную борьбу, которая препятствовала правильному развитію государства“. Борьба велась на національной и религіозной почвѣ, въ виду стремленія поляковъ ополячить и окатоличить южную Русь. Религіозная унія, по мнѣнію Иванишева, преслѣдовала чисто политическія цѣли. Польское правительство имѣло въ виду, путемъ единовѣрія, укрѣпить государственный организмъ, а польскіе политики надѣялись такимъ способомъ уничтожить моральную связь юго-западной Руси съ московскимъ государствомъ, усиленіе котораго было опасно для Речи Посполитой. Дѣйствительность не оправдала надеждъ и привела какъ разъ къ обратному—къ отторженію юго-западнаго края отъ Польши. Самъ по себѣ, польскій народъ ни-

[1]) О дѣятельности Н. Д. Иванишева см. *Романовичъ-Славатинскаго* „Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева“, Спб. 1876, стр. 243 и слѣд. и *О. И. Левицкаго* Пятидесятилѣтіе кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ (1843—1893)“, Кіевъ 1893 г. стр. 84 и слѣд.

[2]) Сочиненія Н. Д. Иванишева, изданныя иждивеніемъ университета св. Владиміра, подъ ред. проф. А. В. Романовичъ-Славатинскаго и библіотекаря К. А. Царевскаго. Кіевъ 1876 г.

когда не обнаруживалъ, въ своемъ національномъ характерѣ, религіозной нетерпимости. Но въ государственномъ составѣ древней Польши существовала иноземная власть, чуждая народнымъ интересамъ. Власть эта заключалась въ римской пропагандѣ. Ею былъ занесенъ въ Польшу религіозный фанатизмъ, который и посѣялъ раздоръ между единоплеменными народами. Какъ погребальный факелъ, фанатизмъ бросалъ свой зловѣщій свѣтъ на всю исторію Речи Посполитой и велъ это государство къ политической смерти".

Полемика противъ взглядовъ Иванишева.

Взгляды Иванишева вызвали полемику противъ него въ польской и отчасти въ русской журналистикѣ. Журналисты обвиняли Иванишева въ предвзятой точкѣ зрѣнія и въ тенденціозномъ подборѣ фактовъ. Обвиненіе это вызвало оффиціальный „отвѣтъ кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ", написанный Иванишевымъ. Отвѣтъ былъ изданъ отдѣльной брошюрой, а впослѣдствіи перепечатанъ „въ сочиненіяхъ Н. Д. Иванишева". Защищая свою точку зрѣнія, Иванишевъ въ „отвѣтѣ" отчасти смягчилъ прежнія свои мнѣнія, отчасти обосновалъ ихъ новыми данными и соображеніями. Критики упрекали Иванишева въ томъ, что онъ игнорировалъ, между прочимъ, выгоды для западной Руси отъ соединенія ея съ Польшей. На это Иванишевъ отвѣтилъ сопоставленіемъ невыгодъ съ выгодами и пришелъ къ заключенію, что невыгоды превышали выгоды. Въ числѣ невыгодъ Иванишевъ указывалъ и угнетеніе народа, которое привело къ козацкой революціи.

В. Б. Антоновичъ.

Въ 1863 году Иванишевъ, избранный рекоромъ университета, отказался отъ редакторства изданій кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Мѣсто его занялъ В. Б. Антоновичъ.

Историческіе взгляды В. Б. Антоновича на причины вражды между украинскимъ народомъ и поляками приближались, въ своихъ общихъ чертахъ, ко взглядамъ Иванишева и являлись какъ бы дальнѣй-

шимъ ихъ развитіемъ. Поэтому и отношеніе къ Антоновичу польской критики было такое же, какъ къ Иванишеву. Отрицательное отношеніе къ Антоновичу, какъ къ историку, со стороны нѣкоторыхъ польскихъ историковъ и публицистовъ усиливалось еще обстоятельствами личной жизни Антоновича. По происхожденію онъ былъ полякъ. Родъ его когда-то принадлежалъ къ украинской шляхтѣ, но ополячился. В. Б. Антоновичъ, слѣдуя своему убѣжденію, вернулся къ вѣрѣ отцовъ и къ той національности, къ которой когда-то принадлежали его предки. Мотивы своего возвращенія Антоновичъ изложилъ въ „исповѣди" напечатанной въ журналѣ „Основа" за 1862 годъ.

Нѣкоторые изъ польскихъ историковъ и публицистовъ, напр. Ф. Равита-Гавронскій, и до сихъ поръ не могутъ простить В. Б. Антоновичу его шага. Они пользуются имъ для того, чтобы усилить обвиненія покойнаго историка въ тенденціозности. Создалось представленіе о существованіи особой „кіевской исторической школы", отличающейся извѣстной предвзятостью и тенденціозностью. Хотя В. Б. Антоновичъ при жизни не разъ протестовалъ противъ этого, но о существованіи такой школы и до сихъ поръ продолжаютъ говорить польскіе историки Ф. Равита-Гавронскій, Т. Корзонъ; изъ русскихъ—акад. А. И. Соболевскій, А. В. Стороженко.

Свои взгляды на причины борьбы южнорусскаго народа съ Польшей В. Б. Антоновичъ изложилъ въ цѣломъ рядѣ статей, печатавшихся почти исключительно въ качествѣ предисловій къ отдѣльнымъ томамъ „архива юго-западной Россіи", начиная съ 1863 г. Часть ихъ вошла потомъ въ первый томъ монографій В. Б. Антоновича по исторіи западной и южной Руси. Вкратцѣ, но болѣе или менѣе систематически, взгляды В. Б. Антоновича на причины борьбы между Польшей и южнорусскимъ народомъ изложены также въ популярныхъ лекціяхъ „Бесїди про часи казацькї на Українї".

Въ основѣ историческаго міровоззрѣнія В. Б. Антоновича лежало невѣрное предположеніе, будто каждый народъ въ своей исторической жизни исполняетъ какую-то мессіаническую задачу, проводитъ опредѣленную идею. Послѣдняя опредѣляется причинами антропологическими, расовыми, зависитъ отъ разныхъ условій, отъ вліянія территоріи, степени культурнаго развитія и т. д. Руководящей идеей польскаго народа былъ принципъ аристократизма, украинскаго—принципъ вѣчевой, принципъ широкаго демократизма. Осуществить его въ цѣломъ украинскому народу не удалось. Но принципъ демократизма обозначается въ многихъ явленіяхъ украинской жизни, между прочимъ, и въ козачествѣ. Съ особой силою онъ сказался въ Сѣчи Запорожской.

Два противоположныхъ принципа и столкнулись на почвѣ польскаго государства. Аристократическій польскій государственный строй преслѣдовалъ исключительно интересы шляхетскаго сословія и совершенно пренебрегалъ интересами крестьянства, съ которымъ козаки находились въ тѣсной связи. Это вело ко взаимному раздраженію и ожесточенію двухъ классовъ. На Украинѣ классъ шляхты состоялъ преимущественно изъ католиковъ и лицъ польскаго происхожденія или ополяченныхъ. Крестьяне были, по преимуществу, православные и принадлежали къ русской народности. Благодаря этому, къ классовому раздраженію присоединялась вражда религіозная и національная. Враждѣ способствовалъ цѣлый рядъ причинъ соціальныхъ, экономическихъ и религіозныхъ. Среди причинъ соціальныхъ видное мѣсто занимала раздача земель на Украинѣ польскимъ магнатамъ и превращеніе свободныхъ людей въ крѣпостныхъ. Изъ религіозныхъ причинъ преобладающее значеніе имѣла церковная унія (1596 г.), измѣнившая общественный характеръ церкви на автократическій. Не догматическая сторона раздражала въ уніи населеніе, а та перемѣна, которая

давала слишкомъ большой перевѣсъ въ церковныхъ дѣлахъ элементу польско-шляхетскому.

Н. И. Костомаровъ.

Н. И. Костомаровъ также не избѣгъ обвиненій въ тенденціозности. Онъ видѣлъ причину ожесточенія и упорной борьбы между населеніемъ Украины и поляками въ XVII в. въ соціальныхъ, національныхъ и религіозныхъ условіяхъ Речи Посполитой. Угнетеніе крестьянства, ополяченіе и окатоличеніе шло усиленно. На этой почвѣ борцами за православную вѣру и русскую народность сдѣлались козаки. Являясь „стражемъ русской народности", козачество препятствовало установившемуся гражданскому порядку въ Польшѣ. Въ интересахъ послѣдней было, поэтому, если не уничтожить, то ограничить ростъ козачества *).

С. М. Соловьевъ.

С. М. Соловьевъ, подобно предыдущимъ историкамъ, отводитъ главное мѣсто въ борьбѣ козачества съ польскимъ государствомъ религіознымъ и національнымъ мотивамъ. Западно-русское общество, говоритъ онъ въ своей „исторіи Россіи", для отстаиванія вѣры и народности боролось сначала посредствомъ аристократіи, потомъ особенно посредствомъ братствъ. Впослѣдствіи знамя борьбы за вѣру и народность выставили и козаки. По характеру своему, козаки украинскіе походили на козаковъ Московской Руси. И тѣ, и другіе отличались хищническимъ характеромъ. Оба государства, польское и московское, принуждены были вести съ козаками упорную борьбу. Въ московскомъ государствѣ козаки воспользовались смутою, но, благодаря силѣ государства, вмѣстѣ со смутою, кончилось въ Москвѣ и царство козацкое. Что касается Польши, то, несмотря на торжество надъ козаками, польское государство носило въ себѣ глубокія раны, благодаря слабости правительства, религіознымъ гоненіямъ и тому тяжелому состоянію, въ которомъ

*) Кромѣ вступительной главы къ монографіи о Богданѣ Хмельницкомъ (Собр. соч., изд. Литературнаго Фонда, кн. IV, т. IX—XI) для изученія взглядовъ Н. И. Костомарова на причины борьбы между Украиной и Польшей важны: его статья о козакахъ, написанная въ опровержение взглядовъ Кулiша (тамъ же кн. V, т. XIV) и статья „Крашанка г. Кулиша" въ „Вѣстникѣ Европы" 1882 года августъ.

находилось низшее земледѣльческое сословіе. Крестьяне бѣжали въ козаки, усиливали силу козачества. Вслѣдствіе этого, въ широкихъ массахъ народныхъ зарождались замыслы объ истребленіи шляхетскаго сословія. Козаки, борясь за свои интересы съ государствомъ, могли, благодаря уніи, связать свое дѣло съ дѣломъ священнымъ, народнымъ и выставить религіозное знамя.

М. О. Кояловичъ въ „чтеніяхъ по исторіи Западной Россіи" исходнымъ моментомъ въ борьбѣ между Польшей и народомъ въ Западной Россіи считаетъ, какъ и нѣкоторые другіе историки, люблинскую унію. Результатомъ ея явилась и религіозная унія. Латинская пропаганда принялась разрушать историческій строй быта западно-русскаго хлопа (крестьянина). Хлопъ не могъ отнестись безучастно къ этому событію и долженъ былъ, по необходимости, выступить на сцену исторической дѣятельности. Но онъ выступилъ не сразу, а только послѣ того, какъ верхніе слои западно-русскаго общества, одинъ за другимъ, истощили свои послѣднія силы на защиту родного и погибли. Борьба велась на религіозной почвѣ. Въ тѣ времена религіознаго оживленія, говоритъ Кояловичъ, столкновеніе всѣхъ особенностей между Западной Россіей и Польшей вылилось, какъ бы воплотилось, въ религіозномъ столкновеніи, въ религіозной борьбѣ. Православные западной Россіи выражали народныя ея стремленія. Поляки, подъ знаменемъ латинства, стремились къ полонизаціи страны. М. О. Кояловичъ.

Всѣ названные выше историки, несмотря на нѣкоторыя разногласія во мнѣніяхъ, признаютъ за козачествомъ, какъ общественнымъ явленіемъ, извѣстную положительную роль. Козаки являлись защитниками православной церкви и „русской" народности въ Рѣчи Посполитой. Они боролись противъ уродливыхъ соціальныхъ отношеній въ польскомъ государствѣ, обращавшихъ крестьянина въ безправнаго раба.

На такой точкѣ зрѣнія стоялъ первоначально и извѣстный украинскій дѣятель П. А. Кулішъ. Но пре- П. А. Кулішъ.

бываніе Куліша въ Варшавѣ, гдѣ онъ служилъ подъ начальствомъ князя Черкасскаго, знакомство съ польскими источниками и польской исторіографіей способствовало коренной перемѣнѣ его взглядовъ на прошлое Украины. Костомаровъ и Пыпинъ приписываютъ значительную роль при этомъ и причинамъ личнаго свойства. Самъ Кулішъ перемѣну своихъ взглядовъ объяснялъ болѣе глубокимъ изученіемъ козачества. Проф. Н. П. Дашкевичъ въ извѣстномъ разборѣ книги проф. Н. И. Петрова въ 29 уваровскомъ отчетѣ стремился доказать нѣкоторую преемственность между прежними и послѣдующими взглядами Куліша. Нельзя, однако, не признать въ такомъ мнѣніи натяжки и не согласиться съ тѣми, кто, подобно А. Н. Пыпину, видитъ между позднѣйшими и прежними идеями Куліша полную противоположность.

Новые взгляды на козачество Кулішъ высказалъ впервые во второмъ и третьемъ томахъ „исторіи возсоединенія Руси" *), а затѣмъ съ особой рѣзкостью формулировалъ ихъ въ 1877 г. въ двухъ статьяхъ „козаки въ отношеніи къ государству и обществу", помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ". На эту статью Кулішу въ свое время возражалъ Костомаровъ**). Въ 1882 году взгляды свои на исторію Украины и козачество Кулішъ повторилъ въ брошюрѣ публицистическаго характера, изданной во Львовѣ, подъ заглавіемъ „Крашанка русинам і полякам на велик день 1882 року". На эту брошюру снова возражалъ Костомаровъ въ августовской книжкѣ „Вѣстн. Европы" за тотъ же годъ***). Въ 1888—1889 г. въ „чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ" былъ напечатанъ большой трехтомный трудъ Куліша „отпаденіе Малороссіи отъ Польши (1340—1654)". Несмотря на рядъ интересныхъ

*) Спб. 1874—1877.

**) Собраніе сочиненій (изд. Литературнаго фонда). кн. V, т. XIV, статья „о козакахъ".

***) „Крашанка г. Куліша".

и вѣрныхъ мыслей и соображеній, трудъ этотъ, по вѣрному замѣчанію А. Н. Пыпина, автора „исторіи русской этнографіи“, является не столько исторіей, сколько памфлетомъ, направленнымъ противъ малорусско-козацкой старины, которою когда-то восторгался и самъ Кулішъ, и противъ ея патріотическихъ историковъ, особенно Костомарова. Такимъ же характеромъ отличаются и послѣднія статьи Куліша въ журналѣ „Русское Обозрѣніе“ за 1895 годъ—„украинскіе козаки и паны въ двадцатилѣтіе передъ бунтомъ Богдана Хмельницкаго“.

Основная мысль, которую Кулішъ проводитъ въ послѣднихъ своихъ трудахъ относительно козачества, такова. Козачество—явленіе антиобщественное, антикультурное, разрушительное. Козацкая исторія—это исторія грабежей и безнравственныхъ поступковъ. Козаки были равнодушны къ вѣрѣ и не ради нея воевали съ Польшей, а ради грабежей и насилій.

Непримиримый антагонизмъ между Польшей и Русью существовалъ издавна. Его подмѣтилъ цистеріанскій монахъ Кадлубекъ еще въ XI в. По мнѣнію Куліша, закоренѣлая вражда сидѣла глубже въ русскомъ, нежели въ польскомъ сердцѣ, отъ природы довѣрчивомъ, незлобивомъ, легко прощающемъ обиду. По природѣ, поляки не могли быть фанатиками. Фанатизмъ дѣло наносное—работа іезуитовъ. Іезуиты создали въ польскомъ государствѣ антагонизмъ церковный. Подъ вліяніемъ его вспыхнула вражда національная. Съ новой силой проявился антагонизмъ Польши и Руси и нашелъ себѣ выраженіе въ днѣпровскомъ козачествѣ.

Люди высшаго порядка, поляки, строили въ Польшѣ хозяйственно-государственную систему по доступному для того вѣка идеалу. Поляки были носителями культуры и на Украинѣ. Они колонизовали ее, создали безопасность, подняли благосостояніе края. Способствуя возрожденію южной Руси, поляки дѣлали это подъ зна-

менемъ новой, уже не варяго-русской, а польско-шляхетской системы. За свою настойчивость въ обезпеченіи государственной и частной собственности поляки были объявлены, со стороны козаковъ, ляхами, въ смыслѣ пришельцевъ, и панами, въ смыслѣ притѣснителей.

Козаки были той силой, которая являлась противодѣйствіемъ культурной работѣ поляковъ. Это были люди порядка низшаго, которымъ былъ доступенъ только идеалъ праздной свободы. Кулішъ характеризуетъ козаковъ, какъ посягателей на продукты чужаго труда, разбойниковъ, отвратительныхъ по своей безнравственности и жестокости. У нихъ зародился, выросъ и созрѣлъ лозунгъ, сдѣлавшійся, со временемъ, популярнымъ среди народныхъ массъ—биться съ ляхами до ихъ истребленія. Управляясь только инстинктомъ разрушенія и ненавистью къ панамъ, козаки сумѣли использовать слабыя стороны польской общественности: разновѣріе, отдѣлившее дворянъ отъ простонародья, и разноплеменность, отвергавшую русскій элементъ ради польскаго. Въ результатѣ появилась Хмельничина и и отпаденіе Украины отъ польскаго государства. Этотъ кровавый актъ былъ совершенъ козаками безъ плана и предусмотрѣнія, безъ всякихъ политическихъ и религіозныхъ соображеній, въ видахъ одного грабежа богатыхъ и притѣсненія беззащитныхъ.

Кулішъ протестуетъ противъ „питаемой фальшивыми источниками доктрины, будто козаки возставали за свой народъ, за его вѣру, за его честь, за его имущество, за его жизнь“. По его мнѣнію, доктрина эта путаетъ русскую исторію, отодвигаетъ на задній планъ строительные элементы русскаго общества и выдвигаетъ на передній—разрушительные. Козаки являлись не защитниками народа, а играли видныя роли бунтовщиковъ, кровоточителей, измѣнниковъ. Кулішъ находитъ, что панская власть, связанная съ крѣпостнымъ правомъ, была единственно возможной на Украинѣ

XVII в. Поэтому онъ и отказывается признать въ козачествѣ и народныхъ возстаніяхъ естественный протестъ населенія противъ крѣпостного гнета.

Главными виновниками, которые сѣяли вражду между Русью и Польшею, Кулішъ считаетъ православныхъ духовныхъ. Они, по его мнѣнію, распространяли въ народѣ подложные лѣтописи и документы, наполненные клеветами на польскихъ пановъ и польское духовенство. Они прославили козацкіе бунты и сдѣлали изъ козаковъ героевъ. Дѣятельность поповъ одинъ изъ главныхъ источниковъ ненависти украинцевъ къ полякамъ въ XVII вѣкѣ.

В. О. Ключевскій

Основная точка зрѣнія Куліша на козачество въ русской и украинской историграфіи прошла почти безслѣдно. Изъ русскихъ историковъ ее усвоилъ только В. О. Ключевскій. Страницы его „курса русской исторіи“, посвященныя характеристикѣ запорожскаго козачества и борьбѣ его съ Польшей, написаны подъ несомнѣннымъ вліяніемъ труды Куліша. Благодаря отзыву Ключевскаго, на страницахъ „чтеній въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ“ былъ напечатанъ и трехтомный трудъ Куліша объ отпаденіи Малороссіи отъ Польши.

Александръ Яблоновскій.

Изъ польскихъ историковъ взгляды Куліша оказали вліяніе на Александра Яблоновскаго. Съ нѣкоторыми оговорками, Яблоновскій раздѣляетъ сущность ихъ, какъ это видно изъ его критическихъ замѣчаній объ украинскомъ пограничьѣ“ („kresy ukrainne po „Hołotkiu“—do ruiny) въ третьемъ томѣ собранія его сочиненій (pisma).

Основную причину борьбы Яблоновскій видитъ частію въ политическихъ, но, главнымъ образомъ, въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ между крупными землевладѣльцами (можновладцами) и крестьянствомъ. Отношеніямъ религіознымъ и національнымъ Яблоновскій, правда, приписываетъ извѣстное значеніе въ ряду причинъ, но отводитъ ими мѣсто второстепен-

ное, подчиненное. По его мнѣнію, козаки ненавидѣли унію и католицизмъ, исключительно, какъ вѣру панскую, поддерживаемую панами. На этой почвѣ и возникъ „столь прославленный“ впослѣдствіи мотивъ борьбы—религіозный. Подобно Кулишу, Яблоновскій считаетъ наивнымъ утвержденіе, будто бы сельскій людъ принималъ серьезное участіе въ религіозной борьбѣ. На Украинѣ, по его мнѣнію, не существовало религіознаго вопроса, какъ вопроса борьбы соціальной. Еще меньшее значеніе придаетъ Яблоновскій, какъ и Кулишъ, въ козацкой борьбѣ XVII в. чувству русской народности, въ смыслѣ особности языка и культуры. Языкъ въ то время, думаютъ они, былъ вообще предметомъ подчиненнаго значенія. Что касается культуры, то Русь ея не только къ тому времени не выработала, но и не могла выработать. Культура Речи Посполитой въ XVII вѣкѣ была единой, повсюду польской, и человѣкъ оставался русиномъ только до тѣхъ поръ, пока не сталкивался съ просвѣщеніемъ.

Карлъ Шайноха. Перемѣна взглядовъ Кулиша на исторію Украины и козачества, какъ мы знаемъ, произошла, въ значительной степени, подъ вліяніемъ польской исторіографіи. Наибольшее вліяніе, въ этомъ отношеніи, изъ польскихъ историковъ на него оказалъ Карлъ Шайноха. Изъ неоконченнаго труда Шайнохи „Два года нашей исторіи“ (Dwa lata dziejów naszych) *) Кулишъ заимствовалъ свои основныя мысли для „исторіи возсоединенія Руси“. Вліяніе Шайнохи отразилось и на взглядахъ Александра Яблоновскаго, съ которымъ мы только что познакомились.

Трудъ Шайнохи относится, главнымъ образомъ, ко времени, непосредственно предшествовавшему возстанію Богдана Хмельницкаго. Но авторъ даетъ краткій очеркъ исторіи козачества и болѣе ранней поры. Въ 1865 году, когда сочиненіе Шайнохи было напечатано, трудъ его былъ важнымъ явленіемъ въ польской

*) Dzieła Karola Szajnochy. Warszawa, 1877, т. VIII—IX.

оріографіи. Шайноха разсѣялъ многія басни объ ранинѣ, которыя разсказывали польскіе историки первой половины XIX вѣка—Михаилъ Глищинскій и Янъ арновскій.

Козачество, по мнѣнію Шайнохи, было вызвано аничной жизнью Украины, необходимостью вести оянную борьбу съ невѣрными. Государство не могло ять на себя защиту южной границы. Защита была, жду тѣмь, необходима. Поэтому за нее и взялись и, по своей инціативѣ. То были пограничные князья, бители богатырскихъ предпріятій. Среди нихъ первое сто занималъ князь Дмитрій Вишневецкій. За княми потянулись на Низъ толпы людей, менѣе знатныхъ, огихъ, хлоповъ, крестьянъ. Образовалась какая-то татарщина подъ знакомь креста". Она не только охрала границы, но и занималась грабежами съ корыстною лью. Это и были козаки.

Прежній рыцарскій характеръ защитниковъ пограичныхъ земель измѣнился. Вмѣстѣ съ этимъ „козаванье" потеряло свой интересъ для пограничныхъ язей и зажиточной шляхты. Въ концѣ XVI вѣка они хватили и пріобрѣли огромныя пространства земли югѣ. Имъ нуженъ былъ для хозяйства покой, а не тоянная борьба и, какъ результатъ ея, озлобленіе окъ и татаръ, выражавшееся въ набѣгахъ на Украну. На этой почвѣ и началось столкновеніе. Шляхта тремилась уничтожить въ козачествѣ военный духъ и братить козаковъ въ хлоповъ. Козаки же хотѣли, съ ружіемъ въ рукахъ, добиться шляхетскихъ вольностей. Это была, по словамъ Шайнохи, борьба между оружіемъ и плугомъ.

Борьба длилась около пятидесяти лѣтъ съ 1592 по 38 годъ и закончилась побѣдой панскаго плуга надъ ацкимъ оружіемъ и обращеніемъ козаковъ въ хлоповъ.

Съ этого времени измѣнился и характеръ козачины. Обращенные изъ рыцарей въ хлоповъ, козаки

въ своей борьбѣ съ польскимъ народомъ не были уже проникнуты рыцарскимъ духомъ и обычаями, какъ раньше. Теперь ихъ борьба отличается татарскимъ и турецкимъ варварствомъ. Раньше козаки были вѣрными королю, теперь они обращаются къ Ордѣ, Москвѣ, Турціи, ищутъ новыхъ лозунговъ для своихъ какъ бы народныхъ и религіозныхъ цѣлей. Религія, между тѣмъ, среди разнороднаго состава запорожскаго козачества не могла имѣть большого значенія. Духовенство, правда, стремилось, притянуть козачество къ религіознымъ дѣламъ, и козаки при куруковскихъ переговорахъ выставили требованія относительно православной церкви. Но требованія эти остались безъ отвѣта. Козаки не поддержали ихъ. А не поддержали потому, что ими былъ предъявленъ рядъ другихъ, болѣе важныхъ и интересныхъ для нихъ требованій, чѣмъ религія.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Шайнохи, не религіозныя дѣла были движущимъ нервомъ борьбы козаковъ съ поляками въ XVII вѣкѣ, а соперничество плуга и оружія, мирной земледѣльческой культуры и противодѣйствовавшей ей и мѣшавшей козацкой вольницѣ.

Основная мысль Шайнохи встрѣтила въ последнее время возраженія въ польской исторіографіи со со стороны Ф. Равита-Гавронскаго.

Ф. Равита-Гавронскій.

Ф. Равита-Гавронскій, польскій публицистъ и беллетристъ, началъ свою литературную дѣятельность съ историческихъ повѣстей изъ жизни Украины. Въ 1890-хъ годахъ онъ сталъ заниматься научными изслѣдованіями и задумалъ большую шеститомную исторію козачества. Какъ части этого труда, въ печати появились два тома „исторіи гайдамацкихъ бунтовъ“ (Historya ruchów hajdamackich) и два тома, посвященныхъ эпохѣ войнъ Богдана Хмельницкаго (Bohdan Chmielnicki).

Научная критика отнеслась отрицательно къ трудамъ Ф. Равиты-Гавронскаго, отмѣтила ихъ тенденціозность, ненаучность, произвольность выводовъ и заключеній и внесеніе въ научную работу, въ значитель-

ной степени, чисто публицистическихъ пріемовъ. Несмотря на это, труды Ф. Равиты-Гавронскаго представляютъ значительный интересъ въ исторіи развитія взглядовъ на украинское козачество и причины его борьбы съ Речью Посполитой. У Ф. Равиты-Гавронскаго рѣзче и рѣшительнѣе высказаны тѣ мнѣнія, которыя мы встрѣчаемъ у Михаила Грабовскаго и у нѣкоторыхъ другихъ польскихъ историковъ.

Шайноха, по мнѣнію Ф. Равиты-Гавронскаго, сталъ на ошибочную точку зрѣнія. На почвѣ сентиментализма онъ невѣрно освѣтилъ козаччину, отождествилъ ее съ народомъ и представилъ дѣло такимъ образомъ, будто козаки добивались „свободы" и боролись противъ „ярма". На самомъ дѣлѣ было не такъ. Козаковъ нельзя отождествлять съ народомъ. Они, вѣдь, были не только на Украинѣ, но и на Волгѣ, на Дону, Уралѣ, Терекѣ. Подъ вліяніемъ польскаго государства, у украинскаго козачества зародились нѣкоторые признаки идеи государственной. Но вообще козачество нигдѣ, ни въ Польшѣ, ни въ Московской Руси, не создало самостоятельнаго политическаго организма, и являлось элементомъ противогосударственнымъ. На этомъ основаніи, съ козачествомъ боролись какъ въ Польшѣ, такъ и въ Москвѣ.

Общій характеръ козаччины Ф. Равита-Гавронскій склоненъ искать еще въ грабительскихъ нравахъ норманновъ. Козаки, по его мнѣнію, были наслѣдниками самыхъ худшихъ инстинктовъ норманскихъ. Ф. Равита-Гавронскій не жалѣетъ темныхъ красокъ для характеристики козачества. Козаки, думаетъ онъ, представляли изъ себя фалангу недовольныхъ всякими государственными отношеніями. Фаланга эта выросла на почвѣ безбрежнаго разбойничьяго своеволія, была влюблена въ него и въ этомъ своеволіи видѣла содержаніе своей жизни. Цѣлью козаччины былъ грабежъ; жажда ненаказанной свободы служила поводомъ для борьбы. Вышедшая изъ среды сельскаго населенія, козаччина дѣлалась угнетательницей народа, противницей всякой

серьезной работы. Благодаря этому, она испортила, она продала долю своего народа. О государствѣ, его задачахъ, его цѣляхъ, обязанностяхъ козаччина не имѣла опредѣленнаго понятія. Государство она считала силой, которая мѣшаетъ ея своеволію, и исключительно во имя этого козаччина боролась съ Польшей и Москвой.

Генрихъ Сенкевичъ и проф. В. Б. Антоновичъ

Взглядъ на казаковъ, какъ на разбойниковъ и на козачество, какъ на силу антиобщественную и антигосударственную, отразился и въ польской художественной литературѣ, между прочимъ, въ четырехтомной исторической повѣсти Генриха Сенкевича „Огнемъ и мечемъ". Въ ней, какъ извѣстно, представлены начальныя стадіи борьбы Богдана Хмѣльницкаго съ поляками.

Проф. В. Б. Антоновичъ подвергъ романъ Сенкевича критическому разбору въ статьѣ „польско-русскія соотношенія XVII вѣка въ современной призмѣ". Статья напечатана въ майской книжкѣ „Кіевской Старины" за 1885 г. Антоновичъ мѣтко охарактеризовалъ основной взглядъ на козачество Генриха Сенкевича и тѣхъ историковъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложились историческія воззрѣнія Генриха Сенкевича на отношенія Польши и Украины въ XVII вѣкѣ. Антоновичъ призналъ этотъ взглядъ ложнымъ и въ основаніи, и въ развитіи.

Въ половинѣ XVII в. Польша являлась могущественнымъ государствомъ—такова исходная точка зрѣнія Генриха Сенкевича. Государство опиралось на доблестное и энергичное шляхетское сословіе. Это давало возможность Польшѣ стоять на высокомъ уровнѣ культуры и преслѣдовать великую культурную задачу—пріобщить къ цивилизаціи обширныя русскія области, входившія въ составъ Речи Посполитой. Стремленіе Польши насадить культуру въ русскихъ областяхъ разбивалось о врожденную дикость южно-русскаго племени и неспособность его къ государственной жизни. Создавалась ненависть, которая находила свое выраженіе въ козацкихъ бунтахъ. Козаки и хлопы, участники этихъ

возстаній, были лишены всякаго инстинкта гражданственности и тѣни всякаго общественнаго убѣжденія. Религіозные мотивы отсутствовали въ козацкихъ возстаніяхъ. Козаки—это какіе-то дикіе, жестокіе, некультурные люди, способные только къ разрушенію и, къ тому же, горькіе пьяницы. Безъ водки козаки ничего не начинали и не дѣлали. Польское государство правильно дѣлало, когда суровыми мѣрами боролось съ козачествомъ.

По мнѣнію Сенкевича, причина борьбы, вспыхнувшей въ XVII вѣкѣ, лежала въ столкновеніи польской культуры съ дикостью южно-русскаго народа. Антоновичъ, между тѣмъ, сомнѣвался въ заслугахъ польскаго дворянства въ дѣлѣ распространенія культуры на Украинѣ. По его мнѣнію, польско-шляхетскій строй XVII в. былъ не символомъ порядка и культуры, а скорѣе „симптомомъ отсталости и культурной аберацiи самого польскаго общества“. Шляхетскій строй погубилъ Польшу. Онъ же породилъ и тяжелую борьбу въ XVII в.

Тадеушъ Корзонъ.

Взглядъ на козачество, какъ на проявленіе дикости украинскаго народа, не чуждъ и такому серьезному изслѣдователю, какимъ является польскій историкъ Тадеушъ Корзонъ.

Въ своемъ новомъ трудѣ по „исторіи войнъ и военной службы въ Польшѣ“ (dzieje wojen i wojskowości w Polsce) Т. Корзонъ смотритъ на козачество, какъ на вредный и болѣзненный наростъ на государственныхъ тѣлахъ Польши и Москвы, опасный для цивилизаціи. Центромъ опасности, угрожавшей культурѣ, являлась Сѣчь Запорожская съ ея демократическимъ устройствомъ *). Сѣчь привлекала къ себѣ громадныя массы хлоповъ (крестьянъ), жаждавшихъ дикой вольности, людей лѣнивыхъ, нерадивыхъ, пьяницъ, склонныхъ къ нечеловѣческимъ жестокостямъ.

---

*) На такое значеніе Сѣчи Тадеушъ Корзонъ указываетъ и въ рецензіи на статьи покойнаго В. Н. Доманицкаго „Козаччина на переломі XVI—XVII в.“ въ „Kwart. hist, 1908 г. zosz. 2 i 3, стр. 453—455.

Борьба между козачествомъ и польскимъ государствомъ представляется Тадеушу Корзону въ видѣ борьбы двухъ теченій въ Речи Посполитой: одного—колонизаторскаго, хозяйственнаго, культурнаго, создававшаго богатства магнатовъ-княжатъ, другого—бунтовского, разрушительнаго, ненавистнаго, козацкаго. Первый умножалъ богатство и могущество Польши, второй—создавалъ бунты, пока не довелъ государство до страшнаго потрясенія, названнаго „кровавымъ потопомъ".

„Русская исторія" М. Н. Покровскаго.

Изъ новѣйшихъ трудовъ, касавшихся вопроса о причинахъ борьбы между козачествомъ и польскимъ государствомъ, нужно отмѣтить „Русскую Исторію" М. Н. Покровскаго и, въ особенности, капитальный трудъ по исторіи козачества проф. М. С. Грушевскаго.

„Русская Исторія" М. Н. Покровскаго написана съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма и объясненіе борьбы козачества съ польскимъ государствомъ она даетъ исключительно въ сферѣ экономическихъ отношеній и классовой борьбы. Экономическая исторія Украины, между тѣмъ, совсѣмъ почти не изслѣдована для XVI и первой половины XVII в. Поэтому и объясненія „Русской Исторіи" носятъ характеръ не выводовъ, а скорѣй предположеній, болѣе или менѣе правдоподобныхъ. Они требуютъ еще фактическаго обоснованія.

Въ борьбѣ козачества съ польскимъ государствомъ, думаютъ составители „Русской Исторіи", сказался антагонизмъ мелкаго и крупнаго землевладѣнія. Представителями перваго явились козаки. Представителями крупнаго землевладѣнія были польскіе паны.

Выступая защитниками православія противъ уніи, козаки находили идейное оправданіе своихъ классовыхъ требованій. Паны проводили унію въ жизнь и старались сдѣлать православную церковь орудіемъ въ рукахъ крупнаго землевладѣнія.

На стремленіе польскихъ помѣщиковъ подчинить козаковъ польской государственности козаки отвѣтили основаніемъ независимой Запорожской Січи. Для поль-

скихъ помѣщиковъ Запорожье представляло большое неудобство и большую опасность. Оно подвергало ихъ имѣнія опасности набѣговъ сосѣдей-кочевниковъ. Составители „Русской Исторіи" соглашаются съ польскими историками въ томъ, что въ борьбѣ Запорожья съ польскимъ государствомъ, въ дѣйствительности, шелъ споръ между культурой и дикостью, или, вѣрнѣе, между двумя степенями культуры. Культура опредѣлялась степенью экономическаго развитія. Къ сѣверу отъ порогов существовала уже полукапиталистическая Европа XVI в.; къ югу—процвѣтали еще нравы временъ Святослава. Экономическое развитіе обостряло „классовыя противорѣчія", раздувало ненависть хлопа къ пану. Борьба этихъ двухъ крайностей, экономически исключавшихъ другъ друга, была, естественно, упорная. Всѣ попытки и надежды польскаго правительства найти въ этой борьбѣ какую-нибудь среднюю линію не приводили ни къ чему и являлись одной только утопіей.

Проф. М. С. Грушевскій.

Проф. М. С. Грушевскій причину козацкихъ движеній видитъ въ соціальномъ строѣ Речи Посполитой, какъ онъ сложился со времени соединенія Литвы съ Польшей. Развитіе шляхетскаго сословія на ряду съ угнетеніемъ и созданіемъ полнаго безправія крестьянства, ополяченіе высшихъ классовъ украинскаго общества, унія и ограниченіе въ правахъ православной церкви—съ одной стороны, естественная реакція противъ этого, нашедшая себѣ выраженіе въ козачествѣ, съ другой—такова была почва для борьбы между козачествомъ и Речью Посполитой.

Первыя козацкія движенія носили очень хаотическій характеръ. Въ нихъ трудно видѣть что-либо большее, кромѣ оппозиціи шляхетскимъ польскимъ порядкамъ и стихійное стремленіе къ росту, къ расширенію. Болѣе сознательное идейное содержаніе козачество получаетъ тогда, когда вступаетъ въ союзъ съ духовенствомъ и вообще съ украинскою интеллигенціею и становится на почву защиты религіозныхъ и національныхъ правъ украинской народности.

Охраняя и борясь за интересы церкви, козачество защищало и національные птересы. На этой почвѣ оно привлекало на свою сторону всѣ слои населенія и становилось серьезнымъ и солиднымъ политическимъ факторомъ. Опредѣленной программы, въ этомъ отношеніи, козачество не выработало и не имѣло. Еще менѣе замѣтна программа въ борьбѣ козачества съ польскимъ государственнымъ строемъ на почвѣ охраны сельскихъ, крестьянскихъ интересовъ. Козачество не пошло дальше принципіальнаго отрицанія польско-шляхетскаго режима вообще и „козацкое отрицаніе крѣпостного права не вышло изъ стихійныхъ формъ разгромовъ въ моменты возстаній и не сложилось въ форму какихъ-либо программныхъ дѣйствій".

Выводы. Несмотря на кажущуюся разницу во мнѣніяхъ всѣ историческіе писатели ищутъ объясненія причинъ вражды между украинскимъ народомъ и польскимъ государствомъ въ XVII вѣкѣ въ политическихъ и соціально-экономическихъ условіяхъ Речи Посполитой. Одни изъ историковъ (Кулішъ и польскіе историческіе писатели) признаютъ въ этихъ условіяхъ нѣчто положительное и въ борьбѣ противъ нихъ южно-русскаго населенія видятъ тенденціи преимущественно разрушительныя. Другіе, напротивъ, соціально-политическія условія польскаго государства находятъ уродливыми и на борьбу противъ нихъ украинскаго населенія смотрятъ, какъ на естественную реакцію здороваго народнаго и національнаго чувства и смысла.

Первые писатели отрицаютъ въ борьбѣ опредѣленные лозунги. Особенно они возстаютъ противъ лозунга религіознаго, противъ лозунга добыванія свободы православной церкви, которая, по ихъ мнѣнію, никогда не испытывала притѣсненій въ Речи Посполитой. Польша была носительницей культуры на Украинѣ. Поэтому, и унія была только мостомъ къ европейской культурѣ (Фр. Равита-Гавронскій). Борьба козачества противъ помѣщичьяго элемента объясняется, главнымъ образомъ, враждой гру-

баго, невѣжественнаго, жестокаго населенія противъ культуры и носителей ея.

Иначе представляется дѣло у писателей, которые происхожденіе тяжелой борьбы XVII вѣка объясняютъ ненормальностями соціально - политическаго строя Речи Посполитой. Неравенство было господствовавшимъ началомъ въ польскомъ государствѣ. Рядомъ съ шляхетствомъ, вполнѣ свободнымъ, стояло крестьянство, лишенное всякихъ правъ. Съ появленіемъ іезуитовъ въ Польшѣ прежняя религіозная терпимость смѣнилась воинствующею политикою по отношенію къ диссидентамъ (протестантамъ и православнымъ). Преслѣдованіе православной вѣры было въ то же время и преслѣдованіемъ русской національности, такъ какъ главный контингентъ православныхъ составляли люди, принадлежавшіе къ русской народности. Эти стороны жизни польскаго государства вызывали реакцію въ населеніи и выдвигали извѣстные лозунги для борьбы.

Проф. М. С. Грушевскій справедливо отмѣчаетъ, что искать опредѣленной программы въ народныхъ движеніяхъ на Украинѣ въ XVII вѣкѣ противъ Речи Посполитой нельзя. Такой программы, которая бы формулировала положительныя требованія украинскихъ народныхъ массъ не было и не могло быть выработано. Мысль украинской интеллигенціи XVII вѣка была сосредоточена исключительно на религіозныхъ и церковныхъ вопросахъ. Вопросами государственнаго устройства и экономическихъ отношеній она не занималась. Если программы не было, то лозунги у народныхъ движеній XVII вѣка, несомнѣнно, существовали. Кромѣ свободы православной церкви и русской народности, такимъ лозунгомъ была вражда къ панамъ, стремленіе уничтожить гнетъ крѣпостныхъ отношеній и ту эксплоатацію крестьянства, которой сопровождалось, какъ мы знаемъ, панское хозяйство на Украинѣ. Лозунги опирались, такимъ образомъ, на жизненныя отношенія, на соціально-экономическій строй Речи Посполитой. Въ

особенностяхъ этого строя и вытекающихъ изъ него послѣдствіяхъ и нужно искать „причинъ вражды между украинцами и поляками въ XVII вѣкѣ".

Польскіе историки совершенно вѣрно указываютъ на роковое значеніе народныхъ движеній на Украинѣ XVII в. въ исторіи крушенія государственнаго строя Речи Посполитой и въ исторіи паденія ея, какъ самостоятельнаго государства. Украинскія народныя движенія расшатывали польское государство, мѣшали его правильному развитію, заставляли затрачивать большія усилія на внутреннюю борьбу. Все это—правда. Но, съ другой стороны, нельзя не отмѣтить того факта, что, за исключеніемъ отдѣльныхъ, очень немногихъ лицъ, руководители внутренней политики въ польскомъ государствѣ XVII в. не сумѣли отгадать и понять истинную причину народныхъ волненій и продолжали развивать, поддерживать и укрѣплять тѣ основанія государственнаго и экономическаго строя, которыя эти волненія вызывали. Въ методахъ борьбы съ народными движеніями на Украинѣ польская политическая мысль XVII в. не поднялась выше примитивныхъ полицейскихъ мѣропріятій и суровыхъ кровавыхъ мѣръ.

Такое положеніе дѣла не прошло безслѣдно для судьбы польскаго государства. Въ періодъ разгоравшейся борьбы за существованіе въ XVII в. двухъ государствъ Речи Посполитой и государства московскаго, борьбы кончившей чрезъ полтора столѣтія паденіемъ самостоятельности Польши, руководители польской государственной жизни безсознательно подготовляли своими мѣрами это паденіе. Своей политикой они способствовали зарожденію сепаратистическихъ стремленій въ украинскомъ обществѣ въ пользу Москвы. Украинская интеллигенція, отстаивавшая дѣло православной вѣры и русской народности, и народныя массы, послѣ того, какъ потеряли надежду на лучшее будущее, стали стремиться къ Москвѣ и въ ней видѣть свое спасеніе. Интеллигенція шла въ московское государство созна-

тельно и несла туда культуру, созданную на національно-религіозной почвѣ на Украинѣ. Народныя массы, тѣснимыя экономическими условіями и полицейскимъ гнетомъ, двигались въ предѣлы московскаго государства стихійно, надѣясь тамъ, подальше отъ Польши, найти болѣе или менѣе сносныя условія для своего существованія.

Такъ началось и развивалось сильное движеніе украинскаго населенія на востокъ въ предѣлы московскаго государства. Оно подготовило соединеніе Украины съ Москвой.

Посредницей въ этомъ отношеніи сдѣлалась лѣвобережная Украина.

Колонизація Лѣвобережной Украины и движеніе украинскаго населенія въ предѣлы Московскаго государства *).

Значеніе Днѣпра въ исторіи Южной Руси.

Рѣка Днѣпръ съ притоками занимаетъ видное мѣсто въ историческихъ судьбахъ Южной Руси. Днѣпръ являлся главнымъ воднымъ путемъ. Онъ и его притоки были мѣстомъ промысловъ для населенія. По Днѣпру и его притокамъ двигалась, главнымъ образомъ, колонизація края. Въ исторіи борьбы козачества съ татарами и турками, а также съ польскимъ государствомъ Днѣпръ также игралъ большую роль.

*) Важнѣйшая литература: *Михайло Грушевський.* Історія України-Руси, т. I—III, VI, VII. Проф. *М Грушевскій.* Исторія украинскаго козачества, т. I. *Его же.* Очеркъ исторіи кіевской земли. К. 1891. *П. Н. Милюковъ.* Очерки по исторіи русской культуры, вып I. *М. А. Максимовичъ.* Собраніе сочиненій, т. I—III. *Д. И. Багалѣй.* Исторія сѣверской земли до половины XIV ст. Кіевъ, 1882. *П. В. Голубовскій.* Исторія сѣверской земли до половины XIV в., К., 1881. *Его же.* Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ. К., 1884. *Василій Лясковонскій.* Исторія переяславской земли до половины XIII в. К., 1903. *В. Б. Антоновичъ.* Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи. *Продіонъ Житецкій.* Смѣна народностей въ южной Руси, въ „Кіев. Стар.“, 1883. *М. К. Любавскій.* Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута. М., 1893. Проф. *М. К. Любавскій.* Очеркъ исторіи литовско-русскаго государства до люблинской уніи включительно. М., 1910. *П. А. Кулішъ.* Исторія возсоединенія Руси, 3 т. М., 1874—77. Pisma Aleksandra Jabłonowskiego. Warszawa, 1909—1911, т. I—III. *Aleksander Jabłonowski.* Historya Rusi południowej. Kraków, 1912. Źródła dziejowe, т. V, XIX, XX, XXI, XXII. *П. М.* „Лѣвобережная Украина въ XV—XVII ст.“ (переводъ изслѣдованія А. Яблоновскаго „Zadnieprze“), „Кіев. Ст.“, 1892. Проф. *М Ф. Владимірскій-Будановъ.* Населеніе юго-запад. Россіи отъ половины XIII до половины XV в. (Архивъ юго-западной Россіи.

Такое значеніе Днѣпра хорошо сознавало польское правительство и населеніе Украины. Польскій коммиссаръ Николай Потоцкій, прибывшій къ козакамъ вмѣстѣ съ Адамомъ Киселемъ, ясно выразилъ это на радѣ въ апрѣлѣ 1637 года (см. выше стр. 399). Въ отвѣтъ на угрозу уйти на Донъ, онъ сказалъ козакамъ: „если вы стращаете насъ, что уйдете куда-нибудь подальше, на Донъ, напримѣръ,—такъ это неправда. Днѣпръ—ваше отечество. Другого Днѣпра нѣтъ на свѣтѣ. Дона нельзя сравнить съ Днѣпромъ. Тамъ неволя, здѣсь—свобода. Какъ рыбѣ нельзя жить безъ воды, такъ козаку безъ Днѣпра. Чей Днѣпръ, того и козаки!..“

Днѣпръ дѣлилъ Украину на двѣ неравныя части—правобережную и лѣвобережную. Названія эти не оффиціальныя, а бытовыя.

Правобережная и лѣвобережная Украина до татарскаго нашествія.

Историческая судьба обѣихъ частей Украины была далеко неодинакова.

ч. VII, т. I). *Его же.* Населеніе юго-западной Россіи отъ второй половины XV в. до люблинской уніи (1569) (Архивъ юго-западной Россіи. ч. VII, т. 2). Отзывъ о послѣднемъ трудѣ В. А. Мякотина въ „Кіев. Стар.“, 1892, т. 39. Проф. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ.* Акты о заселеніи Южной Россіи XVI—XVIII в. (Архивъ юго-запад. Россіи, ч. VII, т. III). *Его же.* Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго, въ „Кіев. Стар.“ за 1888 г. *Alex. Przezdziecki* Podole, Wolyń, Ukraina.—Wilno, 1841 г. *М. Н. Александровичъ.* Остерскій уѣздъ, вып. I-й, К., 1881. *А. В. Стороженко.* Очерки переяславской старины. *Его же.* Очерки переяславщины въ „Кiев. Стар.“ 1891 г. К., 1900. *А. М. Лазаревскій.* Описаніе старой Малороссіи. К., 1888—1902, т. I—III. *Его же.* Историческіе очерки селъ конотопскаго уѣзда. Черн., 1886. *Его же.* Архивные отрывки для исторіи полтавской епархіи. Полтава, 1887 (изъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“) *Его же.* Изъ исторіи селъ и селинъ лѣвобережной Малороссіи, въ „Кіев. Стар.“, 1891. *Его же.* Лубенщина и князья Вишневецкіе, „Кіев. Стар.“, 1896 г., т. 52. *Его же.* Историческіе очерки Полтавской Лубенщины, въ „Чтеніяхъ“ въ обществѣ лѣтописца Нестора, кн. X и XI. *Его же.* Малороссійскіе посполитые крестьяне, 2-е изд., К., 1908 г. Проф. *Д. И. Багалѣй.* „Новый историкъ Малороссіи“—рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго „Описаніе старой Малороссіи“, т. I въ 32 отчетѣ объ уваровскихъ преміяхъ. *В. А. Мякотинъ.* Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго „Описаніе старой

На правомъ берегу Днѣпра въ до-татарскую эпоху было расположено кіевское княжество. Исторической судьбою его опредѣлялась и исторія всей правобережной Украины въ то отдаленное время. Отъ земель, расположенныхъ по лѣвую сторону Днѣпра, Кіевщина никогда не была окончательно обособлена. На лѣвый берегъ Днѣпра всегда переходила часть кіевскаго кня-

Малороссіи, т. II. полкъ нѣжинскій", въ 37 отчетѣ объ уваровскихъ преміяхъ. *В. Милорадовичъ.* Къ вопросу о колонизаціи Посулья въ XVI и XVII в., „Кіев. Стар.", 1899, кн. 10 *Его же.* „Лѣсная Лубенщина", „Средняя Лубенщина", „Степная Лубенщина", въ „Кіевской Стар.", 1900 и 1903 г. *Л. В. Падалка.* Прошлое Полтавской территоріи и ея заселеніе. Полтава, 1914 г. *Его же.* О времени основанія г. Полтавы. „Чтенія" въ историческомъ обществѣ лѣтописца Нестора, кн. X, К., 1896. *Ф. Д. Николайчикъ.* Начало и ростъ полтавскихъ владѣній Вишневецкихъ по даннымъ литовской метрики въ „Трудахъ XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ". М., 1902. *Его же.* Матеріалы по исторіи землевладѣнія князей Вишневецкихъ въ лѣвобережной Украинѣ въ „Чтеніяхъ" въ историч. обществѣ лѣтописца Нестора, кн. XIV. Проф. *Д. И. Багалѣй.* Очерки изъ исторіи колонизаціи степной Украины московскаго государства. М., 1887. *П. П. Петровъ.* Къ исторіи колонизаціи слободской Украины, въ „Кіев. Стар.". 1883. *И. И. Миклашевскій.* Къ исторіи хозяйственнаго быта московскаго государства. Заселеніе и степное хозяйство южной Украины, М., 1894. *Альбовскій.* Исторія харьковскаго слободского полка. Хар., 1905. Проф *Д. И. Багалѣй* и *Д. И. Миллеръ.* Исторія г. Харькова, т. 1, Хар., 1905. *Мих. Грушевський.* Український рух на схід. Разселеніе за московською границею до 1648 р. въ „Україні", 1914 г., кн. I. *Харламповичъ К. В.* Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь. Каз., 1914 г., т. I. *Aleks. Jablonowski.* Atlas historyczny Rzeczy Pospolitej, dzial II-gi „Ziemie Ruskie, 1889—1904. Проф. *Вас. Г. Ляскоронскій.* Иностранные карты и атласы, относящіеся къ южной Россіи, въ 12 кн. „Чтеній" въ историческомъ обществѣ лѣтописца Нестора. *Его же.* Гильомъ Левассёръ-де-Бопланъ и его историко-географическіе труды относительно южной Россіи. Кіевъ, 1901. *В. Кордтъ.* Матеріалы по исторіи русской картографіи, изданіе кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, вып. I—II, Кіевъ, 1899, 1910 г. *Л. В. Падалка.* Карта Боплана о заселеніи полтавской территоріи. Полтава, 1914 г. *Его же.* Карта полковъ на полтавской территоріи. Полтава, 1914 г. *Его же.* Карта территоріальнаго разграниченія полтавской губерніи въ масштабахъ мѣстныхъ изученій. Полтава, 1914 г.

жества. Правда, сравнительно, небольшая. Такъ было и въ моментъ татарскаго нашествія 1237—1241 г. Это создавало возможность для Кіевщины, стоявшей выше въ культурномъ отношеніи и болѣе сильной политически, постоянно приходить въ соприкосновеніе съ землями, расположенными на бѣвомъ берегу Днѣпра и оказывать на нихъ свое вліяніе. Въ исторіи лѣвобережной Украинѣ Кіевщина всегда играла большую роль.

На остальной территоріи по лѣвому берегу Днѣпра въ до-татарское время существовали княжества черниговское и переяславское (полтавской губ.). Первое занимало сѣверную часть позднѣйшей лѣвобережной Украины и, простираясь на востокъ, выходило далеко за ея предѣлы. Черниговское княжество обнимало теперешнюю черниговскую губернію, за исключеніемъ южной ея части, которая принадлежала къ переяславскому княжеству, почти всю орловскую губернію и значительныя части губерній могилевской, калужской, тульской и курской. Переяславское княжество было невелико по объему. Оно занимало южную часть черниговской губерніи и сѣверо-западную половину полтавской. Сосѣдство со степью и постоянныя нападенія тюркскихъ народовъ мѣшали дальнѣйшему развитію переяславскаго княжества на югъ и юго-востокъ, въ глубь степей.

Татарское нашествіе разорило лѣвобережную Украину и кіевскую землю, хотя и не уничтожило ихъ. Экономическое потрясеніе, которое пережила въ то время Украина, не могло не оставить слѣдовъ на разныхъ сторонахъ жизни какъ духовной, такъ и матеріальной. Должно было отразиться татарское нашествіе и на населеніи края, насильственно сдвинувъ его съ мѣста, перемѣшавъ и, надо полагать, значительно уменьшивъ его въ числѣ.

Татарское нашествіе въ XIII в. Вопросъ о запустѣніи Украины послѣ него.

Какъ отразилось татарское нашествіе на густотѣ населенія лѣвобережной Украины?

Существуетъ мнѣніе, что земли кіевская, черни-

говская и переяславская, послѣ нашествія Батыя, окончательно опустѣли. Мысль эта была высказана польскимъ писателемъ Мих. Грабовскимъ во второмъ томѣ „записокъ о южной Руси Кулиша". По мнѣнію Грабовскаго, поляки освободили южную Русь отъ азіатскихъ дикарей и заселили ея пустынныя земли. Эту же мысль позже развилъ и обосновалъ извѣстный польскій историкъ Карлъ Шайноха. Онъ приписывалъ заселеніе Украины позднѣйшей колонизаціонной дѣятельности поляковъ и видѣлъ въ немъ „добычу польскаго плуга" (zdobycze pługa polskiego). Подъ вліяніемъ Шайнохи, написалъ страницы о колонизаціи Украины въ своей „исторіи возсоединенія Руси" и П. А. Кулишъ. Кулишъ отмѣтилъ, однако, что, говоря о польской колонизаціи Украины, Шайноха игнорируетъ русскій элементъ „въ экономическомъ и соціальномъ движеніи на древне-русской территоріи въ XVI и XVII вѣкахъ".

Мысль, высказанная польскими историками о запустѣніи Украины послѣ нашествія Батыя, независимо отъ нихъ, была выдвинута въ концѣ 1850-хъ годовъ и русскимъ историкомъ М. П. Погодинымъ. По его мнѣнію, первоначальнымъ населеніемъ кіевской, черниговской и переяславской земли были великороссы. Но эти земли такъ были разорены татарскимъ нашествіемъ, что все населеніе ихъ бѣжало на сѣверъ. На мѣсто бѣжавшихъ въ XIII в. пришли малороссы, которые до того времени обитали гдѣ-то вдали, за Карпатами.

Мнѣніе Погодина встрѣтило серьезныя возраженія со стороны М. А. Максимовича. Не отрицая опустошенія Украины татарами, Максимовичъ находилъ, что земля все же не оставалась безлюдною. Прошла татарская гроза—разбѣжавшіеся жители снова сходились на прежнія пепелища, снова отстраивались старые села и города, основывались новые. Никакой смѣны населенія не было. То же населеніе, которое жило на Украинѣ до татарскаго нашествія, продолжаетъ жить

и въ наше время. Малорусское, или украинское населеніе, являлось, такимъ образомъ, исконнымъ населеніемъ Поднѣпровья.

Мнѣніе Погодина, начиная съ 1880-хъ годовъ, нашло себѣ новое обоснованіе, главнымъ образомъ, съ филологической точки зрѣнія, въ трудахъ академика А. И. Соболевскаго. Въ Кіевѣ XIV и XV вв., а слѣдовательно, и раньше было, по предположенію А. И. Соболевскаго, великорусское нарѣчіе. Поэтому онъ думаетъ, что „нынѣшнее малорусское населеніе мѣстъ ближайшихъ къ Кіеву, какъ и всей страны къ востоку отъ Днѣпра—населеніе пришлое, пришедшее приблизительно въ XV в. сюда, съ запада, изъ Подоліи, Волыни и Галиціи и ассимилировавшее собою остатки стараго кіевскаго населенія“.

Въ свое время мысль А. И. Соболевскаго вызвала горячій обмѣнъ мнѣній въ историческомъ обществѣ лѣтописца Нестора въ Кіевѣ, и встрѣтила цѣлый рядъ возраженій, преимущественно, со стороны П. И. Житецкаго, В. Б. Антоновича, Н. П. Дашкевича и др. Сущность этихъ возраженій приведена во второй книгѣ „Чтеній“ въ обществѣ лѣтописца Нестора. Исторія же этого вопроса изложена въ трудахъ М. С. Грушевскаго („Очеркъ исторіи кіевской земли“ и въ 6-мъ примѣчаніи къ первому тому его „Історії України—Руси“ (русскій переводъ „Кіевская Русь“), а также въ статьѣ приватъ-доцента В. А. Розова „изслѣдованіе языка южнорусскихъ грамотъ XIV и первой половины XV в.“, помѣщенной въ декабрской книжкѣ кіевскихъ „университетскихъ извѣстій“ за 1903 годъ. Наиболѣе полный филологическій разборъ соображеній академика Соболевскаго сдѣлалъ проф. А. Е. Крымскій въ „Кіевской Старинѣ“ за 1898 и 1899 годы въ рядѣ статей, къ сожалѣнію, неоконченныхъ, подъ заглавіемъ „Филологія и погодинская гипотеза“.

Изъ историковъ теорію Погодина и Соболевскаго, съ значительными измѣненіями, принялъ В. О. Клю-

чевскій. По его мнѣнію, рѣчная полоса по среднему Днѣпру съ притоками, издавна хорошо заселенная, въ XII вѣкѣ начала пустѣть, а послѣ татарскаго нашествія въ XIII в. и окончательно запустѣла. Населеніе ея куда-то исчезло. Отливъ населенія изъ Поднѣпровья шелъ въ двухъ направленіяхъ, Одна струя направлялась на западъ, въ глубь Галиціи и Польши, другая—въ междурѣчье Оки и верхней Волги. Отливъ поднѣпровскаго населенія въ эти мѣста подтверждается, по мнѣнію В. О. Ключевскаго, цѣлымъ рядомъ фактовъ и соображеній, между прочимъ, и переносомъ географическихъ названій съ юга въ сѣверо-восточную Русь. Населеніе, переселившееся на сѣверо-востокъ, смѣшавшись съ финскими племенами, образовало великорусскій этнографическій типъ. Населеніе, ушедшее изъ кіевской, переяславской и черниговской земель въ Галицію и Польшу, сохранило тамъ свою народность и, подъ вліяніемъ причинъ экономическаго и соціальнаго характера, стало возвращаться въ XV—XVI ст. и заселять пустыни Поднѣпровья. Эти переселенцы сыграли большую роль въ образованіи малорусскаго племени. Вопросъ о смѣшеніи этихъ переселенцевъ съ остатками старинныхъ кочевниковъ, торковъ, берендѣевъ и пр. и о степени вліянія этого сліянія на украинскій языкъ— В. О. Ключевскій оставляетъ открытымъ. Онъ не находитъ удовлетворительнаго отвѣта на это въ наукѣ.

Мнѣніе Погодина, А. И. Соболевскаго, В. О. Ключевскаго не являются принятыми въ наукѣ. Послѣ возраженій М. А. Максимовича и А. А. Котляревскаго въ статьѣ: „были ли малоруссы исконными обитателями полянской земли или пришли изъ-за Карпатъ въ XVI в.?“ уже К. Н. Бестужевъ въ своей „Русской исторіи“ находилъ, что наука не можетъ принять предположенія о выселеніи всѣхъ жителей южной Руси на сѣверъ и о переселеніи въ южно-русскія пустыни новыхъ поселенцевъ изъ Галиціи. В. Б. Антоновичъ въ изслѣдованіи „Кіевъ, его судьба и значеніе съ

XIV по XVI ст. (1362—1569)“ и М. С. Грушевскій въ третьемъ томѣ „Історіі Украіни—Руси“ пересмотрѣли на-ново скудные факты, уцѣлѣвшіе въ источникахъ послѣ татарскаго разгрома. Выводъ ихъ подтвердилъ мнѣніе Максимовича. Массового переселенія на сѣверъ не было. Уходили князья, бояре, духовенство, промышленники. Сельское же населеніе оставалось. Въ виду опасности, оно, какъ это дѣлало и раньше, ушло временно на сѣверъ, въ лѣса и болота сѣверной Кіевщины и Черниговщины. Когда же татарская буря пронеслась, на югѣ, понемногу, успокоилось, бѣжавшее населеніе возвращалось на прежнія мѣста. Этнографическій составъ населенія южной Руси оставался, такимъ образомъ, тотъ же, что былъ и до татарскаго нашествія. Такого же мнѣнія держится проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ своемъ изслѣдованіи „Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XIII до половины XV в.“, Продіонъ Житецкій въ статьѣ „смѣна народностей въ южной Руси“, А. В. Стороженко въ „Очеркахъ переяславской старины“. Послѣдній запустѣніе южной Руси вслѣдъ за нашествіемъ Батыя считаетъ „скорѣе вымысломъ лѣтописцевъ и историковъ, чѣмъ фактомъ дѣйствительности“. Къ мнѣнію русскихъ и украинскихъ историковъ примыкаетъ и польскій историкъ Александръ Яблоновскій. Онъ также не допускаетъ полнаго разрушенія южной Руси и говоритъ о временномъ бѣгствѣ населенія и о возвращеніи его на старыя пепелища, какъ только татарская буря пронеслась.

Древне-кіевское населеніе.

Что касается этнографическихъ особенностей древне-кіевскаго населенія (земли полянъ), то большинство позднѣйшихъ филологовъ склоняется къ мнѣнію, что дотатарское населеніе Кіевщины принадлежало малоросамъ. Такъ думаетъ академикъ И. В. Ягичъ и въ послѣднее время акад. А. А. Шахматовъ, не говоря уже о другихъ. Акад. А. И. Соболевскій, однако, продолжаетъ настаивать на своемъ мнѣніи и въ позд-

нѣйшемъ своемъ изслѣдованіи о „древне-кіевскомъ говорѣ“ [1]) по прежнему, утверждаетъ, что древне-кіевскій говоръ существовалъ еще въ XV—XVI в. и былъ близокъ къ сосѣднимъ говорамъ бѣлорусско-великорусскаго типа, т. е. другими словами, и въ то время въ Кіевѣ преобладало еще великорусское населеніе. Серьезныя возраженія, въ этомъ отношеніи, сдѣлалъ академику А. И. Соболевскому проф. А. Е. Крымскій въ своемъ разборѣ послѣдняго изслѣдованія [2]). Старо-кіевскій говоръ, по мнѣнію проф. Крымскаго, есть прямой предокъ нынѣшней малорусской рѣчи сѣверной и средней Кіевщины и Черниговщины съ прилегающими частями Полѣсья. Свои выводы проф. Крымскій подтверждаетъ словарнымъ матаріаломъ. Онъ заимствуетъ его изъ кіевской лѣтописи и современнаго живого малорусскаго (украинскаго) языка. Оказывается, что „множество предметовъ и понятій въ нынѣшней сѣверной и средней Кіевщинѣ XX вѣка до сихъ поръ сохранили огромной массой то же свое старинное названіе, какое они имѣли въ кіевской лѣтописи XI—XII вѣковъ“.

Такимъ образомъ, въ наукѣ преобладаетъ взглядъ, во-первыхъ, что южная Русь татарскимъ нашествіемъ не была обращена въ пустыню, а во-вторыхъ, что прежнее населеніе въ ней осталось. Историческая жизнь въ южной Руси не прерывалась, и украинское (малорусское) населеніе является тамъ исконнымъ.

Особенности отдѣльныхъ южно-русскихъ княжествъ послѣ татарскаго нашествія.

Эти выводы, однако, имѣютъ значеніе не въ одинаковой степени для различныхъ частей территоріи лѣвобережной Украины. Сѣверная и средняя Кіевщина и Черниговщина, повидимому, скоро возвратились къ болѣе или менѣе нормальной жизни. Въ кіевской землѣ, произошли, правда, глубокія измѣненія въ политической жизни. Историкъ „кіевской земли“ проф. М. С. Грушев-

[1]) *А. И. Соболевскій.* Древне-кіевскій говоръ I—III въ „Извѣстіяхъ“ отдѣленія рус. яз. и слов. Акад. паукъ, 1903 г., т. X, кн. I.

[2]) *А. Е. Крымскій.* Древне-кіевскій говоръ I—VIII. Тамъ же 1906 г., т. XI, кн. III.

скій характеризуетъ эти измѣненія исчезновеніемъ князей и развитіемъ въ Кіевщинѣ отдѣльныхъ, независимыхъ общинъ, безъ князей, въ непосредственномъ подчиненіи татарамъ. Существованіе такихъ общинъ предполагаетъ извѣстную густоту населенія. Имѣются указанія, что въ концѣ XV вѣка, предъ страшнымъ нашествіемъ Менгли-Гирея въ 1482 году, кіевская земля была уже достаточно населена.

Черниговская земля претерпѣла меньше перемѣнъ, сравнительно съ кіевской. Въ Черниговщинѣ уцѣлѣли князья, и она, мало-по-малу, распалась на цѣлый рядъ небольшихъ княжествъ, съ князьями во главѣ: новгородсѣверское, трубчевское, брянское, глуховское, путивльское, рыльское, курское, липовецкое. Отсутствіе серьезныхъ перемѣнъ въ политическомъ устройствѣ даетъ возможность предполагать, что населеніе Черниговщины слабо было затронуто татарскимъ погромомъ. Дробленіе Черниговщины на княжества возможно было только при извѣстной густотѣ населенія, существованіи городовъ и другихъ поселеній, тянувшихъ къ этимъ городамъ.

Въ иномъ положеніи находилось переяславское княжество. О немъ нѣтъ извѣстій послѣ татарскаго нашествія. Проф. М. С. Грушевскій полагаетъ, что Переяславщина находилась въ условіяхъ, сходныхъ съ Кіевщиной. Князья въ ней исчезли и силу получили автономныя мѣстныя общины, зависѣвшія непосредственно отъ татаръ. А. В. Стороженко запустѣніе Переяслава и переяславскаго княжества признаетъ несомнѣннымъ и окончательнымъ. Такое же мнѣніе высказываетъ Л. В. Падалка, считая полтавскій край послѣ татарскаго нашествія безлюдной пустыней, оживлявшейся лишь множествомъ дикихъ животныхъ и птицъ.

Мнѣніе объ окончательномъ запустѣніи Переяславщины можетъ быть принято, однако, только съ оговорками. Переяславъ не исчезъ окончательно: черезъ него

въ 1245 г. проѣзжалъ князь Даніилъ Галицкій по дорогѣ къ татарамъ. Многія до-татарскія названія мѣстностей и поселеній въ Переяславщинѣ не только не исчезли, но сохранились черезъ рядъ вѣковъ и дошли до нашего времени. Это указываетъ на безпрерывность ихъ существованія или, по крайней мѣрѣ, на преемственность населенія, не отдѣленнаго отъ предыдущихъ поколѣній болѣе или менѣе значительнымъ промежуткомъ времени. Таковы названія рѣкъ: Альта, Трубежъ, Супой, Оржица и др., или названія ряда поселеній: Прилуки, Сребное, Ромны, Глинскъ, Снѣтинъ, Лубны, Лукомье, Буромка, Горошинъ, Жовнинъ (Желнинъ), Пирятинъ, Малая и Великая Каратуль и пр. Существованіе рѣдкихъ остатковъ стараго сѣверянскаго и торкскаго [1]) населенія допускаетъ въ Переяславщинѣ и А. В. Стороженко. Остатки сѣверянъ—севрюки, по его мнѣнію, ютились кое-гдѣ по лѣснымъ полянамъ и затерявшимся среди болотъ островамъ. Отсюда нужно сдѣлать выводъ, что населеніе Переяславщины не исчезло окончательно. Немногія, быть можетъ, рѣдкія и небольшія поселенія, отдѣленныя другъ отъ друга значительными пространствами, продолжали существовать и въ Переяславщинѣ. Они могли послужить очагами и для дальнѣйшей колонизаціи края. Земледѣльческое населеніе охотнѣе идетъ туда, гдѣ уже есть поселенія.

Вопросъ о сѣверянахъ и севрюнахъ. Кореннымъ населеніемъ чернигово-сѣверской земли въ до-татарское время являлось славянское племя сѣверянъ. Нѣкоторые ученые (академики А. И. Соболевскій, И. В. Ягичъ, раньше А. А. Шахматовъ) считаютъ сѣверянъ великоросами. Однако, серьезныя возраженія противъ этого выставилъ проф. М. С. Грушевскій въ статьѣ „спірні питання староруськоі етнографіі“ въ первомъ выпускѣ изданныхъ академіей наукъ „статей по сла-

---

[1]) О торкахъ, жившихъ въ переяславской землѣ, см. *А. В. Стороженка* „Очерки переяславской старины. К. 1900, стр. 33—43.

знановѣдѣнію“ и въ рецензіяхъ на статьи акад. Ягича и Шахматова Проф. Грушевскій и проф. А. Е. Крымскій отстаивают принадлежность сѣверянъ къ малорусскому (украинскому) племени. Къ южноруссамъ въ последнее время относитъ сѣверянъ и академикъ Шахматовъ. Александръ Яблоновскій не рѣшается высказаться опредѣленно. Его справедливо удивляетъ, какимъ образомъ въ Черниговщинѣ, на мѣстѣ жительства прежнихъ сѣверянъ, существуетъ такая разница въ языкахъ и типахъ населенія? Въ сѣверной части Черниговщины, съ г. Новгородсѣверскомъ, преобладаетъ типъ и языкъ бѣлорусскій; южнѣе, гдѣ Любечъ и Черниговъ, типъ и языкъ малорусскій. Яблоновскій высказываетъ гипотезу, не лишенную правдоподобности. Сѣверная часть Черниговщины подпала вліянію вятичей радимичей и выработала бѣлорусскій языкъ; южная же часть сѣверянъ, сосѣди полянъ и древлянъ, вошла вмѣстѣ съ ними, какъ близкими по происхожденію, въ составъ малорусскаго племени и выработала малорусскій языкъ. Языкъ этотъ, поэтому, и является господствующимъ въ южныхъ уѣздахъ современной намъ Черниговской губерніи.

Всѣ эти этнографическіе споры и соображенія основаны исключительно на гипотезахъ и предположеніяхъ и мало опираются на фактическій матеріалъ. Вопросъ относительно этнографіи сѣверянъ находится въ особенно неблагопріятномъ положеніи, въ виду полнаго отсутствія сѣверянскихъ литературныхъ памятниковъ. Теорія о томъ, что сѣверяне—великоросы, создаетъ значительныя трудности для историка при объясненіи цѣлаго ряда явленій въ жизни Черниговщины: какъ, напримѣръ, объяснить архаическіе діалекты современной Черниговщины? Объясненіе ихъ, несомнѣнно, облегчается признаніемъ принадлежности сѣверянъ къ южно-русской группѣ племенъ, выработавшихъ малорусскую (украинскую) народность. Въ этомъ последнемъ случаѣ исключается необходимость въ тѣхъ слож-

ныхъ гипотезахъ, которыя допускалъ акад. А. А. Шахматовъ въ своихъ изслѣдованіяхъ объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей.

Сѣверяне составляли первоначальное населеніе не только черниговo-сѣверской, но и переяславской земли. Остатки сѣверянъ на территоріи современной намъ Полтавщины изслѣдователи видятъ еще въ XVI вѣкѣ въ названіяхъ мѣстностей „Сивера" и въ названіи поселенцевъ „севрюками". Сиверскія промышленныя мѣста (уходы) существовали по р.р. Сулѣ, Удаю, Ворсклѣ. Ученые связываютъ ихъ названія съ сѣверянами. Что касается севрюковъ, то они представляютъ собой много загадочнаго. А. В. Стороженко считаетъ ихъ сѣверянами и видитъ въ названіи севрукъ-северукъ испорченное сѣверянинъ. Мнѣнію этому слѣдуетъ и Л. В. Падалка. Признавая за севрюками потомковъ племени „сивера", Л. В. Падалка не находитъ, однако, въ нихъ племенной чистоты. Посульскихъ севрюковъ онъ считаетъ, безъ всякихъ, правда, основаній, смѣсью сѣверянъ съ половцами. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ севрюкахъ видитъ остатки „сѣверской Руси", не вполнѣ исчезнувшей въ Полтавщинѣ въ XVI вѣкѣ. По его мнѣнію, севрюки были населеніемъ туземнымъ, осѣдлымъ, не пришлымъ. Иначе смотритъ на севрюковъ А. В. Лазаревскій. Онъ думаетъ, что севрюки въ XVI вѣкѣ были пришельцы. Часть ихъ жила въ защитныхъ мѣстахъ къ сѣверу отъ р. Сейма и приходила въ Полтавщину для промысловъ, какъ приходили съ сѣвера и жители кіевскаго Полѣсья. Другая часть жила въ Черкассахъ, за извѣстную дань, пользовалась уходами и состояла подъ юрисдикціей владѣльцевъ этихъ уходовъ. Ал. Яблоновскій считаетъ севрюковъ загадкой не только этнографической, но исторической и общественной. Что касается имени, то оно могло произойти отъ сѣверянъ и указывать на происхожденіе севрюковъ; но могло имѣть и общее, а не племенное значеніе, въ смыслѣ дикій, жестокій, отъ турецкихъ словъ

„саврукъ", или „савракъ". По происхожденію, севрюки, во всякомъ случаѣ, принадлежали къ племени русскому. Если ихъ названіе и имѣло связь съ сѣверянами, то все-таки, севрюки и сѣверяне, по мнѣнію Яблоновскаго, не одно и тоже. Севрюки носили на себѣ признаки скорѣй группы общественной, чѣмъ племенной, исторической. Севрюками назывались „уходники", которые промышляли въ лѣсныхъ и степныхъ округахъ, носившихъ названіе „сиверъ". Яблоновскій полагаетъ, что отъ названій „сивера", „севира" произошло названіе „сѣверянъ", „севрюковъ", а не наоборотъ. Не рѣшаясь связать севрюковъ съ сѣверянами, Яблоновскій, во всякомъ случаѣ, считаетъ ихъ особымъ „племенно-общественнымъ типомъ", существовавшимъ на Украинѣ въ XVI в., принадлежавшимъ притомъ къ племени малорусскому (украинскому).

Несмотря на разногласія ученыхъ, въ севрюкахъ мы, во всякомъ случаѣ, должны видѣть остатки прежняго населенія Переяславщины, сохранившагося отъ до-татарскаго времени и видоизмѣнившагося, благодаря историческимъ условіямъ и превратностямъ судьбы. Нельзя думать, чтобы севрюки были многочисленны, какъ немногочисленно въ то время было и все населеніе Переяславщины.

Колонизація Переяславщины тогда (XIII—XIV вѣка) не могла развиваться болѣе или менѣе значительно. Для мирнаго земледѣльческаго труда условія въ ней были крайне неблагопріятны. Сосѣдство со степью подвергало поселенцевъ постоянной опасности со стороны степныхъ кочевниковъ. На Украинѣ, граничившей со степью, могли въ то время возникать только мелкія крестьянскія хозяйства, легко созидаемыя, но и легко разрушаемыя. Крупныхъ, промышленныхъ хозяйствъ тамъ, надо полагать, не было. Татарская гроза должна была уничтожить въ Переяславщинѣ крупныхъ собственниковъ и промышленниковъ. Составъ населенія послѣ этого, какъ вѣрно замѣчаетъ

проф. Грушевскій, оказался исключительно демократическимъ, но зато и безсильнымъ въ экономическомъ отношеніи.

Завоеваніе Украины Литвой. Дѣятельность Витовта.

Въ XIV—XV в. южная Русь была завоевана литовцами и вошла въ составъ литовско-русскаго государства. Кіевская земля, по предположенію однихъ ученыхъ (Н. П. Дашкевича, Д. И. Иловайскаго, М. К. Любавскаго) была завоевана около 1320 года, по предположенію другихъ (В. Б. Антоновича, М. С. Грушевскаго) въ началѣ 1360-хъ годовъ. Въ послѣдней четверти XIV ст. въ составъ Литвы вошла, путемъ завоеванія, и большая часть черниговско-сѣверской земли.

Что касается Переяславщины, то источники не даютъ никакихъ указаній на время ея завоеванія литовцами. Проф. М. С. Грушевскій полагаетъ, что это имѣло мѣсто, послѣ того, какъ литовцы утвердились въ Кіевѣ, т. е. во второй половинѣ XIV вѣка. Завладѣніе Переяславщиной было естественнымъ слѣдствіемъ завоеванія литовцами Кіева и шло, вѣроятно, оттуда. Оттого, надо полагать, Переяславщина и была связана въ XV в. съ Кіевомъ, какъ политическимъ и административнымъ центромъ.

Литовскіе князья стремились расширить свои владѣнія и далѣе, на югъ, по Днѣпру, къ Черному морю. Имѣются свѣдѣнія, что Витовтъ завладѣлъ нижнимъ теченіемъ Днѣпра и для обороны тамошнихъ мѣстъ построилъ на Днѣпрѣ городъ св. Ивана. Рядъ названій на нижнемъ теченіи Днѣпра, связанныхъ еще въ XIV в. съ именемъ Витовта, указываетъ на возможность владѣній литовцевъ въ тѣхъ мѣстахъ. Расширеніе литовскихъ завоеваній на югѣ было, однако, пріостановлено пораженіемъ, нанесеннымъ Витовту татарами у устьевъ Ворсклы въ 1399 году.

Нѣкоторые историки, (историкъ Литвы Теодоръ Нарбутъ (1784—1864), а за нимъ проф. В. Б. Антоновичъ, проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Л. В. Падалка) приписываютъ Витовту очень больше значеніе

въ исторіи колонизаціи Поднѣпровья и, въ частности, Полтавщины. В. Б. Антоновичъ, слѣдуя за Нарбутомъ, излагаетъ, что Витовтъ возстановилъ и укрѣпилъ Каневъ, основалъ Черкассы, Кременчугъ, Мишуринъ-Рогъ, таможню на островѣ Тавани и т. д. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ нѣсколько ограничиваетъ колонизаціонную дѣятельность Витовта, зато Л. В. Падалка значительно расширяетъ ее. По мнѣнію Л. В. Падалки, Витовтъ пользовался для колонизаціи Полтавщины тюркскими племенами, черными клобуками, торками, печенѣгами и т. д., оторвавшимися отъ Золотой Орды, и поселилъ ихъ на окраинахъ противъ татаръ. Мнѣніе это не имѣетъ, однако, никакой опоры въ историческихъ источникахъ.

Съ именемъ Витовта соединяютъ, повидимому, трудъ многихъ поколѣній. Проф. Грушевскій считаетъ мнѣніе Нарбута о постройкѣ Витовтомъ городовъ на Поднѣпровьѣ ошибкой, основанной на неправильномъ пониманіи мемуариста XVI вѣкѣ Михаила Литвина. Безспорныхъ указаній въ источникахъ на дѣятельность Витовта, въ этомъ отношеніи, нѣтъ. Широкая колонизаціонная работа, какую историки приписываютъ ему, требовала извѣстной продолжительности, настойчивости и спокойствія. Кипучая же дѣятельность Витовта, только на короткое время появлявшагося на Поднѣпровьѣ, въ концѣ концовъ потерпѣвшаго пораженіе отъ татаръ, врядъ ли допускаетъ предположеніе о такой колонизаціонной работѣ.

Перемѣны въ политическомъ строѣ южной Руси въ связи съ литовскимъ завоеваніемъ

Подчиненіе южной Руси литовскому государству внесло первоначально мало перемѣнъ въ политическій строй южно-русскихъ княжествъ. Присоединенныя къ Литвѣ, княжества эти, въ большинствѣ случаевъ, сохраняли свою особность и самобытность, свой внутренній строй. Князья въ нихъ оставались на своихъ мѣстахъ и продолжали править, попрежнему, на положеніи вассаловъ великаго князя литовскаго. Но мало-помалу началась борьба великихъ князей литов-

скихъ противъ такого порядка, и въ началѣ XV вѣка, за исключеніемъ сѣверской земли, гдѣ, попрежнему, существовали удѣльные князья, всѣ украинскія земли обратились въ простыя провинціи великаго княжества литовскаго и польской короны, съ которой все сильнѣе и сильнѣе сливалась Литва. Кіевская земля еще во время Витовта († 1430) потеряла характеръ удѣльнаго княженія, а въ 1470 году, при князѣ Казимірѣ, въ Кіевъ былъ посланъ уже не князь, а воевода Мартынъ Гаштольдъ. Кіевляне хотѣли было его не принять, но ихъ къ этому принудили силою. Кіевское княжество, такимъ образомъ, съ 1471 года превратилось въ кіевское воеводство.

Судьба черниговосѣверской земли.

Въ моментъ завладѣнія литовцами, около половины XIV вѣка, черниговo-сѣверская земля распалась на цѣлый рядъ княжествъ. Литовское государство не сплотило этихъ княжествъ въ одинъ политическій организмъ. Удѣльная система въ черниговo-сѣверской землѣ и рядъ самостоятельныхъ княжествъ въ ней продолжали существовать до 1503 года. Въ этомъ году черниговo-сѣверская земля отошла къ Москвѣ. Подъ властью Москвы она оставалась до 1618 года. По деулинскому перемирію она была возвращена Польшѣ сначала временно, а „вѣчнымъ" поляновскимъ миромъ утверждена и на всегда. Въ рукахъ Польши черниговo-сѣверская земля была, однако, не долго. Въ 1654 году, когда Богданъ Хмельницкій отдался подъ власть Москвы, она была снова соединена съ московскимъ государствомъ.

Лѣвобережная Украина въ началѣ XVI в.

Послѣ того какъ въ 1503 г. Посеймье, принадлежавшее съ г. Путивлемъ въ XV в. къ кіевской землѣ, отошло къ Москвѣ, лѣвобережная Украина, входившая въ составъ кіевскаго воеводства, обнимала въ Черниговщинѣ—округа Любеча и Остра, т.-е. узкую надднѣпровскую полосу теперешнихъ городнянскаго и остерскаго уѣздовъ черниг. губ. и затѣмъ бывшее переяславское княжество, ставшее впослѣдствіе, по сло-

ваніѣ А. Яблоновскаго, какъ бы ядромъ всего заднѣпровскаго округа.

Границы кіевскаго воеводства на югѣ А. Яблоновскій и проф. М. К. Любавскій въ началѣ XVI вѣка опредѣляютъ приблизительно такъ, какъ ихъ указалъ черкасскій намѣстникъ послѣдняго кіевскаго князя Свидригайла. Начиная отъ Тавани на Днѣпрѣ, нѣсколько выше лимана, гдѣ находился перевозъ и литовско-татарская мытница, пограничная линія шла къ Овечьей Водѣ, притоку Самары, затѣмъ къ верховьямъ послѣдней и Оргея, далѣе къ Донцу и Тихой Соснѣ. Это былъ водораздѣлъ притоковъ Днѣпра и Дона, знаменитый „муравскій шляхъ". (см. выше стр. 329). Такимъ образомъ, въ составъ кіевскаго воеводства на лѣвомъ берегу Днѣпра входило Посулье и бассейны Псла, Ворсклы, Верхняго Донца и Оскола.

Кіевское воеводство на лѣвомъ берегѣ Днѣпра занимало обширное пространство. Но владѣніе Литвы въ значительной части воеводства было только номинальнымъ. За р. Сулой начинались пустынныя мѣста, лишенныя осѣдлаго населенія—прежнія половецкія кочевья. Граница въ степи постоянно колебалась, и уже въ XVI в., послѣ перехода подъ власть Москвы Посеймья съ Путивлемъ, московское княжество овладѣло и верховьями Сулы, Псла и Ворсклы, значительно уменьшивъ размѣры кіевскаго воеводства.

Колонизація лѣвобережной Украины въ XV—XVI в.

Населеніе послѣ татарскаго нашествія осѣдало, повидимому, по правому берегу Сулы и по рѣкамъ къ сѣверо-западу отъ нея. Литовское владѣніе въ лѣвобережной Украинѣ способствовало дальнѣйшему развитію колонизаціи. Заселеніе южныхъ областей соотвѣтствовало политикѣ литовскаго правительства, начиная съ Витовта. Никогда только впослѣдствіи дѣятельность литовскаго правительства, въ этомъ отношеніи, не достигала такого напряженія, какъ при Витовтѣ.

Свѣдѣній о развитіи колонизаціи въ лѣвобережной Украинѣ XIV—XV в. нѣтъ. Ученымъ приходится дѣ-

лать догадки и предположенія, пользуясь очень немногими земельными документами оффиціальнаго происхожденія, свѣдѣніями и преданіями болѣе поздняго времени, неточными, неясными, часто спутанными, съ неправильными указаніями на время и мѣсто.

Приблизительную границу осѣдлой колонизаціи въ лѣвобережной Украинѣ въ послѣтатарское время составляла р. Сула. Это не значить, что поселенія не могли переходить и за Сулу, какъ переходили они и раньше, въ до-татарское время. Л. В. Падалка считаетъ пространство между Сулой и Ворсклой переходомъ отъ осѣдлой колонизаціи къ степи. За Ворсклой, по его мнѣнію, начиналась уже степь половецкая. Границы эти, конечно, условны.

Преобладающимъ населеніемъ Засулья въ послѣтатарское время, надо полагать, были кочевники. Въ виду рѣдкости поселеній къ сѣверо-западу отъ Сулы, ихъ кочевья, вѣроятно, переходили время отъ времени и на правый берегъ Сулы. Какого рода и племени были эти кочевники, сколько ихъ было, какъ назывались отдѣльныя племена и въ какомъ направленіи двигались ихъ кочевья—все это загадки для изслѣдователей. Врядъ ли онѣ будутъ когда-нибудь разрѣшены удовлетворительно.

Народъ черкассы. Среди народовъ и народцевъ, жившихъ и кочевавшихъ за Сулой, изслѣдователи (проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, А. Яблоновскій, Л. В. Падалка) называютъ черкассъ, основателей будто бы города Черкассъ. Среди мѣстнаго населенія сохранялось въ XVI в. преданіе, что Гедиминъ, завоевавши Кафу (Федосію), Перекопъ и пятигорскихъ черкессъ, переселилъ послѣднихъ на рѣчку Слѣпородъ (лубенскаго и золотоношскаго уѣзда полтавской губ.) и на Днѣпръ, гдѣ теперь городъ Черкассы кіевской губерніи. Преданіе это занесено писцами въ описаніе каневскаго замка 1552 года. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ относится къ нему отрицательно и считаетъ черкассъ

народцемъ, издавна жившимъ въ тѣхъ мѣстахъ. А. Яблоновскій также не устанавливаетъ никакой связи между черкассами приднѣпровскими и пятигорскими черкессами. Зато Л. В. Падалка не только признаетъ такую связь, но и старается доказать о существованіи цѣлыхъ „колонизаціонныхъ потоковъ“ съ предгорій Кавказа и побережій Азовскаго и Чернаго морей, изъ прежней тьмутараканской Руси на Украину. Научная осторожность, заставляетъ отнестись отрицательно къ заключеніямъ Л. В. Падалки, какъ неимѣющимъ подъ собой фактическихъ основаній, и принять скорѣй мнѣніе проф. Владимірскаго-Буданова и А. Яблоновскаго, видящихъ въ черкассахъ народецъ, издавна живпій (осѣдло или кочевавшій—неизвѣстно) на Поднѣпровьѣ. Занести его сюда могла какая-нибудь буря народныхъ передвиженій, которыми такъ полна жизнь южно-русскихъ степей въ до-татарское время.

Татары въ Полтавщинѣ.

Кромѣ черкассъ, Л. В. Падалка допускаетъ массовое переселеніе татаръ, выходцевъ Золотой Орды, въ предѣлы теперешней полтавской губерніи и поселеніе ихъ по теченію р. Ворсклы, гдѣ теперь село Глинскъ Зѣньковскаго уѣзда и дальше. Поселеніе татаръ въ этихъ мѣстахъ Л. В. Падалка связываетъ съ преданіемъ о происхожденіи рода князей Глинскихъ, получившихъ свое прозваніе по имени здѣшней мѣстности. Родоначальникомъ князей Глинскихъ преданіе называетъ татарскаго мурзу Лексу и Лексаду, принявшаго впослѣдствіи христіанство съ именемъ Александра. Ему Витовтъ и отдалъ приворсклянскія земли съ Глинскомъ. Свѣдѣнія объ этомъ очень неопредѣленны, но Л. В. Падалка дѣлаетъ изъ нихъ широкіе выводы, которые трудно обосновать фактами. Отрицать существованіе татарскихъ кочевій, а быть можетъ, и поселеній въ Полтавской губерніи, конечно, нельзя. Татары могли заходить сюда изъ Крыма и изъ Золотой Орды. Нѣтъ только серьезныхъ основаній гово-

рить о массовомъ татарскомъ переселеніи изъ Золотой Орды въ Приворсклье въ началѣ XV вѣка.

Мнѣніе А. Яблоновскаго объ этнографическомъ составѣ населенія послѣ нашествія татаръ.

Вопросомъ объ этнографическомъ составѣ населенія полтавской Украины въ послѣ-татарское время занимался Александръ Яблоновскій. Свои взгляды по этому вопросу онъ развилъ въ статьѣ „этническій обликъ Украины" (Etnicza postać Ukrainy). Выводы его, за недостаткомъ, историческихъ матеріаловъ, однако, спорны и шатки. Они покоятся часто на догадкахъ и толкованіи словъ и названій рѣкъ и поселеній. По звуку и значенію послѣднихъ у различныхъ народовъ А. Яблоновскій пытается опредѣлить племенное происхожденія первоначальнаго населенія той или другой мѣстности Украины. Какъ опасенъ этотъ методъ и къ какимъ ложнымъ выводамъ онъ можетъ привести, на это указалъ уже академикъ А. И. Соболевскій въ рецензіи на статью Яблоновскаго. Рецензія помѣщена въ „Живой старинѣ" за 1893 годъ.

До прихода монголовъ южная, степная часть Украины, по предположенію А. Яблоновскаго, была занята людьми не русскаго, не славянскаго племени, а кочевниками тюркскаго происхожденія. У славянъ они были извѣстны подъ именемъ черныхъ клобуковъ. Сильнѣйшими изъ нихъ были торки. Ближе другихъ изъ кочевниковъ къ Кіеву жили берендѣи. Дальше отстояли, можетъ быть, черкассы. Были и еще кочевые народцы, потомки печенѣговъ и другихъ.

Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ осѣдлымъ славянскимъ населеніемъ надстепной Украины, кочевники, естественно, поддавались вліянію высшей славянской культуры и въ то время уже стали, вѣроятно, ассимилироваться съ ними. Примѣръ такой ассимиляціи А. Яблоновскій видитъ въ „бродникахъ", сборныхъ дружинахъ, въ которыхъ преобладала, по его мнѣнію, сѣверянская кровь, и которые были одной вѣры съ Русью.

Нашествіе Батыя внесло существенныя перемѣны

въ жизнь степи и кочевниковъ. Послѣ удаленія татаръ за Волгу, часть ихъ все-таки осталась на Украинѣ. Отдѣльные изъ нихъ сдѣлались даже землевладѣльцами. Съ Батыемъ пришли и нѣкоторые инородцы съ Волги. Въ источникахъ есть указанія на черемиссъ. Часть ихъ также осталась жить на Украинѣ. Сохранившіяся послѣ Батыя ватаги черныхъ клобуковъ признавали власть татаръ. Бродники, усиленные разгромленными половцами, искали убѣжища въ кіевской Руси и были поселены на старыхъ мѣстахъ земледѣльческой славянской колонизаціи, на лѣвомъ берегу Днѣпра между нижней Десной и Трубежемъ. Старинныя названія степныхъ кочевниковъ на Украинѣ исчезли. Слѣды ихъ сохранились только въ названіяхъ отдѣльныхъ поселеній, отъ торковъ напр., осталась Торчица таращанскаго уѣзда, кіевской губ., отъ берендѣевъ—Берендичевъ, теперь Бердичевъ, уѣздный городъ кіевской губерніи, отъ черкассъ—городъ Черкассы кіевск. губ. и т. д. Но сами кочевники не исчезли. Они продолжали, попрежнему, вести въ степяхъ свой образъ жизни въ теченіе всего XV вѣка. Ихъ знали на Руси подъ именемъ „татарства". Племенной составъ этихъ кочевниковъ неизвѣстенъ. Они представляли собой соединеніе самыхъ разнородныхъ элементовъ. Среди нихъ, по мнѣнію А. Яблоновскаго, господствовалъ все еще элементъ туранскій, но, быть можетъ, начинала брать перевѣсъ уже стихія славянская. Близкое сосѣдство съ Русью въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, переселеніе кочевниковъ на сѣверъ и появленіе на югѣ, ближе къ степи, славянскихъ поселеній дѣлало свое дѣло.

Народная колонизація въ лѣвобережной Украинѣ XIV—XV в.

Иродіонъ Житецкій, говоря о смѣнѣ народностей въ южной Руси, высказалъ мнѣніе, что въ началѣ XIV в., въ періодъ подчиненія южной Руси литовцамъ, область поселенія южно-руссовъ значительно сузилась, сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ оспари-

ваетъ это мнѣніе. Условія для колонизаціи на первыхъ порахъ были, конечно, неблагопріятны. Но она, мы знаемъ, на югѣ никогда не прекращалась.

Нужно думать, что въ исторіи заселенія лѣвобережной Украины въ первое время послѣ литовскаго завоеванія немалую роль играла свободная, никѣмъ не регулируемая, народная колонизація. Свѣдѣній о ней, правда, нѣтъ. Ходъ ея, поэтому, ускользаетъ отъ наблюденій изслѣдователя. О ней можно только догадываться. Обиліе пустыхъ городищъ, селищъ и т. д., которыя впослѣдствіи обратились въ постоянныя поселенія, показываетъ, что самостоятельная народная колонизація въ сѣверо-западной части лѣвобережной Украины, вверхъ отъ р. Сулы, имѣла мѣсто. Она не могла долгое время стать прочной и постоянной въ виду, надо полагать, неблагопріятныхъ для этого условій. Однимъ изъ препятствій являлось сосѣдство со степью, набѣги степныхъ кочевниковъ и необезпеченность пограничной жизни. Несмотря на это, все-таки, нѣкоторыя поселенія выживали. Они могли служить притягательными для поселенцевъ центрами и, какъ и раньше, сами высылали колонистовъ на новыя мѣста. Въ перечнѣ городовъ., находящемся въ воскресенской лѣтописи и составленномъ, какъ думаетъ проф. М. К. Любавскій, въ тридцатыхъ годахъ XV вѣка, названъ рядъ поселеній, на р. Трубежѣ, Сулѣ и даже Пслѣ. Среди нихъ находимъ нѣкоторыя извѣстныя уже намъ: Переяславъ, Сохнятинъ (Снятинъ хорольскаго уѣзда, полтавской губ.), Горошинъ хорольскаго уѣзда, Роменъ (теперешніе Ромны Полтавской губ.). На Пслѣ названо поселеніе—Ничанъ, теперь уже не существующее.

Владѣльческая колонизація лѣвобережной Украины XIV—XV в.

Владѣльческая колонизація въ лѣвобережной Украинѣ сначала, вѣроятно, не была значительной. Мы имѣемъ мало свѣдѣній о земельныхъ пожалованіяхъ на лѣвомъ берегу Днѣпра въ первое время литовскаго завоеванія. Полученіе земель въ этихъ мѣс-

ихъ должно было представлять менѣе экономиче-
ихъ выгодъ для владѣльцевъ. Земли жаловались,
въ большинствѣ случаевъ, пустыми. Ихъ нужно было
е заселять и затѣмъ защищать. Близость же
ии и кочевниковъ, частые набѣги татаръ дѣлали
енно труднымъ какъ заселеніе, такъ и защиту
новь основанныхъ поселеній. Осѣдлое населеніе часто
збѣгалось, оставляя пустыми „селища" и „городища".
1389 году между Сеймомъ, Сулою и Днѣпромъ
проѣхалъ Пименъ Воронежскій. Поселенія здѣсь были
ще такъ рѣдки, что на Пимена край произвелъ впе-
тлѣніе настоящей пустыни, населенной только ди-
кими звѣрями. Мы знаемъ, между тѣмъ, что въ тѣхъ
тахъ было не мало поселеній, но они терялись въ
рокой, безбрежной степи.

Есть свѣдѣніе, въ достовѣрности котораго можно
нѣваться, что начало землевладѣнія литовскихъ
въ въ лѣвобережной Украинѣ относится ко вре-
мени Гедимина († 1340). Первыя пожалованія имѣли
сто въ теперешнемъ остерскомъ уѣздѣ черниговской
ерніи. Мѣстность эта была наиболѣе отдалена отъ
епи, и ей меньше могла грозить опасность частыхъ
опустошеній. Въ 1333 г. воевода виленскій получилъ
это бы земли на рѣкѣ Острѣ, построилъ тамъ за-
къ, основалъ монастырь и передалъ монастырю рядъ
ъ, озеръ и рыбныхъ ловель. Татары, однако, раз-
или монастырь и замокъ. Монастырь больше не
новлялся. Замокъ же былъ наново отстроенъ,
ого лѣтъ спустя, только при Сигизмундѣ-Августѣ.
Въ томъ же остерскомъ уѣздѣ, нѣсколько позже,
зь кіевскій Владиміръ Ольгердовичъ (1362—1392)
ловалъ князю Юрію Половцу-Рожиновскому рядъ
дищъ (Рожны, Крехаевъ, Свѣтильновъ) съ неясно
ѣленнымъ пространствомъ пустынь между рѣ-
и Десною, Остромъ и Удаемъ. Въ концѣ XIV или
началѣ XV в. имѣнія эти вмѣстѣ съ другими были
реданы Витовтомъ князю Дмитрію Сокирѣ. Въ 1454 г.

великій князь литовскій Казиміръ далъ убѣжавшему изъ Москвы князю Можайскому черниговское княжество съ городищемъ Моровскомъ и сосѣдними съ нимъ землями.

Тоже самое мы видимъ и южнѣе, въ предѣлахъ бывшаго переяславскаго княжества. Въ 1455 г. кіевскій князь Олелько (Александръ) Владиміровичъ (1440—1455) далъ своему боярину Олехну Сахновичу рядъ городищъ и селищъ съ прилегающими къ нимъ землями. Часть этой земли была расположена въ теперешнемъ переяславскомъ уѣздѣ полтавской губерніи и, по вычисленію А. В. Стороженка, обнимала площадь приблизительно въ 35 верстъ длиною и 10 верстъ шириною, т. е. мѣрою около 36500 десятинъ. Пожалованныя Сахновичу городища и селища, вѣроятно, были пустыми. Но онѣ, несомнѣнно, являлись удобными, а, быть можетъ, и готовыми мѣстами для поселенія. Благодаря этому, и представляли извѣстную экономическую цѣнность, такъ какъ могли быть заселены. Уже въ жалованной грамотѣ Сахновичу говорится о томъ, что, если бы на какомъ-нибудь городищѣ или селищѣ осѣли люди, то они должны нести повинности своему владѣльцу. Пустая земля не имѣла цѣнности. Для извлеченія изъ нея доходовъ, не говоря уже объ охранѣ границъ, необходимо было населеніе. Поэтому, пожалованіе селищъ и городищъ, естественно, заставляетъ предполагать о созывѣ на нихъ владѣльцами поселенцевъ, т. е. объ усиленіи заселенія края. О размѣрахъ этого заселенія свѣдѣній нѣтъ.

Кромѣ владѣльцевъ—служилыхъ людей—колонизаторскую роль играли также и кіевскіе монастыри кіево-печерскій, пустынно-никольскій и т. д. Тѣмъ же княземъ Олелькомъ Владиміровичемъ и его сыномъ Симеономъ пожалованъ былъ рядъ селъ, селищъ и городищъ въ теперешнемъ остерскомъ уѣздѣ черниговской губ. кіево-печерскому монастырю.

Нашествіе Менгли-Гирея и его значеніе.

Спустя вѣкъ послѣ нашествія Батыя, лѣвобережная Украина, несмотря на неблагопріятныя условія, стала замѣтно оживать. Населеніе увеличивалось. Количество поселеній расло. Но какъ разъ въ это время, въ концѣ XV в., Украина должна была претерпѣть новое, еще болѣе, по мнѣнію историковъ, ужасное разрушеніе, чѣмъ во времена Батыя.

То было нашествіе крымскаго хана Менгли-Гирея. По подговору великаго князя московскаго Ивана III, Менгли-Гирей въ 1482 году напалъ на Кіевъ, разрушилъ городъ, разграбилъ его и опустошилъ кіевскую часть. Особенно пострадали повѣты звенигородскій на правомъ берегу Днѣпра и переяславскій на лѣвомъ. По мнѣнію проф. В. Б. Антоновича, они совершенно были опустошены татарами. Зачатки колонизаціи были истреблены.

Историки (проф. В. Б. Антоновичъ, А. Яблоновскій, проф. М. С. Грушевскій) придаютъ разоренію Украины Менгли-Гиреемъ большое значеніе. Нападеніе Гирея сыграло задерживающую роль въ исторіи заселенія края, въ частности, въ исторіи заселенія лѣвобережной Украины. Приходилось все начинать сначала. Татарскія нашествія на Украину, хотя и не въ такой степени, часто повторялись и въ послѣдующее время, въ теченіе всего XVI в., и мѣшали правильной колонизаціи пограничья. Еще въ половинѣ XVI вѣка остерскіе жители не могли обрабатывать своихъ полей вслѣдствіе близости татаръ.

Изъ изслѣдователей особенно большое значеніе нашествію Менгли-Гирея придаетъ Александръ Яблоновскій. По его мнѣнію, въ исторіи колонизаціи Украины это новая эпоха. Менгли-Гирей одну часть населенія Украины истребилъ, другую увелъ. На освободившееся, такимъ образомъ, мѣсто двинулась широкая колонизаціонная волна съ сѣверо-запада. Она двигалась на юго-востокъ постепенно. Одна волна какъ бы толкала другую все дальше и дальше. По своему этническому составу, но-

вая колонизація была однородной—славянской. Съ Менгли-Гиреевымъ опустошеніемъ кончилось, по мнѣнію А. Яблоновскаго, преобладаніе тюркскаго элемента въ степяхъ старой Переяславщины. Онъ уступилъ мѣсто элементу славянскому. Конечно, не сразу, а постепенно.

Опустошеніе лѣвобережной Украины Менгли-Гиреемъ было такъ велико, что ученые (проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Ал. Яблоновскій, проф. М. С. Грушевскій) считаютъ ее до средины XVI в. почти пустыней. Поселенія удержались, главнымъ образомъ, на сѣверѣ, въ теперешнемъ остерскомъ уѣздѣ черниговской губ.

Крупныя земельныя владѣнія монастырей и частныхъ владѣльцевъ въ этихъ мѣстахъ все же сохранились и послѣ Менгли-Гиреева нашествія, даже увеличились въ размѣрахъ. Въ началѣ XVI в. въ юго-западномъ углу теперешней черниговской губерніи и въ сѣверо-западномъ полтавской встрѣчаемъ владѣнія кіево-печерской лавры, пустынно-никольскаго монастыря, княгини Маріи Трабской, Альбрехта Гаштольда, князя Константина Ив. Острожскаго и т. д. Громадныя владѣнія Сахновича въ переяславскомъ уѣздѣ (земли Жеребятинскія) перешли въ началѣ XVI в. въ родъ Лозокъ, Глинскіе продолжали владѣть своими землями по Ворсклѣ и Сулѣ, и въ 1498 году раздѣлились. Въ 1537 году часть земли Глинскихъ по Ворсклѣ перешла къ Байбузѣ, женившемуся на Глинской.

Уходъ и истребленіе населенія на Украинѣ коснулся, надо полагать, и этихъ имѣній. Они также должны были опустѣть. На мѣстѣ прежнихъ поселеній появились „селища“ и „городища“ пустыя, ожидавшія новыхъ поселенцевъ. Экономическій интересъ владѣльцевъ, однако, не могъ допустить продолжительнаго запустѣнія земель. Какъ и въ позднѣйшее время предлагались, должно быть, выгодныя льготы, и поселенцы сходились на свободныя земли. Но владѣльческая

какъ и свободная народная колонизація въ первую половину XVI в. была, по мнѣнію ученыхъ, очень слаба. Развитію ея мѣшала необезпеченность поселеній и почти полное отсутствіе защиты ихъ отъ татарскихъ нападеній.

Южно-русскіе замки: Остеръ, Каневъ, Черкассы.

Въ 1471 году, мы уже знаемъ, было уничтожено кіевское княжество и превращено въ воеводство. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ придаетъ этому факту большое значеніе въ исторіи колонизаціи края. Благодаря уничтоженію кіевскаго княжества, исчезъ, по его мнѣнію, интересъ къ защитѣ Украины. Это должно было неблагопріятно отразится на заселеніи края. Противъ такого мнѣнія серьезныя возраженія сдѣлалъ Александръ Яблоновскій. Онъ справедливо указываетъ на искусственность установленія такой зависимости. Перемѣна была не на столько велика, чтобы ей можно приписывать рѣшающее значеніе въ исторіи обороны и колонизаціи Украины.

Система защиты украинныхъ земель въ литовскій періодъ сводилась къ устройству замковъ, небольшихъ укрѣпленій на удобныхъ, по природнымъ условіямъ, мѣстахъ[1]). Замковъ много построилъ на югѣ Витовтъ. Строили и послѣдующіе князья. Замокъ служилъ защитой и убѣжищемъ для окрестныхъ жителей во время войны. Поселенія, поэтому, и располагались, въ большинствѣ случаевъ, неподалеку отъ замковъ.

На лѣвомъ берегу Днѣпра былъ одинъ только замокъ—Остеръ. Его построилъ въ 1538 году виленскій воевода Гаштольдъ. Предположеніе, что былъ замокъ еще въ Прилукахъ (полтавск. губ.) не имѣетъ серьезныхъ основаній.

Для защиты края остерскій замокъ не игралъ роли. Построенъ онъ былъ сравнительно поздно, расположенъ въ довольно заселенной мѣстности, на сѣ-

[1]) О замкахъ имѣется работа *М. С. Грушевскаго*: Южно-русскіе господарскіе замки въ половинѣ XVI в. Кіевъ, 1890 (изъ кіевскихъ университетскихъ извѣстій).

верѣ, вдали отъ степи. До Остра только изрѣдка доходили татары, и рѣдко грозила ему отъ нихъ опасность.

Гораздо большее значенiе въ судьбѣ лѣвобережной Украины имѣли замки каневскiй и черкасскiй. Расположенные на правомъ высокомъ берегу Днѣпра, отдѣленные широкимъ теченiемъ Днѣпра, Каневъ и Черкассы, для защиты лѣвобережной Украины правда, мало были полезны. Зато они были связаны съ лѣвымъ берегомъ Днѣпра экономическими нитями. Вслѣдствiе этого, въ исторiи колонизацiи лѣвобережной Украины они сыграли значительную роль, какъ владѣльцы „уходовъ" на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Въ 1552 году ревизоръ королевскихъ замковъ записалъ преданiе, будто бы Каневъ и Черкассы основаны Гедиминомъ. Литовскiй князь переселилъ будто бы въ эти мѣста пятигорскихъ черкессъ. Преданiе не имѣетъ фактической основы. Каневъ—поселенiе до-татарское. Раньше, по мнѣнiю В. Б. Антоновича, онъ только находился ниже, у устья Роси. Батый разрушилъ Каневъ, по, вѣроятно, не вполнѣ. Въ Каневѣ жилъ одинъ изъ татарскихъ баскаковъ и чрезъ Каневъ въ 1246 году, вскорѣ послѣ татарскаго погрома, проѣзжалъ францисканецъ Плано-Карпини по дорогѣ въ ставку Батыя на Волгѣ. Замокъ въ Каневѣ, по преданiю, основанъ Витовтомъ. Въ 1535 году онъ былъ возобновленъ старостой черкасскимъ и каневскимъ Евстафiемъ Дашкевичемъ. Черезъ 17 лѣтъ, въ 1552 году, замокъ былъ снова найденъ ревизорами въ ветхомъ состоянiи.

Время основанiя Черкассъ также неизвѣстно. Есть догадки о томъ, что Черкассы—до-татарское поселенiе, что они основаны въ 1284 году колонистами изъ рыльскихъ слободъ баскака Ахмата; что основалъ ихъ Гедиминъ. Но всѣ эти догадки и преданiя не имѣютъ подъ собой достовѣрныхъ основанiй. Проф. М. Ф. Владимiрскiй-Будановъ думаетъ, что Черкассы существовали еще до Витовта и основанiе ихъ приписываетъ

князю Владиміру Ольгердовичу. Въ спискѣ замковъ, принадлежавшихъ великому князю Свидригайлу, упомянуты въ 1402 году и Черкассы. Очень возможно что основаніе замка здѣсь, какъ и въ Каневѣ, относится также ко времени Витовта. Замокъ черкасскій считался особенно важнымъ защитительнымъ пунктомъ противъ татаръ. Поэтому, содержался онъ болѣе исправно, но къ серединѣ XVI вѣка и онъ пришелъ въ ветхость.

Въ 1552 году, по распоряженію литовскаго правительства, была произведена ревизія замковъ, такъ наз. люстрація, т. е. описаніе государственныхъ имуществъ въ цѣляхъ финансовыхъ и военныхъ. Несмотря на всѣ недостатки этихъ люстрацій, какъ матеріала описательнаго и статистическаго, онѣ все же, съ извѣстными оговорками, даютъ возможность высказывать соображенія относительно заселенія лѣвобережной Украины въ срединѣ XVI вѣка передъ люблинской уніей. Данными М. Ф. Владимірскаго-Буданова пользуется и Александръ Яблоновскій въ своихъ статьяхъ о „заселеніи Украины“, гдѣ онъ подвергаетъ критическому разбору мнѣнія кіевскаго профессора.

Каневскій и черкасскій повѣты въ XVI в. входили въ составъ кіевскаго воеводства. Обнимали они, кромѣ значительной территоріи на правомъ берегу Днѣпра, еще большія пространства на лѣвомъ.

Каневскіе и черкасскіе „уходы“ на лѣвой сторонѣ Днѣпра.

На лѣвомъ берегу Днѣпра въ составъ каневскаго повѣта входили земли по рѣкамъ Сулѣ, Удаю, Снепороду (Слѣпороду), Пслу, Хоролу до границы московскаго государства. Поселеній въ этихъ мѣстахъ въ первой половинѣ XVI вѣка не было. Зато много было кургановъ, остатковъ пустыхъ городищъ и селищъ, указывавшихъ на прежнюю значительную заселенность этого края. Своеобразный промыселъ господствовалъ здѣсь—копачи. Они раскапывали курганы-могилы, снимали цѣнности съ погребенныхъ въ нихъ, а кости выбрасывали вонъ. Копачами являлись, преимуще-

ственно, драбы, солдаты постояннаго гарнизона каневскаго замка.

Населенiе являлось на лѣвый берегъ временно, на промыселъ. Оттого и мѣста, гдѣ занимались промысломъ, назывались „уходами", а самые промышленники „уходниками". Л. В. Падалка нанесъ на схематическую карту каневскiе уходы. Оказывается, они тянулись сплошной полосой по рѣкѣ Сулѣ, отъ устья ея до границы московскаго государства, выше города Ромна, и по притокамъ Сулы, Оржицѣ, Сенороду (Слѣпороду), Удаю, Могѣ, р. Сулицѣ. На востокъ уходы простирались до впаденiя р. Хорола въ Псёлъ, гдѣ теперь м. Голтва кобелякскаго уѣзда полтавской губернiи.

Такую же картину мы видимъ и въ черкасскомъ повѣтѣ. Послѣднiй обнималъ бассейнъ р. Тясмина обоихъ Ингуловъ, Днѣпра до пороговъ и на лѣвомъ берегу Днѣпра простирался по бассейнамъ рѣкъ Ворсклы, Орели и Самары. Уходы по послѣднимъ трехъ рѣкамъ не шли, однако, такою сплошною полосою какъ въ каневскомъ повѣтѣ, а прерывались.

Среди уходовъ были замковые, состоявшiе въ завѣдываніи старость, церковные, монастырскiе, земянскiе, т. е. уходы шляхтичей. Принадлежали уходы также городу, какъ общинѣ, и отдѣльнымъ мѣщанамъ. Уходы эксплоатировались или самими владѣльцами или отдавались за извѣстную плату, или изъ части добычи въ наемъ мѣстнымъ или прихожимъ людямъ. Эксплоатацiя заключалась въ рыбной ловлѣ, въ ловлѣ бобровъ и, въ особенности, въ пчеловодствѣ, разведенiи пасѣкъ, добыванiи меда и т. д.

Уходничiй промыселъ былъ довольно распространенъ въ каневскомъ и черкасскомъ повѣтахъ. Онъ привлекалъ много народу и съ верховьевъ Днѣпра. Среди уходниковъ встрѣчались жители Мозыря минской губ., Чернобыля кiевской губ., Быхова, могилевской губ., Могилева и другихъ городовъ. Жители

ихъ приходили съ началомь весны на промыселъ, а осенью уходили. Но нѣкоторые оставались на жительствѣ въ этимъ мѣстахъ, подъ защитой каневскаго и черкасскаго замковъ, и круглый годъ. Уходники носили также названіе козаковъ. Среди послѣднихъ различались мѣстные и пришлые. Часть изъ нихъ служила въ городахъ въ наймахъ, другая ходила на промыселъ, въ „козацтво". Постоянная опасность, грозившая уходникамъ въ степи, вырабатывала изъ нихъ типъ воина-промышленника (см. выше стр. 138 и слѣд.).

Уходничество привлекало, повидимому, значительную часть народа, который со временемъ и осѣдалъ на этихъ мѣстахъ.

Значеніе люблинской уніи для колонизаціи лѣвобережной Украины.

Въ исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины, какъ и въ исторіи колонизаціи Украины вообще, люблинская унія 1569 года сыграла большую роль (см. выше стр. 211).

Съ провозглашеніемь уніи кіевское воеводство, въ составъ котораго входила и лѣвобережная Украина, было присоединено, или, какъ оффиціально выражались, возвращено къ Коронѣ польской.

Польша, отобравъ у Литвы всѣ южныя пограничныя земли, задалась цѣлью ихъ колонизовать. Потребность въ колонизаціи вызывалась прежде всего, конечно, необходимостью обороны границъ. Но немалую роль при этомъ играли и причины экономическаго характера. Онѣ были созданы общими условіями экономической жизни Польши XVI вѣка (см. выше стр. 205).

Способомъ колонизаціи являлась раздача государствомъ болѣе или менѣе значительныхъ участковъ земель въ руки лицъ шляхетскаго сословія, получившаго исключительное преобладаніе въ государственномъ строѣ Речи Посполитой послѣ 1569 года.

Шляхта охотно пошла навстрѣчу мѣрамъ правительства и устремилась на пограничье, „на кресы".

Цѣлый рядъ условій въ концѣ XVI в. способство-

валъ этому. Крымская орда, постоянно тревожившая Украину, ослабѣла. Опасность отъ ея нападеній уменьшилась. Льготы, которыя предоставлялись на новыхъ мѣстахъ шляхтѣ, и безъ того пользовавшейся широкими правами и привиллегіями, были значительны. Выгоды, связанныя съ заселеніемъ и использованіемъ пустовавшей до того времени земли были несомнѣнны. Все это должно было способствовать росту помѣстнаго землевладѣнія въ пограничныхъ мѣстностяхъ.

Уже въ 1569 году было поручено люстраторамъ, производившимъ описаніе государственныхъ имуществъ въ пограничныхъ воеводствахъ, въ томъ числѣ и въ кіевскомъ, привести въ извѣстность пустыя мѣста, годныя для раздачи съ колонизаціонными цѣлями. Въ 1570 году, по окончаніи описанія, люстраторы кіевскаго воеводства отправилъ къ королю своего товарища Яна Быстриковскаго. Послѣдній представилъ списокъ пустыхъ городищъ въ воеводствѣ кіевскомъ и указалъ тѣ изъ нихъ, которыя, по мнѣнію люстраторовъ, необходимо было, въ интересахъ обороны края, заселить въ первую же очередь. Городищъ пустыхъ оказалось очень много. Списокъ этотъ, къ сожалѣнію, не дошелъ до насъ.

Раздача земель въ лѣвобережной Украинѣ.

Приблизительно около того же времени началась и раздача пустыхъ мѣстъ въ лѣвобережной Украинѣ. Широкій размѣръ она приняла послѣ конституціи 1590 года, предоставившей королю право раздавать пустыя земли на Украинѣ въ вѣчность людямъ стана шляхетскаго (см. выше стр. 215). Расширились въ это время на лѣвомъ берегу Днѣпра и владѣнія отдѣльныхъ монастырей, въ особенности кіево-печерскаго и пустынно-николаевскаго.

Полный списокъ раздачъ въ лѣвобережной Украинѣ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка остается неизвѣстнымъ. Отрывочныя данныя объ нихъ собраны въ трудахъ изслѣдователей исторіи колонизаціи Украины, у проф. М. Ф. Владимірскаго-Буда-

нова, Ал. Яблоновскаго, Л. В. Падалки. Послѣдній на основаніи „тарифы подушной подати кіевскаго воеводства“ 1631 года насчиталъ въ предѣлахъ нынѣшней полтавской губерніи 49 владѣній (маетностей) и 22 владѣльца. Онъ же составилъ и ихъ списокъ. Наибольшее число маетностей (28) приходилось на долю князей Вишневецкихъ. Болѣе детальныя свѣдѣнія объ имѣніяхъ королевскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра въ XVI и XVII вв. даетъ Ал. Яблоновскій въ 22 томѣ „Źródła dziejowe“. Здѣсь же онъ приводитъ списокъ владѣльцевъ шляхетскихъ имѣній на Украинѣ, въ томъ числѣ и на Украинѣ лѣвобережной. Среди владѣльцевъ мы находимъ Тышкевичей, Полозовъ, Дашковичей, Оливаровъ, Ельцевъ, Проскуръ-Сущанскихъ, Аксаковъ, Тыше-Быковцевъ, Байбузъ и др.

Въ концѣ XVI в. земельныя владѣнія въ Переяславщинѣ получилъ будущій коронный гетманъ Станиславъ Жолкевскій. Онъ заселилъ м. Борисполь (см. выше стр. 294) и г. Гадячъ (полт. губ.). Послѣ смерти Жолкевскаго на Цыцорскомъ полѣ (см. выше стр. 289) переяславскія владѣнія его перешли въ собственность дочери его по мужу Даниловичъ. Гадячъ же и гадяцкія имѣнія были отданы за другою дочерью, вышедшей замужъ за Станислава Конецпольскаго (см. выше стр. 315) и затѣмъ перешли къ сыну послѣдняго Александру Конецпольскому. 3 іюня 1585 г. король Стефанъ Баторій разрѣшилъ князю Константину Острожскому основать городъ и замокъ на пустомъ городищѣ „Переяславъ“. Такъ снова былъ вызванъ къ бытію Переяславъ полтавскій. Городу было даровано магдебургское право. Князья Острожскіе сдѣлались владѣльцами вновь учрежденнаго староства переяславскаго. Въ 1620 году, по смерти князя Януша Острожскаго, Переяславъ со староствомъ перешелъ въ руки князя Януша Заславскаго.

Колонизаціонная дѣятельность владѣльцевъ имѣній.

Борьба за землю.

Увеличеніе количества владѣльцевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, усиленіе колонизаціоннаго движенія и сознаніе выгодъ отъ земельныхъ владѣній повели очень скоро къ насильственнымъ захватамъ земель одними владѣльцами у другихъ. Условія государственной жизни Речи Посполитой того времени допускали это. Захваты сопровождались нерѣдко насиліемъ и обращались въ настоящую междоусобную войну. Если вѣрить жалобѣ князя Михаила Вишневецкаго, записанной въ 1609 г. въ житомирскія гродскія книги, князь Янушъ Острожскій, оффиціальный представитель власти, староста переяславскій, каневскій и черкасскій, напалъ на имѣнія кн. Вишневецкаго въ Лубенщинѣ съ отрядомъ въ три тысячи человѣкъ. Начальникомъ отряда былъ переяславскій подстароста Щасный-Шленинскій. Отрядъ разорилъ и разграбилъ владѣнія Вишневецкаго между р.р. Псломъ и Ворсклою и увезъ оттуда значительную добычу. Князю Вишневецкому имѣнія эти были пожалованы королемъ.

Подобныя нападенія и грабежи не были явленіемъ исключительнымъ. Въ широкихъ размѣрахъ ихъ практиковали и Вишневецкіе. Въ XVII вѣкѣ уже началась, такимъ образомъ, борьба за землю въ мѣстностяхъ, которыя, нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, еще считались пустынями, куда никто, кромѣ уходниковъ, не хотѣлъ идти.

Вишневетчина.

Въ исторіи колонизаціи Полтавщины большое значеніе имѣла знаменитая Вишневетчина—громадныя владѣнія князей Вишневецкихъ на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Возникла она въ концѣ XVI вѣка. Благодаря трудамъ Ф. Д. Николайчика, А. М. Лазаревскаго, Ал. Яблоновскаго, Л. В. Падалки, мы можемъ въ настоящее время довольно подробно прослѣдить ростъ владѣній князей Вишневецкихъ въ лѣвобережной Украинѣ. Владѣнія на столько были обширны, что, по приблизительному расчету Ф. Д. Николайчика, ко вре-

нени возстанія Богдана Хмельницкаго обнимали одиннадцать уѣздовъ изъ пятнадцати въ современной полтавской губерніи.

Началомъ владѣній князей Вишневецкихъ въ Полтавщинѣ послужило незаконное завладѣніе ими имѣніями Байбузы.

Шляхетный Михаилъ Грибуновичъ Байбуза, по рекомендаціи черкасскаго старосты князя Михаила Вишневецкаго (см. выше стр. 189), получилъ въ 1578 году привилей на обширныя пространства земли по рѣкамъ: Сулѣ, Удаю, Солоницѣ съ „уходомъ" Лужкомъ. Въ 1580 году князь Михаилъ Вишневецкій, съ согласія короля Стефана Баторія, передалъ черкасское и каневское староство своему сыну Александру. Последній и явился основателемъ земельнаго могущества князей Вишневецкихъ на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Александръ Вишневецкій, повидимому, сразу же оцѣнилъ всю важность земельныхъ владѣній на Посульѣ и сталъ прилагать усилія къ ихъ увеличенію. Воспользовавшись своею властью, въ 1582 году онъ отнялъ у Байбузы пожалованныя земли. Байбуза обратился въ королевскій судъ. Началось дѣло. Кончилось оно миролюбивымъ соглашеніемъ. Байбуза принужденъ былъ продать Александру Вишневецкому свои владѣнія, и они на сеймѣ варшавскомъ 18 апрѣля 1590 года были утверждены за Вишневецкимъ особымъ привилеемъ въ вѣчное владѣніе. Въ видѣ вознагражденія за уступку, Александръ Вишневецкій исхлопоталъ у короля для Байбузы и его сыновей, въ пожизненное владѣніе, рѣку Псёлъ.

Утвердившись на Посульѣ, Александръ Вишневецкій началъ свою колонизаціонную дѣятельность.

Рѣка Сула съ ея гористыми берегами, изрѣзанными ярами, всегда представляла очень удобное мѣсто для поселеній, нуждавшихся въ защитѣ. По Сулѣ, поэтому, находятъ слѣды жизни еще до-историческаго человѣка. Было здѣсь немало поселеній и въ до-та-

тарскую эпоху. Названія нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились до нашего времени. Это указываетъ на то, что преемственность поселеній не прерывалась. Вѣроятно, старинныя поселенія въ Посульѣ, на Удаѣ, Слѣпородѣ продолжали существовать, но были очень незначительными Они, надо полагать, намѣчали пути для дальнѣйшей колонизаціи. Переселенцы двигались по старому направленію, усиливая поселенія существовавшія раньше. Такъ воскресали села и городки со старыми до-татарскими названіями. Это явленіе мы замѣчаемъ не только на Посульѣ, но и въ другихъ мѣстахъ.

На мѣстѣ стараго, до-татарскаго, городка Лубно, извѣстнаго въ люстраціи 1552 года подъ именемъ „земли Лубни", князь Александръ Вишневецкій основалъ мѣстечко. Онъ назвалъ его, по своему имени, Александровомъ. Привилей на основаніи мѣстечка былъ данъ королемъ Сигизмундомъ III въ 1591 г. Въ слѣдующемъ 1592 году мѣстечку Александрову было пожаловано магдебурское право.

Въ томъ же 1592 году на урочищѣ Пирятинѣ, сохранившемъ старое до-татарское названіе, было основано мѣстечко Михайловъ. Оно было названо, какъ полагаетъ А. М. Лазаревскій, по имени младшаго брата Александра Вишневецкаго Михаила. Мѣстечку Михайлову также было дано магдебургское право при самомъ его основаніи, вѣроятно, съ цѣлью привлечь сразу же купцовъ и ремесленниковъ. Въ XVII вѣкѣ новыя искусственныя названія обоихъ городовъ исчезли. Одержали верхъ названія старыя, до-татарскія, какъ чисто народныя.

Въ 1594 году князь Александръ Вишневецкій умеръ бездѣтнымъ. У него было два брата: Михаилъ, староста овруцкій, отецъ извѣстнаго Іереміи Вишневецкаго, и Юрій. Родъ Юрія скоро, однако, прекратился. Единственная дочь его Галька умерла безъ наслѣдниковъ.

Владѣнія Александра Вишневецкаго въ лѣвобережной Украинѣ достались, послѣ его смерти, брату

его Михаилу. При новомъ владѣльцѣ стало практиковаться въ широкомъ видѣ расширеніе владѣній путемъ захватовъ. Захваты, по мнѣнію Ф. Д. Николайчика, не ограничивались только польской территоріей, но и переходили черезъ московскую границу.

Михаилъ Вишневецкій никогда не посѣщалъ Лубенщины и никогда въ ней не былъ. Тѣмъ не менѣе колонизаціонное движеніе при немъ сдѣлало большіе успѣхи. Подробности этой колонизаціи неизвѣстны. Подводя общій итогъ колонизаціонной дѣятельности Вишневецкихъ со времени ихъ утвержденія въ Заднѣпровьѣ до смерти Михаила Вишневецкаго въ 1616 г., А. М. Лазаревскій отмѣчаетъ существенные результаты. За это время были заселены берега р. Сулы, начиная отъ ея устья и кончая Ромномъ, и берега рѣки Удая отъ устья до города Прилукъ. Берега верхней Сулы и Удая еще въ половинѣ XVI вѣка считались пустынными. Тутъ были лишь уходы остерскихъ „козаковъ" и отчасти каневскихъ мѣщанъ. Мѣста эти, заселены во время самозванцевъ, въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка.

Въ 1616 году князь Михаилъ Вишневецкій умеръ. Послѣ него осталась вдова, извѣстная Раина (Ирина), Могилянка, дочь молдавскаго господаря Іереміи Могилы. Раина была двоюродной сестрой будущаго кіевскаго митрополита Петра Могилы. Отъ Михаила Вишневецкаго у нея было двое малолѣтнихъ дѣтей—сынъ Іеремія, родившійся въ 1612 году, и дочь Анна. Опекуномъ надъ имуществомъ Михаила явился сначала братъ Юрій, а по смерти его въ 1618 году троюродный братъ князь Константинъ Константиновичъ Вишневецкій, впослѣдствіи воевода русскій. Онъ умеръ въ 1642 г., когда Іеремія пришелъ уже въ возрастъ и получилъ въ самостоятельное распоряженіе свои имѣнія.

Вдовѣ Раинѣ Могилянкѣ была выдѣлена значительная часть владѣній. Среди выдѣленныхъ мы встрѣчаемъ Лубны со всѣми хуторами, „замки и мѣста съ

хуторами": Пнилуку, Лукомль, Буромль (Буромку), Жовнинъ, Снятинъ, Переволочну, Александровку, Многую, Сенчу, Хоролъ, Густыню и др.

Раина отличалась набожностью и преданностью православной вѣрѣ, какъ и ея мужъ. Еще при жизни Михаила Вишневецкаго были основаны монастыри густынскій и ладинскій Устроены они, однако, были послѣ смерти Михаила Раиной Могилянкой при ближайшемъ содѣйствіи извѣстнаго Исаи Копинскаго (см. выше стр. 84—85). Раина, благодаря тому же Исаѣ Копинскому, задумала и подготовила основаніе лубенскаго мгарскаго монастыря (въ 1619 г.). Фактически же монастырь мгарскій, какъ и другой во владѣніяхъ Вишневецкихъ — слѣпородскій были основаны въ 1620-хъ годахъ, уже послѣ смерти Раины, опекуномъ надъ имуществомъ Вишневецкимъ княземъ Константиномъ Корибутъ — Вишневецкимъ. Получивъ во владѣніе земли, монастыри, въ свою очередь, устраивали гребли, основывали млины и при нихъ слободки и, такимъ образомъ, стремясь къ увеличенію своего благосостоянія, способствовали колонизаціи края.

Раина умерла рано, въ 1619 году, тридцати лѣтъ отъ роду. Имѣнія, находившіяся въ ея владѣніи поступили въ общую массу, которую наслѣдовалъ ея сынъ Іеремія Вишневецкій.

Полагаютъ, что до начала 1630-хъ годовъ имуществомъ молодого Вишневецкаго продолжалъ управлять, въ качествѣ опекуна, Константинъ Вишневецкій, а съ этого времени Іеремія сдѣлался самостоятельнымъ хозяиномъ. Женившись въ концѣ 1630-хъ годовъ, Іеремія переселился на лѣвый берегъ Днѣпра, избравъ мѣстомъ своего пребыванія г. Лубны. Тамъ онъ основалъ бернардинскій кляшторъ (монастырь) и надѣлилъ его землями. Предки князя Іереміи были православными, а его отецъ и мать находились въ общеніи съ такимъ ревнителемъ православія, какимъ являлся Исая Копинскій. Оставшись сиротою, князь

Іеремія поддался вліянію іезуитовъ и перешелъ въ католичество. Напрасно Исая Копинскій въ особомъ посланіи убѣждалъ Іеремію остаться при вѣрѣ отцовъ. Напрасно архимандритъ печерскій Петръ Могила, родственникъ Іеремія по матери, посвятилъ ему свой „Крестъ Христа Спасителя", напечатанный въ кіево-печерской лаврѣ въ 1632 г. Князь Іеремія сдѣлался ревностнымъ католикомъ. Нѣкоторые историки, напр., Кулішъ, приписываютъ ему намѣреніе ввести насильственно унію въ своихъ владѣніяхъ и указываютъ на постройку имъ въ Вишневетчинѣ ряда католическихъ кляшторовъ и костеловъ. А. М. Лазаревскій, однако, опровергаетъ это мнѣніе. Кромѣ основанія бернардинскаго кляштора въ Лубнахъ, да, можетъ быть, доминиканскаго въ Прилукахъ (полтав. губ.), гдѣ часто бывалъ Іеремія, другихъ свѣдѣній о постройкѣ имъ кляшторовъ и костеловъ нѣтъ. Да и не для кого было строить. Нѣтъ свѣдѣній и о попыткахъ его ввести унію въ лѣвобережной Украинѣ.

Причину переселенія Іереміи на лѣвый берегъ Днѣпра А. М. Лазаревскій видитъ въ желаніи поднять экономическую доходность имѣній, а вовсе не въ преслѣдованіи какихъ-нибудь религіозныхъ цѣлей. Во второй половинѣ 1630-хъ годовъ Лубенщина была ареной казацкихъ возстаній. Немало крестьянъ князя Вишневецкаго уходило въ козаки. Это не могло не отражаться неблагопріятно на его хозяйствѣ и на доходности его обширныхъ имѣній. Удалось ли князю Вишневецкому поднять хозяйство послѣ своего переселенія въ Лубенщину, трудно сказать. Скорѣй нѣтъ. Жестокія мѣры, принятыя имъ противъ возставшихъ, заставляли населеніе уходить изъ его владѣній. Къ тому же вело и увеличеніе поборовъ. Зато Іеремія Вишневецкій приложилъ немало стараній къ расширенію своихъ владѣній. Путемъ къ этому служили захваты, практиковавшіеся, какъ мы видѣли, въ широкой мѣрѣ, и его предшественниками. Въ этотъ слу-

чаѣ князь Іеремія, по мнѣнію Ѳ. Д. Николайчика, превзошелъ послѣднихъ. Въ 1646 году его отряды, напримѣръ, въ буквальномъ смыслѣ завоевали цѣлый рядъ городовъ и мѣстечекъ. Среди нихъ были Гадячъ, Полтава, Кременчугъ, Глинскъ, Лютенка, Зѣньковъ, Ахтырка и др.

Земельное благополучіе князей Вишневецкихъ на лѣвомъ берегу Днѣпра рушилось съ возстаніемъ Богдана Хмельницкаго. Населеніе его владѣній изнемогало отъ поборовъ и крѣпостной неволи. Всѣ ненавидѣли Іеремію за его жестокости и въ трудную минуту оказались противъ него. Князь Іеремія въ началѣ возстанія оставилъ Полтавщину и принужденъ былъ бѣжать на правый берегъ Днѣпра.

Колонизація Вишневетчины.

О колонизаціонной дѣятельности въ Вишневетчинѣ въ первую половину XVII в. имѣется мало свѣдѣній. Смѣна владѣльцевъ, повидимому, не могла отражаться на ходѣ колонизаціи. Не они заботились о колонизаціи, а ихъ управители. Въ дѣйствіяхъ же послѣднихъ нужно видѣть опредѣленную систему, вызванную хозяйственными соображеніями. Судя по всему, дѣятельность ихъ была очень интенсивной. Къ срединѣ XVII в. Вишневетчина, считавшаяся въ XVI вѣкѣ еще пустыней, была уже значительно заселена. Въ своихъ статьяхъ „Лубенщина и князья Вишневецкіе“ А. М. Лазаревскій собралъ свѣдѣнія о поселеніяхъ въ Вишневетчинѣ, возникшихъ или разросшихся въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. Среди нихъ мы встрѣчаемъ наиболѣе многолюдныя поселенія Полтавщины нашего времени: Лубны, Лукомль, Хороль, Горошинъ, Буромку, Жовнинъ, Снятинъ, Сѣнчу, Лохвицу, Роменъ, Прилуку, Переволочну, Варву, Журавку, Пирятинъ и другія.

Въ 1841 году графъ Александръ Пржездѣцкій въ своей книгѣ о Подоліи, Волыни и Украинѣ (Podole, Wolyń, Ukraina), изданной въ Вильнѣ, напечаталъ выпись изъ инвентаря имѣній князя Іеремін Вишне-

вецкаго въ лѣвобережной Украинѣ. Выпись, случайно сохранилась въ Черномъ Островѣ на Подоліи. Она заключаетъ въ себѣ очень неточный и спутанный списокъ поселеній съ указаніемъ осѣдлаго населенія и колесъ водяныхъ мельницъ. Выпись не имѣетъ даты. Думаютъ, она относится къ 1646—1647 году.

По подсчету, выпись содержитъ около 48—50 городовъ и селъ съ 34822 господарствами (хозяйствами). Полагая на хозяйство по 4 души, Л. В. Падалка опредѣляетъ населеніе Вишневетчины приблизительно въ 140 тыс. душъ. Н. И. Бодянскій въ „памятной книжкѣ полтавской губерніи за 1865 г.“ исчисляетъ его еще больше, въ 245 тыс., считая на одно хозяйство по семи душъ. Въ инвентарѣ указано 423 мельничныхъ кола. Съ каждаго изъ нихъ Вишневецкому ежегодно платилось по два червоныхъ золотыхъ. Наиболѣе густое населеніе, по наблюденію Л. В. Падалки, было по р. Сулѣ и Удаю. Здѣсь въ 25 поселеніяхъ насчитывалось 25015 хозяйствъ. Рѣже были населены долины Псла и Ворсклы. По инвентарю, въ этихъ мѣстахъ значилось одно поселеніе Полтава съ 812 домами.

Свѣдѣніямъ этимъ безусловно довѣрялъ М. А. Максимовичъ, а за нимъ и Н. И. Бодянскій. На выводахъ Бодянскаго строитъ свои соображенія Л. В. Падалка. Проф. Грушевскій также признаетъ достовѣрность и историческую цѣнность инвентаря. Но уже Ал. Яблоновскій указалъ на спутанность инвентарныхъ свѣдѣній. А. М. Лазаревскій заподозрѣлъ самую достовѣрность инвентаря и отмѣтилъ рядъ неточностей, заставляющихъ пользоваться имъ съ большой осторожностью. Пока инвентарь не обслѣдованъ всесторонне, на немъ нельзя строить прочныхъ выводовъ и заключеній.

Объ успѣхахъ колонизаціи въ Вишневетчинѣ къ срединѣ XVII в. А. М. Лазаревскій дѣлаетъ заключеніе по другому документу, по реестрамъ войска запорожскаго, составленнымъ въ октябрѣ 1649 года, черезъ

годъ послѣ ухода князя Іереміи съ лѣваго берега Днѣпра, и напечатанныхъ въ 1876 году О. М. Бодянскимъ въ „чтеніяхъ въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей“. На территоріи Вишневетчины помѣстилось въ 1649 г. четырнадцать сотенъ и, кромѣ того, почти цѣлый прилуцкій полкъ, большая часть территоріи котораго входила раньше въ составъ имѣній князя Іереміи. Значитъ, Вишневетчина въ срединѣ XVII в. была уже довольно густо заселена.

Данныя о ростѣ колонизаціи Полтавщины: въ XVII в.

Въ инвентарѣ, напечатанномъ Пржездѣцкимъ, указаны довольно значительныя поселенія. Но, несомнѣнно, первоначально они были невелики. Возникали поселенія обыкновенно на старыхъ городищахъ и селищахъ или при мельницахъ, въ видѣ слободъ съ небольшимъ числомъ жителей. Населеніе очень скоро, въ два — три десятилѣтія, могло значительно увеличиться.

Усиленный ростъ населенія въ концѣ XVI и въ XVII в. мы встрѣчаемъ и въ другихъ частяхъ современной Полтавщины. Переяславскій, напримѣръ, уѣздъ въ XV в. представлялъ еще пустыню съ очень рѣдкимъ населеніемъ, ютившимся по хуторамъ. Болѣе прочно онъ сталъ заселяться въ самомъ концѣ XVI вѣка. Поселенія сначала были незначительны. Преобладали села въ 3—8 дворовъ. Иногда они доходили до двадцати дворовъ. Большинство селъ возникало изъ хуторовъ путемъ естественнаго прироста и прибытія новыхъ поселенцевъ. Возникали они въ періодъ съ 1550-хъ до 1650-хъ годовъ. Въ настоящее время число всѣхъ населенныхъ пунктовъ въ переяславскомъ уѣздѣ насчитывается свыше 138. Наиболѣе крупныя изъ нихъ, по словамъ А. В. Стороженка, извѣстны уже въ срединѣ XVII вѣка и упоминаются въ реестрахъ войска запорожскаго въ 1649 году.

Матеріалъ для исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины невеликъ и мало еще изученъ. Выводы поэтому, могутъ быть только приблизительными. Такъ и

нужно смотрѣть на попытку, сдѣланную Александромъ Яблоновскимъ въ 22-мъ томѣ „Źródła dziejowe“. Яблоновскій извлекъ изъ источниковъ цифровыя данныя для исторіи колонизаціи до литовской уніи и послѣ до первой четверти XVII столѣтія включительно. Матеріалы, которымъ онъ пользовался, указаны имъ и охарактеризованы въ двадцатомъ томѣ того же изданія.

Въ любецкомъ (черниг. губ.) старостве, простиравшемся по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, Яблоновскій видитъ большой успѣхъ колонизаціи съ 1570 по 1616-й годъ. По его расчету, здѣсь въ 1616 г. одно поселеніе приходилось на 1,5 кв. миль. Въ остерскомъ старостве населеніе было уже рѣже. На 86,6 кв. миль приходилось только 4 мѣстечка и 35 селъ, или одно поселеніе на 2,5 кв. мили. Въ переяславскомъ старостве въ 1616 г. на пространствѣ приблизительно въ 101.2 кв. мили было 6 мѣстечекъ и рядъ хуторовъ. Число ихъ люстраторы опредѣляли въ 1622 г. въ 25, или едва одно село или хуторъ на 4 кв. мили.

Для Вишневетчины данныхъ отъ 1616—1622 годовъ нѣтъ. Яблоновскій, однако, полагаетъ, что въ это время въ Вишневетчинѣ приблизительно на 220 квадр. миль могло быть около 40 поселеній, значитъ, 1 поселеніе на 6 кв. миль. Въ миргородскомъ округѣ, обособившемся отъ переяславскаго, насчитывалось до 30—35 поселеній, или одно на 6 кв. миль. Въ черкасскомъ округѣ по одному поселенію приходилось: вблизи Днѣпра—на 3 кв. мили; по р.р. Кропивнѣ и Ирклію, а также на нижней Сулѣ—на 4 кв. мили. По теченію нижняго Псла и Ворсклы до перевоза санжаровскаго одинъ хуторъ приходился едва на 5—6 кв. миль. Что касается Орели и Самары, то свѣдѣній о тамошнихъ поселеніяхъ нѣтъ.

Такимъ образомъ, чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ населеніе въ 1616—1622 г. было все рѣже и рѣже. Гуще были заселены сѣверныя части лѣвобережной Украины.

Сравнивая выводы, сдѣланные Ал. Яблоновскимъ съ данными, извѣстными изъ болѣе поздняго времени,

между прочимъ, относительно Вишневетчины, можно сдѣлать заключеніе, что колонизація лѣвобережной Украины сдѣлала большіе успѣхи, начиная съ 1620-хъ годовъ до Богдана Хмельницкаго. Въ Вишневетчинѣ, по замѣчанію А. М. Лазаревскаго населеніе за это время почти удесятерилось.

То же, хотя, быть можетъ, и въ меньшей степени, наблюдается и въ другихъ мѣстахъ. Въ половинѣ 1630-хъ годовъ лѣвобережная Украина была настолько уже заселена, что стала ареной народныхъ возстаній. Сюда бѣжало населеніе съ праваго берега Днѣпра, ища лучшей доли. Сюда козацкіе вожди посылали своихъ агитаторовъ (см. выше стр. 408), и среди населенія лѣвобережной Украины Павлюкъ, Остранинъ и Гуня вербовали значительные контингенты своихъ отрядовъ.

Генеральная карта Боплана.

Для нагляднаго изученія успѣховъ колонизаціи лѣвобережной Украины въ 1640-хъ годахъ мы располагаемъ цѣннымъ источникомъ „генеральной картой Украины“ инженера Боплана (см. выше стр. 379).

Бопланъ принималъ видное участіе въ колонизаторской дѣятельности польскаго правительства на Украинѣ. По его словамъ, заселеніе Украины шло такими быстрыми шагами, что въ теченіе пятидесяти лѣтъ пустыни обратились въ плодоносныя поля.

Яблоновскій относится къ словамъ Боплана съ большимъ скептицизмомъ. Онъ называетъ ихъ „гасконской фантасмагоріей“. По мнѣнію Яблоновскаго, ростъ колонизаціи былъ большой, но онъ развивался постепенно. То, что называлось пустыней, на самомъ дѣлѣ, не было такъ пусто. Хутора существовали и раньше, только были скрыты и обнаружились во время дѣятельности Боплана. Оттого такая густая сѣть поселеній и покрываетъ карту Боплана.

Карта составлена приблизительно въ 1648—1651 годахъ на основаніи матеріаловъ, собранныхъ на мѣстѣ, вѣроятно въ 1630-хъ и въ первой половинѣ 1640-хъ

годовъ. Въ запискахъ Боплана иногда упоминается, при какихъ обстоятельствахъ онъ заносилъ на карту ту или иную мѣстность. Карта издавалась нѣсколько разъ, но критически она совсѣмъ не изучена. Послѣдній издатель ея Л. В. Падалка сознавалъ важность такого изученія. Однако, въ виду трудности, не рѣшился на это и ограничился небольшими замѣчаніями. Зато онъ, болѣе другихъ изслѣдователей воспользовался картой Боплана для опредѣленія количества поселеній на лѣвомъ берегу Днѣпра въ XVII в. и по ней сдѣлалъ ихъ подсчетъ.

При одномъ взглядѣ на карту Боплана, наблюдателя поражаетъ сравнительная густота поселеній на лѣвомъ берегу Днѣпра. Л. В. Падалка на картѣ Боплана насчиталъ около 300 поселеній въ теперешней полтавской губерніи. Между ними различались города, села и деревни. Располагались поселенія исключительно возлѣ рѣкъ и при озерахъ. Наиболѣе густо были заселены мѣстности по р. Сулѣ. На картѣ насчитывается здѣсь 164 поселенія. По р. Удаю было 69 поселенія, по р. Могѣ 18 поселеній, по р. Лисогору—10. Правый притокъ Сулы, Оржица былъ также хорошо заселенъ: на карту занесено по Оржицѣ 17 поселеній. Днѣпровское побережье было заселено сравнительно слабо. На всемъ его протяженіи въ полтавской губерніи на карту занесено 29 поселеній. Изъ нихъ 20 было расположено въ Переяславщинѣ, по рѣкамъ Трубежу, Альтѣ и Недрѣ съ Березанкой. На р. Супоѣ значится 23 поселенія. Восточнѣе Сулы колонизація была слабѣе. Въ системѣ Псла на картѣ Боплана насчитывается 71 поселеніе. Изъ нихъ 42 было расположено по теченію р. Хорола. Въ бассейнѣ Ворсклы на карту Бопланъ нанесъ только 9 поселеній.

Способъ колонизаціи

Такой быстрый успѣхъ колонизаціи лѣвобережной Украины былъ обусловленъ обстоятельствами, благопріятными вообще для заселенія пограничныхъ земель. Хозяйственные тиски въ центральныхъ областяхъ

сжимались все сильнѣе. Чтобы избавиться отъ нихъ, трудовое крестьянство бѣжало на окраины (см. выше стр. 209). Этой естественной народной колонизаціей воспользовались владѣльцы крупныхъ латифундій, въ родѣ князей Вишневецкихъ. Ф. Д. Николайчикъ называетъ ихъ колонизаторами-хищниками. „Какъ хищные звѣри и птицы, говоритъ онъ, тянутся вслѣдъ за гонимою физическими явленіями пернатою и четвероногою дичью, такъ и они шли шагъ за шагомъ вслѣдъ за могучею волною народнаго движенія, тщательно отмѣчая и закрѣпляя за собою пройденные пункты“.

Самые способы колонизаціи намъ неизвѣстны, за недостаткомъ матеріаловъ XVI и первой половины XVII в. Процессъ заселенія лѣвобережной Украины начался въ XVI в. и продолжался, безъ перерыва, въ XVII и въ XVIII в. Это былъ процессъ, въ значительной степени, стихійный. Народное возстаніе 1648—1654 г., кончившееся присоединеніемъ Украины къ Россіи, не прервало его. Оно могло видоизмѣнить его характеръ развѣ только въ частностяхъ, въ зависимости отъ перемѣны условій жизни на Украинѣ во второй половинѣ XVII в. Нужно думать, поэтому, что способы заселенія Украины въ XVI и въ первой половинѣ XVII в. не отличались отъ тѣхъ, которые существовали въ болѣе позднее время и которые, благодаря обилію матеріала, лучше изучены изслѣдователями А. М. Лазаревскимъ, проф. Д. И. Багалѣемъ, проф. И. В. Лучицкимъ и В. А. Мякотинымъ.

Говоря о заселеніи лѣвобережной Украины, проф. И. В. Лучицкій отмѣчаетъ двоякаго рода элементы, опредѣлившіе, по его словамъ, дальнѣйшую судьбу края — элементъ владѣльческій, вносившій понятіе личной собственности, личнаго землевладѣнія, и элементъ свободной колонизаціи, о которой говоритъ и Ф. Д. Николайчикъ. Свободные переселенцы количественно подавляли элементъ владѣльческій. Они чаще

всего самовольно, по собственному усмотрѣнію, занимали незаселенныя земли. Приходилъ откуда-нибудь переселенецъ, облюбовывалъ себѣ мѣсто на берегу рѣчки, основывалъ хуторъ, строилъ мельницу, начиналъ обрабатывать землю. Находили его помѣщичьи управители—облагали поборами. Онъ или подчинялся или бросалъ заведенное хозяйство и уходилъ на новое мѣсто.

Но колонистовъ иногда и созывали. У крупныхъ владѣльцевъ бывали особые служащіе, носившіе названіе осадчихъ. На обязанности ихъ лежало заселять свободныя мѣста. На участкахъ, предназначенныхъ для заселенія, ставились особые знаки съ обозначеніемъ льготныхъ мѣстъ. Бродившіе поселенцы наталкивались на эти знаки и, разъ условія были подходящими, осѣдали на указанныхъ участкахъ. „Осадчій листъ", выдававшійся при этомъ осадчимъ, создавалъ нормы, которыя регулировали отношенія между владѣльцемъ земли и поселенцами. „Осадчихъ" листовъ конца и XVI и начала XVII в. не сохранилось на лѣвомъ берегу. Но, по аналогіи съ правобережной Украиной, и послѣдующимъ временемъ, можно думать, что такой способъ заселенія пустынь практиковался и въ лѣвобережной Украинѣ.

Формы землевладѣнія въ Полтавщинѣ.

Снимаясь съ прежнихъ насиженныхъ мѣстъ и идя на Украину, переселенцы, естественно, приносили съ собой готовые формы владѣнія землей и земельные обычаи, которымъ они подчинялись на родинѣ. Примѣнять на новыхъ мѣстахъ старые обычаи было тѣмъ легче, что массовыя поселенія на отдѣльныхъ участкахъ были рѣдки. Проф. И. В. Лучицкій и А. В. Стороженко считаютъ, что селенія въ 3—8 дворовъ въ Полтавщинѣ были преобладающими даже въ XVIII вѣкѣ. Изслѣдователи отмѣчаютъ, что многія поселенія въ Черниговщинѣ и Полтавщинѣ носятъ патронимическія названія по именамъ лицъ, надо полагать, по именамъ первыхъ ихъ основателей. Это заставляетъ предпола-

гать, что поселенія возникли, вѣроятно, въ видѣ небольшихъ хуторовъ, которые увеличивались затѣмъ путемъ естественнаго прироста членовъ семьи.

Личная собственность.

Личная собственность на землю, повидимому, занимала на Украинѣ видное мѣсто. На это указываютъ сохранившіеся земельные документы ранѣе половины XVII в. Личная собственность находила себѣ основаніе въ первомъ завладѣніи землей и въ раздачахъ пустыхъ земель въ собственность королевской властью съ цѣлью ихъ заселенія. Извѣстно, что крупные владѣльцы пользовались, распоряжались и пріобрѣтали землю на правахъ полной собственности.

Наряду съ личнымъ землевладѣніемъ въ лѣвобережной Украинѣ мы встрѣчаемъ и землевладѣніе общинное.

Сябринное землевладѣніе.

Слѣды общиннаго союза, наблюдаются въ XIV—XVI в. на сѣверѣ правобережной Украины, въ Галиціи и въ Западной Руси. Изъ разныхъ видовъ его въ концѣ концовъ, выработалось, по мнѣнію проф. И. В. Лучицкаго, два главныхъ—община семейная, въ основѣ которой лежало кровное родство, и община сосѣдская, построенная не на кровныхъ, а на экономическихъ интересахъ.

И тотъ и другой видъ общины переселенцы занесли на лѣвый берегъ Днѣпра. Болѣе старинной формой общины была, конечно, первая, основанная на родственномъ началѣ. Она, поэтому, и преобладала въ Черниговщинѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя были заселены въ болѣе раннюю пору. Эта старинная форма землевладѣнія извѣстна подъ названіемъ сябриннаго. Въ XVII—XVIII в. она наблюдалась, уже какъ форма отживающая, разлагающаяся. Александръ Яблоновскій считаетъ, что сябринное землевладѣніе существовало только въ королевщинахъ, у замковыхъ бояръ, людей свободныхъ. М. Е. Слабченко, однако, въ своихъ „опытахъ по исторіи права Малороссіи XVII и XVIII в." фактически доказалъ невѣрность такого предположенія.

По мнѣнію проф. И. В. Лучицкаго, въ основѣ сябринного землевладѣнія лежала общность происхожденія, кровное родство. Александра Я. Ефименко, напротивъ, возникновеніе сябринныхъ отношеній связываетъ съ распаденіемъ кровнаго союза и выводитъ ихъ изъ договора. Съ этимъ, повидимому, согласенъ и проф. В. И. Сергѣевичъ На существованіе товарищескаго договора указываетъ и В. А. Мякотинъ, говоря о совмѣстной постройкѣ на Украинѣ мельницъ и о долевомъ владѣніи ими на началахъ сябровства. Но въ области земельныхъ отношеній первоначальной основой сябровства Мякотинъ все-таки считаетъ кровное родство. Моментъ договора является уже отступленіемъ отъ сущности сябровства. Онъ получилъ мѣсто подъ вліяніемъ измѣненія жизненныхъ условій [1]).

Проф. И. В. Лучицкій и В. А. Мякотинъ изображаютъ возникновеніе сябринного землевладѣнія такимъ образомъ. Поселенія основывались отдѣльными лицами, семьями или цѣлыми родами. Основатели занимали для обработки извѣстное количество земли. При обиліи послѣдней количество это могло увеличиваться, по мѣрѣ роста семьи и превращенія ея въ родъ, или по мѣрѣ роста рода, если онъ основывалъ поселенія и первымъ завладѣвалъ землей. Земля считалась собственностью занявшихъ ее семьи или рода. Когда же послѣдніе распадались, родовая земля при этомъ фактически не дѣлилась. Родственники получали только право на идеальную долю. Доля эта, показывала, при пользованіи, на какую часть дохода имѣлъ право владѣлецъ ея въ общемъ имуществѣ. Родственники, та-

---

[1]) *Проф. И. В. Лучицкій* Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи, Сѣв. Вѣст. 1889 г., кн. 1—2. *А. Я. Ефименко* „Южная Русь“, Спб. 1905 г., т. I „Дворищное землевладѣніе въ южной Руси“ *Проф. В. И. Сергѣевичъ.* Древности русскаго права т., III стр. 395—400. *В. А. Мякотинъ.* Очерки соціальной исторіи Малороссіи. Формы землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи „Русское Бог.“ 1913 г., сентябрь—декабрь.

кимъ образомъ, становились сябрами, участниками въ совмѣстномъ владѣніи. Они могли дробить свои доли до безконечности, отчуждать ихъ, съ согласія сябровъ, въ руки другихъ сябровъ и даже чужеродцевъ. Но они не могли фактически раздѣлить землю, которая продолжала, попрежнему, считаться общею собственностью всѣхъ сябровъ.

А. Я. Ефименко въ сябринномъ землевладѣніи видитъ остатки стараго дворищнаго устройства Литовской Руси. Дворище уже разложилось. Подъ дворищемъ А. Я. Ефименко разумѣетъ „тѣ начальныя земельныя единицы, которыя человѣкъ отнималъ у дикой природы своимъ трудовымъ захватомъ". Собственникомъ дворища являлось сначала „племя". Но затѣмъ племя распадалось, теряло характеръ родового гнѣзда. Отдѣльныя части земли отчуждались въ чужія руки. Наступали отношенія договорныя. Тогда и возникала „посябрина". Старой формы дворища уже не было. Оставалась только его идея въ видѣ сябриннаго землевладѣнія, которое и было занесено на лѣвый берегъ Днѣпра его болѣе ранними поселенцами. Поэтому сябринное землевладѣніе и сохранялось дольше всего на сѣверѣ лѣвобережной Украины.

Эта сложная форма пользованія землей могла быть результатомъ длиннаго историческаго процесса. На югѣ, въ степи, гдѣ колонизація была живой, населеніе еще не осѣлось, часто передвигалось, измѣнялось—возникали иныя формы землевладѣнія.

Заимка и заимочное землевладѣніе.

При обиліи свободной земли, каждый переселенецъ, приходившій на Украину, захватывалъ себѣ столько, сколько могъ обработать. Заимка была однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ и дѣйствительныхъ способовъ происхожденія поземельной собственности на Украинѣ не только въ XVI и XVII в., но и позже. Заимка производилась отдѣльными лицами, семейными группами и группами общинными, носившими бытовое названіе „товарищества", „громады". Земля

занималась иногда нѣсколькими селеніями, или нѣсколькими общинами сообща.

На занятыхъ мѣстахъ создавались особыя земельныя отношенія. Граница заимки опредѣлялась фактическимъ пользованіемъ занятой землей, все равно въ чемъ бы оно ни проявлялось: въ пастьбѣ ли скота, въ кошеніи ли сѣна, въ паханіи ли земли. Хозяиномъ—собственникомъ считалась община. Поэтому пользованіе и распоряженіе заимкой производилось не иначе, какъ съ выраженнаго или молчаливаго согласія и вѣдома всей общины. Если кто-нибудь задумывалъ выселиться, основать на общественной землѣ хуторъ, община давала разрѣшеніе и отводила землю. Пришлый могъ получить право заимки, но не иначе, какъ вступивъ въ семейный союзъ, занявшій землю, или въ общину. Вступленіе въ семейный союзъ было возможно или путемъ брака или путемъ заключенія искусственно родственнаго союза, такъ наз. „братерства". Правильнаго пользованія занятой землей у общинъ не было. Обыкновенно практиковался архаическій способъ, извѣстный подъ именемъ захватнаго. При обиліи земли, каждый обрабатывалъ столько, сколько хотѣлъ, и тамъ, гдѣ хотѣлъ. На первыхъ порахъ потребность къ уравнительному пользованію чувствовалась слабо. Только впослѣдствіи, съ уменьшеніемъ свободной земли, община нерѣдка стала вырабатывать опредѣленныя правила пользованія. На первыхъ же порахъ она исключительно заботилась только о томъ, чтобы сохранить за своими землями характеръ общинныхъ земель, и требовала выполненія всѣми членами общины однажды установленныхъ обычаевъ.

Промыслы, привлекшіе населеніе на Украину.

Земледѣліе не было единственнымъ занятіемъ, которое привлекало населеніе въ лѣвобережную Украину. Большое значеніе, въ этомъ отношеніи, имѣли мельничный промыселъ, а также насѣки. На рѣкахъ и маленькихъ рѣчкахъ устраивались запруды и строились мельницы, даже тамъ, гдѣ воды бывало достаточно только

весной (млины-вешняки). Устройство млина часто служило цѣлью и началомъ поселенія. Насколько важное значеніе имѣлъ мельничный промыселъ, можно судить по тому, что главный доходъ королевскихъ имѣній въ переяславскомъ староствѣ въ первой четверти XVII ст. состоялъ изъ сборовъ съ корчемъ и млиновъ (мельницъ). Если относиться съ довѣріемъ къ инвентарю имѣній Вишневецкихъ 1647 года, то въ Вишневетчинѣ насчитывалось 423 мельничныхъ колеса.

Медовая дань еще въ княжескомъ періодѣ составляла одинъ изъ видныхъ доходовъ. Значеніе ея не измѣнилось и послѣдующее время. Это объясняется условіями, очень благопріятными въ то время для пчеловодства на Украинѣ. Пчеловодство было сильно развито какъ въ сѣверной и средней Черниговщинѣ, такъ и въ Полтавщинѣ, а также далеко на югѣ въ степи по направленіи къ Дону. Мы имѣемъ свѣдѣнія о нападеніи въ первой половинѣ XVII в. казаковъ-уходниковъ на пасѣки, расположенныя въ степи за Ворсклой и Орелью.

Пчеловодство велось самымъ примитивнымъ способомъ. Въ мѣстностяхъ лѣсистыхъ преобладало бортничество. Это былъ исконный и любимый промыселъ еще въ древней Руси. Выдалбливались деревья лиственныхъ породъ, и въ такихъ искусственныхъ дуплахъ водились пчелы. Совокупность бортныхъ деревьевъ составляла „бортный уходъ“. Уходы обозначались особыми знаками. По мѣрѣ уменьшенія лѣса, борти замѣнялись ульями, и бортничество уступало мѣсто пасѣкамъ. Такую замѣну мы наблюдаемъ напримѣръ въ серединѣ XVII в. въ путивльскомъ уѣздѣ. Такъ какъ борти и пасѣки являлись виднымъ промысломъ, то возлѣ нихъ обыкновенно образовывались и поселенія. Село Гиринъ, глухов. уѣзда., черниг. губ., возникло, напр., изъ поселенія бортниковъ новгородсѣверскаго монастыря. Гдѣ было и поселеніе, тамъ была, конечно, и пашня.

Немалое значеніе при заселеніи Украины имѣли также будники, занимавшіеся добываніемъ поташа. Этотъ промыселъ былъ особенно распространенъ на сѣверѣ, гдѣ было много лѣсовъ. Но добываніемъ поташа занимались, по словамъ Яблоновскаго, и въ средней Полтавщинѣ, даже по нижней Ворсклѣ и Орели. Тамъ добывали его, вѣроятно, не только изъ древесной, но и изъ золы травянистыхъ степныхъ растеній. Еще въ 1622 году казна, отдавая Мирвицкимъ два городища на нижней Ворсклѣ — Глинскъ и Бѣльскъ, выговорила себѣ право добычи лѣсныхъ продуктовъ, среди которыхъ поташъ занималъ, конечно, одно изъ видныхъ мѣстъ. Въ мѣстахъ добыванія поташа обыкновенно возникали поселенія, хутора, такъ наз. буды.

Поташъ шелъ на выработку стекла. Стекло изготовлялось на особыхъ заводахъ, гутахъ. При стеклянныхъ заводахъ существовали поселенія, носившія также названіе гутъ. По условіямъ мѣстности, буды и гуты больше возникали въ лѣсистыхъ мѣстахъ Черниговщины, чѣмъ въ Полтавщинѣ.

Употреблялся также поташъ и для добыванія селитры.

Селитренный промыселъ въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII в. занималъ видное мѣсто въ Речи Посполитой и, въ частности, на Украинѣ. Селитра необходима была для изготовленія пороха. По словамъ Боплана, въ добываніи селитры особенно искусны были козаки. Изъ селитры козаки дѣлали превосходный порохъ.

Селитра является результатомъ разложенія азотистыхъ веществъ подъ вліяніемъ дѣятельности особыхъ бактерій. Этому способствуетъ влага и тепло. Для добыванія селитры въ XVI—XVII в. употребляли, главнымъ образомъ, такъ называемый буртовой способъ. Разлагающіеся органическіе (азотистые) отбросы, преимущественно, навозъ, перегной, собирали въ кучи,

смѣшивали съ рыхлой землей, добавляли известь, золу, поташъ и т. д. и оставляли ее на нѣкоторое время на воздухѣ, поливая водой, мочей, настоемъ навоза, пока не появлялись кристаллы селитры. Селитренныя кучи помѣщались чаще всего въ ямахъ. Для приготовленія такихъ ямъ и добыванія рыхлой земли пользовались старинными могилами-курганами и раскапывали ихъ, дѣлая въ серединѣ воронкообразное углубленіе. Такихъ раскопанныхъ могилъ для дѣланія селитры, называемыхъ майданами, разсѣяно много по Полтавщинѣ. В. Б. Антоповичъ отвергалъ возможность употребленія курганной земли для дѣланія селитры. Повидимому, онъ ошибался. На раскопку кургановъ съ цѣлью добыванія селитры есть немало положительныхъ указаній въ декретахъ судовъ [1]).

Селитренный промыселъ былъ широко раскинутъ по всей Полтавщинѣ. Районъ его въ актахъ опредѣлялся приблизительно такъ: „въ поляхъ дикихъ бѣлгородскихъ, очаковскихъ, путивльскихъ, около Муравскихъ (выше стр. 328) шляховъ татарскихъ [2]) и около рѣкъ Псла, Ворсклы и Орели и во всѣхъ диковизнахъ, гдѣ

[1]) А. В. Стороженко въ „очеркахъ переяславской старины" (стр. 118—119) полагаетъ, что для селитроваренія, главнымъ образомъ, употреблялись городища-майданы (по народной терминологіи раскопанныя могилы). По его мнѣнію, городища-майданы являлись ничѣмъ инымъ, какъ загонами для скота. Тамъ вѣками образовывались большіе залежи навоза. Смѣшавшись съ золой отъ очаговъ и подвергшись дѣйствію атмосферныхъ водъ, навозъ послужилъ къ образованію въ майданахъ богатыхъ селитренныхъ гнѣздъ, добычей которыхъ и занимались промышленники XVI в.

Объясненіе А. В. Стороженко имѣетъ въ виду готовыя уже гнѣзда селитры, образовавшіяся вѣками. Оно упускаетъ изъ виду спеціальный промыселъ добыванія селитры искусственнымъ путемъ, не только тамъ, гдѣ существовали раньше залежи навоза, но и тамъ, гдѣ навозъ приходилось предварительно заготовлять. Поташъ также заготовлялся въ большомъ количествѣ для образованія селитры.

[2]) Татарскіе шляхи подробно описаны у проф. *Д. И. Багалѣя* въ „очеркахъ изъ исторіи и колонизаціи степной окраины московск. государства" стр. 20 и слѣд.

бы могли найтись удобныя для дѣланія селитры городища, могилы и другія мѣста". Въ 16 20-хъ годахъ селитренный промыселъ въ королевскихъ имѣніяхъ въ Полтавщинѣ былъ выдѣленъ правительствомъ въ особую „державу". Для завѣдыванія имъ были назначены особые селитренные администраторы. Выработка селитры въ частныхъ имѣніяхъ подвергалась извѣстному ограниченію. На этой почвѣ произошелъ споръ съ Вишневецкими. Опекунъ князя Іереміи Константинъ Вишневецкій захватилъ въ свое владѣніе часть селитренныхъ угодій и отказался возвратить ихъ селитренной администраціи. Въ числѣ невозвращенныхъ былъ рядъ хуторовъ, основанныхъ при мѣстахъ добыванія селитры. Процессъ добыванія былъ продолжителенъ (2—3 года) и требовалъ наблюденія. Поэтому возлѣ селитренныхъ буртовъ обыкновенно возникали поселенія и жили селитренники.

Откуда приходило населеніе, заселившее лѣвобережную Украину въ XVI и XVII вв.?

Откуда приходили люди, которые заселили въ XVI и XVII вв. лѣвобережную Украину?

При отвѣтѣ на этотъ вопросъ, какъ справедливо замѣчаетъ А. М. Лазаревскій, нельзя устанавливать опредѣленныхъ періодовъ и различать время до и послѣ люблинской уніи. Направленіе, которымъ двигалось населеніе въ первую половину XVI вѣка, не измѣнилось и въ послѣдующее время. Для перемѣны не было ни причинъ, ни внѣшнихъ поводовъ, которые могли бы насильственно измѣнить какъ составъ, такъ и направленіе лѣвобережной колонизаціи. Замѣчено, что народъ обыкновенно идетъ на переселеніе разъ уже проторенными путями.

Ученые, доказывающіе фактъ запустѣнія Украины послѣ Батыева нашествія, полагаютъ, что, на смѣну ушедшаго населенія, новое пришло съ запада. Погодинъ считалъ мѣстомъ, изъ котораго вышли украинскіе колонисты, Карпаты. По мнѣнію Ключевскаго, большинство колонистовъ были потомками той Руси, которая ушла на западъ въ XII—XIII вв. и, живя тамъ,

среди литвы и поляковъ, сохранила свою народность. Они возвратились теперь на Украину изъ глубины Польши, изъ Галиціи и изъ Литвы. Въ связь съ ихъ возвращеніемъ Ключевскій ставитъ и вопросъ объ образованіи малорусскаго племени, какъ особой вѣтви русскаго народа.

Съ запада выводилъ колонистовъ, заселившихъ среднюю Полтавщину въ XVI вѣкѣ, и А. М. Лазаревскій. Населеніе въ Полтавщину—думалъ онъ—не могло идти съ сѣвера, изъ Черниговщины. Слишкомъ были различны природныя условія, да и не было побудительныхъ причинъ, которыя бы заставили черниговское населеніе передвигаться на новыя мѣста. Въ Полтавщину шло населеніе, главнымъ образомъ, изъ Подоліи. На это указываютъ названія селъ и деревень въ лѣвобережной Украинѣ. Немало среди нихъ одноименныхъ съ подольскими. Названія перенесены, очевидно, переселенцами. Изъ Подоліи гнали населеніе татарскія разоренія. Но тамъ, кромѣ того, чувствовался избытокъ его. На Подолію постоянно прибывали переселенцы изъ сосѣдней Галиціи. Метрополіей украинской колонизаціи А. М. Лазаревскій считаетъ, такимъ образомъ, Галицкую Русь. Вышедшіе изъ Галиціи переселенцы дополнили старое населеніе Подоліи и вмѣстѣ съ подолянами колонизовали Кіевщину и Полтавщину.

Покойный В. Б. Антоновичъ не раздѣлялъ этого мнѣнія. Онъ находилъ, что, на сколько исторія позволяетъ опредѣленно установить направленіе колонизаціи, послѣдняя въ XVI в. двигалась съ сѣвера на югъ, къ степи, а не съ запада на востокъ. Пришлый элементъ составляли бѣлоруссы, а туземный малороссы. Направленіе же колонизаціи въ XIII—XIV в. рѣшительно неизвѣстно.

Мысль о движеніи колонистовъ на Украину съ сѣвера на югъ доказываетъ и проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ.

Такое направленіе колонизаціи опредѣлялось, по его мнѣнію, географическими и соціальными условіями, а также и правительственными мѣрами. Переселенцы шли изъ Бѣлоруссіи, изъ Литвы, изъ Подоліи и изъ московскаго государства, но ни откуда больше (см. выше стр. 210). Среди переселенцевъ была извѣстная примѣсь инородческихъ элементовъ. Центральнымъ же зерномъ колонизаціи были „русскіе"—бѣлоруссы и москвичи. Поселившись среди туземнаго населенія, кіевскаго и сѣверянскаго, сохранившагося еще съ дотатарскаго времени, и смѣшавшись съ ними новые поселенцы постепенно сложились въ особую южно-русскую этнографическую группу. Языкъ люстраціонныхъ актовъ XVI в., по мнѣнію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, можетъ считаться образцомъ южно-русскаго говора половины XVI в.

Украинскихъ колонистовъ первой половины XVI в. выводитъ и Александръ Яблоновскій съ верховья Днѣпра и его верхнихъ притоковъ.

Когда же правобережная Украина въ достаточной степени заселилась, и туда все еще продолжали двигаться новые поселенцы, населеніе изъ правобережной Украины двинулось на лѣвый берегъ Днѣпра. Процессъ этотъ особенно замѣтенъ въ концѣ XVI и усиливается въ первой половинѣ XVII вѣка. По актамъ люблинскаго трибунала, разбиравшаго дѣла о бѣглыхъ крестьянахъ, можно прослѣдить не только направленіе колонизаціонной волны съ праваго берега на лѣвый, но даже путь, которымъ проходили переселенцы.

Этнографическій составъ переселенцевъ въ концѣ XVI и въ XVII в. не возбуждаетъ сомнѣній. Это были, главнымъ образомъ, украинцы (малороссы). Сложнѣе представляется вопросъ объ этнографическомъ составѣ населенія въ первую половину XVI в., когда послѣ разоренія Украины Менгли-Гиреемъ колонисты двинулись на югъ.

Яблоновскій справедливо находитъ, что колонизація изъ придѣловъ московскаго государства на Украину, вопреки мнѣнію проф. Владимірскаго-Буданова, не могла имѣть большого значенія, если, конечно, не считать переселенцевъ изъ Черниговщины, принадлежавшей Москвѣ съ 1503 года. Переселенцы двигались постепенно, осаживались сначала на ближайшихъ мѣстахъ и затѣмъ уже, толкаемые новыми пришельцами, двигались далѣе. Между Украиной и центромъ московскаго государства лежали обширныя незаселенныя пространства съ удобной для земледѣлія почвой. Трудно думать, чтобы жители московскаго государства проходили мимо ихъ и шли на Украину. А между тѣмъ заселеніе окраинъ московскаго государства въ XVI в. происходило слабо.

Среди переселенцевъ на Украину, если можно опредѣлить ихъ происхожденіе по мѣстностямъ, изъ которыхъ они выходили, въ первую половину XVI в. преобладали, по мнѣнію Яблоновскаго, бѣлоруссы. На Украинѣ они встрѣтились съ мѣстнымъ населеніемъ и растворились въ немъ, какъ растворялись пришельцы и другихъ народностей.

Въ лѣвобережной Украинѣ въ то время получилъ уже силу элементъ малорусскій (украинскій). Изъ смѣси остатковъ стараго сѣверянскаго населенія, севрюковъ, бродниковъ и новыхъ пришельцевъ, въ степной Украинѣ выработался особый типъ, малорусскій, отличный отъ сосѣднихъ и старшихъ типовъ той же группы, кіево-полѣсскаго и волынскаго съ подольскимъ.

Въ процессѣ образованія этого типа на лѣвой сторонѣ Днѣпра, какъ вообще въ процессѣ происхожденія украинскаго народа, Ал. Яблоновскій большое мѣсто отводитъ вліянію тюркскихъ элементовъ. Онъ даже думаетъ, что оріенталисты найдутъ еще больше указаній на это. Примѣсь тюркской крови, сильная и въ великорусскомъ племени, не сближаетъ, однако, этого послѣдняго съ племенемъ малорусскимъ. Въ образо-

ваніи обоихъ племенъ принимали участіе два совершенно различныхъ элемента. На образованіе великороссовъ оказали вліяніе сѣверные тюркцы, на образованіе малороссовъ—южные, происхожденія кавказскаго или крымско-черкесскаго. Это, по его мнѣнію не могло не отразиться на различіи въ характерѣ обѣихъ народностей.

Къ срединѣ XVI в. малорусскій этнографическій типъ на столько опредѣлился и укрѣпился въ лѣвобережной Украинѣ, что сталъ подчинять и растворять всѣхъ пришельцевъ, откуда бы они не появлялись.

Среди историковъ, такимъ образомъ, существуетъ два основныхъ направленія на процессъ заселенія Украины въ XVI—XVII в. Одни исходятъ изъ того положенія, что Украина, въ частности, Украина лѣвобережная, была пустыней, населеніе пришло на пустыя мѣста съ запада, изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ малорусскія (украинскія) племенныя отличія уже въ достаточной степени были выражены. Пришельцы и придали малорусскій (украинскій) характеръ тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ они поселились. Эта теорія устраняетъ трудный вопросъ объ украинскомъ языкѣ, объ украинскомъ національномъ типѣ, беря ихъ уже готовыми и перенося такими на новыя мѣста.

Другая теорія отрицаетъ полное запустѣніе Украины въ XIII—XV в. и названіе Украины пустыней принимаетъ только съ опредѣленными оговорками. Прежнее населеніе не оставило ее, а только значительно порѣдѣло. По происхожденію, населеніе это было малороссы (украинцы). Къ нимъ прибывали съ сѣвера новые колонисты, преимущественно, бѣлоруссы. Туземный, малорусскій элементъ былъ, однако, на столько силенъ, что растворилъ въ своей средѣ пришельцевъ и претворилъ ихъ въ свою національность. Примѣсь новыхъ пришельцевъ, въ свою очередь, должна была болѣе или менѣе отразиться на украинско-національномъ типѣ населенныхъ ими мѣстностей.

Ассимиляція пришлаго населенія не могла, такимъ образомъ, пройти безслѣдно для малорусскаго языка и народности. Гдѣ, въ чемъ и въ какой степени сказались слѣды ея?

Этнографія и археологія и вопросъ о колонизаціи лѣвобережной Украины.

А. М. Лазаревскій справедливо замѣтилъ, что, въ виду недостатка историческаго матеріала, при рѣшеніи вопроса о происхожденіи колонистовъ помочь можетъ матеріалъ этнографическій, сравнительное изученіе пѣсенъ и разныхъ житейскихъ обрядовъ. На сходство ихъ въ разныхъ частяхъ Украины, Галиціи и у бѣлоруссовъ, а также и на существенныя отличія указываетъ и проф. А. Е. Крымскій.

Сравнительное изученіе народнаго творчества на Украинѣ еще почти не начато. Правда, В. Милорадовичъ въ „Кіевской Старинѣ" въ статьѣ „къ вопросу о колонизаціи Посулья въ XVI-мъ и XVII вѣкахъ" и въ статьяхъ о „лѣсной Лубенщинѣ" сдѣлалъ частичную попытку въ этомъ направленіи. Онъ нашелъ нѣкоторую общность обрядовъ, повѣрій и сказокъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Лубенщины съ бѣлорусскими. Но матеріала, изученнаго имъ, еще слишкомъ мало, чтобы придти къ какому-нибудь положительному заключенію. В. Милорадовичъ допускаетъ только мысль, что „въ составъ населенія сѣверо-восточной части лубенскаго уѣзда вошелъ отдѣльными вкрапинами, между другими элементами, и бѣлорусскій".

При современномъ состояніи знаній исторія и этнографія, такимъ образомъ, безсильны разъяснить вопросъ объ украинской колонизаціи XV—XVI в. Фактовъ для этого слишкомъ мало. Они, къ тому же, разрознены, неясны, неопредѣленны и случайны.

Филологія и вопросъ о колонизаціи лѣвобережной Украины.

Археологія также дала до сихъ поръ только сбивчивые отвѣты [1]). Поэтому, ученые начинаютъ прибѣгать въ послѣднее время къ помощи филологіи. Путемъ изученія

[1]) Ср. *Мих. Грушевський* Спірні питання староруської етнографії въ сборникѣ „статьи по славяновѣдѣнію" вып. I, подъ редакціей ордин. акад. В. И. Ламанскаго. Спб. 1904.

отдѣльныхъ говоровъ и сопоставленія ихъ надѣются разрѣшить вопросъ о направленіи украинской колонизаціи и о происхожденіи колонистовъ.

Мысль привлечь филологію для разрѣшенія этихъ вопросовъ не нова. Филологіей широко пользовался въ своемъ спорѣ съ Погодинымъ Максимовичъ. Его филологическія письма, напечатанныя въ третьемъ томѣ собранія его сочиненій, и до сихъ поръ содержатъ богатый матеріалъ для выясненія многихъ вопросовъ, относящихся къ малорусской (украинской) народности. Наиболѣе полно использовалъ филологію для рѣшенія историческихъ вопросовъ, связанныхъ съ происхожденіемъ малорусскаго нарѣчія, П. И. Житецкій въ своимъ „очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія". Въ срединѣ 1880-хъ годовъ настойчиво выдвинулъ примѣненіе филологіи при разрѣшеніи вопроса объ украинской колонизаціи академикъ А. И. Соболевскій. Позже для той же цѣли филологіей пользовались проф. А. Е. Крымскій, акад. А. А. Шахматовъ и др.

Первый вопросъ, на который приходится отвѣтить филологамъ, когда заходитъ рѣчь о колонизаціи Украины, это: когда образовалось малорусское нарѣчіе и гдѣ?

Вопросъ о происхожденіи малорусскаго нарѣчія.

Среди филологовъ по этому поводу существуетъ разногласіе[1]). Въ 1850 хъ годахъ Срезневскій нахо-

[1]) Главнѣйшая литература о происхожденіи и развитіи малорусскаго нарѣчія: *И. И. Срезневскій*. Мысли объ исторіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій 2 изд. Спб. 1887. *П. А. Лавровскій*. О языкѣ сѣверно-русскихъ лѣтописей. Спб. 1852. *Его же*. Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями. Жур. М. Н. П. 1859 г. іюнь. *Его же*. статьи въ журналѣ „Основа" за 1861 г. августъ: „отвѣтъ на письма г. Максимовича г. Погодину о нарѣчіи малорусскомъ"; ноябрь и декабрь: по вопросу о южно-русскомъ языкѣ. *М. А. Максимовичъ*. Собраніе сочиненій т. Ш. *А. А. Потебня*. Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. Ворон. 1866. *Его же*. Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи въ Филол. Запискахъ 1870 г. *П. П.*

дилъ, что въ первые вѣка русской письменности русскій языкъ все еще былъ однороднымъ цѣлымъ, и лишь въ XIV в. можно наблюдать въ немъ обособленіе двухъ главныхъ нарѣчій—великорусскаго и малорусскаго.

Такого же мнѣнія придерживался и Лавровскій. Признаки возникновенія малорусскаго нарѣчія онъ видѣлъ не ранѣе XIII—XIV в., а окончательное образованіе его ставилъ въ связь съ политическимъ раздвоеніемъ Руси въ XIV в. Лавровскій подмѣтилъ въ малорусскомъ нарѣчіи и нѣкоторыя южно-славянскія, въ особенности, сербскія черты. Онъ объяснилъ ихъ тѣмъ,

---

Житецкій. Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. К. 1876. Акад. *А. И. Соболевскій.* Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 4-е М. 1907 г. *Его же.* Очеркъ русской діалектологіи: I великорусское нарѣчіе; II бѣлорусское нарѣчіе; III малорусское нарѣчіе въ „Живой Старинѣ" за 1892-й годъ. *Его же.* Древне-кіевскій говоръ въ „Извѣстіяхъ отд. рус. яз. и слов." 1905 г. т. X кн. 1 и отдѣльно. *Проф. А. Е. Крымскій.* Филологія и Погодинская гипотеза въ Кіев. Ст. 1898 и 1899 г. и отд. 1904 г. *Его же.* Украинская грамматика. М. 1907. *Его же.* Древне-кіевскій говоръ въ „Извѣстіяхъ отд. рус. яз. и слов." 1906 т. XI кн. 3 и отдѣльно. *А. А. Шахматовъ.* Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій въ Жур. М. Н. Пр. 1899 г. апрѣль. *Его же.* До питаня про початокъ української мови въ „Україні" 1914 г. кн. I. *Его же.* Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка во XI-мъ выпускѣ „Энциклопедія славянской филологіи" (указана обширная литература). Петр. 1915. *Акад. Ф. Е. Коршъ.* Де-що про вийстя вкраїнської народності въ „Записках наукового товариства імени Шевченка" 1913 р. CXVII і CXVIII, посвященныхъ д-ру Ивану Франку и „Де-що про нову теорію вийстя вкраїнського народа" въ „Україні" 1914 г. кн. Ш. *К. П. Михальчукъ.* Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины въ Трудахъ этногр.-стат. экспедиціи. Матеріалы и изслѣдованія, собр. П. П. Чубинскаго т. VII вып. 2. Спб. 1877. *Его же.* Къ южно-русской діалектологіи (рецензія на изслѣдованіе А. И. Соболевскаго о малорусскомъ нарѣчіи). Кіев. Ст. 1893 г. т. 42. *Его же.* Что такое малорусская (южнорусская) рѣчь? (изъ Кіевск. Стар.) К. 1899 г. *Его же.* Открытое письмо къ А. Н. Пыпину. К. 1909. *Ів. Зілінський.* Проба упорядкування українських говорів (указана новѣйшая литература). Въ „Зап. наук. т-ва ім. Шевченка у Львові". рік 1913, т. 117 и 118. Львів. 1914.

что малороссы выселились изъ-подъ Карпатъ, а тамъ жили когда-то въ сосѣдствѣ съ сербами.

Теорія Лавровскаго не умерла и до сихъ поръ. Въ послѣднее время, съ нѣкоторыми измѣненіями, ее поддерживалъ покойный академикъ Ф. Е. Коршъ. Рядъ сербизмовъ находилъ и онъ въ украинскомъ языкѣ. Происхожденіе ихъ Коршъ объяснялъ такъ. До XIII в. украинскій народъ, подъ разными названіями—полянъ, древлянъ и т. д., занималъ пространство между Днѣпромъ и Карпатами. Въ XIII в., очевидно, подъ вліяніемъ татарскаго нашествія, значительная часть его подалась на западъ. Но она не дошла до своихъ прикарпатскихъ родичей. Одни остановились возлѣ польскихъ земель, другіе подвинулись дальше, къ сербамъ или хорватамъ. Тамъ-то, на новыхъ мѣстахъ, по мнѣнію Корша, и выработался тотъ украинскій языкъ, который, въ главныхъ чертахъ, извѣстенъ съ XIV столѣтія, и который потомъ переселенцы понесли на востокъ. Благодаря колонизаціи, украинскій языкъ получилъ ту сравнительную одинаковость, которую мы встрѣчаемъ въ говорахъ разныхъ частей Украины.

Взглядъ Срезневскаго и Лавровскаго въ свое время встрѣтилъ серьезныя возраженія М. А. Максимовича. Максимовичъ первый привлекъ обширный филологическій матеріалъ для рѣшенія вопроса о „старобытности малороссійскаго нарѣчія“ [1]). Въ настоящее время нѣкоторые

[1]) Филологическая терминологія крайне сбивчива. „Никто, говоритъ Потебня, до сихъ поръ точно не опредѣлилъ и никогда не опредѣлитъ разницы между нарѣчіемъ и говоромъ. Каждый имѣетъ полное право думать, что рѣчь, имѣющая 5, 10 и т. д. отличій отъ другой, принятой за мѣрку, есть говоръ, но, съ появленіемъ шестого, одиннадцатаго и т. д. признака, она становится нарѣчіемъ“. Ср. также *К. Михальчукъ*. Что такое малорусская (южнорусская) рѣчь? (изъ „Кіев. Стар.). К. 1899 г. стр. 2 и слѣд.

Я употребляю такую условную терминологію: изъ общерусскаго праязыка выдѣлилось малорусское *нарѣчіе*. Оно дѣлится на сѣверорусское и южнорусское *поднарѣчія*. Послѣднія, въ свою очередь, распадаются на рядъ *говоровъ*, болѣе или менѣе близкихъ или далекихъ другъ къ другу.

выводы и взгляды Максимовича, конечно, устарѣли. Но основная точка зрѣнія его на древнее происхожденіе малорусскаго нарѣчія, въ смыслѣ выдѣленія его, наравнѣ съ двумя другими русскими нарѣчіями, изъ языка общерусскаго, защищается и другими филологами.

Русскій языкъ, въ обширномъ смыслѣ, Максимовичъ понималъ какъ родовое имя. Соотвѣтственно тремъ видамъ русскаго народа, русскій языкъ распадается на три нарѣчія—южнорусское, великорусское и бѣлорусское, или литовско-русское. Нарѣчія эти, по мнѣнію Максимовича, существенно отличаются другъ отъ друга, поэтому, онъ признавалъ ихъ самостоятельными языками, наряду съ другими западно-славянскими языками, напрім., польскимъ, сербскимъ, чешскимъ и словацкимъ. Южно-русскій языкъ образовался еще въ древнее, до-татарское время, сначала въ Кіевщинѣ, въ землѣ полянъ, затѣмъ въ Червоной Руси, подъ вліяніемъ кіевской, или поляно-русской рѣчи. Поэтому Максимовичъ и считалъ кіево-перечславскую рѣчь главной, образцовой и болѣе чистой, сравнительно съ рѣчью сѣверской, слобожанской (харьковской) волыно-подольской.

Не соглашался съ Срезневскимъ и Лавровскимъ и А. А. Потебня. Въ основѣ современныхъ нарѣчій онъ признавалъ „одинъ, конкретный, нераздробленный языкъ, уже отличный отъ другихъ славянскихъ". Раздробленіе этого языка на нарѣчія началось задолго до XII в. Въ началѣ XIII вѣка, значитъ, до нашествія татаръ, малорусское нарѣчіе уже существовало.

Потебня, такимъ образомъ, выдвинулъ мысль о существованіи русскаго праязыка, изъ котораго потомъ выдѣлились русскія нарѣчія. Существованіе такого языка признаютъ и послѣдующіе филологи, П. И. Житецкій. А. И. Соболевскій, акад. А. А. Шахматовъ, проф. Е. Ф. Карскій и др. На русскомъ праязыкѣ, по мнѣнію акад. Шахматова, говорили предки современныхъ великоруссовъ, бѣлоруссовъ и малороссовъ. Это

было славянское нарѣчіе, которое обособилось отъ другихъ славянскихъ языковъ и заняло восточные предѣлы славянскаго міра. Нарѣчіе это господствовало на Руси до появленія письменности, до XI в. Сохранять долго свое единство общерусскій праязыкъ не могъ, въ виду обширности территоріи, которую онъ занималъ, и различія географическихъ и историческихъ условій, въ которыхъ находились отдѣльныя части территоріи и населявшіе ее племена. Началось раздробленіе праязыка. Одни изъ филологовъ признаютъ, что изъ общерусскаго праязыка непосредственно развились нарѣчія—малорусское, великорусское и бѣлорусское. Академикъ же Шахматовъ, въ виду сложности процесса образованія нарѣчій, допускаетъ при этомъ переходную ступень. Въ до-татарскую (древнерусскую) эпоху современнымъ нарѣчіямъ предшествовали другія, нѣсколько отличныя отъ нихъ. А. А. Шахматовъ называетъ ихъ южнымъ, сѣвернымъ и восточнымъ. Современныя нарѣчія являются дальнѣйшимъ ихъ развитіемъ и выработались уже послѣ татаръ и подъ вліяніемъ ихъ нашествія, въ связи съ перемѣной политическихъ центровъ и передвиженіями населенія, которыя имѣли мѣсто, начиная съ XIII в.

Временемъ окончательнаго распаденія общерусскаго языка на нарѣчія филологи, во всякомъ случаѣ, считаютъ до-татарскую эпоху. Къ XIII в. всѣ главнѣйшія особенности современныхъ говоровъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ, въ большей или меньшей степени, считаются уже сложившимися.

Вопросъ о мѣстѣ образованія малорусскаго нарѣчія и о племенахъ, говорившихъ на немъ въ до-татарское время, вызываетъ среди филологовъ разногласія. Мѣстомъ зарожденія малорусскаго языка Максимовичъ считаетъ землю полянъ. П. И. Житецкій древнѣйшимъ говоромъ малорусскаго нарѣчія считалъ сѣверный, т. е. тотъ, который распространенъ въ Подлясьѣ (части гродненской и сѣдлецкой губерній), по теченію Десны

(въ черниговской губ.) и по теченію Припяти въ сѣверной части кіевской и волынской губерній и въ южной части минской. Кіевъ стоялъ „въ южномъ центрѣ этихъ мѣстностей". Древне-кіевская рѣчь въ до-монгольскій періодъ изобиловала малорусскими архаизмами, свойственными сѣверному говору. Архаизмы эти уменьшались, по мѣрѣ приближенія къ западу, къ землѣ дулѣбовъ и хорватовъ. Исчезли они только впослѣдствіи, съ развитіемъ украинскаго говора. Изъ сѣвернаго говора, къ концу кіевской эпохи и въ первые годы татарщины, на югѣ отдѣлились говоры галицкій и волынскій, а изъ волынскихъ разнорѣчій впослѣдствіи выдѣлился говоръ украинскій. Такимъ образомъ, волынское Полѣсье, по мнѣнію П. И. Житецкаго, было мѣстомъ первоначальнаго образованія современнаго малорусскаго нарѣчія. Этому способствовали географическія, этнографическія и историческія условія, которымъ П. И. Житецкій въ исторіи развитія украинскаго языка отводитъ первенствующую роль.

Акад. А. И. Соболевскій родиной малорусскаго нарѣчія считаетъ юго-западный уголъ древне-русской земли, гдѣ находились галицкое и волынское княжества, которыя въ концѣ XII в. объединились въ одно политическое цѣлое. Кіевщина не имѣла съ этими княжествами близкихъ связей. Отъ нихъ ее отдѣляло болотистое и слабо населенное Полѣсье. Языкъ кіевской Руси былъ близокъ къ языку дреговицкой и сѣверской области, а не галицкаго и волынскаго княжествъ, и принадлежалъ, такимъ образомъ, къ говорамъ, которые входили въ составъ великорусскаго нарѣчія.

Новѣйшія изслѣдованія показали, однако, ошибочность послѣдняго утвержденія А. И. Соболевскаго. Проф. А. Е. Крымскій признаетъ старо-кіевскій говоръ предкомъ нынѣшней малорусской рѣчи сѣверной и средней Кіевщины и Черниговщины съ прилегающими частями Полѣсья. Академикъ Шахматовъ въ новѣйшемъ своемъ трудѣ считаетъ населеніе сѣверныхъ уѣздовъ кіев-

ской губерніи и современной Волыни, южныхъ уѣздовъ Черниговщины и сѣверной Полтавщины прямыми потомками полянъ, древлянъ, сѣверянъ, которые всѣ были южно-руссами и говорили въ до-татарскую пору на южномъ нарѣчіи съ различными, конечно, оттѣнками.

Акад. Шахматовъ значительно расширяетъ территорію первоначальнаго господства, значитъ, и образованія южнаго нарѣчія, послужившаго основой для нарѣчія малорусскаго. По его мнѣнію, современные малороссы пришли въ Поднѣпровье еще въ до-историческое время и до сихъ поръ сидятъ въ тѣхъ предѣлахъ, которые обезпечило имъ кіевское государство. Кромѣ того, они расширили свои поселенія на востокѣ, въ лѣвобережной Украинѣ. На всемъ пространствѣ отъ береговъ Припяти до Чернаго моря, отъ Днѣпра до Карпатъ малороссы (украинцы) говорятъ такими говорами, которые ясно свидѣтельствуютъ объ исконномъ племенномъ ихъ единствѣ. А. А. Шахматовъ признаетъ единоплеменными полянъ, древлянъ, волынянъ, тиверцевъ, хорватовъ и другихъ лѣтописныхъ обитателей юга и считаетъ, что всѣ они были предками современныхъ малороссовъ (украинцевъ). Въ послѣднее время въ число этихъ предковъ онъ зачисляетъ и сѣверянъ. Раньше онъ оспаривалъ это.

Южнорусская группа лѣтописныхъ племенъ говорила общимъ нарѣчіемъ. Оно отличалось въ лѣсистомъ Полѣсьѣ и на степномъ югѣ. Племена, поэтому, рано стали дѣлиться на сѣверныя и южныя, не только по мѣсту жительства, но и по говорамъ. Впослѣдствіи, послѣ татарскаго нашествія, когда окончательно сложилось малорусское нарѣчіе, у него имѣлась уже готовая основа для выдѣленія двухъ поднарѣчій, сѣвернаго и южнаго. Время этого выдѣленія неизвѣстно. А. И. Соболевскій полагаетъ, что къ XVI вѣку поднарѣчія уже существовали. Существеннымъ отличіемъ ихъ служитъ произношеніе отдѣльныхъ словъ: въ сѣверномъ съ гласными *у*, *ю* или разнообразными двоегласными, напр.,

купь, кюнь, куонь, куэвь, кунь, кынь; въ южныхъ— съ гласнымъ *і* въ тѣхъ же случаяхъ, напр., кінь.

Поднарѣчія эти существуютъ и въ настоящее время. Слѣдуя А. И. Соболевскому, территорію ихъ можно приблизительно опредѣлить такъ. Сѣверо-малорусское поднарѣчіе обнимаетъ сѣверную и сѣверо-западную часть малорусской (украинской) территоріи и слышится въ значительной части малорусскихъ уѣздовъ черниговской губерніи, въ частяхъ переяславскаго и пирятинскаго уѣздовъ полтавской губ., въ сосѣдней части кіевской, въ сѣверной части волынской (въ Полѣсьѣ), въ юго-западной минской и въ малорусскихъ частяхъ губерній гродненской и сѣдлецкой. Южно-малорусскому поднарѣчію принадлежитъ вся остальная часть малорусской (украинской) территоріи съ малорусской частью люблинской губерніи, Галиціей и Буковиной.

Поднарѣчія не являются однородными. Среди нихъ мы имѣемъ еще рядъ переходныхъ говоровъ, преимущественно, на пограничьяхъ ихъ языковыхъ территорій. Такъ у сѣверно-малорусскаго поднарѣчія есть переходной къ бѣлорусскому на сѣверѣ и къ южно-малорусскому на югѣ.

Среди южно-малорусскаго поднарѣчія самымъ обширнымъ говоромъ является украинскій. Онъ сдѣлался украинскимъ литературнымъ языкомъ. Украинскій говоръ распространенъ въ небольшой части черниговской губ., въ значительной части полтавской, въ харьковской, курской, воронежской, землѣ войска донскаго, въ екатеринославской, южной части кіевской (отъ р. Роси), въ восточной части подольской, въ части волынской, въ Новороссіи, въ Поволжьѣ, на Кубани. На западѣ украинскій говоръ переходитъ въ близкіе къ нему говоры западно-волынскій и подольскій, заходящіе въ Галицію и въ сосѣднія губерніи Россіи [1].

---

[1]) И. Зилинській предлагаетъ иную схему дѣленія малорусскихъ (украинскихъ) говоровъ. Прежде всего онъ дѣлитъ ихъ на двѣ

Говоры не представляютъ изъ себя чего-то застывшаго, неподвижнаго. Со времени выдѣленія малорусскаго нарѣчія, они пережили очень долгую и сложную эволюцію. Это сказывается на томъ безконечномъ разнообразіи отдѣльныхъ мѣстныхъ говоровъ и говорковъ, которые наблюдаются на малорусской языковой территоріи.

Среди причинъ, которыя могли влiять на раздробленіе украинскаго (малорусскаго) языка, можно указать на разницу въ географическомъ положеніи различныхъ говоровъ. Естественно, въ гористыхъ Карпатахъ и въ болотистомъ Полѣсьѣ должно было сохраниться больше архаизмовъ и возникнуть большее количество говоровъ, чѣмъ въ степи. Не меньшее значеніе имѣли постоянныя передвиженія украинскаго (малорусскаго) населенія, принадлежность отдѣльныхъ частей его къ различнымъ политическимъ единицамъ, вліяніе сосѣдей и т. д. Нельзя отрицать значенія и тѣхъ органическихъ законовъ, которые вліяютъ на развитіе языка вообще и измѣняютъ его какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи.

Сложность причинъ, обусловливающихъ развитіе языка, дѣлаетъ очень затруднительнымъ и условнымъ примѣненіе филологіи къ объясненію историческихъ явленій. Прослѣдить исторически развитіе живого народнаго языка по эпохамъ, при современномъ состояніи знаній, не представляется возможнымъ. Филологи прибѣгаютъ преимущественно къ изученію письменныхъ памятниковъ. Между тѣмъ книжная рѣчь южной Руси и въ до-татарское и въ послѣ-татарское время

группы (нарѣчія): юго-восточную и сѣверо-западную. Каждая изъ этихъ группъ, въ свою очередь, распадается у него на два поднарѣчія (говора): сѣверо-западная—на говоры полѣсскіе и подлясскіе или сѣверо-украинскіе и говоры карпатскіе; юго-восточная—на говоры восточные, или наднѣпровскіе, и на говоры западные или средніе. Каждый изъ говоровъ имѣетъ свои подраздѣленія. Кромѣ того, есть еще говоры переходные отъ одной группы къ другой.

была далекой отъ живой народной рѣчи. Въ нее случайно только попадали элементы живого народнаго малорусскаго языка, когда отъ него не могъ отрѣшиться книжникъ. Памятниковъ съ признаками малорусской рѣчи сохранилось достаточно, но они болѣе поздняго времени. Раннихъ, до XVI вѣка, какъ видно изъ обзора ихъ, сдѣланнаго проф. А. Е. Крымскимъ въ „Украинской грамматикѣ", немного. Изслѣдованіе памятниковъ въ смыслѣ изученія въ нихъ элементовъ малорусскихъ, находится еще въ зачаточномъ состояніи. Вслѣдствіе этого и выводы еще не прочны. Это мы видимъ, напр., изучая произведенія такого глубокаго изслѣдователя, какъ акад. А. А. Шахматовъ. Научныя заключенія его не разъ уже, при дальнѣйшей работѣ, кореннымъ образомъ измѣнялись. Полемика проф. А. Е. Крымскаго съ акад. А. И. Соболевскимъ также показываетъ, на сколько далеки мы отъ пріобрѣтеній филологіи, которыми можно было бы воспользоваться, какъ научными истинами, для разъясненія темныхъ вопросовъ украинской колонизаціи XV—XVI вѣковъ.

Мнѣніе А. И. Соболевскаго о направленіи украинской колонизаціи.

А. И. Соболевскій считаетъ несомнѣннымъ, что въ XVI столѣтіи сѣверно-малорусскіе говоры слышались въ волынскомъ Полѣсьѣ, въ частяхъ нынѣшней минской, гродненской и сѣдлецкой губерній, на сѣверѣ Кіевщины, въ самомъ Кіевѣ, и дальше на югъ, въ средней Кіевщинѣ и въ юго-восточной окраинѣ волынскаго Полѣсья, въ житомирскомъ уѣздѣ, гдѣ теперь существуютъ переходные говоры отъ сѣверно-малорусскаго къ южно-малорусскому. Южно-малорусскій говоръ господствовалъ въ Подоліи и Галиціи съ прилегающей къ ней частью волынской губерніи. Къ южно-малорусскому былъ близокъ въ XVI в. и говоръ обитателей Украины. Отсюда акад. Соболевскій дѣлаетъ заключеніе, что „главная масса украинцевъ въ XVI в. вышла въ Украину изъ Подолья и Галиціи и изъ сосѣдней съ ними части волынской губерніи". Въ массѣ этой „исчезло безслѣдно то сравнительно ничтожное

количество колонисотвъ, которое дало Украинѣ Полѣсье, Кіевщина и Бѣлоруссія". Полѣщуки, по мнѣнію акад. Соболевскаго, переселялись, главнымъ образомъ, въ древнюю Сѣверщину.

Такое направленіе колонизаціи опредѣлялось историческими условіями того времени. Населенію Подоліи, Галиціи и юго-западной Волыни можно было идти только въ степь, опираясь на замки Винницы и Брацлава. Другого мѣста у нихъ для колонизаціи не было. Что касается полѣщуковъ и ихъ сосѣдей съ сѣвера, бѣлоруссовъ, то по Припяти и ея притокамъ они шли на востокъ, въ Заднѣпровье, гдѣ мы ихъ и видимъ въ древней Сѣверщинѣ. Они заняли тамъ свободныя мѣста, которыя или раньше были незаселены, или же лишились населенія въ эпоху самозванцевъ. Прежнее населеніе Сѣверщины, по мнѣнію А. И. Соболевскаго, было великорусское, а не малорусское.

Послѣднее утвержденіе оспариваетъ проф. А. Е. Крымскій. Населеніе древней Сѣверщины онъ, мы знаемъ, признаетъ малорусскимъ. Къ тому же заключенію, пришелъ въ послѣднее время и академикъ Шахматовъ.

Мнѣніе А. А. Шахматова.

Относительно направленія колонизаціи на Украину въ XVI в. и ея этнографическаго состава А. А. Шахматовъ, въ значительной степени, раздѣляетъ мнѣніе А. И. Соболевскаго. Коренное населеніе сѣверныхъ уѣздовъ кіевской губерніи и современной Волыни, а также южныхъ уѣздовъ Черниговщины и сѣверныхъ Полтавщины онъ признаетъ прямыми потомками полянъ, древлянъ и сѣверянъ. Населеніе же болѣе южныхъ мѣстностей—это, по его мнѣнію, выходцы съ юго-запада. Они принесены туда колонизаціонной волной, хлынувшей на востокъ, какъ только литовско-русскіе князья создали для колонизаціи юга подходящія условія. Основаніе для такого утвержденія А. А. Шахматовъ видитъ въ звуковыхъ различіяхъ между южными и сѣверными малорусскими говорами. Говоръ съ і (кінь, віл) на-

блюдается не только въ Слободской Украинѣ, въ Полтавщинѣ и Кіевщинѣ, но также въ подольской губ. и въ Галиціи. Отсюда академикъ Шахматовъ дѣлаетъ заключеніе, что переселенцы въ южную Кіевщину, Полтавщину и Слободскую Украину шли изъ Подоліи и Галиціи.

Такую мысль раньше высказалъ А. М. Лазаревскій на основаніи историческихъ фактовъ.

Мнѣніе А. М. Лазаревскаго, А. Е. Крымскаго и др.

Выводъ А. М. Лазаревскаго не согласуется съ заключеміемъ другихъ историковъ. Его оспариваетъ, съ филологической точки зрѣнія и проф. А. Е. Крымскій. Возраженія проф. Крымскаго косвенно, такимъ образомъ, направлены и противъ академиковъ Соболевскаго и Шахматова.

А. М. Лазаревскій считалъ Галичину метрополіей украинской колонизаціи въ XVI вѣкѣ и совершенно не признавалъ притока на Украину колонистовъ изъ сѣверно-малорусскихъ областей. Проф. Крымскій находитъ это не согласнымъ съ филологическими наблюденіями. Сходство украинскаго нарѣчія съ галицкимъ замѣчается только въ такихъ фонетическихъ[1]) чертахъ, которыя могли развиться самостоятельно, безъ всякаго участія галицкаго, да и вообще всякаго западно-русскаго нарѣчія. Зато украинское нарѣчіе въ другихъ фонетическихъ чертахъ, а также въ морфологіи [2]) и лексикѣ чрезвычайно близко къ рѣчи черниговской и сѣверно-кіевской. Поэтому, какъ говорили раньше уже Максимовичъ и акад. Ягичъ, украинское нарѣчіе не можетъ быть произведено изъ галицкаго. Галицкое вмѣстѣ съ другими западно-русскими нарѣчіями только участвовало въ образованіи нарѣ-

---

1) *Фонетическій*=звуковой. Терминъ этотъ примѣняется къ тѣмъ звуковымъ измѣненіямъ, которыя естественно и закономѣрно вытекаютъ изъ самой природы какого-нибудь звука. *Проф. Крымскій* Украинская грамматика ч. I, в. 1, стр 91.

2) *Морфологія*—наука объ образованіи формъ. Морфологическій=формообразовательный (падежи, спряженія, залоги, виды и т. д.).

чія украинскаго. Основу же его составляли сѣверно-малорусскіе элементы. Они же играли немаловажную роль и въ образованіи украинскаго населенія. Такимъ образомъ, проф. Крымскій филологически поддерживаетъ выводы тѣхъ историковъ (В. Б. Антоновичъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Ал. Яблоновскій), которые находили, что колонизація на Украину двигалась, главнымъ образомъ, съ сѣвера. Историки видятъ въ этихъ переселенцахъ бѣлорусовъ; проф. Крымскій сѣверно-малорусовъ, что, конечно, точнѣе.

Не одни, понятно, сѣверно-малоруссы и бѣлоруссы приливали на Украину. Шли переселенцы и съ запада: подоляне, волыняне, а, быть можетъ, и галичане. Мы не говоримъ уже о кіевскомъ побережьѣ Днѣпра. Оно находилось въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи съ лѣвымъ берегомъ Днѣпра.

Филологія, такимъ образомъ, мало пока подвинула и освѣтила вопросъ объ украинской колонизаціи XVI вѣка. Онъ остается въ такомъ же неясномъ и неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ, за недостаткомъ историческихъ фактовъ, вышелъ изъ рукъ историковъ. Все же путемъ филологическимъ достигнуты нѣкоторые результаты. Однимъ изъ важнѣйшихъ является распредѣленіе говоровъ на украинской языковой территоріи.

Схема украинской колонизаціи П. Н. Милюкова.

На основаніи изученія карты говоровъ сдѣлалъ попытку подойти къ разрѣшенію вопроса о колонизаціи Украины П. Н. Милюковъ въ первомъ томѣ „очерковъ по исторіи русской культуры".

Большое значеніе въ исторіи древнерусскихъ племенъ П. Н. Милюковъ придаетъ на югѣ тюркскимъ нашествіямъ. Рядъ племенъ—дулѣбы, уличи, тиверцы, даже поляне и значительная часть древлянъ и сѣверянъ, навѣрно, по его мнѣнію, не пережили тюркскихъ нашествій. Украина оказалась запустѣвшей.

Нашествіе тюрковъ нарушило этнографическую чистоту на югѣ. Безпримѣсное славянское населеніе

П. Н. Милюковъ видитъ только на западѣ отъ теперешней кіевской губерніи, на Волыни. Коренное населеніе Волыни было родственно хорватамъ въ Галиціи и вмѣстѣ съ ними принадлежало къ предкамъ малорусскаго племени. Такимъ образомъ, древнимъ мѣстомъ жительства украинцевъ П. Н. Милюковъ считаетъ верховья Днѣстра, двухъ Буговъ и Припяти. Отсюда они, подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, начали колонизацію на югъ и на лѣвый берегъ Днѣпра. Тюрки сдерживали ихъ. Нѣмую исторію борьбы съ ними П. Н. Милюковъ видитъ на этнографической картѣ. Узкая полоса сѣверно-малоруссовъ (украинцевъ) на правомъ берегу Днѣпра, значительно расширяющаяся на лѣвомъ указываетъ на переселеніе ихъ сюда. Переселеніе это П. Н. Милюковъ относитъ къ XIV—XVI в. Что касается средней полосы украинскаго говора, то она лежитъ на границѣ прежнихъ тюркскихъ и татарскихъ опустошеній. Въ XVI вѣкѣ, съ ослабленіемъ ихъ, украинцы средней полосы могли продвинуться только въ кіевскую губернію. Въ XVII в. они перешли на лѣвый берегъ Днѣпра и дальше на востокъ. Поселенія южныхъ украинцевъ въ подольской губерніи, на югѣ кіевской, въ харьковской и воронежской не восходятъ ранѣе XVII вѣка. Заселеніе степи, теперешнихъ херсонской и екатеринославской губерній началось только въ XVIII в., когда степь сдѣлалась безопасной.

Возможное направленіе украинской колонизаціи до XVI в.

Схема украинской колонизаціи, предложенная П. Н. Милюковымъ, вѣрная для болѣе поздняго времени, не можетъ быть принята для эпохи болѣе ранней, до XVI вѣка.

Современныя историческія и филологическія данныя, какъ они ни скудны и противорѣчивы, даютъ возможность набросать иное направленіе украинской колонизаціи.

Съ распаденіемъ древнерусскаго языка стало, выдѣляться малорусское нарѣчіе. Выдѣленіе его могло начаться въ до-историческое время или въ первые вѣка

исторіи. Ко времени особенно сильнаго напора тюркскихъ кочевниковъ, въ XI—XII в., малорусское нарѣчіе, или южнорусское, какъ полагаетъ акад. Шахматовъ, уже, въ главныхъ своихъ чертахъ, существовало. Въ послѣдующіе вѣка оно получило только дальнѣйшее развитіе. Нарѣчіемъ этимъ говорили южно-русскія племена: сѣверяне, поляне, древляне, волыняне, тиверцы, хорваты и т. д. Зачатки говоровъ сѣверо-малорусскаго и южно-малорусскаго вѣроятно, существовали у нихъ въ то отдаленное время.

Большинство южно-русскихъ племенъ жило па правой сторонѣ Днѣпра. Только племя сѣверянъ занимало территорію на лѣвомъ берегу. На сѣверѣ оно доходило до Десны и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вѣроятно, переходило Десну. На югѣ сѣверяне простирались до р. Сулы. Но колонизація ихъ могла идти и дальше, до Донца и Дона.

Движеніе бѣлорусскихъ племенъ съ сѣвера сдѣлало этнографической границей для сѣверянъ рѣку Десну; для правобережныхъ же южно-русскихъ племенъ—р. Припять. На этомъ этнографическомъ пограничьѣ выработались переходные бѣлорусско-малорусскіе говоры.

Съ юга сѣверянъ и полянъ въ XI—XII вѣкахъ стали тѣснить тюркскіе кочевники. Поляне и, въ особенности, сѣверяне должны были отступить къ сѣверу. Предъ нашествіемъ татаръ южной этнографической границей для полянъ на правомъ берегу Днѣпра была р. Рось. На лѣвомъ берегу—у сѣверянъ граница въ степи постоянно колебалась. Выше р. Трубежа, гдѣ жили переяславскіе торки, къ сѣверу, она, надо полагать, никогда не поднималась. На востокѣ южная граница спускалась даже ближе къ р. Удаю и Сулѣ, какъ это можно заключить по сохранившимся въ той мѣстности названіямъ древне-русскихъ городовъ.

Въ этихъ историческихъ границахъ приблизительно господствуетъ и теперь сѣверно-малорусскій

говоръ, считающійся основой малорусскаго нарѣчія. Онъ показываетъ, что въ предѣлахъ его живутъ потомки древняго населенія. Главная масса этого населенія осталась, надо полагать, на прежнихъ мѣстахъ. Пришельцы не нарушили ихъ жизненнаго уклада. Этому способствовало то обстоятельство, что свободной земли было много, населеніе же въ древности вообще было рѣже. Къ тому же и пришельцы были близки по происхожденію. Они, должно быть, были выходцами съ праваго берега Днѣпра—потомками древлянъ, полянъ, ближайшихъ сосѣдей. На новыхъ мѣстахъ они скоро слились съ туземцами.

Колонизація эта, начавшись въ до-татарское время, продолжалась и послѣ нашествія татаръ, когда заселялись въ южной Черниговщинѣ и Переяславщинѣ старыя селища и городища. Движеніе населенія сюда происходило, такимъ образомъ, съ сѣверо-запада, изъ кіевскаго, а, быть можетъ, и волынскаго Полѣсья. Этому способствовало направленіе рѣкъ, которыми населеніе пользовалось, какъ путями сообщенія и колонизаціи.

Иными, болѣе сложными этапами прошли колонисты средней и южной Полтавщины.

Жители этой части полтавской губерніи пользуются украинскимъ говоромъ, который принадлежитъ къ говорамъ южно-малорусскимъ. Въ древности, южнорусскимъ говоромъ пользовались жители Подоліи, Галиціи съ прилегающими къ нимъ частями волынской губерніи.

Когда съ литовскимъ завоеваніемъ и съ дѣятельностью Витовта и его преемниковъ началось заселеніе брацлавскихъ пустынь, населеніе стало подвигаться туда. Шло оно первоначально, конечно, съ сѣвера. Такъ, по крайней мѣрѣ, двигалось помѣщичье землевладѣніе, и панскіе осадчіе, на первыхъ порахъ, надо полагать, набирали поселенцевъ въ Кіевщинѣ и на волыскомъ Полѣсьѣ. Крестьяне также бѣжали оттуда, когда въ тѣхъ мѣстахъ сталъ усиливаться крѣпостной

гнетъ. Эти сѣверные переселенцы могли принести въ Брацлавщину сѣверно-малорусскій говоръ, на сильное вліяніе котораго въ говорѣ украинскомъ указываетъ проф. Крымскій. Вслѣдъ за первой, нѣсколько искусственной, колонизаціей въ Брацлавщину потянулась другая, народная. Она шла изъ юго-западной Волыни, изъ Подоліи и изъ Галиціи. Наибольшаго напряженія колонизація въ Брацлавщинѣ пріобрѣла въ XIV—XV ст. Въ то время здѣсь и нужно искать зарожденія украинскаго говора. Его начали вырабатывать сошедшіеся для совмѣстной жизни пришельцы изъ разныхъ мѣстъ Украины, изъ Кіевщины, Волыни, Подоліи и Галиціи на основѣ принесенныхъ каждымъ изъ нихъ говоровъ.

Усиленіе татарскихъ набѣговъ и опустошеніе Брацлавщины заставляло населеніе двигаться дальше на востокъ, въ предѣлы теперешней Кіевщины. Населеніе, конечно, уносило съ собой и свой новый говоръ. На новыхъ мѣстахъ онъ еще больше обособлялся отъ говоровъ, легшихъ въ его основу, и пріобрѣталъ свои характерныя черты. Нужно думать, украинскій говоръ окончательно сложился въ южной Кіевщинѣ (отъ р. Роси), когда туда изъ Брацлавщины передвинулось населеніе и стало заселять кіевскія степи. Проф. Крымскій находитъ, что и теперь самый чистый украинскій говоръ сохраняется въ средней и южной Кіевщинѣ.

Изъ Кіевщины, когда тамъ усилилось панское землевладѣніе и съ конца XVI в. начались козацкія войны, населеніе усиленно двинулось на лѣвый берегъ Днѣпра. На первыхъ порахъ нѣтъ свѣдѣній о массовыхъ передвиженіяхъ. Переселялись отдѣльныя лица и семьи. Но въ первой четверти XVII в. движеніе населенія на лѣвый берегъ Днѣпра такъ усилилось, что приняло характеръ массового. Тогда возникъ цѣлый рядъ поселеній въ Вишневетчинѣ. Переселенцы принесли съ собой изъ Кіевщины и Брацлавщины украинскій говоръ, который и зазвучалъ въ лѣвобережной Украинѣ. Для большин-

ства онъ былъ роднымъ. Приходившіе съ сѣвера уходники-бѣлоруссы, добродеревцы, остававшіеся потомъ на постоянное жительство, тонули въ общей массѣ и теряли свои національныя черты.

Козацкія войны способствовали переселенію населенія съ праваго берега на лѣвый, такъ какъ мѣшали мирной земледѣльческой жизни въ Брацлавщинѣ и Кіевщинѣ. Опасность, грозившая отъ польскаго правительства крестьянству, пристававшему къ козакамъ также побуждала населеніе оставлять насиженныя мѣста и уходить за Днѣпръ. Лѣвобережная Украина на столько, въ концѣ концовъ, заселилась близкими, по складу жизни и языку, населеніемъ, что въ сознаніи народномъ стала сливаться съ Украиной правобережной. Въ 1630-хъ годахъ народныя движенія, проявлявшіяся въ видѣ козацкихъ возстаній, начинались обыкновенно на правомъ берегу Днѣпра, а переносились затѣмъ на лѣвый и тамъ искали себѣ опоры и поддержки.

Приблизившись къ сѣверно-русскому говору съ юга говоръ украинскій выработалъ тѣ переходные говоры, которые слышатся въ настоящее время въ сѣверныхъ уѣздахъ полтавской губерніи.

Изученіе малорусскихъ говоровъ находится еще въ зачаточномъ состояніи. Между тѣмъ только сравнительное изученіе говоровъ отдѣльныхъ мѣстностей по предполагаемому историками пути движенія украинской колонизаціи можетъ существенно разъяснить направленіе этой колонизаціи, намѣтить главные очаги ея и этапы, которыми она проходила.

Черниговщина. Ея древнѣйшая колонизація.

До сихъ поръ шла рѣчь о колонизаціи, главнымъ образомъ, Полтавщины и южной полосы теперешней черниговской губерніи, приблизительно къ югу отъ р. Сейма, притока Десны.

Чернигово-сѣверская земля пережила иную судьбу, и колонизаціонное движеніе въ ней имѣетъ особую исторію.

Свѣдѣній по исторіи чернигово-сѣверской земли отъ татарскаго нашествія до начала XVII в. почти нѣтъ. Несомнѣнно, положеніе ея, какъ пограничной между польско-литовскимъ и московскимъ государствами не прошло безслѣдно. Мы не располагаемъ многими цѣнными источниками, какіе имѣемъ напр., для Полтавщины. Быть можетъ, и наука была до сихъ поръ менѣе счастлива относительно Черниговщины. Московскіе и польскіе архивы хранятъ, надо полагать, матеріалы, которые со временемъ прольютъ свѣтъ на исторію чернигово-сѣверской земли въ послѣ-татарское время. Вопросъ ждетъ еще изслѣдователя[1]).

Степень опустошенія чернигово-сѣверской земли татарами въ XIII в. не можетъ быть опредѣлена, при скудости данныхъ[2]). Историческая жизнь тамъ, однако, никогда не прекращалась, сохранялись старые до-татарскіе города и удѣлы. Значитъ, оставалось на мѣстѣ и старое населеніе края. Съ опустошеніемъ южной части Черниговщины, (татары шли, какъ извѣстно, въ Черниговщину съ юго-востока) населеніе могло передвинуться больше къ сѣверу, сгуститься въ однихъ мѣстахъ, порѣдѣть въ другихъ, но на уходъ его даже не намекаютъ источники. Коренное сѣверянское населеніе, такимъ образомъ, сохранилось. Названіе севрюковъ удерживалось здѣсь еще въ XVII в. во вре-

---

[1]) Покойный польскій историкъ Александръ Яблоновскій († 9 августа 1913 г.) во время послѣдней моей встрѣчи съ нимъ въ Кіевѣ весною 1913 г., не за долго до его смерти, сообщилъ мнѣ, что онъ занимается исторіей колонизаціи Черниговщины и располагаетъ для этого драгоцѣннымъ матеріаломъ. Смерть прервала его трудъ. О результатахъ его изслѣдованія, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не появилось никакихъ свѣдѣній въ печати.

[2]) Въ числѣ доказательствъ опустошенія Черниговщины А. М. Лазаревскій ссылается на Книгу Большого Чертежа, въ которой указано мало поселеній въ черниговской губерніи. Но книга, по замѣчанію П. Н. Милюкова, носитъ характеръ дорожника. Она не преслѣдовала полноты и указывала только населенные пункты въ опредѣленныхъ направленіяхъ.

мя самозванцевъ. Потомки сѣверянъ и до нашего времени составляютъ основу населенія на югъ отъ Десны, смѣшавшись и подчинивши своему этнографическому вліянію пришельцевъ изъ разныхъ частей Украины. Это, какъ извѣстно, область господства сѣверно-малорусскаго говора.

На сѣверъ отъ Десны живутъ въ настоящее время бѣлоруссы. Чистыхъ бѣлоруссовъ проф. Е. Ф. Карскій въ черниговской губерніи насчитываетъ до 700 тыс. Ими населенъ почти весь городнянскій уѣздъ, уѣзды новозыбковскій, суражскій, мглинскій, стародубскій и часть новгородсѣверскаго. Черниговскіе бѣлоруссы, вѣроятно, потомки лѣтописныхъ радимичей. Живутъ они въ занимаемыхъ мѣстностяхъ давно и поселились, конечно, задолго до татарскаго нашествія. Но въ позднѣйшее время сюда прибывало населеніе изъ другихъ мѣстъ Бѣлоруссіи. На это есть указанія въ источникахъ. Гомельцы, напр., дѣлали даже вооруженныя нападенія на стародубскія земли.

Обиліе непроходимыхъ лѣсовъ обособило черниговскихъ бѣлоруссовъ. Проф. Д. И. Багалѣй отмѣчаетъ, что еще въ XVIII в. въ Стародубѣ существовали формы земледѣльческаго быта, которыя напоминали сѣдую старину. Хозяйство, напр., велось тамъ на лядахъ [1]), какъ въ самыя отдаленныя времена. Въ Стародубьѣ и до сихъ подъ есть поселенія, возникшія еще въ до-татарскую пору или вскорѣ послѣ нашествія татаръ: Стародубъ, Радегощъ (позднѣйшій Погаръ), Почепъ, Разсуха, Рюковъ, Попова-Гора, Дроковъ, Мглинъ, Ропскъ и т. д.

Изъ древнихъ поселеній, существовавшихъ въ мѣстности съ сѣверянскимъ населеніемъ, извѣстны: Лю-

---

[1]) *Лядами* назывались мѣста, расчищенныя изъ-подъ лѣса. Они подготовлялись такъ. Рубились деревья и сжигались. Уничтоженіе пней и корней предоставлялось времени. На выжженномъ пространствѣ сѣяли хлѣбъ. Когда урожай черезъ нѣсколько лѣтъ истощался, ляду бросали подъ лѣсъ, а подъ пашню заводили новую.

бечъ, Черниговъ, Сновскъ, Моровскъ, Сосница, Новгородъ-Сѣверскъ, Коропъ (Хорабль), Всеволожъ (Сиволожъ), Унenежъ (Нѣжинъ), Бахмачъ,Ворголъ, Глуховъ и др. Большинство ихъ съ тѣми же названіями сохранилось и до нашего времени. Это также свидѣтельствуетъ о непрерывности исторической жизни и о сохраненіи коренного населенія.

Намъ неизвѣстна степень заселенности черниговосѣверской земли ни въ дотатарское ни въ послѣтатарское время. Лѣтопись называла населенные пункты случайно, когда это вызывалось изложеніемъ событій. Благодаря этому, много названій населенныхъ мѣстностей исчезло для насъ. Можно только предполагать, что города не стояли одиноко затерянными въ лѣсу или въ степи. Возлѣ нихъ, вѣроятно, располагались, въ разномъ разстояніи, другія поселенія. Само собой разумѣется, поселенія эти не могли быть велики. Они являлись, вѣроятно, болѣе или менѣе значительными хуторами. Людей тогда вообще было мало, и населеніе, естественно, терялось, разсыпанное по обширнымъ пространствамъ лѣсистой, не разработанной еще земли. Существованіе въ черниговo-сѣверской землѣ ряда княжествъ послѣ нашествія татаръ, въ свою очередь, можетъ только свидѣтельствовать о томъ, что земля не обезлюдѣла, населеніе осталось на мѣстахъ, и татарское нашествіе не внесло существенныхъ перемѣнъ въ жизнь Черниговщины.

Значеніе литовскаго завоеванія для колонизаціи Черниговщины

Около половины XIV в., при Ольгердѣ, черниговосѣверскою землею завладѣла Литва.

Въ ходъ жизни области литовское завоеваніе не внесло существенныхъ перемѣнъ. Политическій строй остался прежнимъ. Нѣкоторые удѣльные князья были замѣнены только литовскими. Въ Новгородъ-Сѣверскѣ Ольгердъ посадилъ своего сына Дмитрія-Корибута. Въ 1392 г. удѣлъ, однако, былъ у Дмитрія отобранъ за непризнаніе Витовта великимъ княземъ и переданъ князю Федору Любартовичу. Стародубомъ въ

концѣ XIV в. владѣлъ князь Александръ Патрикѣевичъ изъ рода Гедимина. Въ началѣ XV в. Витовтъ отдалъ Стародубъ своему брату Сигизмунду, остававшемуся стародубскимъ княземъ до 1432 г., когда, по сверженіи Свидригелла, сдѣлался великимъ княземъ литовскимъ. Съ 1419 г. Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ и Брянскъ получилъ Свидригелло.

Съ половины XV в. литовскіе князья начали давать въ черниговo-сѣверской землѣ кормленія и вотчины бѣглымъ князьямъ московскаго рода. Послѣдніе уходили подъ вліяніемъ усиливавшагося въ Москвѣ единодержавія и связаннаго съ нимъ нарушенія интересовъ удѣльныхъ князей. Перешелъ въ 1450 г. въ черниговo-сѣверскую землю князь Иванъ Андреевичъ Можайскій. Ему былъ данъ сначала Брянскъ, затѣмъ Стародубъ и Гомель. Сынъ его Семенъ Ивановичъ получилъ подтвержденіе отцовскихъ владѣній. Сверхъ того великій князь литовскій Александръ далъ ему Черниговъ съ волостями. Новгородсѣверскъ и Рыльскъ получилъ другой московскій изгнанникъ — Василій Ивановичъ Шемячичъ. Въ концѣ 1499 года оба они, Семенъ Ивановичъ Можайскій и Василій Шемячичъ, передались со всѣми отчинами великому князю московскому. Вслѣдъ за этимъ московскія войска вступили въ черниговo-сѣверскую землю, и всѣ остальные черниговo-сѣверскіе города и волости, по договору 1503 года, остались за Москвой.

Отъ времени литовскаго владычества извѣстно нѣсколько документовъ, которые проливаютъ, правда, слабый только свѣтъ на заселеніе черниговo-сѣверской земли въ то время. Они напечатаны проф. М. В. Довнаръ-Запольскимъ въ первомъ томѣ „документовъ московскаго архива министерства юстиціи". Ими пользовался раньше проф. Любавскій въ своемъ „областномъ дѣленіи и мѣстномъ управленіи литовско-русскаго государства".

Въ „записи земельныхъ дачъ великаго князя Казиміра", относящейся, по опредѣленію проф. М. В. Дов-

паръ-Запольскаго къ 1441—1482 годамъ, встрѣчается рядъ поселеній, которыя могли возникнуть еще въ дотатарское время и которые, во всякомъ случаѣ, показываютъ, что черниговo-сѣверская земля не лежала впустѣ, заселеніе ея продолжалось. Большая часть поселеній существуетъ и по настоящее время и находится въ сѣверной Черниговщинѣ, но нѣкоторые изъ нихъ расположены въ западной и средней Черниговщинѣ, напр., Городня, Остерскій городокъ, Сосница, Знобовка, Порохня (новгородсѣв. уѣзда), Коропъ (кролевецк. уѣзда) и др. Быть можетъ сильнѣе въ XV в. заселялась сѣверная Черниговщина, какъ болѣе близкая къ Литвѣ. Оттого тамъ и было больше раздачъ помѣстій служилымъ людямъ. Но преобладаніе раздачъ на сѣверѣ могло вызываться и чисто случайными причинами. Служилые люди могли стремиться получать пожалованія ближе къ кореннымъ областямъ Литвы.

Фермы землевладѣнія въ Черниговщинѣ въ литовскую пору.

Книга записи земельныхъ дачъ вел. князя Казиміра Ягеллончика послужила основаніемъ для изслѣдованія проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ нормъ права, опредѣлявшихъ помѣстное землевладѣніе въ литовскомъ государствѣ. Нормы были одинаковы какъ въ Литвѣ, такъ и въ черниговo-сѣверской землѣ. По крайней мѣрѣ, условія раздачи ихъ не различаются въ книгѣ. Общимъ условіемъ пожалованія земельныхъ угодій считалась служба государю. Жаловалась не только земля населенная и ненаселенная и разныя угодія, но и люди. Пожалованіе носило временный характеръ, до воли лица, дававшаго его. На практикѣ, однако, пожалованіе фактически переходило и по наслѣдству, и временные владѣльцы (держатели) распоряжались имъ какъ собственностью, продавая, мѣняя и т. д. Путемъ такой практики создавалось право собственности на землю и на трудъ сидѣвшихъ на ней людей.

Помѣстное землевладѣніе не исключало, конечно, крестьянскаго. Послѣднее существовало издавна и

образовалось, вѣроятно, путемъ заимки и разработки вольной земли. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, на основаніи писцовыхъ книгъ пинскаго и клецкаго староства средины XVI в.[1]), изучилъ формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ XVI в. Формы эти, по мнѣнію изслѣдователя, нѣсколько измѣнились уже сравнительно съ XV вѣкомъ, но все-таки сохраняли древнія основы обычнаго земельнаго права. Примѣнить ихъ цѣликомъ къ сѣверной и сѣверо-западной Черниговщинѣ, однако, нельзя. Бѣлоруссы пинскаго и клецкаго староства, съ одной стороны, и бѣлоруссы черниговской губерніи, съ другой, не представляютъ изъ себя полной тождественности. Они, какъ видно изъ этнографической карты, составленной проф. Е. Ф. Карскимъ и приложенной къ его обширному труду о бѣлоруссахъ, принадлежатъ къ различнымъ бѣлорусскимъ говорамъ. Исторія ихъ, значитъ, была не сходной, а потому и нормы обычнаго права могли существенно разниться. Все же архаическая земельная ячейка-дворище—вѣроятно, была одинакова. На это указываетъ обиліе у черниговскихъ бѣлоруссовъ поселеній съ названіями на *ичи*, свидѣтельствующими объ ихъ родовомъ происхожденіи. Дворище въ XV в. еще не разложилось, какъ впослѣдствіи, и его составляли, вѣроятно, еще родственники и свойственники. Если была примѣсь постороннихъ элементовъ, то очень незначительная. Земля принадлежала дворищу, которое и владѣло ею, на обычномъ правѣ, сообща. Совокупность дворищъ составляла село. У такого села могло возникать свое землевладѣніе, собственникомъ котораго являлись не отдѣльныя дворища, а все село. Такъ появилось общинно-сельское владѣніе.

Для черниговскихъ бѣлоруссовъ эти формы землевладѣнія можно опредѣлить только предположитель-

---

[1]) Эти же книги послужили основаніемъ А. Я. Ефименко при составленіи очерка „дворищное землевладѣніе въ южной Руси"— „Южная Русь". Спб. 1905 г. т. I.

но, по аналогіи съ тѣмъ, что извѣстно намъ въ пинскомъ и клецкомъ староствахъ. Остатки и пережитки этихъ формъ въ сѣверной и западной Черниговщинѣ сохранялись очень долго. Еще въ XVIII в. мы находимъ тамъ значительные слѣды сябриннаго владѣнія, а также владѣнія общиннаго. Сохранялось тамъ также нераздѣльное пользованіе лѣсами и другими угодьями—остатокъ, несомнѣнно, давней старины [1]).

Какіе земельные порядки господствовали въ средней Черниговщинѣ въ пору литовскаго господства, мы не можемъ предположить даже путемъ аналогіи. Различіе съ сѣверомъ Черниговщины должно было существовать, такъ какъ населеніе принадлежало къ различнымъ національнымъ типамъ.

Помѣстное землевладѣніе существовало въ средней и южной Черниговщинѣ. Рядъ владѣльцевъ названъ въ описаніи границъ литовскаго государства съ московскимъ въ началѣ 1520-хъ годовъ. Путивльскія волости при Казимірѣ раздавались кіевскимъ боярамъ.

Описаніе границъ литовскаго государства съ московскимъ въ 1526 году, было произведено, по распоряженію короля Сигизмунда, значитъ, уже послѣ присоединенія чернигово-сѣверской земли къ московскому государству. Поводомъ послужили пограничные споры между жителями двухъ искусственно разорванныхъ частей Черниговщины. Описаны были границы черниговскія, мглинскія и рославльскія (смоленской губерніи). Въ опись вносились, конечно, поселенія только пограничныя.

Заселеніе Черниговщины въ XVI вѣкѣ.

По описи наблюдается сравнительная заселенность пограничной области. Поселенія расположены преимущественно, по рѣкамъ Остру, Деснѣ, Снови, вдаются глубоко на востокъ Черниговщины и доходятъ почти до половины теперешней черниговской губерніи. Значительное большинство этихъ поселеній существуетъ

[1]) *Е. С. Филиппов*ъ. Румянцевская генеральная опись суражскаго уѣзда 1767 г. Вятка. 1888.

и въ наше время: въ городнянскомъ уѣздѣ черниговской губерніи села Лиственъ, Боровичи, Сновскъ, Куриловъ, Макишинъ, Великая Весь; въ черниговскомъ—Ковчевъ (Ковчинъ), Клочковъ, Сибрежъ; въ сосницкомъ—Домыслинъ, Волынчо (Волынка), Ушно (Ушня) и т. д. Среди поселеній значится извѣстный уже намъ Коронъ кролевецкаго уѣзда, село Дѣвица, теперь Великая и Малая Дѣвица въ прилукскомъ уѣздѣ полтавской губерніи, село Шиловичи въ нѣжинскомъ уѣздѣ и какое-то поселеніе Патинъ, очевидно, съ испорченнымъ названіемъ, на границѣ съ Путивлемъ. Изъ другихъ источниковъ извѣстны, кромѣ того, Мельня, теперь село кролевецкаго уѣзда, Биринъ, теперь Бурынь путивльскаго уѣзда курской губ., оба на р. Сеймѣ, и Хотень въ сѣверной части сумскаго уѣзда харьковской губерніи.

Большинство поселеній имѣло, въ среднемъ, отъ 20—40 домовъ (дымовъ). Въ Лиственѣ, наприм., было 30 домовъ (дымовъ) въ Боровичахъ—40, а Сосницѣ—30 домовъ (дымовъ) и двѣ церкви, въ Руднѣ—15, въ Авдѣевичахъ—7 и т. д. До перехода Мглина подъ власть Москвы въ немъ было пятьсотъ дымовъ, съ которыхъ взимались 50 кадей меду и бралось 50 копъ грошей. Если принять, какъ дѣлаетъ это при своихъ вычисленіяхъ Ал. Яблоновскій, что каждый дымъ заключалъ въ себѣ, въ среднемъ, по шести человѣкъ, то окажется, что въ XV и въ началѣ XVI вѣковъ преобладали села съ населеніемъ отъ 120 до 240 душъ. Въ Мглинѣ было 3.000 душъ. Значительное, по тому времени, населеніе, вѣроятно, было и по другимъ городамъ. Во время осады Стародуба въ 1535 г. въ немъ погибло до 13 тысячъ гражданъ.

Съ переходомъ подъ власть Москвы, черниговосѣверная земля оказалась въ положеніи пограничной и очень отдаленной отъ центра. Московская колонизація, поэтому, могла проникать сюда слабо. Указанія на владѣнія московскихъ бояръ и дѣтей боярскихъ

въ черниговово-сѣверской землѣ имѣются; ихъ больше было въ Стародубщинѣ, чѣмъ на югѣ. Какъ широко распространено было это служилое землевладѣніе—свѣдѣній нѣтъ.

Для исторіи колонизаціи восточной части Черниговщины, теперешнихъ уѣздовъ новгородсѣверскаго и глуховскаго черниговской губерніи, рыльскаго и путивльскаго курской, большой интересъ представляетъ жалованная грамота Ивана Грознаго новгородсѣверскому спасскому монастырю. Жалованная грамота нсвгородсѣверскому монастырю 1552 г.

Монастырь этотъ, полагаютъ, основанъ въ XII вѣкѣ. Жалованная грамота выдана ему въ 1552 году. Ей предшествовала другая, болѣе ранняя, данная Василіемъ III. Она сгорѣла въ церкви во время крымскаго нашествія.

Научно жалованная грамота 1552 года не изучена. Важная для исторіи колонизація Черниговщины, она отражаетъ въ себѣ земельные порядки и условія колонизаціи не только XVI в., но и болѣе ранняго времени. А. М. Лазаревскій видитъ въ ней доказательство запустѣнія сѣверской земли, быть можетъ, послѣ нашествія Менгли-Гирея. Изученіе грамоты приводитъ, однако, къ заключенію прямо противоположному. Указаній на запустѣніе въ ней нѣтъ. Мѣстность была вообще мало заселена. Грамота называетъ немного поселеній. Но зато она говоритъ о колонизаціонномъ движеніи, о заселеніи новыхъ мѣстъ, о началѣ въ нихъ жизни. Грамота касается, только земельныхъ владѣній новгородсѣверскаго монастыря. Но несомнѣнно, наряду съ ними, существовали и другія.

Мѣстность, гдѣ были расположены земельныя владѣнія новгородсѣверскаго монастыря, въ XVI вѣкѣ представляла изъ себя сплошной лѣсъ. Въ лѣсу разрабатывались починки, на которыхъ потомъ выростали села. На всемъ пространствѣ этого обширнаго лѣса монастырь имѣлъ рыбныя ловли, бортныя угодья, бобровые гоны, звѣриныя ловли, строилъ мельницы. Для

производства этихъ промысловъ и при мельницахъ заводились поселенія. Къ срединѣ XVI вѣка въ этихъ мѣстахъ существовало уже нѣсколько деревень. Значительная часть ихъ, съ тѣми же названіями или нѣсколько измѣненными, сохранилась и до нашего времени. Въ то время существовало уже и самое крайнее поселеніе теперешняго глуховскаго уѣзда черниговской губ. на востокѣ—село Сопичъ.

Значеніе смутнаго времени начала XVII вѣка для заселенія Черниговщины.

Изслѣдователи (А. М. Лазаревскій, Ал. Яблоновскій, проф. Д. И. Багалѣй) говорятъ о сильномъ запустѣніи Черниговщины въ смутное время. Въ моментъ перехода къ Польшѣ, Черниговщина, по мнѣнію Ал. Яблоновскаго, представляла собой настоящую пустыню, съ обширными пущами, среди которыхъ разсѣяно было нѣсколько городковъ и сторожевыхъ остроговъ по Сейму и Деснѣ. Прочныя поселенія возникли будто бы уже послѣ деулинскаго перемирія.

Несомнѣнно, нѣкоторыя села въ смутное время запустѣли и исчезли. Населеніе передвинулось на другія мѣста. Но говорить о запустѣніи Черниговщины нельзя. Основаніе многихъ селъ самъ А. М. Лазаревскій относитъ къ началу XVII столѣтія. Значительное количество селъ и деревень, какъ это видно изъ документовъ, существовало при началѣ польскаго владычества въ XVII вѣкѣ.

Въ основаніи мнѣнія о запустѣніи Черниговщины въ XVII в. лежатъ не точные факты, а недостатокъ свѣдѣній о поселеніяхъ за предшествующее время. Неизвѣстно, возникали ли поселенія въ Черниговщинѣ въ смутное время и сколько ихъ за то время возникло. Событія конца XVI и начала XVII вѣка не только не могли ослабить колонизаціоннаго движенія на лѣвый берегъ Днѣпра, и въ частности, въ Черниговщину, а, наоборотъ, должны были усилить его. Бунтъ Наливайка повелъ къ массовому переселенію съ праваго берега Днѣпра на лѣвый (выше стр. 238). Въ самомъ началѣ возстанія Наливайко съ своими отрядами грабилъ по-

граничныя съ Черниговщиной области, Могилевъ, Быховъ, Рогачевъ. Баркулабовская лѣтопись разсказываетъ о грабежахъ и страшныхъ жестокостяхъ, которыя позволяли себѣ въ тѣхъ же мѣстахъ козаки, отправлявшіеся въ шведскій походъ и возвращавшіеся оттуда (см. выше стр. 249). Къ этому нужно прибавить голодъ, страшный моръ, господствовавшіе тамъ въ началѣ XVII ст. Населеніе, по словамъ лѣтописи, бросало насиженныя мѣста и убѣгало на низъ и, надо думать, за Днѣпръ, въ Стародубщину, гдѣ основывало новыя поселенія и усиливало бѣлорусскій элементъ.

Въ смутное время черниговo-сѣверская земля сдѣлалась мѣстомъ, откуда не разъ двигались самозванцы на московское государство. Это указываетъ на существованіе въ этихъ мѣстахъ значительнаго числа бродячаго, неосѣвшаго еще прочно элемента. Онъ могъ уйти совсѣмъ, но, при благопріятныхъ условіяхъ, могъ осѣсть и образовать рядъ прочныхъ поселеній. Кромѣ бѣлорусскаго населенія, о которомъ сказано выше, много народа пришло вообще съ правой стороны Днѣпра. Для колонизаціи Черниговщины не могло быть безразличнымъ то обстоятельство, что первый самозванецъ кадры своего войска вербовалъ въ сѣверной Галиціи и держалъ путь черезъ Волынь и сѣверную Кіевщину, въ области сѣверно-малорусскаго нарѣчія. Онъ привелъ съ собою, повидимому, довольно однородное, по національному составу, войско, которое близко должно было подходить, по языку и укладу жизни, къ населенію Черниговщины. Является вопросъ, что сдѣлалось съ первоначальнымъ войскомъ перваго самозванца, дошло ли оно съ нимъ до Москвы, вернулось ли обратно или часть его, въ концѣ концевъ, осѣла, въ качествѣ колонистовъ въ Черниговщинѣ? Подобные же вопросы могутъ возникнуть и относительно казаковъ, которые съ праваго берега Днѣпра, преимущественно, съ сѣверной и средней Кіевщины шли на помощь самозванцамъ противъ Москвы и которыхъ источники

исчисляютъ не единицами, а тысячами. Если изъ всѣхъ этихъ пришельцевъ только немногіе осѣдали въ Черниговщинѣ на постоянное жительство, то несомнѣнно, они открывали путь новымъ пришельцамъ, представителямъ мирной колонизаціи. Во всякомъ случаѣ, событія смутнаго времени не прошли безслѣдно для заселенія Черниговщины. Въ нихъ нужно искать ключа къ разрѣшенію вопроса объ усиленной колонизаціи Черниговщины въ первую половину XVII вѣка и объ однородномъ этнографическомъ составѣ колонистовъ.

Черниговщина послѣ деулинскаго перемирія.

По деулинскому перемирію 1619 года, утвержденному въ 1634 году поляновскимъ миромъ, Черниговщина отошла къ Польшѣ.

Время между деулинскимъ перемиріемъ и поляновскимъ миромъ являлось переходнымъ. Черниговское воеводство съ двумя повѣтами черниговскимъ и новгородсѣверскимъ было организовано только въ 1635 году. Границы повѣтовъ не были точно опредѣлены. Отграниченіе же черниговскаго воеводства отъ кіевскаго произведено въ 1638 году особой коммиссіей, назначенной для этого сеймомъ. При образованіи черниговскаго воеводства сѣверная часть Черниговщины отнесена къ смоленскому воеводству и, въ административномъ отношеніи, образовала староство стародубское.

Черниговское воеводство было учреждено по образцу кіевскаго. Ординаціей (постановленіемъ) варшавскаго сейма 1635 года въ Черниговщинѣ были введены всѣ польскія учрежденія: польскіе урядники, земскіе и гродскіе суды, сеймикъ, пописы по уѣздамъ [1]), выборъ пословъ земскихъ на сеймъ и депутатовъ. Въ судебномъ отношеніи черниговское воевод-

[1]) Пописъ—явка: шляхта каждаго воеводства черезъ каждые два года 30 сентября должна была собираться въ полномъ вооруженіи для смотра и записыванія въ особые реестры. Дѣлалось это въ интересахъ военныхъ.

ство было подчинено люблинскому трибуналу [1]). Въ завѣдываніе оно было отдано черниговскому старостѣ Мартыну Калиновскому „за его кровавыя, т. е. военныя, заслуги".

Александръ Пясочинскій.

Около того же времени старостой новгородсѣверскимъ былъ назначенъ Александръ Пясочинскій. Это былъ образованный человѣкъ, учившійся въ началѣ XVII ст. въ краковской академіи, исполнявшій нѣсколько разъ порученія сейма, ѣздившій съ дипломатическими порученіями въ Турцію, производившій повѣрочное описаніе королевскихъ имѣній, а потому знакомый съ землевладѣніемъ [2]). Пясочинскій, повидимому, былъ разностороннимъ администраторомъ. Въ качествѣ королевскаго коммиссара, онъ подписалъ актъ поляновскаго договора, участвовалъ въ разграниченіи кіевскаго воеводства съ черниговскимъ и въ установленіи новой границы между Польшей и Москвой. Онъ сыгралъ также крупную роль въ исторіи колонизаціи Черниговщины, въ особенности, новгородсѣверскаго повѣта, которымъ управлялъ до смерти своей. Пясочинскій умеръ приблизительно около 1647 года.

Развитіе шляхетскаго землевладѣнія въ Черниговщинѣ.

Для того, чтобы осуществить польскій строй въ Черниговщинѣ, необходимо было насадить тамъ польское шляхетское землевладѣніе.

О такой задачѣ говоритъ и ординація сейма 1635 г.

Раздача земель шляхтѣ началась немедленно. Въ 1620 г. королевичу Владиславу, въ благодарность за его

---

1) О введеніи въ лѣвобережной Украинѣ польскихъ порядковъ см. *О. И. Левицкаго.* „Объ актовыхъ книгахъ, относящихся къ исторіи юго-западнаго края и Малороссіи" въ „трудахъ XI археологическаго съѣзда", стр. 75 и слѣд.

2) Свѣдѣнія о Пясочинскомъ можно найти у *Нѣсецкаго* (Niesecki) „Herbarz polski." и въ „Źródła do dziejów polskich M. Grabowskiego i A. Przedzieckiego" Wilno 1843, т. I, стр. 209, Архивъ Пясочинскаго чрезвычайно важенъ для исторіи колонизаціи Черниговщины. Точное мѣстонахожденіе архива неизвѣстно. Ср. *А. М. Лазаревскаго* Описаніе старой Малороссіи т. I, стр. 3—4, т. II стр. IV *Pisma Alek. Jablonowskiego* т. III, стр. 71.

труды по веденію московской войны, была дана административная и судебная власть въ черниговской и сѣверской землѣ. Тогда же, послѣ деулинскаго перемирія, въ Сѣверщину были посланы комиссары для отобранія отъ Москвы замковъ и для провѣрки правъ на землю разныхъ владѣльцевъ. Обыватели, оставшіеся на сторонѣ Польши, получили подтвержденіе своихъ правъ. Въ числѣ ихъ были дѣти боярскіе Рубцы и Борозды, владѣвшіе громадною территоріею, Григорій Гладкій, Родіонъ Скрягинъ и др. Имѣнія тѣхъ дѣтей боярскихъ, которые остались вѣрными Москвѣ, были конфискованы и розданы польской шляхтѣ. Раздачи бывали довольно значительны. Они заключали иногда 40—50 волокъ, т. е., принимая волоку за 19 десятинъ, достигали размѣра 900—950 и больше десятинъ. Со времени деулинскаго перемирія раздачи идутъ непрерывно до начала возстанія Богдана Хмельницкаго. Раздавались пустоши, селища, годныя для поселенія, заселенныя уже деревни, села, земля, удобная для обработки и разработки и т. д.

Такимъ образомъ, въ теченіе трехъ десятилѣтій въ Черниговщинѣ довольно густо было насаждено польское помѣстное землевладѣніе. Исторія его научно еще не изслѣдована. Отрывочныя свѣдѣнія собраны А. М. Лазаревскимъ въ „описаніи старой Малороссіи“, проф. Д. И. Багалѣемъ въ критическихъ замѣткахъ „о новомъ историкѣ Малороссіи“ и, въ особенности, Ал. Яблоновскимъ въ изслѣдованіи о „Заднѣпровьѣ“.

Имѣнія въ Черниговщинѣ раздавались сначала на ленномъ правѣ, но мало-по-малу обращались въ полную собственность владѣльцевъ, которая затѣмъ и была признана конституціей варшавскаго сейма 1646 года.

Кромѣ шляхты, имѣнія получали и монастыри. Въ 1619 году въ Новгородсѣверскѣ, напримѣръ, былъ основанъ доминиканскій монастырь. Въ 1632 году онъ былъ разрушенъ, а въ 1634 г. снова возобновленъ. Доминиканскій монастырь былъ надѣленъ землями. Къ нему

перешли также имѣнія разрушеннаго и запустѣвшаго новгородсѣверскаго спасскаго монастыря.

Какъ и въ южной Украинѣ, раздача земель польской шляхтѣ въ Черниговщинѣ преслѣдовала не одни только сословно-военныя цѣли, но и цѣли хозяйственныя. Свободныхъ земель было много, особенно, въ сѣверо-восточной части Черниговщины, лѣсистый характеръ которой, съ рѣдкими поселками, рыбными ловлями, бобровыми гонами, бортными угодьями рисуетъ намъ извѣстная уже жалованная грамота 1552 года.

Колонизація Черниговщины въ связи съ развитіемъ шляхетскаго землевладѣнія

На колонизацію незаселенныхъ земель польское правительство послѣ деулинскаго перемирія, а, главнымъ образомъ, послѣ поляновскаго мира и обратило большое вниманіе. Въ этомъ отношеніи за короткое время оно достигло значительныхъ успѣховъ.

Немедленно же послѣ деулинскаго перемирія правительство спѣшно занялось устройствомъ пограничной линіи съ московскимъ государствомъ. Съ этой цѣлью былъ основанъ въ началѣ 1620-хъ годовъ рядъ укрѣпленныхъ городковъ отъ путивльско-бѣлгородскаго рубежа: Нѣжинъ, Борзна, Конотопъ, Батуринъ, Кролевецъ и др. Укрѣплены они были довольно однообразно, какъ это видно изъ сохранившагося описанія ихъ укрѣпленій въ 1654 году. Часть этихъ городовъ возникла на мѣстахъ, гдѣ раньше бывали уже поселенія. Нѣжинъ, думаютъ, возникъ на мѣстѣ Унѣнежа. Другіе города были основаны заново.

Усиленіе колонизаціи началось послѣ поляновскаго мира. Къ этому времени значительная часть территоріи черниговскаго воеводства перешла уже во владѣніе польскихъ шляхтичей. Отдѣльныя владѣнія были и въ рукахъ монастырей православныхъ и католическихъ, основанныхъ въ Черниговѣ и Новгородсѣверскѣ. Но монастырская колонизація въ Черниговщинѣ въ первую половину XVII вѣка не была значительной. Главная роль, въ этомъ отношеніи, принадлежала, конечно, шляхтѣ.

Среди владѣльцевъ, нахлынувшихъ въ Черниговщину съ 1620 годовъ, мы встрѣчаемъ Хвашей, Мазапетовъ, Пацевъ, Харленскихъ, Потоцкихъ, Оссолинскихъ, Солтыковъ, Киселей и цѣлый рядъ другихъ.

Значеніе Пясочинскаго для колонизаціи Черниговщины.

Наиболѣе крупными изъ нихъ въ стародубскомъ старостве былъ Николай Абрамовичъ; въ новгородсѣверскомъ повѣтѣ черниговскаго воеводства—извѣстный уже намъ Александръ Пясочинскій. Абрамовичу принадлежалъ Мглинъ и окружавшія его села; Пясочинскому, какъ старостѣ, принадлежало множество поселеній въ средней Черниговщинѣ. Принадлежали они не временно, а на „дѣдизномъ“ правѣ, т. е. на правѣ наслѣдственномъ. Перечисленіе ихъ дѣлаетъ Ал. Яблоновскій въ своей статьѣ о „Заднѣпровьѣ“ на основаніи описи имѣній Пясочинскихъ, представленной въ 1668 г. въ варшавскую коммиссію. Большинство заселенныхъ имѣній Пясочинскій получилъ при назначеніи своемъ старостой новгородсѣверскомъ. Но онъ, несомнѣнно, приложилъ и много усилій къ тому, чтобы, въ свою очередь, заселить пустовавшія еще мѣстя. Въ этомъ отношеніи большое значеніе имѣла дѣятельность его подстаросты Матвѣя Стахорскаго. Стахорскій появился въ Черниговщинѣ еще до Пясочинскаго. Въ 1625 году, по королевскому распоряженію, Стахорскій основалъ Батуринъ, будущую резиденцію малороссійскихъ гетмановъ. Быть можетъ, и въ устройствѣ другихъ укрѣпленныхъ городовъ того времени Стахорскій принималъ участіе. Энергичная дѣятельность его продолжалась и при Пясочинскомъ.

Установить точно поселенія, возникшія во время Пясочинскаго, при данномъ состояніи знаній, нельзя. Имя его долго помнили въ Черниговщинѣ. Поэтому старожилы еще въ XVIII в. относили къ его времени многія поселенія, которыя могли возникнуть и раньше. Ко времени Пясочинскаго относятъ, напримѣръ, возобновленіе города Глухова черниговской губ. и поселеніе

нѣкоторыхъ селъ въ глуховскомъ уѣздѣ, хотя точное время ихъ основанія неизвѣстно.

Причина успѣха и способы колонизаціи Черниговщины въ XVII в.

Усиленная колонизація Черниговщины въ первой половинѣ XVII вѣка возможна была только на почвѣ того массового передвиженія населенія на Украинѣ, которое замѣчается въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. О способахъ этой колонизаціи можно пока только догадываться по аналогіи съ послѣдующимъ временемъ и съ правымъ берегомъ Днѣпра. Мѣстами для основанія поселеній служили разныя хозяйственныя предпріятія и промыслы: разводка пчелъ въ бортяхъ, устройство будъ для выдѣлыванія поташа, гутъ для выработки стекла, руденъ для добыванія желѣза. И теперь еще въ Черниговщинѣ, особенно въ сѣверной ея части, многія поселенія называются Будами, Гутами, Рудиями. Покойный П. С. Ефименко въ своемъ изслѣдованіи о „рудняхъ въ Сѣверщинѣ", напечатанномъ въ „Кіевской Старинѣ", насчиталъ 38 населенныхъ мѣсть въ черниговской губерніи, которыя раньше были рудокопными заводами. Нѣкоторыя изъ нихъ появились, конечно, еще во время польскаго владычества. Мельницы также служили мѣстами, при которыхъ обыкновенно возникали поселенія. Мы не говоримъ уже о мѣстахъ, удобныхъ для землевладѣнія. Большинство поселенцевъ были земледѣльцами и осѣдали, конечно, тамъ, гдѣ находили условія, подходящія для своего занятія.

Среди первоначальныхъ поселеній преобладали небольшие хутора и слободы. Они садились на свободной землѣ и обыкновенно расширяли ея разработку, по мѣрѣ прироста населенія. Характернымъ, въ этомъ отношеніи, является разсказъ старожиловъ о поселеніи села Черторигъ глуховскаго уѣзда. Лѣтъ болѣе пятидесяти тому назадъ, разсказывали они въ 1738 году, рядъ сель Черториги, Дубовичи, Землянка и т. д., сталъ селиться въ вольной пущѣ. Когда населеніе сель увеличилось, а пущу вырубили, тогда каждое село стало захваты-

вать землю, окапывать и обращать въ собственность [1]). Такъ, надо полагать, при обиліи земли и небольшомъ количествѣ первоначальныхъ поселенцевъ, возникали въ Черниговщинѣ и другія поселенія.

Формы землевладѣнія въ Черниговщинѣ.

О формахъ землевладѣнія въ Черниговщинѣ въ XVII в. мы пока мало знаемъ. Наряду съ чистымъ подворнымъ владѣніемъ, существовало сябринное и общинное. Насколько каждое изъ нихъ было распространено, сказать трудно. Новѣйшій изслѣдователь соціальной исторіи Малороссіи В. А. Мякотинъ для XVIII в. пришелъ къ заключенію, что въ сѣверной части лѣвобережной Малороссіи особенно широко было развито сябринное землевладѣніе; порядки же общиннаго владѣнія и пользованія землей получили лишь слабое развитіе.

Откуда шло населеніе въ Черниговщину?

Населеніе въ среднюю Черниговщину шло съ праваго берега Днѣпра, вѣроятно, изъ ближайшихъ мѣстъ. Отдѣльные переселенцы попадались и изъ далекой Галиціи. Этимъ объясняется однообразный національный составъ населенія средней Черниговщины. Бѣлоруссы заходили туда рѣдко. Интересенъ бѣлорусскій оазисъ изъ селъ Уланова, Ястребщины и Суходола въ глуховскомъ уѣздѣ. Села эти возникли на земляхъ новгородсѣверскаго спасскаго, а затѣмъ доминиканскаго монастыря и поселены, вѣроятно, выходцами изъ среды новгородсѣверскихъ бѣлоруссовъ. Жители этихъ селъ и въ настоящее время рѣзко отличаются по говору и укладу жизни отъ окрестнаго населенія [2]).

[1]) Земля не вся была обращена въ собственность. Часть ее все же оставалась въ общемъ владѣніи до 1870-хъ годовъ, когда, при генеральномъ межеваніи общее владѣніе было уничтожено, а земля раздѣлена была между владѣльцами. Въ Черторигахъ къ этому времени такъ называемой „вольницы" оставалось 1133 десятины. Онѣ были раздѣлены между 430 частными владѣльцами. Тоже имѣло мѣсто въ Дубовичахъ и въ другихъ селахъ. *Ср. Ф. М. Уманецъ.* Изъ моихъ наблюденій по крестьянскому дѣлу. СПБ., 1881, „Малороссійскія вольницы", стр. 48—54.

[2]) *Ф. М. Уманецъ.* Изъ моихъ наблюденій по крестьянскому дѣлу. СПБ., 1881, стр. 55 и слѣд. и въ „Древней и Новой Россіи", 1879 г. № 7.

Свободная колонизація въ Черниговщинѣ.

Въ Черниговщинѣ, какъ въ Полтавщинѣ, преобладала, повидимому, свободная колонизація. Переселенцы занимали мѣста и перемѣняли ихъ по своему усмотрѣнію, или шли туда, куда ихъ „закликали“ осадчіе слободъ, обѣщая болѣе или менѣе продолжительныя и значительныя льготы. Конечно, могли быть и насильственныя переселенія. Съ водвореніемъ польскаго шляхетскаго землевладѣнія въ Черниговщинѣ, сюда стало проникать и крѣпостное право, хотя и не въ томъ видѣ, какъ оно существовало въ польско-литовскихъ областяхъ. Населеніе на лѣвой сторонѣ Днѣпра еще было слишкомъ подвижно, чтобы могло долго выносить тяжелый гнетъ. Оно снималось и уходило дальше. Это значительно сдерживало владѣльцевъ отъ примѣненія къ лѣвобережнымъ крестьянамъ польско-литовскихъ порядковъ.

Владѣльческое хозяйство въ лѣвобережной Украинѣ XVII в.

Въ распоряженіи науки нѣтъ еще матеріаловъ, которые бы дали возможность сдѣлать опредѣленный выводъ о владѣльческомъ хозяйствѣ и о положеніи крестьянъ при польскомъ владычествѣ въ лѣвобережной Украинѣ. Быть можетъ, матеріалы эти погибли въ бурѣ козацкихъ возстаній, а, можетъ быть еще и не найдены. Случайно проф. М. С. Грушевскому попался арендный контрактъ на гадяцкую волость, заключенный въ 1648 году владѣльцемъ ея каштеляномъ краковскимъ Станиславомъ Конецпольскимъ. Контрактъ содержитъ важныя данныя для помѣщичьяго хозяйства того времени. Проф. Грушевскій называетъ хозяйство Конецпольскаго типичнымъ. Въ этомъ есть извѣстная доля вѣроятности.

А. М. Лазаревскій глуховское село Улановъ считаетъ выселкомъ правобережнаго Уланова подольской губ. литинскаго уѣзда. Историческихъ данныхъ для этого нѣтъ. Этнографическій типъ населенія, несомнѣнно, бѣлорусскій; значитъ, не подольскій. Вопреки мнѣнію А. М. Лазаревскаго (Описаніе старой Малороссіи, т. II, стр. 481, прим. 747), Александръ Пясочинскій назывался оффиціально старостой не уладовскимъ, а именно улановскимъ (Vol. leg. 1859 г., т. III, стр. 449). Отсюда село, основанное на землѣ, данной имъ монастырю легко могло получить названіе Уланова.

Земледѣліе въ хозяйствѣ Конецпольскаго, повидимому, не играло видной роли. Гораздо большее значеніе имѣло добываніе поташа и селитры. Эти предметы нужны были для выработки пороху. Они, кромѣ того, требовались и за границу и составляли, поэтому, доходную статью. Въ числѣ доходовъ хозяйства одно изъ главныхъ мѣстъ занимали производство и продажа спиртныхъ напитковъ и табаку, а затѣмъ доходы съ мельницъ. Крестьяне должны были молоть свой хлѣбъ на панскихъ мельницахъ. Съ крестьянъ взималась, кромѣ того, поволовщина и пчеляная десятина. Первая опредѣлялась разно. По словамъ Боплана, она взималась въ размѣрѣ одного вола въ три года съ крестьянскаго хозяйства. Пчеляная десятина заключалась въ уплатѣ десятаго улья съ пасѣки. Въ пользу владѣльца, сверхъ того, шелъ цѣлый рядъ другихъ доходовъ: выморочное имущество послѣ крестьянъ, имущество, оставшееся послѣ бѣглецовъ, разные судовые штрафы и поборы. Что касается барщины, то она, у Конецпольскаго не была большой. Крестьяне обязаны были сжать, свезти и смолотить по двѣ копы какого-нибудь хлѣба, одинъ день косить сѣно, свезти накошенное и сложить въ стогъ, привезти въ теченіе года два воза дерева, возить поташъ. Съ нихъ взималось, кромѣ того, съ дыма (хаты) по курицѣ, а отъ четырехъ хатъ по гусю. Кто не имѣлъ, платилъ деньгами.

Поборы разнообразились. По отдѣльнымъ мѣстностямъ они имѣли тенденцію къ увеличенію. Арендный контрактъ Іереміи Вишневецкаго, заключенный въ 1647 году, наканунѣ возстанія Богдана Хмельницкаго [1]) служитъ доказательствомъ этого. О томъ же говоритъ лѣтопись Самовидца, объясняя причины возстанія Богдана Хмельницкаго. Самовидецъ обвиняетъ арендаторовъ-евреевъ въ томъ, что они выдумывали все новые и новые поборы. Очевидно, не одни евреи дѣлали это. Сдача имѣній въ аренду въ лѣвобережной Украинѣ.

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, кн. VII, т. I, стр. 461.

была далеко нерѣдкимъ явленіемъ. Владѣльцы обыкновенно не жили въ своихъ владѣніяхъ. На это жалуется Самовидецъ. Хозяйничали старосты, намѣстники и арендаторы, и дѣлали что хотѣли.

Усиленіе экономическаго гнета съ одной стороны, разгромъ козаковъ въ 1630-хъ годахъ съ другой, и тѣ суровыя мѣры, которыя были предприняты польскими властями противъ возставшихъ, заставляли населеніе оставлять недавно основанныя хозяйства въ лѣвобережной Украинѣ и двигаться дальше на востокъ, за московскій рубежъ, въ предѣлы московскаго государства.

Московскій рубежъ.

Со времени литовскаго завоеванія лѣвобережной Украины до присоединенія ея къ Москвѣ московскій рубежъ, отдѣлявшій Украину, не былъ постояненъ, и не разъ мѣнялся, въ зависимости отъ политическихъ событій. Въ началѣ XVI вѣка, какъ можно видѣть на картѣ, составленной проф. М. К. Любавскимъ и приложенной къ его изслѣдованію объ „областномъ дѣленіи и мѣстномъ самоуправленіи литовско-русскаго государства“, рубежъ этотъ проходилъ въ западной части Черниговщины. Южнѣе Кіева, на р. Трубежѣ онъ поворачивалъ круто къ востоку и шелъ почти по прямой линіи по направленію къ Путивлю. Не доходя до р. Сейма, западнѣе Путивля, граница поворачивала на юго-востокъ и шла изломанной линіей къ устьямъ р. Орели и верхнему теченію р. Самары.

Въ XVI вѣкѣ московскій рубежъ съ польско-литовскимъ государствомъ частично не разъ измѣнялся. Въ научной литературѣ исторія этихъ измѣненій совершенно не изслѣдована.

Существенно измѣнился московскій рубежъ въ XVII вѣкѣ послѣ деулинскаго перемирія и, въ особенности, послѣ поляновскаго мира. Для проведенія границы между Москвой и польско-литовскимъ государствомъ, согласно условіямъ мирнаго доровора, были назначены коммиссіи съ той и другой стороны. Граница

была проведена вчернѣ еще въ 1636—1638 годахъ. Съ присоединеніемъ черниговово-сѣверской земли къ Москвѣ, въ предѣлахъ Черниговщины, московскій рубежъ отодвинулся далеко къ востоку и почти совпалъ съ границами теперешней черниговской губерніи. Въ Полтавщинѣ, послѣ продолжительныхъ споровъ между Москвой и Литвой, пограничная черта въ 1638 году, по предложенію польскихъ пословъ, была установлена такимъ образомъ: вверхъ по р. Сухому Ромну къ Дехановскому и Недрыгайловскому городищамъ; рѣкою Терномъ до р. Бобрика; перейдя Бобрикъ и Сулу до Городецкаго городища, которое оставалось за Москвой, до р. Псла; Псломъ внизъ до Каменнаго городища, оставленнаго за поляками; перейдя Псёлъ по притоку его Олешницѣ до р. Ворсклы; Ворсклой до Скельскаго городища, которое отошло къ Москвѣ; возлѣ Бельскаго городища черезъ р. Ворсклу до р. Мерла; перейдя Мерлъ къ Коломаку; перейдя его до р. Орчика, вверхъ по Орчику до Муравскаго шляха.

Подробное размежеваніе продолжалось и послѣ 1638 г. Составъ коммиссіи нѣсколько разъ мѣнялся. Съ польской стороны въ числѣ коммиссаровъ участвовалъ въ размежеваніи и извѣстный уже намъ Адамъ Кисель (выше стр. 395). Часть подробнаго акта размежеванія, составленнаго въ 1647 году, напечатана В. И. Холмогоровымъ въ „чтеніяхъ въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей за 1885 годъ“. Она касается только южной половины лѣвобережной Украины, а именно, разграниченія современной полтавской губерніи отъ московскихъ владѣній.

Въ основу межевого акта легли, повидимому, границы, установленныя еще въ 1638 году, а, быть можетъ, существовавшія и раньше этого времени. По границѣ были установлены межевые знаки: покопаны копцы, въ нѣкоторые изъ нихъ положены уголья, черепки и береста, прорѣзаны рвомъ курганы, установлены кресты, сдѣланы насѣчки на деревьяхъ или высѣчены буквы:

польское *вѣди* на польской сторонѣ, русское *цы* и *мыслете* на московской. Знаки были сдѣланы на деревьяхъ самыхъ разнообразныхъ, большею частью, даже непрочныхъ породъ, какъ осина, ольха, липа, кленъ. Попадался, конечно, и дубъ. Межевые знаки были, такимъ образомъ, недолговѣчны и легко могли служить предметомъ пограничныхъ недоразумѣній, тѣмъ болѣе, что между лѣвобережной Украиной и московскимъ государствомъ никогда не было естественныхъ границъ. Проходила ли граница западнѣе, восточнѣе, она являлась искусственной, такъ какъ дѣлила земли, вполнѣ сходныя, по своимъ природнымъ условіямъ. Однѣ изъ нихъ являлись продолженіемъ другихъ. И рѣки, начавшись въ предѣлахъ московскаго государства, текли дальше по территоріи польско-литовскаго государства и впадали въ Днѣпръ или въ его притоки съ лѣвой стороны.

Природныя условія сыграли крупную роль въ исторіи передвиженія украинскаго населенія на востокъ въ предѣлы московскаго государства. Для народной колонизаціи никакихъ границъ, кромѣ естественныхъ, не могло существовать. Она, поэтому, свободно двигалась черезъ политическую границу, не считаясь ни съ какими политическими трактатами. Пограничные споры между литовскимъ и московскимъ государствомъ на украинской границѣ въ XVI и XVII в. происходили постоянно. Имѣя свои уходы поВорсклѣ, Хоролу и другимъ рѣкамъ, украинцы свободно двигались по бассейнамъ этихъ рѣкъ, переходили московскую границу, нападали на торговые караваны, занимались разбоями, грабили пасѣки и угоняли стада у мирныхъ жителей московскаго пограничья. Эти украинскіе „уходники" заходили не только въ путивльскій уѣздъ, но и далеко на югъ, въ степь, къ Дону.

Запорожцы и донскіе козаки

У запорожскихъ козаковъ съ донцами были давнія отношенія. Народная поэзія указываетъ на существованіе ихъ еще въ XVI вѣкѣ. Если вѣрить словамъ

запорожскаго гетмана Алексѣя Шафрана, въ началѣ XVII ст. между Дономъ и Запорожьемъ были постоянныя сообщенія. Многіе запорожцы проживали на Дону по пять, шесть лѣтъ и затѣмъ снова возвращались домой, на Запорожье. Тоже дѣлали и донцы. Донцы принимали участіе въ народныхъ возстаніяхъ на Украинѣ въ 1637—1638 годахъ (стр. 425). Есть немного указаній и на то, что въ XVII в. главнѣйшія предпріятія донскихъ козаковъ не обходились безъ участія и запорожцевъ. Часть запорожцевъ была съ донцами и при осадѣ Азова въ 1642 году.

Далекій путь отъ Запорожья на Донъ проходилъ по степи и давалъ широкій просторъ разнаго рода „промысламъ" надъ всѣми, кто попадался по пути. Въ степи промышляло не мало „черкасскихъ ватагъ". Они занимались разбоями и нападали на мирныхъ пасѣчниковъ и земледѣльцевъ, которые осѣдали тамъ. Въ 1644 году, напримѣръ, донская старшина жаловалась, что изъ Литвы пашло много народу, болѣе семисотъ человѣкъ. Засѣли они на Дону и Днѣпрѣ, громятъ и разбиваютъ донскихъ козаковъ.

Движеніе украинскаго населенія въ московскіе предѣлы.

Разбои эти привлекали значительное количество украинцевъ на московскую территорію. Но рядомъ съ ними шла и мирная колонизація. Въ первую половину XVII вѣка она была еще сравнительно незначительной стала развиваться только съ конца 1630-хъ годовъ.

Первоначальное заселеніе лѣвобережной Украины двигалось, какъ извѣстно, по рѣкамъ и рѣчкамъ. Большое значеніе для движенія украинской колонизаціи въ предѣлы московскаго государства имѣло то обстоятельство, что важнѣйшіе лѣвые притоки Днѣпра берутъ свое начало на территоріи, которая считалась во власти не Литвы, а Москвы. Заселяя берега рѣкъ, поселенцы, естественно и незамѣтно двигались вверхъ и переходили черезъ московскій рубежъ.

Условія, въ которыхъ проходила жизнь Украины въ XVII в. особенно способствовали этимъ переходамъ.

Въ XVII в. усилилось помѣщичье хозяйство въ лѣвобережной Украинѣ, усилился крѣпостной гнетъ и поборы съ крестьянъ. Послѣдніе шли на лѣвый берегъ, такъ какъ надѣялись найти на новыхъ мѣстахъ дѣйствительную свободу отъ помѣщичьяго гнета. Эти переселенцы были народъ еще не осѣвшій вполнѣ, чрезвычайно подвижный. Большинство ихъ, по отзыву побѣдителя козаковъ Николая Потоцкаго, легко бросало свое хозяйство и приставало къ недовольнымъ, усиливая козацкіе отряды. Другіе просто снимались съ мѣстъ и шли искать новыхъ, гдѣ бы можно было жить вполнѣ независимымъ хозяйствомъ. Вотъ почему передвиженіе населенія въ московскіе предѣлы начинаетъ съ особой ясностью обнаруживаться въ 1630-хъ годахъ, въ особенности же послѣ разгрома козаковъ въ 1638 году. На лѣвомъ берегу Днѣпра послѣ деулинскаго перемирія, стали заводиться порядки, похожіе на порядки правобережной Украны. Народъ, отстаивавшій свою свободу, потерпѣлъ пораженіе, долженъ былъ или безропотно покориться или, поневолѣ, идти дальше.

И онъ шелъ.

Колонизація южной окраины московскаго государства.

Переселенія изъ литовскаго государства въ московскіе предѣлы наблюдались уже давно. „Литовскіе выходцы" извѣстны въ Москвѣ съ XV ст. Сначала переходили преимущественно князья со своими вотчинами, а со второй половины XVI ст. на службѣ московскаго государства появляются и козаки. Въ 1557 году въ Москву пріѣхали послы отъ князя Дмитрія Вишневецкаго-Байды съ челобитьемъ къ Ивану Грозному о принятіи его на службу.

При Федорѣ Ивановичѣ и въ послѣдующее время, количество украинскихъ выходцевъ на службѣ въ московскомъ государствѣ значительно увеличилось. Это стоитъ въ связи съ движеніемъ московской государственной колонизаціи на югъ, въ степь.

Границы московскаго государства на югѣ развивались медленно. Медленно, поэтому, двигалась и коло-

низація. Мѣшали татары. Они были сосѣдями Руси, постоянно ее тревожили, а сами были неуловимы въ безконечныхъ степяхъ. Въ XVI в. самою южною частью московскаго государства были теперешнія губерніи черниговская и отчасти курская. Это такъ называемая Сѣверская Украина. Путивль и Рыльскъ были центральными городами южной сторожевой линіи. Возлѣ нихъ проходилъ путивльскій рубежъ между Москвой и польско-литовскимъ государствомъ. Отсюда, далеко въ степь, разъѣзжала сторожа и станичники, охранявшіе границы государства и наблюдавшіе за движеніемъ татаръ.

При Федорѣ Ивановичѣ московская граница выдвинулась значительно на югъ: построены были Ливны, Воронежъ, возобновленъ старинный Курскъ, основанъ Бѣлгородъ, теперь уѣздный городъ курской губерніи. Стала, такимъ образомъ, заселяться польная украина, названная такъ, по характеру мѣстности, отъ слова поле. Польная украина представляла собой равнину, отчасти покрытую лѣсами. При Борисѣ Годуновѣ движеніе на югъ и постройка новыхъ городовъ продолжалась. На правомъ берегу р. Оскола, впадающаго въ Донецъ, былъ построенъ городъ Царевъ Борисовъ.

Смутное время задержало постройку новыхъ городовъ, и она возобновилась только при Михаилѣ Феодоровичѣ и достигла интенсивности послѣ поляновскаго мира, начиная съ 1636 года. Въ это время были основаны Тамбовъ, Усердъ, Короча, Чугуевъ и другіе города.

Съ постройкой городовъ была связана и колонизаціонная дѣятельность московскаго правительства.

Первыми прочными поселенцами во вновь основанныхъ городахъ являлись служилые люди. Ихъ насильственно поселяло правительство. Служилые люди, большею частью, были земледѣльцами и старались, конечно, занимать для себя лучшія земли и угодья. Населеніе вновь основанныхъ городовъ не было значительно. О селахъ уже и говорить нечего.

„Черкассы" на службѣ московскаго государства.

Служилые люди неохотно шли въ украинные города. Въ виду татарскихъ набѣговъ, жить тамъ было не безопасно. Правительство постоянно испытывало нужду въ служилыхъ людяхъ для украинныхъ городовъ. Приходилось прибѣгать къ пріему на службу черкассъ (украинцевъ). Проф. Д. И. Багалѣй говоритъ, что при Иванѣ IV, Федорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Годуновѣ черкассы въ московскомъ государствѣ являлись скорѣе въ качествѣ союзниковъ, нежели служилыхъ людей. Подобно князю Димитрію Вишневецкому, отдѣльные атаманы со своими отрядами поступали на службу Москвѣ. Имѣются свѣдѣнія, что московское правительство въ 1593 г. пользовалось услугами извѣстнаго козацкаго предводителя Криштофа Косинскаго (см. выше стр. 220).

Наряду съ черкассами-союзниками на службѣ московскаго государства встрѣчались и черкассы, которые становились подданными Москвы и несли службу какъ и московскія служилые люди. Ихъ бывало значительное число, особенно по южнымъ городамъ, въ уѣздахъ путивльскомъ, оскольскомъ, ливенскомъ. Въ 1582 году, напримѣръ, изъ Путивля въ поле было отпущено 45 черкассъ; въ 1589 году говорится о посылкѣ изъ Ливенъ 200 козаковъ и черкассъ. По свидѣтельству Маржерета, въ смутное время въ московскихъ войскахъ на службѣ было до четырехъ тысячъ черкассъ. Московское правительство, повидимому, было довольно ихъ службой. Черкассы несли пограничную службу, разъѣзжали по степи, боролись съ воровскими элементами, которыхъ много бродило въ степныхъ мѣстностяхъ.

Вѣроятно, тотъ же недостатокъ служилыхъ людей заставлялъ московское правительство принимать на службу черкассъ и послѣ смутнаго времени. По свѣдѣніямъ, собраннымъ проф Д. И. Багалѣемъ, черкассы, въ небольшомъ количествѣ, встрѣчались почти во всѣхъ украинныхъ городахъ, даже самыхъ отдаленныхъ. Въ Тулѣ, напримѣръ, въ 1614 году было 170 черкассъ, въ

Казани въ 1626 году—220, въ Свіяжскѣ—48, въ Тобольскѣ—28 и т. д. Въ 1619 году, при уходѣ гетмана Сагайдачнаго (выше стр. 275) изъ московскихъ предѣловъ, триста черкассъ перешло въ подданство московскаго царя.

Народная украинская колонизація въ московскіе предѣлы.

Вмѣстѣ со служилой колонизаціей шла и народная украинская колонизація [1]). Между ними однако, была существенная разница. Украинцы—служилые люди, разсѣяные по различнымъ городамъ, среди чуждаго населенія, скоро, вѣроятно, теряли свой національный характеръ. Народная же колонизація двигалась постепенно. Поселенцы занимали излюбленныя мѣста, основывали на нихъ хозяйства и, живя поселкомъ, вмѣстѣ, сохраняли свои національныя черты.

Подмѣтить начало украинской народной колонизаціи въ московскіе предѣлы и прослѣдить первые ея шаги, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, не представляется возможнымъ. Можно думать, что народная колонизація стала развиваться тогда, когда Сѣверщина еще принадлежала Москвѣ, т. е. до деулинскаго перемирія, и когда украинское населеніе Черниговщины не отдѣляла отъ московскаго государства политическая граница. Естественной же границы между современной черниговской губерніи и смежными съ ней великорусскими губерніями орловской и курской, какъ извѣстно, нѣтъ.

Развитію народной колонизаціи способствовали событія на Украинѣ лѣвобережной послѣ деулинскаго перемирія. Въ 1630-хъ годахъ, послѣ возстанія подъ начальствомъ Тараса Трясила (выше ст. 342) эмиграція украинскаго народа за московскій рубежъ усилилась. Тоже мы видимъ и послѣ возстанія Павлюка,

[1]) Вопросъ о характерѣ великорусской и украинской колонизаціи въ свое время вызвалъ научный споръ. Нѣкоторые оспаривали мнѣніе проф. Д. И. Багалѣя о государственномъ характерѣ великорусской колонизаціи. Ср. проф. *Д. И. Багалѣй.* Очерки изъ русской исторіи, т. 2-й. Харьковъ, 1913 г., стр. 231 и слѣд.

Остранина и Гуни въ 1637—1638 годахъ (выше стр. 402), а также и въ послѣдующее время, когда суровая реакція польскаго правительства на Украинѣ стремилась наложить на украинское населеніе свою тяжелую руку.

Въ 1638 г. явились въ Бѣлгородъ (курской губ.) козаки во главѣ съ гетманомъ Яцкомъ Остраниномъ (см. выше стр. 420). Ихъ было около 865 человѣкъ. Они пришли, какъ переселенцы, съ женами, дѣтьми, съ лошадьми, коровами, овцами. Среди нихъ не всѣ были воинами; не мало было пашенныхъ мужиковъ и мастеровыхъ. Это было, по мнѣнію проф. Д. И. Багалѣя, первое массовое переселеніе украинцевъ въ предѣлы Слободской Украины. Переселенцевъ привели къ присягѣ и разрѣшили построить городъ на Чугуевомъ городищѣ. Такъ возникъ въ степи Чугуевъ. Украинское населеніе въ немъ продержалось, какъ мы уже видѣли (стр. 427), недолго. Начались раздоры. Остранинъ былъ убитъ. Чугуевскіе поселенцы въ 1641 году вернулись въ предѣлы польскаго государства. На ихъ мѣсто въ Чугуевѣ были поселены русскіе служилые люди.

Какъ и раньше, мы встрѣчаемъ поселеніе украинскихъ выходцевъ по разнымъ русскимъ пограничнымъ городамъ. Въ 1639 году въ Курскѣ были поселены и надѣлены землями 300 черкассъ; 130 семействъ были поселены въ Черни (тульской губ.), 150 человѣкъ—въ Кромахъ (орловской губ.), 57 человѣкъ—въ Бѣлгородѣ. Въ Корочѣ (курской губ.) въ 1640 г. насчитывалось уже 466 черкассъ.

Направленіе украинской народной колонизаціи и ея причины.

Изъ пограничныхъ споровъ между Москвой и польскимъ государствомъ въ 1640-хъ годахъ видно, что съ литовской стороны постоянно убѣгали люди на московскую. Въ 1646 году имѣются, напримѣръ, свѣдѣнія о приходѣ въ Чугуевъ 205 человѣкъ изъ Опошни (полтавской губ. зѣньковск. уѣзда). Есть указанія, къ которымъ, впрочемъ, проф. Д. И. Багалѣй относится недовѣрчиво, что въ 1645—1647 г. сразу переселилось за

московскій рубежъ до 1247 украинскихъ семействъ. Такъ какъ движеніе населенія въ лѣвобережной Украинѣ, шло, главнымъ образомъ, по рѣкамъ отъ устья къ истокамъ, то первоначальныя украинскія поселенія въ теперешней харьковской губерніи возникали преимущественно къ сѣверу отъ р. Ворсклы и до 1654 г., т. е. до соединенія Украины съ Москвой, сравнительно рѣдко переходили черезъ такъ называемую бѣлгородскую черту [1]). Въ первую половину XVII в. народная украинская колонизація направлялась преимущественно къ сѣверу отъ этой черты. Оттого въ той мѣстности почти не находимъ городовъ. Города основывались по пограничнымъ линіямъ. Къ сѣверу же отъ бѣлгородской черты преобладали села и небольшіе хутора при рѣчкахъ, мельницахъ и пасѣкахъ. Характеръ народной колонизаціи и здѣсь былъ такой же, какъ мы встрѣчали въ лѣвобережной Украинѣ.

Въ первой половинѣ XVII в. мѣстность эта относилась къ путивльскому уѣзду. На основаніи писцовой книги по Путивлю и путивльскому уѣзду 1626—1627 годовъ, покойный проф. И. Н. Миклашевскій сообщилъ нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія о хозяйственномъ бытѣ этой мѣстности и о способахъ ея заселенія. Главнымъ занятіемъ жителей была пашня и бортевое пчеловодство. Лѣсовъ было еще много. Устройство бортей и пасѣкъ привлекало сюда украинскихъ поселенцевъ. При пасѣкахъ возникала обыкновенно пашня и поселеніе. Къ срединѣ XVII в. бортевое пчеловодство мало-по-малу стало уступать мѣсто пасѣчному. Послѣднее велось по самой примитивной системѣ, съ убоемъ пчелъ и, въ сущности, мало измѣнилось и въ наше время.

[1]) *Бѣлгородская черта* окончательное устройство получила въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Это былъ рядъ пограничныхъ укрѣпленій, сосредоточіемъ которыхъ былъ городъ Бѣлгородъ на Донцѣ. Бѣлгородская черта начиналась у р. Ворсклы и шла черезъ Ахтырку, Вольное, Хотмыжскъ, Карповъ, Бѣлгородъ, Корочу, Новый Осколъ, Острогожскъ, Воронежъ, Усманъ и др. Всего бѣлгородская черта заключала въ себѣ 27 городовъ.

Поселенцы сходились изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ Украины. Большинство, все-таки, вѣроятно, приходило изъ южной части Черниговщины и изъ Полтавщины. Въ документахъ встрѣчаются указанія на Гадячъ, Варву, Лохвицу, Миргородъ и другіе мѣста полтавской губерніи. Въ Слободской Украинѣ преобладаетъ, поэтому, въ настоящее время украинскій говоръ.

Главная масса украинскихъ переселенцевъ пришла сюда позже, послѣ 1654 года и въ особенности въ послѣдней четверти XVII вѣка, въ связи съ „руиной". Тогда возникло большинство украинскихъ поселеній въ Слободской Украинѣ. На территоріи ея встрѣтились два потока колонизаціи—великорусскій и украинскій, и поселенія ихъ причудливо перемѣшались и размѣстились на пространствѣ курской, харьковской и воронежской губерній.

Какъ уже не разъ указывалось, украинскихъ переселенцевъ гнали въ московскіе предѣлы, главнымъ образомъ причины соціально-экономическаго характера. Въ 1618 году комиссары, производившіе вводъ во владѣніе Раины Вишневецкой въ Полтавщинѣ, услышали отъ громады большія жалобы на всевозможные неслыханные поборы съ жителей какъ деньгами, такъ скотомъ, медомъ, горілкой и селитрой. Этими поборами жители были доведены до убожества и около половины ихъ разошлось Конечно, они направлялись туда, гдѣ были болѣе гарантированы отъ притязаній помѣщичьей власти. Въ этомъ отношеніи, зарубежныя московскія пограничныя земли, гдѣ помѣщиковъ еще не было, а земли было много, представляли много выгодъ и удобствъ.

Опасность суровой расправы послѣ народныхъ возстаній, немало также должна была способствовать переходу украинскаго населенія черезъ московскую границу. Мы знаемъ, что крестьяне, жители лѣвобережной Украины, принимали видное участіе въ возстаніи Павлюка, Остранина и Гуни и на нихъ съ особой силой

обрушился жестокій гнѣвъ Николая Потоцкаго. Чувство самосохраненія, естественно, должно было побуждать населеніе сниматься съ мѣстъ и искать за московской границей, внѣ предѣловъ досягаемости, болѣе спокойныхъ и безопасныхъ условій жизни. Примѣры такого переселенія мы видимъ въ уходѣ въ московскіе предѣлы Остранина съ значительнымъ отрядомъ, Гуни и др.

Козаки Остранина выставляли, кромѣ того, и религіозный мотивъ для своего перехода. Въ челобитной они указывали на то, что поляки хотѣли обратить ихъ въ католичество, стали избивать ихъ самихъ, женъ и дѣтей. Одинъ изъ козаковъ въ распросѣ показалъ, что козаки стоятъ противъ поляковъ за вѣру и, если Богъ помилуетъ ихъ, то они со всѣмъ войскомъ и снарядомъ придутъ въ московское государство. Въ другія земли они не хотятъ идти. Тамъ живутъ невѣрные.

Переходы украинскаго духовенства въ Москву и причины ихъ.

Религіозный мотивъ при переселеніи козаковъ Остранина не игралъ, конечно, первенствующей роли. Но для нѣкоторыхъ группъ украинскаго населенія, напримѣръ, для духовенства онъ являлся главной побудительной причиной къ переселенію за московскую границу.

Сношенія украинскаго духовенства съ московскимъ свѣтскимъ и духовнымъ правительствомъ по дѣламъ милостыни относится къ XVI вѣку. Введеніе уніи въ Западной Руси и сознаніе опасности, грозившей отъ нея православію, заставляли лицъ духовныхъ на Украинѣ обращать все больше и больше свои взоры въ сторону Москвы. Въ Москвѣ, однако, относились къ украинскому духовенству недовѣрчиво, заподозрѣвали ихъ православіе, и, если кто изъ нихъ переселялся въ Москву, тѣхъ даже перекрещивали.

Количество выходцевъ изъ украинскаго духовенства особеннно стало возрастать съ 1620-хъ годовъ, когда, съ возстановленіемъ кіевской митрополіи и іерархіи, усилилась въ литовско-русскомъ государствѣ борьба за права православной церкви (см. выше

стр. 75). Наиболѣе пассивные и нетвердые изъ духовныхъ бросали свою родину и переходили въ Москву. Среди нихъ было, вѣроятно, немало и такихъ, которыхъ влекли въ Москву личныя выгоды. Уже въ 1622 году посланные въ Москву за милостыней монахи говорили тамъ о готовности 150 монаховъ переселиться въ московское государство. Проф. К. В. Харламповичъ собралъ по годамъ свѣдѣнія о лицахъ изъ монаховъ и бѣлаго духовенства, пріѣзжавшихъ въ Москву за милостыней или переселявшихся туда совсѣмъ. Среди переселившихся въ 1625 году встрѣчаемъ и епископа владимиро-брестскаго Іосифа Коріатовича Курцевича, бывшаго игумена козацкаго терехтемировскаго монастыря (выше стр. 75), человѣка очень образованнаго, учившагося въ падуанскомъ университетѣ. Курцевичъ получилъ въ Москвѣ суздальскую каѳедру, но велъ себя недостойно и былъ въ 1634 году лишенъ святительскаго сана.

Мѣры, принятыя въ Польшѣ въ началѣ 1630 годовъ для успокоенія православной церкви (выше стр. 100) нѣсколько ослабили уходъ лицъ духовныхъ въ Москву. Въ 1635 и 1636 годахъ замѣчаются даже случаи обратнаго возвращенія на Украину ушедшихъ раньше. Затишье, однако, было только временнымъ. Въ концѣ 1630-хъ годовъ, въ разгаръ козацкихъ возстаній и жестокой реакціи противъ нихъ польскаго правительства, уходъ духовныхъ въ Москву снова значительно усилился, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, принялъ даже массовой характеръ.

Переселеніе монаховъ лубенскихъ монастырей.

Въ 1638 году рѣшили уйти въ Москву монахи густынскаго и мгарскаго монастырей и монахини ладинскаго монастыря. Монастыри эти возникли въ началѣ XVII вѣка (1612—1619 г.) въ лубенскихъ имѣніяхъ князей Вишневецкихъ и устраивались при ближайшемъ содѣйствіи Исаи Копинскаго. Одно время онъ былъ даже настоятелемъ густынскаго монастыря. Монастыри двинулись въ Москву по взаимному уговору.

Густынскіе монахи и ладинскія монахини вышли почти поголовно. Настоятель же лубенскаго мгарскаго монастыря Каллистрать, въ послѣднюю минуту раздумалъ, остался на мѣстѣ, и изъ лубенскаго монастыря ушло только 14 монаховъ. Монахи и монахини ушли, захвативъ церковное и монастырское имущество, но по дорогѣ въ Путивль были ограблены. Изъ Путивля, который служилъ этапомъ для всѣхъ выходцевъ изъ Украины въ Москву, монаховъ и монахинь переправили дальше. Изъ ладинскаго монастыря, кромѣ игумена, попа и игуменьи, ушло 50 сестеръ съ 16 служками и пѣвцами. Монаховъ прибыло въ московскую землю 77, съ ними 16 послушниковъ и 67 душъ крестьянъ. Монахини были поселены въ никольскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ Алатырѣ. Для монаховъ же отвели „амбросинъ“ дудинъ монастырь въ нижегородскомъ уѣздѣ.

Такой массовой уходъ монаховъ и монахинь въ московское государство былъ вызванъ многими причинами. Монаховъ польскія власти обвиняли и, думается, не безъ основаній, въ сношеніяхъ съ козаками и возставшимъ народомъ. Для монаховъ, поэтому, создавалось опасное положеніе на Украинѣ. Мгарскій игуменъ Каллистратъ съ нѣсколькими монахами былъ, напримѣръ, арестованъ по обвиненію въ сношеніяхъ съ козаками, судимъ въ польскомъ лагерѣ, но оправданъ. Въ интересной перепискѣ мгарскаго игумена съ ушедшими монахами указывается еще на одну соціальную причину ухода монаховъ—на зависимость ихъ отъ воли папа. „А ласка всякаго папа, пишетъ густынскій игуменъ, на волоску виситъ; когда она порвется, то все приходится потерять“.

Наряду съ соціальными при уходѣ монаховъ играли выдающуюся роль и религіозные мотивы. Густынскіе монахи и ладинскіе монахини боялись обращенія въ унію. А у страха глаза велики. Надъ этой неосновательной боязнью подсмѣивался мгарскій игуменъ въ извѣстной уже намъ перепискѣ. На упреки

густынскаго игумена въ склонности къ уніи, игуменъ мгарскій выражалъ недоразумѣніе, что это за страшная такая унія: „чи зъ рогами, чи зъ голипятыми ногами, чи зъ усомъ, чи зъ бородою великою, чи пѣша, чи ѣздить“. Ясно, что мгарскій игуменъ считалъ страхи передъ уніей преувеличенными. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ.

Опасенія уніи вызывались не столько реальными обстоятельствами, сколько раждались на почвѣ отношеній и борьбы въ средѣ самой украинской православной церкви. Споръ за кіевскую митрополичью каѳедру между Исаей Копинскимъ и Петромъ Могилой и побѣда послѣдняго породили много всевозможныхъ слуховъ, особенно среди монаховъ тѣхъ монастырей, которые были устроены при ближайшемъ посредничествѣ Копинскаго и были съ нимъ морально связаны. Они считали своимъ долгомъ защищать интересы Копинскаго. Въ числѣ упрековъ мгарскому игумену Каллистрату ушедшіе въ Москву монахи выставляли и то, что онъ отрекся отъ Исаи Копинскаго и „мамона ради“ послѣдовалъ за другимъ пастыремъ. Пастыремъ этимъ былъ, конечно, Петръ Могила. Противъ него въ лубенскихъ монастыряхъ велъ дѣятельную пропаганду и самъ Исая Копинскій. Онъ писалъ игуменамъ густынскому и мгарскому, будто Петръ Могила поставленъ папою въ патріархи и далъ обѣщаніе превратить въ костелы православныя церкви. Игумены черезъ монаховъ распространяли эти нелѣпые слухи въ народѣ. Петръ Могила въ народномъ воображеніи долженъ былъ вырисовываться, какъ измѣнникъ православію.

Моральная связь монаховъ лубенскихъ монастырей съ народнымъ возстаніемъ 1637—1638 г. не подлежитъ сомнѣнію. Результатомъ крушенія этого возстанія было стихійное движеніе украинскаго народа за московскій рубежъ и усиленіе колонизаціи пограничныхъ московскихъ земель послѣ 1638 года. Та же причина вызвала и массовой выходъ монаховъ въ Москву.

Оба эти явленія не только сближались, но были тѣсно связаны одна съ другимъ. Несмотря на это, между ними были и существенныя различія. Вызванное соціально-экономическими причинами переселеніе украинцевъ за московскій рубежъ, было чисто стихійнымъ. Народъ шелъ туда, гдѣ было свободнѣй, и гдѣ онъ могъ найти свободу отъ помѣщичьяго гнета и безопасность отъ правительственной расправы. Монахи уходили въ Москву сознательно. Въ основѣ ихъ ухода лежала мысль о подданствѣ Москвѣ.

Мысль эта зародилать среди духовенства давно. Съ ней мы встрѣчаемся еще въ 1620-хъ годахъ (стр. 309). Особенно она имѣла много приверженцевъ въ кругахъ, близкихъ къ Исаѣ Копинскому (стр. 330). Въ 1632 г. на корсунской радѣ козаки рѣшили бороться за православную вѣру до изнеможенія; а мочи не будетъ, отдаться подъ высокую руку царя московскаго. Исая Копинскій обѣщалъ бить за нихъ челомъ царю и патріарху. Самъ Исая Копинскій, какъ мы знаемъ, также стремился уйти въ Москву, но это ему не удалось.

Вражда между приверженцами Петра Могилы и Исая Копинскаго носила, такимъ образомъ, не одинъ только личный и религіозный характеръ, но и политическій. Приверженцы Копинскаго склонялись къ подданству Москвы; приверженцы Петра Могилы исключали этотъ вопросъ и были заняты устройствомъ православной церкви въ предѣлахъ Речи Посполитой. Они были защитниками и носителями польской государственной идеи того времени. Это сказалось и въ 1654 г., во время перехода Украины въ подданство Москвѣ. Преемникъ Петра Могилы митрополитъ кіевскій Сильвестръ Коссовъ, кіевское духовенство и шляхта вели себя сдержанно, выжидательно, не обнаружили радости отъ перехода Украины подъ власть Москвы и присягу принесли только послѣ колебаній. За это митрополитъ впослѣдствіи долженъ былъ оправдываться передъ царемъ.

Народныя массы, между тѣмъ, не были на сторонѣ политики Петра Могилы. Они боролись съ политическимъ и соціальнымъ строемъ, на который опиралась политика кіевскаго митрополита. Одно уже это не могло создать популярности Могилѣ. Авторитетъ его подрывала также пропаганда монаховъ лѣвобережныхъ монастырей. Лубенскіе монахи стояли за подданство Москвѣ. Они, въ концѣ концовъ, и ушли туда. Уходъ ихъ являлся пассивнымъ протестомъ противъ тенденцій, получившихъ господство въ православной церкви и казавшихся какъ бы измѣной національно-церковнымъ традиціямъ, защитникомъ которыхъ являлся Копинскій.

Переходы украинцевъ, по идейнымъ соображеніямъ, въ Москву, и одновременно усиленіе колонизаціоннаго движенія украинскаго населенія въ московскіе предѣлы подготовляли почву для соединенія Украины съ московскимъ государствомъ. Мысль о Москвѣ популяризировалась въ народныхъ массахъ, и рѣшеніе переяславской рады 8 января 1654 года не было, поэтому, случайнымъ. Оно было подготовлено въ сознаніи народномъ рядомъ причинъ экономическихъ, соціальныхъ, политическихъ и религіозныхъ и являлось результатомъ внутренней жизни Украины, въ особенности, Украины лѣвобережной въ XVII вѣкѣ и того колонизаціоннаго движенія на востокъ, которое и раньше 1654 года фактически стирало политическую границу между лѣвобережной Украиной и московскимъ государствомъ.

Значеніе переселеній украинцевъ за московскій рубежъ въ исторіи соединенія Украины съ Москвой.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ и ПРОПУСКИ.

Стран.	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ исправить:
	17 снизу	М. М. Любавскій	М. К. Любавскій
117	3 снизу	тоже	тоже
117	1 снизу	пропущено передъ словами „Проф. М. Ф. Владимирскій-Будановъ“	*Богдан Бучиньский* „Початки політичної карієри Остафія Дашковича„ въ „Записках науков. товар. імени Шевченка“, т. CXIII
128	въ разныхъ мѣстахъ	М. М. Любавскій	М. К. Любавскій
147	10 снизу	пропущено послѣ словъ „замка черкасскаго“	а также Богданъ Бучинскій
189	17 сверху	Но не только	Не только
211	9 сверху	Ябновскаго	Яблоновскаго
240	4 сверху	отданоно	отдано
299	18 сверху	Проф. Грушевскій показалъ	проф. Жуковичъ и проф. Грушевскій показали
319	6 сверху	пропущено послѣ слова „Россія“	и во второмъ томѣ „мемуаровъ, относящихся къ исторіи Южной Руси“.
400	1 снизу	1737	1637
409	16 снизу	польскіе	папскіе
410	10 сверху	круковской	куруковской
448	9 сверху	самимъ жа	самимъ же
464	17 снизу	вольницѣ	вольницы
477	6 сверху	бѣвомъ	лѣвомъ
482	14 сверху	матаріаломъ	матеріаломъ
482	9 снизу	Украины,	Украины.
482	3 снизу	1903	1905
486	14 снизу	сѣврюковъ	севрюковъ
486.	15 снизу	А. В. Лазаревскій	А. М. Лазаревскій.
490	9 сверху	воевооа	воевода
493	8 снизу	Федосію	Феодосію
559	2 снизу	Е. С. Филипповъ	Е. С. Филимоновъ.